

ОТЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ РУССКАГО СЛОВА.

По случаю приостановленія «РУССКАГО СЛОВА» на 8 мѣсяцевъ въ прошломъ 1862 году, Редакція почла долгомъ немедленно приступить къ удовлетворенію своихъ подписчиковъ за недоданныя книжки журнала. Съ этою цѣлью она повѣстила каждого изъ тѣхъ своихъ подписчиковъ, адреса которыхъ были извѣстны Главной Конторѣ «РУССКАГО СЛОВА», особеннымъ письмомъ, предложивъ на выборъ слѣдующіе три способа удовлетворенія: 1) или получить обратно деньги—7 р. за недоданныя книжки; 2) или принять нижеозначенными изданіями *) на сумму, равную 7 р.; 3) или оставить слѣдующія къ возврату деньги на 1863 годъ, въ счетъ будущей подписки на «РУССКОЕ СЛОВО», изданіе котораго, по истеченіи запретнаго срока, должно было возобновиться съ 1 февраля настоящаго года. Срокъ удовлетворенія былъ назначенъ отъ іюля по 1 декабря, т. е. впродолженіи пяти мѣсяцевъ; по мѣсяцію нашему этого времени было совершенно достаточно для заявленія желанія или требованія со стороны каждого подписчика, какъ бы мѣстожителство его отдаленно ни было.

Кромѣ этого предложенія, сдѣланнаго въ особенныхъ письмахъ, адресованныхъ на имя каждого подписчика, Редакція по нѣскольку разъ объявила о тѣхъ же условіяхъ во всѣхъ болѣе распространенныхъ газетахъ. Большинство гг. подписчиковъ благоволило отвѣтить Редакціи своевременно, оставивъ слѣдующія къ возврату деньги въ счетъ подписки на 1863 годъ. Нѣкоторые пожелали получить изданіями, которыя и были высланы имъ; потребовавшіе обратно деньги были удовлетворены согласно ихъ требованію.

Но не смотря на многія публикаціи и частныя письма, нѣкоторые изъ гг. подписчиковъ до сихъ поръ не извѣстили Редакцію ни о своихъ адресахъ, ни о своемъ желаніи получать «РУССКОЕ СЛОВО». Не зная адресовъ (старые могли въ теченіи 8 мѣсяцевъ

*) Изданія, предложенныя для удовлетворенія гг. подписчиковъ, были слѣдующія: Сочиненія А. Островскаго, въ 2 большихъ томахъ, 8 р., съ пересылкой 8 р. 75 к. Сочиненія А. Майкова, въ 2 томахъ, 2 р., съ пересылкой 2 р. 75 к. Повѣсти и рассказы М. Л. Михайлова, въ 2 томахъ 1 р., съ пересылкой 1 р. 50 к. Сочиненія Ш. Панаева, въ 4 томахъ, 3 р., съ пересылкой 4 р. 50 к. Сочиненія Л. Мей, въ 3 томахъ, 3 р. съ пересылкой 4 р. 50 к. Шапитинскія старинной рѣской литературы, составленные подъ редакціей г.г. Костомарова и Пыпина, въ 2 большихъ выпускахъ 3 р. съ пересылкой 3 р. 75 к. На всѣ эти изданія, отлично выполненныя въ типографскомъ и хозяйственномъ отношеніи сообразно крайне-умѣреннымъ ихъ цѣнамъ, дѣлается уступка 20% съ вышеозначенной цѣны. Та же уступка сдѣлана и при удовлетвореніи гг. подписчиковъ за недоданныя книжки «РУССКАГО СЛОВА».

измѣниться), Редакція не рѣшилась высылать таковымъ подписчикамъ самый журналъ до тѣхъ поръ, пока не получатъ отъ нихъ извѣщенія куда и на чье имя адресовать его. Между тѣмъ въ послѣднее время мы получали нѣсколько писемъ, въ которыхъ упрекаютъ насъ будто бы за недовѣріе тѣмъ лицамъ, отъ которыхъ мы не получили никакихъ отвѣтовъ и поэтому не выслали имъ «РУССКОЕ СЛОВО» на 1863 годъ. Такой упрекъ намъ кажется неосновательнымъ. Если Главная Контора приостановила высылку тѣмъ изъ нихъ, которыхъ, мѣстожителство не было заявлено ей, то это вовсе не потому, что не были получены отъ нихъ въ свое время добавочные 7 р., а по той очень понятной причинѣ, что Редакція доселѣ не знаетъ, кому и куда слѣдуетъ посылать книжки. Положимъ, что подписчикъ X получалъ «РУССКОЕ СЛОВО» въ 1862 году въ городѣ N; старый его адресъ въ книгахъ конторы сохранился; но почему же знать, что и въ 1863 году господинъ X находится въ томъ же городѣ N? Вотъ это-то обстоятельство и заставило Редакцію приостановить высылку журнала тѣмъ изъ подписчиковъ, которые не озаботились сообщить свои адреса своевременно. О недовѣрїи же здѣсь не можетъ быть и помину.

Поэтому еще разъ просимъ покорнѣйше господъ, не отвѣтившихъ намъ доселѣ, прислать ихъ адреса, по которымъ и вышлются имъ книжки «РУССКАГО СЛОВА».

Съ тѣмъ вмѣстѣ Главная Контора «РУССКАГО СЛОВА» проситъ покорнѣйше гг. подписчиковъ, которымъ уже высылается «РУССКОЕ СЛОВО» на 1863 годъ и которые не доплатили 7 р. къ оставшимся отъ прошлаго года, послѣшить высылкою этихъ денегъ. Въ противномъ случаѣ Главная Контора, опять не зная положительно — желаютъ ли они получать журналъ за весь 1863 годъ или ограничатся получениемъ только первыхъ шести книжекъ, будетъ поставлена въ затрудненіе рѣшить этотъ вопросъ. Высылка же денегъ разрѣшитъ наше сомнѣніе и доставка книжекъ будетъ продолжаться безостановочно.

Для скорѣйшаго удовлетворенія жалобъ и требованій со стороны гг. подписчиковъ, подписавшихся въ книжныхъ магазинахъ, Редакція повторяетъ свою просьбу относиться съ этими жалобами и требованіями прямо въ Редакцію «РУССКАГО СЛОВА». (адресъ ея Почтовому вѣдомству извѣстенъ). Только тогда можно рассчитывать на безотлагательное исполненіе просьбъ иногороднихъ подписчиковъ, и на своевременные отвѣты на ихъ письмамъ.

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ

1863

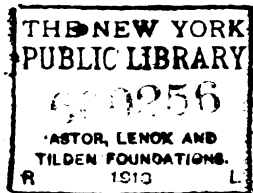
Май

М А Й.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ РЮМИНА И КОМП.

—
1863.

Одобрено цензурою. С.-Пеербургъ. 8 июня. 1863 г.

СОДЕРЖАНІЕ МАЙСКОЙ КНИЖКИ.

ОТДѢЛЪ I.

- РОДИТЕЛЬСКАЯ СУББОТА. (Нравоописательные очерки). Н. А. Потѣхинъ.
- УБЫТОЧНОСТЬ НЕЗНАНІЯ. Благотворительность. Заключение. (Окончаніе). Н. В. Шелгуновъ.
- ✓ ДВА МГНОВЕНІЯ. (Разсказъ). П. А. Гайдебуровъ.
- МИРОВОЙ СУДЪ. М. А. Филипповъ.
- СТУДЕНЧЕСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ. (Друзьямъ минувшаго). Н. М. Соколовскій.
- *. Стихотвореніе изъ В. Гюго. Н. С-м-к-в-тъ.
- САТИРЫ ЮВЕНАЛА. Д. Д. Минаевъ.
- ✓ ЗОЛОТОЙ ТЯЛЦЪ. (Романъ Чарльза Левра). Окончаніе первой части.
- ПИТТЬ И ЕГО ВРЕМЯ. В. П. Поповъ.

ОТДѢЛЪ II.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

- МОСКВА И НОВГОРОДЪ. Сѣвернорусскія народоправства во времена Удѣльно-вѣчевого уклада, соч. Н. Костомарова. Изд. Д. Е. Кожанчикова. 2 тома. 1863. Г. Е. Благосвѣтловъ.
- ТОРГОВЫЯ ПРЕСТУПЛЕНІЯ. Н. В. Соколовъ.
- БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Естественная исторія мірозданія, съ нѣмецкаго переводъ *Карла Фогта*. Перевелъ и дополнилъ примѣчаніями А. Пальховскій. Москва. Изданіе А. Черенина и А. Ушакова. 1863 года. — *Физиологическія картины Людовика Бюшнера*, автора *Kraft und Stoff*, перевелъ съ нѣмецкаго С. А. Усовъ. Москва. Изданіе А. И. Глазунова. 1862 года. — *Физиологическія письма Карла Фогта* перевели съ третьяго нѣмецкаго изданія (1861) Н. Бабкинъ и С. Ламанскій. Выпускъ первый. СПб. 1863. Изданіе Бакста. — *Вліяніе целлюлярной паталогіи на врачбную практику*. Соч. д-ра Рихтера, перев. Н. Розанова и В. Ельницкаго. Москва. 1863. — *Природа. Книга для чтенія дома и въ школѣ*, по шведскому сочиненію профессора Н. И. Берлина. Передѣлана для русскаго юношества П. Евстафьевымъ Санктпетербургъ. Изданіе М. О. Вольфа. 1863. — *Приготовительный курсъ ботаники*, составленъ по Любену Н. Раевскимъ. СПб. 1863. — *Физическое земледѣніе*, составлено Я. Печоринымъ. Выпускъ I, СПб. 1863. — *Вичная жизнь. Публичныя Читенія Эрнеста Навиля, бывшаго профессора филозофіи въ Женевѣ*. Переведено Свящ. Н. Сергіевскимъ, профессоромъ богословія въ московскомъ университетѣ. Москва. 1863. — *Этнографическія этюды*. Введеніе въ курсъ всеобщей исторіи. С. Ешевскаго. СПб. 1862.

ОТДѢЛЪ III.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИКА. Жакъ Леопольдъ.

Франція: Продолженіе выборовъ во Франціи. — Недовѣріе императорскаго правительства къ свободнымъ выборамъ націи. — Взглядъ буржуазіи на современное состояніе дѣлъ. — Нѣтъ свободы, но много порядка. — Мнѣніе г. Геру, выражающее мнѣніе большинства французскаго общества. — Австрія: Послѣднія реформы ея. — Признаніе гоштинскаго герцогства независимымъ, и отношеніе Даніи къ Германіи. — Пруссія: Закрытіе парламента и дальнѣйшее поведеніе правительства въ отношеніи народа. — Друзья короля — первые его недруги. — Воинственный азартъ консервативной прусской партіи. — Англія: Смерть военнаго секретаря Коривала Лювенса. — Поведеніе англійской аристократіи въ американскомъ вопросѣ.

ДОМАШНЯЯ ЛѢТОПИСЬ.

Нѣсколько словъ по поводу указа 17-го апрѣля. — Урокъ любителямъ розогъ и тѣлесныхъ истязаній вообще. — Услуги современной филантропіи. — Ея лицемеріе и несостоятельность. — Она можетъ только развить нищету, а не искоренить ее. — Примѣръ Англій, гдѣ филантропія достигла крайняго предѣла безсилія и поощряетъ одно лишь преступленіе. — Число преступленій въ Россіи. — Воровство — слѣдствіе нищеты. — Невѣжести экономистовъ-англомановъ. — Непростительная шалость г. Бабста — Зловоніе Петербурга и вновь открытый способъ уничтожить его. — Настоящая причина зловонія — наше невѣжество. — Послѣднія новости.

ДНЕВНИКЪ ТЕМНАГО ЧЕЛОВѢКА.

Бѣлыя финскія ночи и ихъ пѣвцы. — Итальянскія ночи, созданныя для любовниковъ, а не вскиа — для городовыхъ. — Афоризмъ М. Бурбонова. — Петербургъ лѣтомъ. — Лѣса, выросшіе на улицахъ. — Разрушенныя улицы. — Участъ бѣдныхъ городскихъ дѣтей. — Городъ, построенный для однихъ подагрическихъ старцевъ. — Городскіе сады. — Прозектъ г. Альварда объ устройствѣ публичныхъ садовъ, и Дума, отвергающая этотъ прозектъ. — Русская жизнь и судьба русскихъ женщинъ. — Прогулка съ моими читательницами. — Общество во вѣгонѣ царскосельской желѣзной дороги. — Отголоски общественнаго мнѣнія. — Нѣчто о *насловскомъ* журналѣ и *насловскомъ* воксалѣ. — Публика *слушающая* и *подслушивающая* Юганна Страуса. — *Преданіе* объ *И. И. Изльтъ*. — Дѣтняя пѣсня. — Минеральныя Воды и ихъ утѣшительныя вечера. — Прѣзняя *Ассамблея* — теперешній *Хуторокъ*. — Гулянья на островѣ *Тиволи*. — Безопасныя прогулки по Невѣ. — *Святба*, сцена въ стихахъ (съ натуры) — Петербургскія сомнамбуласткн. — Мой первый визитъ къ ясновидящей. — Сеансъ первый. — Провинціальныя извѣстія. — Цѣломудренный педагогъ въ юбкѣ — Бибія, какъ безвравственная книга для дѣтей. — Безгрѣшная классовая дама. — Городской голова въ училищѣ — Псковское уѣздное училище и его обстановка. — Тамбовскій помѣщикъ и итальянка. — Сибирскій голодъ — Для чего существуетъ въ Самарѣ общественный банкъ? — Самарскіе славянофилы обоого пола. — Мундиръ, дающій самостоятельность — Госпиталь на Кавказѣ. — Поголовное свидѣтельство женщинъ. — Взятка новаго рода.

РОДИТЕЛЬСКАЯ СУББОТА.

(Правописательные очерки).

«Суббота пятидесятницы. Поминовение усопших родителей». — Академическій мѣсяцесловъ.

«Честь имѣю извѣстить почтеннѣйшую публику, что на Васильевскомъ кладбищѣ устроены мною палатки, изъ которыхъ можно получать отиѣнные блины. Прошу не оставить своимъ посѣщеніемъ. Московскій купецъ... и т. д.

Изъ частныхъ объявленій Московскихъ Вѣдомостей.

— Ну и у купцовъ-то нынѣ подаанье — одна слава. Цѣльный годъ, каковъ серебряный гривенникъ, гривенника не видала. Ровно, Христа ради, нищимъ медюками подаютъ. Скупущій — разскупущій сталъ народъ.

— Что и говорить, Никитишна! Нудные года пошли. По церквамъ-то бѣгаешь, бѣгаешь въ воскресенье — рубля не выходишь.

— Какой тебѣ рубль. И на поминкахъ-то у купцовъ теперича такая мода пошла, чтобъ только народу болше на дворъ созвать, дуть-передъ дружкой этимъ хвастаютъ. А какой народъ, въ понятие себѣ этого не берутъ. Извѣстно, на Москвѣ чернеть собрать трудъ не великъ. Мѣднымъ грошомъ клики, такъ налетятъ *кусошники* да *комошники* ровно вороны на падаль. Нашей сестрѣ отъ этой новой моды житья нѣтъ. Вонъ Севрюгина, Мушникова хозяйка, померла, такъ срамъ сказать, всѣхъ безъ разбору по трешнику одѣляли... Очень мнѣ стало это обидно... Прикащикъ ихній одѣлялъ-то; я возьми, да съ параднаго крыльца и проберись къ самому. Ничего, допустялъ. Начала я ему, что такъ-де и такъ, бѣдная, благородная вдова, семеро

дѣтей, малъ-мала меньше, отъ вашей хозяйки благодареніями при жизни взысканы были,—не будетъ-ли милости чего на поминъ души, по нашему сиротству, пожаловать.—У меня, говорить, нигому отказу нѣтъ; ступай во дворъ, тамъ прикащикъ одѣляетъ. Я ему сейчасъ: ваше-де степенство, не ошибайтесь, прошу васъ; потому, хоша я бѣдная, а все штабъ-капитанша, не ошмыга какая, чтобъ наряду съ оборванцами-нищими на дворъ стоять. Какъ онъ, matka, на меня рыкнетъ.

— Рыкну-уль?

— То есть, такъ рыкнулъ, во всю глотку, ровно нашъ кварталный. Обозлился, глаза выпучилъ, позеленѣлъ весь; какъ только ноги унесла, перепугалась,—не помню.

— Да ты, можетъ, Никитишна, не слезно просила?

— Какъ не слезно, полно-ка. Глаза-то шалевымъ платкомъ терла—терла, такъ больно стало. Да каждое слово все на выхлипъ говорила... Не первогодна, порядки-то эти, слава Богу, знаю... Вотъ ихъ подаанье какое, а тоже мильёнщиками зовутся.

— Ахъ, грѣхи, грѣхи!.. Ну, а Корчагины-то какъ, Никитишна?

— Про Корчагиныхъ грѣхъ сказать. Купцы уважительные, по человѣку глядя, подаанье подаютъ: въ салоу ты на наперти стоишь—тебѣ одно подаанье, въ тулушишкѣ какомъ дырявомъ — другое, поменьше. Да вѣдь Корчагиныхъ-то у насъ, первой-другой, да и обчелся. По нынѣшнимъ годамъ сказать надо такъ, что съ нашимъ дѣломъ лихорадки не напишь...

— Такъ-то, кума, пойдемъ-ка скорѣй. Опоздали мы, matka, съ тобой; гляди что народу валить; въ воротахъ и теперь ужъ, чай, не проходная, базарь-базаромъ...

— Побѣжимъ, побѣжимъ, опоздали мы съ тобой...

Замолкли говорливыя кумушки-салоупницы и, прибавивъ шагу, продолжали пробираться по выбитымъ тротуаромъ грязной улицы. Вести эта улица къ *одному* изъ московскихъ кладбищъ... Названіа его мы не скажемъ, чтобъ не возбудить противъ этого очерка господъ, нетерпящихъ даже въ вымышленномъ разсказѣ собственныхъ именъ, лицъ и мѣстъ. А чтобъ еще болѣе отстранить отъ себя подозрѣніе въ желаніи обличенія, а слѣдовательно и въ неблагонамѣренности, мы готовы назвать нашъ очеркъ—фантастическимъ... Sic!..

Эта улица, ведущая къ *одному* московскому кладбищу, пустынна и печальна. Справа и слѣва тянутся длинные досчатые заборы. С ѣ

рые, веткіе домишки съ перекосившимися углами и покоробленными крышами, глубоко осѣли въ землю. Разбитыя окна залеплены газетной бумагой; сквозь уцѣлѣвшія стекла во многихъ домахъ смотритъ на свѣтъ божій яркій бальзаминъ—цвѣтокъ, неизвѣстно за что, осужденный произростать въ разбитыхъ чайникахъ. Шелохнется въ иномъ окнѣ подозрительно-пущенная занавѣска—и на улицу глянетъ подозрительной бѣлизны и свѣжести лицо московской дѣвы-чародѣйки нисшаго разбора. вмѣсто выѣсокъ надъ створчатыми дверями лавочекъ висятъ сухіе вѣнки и кресты изъ иммортелей. Черезъ настѣжь-отворенныя ворота виднѣются на дворахъ уродливые надгробные мавзолеи, саркофаги, урны съ плачущими надъ ними ангелами. Къ заборамъ прислонены деревянные, покрашенные зеленой и красной краской, могильные кресты. Глыбы подольскаго мрамора и финляндскаго гранита лежатъ на этихъ дворахъ цѣлыми кучами. Мало движенія въ этой улицѣ. Съ ранняго утра протащится по ней за заставу безколесно-длинный обозъ. Мѣрно покачиваютъ головами идущія гуськомъ возовыя лошади. Переругиваются изобразительно и крѣпко лежащіе на возахъ верхъ брюхомъ обозные мужики. Тявкаютъ безъ устали изъ подворотень мохнатая, грязныя шавки, да хрюкаютъ самодовольно свиньи, забравшись по уши въ липкую, уличную грязь. Пройдетъ печально небогатая похоронная процессія. Выбѣгутъ уличныя кумушки къ воротамъ домовъ поглазѣтъ на чужое горе. Похаютъ или похвалятъ обивку гроба; замѣтятъ, что вдовець или вдова мало плачутъ, не причитаютъ. Съ ревностью ударятъ себя по бедрамъ и скроются за хлопнувшей калиткой. Изрѣдка проскрипитъ дверной блокъ, съ трескомъ и звонкимъ дребезжаньемъ хлопнетъ входная дверь единственной въ этой улицѣ «растерасіи» и на тротуаръ вывалитъ веселая компанія халатниковъ-мастеровыхъ. Красныя лица ихъ, послѣ распитія, рдѣютъ и блестятъ, точно лица дикихъ, вытертыхъ жиромъ. Не рѣдко обтираютъ они свои пышущія, потныя овиноміи полами халатовъ и съ стояческимъ хладнокровіемъ мѣсятъ уличную грязь, спѣша къ прерванной работѣ. Сюда не заѣзжаетъ ни коляска, ни пролетка, даже вездѣ-сущіе московскіе ваньки-калиберы обѣгаютъ это захоlustье. Безмолвіе царитъ на улицѣ; его нарушаютъ крики торговцевъ угольями, дровами, клюквой, грушей, да пронзительный свистъ и визгъ, несущійся съ дворовъ монументальныхъ мастеровъ. Этотъ визгъ пилы, когда она входитъ своими мелкими зубьями въ мягкую каменную плиту, раздражительно дѣй-

ствуетъ даже на воловьи нервы: коровы отчаянно мычатъ, лошади фыркаютъ, а собаки валяются по землѣ и въ судорогахъ завываютъ. Такая слабонервность животныхъ не мало изумляетъ постоянныхъ обитателей этого уголка. Мирные обыватели сроднились съ этимъ свистомъ и не одна домовитая хозяйка съ упрекомъ поглядываетъ на сытую буренку, когда послѣдняя, вытянувши шею и выпуча стеклянные глаза, съ усердіемъ любой примадонны, выводитъ свою коровью высокую ноту. Съ первымъ вечернимъ сумракомъ засыпаютъ улицы. Два масляные фонаря, какъ два слезящіеся глаза, печально мигаютъ въ темнотѣ. Всѣ калитки, ворота и лавочки на запорѣ. Очередной сторожъ тяжело опускаетъ свою дубину на тротуарные камни, и ночное эхо глухо вторитъ этимъ ударамъ. Собаки до того лаятъ цѣлый день, что успеваютъ къ вечеру устать и во всю ночь не подаютъ голоса. Въ двухъ-трехъ окнахъ за подозрительными занавѣсками долго свѣтится огонекъ; тутъ бодрствуетъ любовь, засыпающая, какъ извѣстно, весьма поздно. По временамъ оттуда несутся звуки гармоникки и, замирая въ безмолвномъ сумракѣ, дѣлаютъ еще незамѣтнѣе невозмутимое спокойствіе этого грязнаго, уединеннаго уголка.

Близость кладбища накладываетъ какой-то могильный колоритъ на фізіономію этой улицы; чѣмъ-то гнетущимъ и унылымъ вѣетъ здѣсь отъ всего живого. Подобное чувство пробуждаетъ видъ деревьевъ на заброшенномъ новгородскомъ шоссе. Совсѣмъ другую картину представляла эта улица, когда проходили по ней уже знакомыя намъ салонницы. Безпрерывно проѣзжали по ней всевозможнаго рода городскіе, московскіе экипажи. То простучить, хляская колесами по грязи, тряская, купеческая телѣжка, и мѣрно, на каждомъ выбоѣ, прискакиваютъ на сидѣлкѣ краснолицый, бородатый хозяинъ съ своей рыхлой сожительницей; то пронесется лихачъ отъ Печкина трактира, ухорски покрикивая на запаленнаго рысака. Грязь цѣлыми лепешками летитъ изъ-подъ копытъ лошади, бьетъ извозчика по лицу, залепляетъ ему глаза, лезетъ въ носъ и ротъ, что доставляетъ несказанное удовольствіе, какъ самому возницѣ, такъ и двумъ сѣдовамъ. Эти два молодыхъ купчика, краса и зависть всей Ножевой линіи, съ глупой миной самодовольства поглядываютъ на право и налѣво и въ полголоса даютъ обѣщаніе на водку, чтобъ лихачъ взялъ ближе къ тротуару и окатилъ проходящихъ вонючей грязью. Вывертывая и выкидывая передними ногами, пара откормленныхъ, словно на убой, лошадей везетъ вычурно раскрашенную коляску, нагруженную до

невозможности. На большомъ сидѣньи ухитрились помѣститься четыре дамы; двѣ изъ нихъ съ цѣлыми страусовыми хвостами на шляпкахъ совсѣмъ придавили двухъ другихъ и, чуть не съ головой, закрыли ихъ своими бархатными, ярко-зеленаго цвѣта бурнусами. Прижатые бархтались, и по временамъ изъ складокъ бархата выглядывала то одна, то другая старческая физиономія съ сдвинутымъ на-сторону шелковымъ головнымъ платкомъ. Спinoй къ гучеру и лицомъ къ дамамъ, на скамеечкѣ сидѣли трое мужчинъ. По срединѣ—почтенный сѣдовласый старикъ въ синемъ длиннополномъ сюртукѣ и въ картузѣ, напоминающемъ формой своей уланскій киверъ. Онъ почему-то глубоко вздыхалъ и, позѣывая, крестилъ большимъ крестомъ свой открытый ротъ. По бокамъ его помѣщались двое молодыхъ франтовъ съ легонькими бородами въ модныхъ пальто и круглыхъ черныхъ шляпахъ. Искося поглядывая на старика, они выразительно шурились на дамъ, которыя, съ своей стороны, закатывали глаза подъ лобъ и улыбались, обнаруживая два ряда черныхъ, какъ уголь, зубовъ. За этой росписной коляской дребезжалъ калиберъ, за нимъ аляповатая пролетка, за пролетками опять коляска, телѣжки, лихачи; длинной вереницѣ экипажей не было видно конца. На тротуарахъ толкались пѣшеходы, съ какимъ-то остервененіемъ обгоняя другъ друга. Мѣщанки высоко подымали свои юбки и платья; синія чуйки отпускали плоскія остроты на счетъ женскихъ дородныхъ икръ. Шумный говоръ, хихиканье, крики, открытый смѣхъ раздавались во всѣхъ мѣстахъ улицы. Все ѣдущее и идущее несло и везло съ собой какіе-то узелки, мешочки и кулечки. Не трудно было догадаться, что въ нихъ лежало съѣдобное, потому что дѣти съ умиленіемъ поглядывали то на эти узелки, то на своихъ родителей, а въ воздухѣ пахло скромнымъ масломъ. Толпа, проходя улицу, направлялась къ кладбищу. Послѣдуете за нею, читатель; авось не будемъ въ проигрышѣ, тѣмъ болѣе, что день стоитъ чудесный и, послѣ московскихъ благоуханій Охотнаго рынка, отрадно вздохнуть чистымъ и свѣжимъ, загороднымъ воздухомъ. Ясное осеннее солнце не высоко стоитъ надъ полемъ. Желтая трава, послѣ утренняго заморозка, блеститъ янтаремъ въ капляхъ растаявшаго инея. Въ воздухѣ свѣжо, но не холодно. Мягкій вѣтерокъ доноситъ сюда изъ ближней деревни слабый отголосокъ пастушьяго рожка. Вся вырѣзная, прозрачная, оголенная, безрезовая роща, словно отлитая изъ золота, блеститъ справа на горизонтѣ. Слѣва сверкаетъ растопленнымъ оловомъ извилистая рѣчка, при-

часть за невысокіе холмы, которые, все дальше и дальше отбѣгая, мельчаютъ и едва замѣтной, волнистой линіей отдѣляются отъ блѣдно-голубаго неба. Прямо противъ улицы, въ концѣ поля, какъ на лодони, виднѣется кладбище. За бѣлой каменной оградой, сквозь рѣдкую, побурѣвшую листву вѣтвистыхъ березъ, заблѣхъ липъ и колючихъ елей, смотрѣлась желтая, кладбищенская церковь съ одутловатымъ, неуклюжимъ куполомъ. Острый, колоколенный шпигъ, обитый бѣлой жестию, съ шестиконечнымъ золотымъ крестомъ на верхушкѣ, высоко поднимался надъ деревьями. Невысокій, земляной валь, поросшій частымъ кустарникомъ, обхватывалъ справа и слѣва широкое пространство земли. Около вала, въ безпорядкѣ возвышалось нѣсколько не большихъ насыпей, поросшихъ бурьяномъ и широкимъ лопухомъ. Это были могилы самоубицъ, которымъ церковь отказала въ послѣдней молитвѣ, въ напутственномъ благословеніи въ загробную жизнь, и не удѣлила ихъ праху мѣстечка на общественномъ погостѣ. Но за то, цѣлый день игралъ веселый, солнечный лучъ на этихъ заброшенныхъ могилахъ и, потухая, пробѣгалъ отъ времени до времени огненной полосой по темной могильной зелени. Передъ воротами кладбищенской ограды стояла цѣлая толпа нищихъ. На каждаго входящаго на кладбище она бросалась, какъ на крѣпость; окружала его, тѣснила и на разные голоса клянчила и молила милостыни. И какого только народу не было въ этой толпѣ! Московскіе метеоры, откалывающіе когѣнца въ гостиномъ дворѣ, прохаживаются трагической походкой. Попрошайки-салопницы гордо поглядываютъ на крестьянскихъ бабъ, которыя съ заботливостью настоящихъ матерей укутываютъ чужихъ, вятыхъ на прокатъ, грудныхъ дѣтей. Слепые гнусливо тянутъ Лазаря, усѣвшись кружкомъ въ сторонѣ. Монахини, съ благочестивыми минами на лицахъ и опустивши долу очи, чуть не въ самый носъ тычаты прохожимъ свои кожанныя книжки и жестяныя кружки. Широко-бородые отцы-монахи широко осѣняютъ крестнымъ знаменіемъ желающихъ и охотно допускаютъ усердствующихъ облабызывать свою широкую деснипу. Внушительно кланяются, съ посохами въ рукахъ и котомками за плечами, странники и странницы—эти простонародные, русскіе туристы. Убогіе на перерывъ стараются тронуть сердце человѣческое, заявить свое право на милостыню,—и невольно содрогнешься при видѣ обнаженныхъ, гнойныхъ ранъ, околеченныхъ рукъ и ногъ у этихъ несчастныхъ. Однимъ словомъ, сюда стекается съ цѣлой Москвы весь тотъ народъ, который въ обычные дни, рассыпавшись по ули

память, переулкамъ, завулкамъ сердобольной, первопрестольной столицы, надоедливо просить «на погорѣлое», «вышедши изъ больницы», «на погребеніе сродственника», «на сиротство круглое», и проч. и проч. Стеченіе это здѣсь бываетъ въ дни кладбищенскихъ гуляній и «родительскихъ субботъ». Хотя поминальщики съѣзжаются сюда по преимуществу только два раза въ годъ — въ Троицкую и Дмитровскую субботы; но ницїе никогда не уходятъ отсюда съ пустыми сумами, потому что Москвичи любятъ *благодѣтельствовать* грошами при всякомъ случаѣ, какъ русскіе вообще любятъ выпить и съ радости, и съ горя. Ни въ одномъ городѣ Италїи не встрѣтишь такого количества всевозможныхъ попрошаекъ, какъ здѣсь и, по всей справедливости, Москва можетъ носить титулъ столицы нищихъ. Читатель, если вамъ дороги ваши бока, не рискуйте подавать здѣсь милостыни, — толпа окружитъ васъ, сдавить, десятки рукъ схватятъ васъ за полы платья, за руки и за ноги. Ни просьбы, ни строгое требованіе пропустить васъ здѣсь не уважится до тѣхъ поръ, пока вы не покажете нищимъ опустѣвшій кошелекъ. Наконецъ, вы миновали мытарства и входите на самое кладбище, мѣсто мира и тишины, идѣ же всѣ упокоиваются. Не пугайтесь того гула и стона, который обхватитъ ваше ухо при самомъ входѣ на кладбище. Если вы слабонервны, постарайтесь побороть себя — васъ ожидаютъ картины, достойныя пера Гоголя и кисти Федотова... По всѣмъ дорожкамъ и тропинкамъ кладбища идетъ народъ; на дерновыхъ могилахъ, каменныхъ плитахъ, вокругъ крестовъ и памятниковъ разставлены тарелки съ кутьей, блинами, преженцами; шумящіе самовары обставлены потребнымъ количествомъ чашекъ и стакановъ; штофники съ разноцвѣтной жидкостью занимаютъ самое почетное мѣсто на этихъ импровизованныхъ столахъ. Нѣсколько лицъ окружаютъ каждую могилу, въ которой лежитъ прахъ ихъ близкаго роднаго. Отслуживши предварительно панихиду, всѣ усаживаются; всякій съѣдаетъ по ложкѣ кутьи и за тѣмъ начинается уже настоящее повиновеніе...

По главной кладбищенской дорожкѣ шли отъ воротъ два гостинодворскіе прїятеля, прикатившіе на лихачѣ. Они въ самыхъ, что ни на есть, модныхъ *пальтахъ*. На одномъ пантолоны цвѣта масака съ

коричневой клеткой, на другомъ — коричневаго цвѣта съ масаковой клеткой. У одного на головѣ шляпа *аглицкаго фасона* съ прямой тульей и полями, у другою — *французской моды* съ перехватомъ по срединѣ и загнутыми полями. Торгуютъ они оба галантереей и лавки ихъ рядышкомъ въ Ножовой линіи. Живутъ другъ съ другомъ, какъ говорится, душа въ душу, даже покупателя не перебиваютъ, одинъ безъ другаго пьянъ не напьется, а въ платья соперничаютъ до того, что иногда ночи не спятъ, придумывая, какую бы *желетку* почуднѣе шить. Вели они между собой самый интересный разговоръ.

— Ну, братъ, Саша, Николка Грибокъ ловко удралъ... Получасу отъ Печина-то не ѣхали, а смотри коли до кладбища-то здѣшняго версть семи не будетъ... Вѣрныхъ семь будетъ, а?—спрашивала аглицкая шляпа.

— Какъ не быть—будетъ... Николка первый лихачъ изъ всѣхъ извозчиковъ. А какъ онъ снаровился, разбойникъ, барыню эту грязью обрызгать, всю какъ есть окатилъ; синій-то шелковый салопъ рябой сталъ... Ха, ха, ха! А, поди, салопъ, чай, рублей двѣсти даденъ... Смотри, чтобъ не признали насъ, —чего не было бы?—Трусливо проговорила французская мода.

— Экаго золота не видали!.. Пусть признаютъ: знать не знаю, вѣдать не вѣдаю—вотъ и весь сказъ; здѣсь вѣдь столица, народъ-то не на перечесть... Важное кушанье, что грязью обрызгали!.. Не ходи пѣшкомъ, коли грязи боишься. Не княгиня какая!.. Мужа-то закричала, а мужъ къ ней подошелъ въ чуйкѣ... Какая тебѣ барыня показалась со страху? Она въ полной формѣ — природная мѣщанка.

— Ну, коли мѣщанка, такъ сойдетъ съ рукъ; а я вѣдь думалъ, какая дама.

— А хоша бы и дама!. Мы объ масляной, —ты въ Питерѣ тогда былъ, —съ Лукичемъ не такія колѣнца откалывали... У Грибка-то санки лаковые, высокіе, подрѣза острые, сидятъ крѣпко, хоть нарочно вали на бокъ, не опрокинутся. Такъ издали запримѣтили ваньку, —Николка какъ ухнетъ, рысакъ на вылетъ, санки, знаешь, на поворотѣ раскатятся, отводами ударятъ подъ самую оглобли, извозничья кляченка шарахнетъ въ сторону, Грибокъ изо всей силы въ задокъ пихнетъ, —мигнуть не умѣешь, какъ ванька съ сѣдоками въ снѣгу вверхъ тормашками торчитъ... Смѣхота! Что барынь тогда повыкувыривали... Иная, знаешь, запутается въ юбкахъ-то, ле-

жить внизъ головой да ногами дрягаетъ — потѣха, братецъ! Подъ Новинскимъ народъ гляючи на это, въ голосъ хохоталъ.

— И не узнали, сошло съ ругъ? Любопытствовали коричневые панталоны.

— Еще какъ сошло-то... Полицмейстеръ въ догонку казака послалъ за нами. Мы на утекъ. Казакъ къ сѣдлу прилегъ, маршь-маршемъ догоняетъ. Вижу, дѣло плохо; я сейчасъ вынулъ рублевую бумажку, обернулъ ею мѣдный пятакъ; какъ выѣхали въ переулокъ, гдѣ не людно, сейчасъ и выбросилъ изъ саней черезъ голову на дорогу эту рублевку съ пятакомъ. Казакъ соскочилъ съ лошади, поднялъ, что я ему бросилъ, да и поѣхалъ, не торопясь, на лѣво кругомъ, словно догнать не могъ. Вотъ какія дѣла бывали.

— Ловко статью обработали! Молодцы, ей Богу, молодцы! Да что нашихъ-то не видать, пора бы компаніи собраться. Пойдемъ-ка къ палаткамъ; навѣрное, они тамъ около блиновъ прохаживаются.

— Пойдемъ.

Пріятели двинулись по направленію къ валу, у котораго стояло до десятка на скоро построенныхъ палатокъ, гдѣ пеклись блины. Около этихъ палатокъ стояли кучки народа, ожидая заказанныхъ блиновъ, безъ которыхъ, какъ извѣстно, и поминанье не въ поминанье. Франты не успѣли сойти съ главной дорожки, какъ на нихъ накинудись три молодыхъ мѣщанскихъ дѣвушки, въ ситцевыхъ пестрыхъ платьяхъ, съ бѣлыми передниками и кокетливо повязанными головными платочками. Это *зазывальщицы* блинницы. Съ наглыми ужимками и улыбками зазывали онѣ къ себѣ купчиковъ-голубчиковъ.

— Купцы, купцы, ко мнѣ зайдите въ палатку; возьмите у меня блиновъ-то, — голосила визгливо одна.

— Не берите у нея—вишь она какая пачканая... Ко мнѣ пойдемъ-те. Перебивала другая.

— Ну, ты хороша... На рожѣ-то ровно горохъ молотили, отгрызалась первая.

— Полно вамъ! Успокоивала третья.—Зайдите, господа, купцы, ко мнѣ: у меня съ пылу, такъ и таютъ во рту... Манные...

— Слушай, дѣвки! Что возьмете мою Феклу до сыта накормить? она вонъ у воротъ стоитъ;—спрашиваетъ аглицкая шляпа.

— Какая такая Фекла?.. Что за Фекла такая?—хорошъ допытываются блинницы.

— Ну, какая? Какія Феклы бываютъ... Сама ходить, сама ѣсть... Накормить до отвалу... Ну, сказывайте цѣну.

— Давай рубль серебромъ, до сыта накормлю. Отзывается быстроглазая дѣвка съ размашистыми манерами.—Веди къ Феклѣ.

— Ладно, ходить... Тащи сотни три блиновъ за ограду, клинни Николку Грибка, извозчика,—у него въ дрожкахъ запряжена сѣрая кобыла, Феклой зовуть... Что, на понятной?.. Ха, ха, ха! Оба фронта заливались веселымъ смѣхомъ, отходя отъ зазывальщицъ.

— Эхъ вы, шарлатаны; а я еще съ ними, какъ съ путными, толкую, право *шаматоны* рядсіе! А еще въ штанахъ—петербургскіе мазурики! Злобно бранилась обиженная.

— Варька, Варька, брось ихъ!.. Что ругаешься, ровно переулочный квартальный. Смотри, вона новые идутъ;—отзывала ее другая товарка, болѣе опытная... Гляди, не пропускай покупателя... Ты это помнимо ушей пускай... Что здѣсь, что въ Сокольникахъ ругателей много ходитъ... Привыкай!—Зазывальщицы устремили глаза на ворота ограды.

— Я тебѣ вѣрно говорю; спроси, коли хочешь. Съ Серебряниковымъ на сто рублей побился, что Феклу до сыта не накормить блинами. Ударили по рукамъ. Онъ не зналъ, что за Фекла у меня такая. Вотъ вышли за ворота, я кричу Николкѣ—подавай. Подѣхалъ.—Какъ, говорю, кабылу зовуть? — Феклой. Серебряниковъ даже плюнулъ, отдалъ мнѣ сто рублей и со злости съ кладбища уѣхалъ безъ поминанья. Въ Троицкую субботу было... Грибокъ помнить—спроси. И молодые безобразники скрылись въ густой толпѣ у палатогъ.

Купеческое семейство, пріѣхавшее на кладбище въ росписной коляскѣ, размѣстилось около гробовой плиты, подъ которой скрывался прахъ родичей, точно въ такомъ-же порядкѣ, въ какомъ сидѣло въ коляскѣ. Въ головахъ могилы, расославши клетчатыя платки по землѣ, воссѣдали мужчины. *Самъ* былъ ирачемъ и съ остервененіемъ, точно по принужденью, выпивалъ чашку за чашкой горячаго чая пополамъ съ соболевскимъ ромомъ. Два его женатые сына, въ глубокомъ молчаніи, набивали рты блинами, презенцами и лицами въ крутую. Нерѣдко они бросали робкіе взгляды на гнѣвнаго родителя. Оба они сидѣли безъ шляпъ, не смотря на то, что глава дому

былъ накрытъ уланскимъ картузомъ. Женщины \angle дохнуть не смѣли. Сама разливала чай; сестра ея раздувала самоваръ съ усердіемъ кузнецныхъ мѣховъ; обѣ невѣстки, сложивши крѣпко на груди руки, играли большими пальцами и тупо, по телячьи, уставя глаза внизъ, рассматривали бархатъ своихъ бурнусовъ. Гроза проходила, соборъ левскій ромъ произвелъ надлежащее дѣйствіе, краснымъ макомъ разгорѣлось лицо отца семейства и гнѣвное выраженіе его глазъ мало по малу смягчалось. Протягивая десятую выпитую чашку чая, онъ рѣшилъ прекратить тягостное молчаніе.

— Наливай безъ рому! обратился онъ къ женѣ.—Чего молчите? Стрекотали, какъ сороки, а тутъ вдругъ и голоса нѣтъ;—прибавилъ онъ, окидывая взглядомъ всѣхъ сидящихъ.

— Чего говорить-то съ тобой!.. отвѣчала сама.

— А отъ чего бы со мной и не говорить?

— Что съ ругателемъ говорить—лучше молчать...

— А вотъ за эти самыя твои слова я тебя такъ ругну, какъ отродясь не ругивалъ... Слышишь?

— Всяко слышали, всяко ругивалъ—не въ новинку.

— А я по новому придумаю... Мнѣ не трудно.

— Какой трудъ—на томъ стоишь.

— Молчи, коли со мной обходиться не умѣешь.

— Да ну, Христось съ тобой!—Подаетъ ему чашку съ чаемъ.

— На вотъ пей... Кто тебя разбереть, какъ съ тобой обходиться-то.

— А ты учись... Беретъ чашку, отвѣдываетъ чай и выплескиваетъ на землю:—свѣжаго наливай.

— Когого тебѣ еще свѣжаго... Только сейчасъ заварила... Чѣмъ не поправился, жидокъ что-ли?

— Наливай. Передаетъ ей чашку.

— Крѣпокъ что ли? Ты скажи, чѣмъ по пусту доброе изводить.

— Тебѣ сказано: наливай. — Насмѣшливо улыбается.

— Ну ужь прокуратилъ бы дома, а то срамота: кругомъ народъ, смотрятъ на насъ, ровно на чудо какое... Наливаетъ ему послѣднюю крѣпкаго чаю.

— Свинѣ на небо не глядѣть—тебѣ меня не учить... Молчи.

— Ишь вѣдь какъ, а?... Это по новому придумалъ, что-ли?

— Нѣтъ по старому... Ты мнѣ вотъ что скажи: зачѣмъ ты эту манеру взяла, что какъ у меня сердце начнеть отходить, ты сейчасъ

своимъ разговоромъ мнѣ въ пику... Долженъ я тебя отъ этого отучить?... Ты мнѣ скажи...

Жена молча поставила передъ своимъ сожителемъ чашку и нахмурилась.

— А - а, отвѣчать не хочеть — ладно! Поспѣшно выливаетъ чашку.—Снова наливай,—я у тебя весь чай повылью, всю посуду перебью...

— Что ты, что ты, Пармень Парменовичъ, Бога не боишься!

— Заговорила... Нѣтъ, ты подуйся, право подуйся,—я посмотрю, какъ ты сердисься... На вотъ, наливай... Да коли ты мнѣ опять противное слово скажешь — конецъ! Чувствуй, гдѣ сидишь.

— Да полно, Пармень Парменовичъ!.. Что сегодня съ тобой?.. Сыновей изругалъ, невѣстокъ вдвое, теперь ко мнѣ пристаешь... Чѣмъ тебѣ досадили?

— Въ васъ ни въ комъ понятія нѣтъ, тѣмъ и досадили... Указываетъ на сыновей.—Вонъ какихъ двухъ жеребцовъ выводила, а того эти жеребцы не знаютъ, что когда кутью ѣдятъ, шляпы снимають да крестятся...

— Ну, грѣхъ случился, въ разбѣйкѣ были... Погонялъ вдо-сталь, чего еще?

— Молчи, самъ я знаю, какъ надо... Смотрить на сыновей и потомъ говорить полу-ласково.—Надѣвайте колпаки свои дурацкіе, нечего теперь съ голыми-то головами сидѣть, кутья съѣдена. И ужъ какъ я до васъ добръ, чувствовать вы этого не можете.

— Мы, тятенька, это завсегда чувствуемъ,—говорить одинъ изъ сыновей, надѣвая шляпу.

— Не можете вы этого чувствовать никто... Ну вы, невѣстухи, скажите вы мнѣ по душѣ—цѣните ли вы мою доброту, а?

— Можемъ ли мы, тятенька, вашу доброту не цѣнить, коли... начинается старшая невѣстка и обрывается.

— Намъ нельзя вашей доброты не цѣнить, потому мы непре-станно ее видимъ, тятенька...—договариваетъ младшая.

— Ой, не видите, ай не цѣните! печально восклицаетъ Пармень Парменовичъ.—Не бью я васъ, потому не можете вы моей доброты чувствовать... Другой отецъ какъ бы сегодня сыновей-то поучилъ, а я только поизунялъ, пальцемъ не тронулъ... Такъ-то. Обращается къ старшему сыну...—Началь бы я тебя бить, что ты долженъ тогда дѣлать, а? Ну, говори, какъ и васъ училъ.

— Извѣстно, тятенька-съ, въ этомъ ваща власть, я должень молчать, потому противъ закону я идти не согласенъ; съ покорностью въ голосъ отвѣчаетъ старшій.

— Жена, налей ему пуншту! говорить Парменъ Парменовичъ.— Ну, а ты?

— Я супротивникомъ, тятенька-съ, не былъ... Наказанье съ благодарностью приму отъ родителя.

— Жена, подай и ему!.. Ну, а вы, невѣстухи, что скажете?

— Наше дѣло, тятенька, женское, мы завсегда должны подъ страхомъ ходить... По слабости нашей намъ наука нужна.

— Жена, наливай всѣмъ пуншту. Всѣ должны пить, потому... Языкъ Пармена Парменовича запинается, глаза принимаютъ стеклянный блескъ, лицо рдѣетъ, какъ дозрѣлая черешня. Жена съ участіемъ и съ нѣкоторою боязнью посматриваетъ на своего сожителя, хорошо зная, что онъ во хмѣлю не спокоенъ. Съ минуту сожитель молча крутитъ головой и вздыхаетъ, потомъ со слезами на глазахъ встаетъ передъ могилой на колѣни и преклоняется головой къ землѣ.

— Какъ есть, я самъ теперь отецъ и у меня дѣти въ почтеніи жоемъ... Не могу я этого хладнокровно переносить... Родители! Бормоталъ онъ, растянувшись по землѣ,—люблю я васъ, какъ передъ Богомъ... Наставленія ваши, какъ и что должно быть... все, все чувствую... Жена моя не понимаетъ, потому она дура... я добрый... Чувствую и стараюсь заслужить, родители... Вы мнѣ капиталъ предоставили, и я по торговлѣ своей... я не мошенникъ какой... Сыновья у меня жеребцы, а я ихъ баловать не намѣренъ... Отъ меня вамъ всегда... Зычнымъ басомъ начинаетъ пѣть:—вѣчная па-а-мять, вѣчная па-а-мять, вѣ-ѣ-чная па-а-а-мять!

Жена подходитъ къ нему и начинать уговаривать:

— Парменъ Парменовичъ, опомнись, постыдись на старости-то лѣтъ себя дурачить... Со стыда съ тобой сгоришь. Тресеть его за рукавъ:—по-о-лно ахальствовать-то.

Мужъ, не обращая вниманія на нее, продолжаетъ пѣть еще громче... Народъ останавливается около могилки.

— Вотъ наказанье-то Божеское!.. Перестань-же ты безобразить, слышишь?.. Толкаетъ его сильно въ бокъ. Парменъ Парменовичъ не будучи въ состояніи подняться на ноги, встаетъ на колѣни и, упираясь въ землю ладонями, оборачивается головой къ женѣ.

— Уйди, дура... Ничего ты... ты безъ понятія, уйди!

— Нечего уйди... Ишь наватился какъ, тятры что-ли вздумалъ на кладбищѣ-то приставлять... Вставай...

— А, непочтеніе!.. Ладно... Кричить во весь голосъ:—купецкой женѣ Аграфенѣ за непочтеніе—анафема!

Толпа останавливается, раздается смѣхъ и возгласы:—ахъ, ты затѣйникъ! ишь что выдумалъ!.. Анафему поеть, по церковному поеть! Ха, ха, ха! А ты встань, на ворацкахъ - то не сподручно... Чьихъ онъ?.. Вотъ бы, братцы, кого намъ въ дьячки-то! Глотка-то ровно у молодого! Ха, ха! Купецкая жена Аграфена закрывала лицо концомъ палеваго платка и плакала; сестра ея убирала подалеже отъ поющаго, на всякъ случай, посуду; невѣстки съ страховыми хвостами на шляпкахъ отошли въ сторону; два сына стояли надъ родителемъ, не зная, какъ къ нему подступиться.

— Вася! говорила плачущая мать одному изъ сыновей;—подними-те вы его. Видишь, самъ-то грузенъ, не встанеть... На меня теперь осерчалъ—подойти мнѣ къ нему нельзя, не ровно еще при людяхъ - то треснетъ.

— Ладно-съ, мамоньва,—отвѣчалъ Вася и мигнулъ брату. Оба подошли къ родителю, который хотъ и кончалъ свое проклятіе, но не поднимался съ земли.

— Тятенька-съ! началъ робю Вася. Тятенька-съ?

— Что тебѣ? не... поч...те...ііе. Заплетая языкомъ, промычалъ тятенька.

— Какъ возможно... Мы съ полнымъ нашимъ удовольствіемъ... Вамъ такъ не сподручно-съ, прикажите поднять... а-съ? Прикажите поднять-съ!.. Сядьте и чувства свои разсѣйте.

— Не учить меня... ни — кто, по-то-му я... Снова начинаетъ говорить громко:—купецкому... стой... не... такъ! Купцу Пормену Парменову мно-га-я лѣ-ѣ-та!

Толпа грохнула хохотомъ снова и снова посыпались замѣчанія и остроты.—Да тутъ, братъ, въ балаганъ не ходи—насмотришься дарма! Ахъ, ляхъ его побей!—жену проклялъ, а себѣ многая лѣта поеть... Пьянъ-пьянъ, а себѣ вѣчную память не затянетъ!.. Ужъ очень занятно—онъ сейчасъ Исаію заведетъ... Ха, ха, ха! Видишь рукой-то махнулъ, новое видно начинать хотеть... Подождель, братцы, комедіи! Ха, ха, ха!

Но любителямъ подобныхъ зрѣлищъ не удалось услышать ничего отъ Пармена Парменовича. Соболевъ побѣдилъ. Когда подняли сы-

новья съ подобающимъ уваженіемъ своего родителя, онъ находился уже въ объятіяхъ Морфея. По совѣту матери, они нашли самымъ разумнымъ положить родителя близь могилки и накрыть старенькимъ салопомъ тетки. На сторожѣ около него осталась сама съ сестрою, а Вася съ братомъ подали руки женамъ и удалились въ сторону. Любопытная толпа все еще не двигалась, какъ вдругъ какой-то оборванный господинъ съ всклокоченными волосами, въ засаленномъ сертукѣ изъ нанки, въ какіе облакаются обыкновенно семинаристы, выскочилъ со стороны и отставя правую ногу впередъ, а лѣвую дуку вверхъ на отлетъ, произнесъ громогласно слѣдующее двустишіе:

Въ жизни сей все скоротечно,
Спи, Парменушко, безопасно!..

Смѣхъ толпы принялъ гомерическіе размѣры и она повалила въ слѣдъ, удаляющемуся съ торжествомъ декламатору.

— Какая необразованность! замѣтила толстая вдова-чиновница своему кавалеру, который шелъ съ ней рядомъ, рисуясь новымъ форменнымъ пальто и ковардой на фуражкѣ.

— Вы совершенно извоили замѣтить! Въ нашемъ купечествѣ никакой эманципаціи нѣтъ,—отвѣчалъ чиновникъ, поглядывая на жирную шею вдовушки.

— Это что такое значить — эманципація? Я не знаю.

— Это, Варвара Михайловна, значить, что купечество приличій свѣтскихъ не знаетъ, какъ себя въ обществѣ держать.

— Какое-же это такое слово, на какомъ оно языкѣ?

— Вѣрно вамъ доложить этого не могу, а такъ полагаю, что оно непременно съ англійскаго языка.

— Почему-же вы такъ думаете?

— А потому-съ, Варвара Михайловна, что у насъ въ палатѣ есть столоначальникъ одинъ, онъ не то что бы семинаристъ былъ, а только учился тамъ съ годъ... Никакого этого виду семинарскаго на немъ не видать, даже англійскій проборъ черезъ всю голову, знаете, что черезъ затылокъ идетъ, носить, одѣтъ всегда по модѣ...

Такъ какъ онъ очень умный, можно даже сказать гений, потому что даже самъ предсѣдатель въ трудныхъ дѣлахъ совѣщаются съ нимъ, онъ мнѣ пояснялъ, что это самое слово въ книжкѣ этакой, въ Русскомъ Вѣстникѣ, часто поминается, а тамъ больше описывается про Англію хоть и на русскомъ языкѣ... Вотъ по этому-то я и думаю такъ.

— А вѣдь это не хорошее слово, оно мнѣ не нравится. Какъ можно французскія слова сравнивать, напримѣръ: Же ву земь... Какъ вамъ это нравится?—спрашиваетъ вдовушка, закатывая подъ лобъ сѣрые глаза.

— Изъ вашихъ устъ, Варвара Михайловна, такое слово на всякихъ языкахъ пріятно слышать даже для самаго безчувственного человѣка. Пронзося комплиментъ, чиновникъ присматривалъ и впибался взоромъ въ жирную шею.

— Ахъ, развѣ вы понимаете по французскія?

— Всякій образованный человѣкъ, хотя бы онъ и не понималъ французскаго языка, но обязанъ знать этикія слова, потому въ нихъ заключаются всѣ наши желанія.

— Но вы, пожалуйста, не подумайте чего-нибудь такого...—замѣтила вдовушка, скромно потупляясь.

— Не имѣйте такого мнѣнія обо мнѣ, Варвара Михайловна, потому что я всякія понятія знаю, что чего касается.

Оба замолкли и шли нѣсколько времени—одинъ мечталъ: блаженство, какая шейка!.. вотъ бы жениться-то, умирать не надо; другая разсуждала: если у него нѣтъ состоянія, за то... много надеждъ... но во всякомъ случаѣ лучше выйдти за мужъ за бѣднаго молодого человѣка, чѣмъ вдовѣть и вздыхать...

— Дайте мнѣ вашу руку, — рѣшилась начать вдовушка; — пойдемте смотрѣть надписи на памятникахъ, я ужасно какъ люблю читать поэзію.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, — съ замираніемъ голоса и сердца произнесъ чиновникъ и протянулъ ей руку. Вдовушка чуть не локтемъ облокотилась на предложенную руку и такъ близко заставила кавалера идти около себя, что не изогнись онъ на подобіе буквы С, то пришлось бы плохо сверху шляпкѣ вдовушки и носу чиновника, а съ низу одному платью, а можетъ быть, и кринолину. По-за была не легкая, особенно на ходу; но пылающій платоническій любовью чиновникъ не только не чувствовалъ какой-нибудь лов-

кости, напротивъ желалъ, чтобъ подобная прогулка длилась всю жизнь, цѣлую вѣчность. Подъ своей рукой онъ чувствовалъ бѣніе вдовьяго сердца, около ногъ шелестило шелковое платье, въ глазахъ, отъ пристального и близкаго созерцанія полной шеи, рябило; онъ вдыхалъ полной грудью аромать весны, хотъ стояла осень. Этой иллюзіи много способствовала вдовушкина шляпка, на которой цвѣли въ изобиліи всѣ весенніе цвѣты, отъ подснежника до василька включительно.

— Ахъ, посмотрите! вскричала вдовушка, останавливая своего кавалера передъ памятникомъ, который изображалъ плачущаго генія съ опущеннымъ внизъ потухшимъ факеломъ надъ урной:—какая Венера представлена... Какъ это мило!

— Это, Варвара Михайловна, не Венера.

— Почему же не Венера, вы думаете?

— А потому, Варвара Михайловна, что эта самая Венера платья не носила.

— Ха, ха, ха... Какія глупости выдумали... Хи, хи, хи! Какъ же ей не было стыдно: ни за что не повѣрю... Какой вы насмѣшникъ! Варвара Михайловна заливалась веселымъ смѣхомъ и лукаво грозила пальчикомъ.

— Ей Богу, это вѣрно-съ... Вы напрасно изволите смѣяться.

— Ха, ха, ха! Ужь вы не видали ли ее... Расскажите, пожалуйста, вы видѣли ее? Хи; хи, хи!

— Я видѣть ее не могъ, потому что она жила еще до потопа... А это я вамъ вѣрно докладываю, что она безъ платья ходила... Потому нашъ архиваріусъ у итальянца себѣ Венеру купили и очень сомнѣвались, чтобъ ихъ жена не обидѣлась, что въ такомъ видѣ... не ловко. Однако же этотъ разнощигъ Христомъ-Богомъ увѣрялъ, что ни въ Петербургѣ, ни за границей нѣтъ Венеръ въ платьѣ, и что въ самыхъ первыхъ домахъ они такъ стоятъ... Это вѣрно-съ!

— Что жъ у архиваріуса вашего она такъ и стоитъ?

— Нѣтъ-съ. Жена у него очень строгой нравственности: этого не допустили, хотѣли ее разбить; но какъ пожалѣли, потому что она два съ половиной цѣлковыхъ стоитъ, такъ сшили на нее изъ краснаго кумачу платье; оно, знаете, и прилично и красное-то отъ бѣлаго алибастра отбиваетъ... Очень хорошо... Въ гостиной и теперъ у нихъ стоитъ.

— Какъ же это онѣ такъ ходили? Ха, ха, ха! Вѣрно не забкія были?

— Ужь этого я сказать вамъ не умѣю... Надобно думать, что въ такихъ странахъ жили, гдѣ очень жарко. Вѣдь и теперь пишутъ, есть такіе народы, что ни... то есть, ничего не носятъ.

— Какъ, я думаю, имъ стыдно?

— Конечно, не безъ того. Что же тутъ дѣлать, коли у нихъ сманцыпацыя такая.

— Я бы ни за что не согласилась, хоть озолоти...

— Кто же на это можетъ пойти.

— Но знаете ли, тамъ, я думаю, къ этому привыкли?

— Конечно привыкли, все одно да одно присмотрится; никакого вниманія не обращаютъ.

— Но все-таки! Вдовушка закрыла глаза руками. — Ахъ, какъ стыдно, я вообразить даже себѣ не могу, какъ это должно быть стыдно... Скажите же, пожалуйста, если это ни Венера, такъ кто же такая?

— Это статуя-съ. Просто, такъ для красоты поставленъ.

— Ну—а ваза эта?

— Ваза-съ. Да не для чего другого, какъ для цвѣтовъ.

— Пѣтъ, не можетъ быть: тутъ и земли не куда насыпать, нельзя цвѣтка посадить. Посмотрите—видите... Да и за чѣмъ же она наклонилась надъ вазой, точно плачетъ?

— А это статуя плачетъ, что и цвѣточка нельзя посадить... Это вѣдь представляется умственно, надо по догадкамъ доходить, что оно означаетъ... Надпись, Варвара Михайловна, прикажете прочитать?

— Непремѣнно, непременно прочитайте:

Чиновникъ прочелъ слѣдующее:

«Подъ снѣгъ камнемъ положилъ я тѣло дрожайшей супруги моей, рабы Божіей, калезской ассесорши и кавалерши, Софьи Захарьевны Крючковой, родившейся 27 августа 1829 года, умершей 15 октября 1849 года».

Покойся милый другъ
До радостнаго утра!»

«Ничего болѣе не желаетъ мужъ твой, калезскій ассесоръ и кавалеръ Илья Крючковъ»...

— Какая молодая!.. Умереть въ такихъ годахъ ужасно! Въ двадцать лѣтъ разстаться съ жизнію... Минѣ, знаете, уже двадцать три года... Вдова лгала не краснѣя, ей перевалило за тридцать... — Конечно, я была за мужемъ и испытала сладость жизни... но я не желала бы умереть.

— Помилуйте... Зачѣмъ же вамъ умирать въ такой молодости? Объ этомъ даже грѣхъ говорить, не только этого желать, потому... Вдова перебила чиновника.

— Разумѣется... Но иногда сидишь этакъ себѣ одна и раздумываешься, особливо весной эти думы приходятъ... Думаешь: какъ пріятно въ семействѣ жить; около тебя, напримѣръ, мужъ и ты его любишь, и онъ тебя любитъ. На службу мужъ уйдетъ, ты хлопчешь объ обѣдѣ, чтобъ все было хорошо и понравилось ему; со службы вернется—вмѣстѣ за столомъ сидишь; гулять вышла съ мужемъ, въ гости пришла съ мужемъ... а теперь все одна да одна, — даже чувствъ своихъ некому рассказать... Сдѣлается такъ тошно, такъ прискорбно, что даже иногда хочется помереть... И отъ чего это происходитъ, я не понимаю?

— Я, Варвара Махайловна, знаю, отчего это бываетъ... Это все отъ крови, смотря по человѣку, кто какой температуры. Теперь возьмите лѣто, жаръ: есть такіе, что они жару вовсе не боятся, потому что у нихъ температура худошавая, а жирному да грузному лѣтомъ смерть, съ трудомъ даже дышетъ...

Вдова подозрительно взглядываетъ на своего кавалера, боясь найти въ его словахъ намекъ на собственную полноту; но видя, что чиновникъ говорить безъ всякой задней мысли, прерываетъ только его разговоръ, но не сердится.

— Ахъ, посмотрите, какая прелесть!.. Видите вы, вонъ тамъ, тамъ, на право, крестъ и на немъ вѣнокъ изъ цвѣтовъ—пойдемъ-те туда.

Снова почувствовалъ чиновникъ бѣшеніе вдовьяго сердца и прижалъ покрѣпче своей рукой ея круглый и полной локоть. На пожатіе не отвѣчаютъ пожатіемъ, но и руки не снимаютъ.

— Это хорошо, подумалъ чиновникъ; если она во второй разъ сама ивѣ пожиметъ руку, изъяснюсь въ любви, а то опростоволо снисься... сдѣлаю шесть шаговъ, снова пожму.

— Что онъ какой странный, разсуждала молча вдова; кажется,

я довольно прямо даю понять... Если онъ во второй разъ пожметъ мнѣ локоть, я... Въ это самое время чиновникъ привелъ въ исполнение свое намѣреніе и покраснѣлъ, какъ вареный ракъ, — ему отвѣчали... Объясняться было поздно, они стояли передъ крестомъ. Влюбленный, чтобъ скрыть волненіе, началъ громко сморкаться въ клѣтчатый синий платокъ, вдова закатила глаза и глубоко вздохнула. На мраморномъ, довольно искусно высѣченномъ крестѣ висѣлъ пышный вѣнокъ изъ разноцвѣтныхъ иммортелей. Слова надписи гласили слѣдующее:

«Ликуйте ангелы небесны—
Къ вамъ приспѣлъ еще земной!
Викторъ фонъ-Ресетъ».

Вдова оставила руку своего кавалера, оторвала отъ вѣнка два бѣлыхъ иммортеля, поцѣловала ихъ и спрятала подъ бурнусомъ.

— Знаете, обратилась она къ недоумѣвающему чиновнику, какъ мнѣ вдругъ стало грустно и горько...

— Что же такъ, отчего же, Варвара Михайловна?

— Сядемъ-те вотъ здѣсь, на этотъ камнѣ, поговоримъ. Вдова грузно опустилась на соседнюю могильную плиту, чиновникъ присѣлъ по близости на другой. Садитесь сюда, не церемоньтесь, мѣста много, садитесь поближе. Шелестъ шелкового платья, шуршанье оправляемыхъ юбокъ подѣйствовали на палатскаго чиновника такъ же обаятельно, какъ дѣйствуетъ яркій огонекъ на ночнаго мотылька, — онъ помѣстился бокъ-о-бокъ съ Варварой Михайловной.

— Я, теперича, посмотрѣла на эту надпись и подумала: какъ, думаю, тяжело для родителейъ, когда умираетъ у нихъ дитя... Особливо для матери, сколько она мученій съ нимъ должна выдержать, это даже вообразить себѣ трудно! Отецъ совсѣмъ другое дѣло. Точно, ему жаль бываетъ, даже можно сказать, иные очень убиваются; но только въ точности у нихъ чувствъ, какъ у матери, быть не можетъ, потому что всю болѣзнь одна мать на себѣ переноситъ... Оттого всѣ мужчины такіе безчувственные и женской любви не понимаютъ... Вдовушка опустила глаза въ землю и замолчала.

— Это напрасно, Варвара Михайловна, вы такое понятіе имѣете обо всѣхъ мужчинахъ... Если мужчина безъ вѣтренности, онъ понимаетъ, что такое есть любовь.

— Ну, а что такое любовь?

— Зачѣмъ-же, Варвара Михайловна, мнѣ вамъ это объяснять? Конечно, еслибъ вы были дѣвица, я долженъ вамъ въ томъ разѣ объ этомъ говорить; но вы были за мужемъ, и можете знать, въ чемъ состоитъ любовь.

— Конечно, я вдова; но дѣтей у меня не было... Варвара Михайловна взглянула на собесѣдника, который сидѣлъ, какъ на иголкахъ. Лѣвый глазъ его, устремленный на ея шейку, судорожно мигалъ. Я безпремѣнно возьму чужое дитя на свое воспитаніе вмѣсто сына.

— Зачѣмъ же вамъ брать чужого!.. брякнулъ было чиновникъ, но вмѣсто этого, подумавши, счелъ болѣе приличнымъ закашляться.

Вдова замѣтила неестественность этого кашля и продолжала: — Жить въ одиночествѣ я не могу больше... Я такая стала дурная и состарѣлась, что даже, можетъ, противна мужчинамъ.

— Это вы напрасно на себя клеплите, Варвара Михайловна... Настоящему мужчине уже большое счастье составляетъ только смотрѣть на васъ... Вы говорите совсѣмъ напротивъ... Чиновникъ проговорилъ это, глотая слова, краснѣя и блѣднѣя. Настала минута молчанія.

Если бы не было старо и пошло, мы не преминули бы здѣсь сравнить эту парочку съ воркующими на древесной вѣткѣ милыми горлинками. Краснорѣчивое молчаніе недолго длилось. Говорливая вдова вынула съ груди своей сорванные иммортели и, посмотрѣвши на нихъ, подала одинъ цвѣтокъ чиновнику.

— Я вамъ даю цвѣтокъ—потому, хочу, чтобъ вы помнили обнѣ... Какъ деликатный кавалеръ, я увѣрена, что вы не забудете меня, если я даже и умру... Вмѣстѣ съ цвѣткомъ Варвара Михайловна подарила его такимъ взглядомъ, отъ котораго растаялъ бы любой аскетъ.

— Варвара Михайловна... Варвара Михайловна... Конечно, но мнѣ чинъ не большой, я коллежскій регистраторъ... Чувства, Варвара Михайловна... удержать ихъ... я больше не могу... Какъ вамъ угодно, я рѣшился!.. Любовь я понимаю... Не откажите... Варвара Михайловна... не сдѣлайте человека... несчастнымъ. Чиновникъ говорилъ, задыхаясь, не бралъ цвѣтка и крѣпко держалъ въ своихъ рукахъ вдовушкину руку. Вдова легонько отстраняла ея отъ себя.

— Ахъ, что такое съ вами? Пустите мою руку... Какъ вы крѣпко жмете ее... Чего вы хотите отъ меня... позвольте.

— Не пушчу-съ, Варвара Михайловна.... Я... вы знаете, чего хочу-съ... Я два года въ васъ влюбленъ... Рѣшите мою судьбу-съ. Онъ началъ цѣловать ее ручку.

— Какъ это можно... Не цѣлуйте мою руку, мнѣ стыдно, тихо говорила торжествующая Варвара Михайловна.

— Стыда въ этомъ нѣтъ-съ... Скажите, Варвара Михайловна: да или нѣтъ-съ?.. Меня начальство любить-съ... вы несомнѣвайтесь: вспомошествованіе мнѣ на свадьбу дадутъ-съ... Ей Богу, дадутъ... Только согласитесь за меня выдти... согласитесь... Я сейчасъ разрѣшеніе у предсѣдателя выпрошу-съ, Варвара Михайловна. Снова поцѣлуи ручекъ. Вдова не отвѣчала словомъ, но запечатлѣла на горячей щекѣ чиновника сочнымъ поцѣлуемъ свое согласіе. Это нѣмое выраженіе восторговъ вѣроятно продлилось бы долго, еслибъ изъ-за высокаго памятника не раздался грубый мужской голосъ:

— Пошолъ-те, пошолъ-те отсюда!.. Ишь еще что выдумали здѣсь дѣлать... Мѣста вамъ нѣтъ, цѣловаться-то сюда на кладбище пришли.—Къ могилѣ подошелъ кладбищенскій сторожъ.

— Ахъ! взвизгнула вдова и отскочила въ сторону отъ возлюбленнаго. Чиновникъ, хоть и испугался не меньше вдовы, но не двинулся съ мѣста. Онъ вытянулся передъ сторожемъ во фронтъ и, смотря на него какъ-то тупо, молча, поправлялъ съѣхавшую на бокъ фуражку и застегивалъ пальто.

— Нечего стоять-то да смотрѣть на меня, на мнѣ ничего не написано... проваливай отсель!.. Страшники, а еще, видишь, чиновникъ,—кокарду выставилъ...—говорилъ внушительно-укоризненнымъ тономъ инвалидъ-сторожъ.

— Кто ты такой?.. Какъ ты смѣешь, мерзавецъ, такъ грубо говорить съ благороднымъ человѣкомъ, а?—вскричалъ, оправившись, чиновникъ.

— А коли ты благородный, такъ и держись по благородному; а здѣсь цѣловаться не дозволено, будь хоть графъ. Да—а!

— Что ты врешь! Кто цѣловался? ну, говори, каналья, кто?

— Да ты-же съ мадамой сей-часъ цаловался.

— Что-о? Наступаетъ на сторожа.—Я цѣловался, я-а? Кто видѣлъ, гдѣ свидѣтели!.. Да какъ ты смѣешь! Чиновникъ приходитъ

въ азартъ.—Да знаешь-ли ты, чѣмъ-ты мнѣ за это отвѣтишь, каналья? Тебѣ сорвать что-ли съ меня захотѣлось, а?

— Ну, да ты не больно ругайся со мной, не испугался. Ступай пока по добру по здорову, а то казака кликну... Не посмотришь, что ты благородный, оттащатъ въ кварталъ за такія дѣла...

— Пойдемъ-те, пойдемъ-те отъ этаго грубіана скорѣй,—сказала вдова, подавая руку разсвирѣвѣвшему чиновнику.

— Ну, ты помни-же!.. Я еще найду тебя, старая крыса;—злбно грозился чиновникъ, увлекаяемый Варварой Михайловной.

— Ладно, ладно, ворчалъ сторожъ; — некогда мнѣ съ тобой возиться только—вонъ батюшка идетъ панюфиду служить, а то бы я тебѣ показалъ, какъ здѣсь этакія дѣла заводятъ... Диви-бы простой какой человѣкъ, а то чиновникъ... У-у-у, паностники, право паностники!.. Какъ этакихъ въ службу-то принимаютъ, диво да и только.

— Это удивительно, какіе у насъ въ Россіи дерзкіе люди,—заиѣтила вдова, вступая на извилистую тропинку, которая вела еще въ болѣе отдаленную часть погоста.

— Чего же можно отъ нихъ ожидать, Варвара Михайловна? Народы дикіе, нравы грубые, сердца жестокія,—отвѣтилъ чиновникъ и оба скрылись на поворотѣ тропинки.

Къ могилѣ, на которой сидѣла влюбленная чета, подошелъ священникъ въ сопровожденіи поминальщиковъ, и печальные, похоронные звуки панихиды раздались надъ тѣмъ самымъ мѣстомъ, гдѣ еще такъ недавно сторожъ подслушалъ:

«Шепотъ, робкое дыханье...

Подъ вѣтвистой плачущей березой, передъ печальной, размытой осенними дождями могильной насыпью, припавши ничкомъ къ землѣ, лежала почти неподвижно женщина. По матерчатой душегрѣйкѣ, шерстяному, разноцвѣтному чиновному платку и росписному ситцевому сарафану можно было догадаться, что лежавшая не принадлежала къ коренному московскому мѣщанству. Цивилизація, къ крайнему огорченію славянофиловъ, изгнала сарафанъ даже изъ гардероба мѣщанокъ. Его носятъ одни *притислыи*, т. е. жены крестьянъ, откупившихся на волю и причислившихся къ мѣщанскому обществу. Но и онѣ, лишь только усѣются осмотрѣться въ своемъ новомъ положеніи, перестаютъ быть храни-

тельницами народного костюма и мѣняютъ всевозможныя кики, тѣлогрѣи, душегрѣи и сарафаны на шляпки, салопы и платья. Противъ нея сидѣли двое: довольно плотный, рыжій и бородатый мужчина и рыхлая, какъ сырое калачное тѣсто, женщина. Мужчина былъ одѣтъ въ синій длиннополый сюртукъ на распахку; изъ подъ зелено-красной жилетки рыжаго бархата спускалась на пилсовые шаровары выправленная александрійская рубашка, а шаровары въ свою очередь исчезали въ высокихъ подборахъ смазныхъ сапоговъ. Синяя чуйка въ накидку и круглая шляпа, надѣтая на бекрень, говорили, что это—франтъ не послѣдней руки. Маленькіе, сѣрые глаза его смотрѣли хитро и самодовольно. Во взглядъ его свѣтилось нѣчто такое, что высоко цѣнять гостиннодворскіе хозяева въ своихъ прикащикахъ, и на что ловится неопытный покупатель. Для такихъ господъ завернуть одну покупку вмѣсто другой, подсыпать въ муку для тяжести мелкаго песку, обчитать сдачей покупателя, шмыгнуть аршиномъ мимо матеріи — *левое дѣло*. Обманъ и подлогъ устраиваютъ ихъ карьеру: они обыкновенно начинаютъ *ловни-ми* прикащиками и оканчиваютъ *несчастными* банкротами. Женщина, въ голубомъ шелковомъ салопѣ и лиловомъ платкѣ на головѣ, была набѣлена и парумянена до невозможности. Маляръ, бѣлящій казенное зданіе, накладываетъ гораздо тоньше слой мѣлу на стѣны дома, чѣмъ слой бѣлилъ, покрывавшій пухлыя щеки этой особы. Это сравненіе, право, не гипербола. Послѣ утренняго умыванья, самый ближайшій родственникъ, даже мужъ не узналъ бы лица ея. Рябины въ добрую горошину и красныя пятна скрывались подъ бѣлой щекотуркой, а безцвѣтныя брови подщипывались и сурмились. Одни глаза не измѣняли своего тупаго, животнаго выраженія и ровно бессмысленно отгѣнялись какъ на рябомъ, такъ и на отбѣленномъ лицѣ. На моголѣ стоялъ штофъ водки, тарелка съ блинами и другая съ кутьей...

— Мамоныка-сь! началъ мужчина, обращаясь къ лежащей, — пожалуй-те помянуть; ужъ довольно хорошо вы причитали, будетъ-сь, время помянуть-сь...

— О-охъ, постой-ка ты, постой... отвѣчала та, не поднимаясь съ земли. — Красное ты мое солнышко! — на распѣвъ заголосила она, легонько поварачиваясь съ боку на бокъ... На кого ты меня покинулъ, глупую, неразумную... Какъ мнѣ безъ тебя, сердечнаго, вѣки ѣвовать, жить поживать?... Нѣту коло меня промысловой

твоей головушки, не поднимешь ты коробельныхъ своихъ ручекъ... Обѣднѣла я безъ тебя, обнищала. Охо-хо-хо! Сердечный другъ, прожили мы съ тобой тридцать годочковъ, ровно три денька, въ любви да въ согласіи... Осталась я, не разумная, безъ помощи твоей, одна одинѣшенька, не смыслѣхонька.

— Мамонька! Шлюшиха-то отошла, не смотреть, — передохните маленько... Понапрасну теперича причитать станете, — никого изъ знакомыхъ-то нѣтъ, разошлись.

Мамонька приподняла голову и осмотрѣлась кругомъ.

— А—н то ушли! сказала она, быстро вставая на ноги. — Ужъ и измаялась я, инда горло перехватило... Ну да ладно, не будетъ теперь Шлюшиха глаза колоть, что надъ мужниной могилой я не голосила, что будто причитать не умѣю.

— Пустая она баба, нестоящая вниманія, мутить да ссорить съ одной зависти... замѣтилъ мужчина и обратился къ сосѣдкѣ въ голубомъ салопѣ. Давай-ко сюда, Агаша, ложку да тарелку съ кутьей... Мамонька, присядьте-съ, прошу покорно.

Агаша вынула изъ кармана серебрянную ложку, а изъ другого вызолоченную чарку и, вмѣстѣ съ тарелкой кутьи, передала мушницѣ. Мамонька, женщина лѣтъ пятидесяти, съ сморщеннымъ лицомъ, на которомъ ясно отпечатывалось ханжество, лицемеріе и крайняя недалекость, расправила душегрѣйку и усѣлась рядомъ съ Агашей.

— Пожалуйте, мамонька, помянуть-съ, а послѣ чарочку-съ шпанской горечи выкушать; сказалъ сынъ, подвигая къ матери кутью... — А послѣ блинковъ, блины чудеснѣйшіе.

— Да ты самъ, Митя, прежде, — возразила мать.

— Нѣтъ ужъ, какъ показано, по старшинству. Пожалуйте! настаивалъ Митя. Мать взяла на ложку кутьи, перекрестилась большимъ крестомъ и, проговоря: «вѣчная память», пронесла ложку въ ротъ.

— А теперь чарочку-съ,.. пожалуйста. Митя налилъ чарку водки и передалъ матери.

— Да ты жену-то потчуй, да и самъ-то пей.

— Поспѣемъ, пригубьте.

Мамонька пригубила, т. е. не поморщившись выпила, какъ говорится, «на лобъ» объемистую чарку горькой водки.

— Закусить-то, вотъ блинками закусите, — просилъ Митя.

— Блинковъ — можно! Снова мамонька осѣнила себя большимъ кре-

стомъ и снова проговорила: «вѣчная память», пронося въ ротъ масляный блинъ.

— Теперь и мы помянемъ! Митя съ такими же приемами съѣлъ ложку куты, выпилъ рюмку горечи и закусилъ блиножъ.—Что-же ты? обратился онъ къ Агашѣ, видя, что та не палила себѣ водки. — Выпей, небось, никого нѣтъ, не осудятъ.

— Полно-ко, чтой-то ты, Митрей Митричь, гдѣ мнѣ экой амегъ пить... Я съ чарки, пьяная упаду,—отвѣтила скороговоркой Агаша.

— Ну, не кобенься-же, пей, мамонька старый человекъ, да не отказывается; замѣтилъ не совсѣмъ мягко супругъ.

— Али ужъ выпить одну! нерѣшительно и полувопросительно проговорила Агаша, и вслѣдъ за тѣмъ быстро выхлебнула полную чарку.—У—у—у! зелье какое, ядъ!.. прибавила она больше для приличія и закрыла ротъ ладонью. Потомъ всѣ молча принялись въ запуски истреблять блины. Когда на тарелкѣ остался одинъ блинъ, мать, не рѣшаясь взять себѣ этотъ стыдливый кусочекъ, сочла за лучшее нарушить молчаніе.

— Напрасно, Агаша, не поवेशь надъ свекоромъ-то, смотри коли кто не осудитъ... Хоша онъ и свекоръ тебѣ, а попечалиться, матка, не мѣшаетъ.

— Для че бы и не повыть, да солопъ-то матерчатый боюсь, спорить,—отвѣчала Агаша.

— А ты, матка, чуйку мужнину на-ничку вывори, разстели да и котайся по ней, одежи не испортишь... А то вотъ этакая Шлюшиха слухъ пустить, какъ про меня, не хорошо. Это на свадьбѣ у Деминатовыхъ, начала меня позорить она, что я такая я и сякая, и мужъ-то покойникъ похода—да зря меня билъ, что всѣхъ домашнихъ я поѣдомъ заѣла; ну, знакомое дѣло, на все это я ей отпѣла ирекрасю, что даже со злости она позеленѣла вся... Такъ дерни ее нечистый, согрѣшила я грѣшница, покорить меня, что памяти по мужѣ какъ подобаетъ не справляю—на могилкѣ мужниной въ родительскія субботы никогда не причитаю, а?... Даже всѣ ахнули!.. а я вотъ какъ на огнѣ сгорѣла, потому по слабости человѣческой точно закону этого я не исполняла и говорить противъ Шлюшихи мнѣ ужъ было не возможно, какъ сама я была виновата. Вотъ сегодня за всѣ разы завыла, пусть не корить...

— Мамонька-съ! перебилъ ее Митя:—пожалуйте еще чарочку.

— Не много-ли, Митя, не захгѣлѣть бы?

— Ничего-съ, какой хмѣль — время осеннее... Теперь отъ воды одна теплота... откушайте-съ, и я за вами. Съ одной то хромать ставень, право-съ.

Маменька и сынокъ выпили.

— Что же вы, блингомъ закусите?

— Закусывай самъ... я и такъ...

— Какъ это возможно такъ... кушайте, наше дѣло привычно... Возьмите, — приступалъ Митя.

— Да развѣ пополамъ?

— И то можно-съ.

Стыдливый блинъ былъ раздѣленъ и съѣденъ пополамъ.

— Ну-ка, Митя, я тебѣ не сказала, какой нынче со мной грѣхъ случился, ужъ не знаю, какъ это мнѣ зачтется, право не знаю... Такое дѣло...

— Что такое-съ?

— Подала я поминанье, чтобъ просвирку за упокой мужа вынули. Народу въ церкви не протоиная и все съ поминаньями. Вотъ до-толкалась, подхожу за просвиркой своей, — дьячекъ траздавалъ, — выно-сить онъ просвиру и поминанье, приняла я отъ его и отошла къ сторонкѣ. Гляжу я на поминанье, ровно бы не мое, — на моемъ-то два Митрія, Акулина да Степанида значились, а на этомъ ничто много именъ подаписано. Взяло меня сумлѣнье, подошла я къ одному духовному — семенаристу и прошу его это прочитаетъ. Началъ онъ мнѣ поминанье читать, такъ я нали испужалась, все имена-то мудренныя да словно бы не христіанскія, именъ десять. Дай Богъ память, какъ оно... Да — да, Фортунатъ какой-то... Думала я, думала: какой такой Фортунатъ человекъ? Робость меня взяла. Помнилось мнѣ, не дьявольское-ли это навожденіе... Пошла къ дьячку, а у самой колѣнки дрожать. Говорю ему: такъ и такъ, въ поминанья у меня Митрій, Акулина да Степанида значатся, а Фортуната никакого нѣтъ, ошибся де ты — чужую просвиру мнѣ вынесъ, чужихъ поминать я не на-мѣрева. Обозвалъ онъ меня душой да я ушелъ въ алтарь... Такъ я поминанье этого Фортуната и съѣла. Вотъ и не знаю, зачтется ли это моимъ сродственникамъ, али одному Фортунату пойдетъ... Ъла просвиру-то да все поминала: Митріевъ, Акулину да Степаниду, Ми-тріевъ, Акулину да Степаниду, разъ съ десять поминула... Кажется, надо бы имъ зачесть, а не знаю, какъ будетъ...

— Страсти Господни! кто такія имена придумываетъ! воскликнула Агаша.

— Это еще что за мудреное имя!.. Когда мы за бариномъ стояли, такъ онъ самые что ни на есть чудныя имена новорожденнымъ прибиралъ. Ни отецъ, ни мать изъ двора не смѣй окрестить ребенка, покась онъ имени не дастъ. Напишетъ имя на записочку, эту записку спесутъ вмѣстѣ съ ребенкомъ попу и какое имя написано, такое и долженъ попъ при крещеньи дать. Во всей дворнѣ у насъ необикновенныя имена были: Форейтора звали Смарагдъ, поваришковъ одного—Дула, другаго—Осана, камердинера—Филологъ а казачка—Философъ; горничнымъ дѣвкамъ прибиралъ самыя, такъ сказать, зазорныя имена: одну окрестили Проскудіей, другую—Коздоей, третью—Магриной... Срамота послушать!.. а прибиралъ все по святцамъ, имена законныя. Вотъ какой азарникъ былъ!

— Заговорилась я съ вами, чуть было и не позабыла... перебила мать рассказъ Мити и быстро встала на ноги...—Налей-ко, батюшка, водочки чарку да подай тарелку съ кутьей. Митя исполнилъ желаніе родительницы.

— Вѣчная память, царство небесное!—съ умиленіемъ, вполголоса произнесла она и вылила рюмку водки на могилку мужа.—О-о-охъ! любилъ, покойникъ свѣтъ, въ хорошей компаніи рюмку выпить. Вѣчная память, вѣчная память! твердила она, обсыпая кутьей всю могилу.—Ты, Митюшка, закажи, батюшка, бесѣдочку коло могилки-то, столикъ да скамейку, а то не гдѣ у сожителя-то и посидѣть... вмѣстѣ съ гаматниками и закажалъ-бы.

— Я, мамонька, закажалъ-съ,—по веснѣ поставятъ въ лучшемъ видѣ.

— То-то... Не пристаю родителю-то такъ лежать, словно безродку какому—не вѣсть что про тебя стануть говорить... Не хорошо!

— Чему хорошему быть; мы не нѣмцы, да и у тѣхъ, сказываютъ, на могилахъ-то кресты стоятъ, иначе мы русскіе и должны свой законъ соблюдать... У меня бесѣдка заказана отличная, въ розовую краску окрасить сговорилъ, скамейка просторная, хоть выспись... Откушайте-ка рюмочку горечя. Митя подаль матери чарку.—Памятникъ такой поставимъ, что въ носъ бросится; первогильдейскому купцу подъ такимъ лежать не стыдно-съ.

— И со стишкомъ? спросила любопытно мать.

— Извѣстно, со стишкомъ-съ... У насъ дьячекъ въ приходѣ на счетъ стиховъ шустрый, — за поль-штофъ какую хочешь рацею сочинить.

— Ты, Митюшка, какъ заказывать-то стишокъ станешь, накажи, чтобъ помянулъ онъ въ немъ про смертную сѣкиру. Надъ дѣдушкой то же крестъ стоять, крестъ-то, сказать, не заправскій только надпись-то ужъ очень жалостна; ужъ забыла я теперь весь стишокъ, помню начинается: «Смертная сѣкира съ жизнью разлучила», а тамъ и пойдетъ, и трубный гласъ и райская обитель, про все, про все помянуто, больно занятно.

— Про все, мамонька, помянемъ-съ; будьте безъ сумленія въ этомъ.

— Разумникъ ты у меня, да! печально вздохнувъ сказала мать; мы-то вотъ здѣсь объ немъ печалимся, а онъ тамъ радуется, мы слезы льемъ, а онъ ангельской улыбкой улыбается да на насъ невидимо смотритъ... Повой ты matka, Агаша, ему тамъ это зачтется, сердечному; вѣдь имъ тамъ все зачитается, не полѣнись, matka, повой для его душеньки, а я послушаю.

— Съ моимъ великимъ удовольствіемъ, отвѣтила Агаша, сняла съ мужниныхъ плечъ чуйку и стала раскладывать ее по землѣ.

Въ это самое время къ сядящимъ подошелъ чловѣкъ въ полу-монашескомъ костюмѣ. На головѣ у него была надѣта черная шапочка въ родѣ скуфы, отрощенные волосы лежали по плечамъ, темно-бурый грубаго сукна халатъ былъ стянута въ талиі кожаннымъ широкимъ поясомъ. Опершись на палку, онъ остановился не вдалекѣ отъ могилы и произнесъ нѣсколько въ носъ и на распѣвъ: — «Страннику, ко граду Іерусалиму грядущему, подайте, православные христіане. Отъ юности моя возлюбихъ странствіе, удостоенъ былъ азъ многогрѣшный узрѣть кievскія пещеры, соловецкую обитель и иныя, многія достославныя вѣси, идъ же труженицы многоспасительное житіе скончали и подвигами весь міръ преисполнили. Въ пустыняхъ и дебряхъ скитахся, отъ студенаго моря сюда приходъ, многія болѣзни, велій гладъ и мразъ претерпѣхъ и не убояхся. Восхотѣлъ бо, многогрѣшный, свое скудельное естество, тѣломъ нарицаемое, погребсти во святой землѣ. Ревнуйте, православные, да уготоваю азъ, недостойный, пути свои! Воздаяніе сторицею не отъ рукъ получите». Кончивъ заученное на зубъ вступленіе, странникъ отвѣсилъ глубокой поклонъ и зоркимъ взглядомъ осмотрѣлъ присутст-

вующихъ, желая безъ сомнѣнія уяснить себѣ, какое впечатлѣніе произвела его рѣчь на слушателей. Слова странника прилипли всѣмъ по душѣ. Его длинная съ просѣдью борода, худое, помятое лицо, распущенные, темнорусые волосы, яркіе на выкатъ глаза, благоговѣйная мина и сучковатый посохъ уже обаятельно подѣйствовали на женщинъ. Дмитрій Дмитріевичъ сначала недовѣрчиво взглянулъ было на странника, но услыша, что онъ говоритъ по церковному, умилился; мать-же его и жена рѣшили, что это *подвижникъ*.

— Примите, батюшка, не взыщите... по достаткамъ нашимъ, что можемъ, — говорила мать, вручая страннику трехгривенный. Странникъ низко кланялся.

— Всякое даяніе благо, всякъ даръ совершенъ... И вдовицына лепта... началъ онъ говорить на распѣвъ.

— Развѣ ты батюшка, слышалъ отъ кого, что я овдовѣла?—перебила она странника и толкнула локтемъ невѣстку, проговоривъ ей скороговоркой на ухо: *привидиць, matka, привидиць!*

Странникъ тотчасъ же смекнулъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло, поднявъ глаза къ небу, съ минуту молча посмотрѣлъ упорно и присгально вверхъ, потомъ закрылъ глаза и покрутилъ головой. Всѣ трое смотрѣли на него, затаивъ дыханіе.

— Сердце мужа чувственно, печаль души его: егда же веселится, не примѣтается досажденію... Мудрыя бо жены создаша дома, безумная же раскопа руками своими; прорекъ онъ торжественнымъ голосомъ.

— Это кто же будутъ мудрыя-то, а кто безумныя?—робко спросила мать... Странникъ молчалъ, опустилъ голову.

— Можетъ, батюшка, удостоите присѣсть, люблю я, грѣшница, разговоры эти, отъ божественнаго. Кажется, вотъ весь бы день такъ и слушала и объ ѣдѣ-то забудешь.

— Не о единомъ хлѣбѣ человѣкъ сытъ бываетъ!—замѣтилъ странникъ, усаживаясь на землю и искоса поглядывая на полуштофъ.

— Какъ васъ, батюшка, звать-то, имя-то ваше?

— Рабъ божій Алундій, госпожа честная.

— Можетъ, отче Алундій, не побрезгаете: блинковъ откушаете?

— Предлагаемое да ѣдать, отвѣчалъ Алундій, не смотря никому въ лицо.

— Сбѣгай-ко, Митя, поскорѣй къ палаткамъ, возьми десяточекъ блинковъ... Митя схватилъ тарелку и быстро отправился за блина-

ни... Ужь—и боюсь... какъ бы не прогнѣвить васъ... можетъ, теперь водку пить воспрещено, отецъ Алундій.

— Разрѣшеніе вина и елея! сказалъ странникъ и принялъ изъ ея рукъ чарку.—Вѣчная память усопшимъ! здравіе и долголѣтіе живущимъ! произнесъ онъ, съ наслажденіемъ медленно выпивая водку.

— Спасибо, честной отецъ, спасибо... А что, батюшко, прости ты меня глупую, что я тебя спрошу: трудно въ пустыняхъ-то жить?

— Житіе въ пустыняхъ, матушка, жестоков... вышеестественные подвиги пустынножители приемлютъ...

— Такъ, такъ, о Господи помилуй! Что же тамъ въ этой пустынѣ вы дѣлаете?

— Плоть свою всѣми видами томимъ.

— Вотъ, батюшко!.. Чай съ непривычки-то куда какъ трудно бываетъ плоть-то свою томить?

— Велии труды подъемлемъ... Врагъ рода человѣческаго — дьяволъ все усердіе полагаетъ, дабы соблазнить единого изъ насъ...

— Какъ не соблазнять, на то онъ въ міръ посланъ... Охъ, Господи помилуй. Мясного-то, чай, въ пустыняхъ не вкушаете?

— Мясныхъ пицей не вкушаемъ, дабы не лишиться за то небесной пици. Въ посты и рыбы не приемлемъ, токмо, хлѣбъ съ солю и съ пепеломъ смѣшая, ѣдимъ.

— Вотъ какъ Агаша, съ пепломъ!.. вскричала мать и перекрестилась... Подвижники, вами міръ грѣшный держится,—прибавила она съ умиленіемъ.

— А какъ, отецъ Алундій, сказала Агаша,—толкуютъ, что зайца ѣсть не положено, какъ по священному?

— Не положено, не положено! Не снѣсти, сказано, всякія мерзости: верблюда, и зайца, и хирогрулла, орла и грифа, неасти и ятина, и врана, и врабья, и выпелицы, и каторокта, и вдада, хородриона и теслоноса, и подобныхъ симъ.

Митя принесъ блины и поставилъ передъ Алундіемъ.

— Просимъ милости, откушай, батюшко, блинковъ,—просила съ поклонами мать. Да можетъ еще водочки?

— Можно, врачно отвѣчалъ странникъ. Митя налилъ и подалъ ему съ низкимъ поклономъ. Алундій съ разстановкой, тонкой струей пропускалъ въ горло эту живительную влагу, какъ пьютъ завзятые пьяницы, потомъ съ какииъ-то остервененіемъ сталъ рвать блины, набывая ими ротъ.

— Вотъ, Митрій Митричъ, отецъ Алундій говоритъ, что зайцевъ ѣсть грѣшно,—обратилась Агаша къ мужу:—по книгамъ, ихнымъ это показано, а мы ѣдимъ.

— Не долѣбеть, не долѣбеть! проговорилъ странникъ, прожевывая блины.

— Ты, теперь, какъ хочешь, Митрій Митричъ,—зайца я готовить не стану, хоть ты его любишь... Окромя грѣха, всю посуду опоганишь, лучше и не покупай, горячилась Агаша.

— Звѣрь мерзостный! замѣтилъ странникъ.

— Не зачѣмъ и покупать, коли мерзостный... Митя, чай, въ законѣ православномъ живеть, не арапъ какой безбожный. А ты насъ, Агаша, не перебивай! Дай вотъ отца Алундія послушать,—внушительно сказала мать...—Какими же способами, батюшка, вы плоть-то свою томите?

— Многообразно, матушка, многообразно: власяницу по нагу тѣлу носили, или поясъ, отъ желѣзъ устроенный.

— Вотъ какъ, батюшко!

— Молчаніемъ себя украшаемъ, продолжалъ Алундій.

— Не мы видно, грѣшныя. Все-то суетное да мерзкое у насъ на умѣ, а вы все о горнемъ. Господи помилуй! все о горнемъ.

— А какъ, батюшко, насчетъ недоносковъ — выкидышей, есть въ этомъ грѣхъ какой? обратилась Агаша.—Сказываютъ, что души въ нихъ нѣтъ, одинъ парь... Какое имъ мѣсто назначится, куда они пойдутъ на...

— Полно, полно, 'матка! Все ты о непутномъ спрашиваешь, перебила ее мать.—Не хорошо!

— Да что же, мамонька, это вѣдь не такое что, у нихъ чай по книгамъ это значится, какъ на счетъ выкидышей...

— Молчи! коротко и сурово замѣтилъ Митя. Агаша сжала губы въ копѣчку и надулась.

— Невѣстушка? Проговорилъ странникъ, осматривая любовно Агашу.

— Невѣстушка, отвѣчала мать,—бабеночка, знаешь, молодая, году еще за мужемъ не выжила, такъ любопытствуетъ по женскому своему любопытству... въ тягостяхъ... полупешотомъ прибавила она, наклонясь къ уху Алундія.—Больно мальчика хочется—сынка.

— И да будетъ по хотѣнію ея! таинственно отвѣтилъ странникъ, поднимая руки къ небу.

Мать передала слова его Агашѣ, и обѣ перекрестились.

— Какъ у васъ тамъ, въ пустынь-то избы что ли понадѣланы?

— Кельи изрядныя устроены.

— И братіи много?

— Достаточно, госпожа, достаточно.

— И все, чай, мужской подѣ?.. Намъ, женскимъ дѣломъ, трудно себя въ такой жизни соблюсти... Женщинъ-то у васъ нѣтъ?

— Есть, какъ не быть...

— Ну, чай, въ спасеніи-то до мужчинъ имъ далеко?

— Нѣтъ, госпожа. Последняя и немощѣйшая чада женская показа ревность и древнихъ мужей примѣтъ силу... изошедъ изъ міра, житіе жестокое въ пустынь проходить.

— Вотъ какъ, батюшко! Хоть бы глазкомъ однимъ на ваши пустынные подвиги посмотрѣть... То-то, чай, умилительно?

— А какъ, отецъ Алундій, сказываютъ, что если паука убить, сорокъ грѣховъ снимается, а птицу въ Благовѣщеневъ день на волю выпустить—сколько грѣховъ прощается? Пауковъ-то я почесъ каждый день бью, въ гумнѣ ихъ у насъ видимо-невидимо....

— Чтой-то, Агаша, словно ты малой ребенокъ!.. беспокоить ни вѣсть чѣмъ отца Алундія. А-а-ахъ! молодо еще зелено! съ укоризной замѣтила мать...—Все въ васъ мірскіе помыслы.

— Да вѣдь, мамонька, на счетъ спасенія, тутъ мірскаго нѣтъ...

— Я тебѣ сказалъ: молчи!... Что еще хочется?.. Есть кому по-тарше тебя говорить, ты должна слушать... Я твой мужъ и не глупѣ тебя, а молчу...—Не удостоите ли, отецъ Алундій, еще водочки? отнесся Митя къ страннику, желая прекратить непріятный разговоръ съ женой.—Пожалуйте-сь! Опъ налилъ чарку и подаль Алундію. Странникъ выпилъ и поставилъ чарку близъ себя.

— Цѣльный день вы въ молитвахъ пребываете? спросила мать.

— Не только день, но по вся ноци правило келейное исполняемъ съ великимъ умиленіемъ и съ слезами!

— Неушто и въ постелю не ложитесь, не поживаете?

— Постели отнюдь не имѣемъ, но на голой землѣ или на лавцѣ малый сонъ приедемъ, на ребрахъ и поживаемъ!

— Ахъ подвижники, подвижники!

— Воды на голову и на ноги не полагаемъ во всю жизнь, а вшей у себѣ не имѣемъ.

— Чудеса!.. Ну, а женщины то какъ?

— Жены жалостнымъ, умиленнымъ гласомъ поютъ, индѣ плачутъ со гласомъ и скорбію; крестное знаменіе и поклоненіе зѣло и прилежно на лица полагаютъ.

— А одѣяніе-то какое носить?

— Вѣтхое, многокропанное, многотынное одѣяніе на себѣ носить, и въ оныхъ же въ зимнія мразныя ночи на улицѣ молитвословіе творять. Жены благоприступны у насъ, госпоже, и милостивы....

Рѣчь Алуидія прервалъ подошедшій къ могилѣ господинъ. Это былъ высокій, плотный мужчина, лѣтъ за пятьдесятъ, съ красно-синимъ, немножко рябоватымъ лицомъ, съ сѣдыми, тщательно закрученными вверхъ усами и маленькими водяными глазами, которые онъ страшно тарасилъ, желая придать своему взору строгую суровость и внушить къ себѣ уваженіе. Засаленный черный скрутокъ его былъ застегнутъ на все пуговицы, грудь украшалась нѣсколькими грязными орденскими ленточками; панталоны, цвѣтъ которыхъ мы отгадываемся опредѣлять, доходили только до икръ и спускались грязными отшмыганными фестонами на порыжелыя голенищи, которыя въ свою очередь искусно были вправлены въ гуттаперчевыя блестящія галоши. Старенькая фуражка съ краснымъ околышемъ и офицерской кокардой покрывала его сѣдую голову. Солдатская казарма оставила неизгладимые слѣды на его виѣшности. Смѣло, гордо, фронтовой походкой онъ подошелъ къ бесѣдующимъ и, пригложивши къ кокардѣ руку, небрежно кивнулъ имъ головой.

— Почтенные сограждане! началъ онъ громко и сиповато. — Позвольте утруждать васъ моею просьбою: предъ вами стоитъ воинъ, бывший въ осмнадцати сраженіяхъ, проливавшій свою кровь въ защиту родины и принесшій все силы на алтарь любезнаго отечества. — Помогите капитану израненному и удрученному тяжкими болѣзнями. Васъ проситъ благородный кавалеръ; — онъ указалъ рукой на свои орденскія ленточки.

— Богъ подастъ, не взыщите, — ствѣчала съ поклономъ мать. Дмитрій Дмитриевичъ нахмурился, Агаша боязливо и тупо поглядывала на воина, а странникъ торопливо взялъ въ руки посохъ, чтобъ на всякій случай быть готову улизнуть.

— Я васъ не утруждаю большимъ, помогите благородному человѣку, чѣмъ можете... рубль... Воинъ пытливо посмотрѣлъ на всѣхъ... — Полтинникъ... Точно такой же взглядъ и внушительное

молчаніе — Наконецъ ничтожный четвертакъ, надѣюсь, не раззоритъ васъ, сказалъ онъ съ пренебреженіемъ.

— Нѣту денегъ съ нами... не взыщите! отвѣчала мать.

— Нѣту денегъ! Странно, очень странно. Ну, двадцать копѣекъ?... пятиалтынный... гривенникъ... и того нѣтъ?

— Сказано, нѣтъ, чего еще надо!—петерпѣливо замѣтилъ Митя.

— Сказано нѣтъ! повторилъ воинъ, передразнивая Митю.— На нѣтъ и суда нѣтъ... Въ такомъ разѣ позволите мнѣ, какъ благородному человѣку, рюмку водки... Что, и этого жаль? На вопросъ ему не отвѣчали. Подождавъ немного, онъ отставилъ лѣвую ногу впередъ, поднялъ на отлетъ правую руку и продекламировалъ торжественнымъ гблосомъ:

О вы, что истины священной
Избраны присидѣть стопамъ,
И голосъ яры восхищенной
Въ восторгѣ обращаю къ вамъ!
Не отымите гладнымъ пищу,
Судите правдой свра, нищу,
Не презрите вдовицы слезъ;
Ни лучъ сребра, ни хитры лести
Да вашихъ не затмятъ очесъ.

— Чтожь, позволите мнѣ, какъ благородному человѣку, рюмку водки, а? Дадите, или нѣтъ, а? Да чтожь, отвѣтите вы или нѣтъ? — Всѣ молчали... Проходящіе съ любопытствомъ останавливались и смотрѣли на декламатора. Около этой группы собралась порядочная кучка зрителей.

— Да никакъ, братецъ, это нашъ рядскій *капитанъ*—*сыра*?—говорила одна синяя чуйка другой.

— Онъ, онъ... Да чего онъ къ нимъ присталъ, потѣшаетъ; народъ, они по виду-то серьезной, вишь и монахъ съ ними сидитъ; отвѣчала другая.

— Може, съ *олитомъ* подошелъ, пробуешь, то есть, просто, *сорвать подальше* хочеть; даромъ приставать не станеть... Подождемъ, что будетъ?

— Подождемъ,—ишь ты какъ онъ выступаетъ...

Воинъ трагической походкой подошелъ къ самому Дмитрію Дмитріевичу и, размахивая яростно руками, загорланилъ:

О звѣрь безчувственный,
Безъ разума и сердца!...

— Слушай ты! — вскричалъ Митя, вскакывая на ноги...—Проваливай, покесь цѣль, слышишь?... Проходи, тебѣ говорить.

— Что-о? грозно скрестивъ руки на грудь, протяжно пробасилъ капитанъ.—Какъ ты мнѣ смѣешь такъ говорить, а?—борода? Я моему государю капитанъ, а ты кто таковъ, а? Я кровь свою за вѣру проливалъ, я разныхъ орденовъ кавалеръ... А ты, алтынникъ, вершинникъ, смѣешь со мной тыкаться?

— Я тебѣ въ послѣдній разъ говорю, уходи, не ругайся.

— А я не только не уйду, а вотъ еще здѣсь сяду... Здѣсь земля не откупная,—на вотъ, смотри. Капитанъ сѣлъ рядомъ съ Агашей.

— Мнѣ очень приятно такую сосѣдку около себя имѣть. Я кавалеръ, сударыня, обходительный, съ малыхъ лѣтъ влеченіе къ женскому полу имѣю... ась?—обратился онъ къ ней.

— Митрій Митричъ!... Пристааетъ... что за напасть такая!—вскричала Агаша, отодвигаясь отъ капитана.

— Уйдешь ты или нѣтъ?... Чего тебѣ еще хочется? наступая на капитана, озлобленно говорилъ Митя.

— Какъ васъ, сударушка, звать, по имени, отчеству величать? приставаѣ воинъ къ Агашѣ, не слушая и не смотря на ея мужа.—А вы не отодвигайтесь, воздухъ прохладный, поближе-то сидѣть потеплѣе. А вы салопчикъ-то застегивайте, не ровно простудитесь... Дайте-ко, я васъ закутаю.—Капитанъ нагнулся къ Агашѣ и протянулъ руки, чтобъ застегнуть салопъ.

— А, батюшки, Господи!.. что за ахальство такое!—вскричала она, откидываясь назадъ всѣмъ тѣломъ.

Митя потерялъ терпѣніе и изо всей силы толкнулъ капитана въ плечо. Тотъ только этого и ждалъ,—онъ упалъ лицомъ на землю, руками схватился за длинныя полы Митина сюртука и заоралъ во все горло.

— Батюшки, караулъ!... Караулъ — убили!.. Батюшки, помогите... Помогите—караулъ! Онъ катался по землѣ, не отпуская сюртучныхъ полъ.

Толпа тѣснѣе и тѣснѣе сдвигалась. На крикъ со всѣхъ сторонъ сбѣгался народъ. Даже торговцы сайками, калачами, колбасами, грушами и квасомъ спѣшили на зовъ казенной пѣсни.

— Бей, его бей!—на бѣгу надѣвая засаленную чуйку, кричалъ молодой парень, ремесленникъ, не понимая въ чемъ дѣло, и не видя никого, кромѣ бѣгущей толпы. Странникъ пользуясь происшедшимъ смятеніемъ, счелъ не лишнимъ положить въ карманъ серебряную чарку и юркнуть въ толпу.

— Батюшка, ваше высокоблагородіе, брось ты его, оставь... На, вотъ возьми двугривенничекъ... Прости его Христа ради! уговаривала капитана мать Мити.

— Нѣту, здѣсь не двугривеннымъ пахнетъ... Пусть ведутъ въ часть... Ой... караулъ! убили, убили! уцѣпившись за полы, стоялъ на колѣняхъ и кричалъ во все горло капитанъ.

— Эки грѣхи стряслись, Господи!.. Возьми полтинничекъ...

— Полноте, мамонька! поребилъ ее Митя, стараясь вырвать полы изъ рукъ вонна. — Пусти, тебѣ говорить; пусти!

— Нѣтъ, стой!.. Карау-уль... кара-у-у-уль! повиснувши на сюртукѣ, не переставалъ отчаянно кричать оскорбленный капитанъ.

Началась борьба. Митя, стараясь высвободить сюртукъ, таскалъ изъ стороны въ сторону капитана.

— Какъ, братецъ мой, уцѣпился!—замѣтилъ одинъ изъ зрителей.

— Здоровый какой!.. Да ты его, парень, сапогомъ-то по головѣ, отцѣпить,—совѣтовалъ другой.

— И то, конни каблукомъ-то,—подхватилъ третій.

— Конни!. Дратся, чай, не приказано... Чего не скажетъ:—кокни, — какъ кокнется... Возразилъ четвертый.

— Раздвинься, дай мѣсто, вишь имъ развернуться не гдѣ! обращался къ публикѣ пятый...—Пущай онъ ему кишки повывмотаетъ... Вона и бутори бѣгутъ.

— Что это такое, что это такое?... Посторонись, посторонись,—раздался сзади толпы чей-то повелительный басъ. Толпа раздвинулась. Переваливаясь съ боку на бокъ, подошелъ господинъ въ военной шинели, въ форменной фуражкѣ и съ крестомъ на шеѣ, который былъ выставленъ на показъ, для чего и шинель была открыта около шеи. Любой наполеоновскій саперъ позавидовалъ бы бакенбардамъ, усамъ, бровямъ и вообще растительности на лицѣ этого военнаго. Признаковъ тѣла нельзя было разглядѣть на его физиономіи; она представляла поспѣлый затылокъ негра, на которомъ какимъ-то чудомъ смотрѣла пара блесоватыхъ, злыхъ глазъ.

— Что это значить, а? Безпорядки, буянство... Полиція нѣтъ,

а? Гдѣ полиція? Нѣтъ полиціи... Взять ихъ, взять... свести въ часть, наказать: — пробасилъ онъ отрывисто, рѣзко, повелительно, точно распекалъ толпу. — Что вы стоите? обратился онъ къ зрителямъ: — я говорю, взять ихъ, слышите: — взять. Толпа безмолствовала, передніе потѣснили заднихъ. Борющіеся остановились. Агаша заливадась слезами.

— Батюшко, ваше сіятельство, разбери ты, вотъ какое дѣло... робко подступая къ нему, начала мать.

— Молчать! Я говорю, взять! перебилъ ее сурово военный... Чтожь вы не исполняете приказанія, а? Вы негодяи... да, да... всѣ вы негодяи. Эй, будочники, полицейскіе!

Три будочника наконецъ пробрались черезъ толпу.

— Отъ чего васъ нѣтъ, а? Беспорядки... распушены вы, а? Убрать ихъ, убрать!.. Чтобъ у меня... то есть здѣсь было тихо, да!

— Слушаемъ, ваше п-ство! дѣлая на лѣво кругомъ, отвѣчали полицейскіе стражи.

— Батюшка, дозвожь выслушать, — снова обратилась къ нему мать Мити.

— Молчать!.. баба! Я приказалъ, я... Вы вольница, распушены всѣ... убрать ихъ... отъ моего имени отвести въ часть.. сказать, что я приказалъ... Да, чтобъ наказать, да... слышите?

— Слушаемъ, ваше п-ство, скажемъ! отвѣчали стражи.

— То то... да... беспорядковъ не терплю, не терплю... У меня тихо, благочиніе... а вы чего смотрите? накинулся онъ на толпу. Маршь по своимъ мѣстамъ!.. Да, да!.. Вы распушены, негодяи всѣ, васъ учить надо, смотрѣть за вами строго... Расходись, расходись!.. Чтобъ у меня того... чтобъ этого не было... Да, да, порядокъ... порядокъ! Негодяи... каналы! окончилъ онъ, величественно проходя чрезъ разступающуюся передъ нимъ толпу.

— Ну-ко, ну!.. ступайте за нами, — сказалъ старшій полицейскій, подходя къ Митѣ и капитану, который успѣлъ встать на ноги.

— Пойдемъ! отвѣчалъ капитанъ, поправляя фуражку. — Я моему государю капитанъ и за честь свою по закону долженъ стоять.

— На что идти... Теперича мы пріѣхали сюда родителя помянуть тихимъ манеромъ, а онъ, выжига, ни съ того, ни съ сего приставать сталъ: — протестовалъ Митя.

— Тамъ начальство разбереть... ступайте! перебилъ полицейскій;— нечего тутъ говорить.

— Вотъ что кавалеръ, мы ужъ за тѣмъ не стоимъ и вамъ заплатимъ и ихъ высокоблагородію, только ослободите сынка-то... По частямъ-то да по кварталамъ его таскать стануть... сквозь слезы просила мать,

— Я не согласенъ! принимая театральную позу, сказалъ капитанъ.— Веди обоихъ!.. Одинъ изъ полицейскихъ началъ что-то тихо говорить на ухо матери. Капитанъ это замѣтилъ.— Безъ совѣщаній, веди! да!.. Предъ закономъ я слово правды прорекну! продекламировалъ онъ съ жестами, такъ что толпа расхохоталась

— Иди, иди, Митинька!.. собери, matka, Агаша, посуду-то, да гдѣ отецъ Алундій, али ушелъ?.. Гдѣ ему, подвижнику, на страмоту этакую смотрѣть!.. Идите, батюшка! просила мать, успокоенная разговоромъ съ полицейскимъ.

— Что-жъ это такое?.. Вѣдь это, прости господи, разбой... Добрые люди, вы сами видѣли, кто тутъ виновать... за что я долженъ эдакой срамъ терпѣть?.. Разсудите хоть вы,—потеряннымъ голосомъ говорилъ Митя.

— Иди, батюшка, иди! тихо сказала ему на ухо мать:— кавалеръ за воротами обѣщаетъ отпустить.

— Идите, идите... долго ль намъ ждать... хуже, силой поведемъ,—твердили будочники.

Митя быстро накинулъ на плечи поддевку. Капитанъ скомандовалъ: тихимъ учебнымъ шагомъ... ма-а-ршь!

— Разбой, какъ есть денной разбоой!—съ озлобленіемъ сказалъ Митя и двинулся отъ могилки.

Рядомъ съ нимъ выступалъ капитанъ, напѣвая:

Кончылъ, кончылъ дальній путь,
Вижу край родимый!

Большая часть зрителей съ хохотомъ кинулась провожать ихъ. Полицейскіе безуспѣшно уговаривали публику разойтись. Нѣсколько любопытныхъ осталось около могилы, гдѣ собирала посуду Агаша, передавая ее тещѣ, чтобъ завернуть все въ одинъ узелъ.

— Ну, матушка, поскорѣй, поскорѣй собирай... надо ихъ догнать,—торопила мать.

— Да чтой-то это?.. Чарку не могу найти... Нѣту вотъ, нѣту, — отвѣчала Агаша, осматривая кругомъ могилку.

— Можетъ, Митенька съ собой захватилъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... Зачѣмъ Митрію Митричу ее съ собой брать, да и некогда. А, батюшки, да вѣдь это стравнигъ ее слизнулъ!.. Ей, ей! это его дѣло... Онъ ее около себя и поставилъ да, все на нее смотрѣлъ... Ахъ ты грѣхъ какой, на-ка! Чарка-то шесть целковыхъ дадена! Ну ужъ воръ! Вотъ такъ воръ. Разставивъ въ разныя стороны руки и изумленно глядя на тещу, твердила Агаша... И что мнѣ ужъ за эту чарку отъ его... Митрія Митрича будетъ... Что за денегъ сегодня выдался! голосила она съвозъ слезы.—Хорошъ подвижникъ—воръ!

— Не гнѣви Бога, Агаша, можетъ еще совсѣмъ не его дѣло... уговаривала мать, осматривая могилу.

— Что мнѣ ужъ отъ *самого* будетъ... Чарка-то его любимая! Экое наказанье... о-о-хъ!

— Ну, не рѣви, matka, на себя приму... Не что съ матерью-то подѣлаешь...! Нечего ждать-то... пойдѣмъ... Экой грѣхъ!

— Пойдемъ, мамонька! Ну ужъ богомолецъ—воръ, а тоже все отъ священнаго. И что мнѣ будетъ, что мнѣ будетъ ужъ!

— Али что, касатки, обронули?—съ участіемъ спрашивалъ пожилой мѣщанинъ.

— Ну ужъ тольк бѣда!—съ отчаяніемъ проговорила Агаша и пошла вслѣдъ за матерью.

— Напились винищемъ-то да и ищутъ вчерашняго дня!—замѣтилъ проходящій кучеръ.

— Мѣщане—чего ждать! отвѣчала идущая съ нимъ подъ руку его сожительница въ модной шляпкѣ—мускетеркѣ.

— Еще не разошлись!.. не увели ихъ,— снова сзади толпы слышался повелительный голосъ военнаго,—а убрали? Убрали... говорилъ онъ, осматриваясь кругомъ.—А вы чего ждете? обратился онъ къ зрителямъ строго:—разойдись, маршъ! Я приказалъ... я... Избалованы, а? Страхъ потеряли... Дамъ я вамъ себя знать... мерзавцы, негодяи, каналы! Да, да, каналы... ослушники!... Погодите, погодите... Я васъ, я васъ! съ угрожающими жестами отошелъ онъ отъ изумленныхъ зрителей.

— Экой сердитый, знать набольшій въ полиціи!.. замѣтилъ глубокомысленно пожилыхъ лѣтъ купецъ своему спутнику тоже купцу помоложе.

— Нѣтъ-съ, Прокофій Макаровичъ, это генераль изъ отставныхъ, — возразилъ молодой.

— Чего-же онъ хлопочеть-то, изъ за чего горячится?

— По привычкѣ-съ... Какъ они очень долгое время, въ прохожденіи своей службы военной, командой этой солдатской въ полкахъ занимались, къ строгости навыкъ получили, потому и теперь, хоть и въ отставкѣ, а все-таки соблюдаютъ свои правила.. чтобъ какъ и что слѣдуетъ... насчетъ благочинія-съ.

— Та-а-къ! Выходить, порядки паблюдаетъ.

— Такъ точно-съ... Они даже на гуляньяхъ, въ Сокольникахъ, въ Марьиной или теперь взять въ Паркѣ, надъ простымъ народомъ командуютъ-съ. Ни одного гулянья не пропускаютъ... И завсегда такіе строгіе-съ.

— Это хорошо!.. значить, раченіе прилагаетъ, не забываетъ какой на себѣ носить чинъ.

— Именно-съ.

— Пойдемъ-во къ палаткамъ... Ништо блинковъ захотѣлось, — сказалъ пожилой, выходя изъ кучки толпящагося народа.

— Съ нашимъ удовольствіемъ... Пойдемте-съ, отвѣчалъ молодой, и оба направились къ палаткамъ.

Толпа рѣдѣла и оставшіеся зрители начали расходиться въ разныя стороны, толкуя объ оканчившемся представленіи, какъ вдругъ раздалось нѣсколько голосовъ:—Идетъ, братцы, сюда!... Видишь, какимъ фоаномъ выступаетъ и сигара во рту, ахъ, ты ляхъ его побей! Ручкой-то какъ размахиваетъ, да никакъ ассигнацію показываетъ?.. Побѣжимъ на встрѣчу, — кричала кучка мальчишекъ-халатниковъ, какъ извѣстно, страстныхъ поклонниковъ подобныхъ зрѣлищъ. Халатники пустились бѣгомъ. За ними двинулись кумушки, купеческіе сынки съ женами подъ ручку, ихъ маменьки и тятеньки, даже сѣдовласые старики плелись въ слѣдъ имъ. По главной дорожкѣ, съ сигарой въ зубахъ, мѣрно маршировалъ капитанъ. Въ поднятой вверхъ правой рукѣ онъ держалъ трехъ-рублевую ассигнацію. За нимъ и по бокамъ шелъ народъ, которому онъ величественно раскланивался, поднося лѣвую руку къ кокардѣ. Проходящіе, недоумѣвая, въ чемъ дѣло, примыкали къ этому шествію. Видя бѣгущихъ отъ могилы, онъ остановился въ торжественной позѣ и, когда они подошли, проговорилъ съ необыкновенной жестикуляціей:—Пришелъ, увидѣлъ побѣдилъ!.. Вотъ она, вотъ! — указывая на ассигнацію, продолжалъ онъ.

Не позволимъ оскорбить себя... Честь выше всего, а? Меня оскорбить, шалишь!..

Не вѣсмъ быть можетъ безызвѣстно,
 Что духъ его не укротимъ,
 Что радъ и честно и безчестно
 Вредить онъ недругамъ своимъ;
 Что ни единой онъ обиды
 Съ тѣхъ поръ, какъ живъ, не забывалъ....

— Чьи стихи вамъ читалъ? спросилъ онъ, обращаясь къ старухѣ мѣщанкѣ. Толпа хохотала. О, — чернь непросвѣщенна! Не знаешь — вотъ тебѣ за это что! Съ этимъ словомъ онъ затанулся сигарой и пустилъ въ лицо старухѣ цѣлое облако табачнаго дыма.

— Ахъ ты, проклятый! Всѣ глазоньки ослѣпилъ чертовымъ ладоньмъ! — вскричала старуха, протирая глаза.

— Ха, ха! Не любишь!.. Теперь всѣ по своимъ домамъ, ма-а-ршь!.. А я пойду въ заведеніе.

Вспомнишь, какъ бывало
 За двадцать годковъ —
 Ужъ враговъ пугало
 Имъ казаковъ!

Запѣлъ онъ, поворачиваясь на лѣво кругомъ и уходя къ воротамъ ограды. Публика не удовольствовалась этимъ и съ шумнымъ хохотомъ провожала его до выхода съ кладбища.

— Почтеннѣйшій, почтеннѣйшій!.. Позвольте на два слова, остановитесь, подождите, — тоненькой фистулой кричалъ щедушный, облизанный чиновникъ, догоняя, почти бѣгомъ, отошедшаго отъ веселой толпы благообразнаго и умнаго по лицу купца. Купецъ обернулся. Чиновникъ снялъ фуражку, поклонился и проговорилъ скороговоркой:

— Извините, что останавливаю васъ, извините пожалуйста.

— Ничего-съ, отвѣчалъ купецъ, раскланиваясь.

— Позвольте узнать, кто это такой, за кѣмъ вотъ толпа-то идетъ?.. Что это такое значитъ?.. Мнѣ бы любопытно знать-съ, не можете ли вы мнѣ объяснить? Извините, что утруждаю.

— Ничего-съ... любопытнаго тутъ, батюшка, не много, съ улыбкой началъ купецъ. — Одно безобразіе... Это, сударь, *метеоръ* гостиннодворскій.

— Какъ метеоръ?

— А такъ, просто, метеоръ... Пропойца, онъ изъ военныхъ... Каждый Божій день по лавкамъ въ городѣ шляется и купцы, значить, рядскіе такъ къ нему привыкли, что въ каждой лавкѣ кто денежку, кто копейку ему подасть, и прозванье они ему дали *капитанъ* — *сѣра*.

— Почему-же такое странное прозванье?

— А потому такое прозванье, что онъ мастеръ приставать; кто ему не подасть, онъ и пристанетъ, какъ сѣра, ни проходу, ни отбою не будетъ этому кушцу; на всѣ ряды его осмѣетъ, опозоритъ.

— Странно, какъ же онъ смѣетъ это дѣлать? Неужели купечество не можетъ отъ него избавиться?

— Какъ не мочь, отъ чего бы не избавиться, кабы захотѣли; въ томъ-то, сударь, и дѣло, что не хотятъ. Сами его еще къ этому безобразію поощряютъ, за его безобразіе ему деньги платятъ. Хоть бы къ примѣру взять, не ладитъ какой торговецъ съ своими, компаніи съ товарищами не водить, вотъ они сейчасъ сѣру и наустятъ. Сѣра сейчасъ и пристанетъ, начнетъ это разныя непристойныя слова говорить, да ругаться,—и выбираетъ этотъ пасквиль сдѣлать гдѣ люднѣе: въ Сокольникахъ, у Далекаго, однимъ словомъ сказать, чтобъ было на виду. А то коли видить этотъ капитанъ на гуляньи, кто порядковъ всѣхъ столичныхъ не знаетъ, или тотъ человекъ смиренный, онъ сейчасъ къ нему съ *опытомъ* подойдетъ.

— Какъ съ опытомъ?

— А такъ съ опытомъ. Вотъ онъ подошелъ съ этакимъ важнымъ видомъ къ вамъ милостыню просить, вы отказали, онъ сейчасъ вамъ дерзости говорить... Отвѣту вы ему не держите, пристать ему трудно; языкомъ, видить онъ, васъ донять нельзя, онъ либо плечомъ оленеть, либо на ногу наступить,—иной, который вспылчивый, за это сдачи дастъ,—выжигаетъ гранетъ объ землю и кричитъ не даровымъ матомъ: караулъ, убили, держите. Собьется народъ, найдеть полиція,—судъ да рядъ, какъ, что?.. Обоихъ заберутъ въ часть. срамота! Иной десять цѣлюдыхъ не пожмѣетъ, только сдѣлай милость, не приставай, отойди. Онъ что съ рядскихъ этимъ манеромъ денегъ набралъ.

— Любопытно, любопытно!.. И въ лавкахъ его любятъ, а?

— Разсудительные, которые изъ кушцовъ, даже очень сѣтуютъ, да нельзя, потому прикащики его прикармливаютъ. Потому вы возьмите,

нашъ прикащикъ читать не читаетъ, разговоръ у нихъ самый обыкновенный, пустой, стоять съ утра у лавокъ да покупателя зазываютъ, вѣдь одурь возьметъ,—что чаемъ себя накачиваютъ, отъ этого легкости нѣтъ. Вотъ сѣра и явится, потѣшаетъ ихъ, стихи имъ читаетъ, изъ театральнаго представляетъ, всякія мерзости говорить, имъ то и на руку, народъ не оболваненный, ну и хохочуть и пошло веселье... Вотъ какое это заведеніе у нихъ!

— Что же онъ здѣсь-то сдѣлалъ?.. За чѣмъ за нимъ толпа-то идетъ?—любопытно бы мнѣ знать... Можетъ, происшествіе какое, а?

— Не видалъ, сударь. Ничего любопытнаго нѣтъ, одно вольнодумство... Отъ него никакихъ происшествіевъ быть не можетъ, чтобъ интересныхъ, потому пропойца, выжига.

— Нѣтъ, нѣтъ, любопытно... съ озабоченной миной говорилъ чиновникъ; такъ вы не видали?.. Жаль, жаль!.. Можетъ быть, какой интересный случай про него знаете, а?

— Нѣту, батюшка, и случая никакого не знаю.

— Досадно, досадно!.. А впрочемъ я его догоню. Такъ не знаете? Покорно васъ благодарю, покорнѣйше васъ благодарю. Тамъ можно когонибудь пораспросить. Мое почтеніе, мое почтеніе,—извините, что обезпокоилъ; торопливо пожимая руку, говорилъ чиновникъ и бѣгомъ пустился догонять толпу, подходившую уже къ воротамъ.

— Съ чего онъ, ровно сумасшедшій какой?—думалъкупецъ, изумленно поглядывая ему вслѣдъ.

— Любопытная должно быть исторія... непременно надо разузнать... Расскажу ее Петру Ивановичу, онъ интересныя исторіи любить, смилуется—дастъ впередъ жалованье на будущій мѣсяць... Разсуждалъ вслухъ чиновникъ, несясь на всѣхъ рысяхъ къ кладбищенской оградѣ.

— И какого только необыкновеннаго народу нѣтъ! — промолвилъ купецъ, почему-то съ озлобленіемъ плюнулъ и пошелъ своей дорогой.

Смеркается. Оголенные деревья и кустарники отбрасываютъ длинныя, узорчатыя тѣни на бѣлыя могильныя плиты; косвенные лучи заходящаго солнца играютъ по верхушкамъ деревьевъ и, рассыпаясь по вѣтвямъ, блѣдно-оватыми полосами и пятнами, достигаютъ земли. Сѣрый туманъ встаетъ въ низменныхъ мѣстахъ кладбища и стелется по землѣ тонкой бѣловатой пеленой;—стрѣлчатыя церковныя окна рдѣютъ и блестятъ, точно внутренность храма объята сильнымъ

пламенемъ. Яркой звѣздочкой горитъ въ высотѣ колоколенный крестъ. Небо темнѣетъ на востокѣ и вечерній сумракъ едва примѣтно прокрадывается все дальше и дальше къ багровому западу. Въ воздухѣ сиверко; рѣзкій вѣтерокъ уныло завываетъ, пробѣгая по деревяннымъ крестамъ и каменнымъ памятникамъ. Съ печальнымъ шуршаньемъ падаетъ съ деревьевъ запоздалый бурый листъ. Цѣлыя стаи галокъ и воронъ тянутся отъ города и съ дикимъ карканьемъ кружатся надъ кладбищенскими деревьями, отыскивая знакомые сучья и вѣтви, на которыхъ они проводятъ обыкновенно ночные часы. Кладбище пустѣетъ. Часть поминальщиковъ окончила свой печальный визитъ родственникамъ и друзьямъ и возвратилась въ городъ. Иные, оросивши если не слезамъ, то водкой дорогія могилы, прогуливаются по погосту, читаютъ эпитафiи и глазѣютъ на затѣйливые памятники, Торгаши-латошники суетливо навязываютъ публикѣ остатки гнилого черносливу, промозглой груши, одеревенѣлыхъ пряниковъ. Неизбѣжный мороженникъ хрипло приглашаетъ прохожихъ погрѣться мороженнымъ.

— Эй, квась!—кричитъ служивый, завидя мальчишку съ стекляннымъ кувшиномъ, въ которомъ плескается прiятная на видъ, красноватая жидкость. Продавецъ мелкой рысдой подходитъ къ позвавшему.

— Мелиновый... первый сортъ... на сахарѣ... Сколько стаканчиковъ прикажите, кавалеръ?—спрашиваетъ онъ, видя, что кавалеръ стоять самъ третей.

— Кумъ, выпьешь?—спрашиваетъ служивый, обращаясь къ другому солдату.—У меня Дарья Спиридоновна квасокъ долюбиваетъ,—прибавляетъ онъ, любовно поглядывая на супругу въ соломенной шляпѣ и бѣличьемъ салопѣ.

— Пожалуй, кумъ... Только опосля водки кислымъ-то хмѣль сбаломутить... Завтра голова разболится.

— Чего сбаломутить, кислота весь хмѣль съѣсть—для головы облегченье. Наливай три стакана.

— А, батюшка, кислота какая, инда глазъ дсреть,—замѣтила солдатка, выпивши стаканъ малиноваго подъ названiемъ, но клюквенно-малиноваго на самомъ дѣлѣ квасу.

— У насъ квась забористый... первый сортъ,—лукаво проговорилъ продавецъ, поглядывая съ улыбкой на гримасы солдатки.

— Кисло, кумъ! сказалъ ей супругъ, утара я обшлагомъ рукава ротъ и усы.

— Живеть! крякнувши, отвѣтилъ кумъ... По зубамъ-то ровно кто натискомъ проѣхалъ. Ха, ха, ха!

— Завсегда ужъ; что ни на есть, да прибереть куманекъ,—съ хихиканьемъ отозвалась солдатка... Охъ ужъ вы, одно слово гвардіёны!.. Отдавай-ко деньги, да пойдемъ на фатеру... Въ потемкахъ-то не больно весело по грязи въ городу-то шлепать; обратилась она къ мужу.

— Постой, погоди!.. Получи за три стакана—трѣшникъ.

— Какой трѣшникъ? Надо безъ денежки четыре копѣйки, возразилъ квасникъ.

— Давеча я самъ видѣлъ—по копѣйкѣ продавалъ... Нашего брата не надуешь, бери деньги! Кавалеръ подалъ деньги.

— Еще, кавалеръ, надо копѣйку безъ денежки... Этакъ себѣ въ убытокъ торговать станешь... Четыре копѣйки бы надо,—клянчилъ мальчишка, принимая деньги

— Эхъ ты! замѣтилъ кумъ,—а знаешь: три, четыре—прицѣпили, пять, шесть—бьютъ шерсть, семь, восемь—деньги возять, девять, десять—деньги вѣсятъ, одиннадцать, двѣнадцать—на улицѣ бранятся. Говоря эти слова, онъ крѣпко держалъ парнишку за носъ и качалъ его изъ стороны въ сторону, а покончивъ, быстро снялъ съ него шапку и закинулъ въ кусты. Дама хохотала, поджавши бока, супругъ ея одобрительно кивалъ головой, а мальчикъ, ошалѣвши, стоялъ нѣсколько мгновений на одномъ мѣстѣ и дико поглядывалъ кругомъ себя.

— Что, братъ, очкурило? Впередъ бойся солдатъ надувать; въ другой разъ за волостное правленіе и въ сельскую расправу сводимъ. Съ нашимъ братомъ не шути,—внушительно говорилъ весельчакъ-солдатъ.

Квасникъ опаматовался и пошелъ за шапкой, бранясь самыми отборными словами, которыя такъ скоро выучиваются пріѣзжающими въ Россію иностранцами.

— Вотъ что жена, зайдемъ мы съ кумомъ,—коли хочешь, и ты съ нами ступай,—на могилку Семенычу дакъ кучеру Кривошеинскому Абраму, а гамъ и по фатерамъ. Ну, пойдемъ что-ли?—спрашивалъ кавалеръ.

— Да пойдемъ, только поскорѣй... Мнѣ еще опару творить надо,—отвѣчала супруга.

— А какъ скоро, такъ и сейчасъ!... Еще поспѣеть опара. Пойдемъ; взявши подъ руку жену, произнесъ кавалеръ.

— Скоро-то бываетъ не споро, кумушка!— замѣтилъ весельчакъ. Позвольте васъ подъ другую ручку взять.

— Да этакъ я буду ровно распятая,— жеманно возразила кума.

— Это по модному-съ, по петербургски; если теперича которой дамъ офицеры наши уваженіе особенное желаютъ оказать, подъ обѣ руки водять,— повѣрьте.

— Ахъ очень мнѣ хочется, чтобъ супруга въ Петербургъ на службу перевели... Для нашего полу, говорятъ, тамъ совсѣмъ другіе порядки? подавая руку, спросила дама.

— Порядки и заведеніе тамъ все другое. Солдатъ совсѣмъ на другой позиціи; даже простой мужикъ, и тотъ старается чему выше подражать. Хоть бы на счетъ пѣсень,—здѣсь гдѣ не послушаемъ, все деревню видать, поеть себѣ мужикъ эти напримѣръ, снѣжки или лучину, или прочее что грубое,—у насъ все нѣжное, про пріятности чувствъ и иное прочее. Вотъ напримѣръ есть пѣсня:

Шель по Невскому прешпекту,
Самъ съ перчаткой разсуждалъ...

— Ужъ конечно, гдѣ-жь противъ него Москвѣ быть... Петербургъ столица деликатная... перебила солдатка.

— Нельзя ей другой быть, какъ въ ней все высшее начальство живетъ... Теперича что однихъ генераловъ, возьмемъ дивизионныхъ сколько, корпусныхъ и разныхъ этихъ министровъ, — видимо - не видимо, Дарья Спиридоновна. На Невскій теперь выдешь, даже душа радуется, потому кругомъ начальство смотреть... Словно звѣзды небесныя-съ, словно звѣзды. Среди такихъ назидательныхъ разговоровъ они дошли до *послѣдняю разряда*, гдѣ хоронится бѣдность и трудъ. Здѣсь не видать ни уродливыхъ саркофаговъ, ни мраморныхъ урнъ, ни чугунныхъ замысловатыхъ решетокъ, ни безмысленныхъ стихотворныхъ эпитафій; это тотъ разрядъ, гдѣ истинное чувство отмѣчаетъ трудовую, почти всегда зависимую, а потому и тяжело-прожитую жизнь, простымъ, часто некрашешнымъ, деревяннымъ крестомъ. Дворовые люди, чернорабочіе, солдаты, чиновники, писаря цѣлыми поколѣніями откупаютъ себѣ здѣсь мѣста для вѣчнаго покоя. Сотни, тысячи крестовъ, не рѣдко безымянныхъ, а

слѣдовательно ничего не говорящихъ прохожему, скрываютъ столько горя, страданій, забытыхъ силъ, пролитыхъ слезъ, кроваваго пота, неправдъ, гоненій и изъязреній, что откликнись они разомъ міру — церковная завѣса разодралась бы на двое и солнце померкло... Прошедши гуськомъ среди могильныхъ возвышеній, всѣ трое оставились предъ деревяннымъ, окрашеннымъ въ зеленую краску крестомъ. Надпись бѣлой краски гласила слѣдующее:

«На семь мѣстъ погребено тѣло раба Божія
«Абрамія, господь Кривошеинныхъ.»

Супруга набожно перекрестились и поклонились до земли. Кумъ отдалъ поясной поклонъ.

— Ровно бы надъ Абрамушкой могила-то осѣла?—вставая на ноги, спросила Дарья Спиридоновна своего супруга.

— Да поосѣла!... не хотя отвѣчалъ кавалеръ, задумчиво смотря на деревянный крестъ.

— Кто это такой, кумъ, упокойникъ-то, сродственникъ вамъ что-ли?

— Братъ двоюродный... Человѣкъ былъ рѣдкостный.

— Такъ... въ молодыхъ лѣтахъ померъ?

— Двадцати пяти лѣтъ.

— Отъ болѣзни что-ли какой?—Отвѣта на этотъ вопросъ не послѣдовало. Кумъ обратился съ тѣмъ-же вопросомъ къ кумѣ. Эта только что хотѣла было пуститься въ длинное разглагольствованіе, какъ мужъ самъ спросилъ кума.

— Вотъ что, кумъ, скажи ты мнѣ, что бы ты подѣлалъ, какъ бы у тебя отняли силкомъ жену, а?

— Да кто-жь отнять можетъ?

— Да ужъ кто бы тамъ ни отнялъ, да отнялъ, и съ ея стороны тутъ желанья не было, а?

— Наше дѣло, кумъ, военное... Отняли бы одну, завелъ бы другую, нахально ухмыляясь, отвѣчалъ гвардеецъ.

— А ты не ломайся!... Я тебѣ говорю не къ смѣху... Вотъ отняли жену-то у Абрамушки, въ недѣлю себя скрутилъ да въ могилу уложилъ... Такъ-то... Проидемъ-те къ Семенову.

— Да ты постой, не сердись, кумъ... Кто-жь у него отнять могъ?

— Баринъ, самъ Кривошеинъ,—старикъ въ чемъ душа держалась, а на такое дѣло пошелъ, жену съ мужемъ разлучилъ... Да.

— Какимъ манеромъ?

— Абрамъ въ кучерахъ у него былъ... Поженился на дѣвушкѣ красоты неописанной. Пришелъ послѣ свадьбы съ женой барину поклониться... Тутъ самъ дьяволъ въ барина и поселился,—понравилась ему бабенка. Сейчасъ онъ Абрама кучера—въ деревню, жену оставилъ при себѣ. Абрамъ изъ деревни сбѣжалъ въ Петербургъ обратно, сталъ вытребовать у барина жену. Тотъ, не говоря дурного слова, по этапу его маршъ назадъ. Вновь Абрамъ сбѣжалъ. Пришелъ въ домъ... Ну, узнаеть отъ дворовыхъ, что задобрилъ жену его баринъ, что живетъ она у него въ домѣ, рядомъ комнаты... Погрозился, покойникъ, людямъ и ушелъ. Барину это перевели... Сталъ онъ съ опаской большой жить... Даже полицейскаго при домѣ держалъ, а полиціи объявилъ, что сбѣжалъ у него человекъ, скрывается въ Петербургѣ и страшаетъ его хуломъ... Толковали дворовые, что раза съ два видали его,—шлялся по ночамъ около дома... А тутъ, кумъ, вдругъ словно канулъ въ воду... Черезъ недѣлю барина повѣстила полиція, что нашли Абрама на трохтуарѣ безо всякихъ чувствій, ночью... А на утро позвалъ священника, какъ быть слѣдуетъ, долгъ исполнилъ—и душеньку Богу отдалъ... Вотъ она жена-то что... Отъ роду хмѣльнаго въ ротъ не бралъ, а тутъ вдругъ... Пойдемте къ Семенычу, тутъ недалечко. Всѣ еще разъ поклонились и пошли.

— Азартный былъ видно человекъ... рассуждалъ весельчакъ. Кто-жь ему этотъ крестъ поставилъ? спросилъ онъ.

— Я поставилъ.

— Надпись-то ровно бы не подходящая, замѣтила жена.

— Надпись какъ слѣдуетъ, по закону сдѣлана. У насъ два закона. Возьмемъ въ примѣръ: если теперь помѣщикъ, тамъ графъ, князь, офицеръ какой умираетъ, дьяконъ долженъ говорить: упокой Господи душу усопшаго раба твоего, тамъ баларина, али князя, али графа, кто въ какомъ чинѣ; нашъ братъ умереть—поминають война, а простого человека—просто, раба... А почему? Потому, по церковному закону всѣ рабы, а по мірскому при каждомъ человекѣ свой чинъ. По этому самому и означено на крестѣ, что Абрамъ рабъ Божій, господъ Кривошеиныхъ. Миѣ все это въ точности разсказалъ здѣшній дьячекъ.

— Это вѣрно... Дѣло ихнее — имъ и знать... замѣтилъ гвардеецъ. Ну, а жена-то Абрамя такъ и теперь при баринѣ состоитъ?

— Гдѣ при баринѣ, году не прожилъ съ ней... Далъ, братъ, онъ ей вольную и безо всякой награды отъ себя отставилъ.

— Та-а-къ. А гдѣ-жь она теперь?

— А гдѣ вѣтеръ гуляетъ, тамъ и она... Пошла битка въ конь... Гдѣ-жь ей съ этакого житья да на простое положеніе встать... Извѣстно, избаловалась... Пошла по людямъ. Нестоющая стала, чтобъ объ ней и говорить-то, кумъ. А вотъ и Семеныча могилка.

Служивый, проговоря это, остановился передъ большимъ, бѣлымъ деревяннымъ крестомъ съ лагонической надписью:

Служилъ вѣрно!
Умеръ послушно!

«Рядовой NN полка Иванъ Семеновъ Котъ».

— Вотъ тоже померъ-то!... въ одномъ полку служили... Какая кому кончина назначена, никто этого знать не можетъ; началъ послѣ земного поклона философствовать женатый солдатикъ... Одни колдуны знать могутъ... Потому судьба...

— Вонъ тоже на Таганкѣ юродивая Марфуша живетъ, капитанмусовой женѣ... знаешь чай, Лизаветъ Захарьевнѣ... Знаешь что ли? тараторила супруга.

— Ну, знаю... недовольнымъ тономъ отвѣчалъ прерванный въ своемъ философствованіи супругъ.

— Ну... Ходила она къ Марфушѣ тоже на счетъ суки гадать... Торгуютъ это они собакамъ, у нихъ дорогія-предорогія... Меледянскія и што-ли какія, прахъ знаетъ названье-то!... Только щенками по двадцати цѣлковыхъ продаютъ... Такъ сука-то это самая меледянская щенна была... Вотъ снесла Лизавета Захарьевна Марфушѣ четвертакъ да поль-штофа сладкой водки, меньше не принимаетъ... Любопытно ей узнать, сколько щенковъ сука оценить. Принесла: такъ и такъ, говорить, матушка, откройте мнѣ это... Марфуша ей только и говорить: семь семеоновъ родныхъ братьевъ, семь семеоновъ родныхъ братьевъ... Что-же вѣдь такъ и вышло: семь щенковъ кобельковъ одинъ къ одному, какъ вылитые... Вотъ она судьба-то такая.

— Постой, Дарья... Судьба эта другая... Тутъ насчетъ смерти

толкуемъ... Хорошій человекъ былъ упокойникъ, то есть, сказать, солдатъ на рѣдкость. Зима, кумъ, стояла тотъ годъ лютая-раз-лютая. Вотъ пришлось ему стоять ночью на краулѣ коло магазинновъ, почестъ что въ полѣ. Холодъ стоялъ страсть какой — галии падали. Вотъ стоитъ онъ свои часы. Кельги попались дыривыя, тулупишко вытертой; холодѣть онъ, ждетъ смѣны,—черезъ три часа смѣнялся. Проходятъ три часа, проходятъ четыре—не смѣняютъ. На обахтѣ-то, знаешь, обочились постами, эфрейторъ въ тѣ поры былъ въ разсѣйкѣ что-ли, не знаю. Только ужъ вспомнили объ немъ на вторую смѣну, черезъ шесть часовъ. Вотъ мы смѣняться-то бѣгомъ побѣжали. Подбѣжали, глядимъ: Семенычъ-то спиной къ будѣ прижался, ноги-то у него подкосились, на корачкахъ, знаешь, сидитъ и правой рученькой ружье къ себѣ прижимаетъ, не хотѣлъ видно разстаться. Мы: Семенычъ, Семенычъ!—голосу не подаетъ. За плечо двигаемъ, думали — заснулъ, не просыпается. Толкнулъ его, знаешь—молодой у насъ солдатикъ былъ въ полку—посильтѣй въ плечо, онъ, словно каменный, навзничъ и свалился и ножиньки не разнимаетъ, и ружья не выпускаетъ изъ рукъ. Мы всѣ сплakai тутъ. Полковой командиръ женѣ его своихъ пять цѣлковыхъ пожертвовавъ на крестъ, «стишокъ» этотъ написалъ, чтобъ, говорить, всякій зналъ, что Коть службу свою соблюдалъ вѣрно и жизни лишился послушно... Только что проговорилъ послѣднiя слова служивый, какъ не вдалькѣ пбслышался женскiй визгъ и черезъ тропинку пробѣжала молоденькая зазывальщица. Хохотъ и грубые возгласы раздались вдаль.

— Пойдемъ-ко, Дарья Спиридоновна, по фатерамъ, пора!.. Видишь, закалякались, народу-то почестъ никого на кладбищѣ не осталось. Пойдемъ, кумъ.

— Пойдемъ, кумъ... и то пора, солнышко совсѣмъ сѣло...

Всѣ трое повернули на главную дорожку.

— Иди, братцы, скорѣй! Воровата, шельма,—улизнула! прокричалъ кто-то сиповато. И вслѣдъ за этимъ на проселочную дорожку вышелъ молодой малый, носящiй на всей своей внѣшности такіе признаки бурсы, что съ перваго взгляда никто не ошибся бы, назвавъ его семинаристомъ. Незастегнутый, длиннополый сюртукъ развѣвался по вѣтру, фуражка съ заломомъ на бекрень, нанковые штаны, бархатный, открытый жилетъ, пестрая, ситцевая сорочка, чудовищной величины бантъ галстука, помятое, подержанное лицо, дерзкiй до на-

хальства взглядъ, нечесанные рыжіе, курчавые волосы и такіе-же бакенбарды—говорили, что это одинъ изъ тѣхъ семинаристовъ, которые, не вступивъ еще въ богословіе, порѣшили со всѣми науками религіозными, во имя призванія къ свѣтской, гражданской дѣятельности. Поджидал товарищей, онъ сатянулъ басомъ:

Э-э-охъ! Доставалась сударушка
Другому не мнѣ-ѣ-ѣ,—
Лакею свиньѣ.

— Упустилъ, упустилъ, *stultus sum ego, stultissimus!* заговорилъ онъ, когда показались его пріятели на дорожкѣ. Двое изъ нихъ, анакомы уже читателю—это тѣ купчихи, которые обрызгивали грязью проходящихъ. Другіе двое были пониже разборомъ, но относились къ той же категоріи молодыхъ людей, считающихъ скандалъ и безобразіе спутниками молодости, широкого разгула, русскаго веселья. Безобразники-прикащики чувствовали нѣкоторую робость предъ безобразниками-хозяевами, хоть въ душѣ и сознавали, что не уступятъ въ размахѣ миллионерамъ. Эти двое прикащиковъ были одѣты хоть и въ довольно длиннополыхъ сюртукахъ, но брюки носили по-верхъ сапоговъ.

— Что, не сгробасталъ? спросила аглицкая шляпа.

— Запримѣтила и, яко лось легкая, прыгнула въ сторону... .

— Пойдемъ въ палаткамъ... Теперь у нихъ торговля отошла...
Можетъ, и дѣло сладимъ,—перебилъ французскій фасонъ.

— Идемте-съ, замѣтили оба прикащика.

— Dixi! вскричалъ семинаристъ и компанія двинулась къ палаткамъ. Они прошли нѣсколько шаговъ; семинаристъ, шедшій во главѣ, быстро вскочилъ на одну изъ могилъ, и вынулъ изъ кармана кусокъ мѣлу; пріятели подошли къ могилѣ, на которой стоялъ массивный, деревянный крестъ.

— Читайте, провозгласилъ семинаристъ.

Одинъ изъ купчиковъ прочелъ надпись: «Подъ симъ крестомъ лежитъ тѣло московскаго мѣщанина, раба Божія Іліи, скончавшагося холерой 15 Іюля 1848. Житія его было на землѣ 31 годъ, 8 мѣсяца и 12 дней.»

— Теперь *silencia*, сирѣчь—молчаніе, сказалъ семинаристъ и началъ писать мѣломъ стихи. Когда онъ окончилъ, то громкогласно произнесъ ихъ въ слухъ...

— Bravo, молодежь, ах ты, чортъ тебя подери! на разные голоса закричали приятели. Семинаристъ прервалъ эти заявленія.

— Роёвъ—пассивитг, ораторес—шунт; въ переводѣ—повтами редит-ся, ораторами—дѣлаются. Продолжаемъ шествіе. Съ хохотомъ и шумнымъ говоромъ шли они къ своей цѣли. На пути семинаристъ успѣлъ еще разъ подобнымъ образомъ распотѣшить веселую компанію. На одномъ крестѣ значилась такая надпись: «Подъ симиъ крестомъ лежитъ тѣло рабы Божіей, дѣвицы Атринины, 28 лѣтъ.» Семинаристъ осторожно соскочилъ слѣдующія за тѣмъ слова и глубоко вырвался можемъ въ деревѣ добавленіе, сколько остроумное по семинарски, столько же интересное для друзей, — «матери пятерыхъ дѣтей». Смѣху и одобреніямъ не было конца. Пока наши приятели дошли къ палаткамъ, совершенно стемнѣло. Народу на кладбищѣ осталось очень не много... Только около палатокъ, или лучше сказать, около блинницъ стояли кучки запоздалыхъ поминальщиковъ. Блинницы суетливо собирали свои сковороды и ухваты, горшки, самовары, чашки. Салопницы кляли, на чемъ бѣлый свѣтъ, благодѣтелей и благодѣтельница. Говоръ, изрѣдка веселый смѣхъ купчиковъ несся отъ палатокъ: въ другихъ мѣстахъ тишина и пустота была совершенно кладбищенская. Усиленно напрягая зрѣніе, можно было разглядѣть кое-гдѣ въ отдаленныхъ, уединенныхъ мѣстахъ кладбища силуэты нѣсколькихъ движущихся паръ, но очертанія ихъ были такъ блѣдны, нерѣзки, что можно было счесть ихъ за привидѣнія, чѣмъ за живыхъ. Кто вѣритъ призракамъ, тотъ не усумнится, что это они разгуливали парами по кладбищу.

— А-а-а! Параша, Дуняша, Маша, Паша! Здравствуйте, лебедки! съ ужимками и колѣнцами проговорилъ одинъ изъ купчиковъ, съ размаху набѣгалъ на кучку блинницъ.

— Ну-ко, ну... Проваливай!.. Знаешь пословицу: языкомъ болтай... Ты не больно,—здѣсь вѣдь кладбище;—на разные тоны заголосили они.

Купчикъ вынулъ изъ кармана горсть мелкаго серебра и, зажавши его въ ладоняхъ, зазвенѣлъ деньгами.

— Кто съ нами ласковъ, къ тѣмъ мы добры, говорилъ онъ, поглядывая на дѣвушекъ, которые облепили его кругомъ, какъ мухи медъ.

— Бупецъ-молодецъ, а ты насъ обдѣли... Я себѣ сережки куп-

лю... Купецъ, знакомая вѣдь—Маша - то Сакольніцкая, помнишь?..
Хоть бы на орѣхи-то дажь! просили онѣ, обступая его все тѣснѣе
и тѣснѣе. Запоздалые поминальщики тоже подошли поближе.

Семинаристъ же съ остальной компаніей притаился за могилами
и памятниками.

— Ну вотъ вамъ, красавицы,—ищите, произнесъ купчикъ и съ
этимъ словомъ кинулъ горсть серебра къ тому мѣсту, гдѣ его при-
тели сидѣли въ засадѣ.

Дѣвы - чародѣйки кинулись со всѣхъ ногъ цѣлой гурьбой розы-
скивать рассыпавшуюся по землѣ мелочь. Раздался крикъ, визгъ,
борьба, брань!..

Мы отказываемся досказать развязку этой сцены. Безсмертный
Тредьяковскій не даромъ сказалъ:

Молчаніе, тобою въ міръ
Не оскорбится слуха взоръ.

С.-Петербургъ.
1663 г.

НИКОЛАЙ ПОТЪХИНЪ.

УБЫТОЧНОСТЬ НЕЗНАНІЯ.

(Окончаніе).

III.

Благотворительность.

Два самыхъ крупныхъ факта, представляемыхъ исторіей Европы и нѣвшихъ самое разрушительное вліяніе на экономическую дѣятельность человѣка — война и рабство, остаются по прежнему помѣхой людямъ на пути ихъ къ матеріальному благосостоянію. Рабство — потому что, становя человѣка въ условія неблагопріятныя къ всестороннему развитію и проявленію его силъ, мѣшаетъ человѣку сдѣлать то, что бы онъ могъ сдѣлать въ свободномъ положеніи. Если рабство и зависимость отнимаютъ у человѣка только четверть его производительныхъ силъ, значить и вся масса людей, находящихся въ такомъ положеніи, производятъ на одну четверть менѣе. вмѣсто 4 м. четвертей хлѣба создается 3 м.; вмѣсто 4 м. пуд. сахару, также 3 м.; вмѣсто 4 м. штукъ одежды только 3 милліона и т. д.

Но и эта стѣсненная производительность, не дѣлающая людей богатыми на столько, на сколько они могли бы быть, создаетъ богатства, расходуемая преимущественно убыточнымъ образомъ. Даже въ мирное время современная Европа тратитъ 60% изъ своихъ доходовъ на содержаніе войскъ и на уплату долговъ, сдѣланныхъ войнами. Но если бы не болѣе этихъ шестидесяти процентовъ тратилось бы и въ военные годы, то въ такомъ случаѣ человѣчество во все время сво-

его существованія тратило постоянно $\frac{3}{5}$ своего труда на дѣло убыточное и только $\frac{2}{5}$ расходовало выгодно. Ясно, что убытокъ пересиливалъ выгоду и въ результатѣ являлась бѣдность. Но въ дѣйствительности военныя потери превышали 60%. Кромѣ денегъ отрывались отъ выгоднаго труда самыя сильныя руки и обращались на дѣло убыточное, и къ этому присоединялось опустошеніе мѣстностей, служившихъ побоищами, и превращеніе культивированныхъ пространствъ въ пустыни, усиленіе труда тѣхъ, кто кромѣ себя долженъ былъ кормить еще войска и наконецъ увеличеніе налоговъ, для уплаты долговъ, сдѣланныхъ войной.

Вся эта масса натуральныхъ и денежныхъ повинностей лежала на народѣ и, поглощая всѣ его производительныя силы, держала его всегда на минимумѣ возможности удовлетворенія своихъ потребностей. Недостатокъ средствъ, воспитывая цѣлыя поколѣнія людей въ удобствахъ и понятіяхъ, создаваемыхъ бѣдностью, превращалъ массы въ тотъ грубый народъ, который такъ возмущаетъ деликатныхъ людей. Но лишь только эта грубая масса, отдавшая все, что у нея было, на войну, новымъ трудомъ начинала копить кое-что, какъ новая война отнимала отъ нея все, иногда до послѣдней копейки. Такъ было прежде, такъ и теперь. Разница въ томъ, что при прежней, меньшей производительности людей, съ нихъ бралось меньше, а нынче, съ увеличеніемъ производительныхъ средствъ берется больше. На техническомъ языкѣ финансистовъ постоянно возвышающійся максимумъ платежей называется «податной способностью». Въ сущности тѣ лица, у которыхъ такъ увеличивается податная способность, не выигрываютъ отъ этого ровно ничего. Они попрежнему должны оставаться въ минимумѣ потребностей, чтобы поддерживать въ максимумѣ свою податную способность. Но это возвышеніе податной способности не обнаруживаетъ никакого выгоднаго вліянія на качество расходовъ. Попрежнему войска и долги поглощаютъ 60%, съ той только разницей, что, при слабой податной способности, 60% могли составить 1000 руб. или франковъ, а при сильной—они составляютъ миллионъ. Остававшійся въ своей силѣ старый принципъ, по которому война считалась лучшимъ средствомъ разрѣшенія политическихъ недоразумѣній, по необходимости долженъ былъ заставить усиливать военныя средства, и, не смотря на увеличеніе податной способности народовъ, не сбавлять расходовъ ниже 60%. Такимъ образомъ, пользуясь возвышающимися производительными силами населенія для

увеличенія военныхъ средствъ, государства Европы усиляли постоянно составъ своихъ армій. Англія, въ которой въ 1715 году считалось съ небольшимъ 16,000 человекъ въ войскѣ, имѣла въ 1792 году отъ 60 — 70,000 человекъ, въ 1807 г. — 182,876; въ 1811 г. — 377,000 матросовъ и линейнаго войска, а въ 1856 г. — 416,000; кромѣ того 250,000 индійской арміи и 14,500 волонтеровъ. Франція въ 1783 г. имѣла на службѣ 127,000 человекъ; въ 1812 году 743,000, собственно французовъ; Наполеонъ III увеличилъ количество набора съ 80,000 до 140,000. По расчету семилѣтняго срока французской службы этой одной прибавкой увеличилась численность военныхъ силъ Франціи на 420,000 человекъ. Но такой усиленный наборъ дѣлался только въ крымскую и итальянскую войну; въ мирные годы, какъ 1857 года, какъ 1857 и 1860 г., бралось 100,000 человекъ т. е. противъ прежняго на 20,000 болѣе, слѣдовательно по семилѣтнему расчету армія усилилась на 140,000 человекъ. Въ Австріи въ 1783 году считалось 276,000 чел.; въ 1809 г. — 630,000; во время крымской войны 553,000. Въ Россіи въ 1712 г. армія имѣла 108,000 чел., въ 1725 г., 196,000. Въ 1785 г. — 360,000, въ 1812 г. 539,400. Предъ крымской войной регулярная армія составляла 1,140,000 чел., но послѣ значительныхъ сокращеній къ 1859 году считалось регулярныхъ войскъ 850 т., не регулярныхъ 421 т., всего 1,271,660 человекъ.

Податная способность силъ максимумъ платежныхъ силъ, далѣе чего идти уже невозможно. Но какъ войны требовали средствъ, а податная способность была ниже расходовъ, то и явилась система долговъ. Такимъ образомъ всякій долгъ есть та необходимая на расходы сумма, которую не въ состояніи дать податная способность людей. Тѣмъ не менѣе уплата долговъ дѣлается все-таки тѣми самыми лицами, недостаточная податная способность которыхъ заставила сдѣлать долгъ. Разница въ томъ, что вмѣсто единовременнаго взноса приходится платить въ теченіе цѣлаго ряда годовъ сумму займа съ придачей процентовъ. Эти проценты составляютъ уже излишекъ, чрезвычайно обременительный, и который, увеличиваясь отъ новыхъ долговъ все болѣе и болѣе, дошелъ въ послѣднее время въ Европѣ до 580 милліоновъ рублей. Такимъ образомъ максимумъ сборовъ увеличивается еще новыми прибавками процентныхъ платежей за военные долги.

Подобная система военного хозяйства объясняется тѣмъ свойствомъ людей, по которому и каждый отдѣльный человѣкъ соотнобщаетъ свои расходы и потребности съ своими доходами. Каждый отдѣльный человѣкъ, по мѣрѣ разширенія своей экономической дѣятельности, употребляетъ приращеніе средствъ на излишніе противъ прежняго расходы. Характеръ расходовъ опредѣляется личными свойствами каждаго человѣка. Такъ, человѣкъ находящій пріятное въ винѣ станетъ употреблять ихъ на вино. Человѣкъ склонный къ щегольству употребитъ излишекъ на одежду; а человѣкъ хозяйственныхъ наклонностей постарается улучшить весь свой бытъ и разширить свою экономическую дѣятельность. Ни у кого излишекъ средствъ не станетъ лежать въ сундукѣ, но каждый дастъ ему новое употребленіе. Весь вопросъ только въ качествѣ употребленія, т. е. въ томъ, пойдутъ ли средства на приращеніе богатства, или пойдутъ на убыточное потребленіе. То или другое употребленіе излишка средствъ цѣлымъ народомъ зависитъ отъ отношенія людей благоразумныхъ къ числу малоразвитыхъ и легкомысленныхъ, и какъ отдѣльный человѣкъ можетъ тратить свои средства нерасчетливымъ образомъ, такъ точно можетъ быть легкомысленной въ расходахъ и цѣлая нація.

При томъ порядкѣ международныхъ отношеній, по которому національныя стремленія направлены къ перевѣсу одного народа надъ другимъ, возможность этого перевѣса будетъ зависѣть исключительно отъ военной силы. Чтобы военная сила перестала играть такую роль, нужно, чтобы люди поняли лучше значеніе мирныхъ экономическихъ отношеній. А какъ понятія такого рода до сихъ поръ еще не получили перевѣса, то людямъ и остается одно средство военного господства. Отсюда тѣ экономическія бѣдствія, постоянныя раззоренія народовъ, государственныя банкротства, и тѣ громадные платежи, которые мѣшаютъ массамъ поднять уровень своихъ потребностей и выйдти изъ его минимума.

Эта воинственность вмѣстѣ съ понятіемъ о рабствѣ, которое, утративъ наконецъ римскую жестокость, выражается, въ болѣе мягкой формѣ экономической неравноправности, была постоянно главной причиной бѣдности и нищеты.

Нищета и бѣдность явленія очень не новыя. Страдалъ отъ нихъ Римъ, страдаютъ отъ нихъ и новыя общества. Но если и нынче, какъ и въ древнемъ мірѣ, существуетъ бѣдность массъ и страшная

нищета отдѣльныхъ лицъ, доводящая людей до голодной смерти, это значитъ только, что обстоятельства, въ которыя поставлены эти люди, не даютъ имъ средствъ существованія. Голодная смерть не имѣетъ никакой привлекательности, и никакъ нельзя предположить, чтобы человѣкъ въ здоровомъ смыслѣ рѣшился бы уморить себя голодомъ. Голодь есть послѣдняя крайность, признакъ полного безсилія добыть себѣ средства для жизни. Человѣкъ умираетъ съ голоду только тогда, когда онъ перепробовалъ всѣ дорожки, по которымъ бы онъ могъ убѣжать отъ смерти и добраться до куска хлѣба, но такихъ дорожекъ не нашелъ. Если, кромѣ голодной смерти отдѣльныхъ лицъ, цѣлыя массы населеній страдаютъ отъ нищеты и доходятъ до такого состоянія, какое представляетъ явленіе европейскаго пролетаріата, то причину этого нужно искать не въ природѣ человѣка, а въ чемъ нибудь иномъ. Природа человѣка устроена такъ, что онъ всегда, вездѣ, во всемъ, стремится къ улучшенію своего матеріальнаго состоянія. Для этого у человѣка къ услугамъ его личныя силы и силы природы. Если и въ древнемъ мірѣ, и въ нынѣшней Европѣ существовала и существуетъ нищета, это значитъ, что и тогда, и теперь существовали причины, имѣвшія слѣдствіемъ бѣдность и нищету; а что причины бѣдности лежатъ не въ законѣ природы, видно изъ того, что даже при самомъ низкомъ уровнѣ потребностей человѣкъ считаетъ всякое лишеніе въ необходимомъ великой для себя непріятностью и старается освободиться отъ нея. Но человѣку отъ нея избавиться было невозможно; иначе, при врожденномъ ему чувствѣ прогресса, онъ избавился бы непременно; человѣку всегда мѣшало то, что онъ не могъ развить вполне своихъ способностей, не могъ создавать того количества богатства, какое бы онъ могъ по своимъ производительнымъ силамъ; наконецъ человѣку мѣшало то, что изъ скудныхъ результатовъ своего скуднаго труда онъ не только долженъ былъ отдавать значительную часть на убыточное употребленіе, но и цѣлый трудъ цѣлыхъ десятковъ лѣтъ уничтожался иногда сразу военными опустошеніями и человѣку приходилось снова тратить свои силы на то, чтобы чрезъ новые десятки лѣтъ придти къ тому благосостоянію, съ котораго сшибла его война. Это трудъ Сизифа, который вѣчно катитъ камень на гору, но камень летитъ внизъ и онъ снова и снова катитъ его, но всякій разъ камень подаетъ на свое старое мѣсто.

Устранить бѣдность люди не имѣли до сихъ поръ возможности. Для

этого требовались такія условія, какими люди не владѣютъ. У каждаго возраста свои умственные силы и разумѣется человѣчество, какъ и отдѣльный человѣкъ не въ состояніи сдѣлать того, на что у него недостаетъ силъ. А между тѣмъ бѣдность и ницета цѣлыхъ массъ такой крупный фактъ, и положеніе государства, въ которомъ бѣдность достигаетъ большихъ размѣровъ, обнаруживаетъ такое вліяніе на ходъ всѣхъ общественныхъ дѣлъ, что всегда и вездѣ старались искоренить бѣдность.

Римъ дѣйствовалъ въ этихъ случаяхъ такимъ образомъ. Тамъ ницета и бѣдность были учрежденіемъ государственнымъ и потому число нищихъ не доходило нигдѣ до такого размѣра, какъ въ Римѣ. Не считая милліоновъ рабовъ, матеріальное положеніе которыхъ равнялось самому крайнему минимуму, до котораго только можно довести человѣка, и которые при всемъ томъ не были нищими въ смыслѣ теперешняго пониманья этого слова, у римлянъ были цѣлыя сотни тысячъ бѣдняковъ и нищихъ, утратившихъ всю самостоятельность вслѣдствіе права, предоставленнаго гражданину жить трудомъ раба. Кліенты и пролетаріи были тѣ нищіе, которые не могли существовать безъ частной и государственной благотворительности. Но не всѣмъ изъ нихъ доставались порціи, раздававшіяся богачами и правительствомъ; а потому люди, лишенные средствъ существованія, не только нищенствовали въ нынѣшнемъ смыслѣ, но и дѣлали изъ нищенства ремесло. Такъ римлянамъ было извѣстно искусство трогать сердца благотворительныхъ людей намѣреннымъ себя — урожденіемъ и калѣченіемъ; они умѣли стоять у храмовъ и протягивать руки проходящимъ.

Благотворительность римлянъ отличалась однако бѣльшей суровостью, чѣмъ нынѣшняя, и не имѣла того характера, какой сообщали помощи бѣднымъ съ новыми понятіями, явившимися во времена Августа. Римляне понимали хорошо, что нельзя оставить голодать страшную массу пролетаріевъ; что этотъ народъ можетъ надѣлать большихъ неприятностей не только лично сенаторомъ, но и повредить общественному порядку. Поэтому боязнь была главной причиной, почему большинство такъ сочувствовало бѣднымъ и почему не только кормили ихъ, но и старались развлекать даже разными зрѣлищами и увеселеніями. Кромѣ этой существовала однако и благотворительность безкорыстная, гдѣ раздавалась бѣднымъ помощь един-

ственно по сочувствію. Самый замѣчательный примѣръ подобной благотворительности представляютъ императоры Титъ и Антонинъ.

При всей громкой славѣ, созданной Титу и Антонину ихъ благотворительностью, въ сущности она была вовсе не тѣмъ, чѣмъ она можетъ казаться при поверхностномъ на нее взглядѣ. Та благотворительность, въ которой нуждались всегда люди немущіе, бѣдные и нищѣ заключается въ томъ, чтобы поставить ихъ въ условія самостоятельнаго существованія. А этого не дѣлали ни Титъ, ни Антонинъ. Они просто помогали бѣднымъ натурой и деньгами, и считали великимъ счастіемъ, когда могли утолить голодъ несчастнаго на нѣсколько часовъ, или прикрыть на мѣсяць его наготу. Нѣсколько часовъ прошли, мѣсяць кончался и бѣдный опять нуждался въ хлѣбѣ и одеждѣ. Такая система благотворительности была неразлучна со всѣми понятіями древняго міра. У него были или рабы или граждане, патроны или кліенты, т. е. слабые и сильные, покровители и покровительствуемые. Этимъ основнымъ принципомъ всѣ отношенія людей распадались только на силу, которая или покровительствовала, или притѣсняла, и на безсиліе, которому покровительствовали, или которое угнетали. Весь бытъ древняго міра построенъ на этомъ коренномъ различіи людей, и все римское законодательство въ своемъ развитіи не знало иного основанія. При такомъ пониманіи общественныхъ отношеній благотворительность выражалась или въ чувствительной формѣ вспоможенія несчастному, или въ формѣ покровительства. Ни Титъ, ни Антонинъ не выходили, не могли, да и не думали выходить изъ этого узаконеннаго всѣмъ бытомъ и всею жизнью Рима взгляда на помощь бѣдному. Для нихъ благотворительность была случаемъ высказать свою нѣжность и великодушіе, и въ то же время обязать благодарностью облагодѣтельствованнаго человѣка. Сердечная нѣжность, не позволявшая имъ видѣть въ бѣдности и нищетѣ явленіе болѣе серьезное, чѣмъ простой случай для мгновенной чувствительности и скоропроходящей помощи, сдѣлала для нихъ изъ благотворительности просто пріятное препровожденіе времени. Но и въ древнемъ мірѣ были люди, понимавшіе ошибочность подобной благотворительности. Сенека хотѣлъ, чтобы вмѣсто слезливой чувствительности, пораженной видомъ нищеты, хладнокровно разбирали причины бѣдности и, въ случаѣ бѣдности отъ несчастія, помогали бы стоически, безъ слабости. Этотъ взглядъ, болѣе жестокій, имѣлъ на своей сторонѣ то практическое достоинство,

что предупреждалъ намѣренное нищенство, какъ промыселъ. Но и этотъ взглядъ былъ взглядъ римскаго права, старавшійся облечь благотворителя вмѣсто нѣжной чувствительности въ форму спокойнаго и суроваго достоинства и сознанія своей силы. Люди древняго міра, даже самые передовые, какъ Платонъ и Аристотель, не понимали иного порядка и иныхъ общественныхъ отношеній, кромѣ рабства и барства, покровительства и подчиненности. Отъ этого у Рима не могло найдтись никогда силъ и средствъ справиться съ своимъ нищенствомъ и помочь ему средствами прочными. Римляне не понимали, откуда является нищета; а не понимая причины, они разумѣется не могли найти и средствъ для ея устраненія. Поэтому, при совершенной невозможности измѣнить общественныя отношенія, римлянамъ оставался только одинъ способъ устройства положенія своихъ бѣдныхъ—благотворительность, т. е. тотъ способъ помощи, который заключаетъ въ себѣ посягательство на достоинство и свободу человѣка. Вмѣсто того, чтобы уничтожить бѣдность, этотъ способъ не только увеличивалъ ее, но еще и создавалъ тѣ новыя отношенія неравенства, которыя увеличиваютъ нищенство и число нищихъ, этотъ жалкій, ненасытный, безсовѣстный и развращенный классъ людей, какъ язва отравляющій весь государственный организмъ.

При различіи способностей и силъ людей неизбежно различіе и результатовъ, которыхъ достигаютъ люди своей экономической дѣятельностью. Поэтому о безусловномъ равенствѣ имуществъ Римъ, разумѣется, не могъ и думать, какъ о вещи невозможной; но онъ обратилъ свое вниманіе на нищету, и не сумѣлъ разрѣшить этого вопроса потому, что самая сущность основанія, порождающая ее, была недоступна римскому понимающу.

Не найдя разрѣшенія въ благотворительности, и видя, что благотворительность не только не уменьшаетъ, а напротивъ, увеличиваетъ нищенство, Римъ обратился къ мѣрамъ репрессивнымъ. Это было сознаніемъ безсилія разрѣшить вопросъ инымъ способомъ. Граціанъ, Валентинъ, Феодосій издали законы противъ нищенства и бродяжничества. Теперь нищимъ оставалось выбирать между пріятностью легкаго и выгоднаго нищенскаго труда, гдѣ человѣкъ получаетъ отъ чувствительныхъ людей плату за то, что онъ ходитъ и протягиваетъ руку, и непріятностью принадлежать, въ видѣ крѣпостного, тому, кто на него донесетъ.

Мѣра эта могла быть дѣйствительною только въ примѣненіи къ тѣмъ сильнымъ и здоровымъ людямъ, для которыхъ нищенство было болѣе выгоднымъ занятіемъ, чѣмъ земледѣльческій трудъ, или какое-нибудь ремесло. Но даже и противъ нихъ законы императоровъ были несправедливы. Въ томъ, что благотворительность привела къ другимъ результатамъ, чѣмъ какихъ ожидали отъ нея, нельзя было винить нищихъ. Не нищій создалъ себѣ среду, въ которой онъ дѣйствовалъ; не нищій создалъ себѣ обстоятельства, которыя заставили его нищенствовать; напротивъ, нищій былъ самъ результатомъ тѣхъ условій, которыя должны были создать изъ него непременно нищаго, а не что-нибудь другое. Если бы всѣ обстоятельства жизни нищаго были иного свойства, онъ могъ бы точно такъ же быть всадникомъ, патриціемъ, или воиномъ. Но онъ не вышелъ ни тѣмъ, ни другимъ, ни третьимъ, потому что могъ только вѣдти нищимъ. Поэтому, постановленія Граціана, Валентина и Феодосія, направленные противъ слѣдствія, а не противъ причины зла, которое для нихъ было непонятно, не могли привести къ полезнымъ результатамъ. Нищенство осталось по прежнему нищенствомъ и число бѣдныхъ людей не уменьшилось.

Но еще безплоднѣе была подобная мѣра относительно тѣхъ, кого заставляли нищенствовать болѣзнь и немощность. Если здороваго и сильнаго человѣка, избравшаго себѣ нищенство, какъ занятіе болѣе пріятное и выгодное, чѣмъ трудъ, требующій большого напряженія силъ, нельзя обвинить въ томъ, зачѣмъ онъ проситъ милостыню вмѣсто того, чтобы рубить дрова, или таскать тяжести,—потому что всѣ люди созданы уже такъ, что отыскиваютъ себѣ занятія болѣе легкія и выгодныя,—то еще болѣе несправедлива такая мѣра относительно людей совершенно безсильныхъ, для которыхъ нѣтъ другого выбора кромѣ нищенства. Удивляться, что въ нищихъ нѣтъ стыда, или стараться пробудить въ нихъ это чувство, невѣрно потому, что во всѣмъ условіямъ развитія нищій не въ состояніи чувствовать слишкомъ нѣжныхъ ощущеній; что потому онъ только и нищій, что въ состояніи протянуть руку за подаеніемъ, и не считаетъ такое занятіе дурнымъ. Разумѣется, ни одинъ нищій, котораго преслѣдовалъ Римъ, не понималъ, за что его преслѣдуютъ; нищій занимался своимъ дѣломъ точно такъ же, какъ занимался своимъ пролетарій, кліентъ и даже воинъ. Каждый изъ нихъ дѣйствовалъ по своимъ средствамъ и способностямъ, и каждый сортъ такихъ людей долженъ былъ су-

ществовать въ древнемъ Римѣ, потому что онъ самъ создалъ ихъ своей наукой и практическимъ примѣненіемъ своихъ знаній и понятій. Римъ безъ нищихъ, безъ рабства, безъ пролетаріевъ-гражданъ и безъ своей воинственности, пересталъ бы быть Римомъ; отсутствіе этихъ составныхъ началъ могло быть только достояніемъ того возраста гражданственности, которая служитъ признакомъ зрѣлости и развитія, если не каждаго члена общества, то по крайней мѣрѣ значительнаго большинства. Но этого въ Римѣ не было; громадное большинство состояло тамъ изъ людей самыхъ дикихъ и необузданныхъ наклонностей, а такое состояніе общества есть его гражданское дѣтство.

Въ огромный промежутокъ времени, раздѣляющій Римъ отъ новой Европы, случилось, повидимому, много перемѣнъ. Но со всѣми этими перемѣнами человѣчество не ушло слишкомъ далеко. Во все это время Европа вела только войны подъ различными предлогами, но никогда не принималась серьезно за устройство своего экономическаго быта. Изъ того, что всѣ фазисы развитія Европы сопровождались войнами и бѣдностью, явилось мнѣніе, что безъ войны и бѣдности общество немислимо; что они такой же неизбѣжный законъ для человѣчества, какъ и тотъ законъ, по которому деревья въ лѣсу заглушаютъ другъ друга и трава гложетъ въ полѣ; но деревья могутъ заглушать другъ друга, потому что они деревья,—хотя въ благоустроенномъ лѣсу этого и не бываетъ,—но почему заглушеніе должно существовать непременно въ человѣческомъ обществѣ, этого еще никто не доказалъ. Еще никто не доказалъ, что люди должны гибнуть отъ войны и нищеты: зачѣмъ имъ гибнуть?

Сами историки, дѣлившіе исторію на періоды древній, средней и новой, понявъ, что съ послѣднимъ развитіемъ наукъ явились знанія, не похожія на то, что знало до сихъ поръ человѣчество, и что знанія эти должны привести къ какимъ-то инымъ, небывалымъ результатамъ, придумали для этого названіе «новѣйшаго». Ясно, что это время какое-то особенное, болѣе чѣмъ новое. Но назвавъ такъ переходную эпоху, историки поставили себя въ затрудненіе тѣмъ, что у нихъ не достанетъ слова для опредѣленія эпохи слѣдующей за переходной. Какъ назовутъ они время еще болѣе новое, чѣмъ «новѣйшее»?

Ошибка здѣсь въ томъ, что, не разъяснивъ себѣ сущности всѣхъ свершившихся историческихъ явленій, ученые увидѣли въ отдѣльных моментахъ то, чего въ нихъ нѣтъ, и отдѣльные фазисы одного про-

должающагося до сихъ поръ періода приняли за нѣсколько періодовъ. Не сдѣлай ученые этой ошибки, не зачѣмъ было бы прибѣгать къ придумыванію помянутыхъ названій древней, средней и новой исторіи, ибо въ сущности нѣтъ ни той, ни другой, ни третьей, а можетъ быть только дѣленіе, соответствующее физиологическимъ возрастамъ отдѣльнаго человѣка. Въ этомъ случаѣ, разумѣется, не современнымъ, а будущимъ историкамъ придется дѣлить исторію на періоды, или правильные возрасты, когда сдѣлается вполне яснымъ, что, переживъ одинъ періодъ своего физиологическаго развитія, человѣчество вступило въ слѣдующій. Не мелкими разнициами опредѣляются періоды, а крупными особенностями, какъ тѣ, какія замѣчаются въ отдѣльныхъ людяхъ. Еще для самыхъ передовыхъ народовъ Европы, пережившихъ и религіозныя войны, и крестовыя походы, и инквизицію, и войны за наслѣдство престоловъ, не наступалъ вполне слѣдующій за римскимъ періодъ развитія. Крупныя факты изъ экономическаго быта убѣждаютъ въ этомъ; мелкіе же, какъ предтечи другаго будущаго, указываютъ, что переходъ этотъ начинаетъ совершаться. Историки вѣрно опредѣляли переходное значеніе «новѣйшей» эпохи; они ошиблись только въ счетѣ періодовъ.

Такое заключеніе есть выводъ изъ всей прошедшей исторіи Европы. Въ Римѣ было нищенство и пауперизмъ, и противъ нихъ дѣйствовали благотворительностью и наказаніями; въ нынѣшней Европѣ тоже нищенство и пауперизмъ, и противъ нихъ дѣйствуютъ благотворительностью и наказаніями. Въ чемъ же существенная разница новаго и древняго міра? Разница только въ томъ, что Европа сдѣлала опыты болѣе многосторонняго развитія этихъ мѣръ, а въ Римѣ, гдѣ нищій и бѣднякъ легко превращался въ раба, въ этомъ не было необходимости.

Вотъ мѣры Европы. Для краткости возьмемъ одно государство — Францію. Во всѣхъ остальныхъ дѣйствовалъ тотъ же принципъ, являлись тѣ же мѣры, только съ нѣкоторыми, самыми незамѣтными измѣненіями, вслѣдствіе мѣстныхъ условій.

Передъ Людовикомъ XIV современные путешественники, говоря о бѣдности замѣчаютъ, что крестьяне пьютъ воду, ѣдятъ картофель, готовятъ себѣ изъ ржи хлѣбъ совсѣмъ черный и даже не знаютъ, что значить говядина. Военные постои и грабительства всякихъ сборщиковъ податей отнимаютъ отъ народа послѣднее.

Въ великій вѣкъ Людовика XIV десятая часть населенія Франціи,

по словамъ Вобана, были нищія; народонаселеніе уменьшилось страшно отъ войны, болѣзней и бѣдности, а уцѣлѣвшее умирало въ большомъ числѣ съ голоду или обращалось въ нищихъ.

То же самое было при Людовикахъ XV и XVI. Постоянныя войны, непомерный расходъ на придворную роскошь, большіе налоги и подати истощили совѣтъ народъ. Въ 1772 г. средняя продолжительность жизни составляла для Франціи 24 года, до такой степени нищета сократила жизнь народа.

Противъ постоянной бѣдности, не уменьшенной ни христіанствомъ, ни монастырями, ни частной благотворительностью, пришло наконецъ мѣры правительство. Людовикъ XIV, во время котораго было въ Парижѣ болѣе 40,000 нищихъ, думалъ что зло это при всей своей громадности все-таки не такого размѣра, чтобы нельзя было его побороть. Онъ остановился на той мысли, что если всѣхъ немощныхъ стариковъ, больныхъ, дѣтей, подчинить однородной администраціи и дать имъ то, въ чемъ они нуждаются, а людей способныхъ трудиться, но нуждающихся въ благотворительности, помѣстить въ мастерскія и раздать имъ работу по силамъ и специальности, то бѣдность исчезнетъ. Съ этой цѣлью Людовикъ издалъ въ 1656 г. эдиктъ, которымъ учрежденія Генриха IV и Людовика XIII соединяетъ въ одно общее учрежденіе подъ высшимъ протекторствомъ самого короля. Выгѣтъ съ тѣмъ было запрещено подавать нищимъ милостыню на улицахъ и вообще въ публичныхъ мѣстахъ, подъ штрафомъ 4 ливровъ. Домохозяевамъ и жильцамъ запрещено помѣщать у себя нищихъ подъ штрафомъ 100 ливровъ за первый разъ и 300 ливровъ за второй.

Тотчасъ же послѣ этого повелѣнія громадная масса нищихъ и бродягъ, наполнявшихъ улицы Парижа въ числѣ 35 до 36,000 исчезла, и въ пріюты и мастерскія явилось около 5,000 человекъ.

Успѣхъ казался поразительнымъ. Между тѣмъ напуганные нищія, убѣжавъ изъ Парижа, разбрѣлись сначала по провинціямъ, а когда первый страхъ прошелъ, снова явились въ Парижъ. Бродяги и нищія по прежнему стали ходить цѣлыми толпами, занимаясь воровствомъ, грабежемъ и даже убійствами. Тогда явился цѣлый рядъ новыхъ постановленій (въ 1662, 85, 99, 1700 гг.), которыми повелѣвалось всѣмъ бродягамъ и нищимъ отправиться на свою родину, заниматься честнымъ трудомъ, не жить по большимъ дорогамъ, не собираться толпами, не просить милостыни. Неисполнителямъ грозили

тюрежнымъ заключеніемъ, розгами и плетью. А тѣ, кто помогаль нищимъ, подвергались штрафу въ 50 ливровъ.

Не смотря на все это нищенство росло. Ни въ рабочихъ домахъ, ни въ пріютахъ не было мѣста. Дать всѣмъ работу оказывалось невозможнымъ, и не смотря на то, что всѣ рабочіе дома, пріюты, госпитали, тюрьмы и галеры были наполнены нищими, въ одинъ годъ ихъ насчитали болѣе 50,000.

Людовикъ XIV не разрѣшилъ задачи и причина была простая. Онъ повторилъ то, что дѣлалъ и Римъ, съ тою только разницею, что въ древнемъ мірѣ пролетаріи жили на своихъ квартирахъ и получали отъ правительства только муку, а въ послѣдствіи булки, масло; Людовикъ же, въ дополненіе къ казенному содержанію далъ всѣмъ бродягамъ еще казенное помѣщеніе.

Централизацией всего дѣла въ своихъ рукахъ Людовикъ только прибавилъ себѣ работы, нисколько не убавивъ нищенства и не сдѣлавъ бѣдныхъ богатыми.

Въ томъ же духѣ дѣйствовалъ и Людовикъ XV. Нищимъ и бродягамъ вѣдно было являться въ ближайшіе рабочіе дома. Нищихъ сгоняли въ разныя общественныя работы, преимущественно для устройства путей сообщенія. Каждую недѣлю производилась рабочимъ плата. Тѣ, кто уходилъ съ работы и изъ рабочихъ домовъ безъ разрѣшенія, и вновь бродяжничалъ и нищенствовалъ, отсылались на галеры. На такое содержаніе нищихъ было истрачено 6 милліоновъ, въ три года; а распущенные за тѣмъ нишіе снова наполнили улицы городовъ и большія дороги.

При Людовикѣ XVI придумали систему тѣлеснаго наказанія за жѣнить обязательной работой. Это были настоящіе рабочіе дома. Въ теченіе 22 лѣтъ (съ 1778—1790) ихъ было устроено 33. Каждый годъ содержанія 6,650 бѣдныхъ стоилъ 1,350,000 ливровъ. Заключенные производили въ годъ работы на 90,000 ливровъ, или каждый на 13 ливровъ. Во все время было помѣщено въ домахъ 230,000 бѣдныхъ и умерло изъ нихъ 46,000. Такимъ образомъ общій расходъ на заведенія составилъ 29,700,000 ливровъ; заработали они 1,980,000 ливровъ и создали смертность въ $\frac{1}{3}$ всего числа заключенныхъ. Вотъ и весь результатъ этихъ мѣръ; бѣдность не убавилась, число нищихъ тоже.

Наконецъ наступило время Наполеона I. Военный геній думалъ разрѣшить вопросъ тѣмъ же путемъ, какимъ онъ разрѣшалъ и всѣ

государственные вопросы. Въ своемъ торжественномъ земномъ шествіи онъ въ этомъ дѣлѣ хотѣлъ оставить свой слѣдъ. Но Наполеонъ исчезъ, а нищество и бѣдность остались.

Наполеономъ были высказаны такія основанія:

Общество обязано помогать только тѣмъ, кто «силою обстоятельствъ» находился въ возможности удовлетворить своимъ первымъ потребностямъ.

Оказывать помощь во всѣхъ прочихъ случаяхъ значить создавать нищество, лѣдность, плодить порокъ.

Опредѣлить качество нужды составляетъ первую заботу управления благотворительныхъ заведеній.

Три состоянія пользуются общественной помощью: бѣдность, болѣзнь, беспомощность.

Къ первой категоріи принадлежатъ лица, живущія своимъ трудомъ и временно лишившіяся работы, и семейства, у которыхъ непредвидѣнное несчастіе отняло средства къ существованію. Лица этого рода имѣютъ право получать помощь на дому.

Вторую категорію составляютъ тѣ, кто одержимъ болѣзнию временно и которымъ состояніе не позволяетъ имѣть необходимую помощь и нужныя лекарства. Для такихъ людей открыты госпитали.

Къ третьей категоріи принадлежатъ несчастные, повинутые или лишенные всякой поддержки въ обществѣ, или кого лѣта или неизлечимая болѣзнь, лишила возможности жить своимъ трудомъ. Сюда принадлежали найденыши и старики, семейства которыхъ не въ состояніи держать ихъ у себя въ послѣдніе ихъ годы. Для этихъ существуютъ богадѣльни.

Есть еще классъ несчастныхъ, о нуждахъ которыхъ необходимо позаботиться—это лица нищенствующія и неимѣющія никакихъ средствъ существованія. Для нихъ должны быть устроены въ каждомъ департаментѣ рабочіе дома.

Въ разное время, съ начала и до самаго конца царствованія Наполеона, были заведены цѣлый рядъ разныхъ благотворительныхъ учреждений и заведеній. Тутъ были и даровыя консультаціи, и сборы съ припасовъ и банки для закладовъ, и налогъ на увеселенія и т. д.

Все это кончилось тѣмъ же, чѣмъ и у Людовика XIV; ни рабочіе дома, ни тюрьмы, ни исправительныя заведенія не дѣлали бѣдность менѣе бѣдной.

Всѣ эти мѣры принимались противъ тѣхъ, кто уже ходилъ, кто могъ работать, кому было не менѣе 20 лѣтъ. Но не вдругъ же сдѣлался человѣкъ нищимъ; не какимъ нибудь вдохновеніемъ или напѣтиемъ человѣкъ, внезапно облачившись въ рубище, и взявъ сумму, вышелъ на большую дорогу, или на людную улицу и протянулъ руку за подашіемъ. Человѣкъ былъ нищимъ и до этого времени; онъ родился нищимъ; онъ воспитался нищимъ; всѣ понятія его, все его міросозерцаніе сложилось въ обществѣ нищихъ; а въ 20 лѣтъ онъ только выступилъ на поприще своей дѣятельности, какъ членъ извѣстнаго сословія, какъ необходимая составная часть той страны, которая создала его.

Видѣть въ нищемъ случайное явленіе, которое можно уничтожить, подержавъ его годъ, два, три въ рабочемъ домѣ, или въ какомъ-нибудь исправительномъ заведеніи ошибочно. Чтобы нищій пересталъ быть нищимъ, нужно не только устроить для него возможность трудиться, но и измѣнить дѣятельность всей его нервной системы. Продержавъ здороваго батрака 2, 3 года въ исправительномъ заведеніи, не достигнешь ни того, ни другого. Исправительныя заведенія не только бессильны въ этомъ отношеніи по своей организаціи, но они бессильны еще и по существу, потому что въ 3 года нельзя пересоздать организмъ 30-ти-лѣтняго человѣка. Вотъ почему люди, побывавшіе въ подобныхъ заведеніяхъ, выходили оттуда худшими, чѣмъ поступили. Это было замѣчено во Франціи нѣсколько разъ и нѣсколько разъ заявлено правительству.

Не съ той минуты создались во Франціи бѣдность и нищета, когда вступилъ на престолъ Наполеонъ I. Онѣ жили и росли раньше его, а потому не двумя, тремя или даже десятью декретами можно было ихъ уничтожить. Отнимая отъ страны лучшія ея рабочія руки, въ видѣ 3,000,000 рекрутъ, опустошая страну поборами на военные расходы и лишая ее, всей системой управленія, миллиардовъ, Наполеонъ въ замѣтъ того, постройкой 37 рабочихъ домовъ и нѣсколькими миллионами франковъ, думалъ вознаградить ее за эти потери. Если бы онъ возвратилъ ей все то, что взялъ отъ нея, т. е. вѣсто миллиардовъ—миллиарды, равнуется, ему не пришлось бы строить рабочихъ домовъ и заботиться объ уничтоженіи нищенства. Именно этого-то опыта и не сдѣлалъ Наполеонъ. Напротивъ, онъ не уничтожалъ, а увеличивалъ бѣдность, и отнявъ отъ страны 3,000,000 сильныхъ, здоровыхъ людей, онъ этимъ создалъ миллионы бѣдныхъ.

На 6 человѣкъ бѣдныхъ Парижа считается 1 мужчина, 2 женщины, 3 ребенка. Большая часть семействъ, обремененныхъ дѣтьми, содержались женщинами. Отчего женщины и дѣти? Гдѣ же мужчины? Если отъ каждаго мужчины, уведеннаго Наполеономъ на войну, могло зависѣть существованіе только одного человѣка, ужь этимъ однимъ онъ создалъ 3,000,000 бѣдныхъ. А сколько осталось женщинъ съ дѣтьми, отъ которыхъ конскрипція отняла ихъ отцовъ? Потерявъ 3,000,000 людей на войнѣ, страна по меньшей мѣрѣ лишилась этимъ на 18,000,000,000 результатовъ труда, не считая капитала, какой представляли собой эти люди. Ясно, что 37 рабочихъ домовъ, въ которыхъ должны были помѣщаться 30,000 нищихъ, не могли вознаградить страну за все это.

Нельзя, разумѣется, предположить, чтобы Наполеонъ, при своихъ математическихъ способностяхъ, не зналъ этого простого расчета. Но у него были свои соображенія, по которымъ экономическій бытъ Франціи казался ему менѣе важнымъ, чѣмъ ея политическое значеніе. Соображенія эти оказались однако ошибочными, и пошла Франція въ убытокъ, потому что съ 1815 году кончилась ея политическая важность; она вступила въ свои старыя границы, а долги и бѣдность, созданные Наполеономъ, остались. При обратномъ взглядѣ на дѣло, Франція несомнѣнно выиграла бы больше и въ политическомъ отношеніи; но такой взглядъ для Наполеона былъ невозможенъ.

Такъ неудачно оставилъ Наполеонъ свой слѣдъ въ экономическомъ быту Франціи, не достигнувъ того великаго результата, каковаго ему хотѣлось и каковаго онъ думалъ достигнуть. Противорѣча всѣмъ существомъ своимъ экономической сущности человѣческихъ отношеній, онъ издалъ только рядъ декретовъ и императорскими повелѣніями думалъ достигнуть того, что сдѣлалось бы и само собой при господствѣ иныхъ понятій.

Іюльская монерхія особенно старалась разрѣшить вопросъ о бѣдности. Были посланы ученые за границу, для изученія мѣръ вспоможенія бѣднымъ; собирались во Франціи статистическія данныя о нуждающемся населеніи, собирались мнѣнія ученыхъ, литераторовъ, правительственныхъ лицъ о лучшихъ способахъ помощи, предупрежденія нищеты и мѣрахъ репрессивныхъ. Результатомъ всего этого явилось то, что создались нѣкоторыя новыя благотворительныя учрежденія, и правительство стало помогать большому числу бѣдныхъ и несчастныхъ всякаго сорта. Особенно развились, подъ разными на-

званіями, заведенія для помощи бѣднымъ родильницамъ, для содержания грудныхъ младенцевъ, младенцевъ только что отнятыхъ, пріюты, первоначальныя школы и т. д. Всѣ эти заведенія названы мѣрами предупредительными. Къ нимъ присоединились еще сберегательныя кассы, займы на честное слово, пенсіонныя кассы, кассы вспомогательныя, общество для выкупа несчастныхъ должниковъ, и т. д. Однимъ словомъ система благотворительности разрослась въ огромныхъ размѣрахъ. Для каждаго особаго вида бѣдности, создано специальное заведеніе, или общество вспомошествованія.

Результаты, къ которымъ пришла наконецъ Франція послѣ нѣсколькихъ вѣковъ борьбы противъ бѣдности слѣдующіе:

Франціи недостаетъ ежегодно около 2 милліоновъ гектолитровъ хлѣба (почти милліонъ четвертей), которые она покупаетъ изъ заграницы, и нѣсколько болѣе седьмой части всей площади страны (8,000,000 гект.) лежитъ невоздѣланною. Одинъ гектаръ производитъ въ Франціи отъ 12—14 гектолитровъ хлѣба (отъ 6—7 четвер. на дес.), тогда какъ Англія производитъ 25 гектолитровъ.

По словамъ Пьера Леру число нищихъ составляетъ около 4,000,000 человекъ.

Болѣе 800,000 человекъ получаютъ помощь отъ благотворительныхъ обществъ и учрежденій на дому. Среднимъ числомъ на каждаго бѣднаго приходится въ день 1 копѣйка. Сумма, разумѣется, недостаточная для существованія.

Число найденнѣйшей молодежи 12 лѣтъ составляетъ въ годъ 123,500. Болѣе 100,000 матерей, лишенныхъ почти всѣхъ средствъ существованія, неподучающихъ никакой помощи.

Изъ 19,061,071 человекъ (53% всего населенія), живущихъ земледѣлемъ, только 7,825,577 или 41% мелкіе землевладѣльцы, остальные 59% поденщики, пастухи, разныхъ сортовъ рабочіе, арендаторы и половники.

Болѣе милліона семействъ имѣютъ годичный доходъ менѣе 100 фр.; принимая въ семействѣ 4 человека, придется на каждаго въ годъ 6 руб. съ копѣйками.

Почти 5 милліоновъ человекъ составляетъ массу промышленнаго пролетаріата, и кромѣ того 906,000 человекъ прислуги.

Болѣе милліона людей не имѣютъ опредѣленныхъ занятій, т. е. неизвѣстно чѣмъ существуютъ. Болѣе 40,000 человекъ живутъ исклю-

чительно воровствомъ. Сюда же нужно причислить и тѣхъ, которые живутъ деньгами; число ихъ неизвѣстно.

Около половины населенія Франціи имѣютъ пищу неудовлетворительную, въ гигиеническомъ отношеніи.

Отъ холода и голода умираетъ въ годъ около 300 человекъ. Сюда не входятъ тѣ, кто умираетъ медленной смертью, отъ постоянныхъ лишений, нездоровыхъ помѣшеній, недостаточной одежды, и, та страшная масса, которая умираетъ отъ недостатка пищи въ первомъ возрастѣ. Въ Лиллѣ изъ 21,000 дѣтей рабочихъ умираетъ до 5 лѣтъ 20,700.

Изъ 27,000 умирающихъ ежегодно въ Парижѣ 11,000 умираютъ въ госпиталяхъ и 7,000 погребаются даромъ. Значитъ 18,000 или 66% умирающаго населенія нищѣ.

Болѣе полутора милліона получаютъ вспомошествованія отъ благотворительныхъ заведеній и учреждений, и такая же масса народу пользуется частной благотворительностью.

По вычисленіи Дежабера каждый французскій солдатъ въ теченіе своей службы получить въ видѣ жалованья и всего содержанія на 2000 фр. менѣе противъ того, что бы онъ могъ заработать не находясь на службѣ. Такимъ образомъ всѣ 7,700,000 человекъ, перебывавшіе въ военной службѣ въ пынѣшнимъ столѣтіи, — а слѣдовательно и вся Франція, — лишились 15,400,000,000 франковъ; а ежегодная потеря страны составляетъ 200,000,000 франковъ.

Въ числѣ 270,896 брачныхъ договоровъ, заключенныхъ въ 1854 г., 83,905 мужчинъ и 126,447 невѣстъ не умѣли подписать своей фамиліи.

По свѣденіямъ уголовной статистики, за послѣдніе 30 лѣтъ, оказывается, что хотя число обвиненныхъ въ преступленіяхъ противъ собственности и увеличивается ежегодно, но въ отношеніи къ возрастающей массѣ населенія остается постоянно въ пропорціи 1: 5,000 жителей.

Этой одной цифрой даже достаточно, чтобы убѣдиться, что мѣры, принятыя противъ бѣдности, не уменьшали ее нисколько. Постоянное отношеніе этого рода преступленій къ числу жителей, выражающіеся съ силой постояннаго закона, доказываетъ, что причины, создающія бѣдность и приводящія къ преступленіямъ противъ собственности, дѣйствуютъ съ одинаковой силой, и приводятъ къ однимъ и тѣмъ же результатамъ. Очевидно, что мѣры благотворительности не въ

состояніи создать матеріальнаго народнаго благосостоянія, и вылечить страну отъ нищеты.

Когда Наполеонъ III былъ еще принцемъ, то составилъ очень подробный проектъ объ уменьшеніи земледѣльческаго пролетаріата, поселеніемъ крестьянъ на необработанныхъ земляхъ. Сдѣлавшись императоромъ, Наполеонъ нашелъ этотъ проектъ вѣроятно неудобнымъ для осуществленія. Для вспомошествованія же рабочимъ пролетаріямъ предприняты въ Парижѣ мнообразныя и обширныя постройки. Этимъ средствомъ отвлеклись много рукъ изъ провинціи, и явился въ Парижѣ усиленный наплывъ рабочихъ.

А между тѣмъ въ 1855 году израсходовано французскимъ правительствомъ: на народныя школы 6 м.; на сухопутныя и морскія силы 463 м., и на уплату государственнаго долга 560 м. франковъ

Наконецъ, императоръ задумалъ устроить въ Парижѣ бой быковъ, и все нужное для этого выписываетъ изъ Испаніи, вѣроятно для большаго уподобленія Франціи древнему Риму.

Достигнувъ такихъ результатовъ, Франція, разумѣется, вправѣ считать бѣдность огромной язвой. Но Франція безсильна предъ двумя главными факторами ея. Какимъ образомъ сдѣлаетъ Франція, чтобы при настоящемъ уровнѣ понятій большинства исчезла бы вдругъ война? Можно знать очень хорошо всѣ убытки, причиняемые войной. Можно рассчитать сумму потери извѣстнаго періода времени на военные расходы. Можно сообразить сколько бы на эти деньги создалось школъ, простроилось желѣзныхъ дорогъ и другихъ полезныхъ вещей. Можно съ неохотой идти въ военную службу. Все это, разумѣется, можно. Но что же изъ этого? И какъ, зная все это, устроить въ дѣйствительности школы, желѣзныя дороги? Какъ, не желая идти—дѣйствительно не идти? солдаты бѣгаютъ, но убѣжавшаго поймаютъ и приведутъ снова; земледѣлецъ погорюетъ, поплачетъ, а потомъ перестанетъ, и еще съ энергіей примется за свою опустошенную пашню.

Такъ же точно можно чувствовать и экономическую неправомерность; можно знать, что рабочая плата мала, потому что ее недостаетъ даже на необходимое; можно знать, что отъ лишений всякаго рода и отъ тяжелаго труда сокращается жизнь, и все-таки идти за этой ничтожной платой, потому что лишенія и нужды все-таки лучше

голодной смерти. Шлифовальщики очень хорошо знают, что ихъ ждетъ чахотка и все-таки идутъ въ шлифовальщики.

Что сдѣлаютъ отдѣльныя личности, знающія все это? И солдатъ знаетъ, что его могутъ убить при первой перестрѣлкѣ, и идетъ не только въ перестрѣлку, но и на самый жестокой приступъ, гдѣ должны пасть тысячи его товарищей, а съ ними можетъ быть и онъ. Всѣ идутъ, — нельзя иначе; вотъ отвѣтъ, разрѣшающій всѣ недоумѣнія.

И каждый нищій проситъ потому, что нельзя иначе; и каждый благотворитель несетъ свой грошъ въ кружку, потому что нельзя иначе; и сравнивая наше время съ римскимъ видишь, что и Римъ, и наше время повторяютъ одно и то же, потому что нельзя иначе. И стихійная сила незнанія увлекаетъ людей на дѣла для нихъ невыгодныя, потому что нельзя иначе. Люди должны бы уже понять, что благотворительность и наказаніе не исцѣляютъ бѣдности, а между тѣмъ по прежнему даютъ нищимъ милостыню и наказываютъ ихъ, потому что нельзя иначе.

Каждый человѣкъ, стоящій выше уровня грубаго невѣжества, легко видитъ, чего недостаетъ европейскому обществу для его благосостоянія; каждый рассчитываетъ дожить и дождаться того, что кажется ему необходимымъ и полезнымъ по его личнымъ потребностямъ; каждому мѣркой его личнаго терпѣнія и ожиданія служить продолжительность его собственной жизни, и потому каждый рассчитываетъ дожить до осуществленія своихъ ожиданій. Но можно жить и не дожить; можно ждать и не дождаться. Каждый нуждающійся живетъ надеждой, и ни одинъ бѣднякъ, ни одинъ нищій не думаетъ, что онъ умретъ съ голоду на большой дорогѣ. Въ этомъ ожиданіи лучшаго и стремленіи къ нему заключается сущность современной человѣческой жизни. Человѣкъ не можетъ не желать, не можетъ не стремиться, это законъ его природы. И не смотря на то, факты жизни говорятъ, что и въ лѣсу деревья гибнутъ, не добившись до воздуха и свѣта; гибнутъ и отдѣльные люди отъ нужды, бѣдности, разныхъ страданій и угнетеній, и такой порядокъ тянется непрерывно болѣе 2500 лѣтъ.

Какой же выходъ изъ этого? Какъ устроить порядокъ болѣе выгодный?

IV.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Наше время представляет небывалые факты въ исторіи человѣческаго развитія: для Европы кончается время незнанія.

Человѣкъ всегда хотѣлъ знать; онъ хотѣлъ понять и себя, и окружающую его природу, но не зналъ, какъ это сдѣлать, и вотъ гипотеза, — простое предположеніе или даже заблужденіе — замѣнила ему истину. Когда человѣкъ не имѣлъ почти никакого понятія о мирозданіи, объ отношеніи земли къ другимъ видимымъ имъ планетамъ, онъ вообразилъ, что небо есть сводъ въ родѣ купола, что земля стоитъ на четырехъ китахъ, что солнце вертится вокругъ земли. Не умѣя объяснить отправления организма своего тѣла, человѣкъ думалъ, что въ тѣлѣ сидятъ духи, и каждый управляетъ своею частью, какъ столоначальникъ писцами своего стола. Не зная причинъ болѣзней, люди придумали противъ нихъ заговоры и заклинанія, а Курьелы и до сихъ поръ лечатъ своихъ опасно больныхъ тѣмъ, что тычатъ ихъ ножомъ куда попало, чтобы выпустить духа, причиняющаго страданіе. Первые грубыя гипотезы смѣнились потомъ другими, хотя и болѣе утонченными, но, какъ и прежнія, далекими отъ истины. Желая объяснить себѣ причины зрѣнія и впечатлѣнія, производимое зрѣніемъ на душу, древніе философы придумали, что отъ вѣшнихъ предметовъ отдѣляются ихъ утонченныя изображенія, или что душа познаетъ вѣшніе предметы посредствомъ идей, составляющихъ точныя копія самыхъ предметовъ. Наконецъ, не зная что такое жизнь, люди придумали жизненное начало и жизненную единицу, виѣ всего и управляющую всѣмъ.

Пока не существовало точныхъ знаній, подобнымъ гипотезамъ приходилось вѣрить, потому что нечѣмъ было ихъ замѣнить. Но теперь и это значеніе гипотезъ отъ нихъ отнято. Гипотеза представляетъ для человѣка дѣйствительно много успокоительнаго; она предшествуетъ знанію, она замѣняетъ его, но она еще не истина, и дѣйствительнымъ знаніемъ останется только то, что можетъ быть доказано. При всей плѣнительности гипотезы о томъ, что земля стоитъ на четырехъ китахъ, или что отъ предметовъ отдѣляются тончайшія ихъ

изображенія, пришлось отказаться отъ нихъ, когда человѣкъ узналъ законъ всеобщаго тяготѣнія и оспованіе механизма зрѣнія. Такъ поступали съ гипотезами, невѣрность которыхъ была вполне доказана; ихъ отвергнули, какъ заблужденіе; другія же гипотезы, въ родѣ жизненной силы, признаются не больше, какъ гипотезами. Это значитъ, что человѣкъ замѣняетъ свое незнаніе предположеніемъ, догадкой. Но догадка можетъ быть справедлива, можетъ быть ошибочна, а потому пока нѣтъ доказательствъ, что она справедлива, слѣдуетъ вѣрить ей на столько, на сколько вѣрится всякой недоказанной догадкѣ. Не слѣдуетъ забывать, что гипотеза есть одна изъ формъ человѣческаго незнанія. Гипотеза придумывается потому, чтобы успокоить себя и имѣть хотя какой-нибудь отвѣтъ на вопросъ, вмѣсто слишкомъ короткаго, а потому для многихъ неудовлетворительнаго «не знаю». Разумѣется, теорія въ родѣ «жизненнаго начала» или «идей, составляющихъ копія предметовъ» можетъ удовлетворить многихъ, но чѣмъ она ближе къ истинѣ простаго «не знаю»? Время безусловной вѣры въ гипотезы кончилась съ тѣхъ поръ, когда начало развиваться естествознаніе; когда методъ, употребляемый въ естественныхъ наукахъ, сталъ прилагаться и къ другимъ наукамъ. Съ этихъ поръ значеніе гипотезы стало вполне ясно для всѣхъ умовъ положительнаго свойства, и только люди съ метафизическими наклонностями сохранили еще прежнее уваженіе къ гипотезамъ, удовлетворяясь ими какъ истинами, и не видя за прозрачной ихъ достовѣрностію худо замаскированнаго незнанія.

Особенно слабое вниманіе обращалось до сихъ поръ на физиологическія отправления человѣка, и этого рода незнаніемъ объясняется большая часть житейскихъ и историческихъ заблужденій и ошибокъ. Мы чувствуемъ и мыслимъ, потому что въ насъ есть нервы съ своей нервностію. Вездѣ, гдѣ нервъ возбуждаетъ нервный узелъ, является чувствительность. Хотя во всѣхъ этихъ случаяхъ свершается и одинъ физиологическій процессъ, но вслѣдствіе разнаго положенія нервовъ являются разныя ощущенія. Сумма всѣхъ ощущеній жизненнаго организма человѣка есть жизнь отдѣльнаго человѣка, точно такъ же, какъ совокупность всѣхъ впечатлѣній всего чувствующаго организма есть душа человѣка.

Факты говорятъ, что степень воспріимчивости нервовъ и чувствительность нервныхъ центровъ весьма различны въ разныхъ людяхъ. Извѣстно, что ощущенія однихъ людей тоньше, другихъ менѣе тон-

ки; нервы однихъ людей воспринимаютъ такіа впечатлѣнія, какія для другихъ людей вовсе незамѣтны. Музыкальное ухо въ сочетаніи музыкальных звуковъ находитъ гармонію и создаетъ впечатлѣніе, какого не создаютъ нервы человѣка, лишеннаго музыкальных способностей. Есть люди, которые не слышатъ крика летучей мыши, потому что онъ слишкомъ высокъ. Есть люди, для которыхъ не существуетъ вовсе запаха; для однихъ запахъ розы пріятенъ, на другихъ онъ производитъ сильное ощущеніе и даже головную боль. У многихъ слѣпыхъ обоняніе развито до того, что при помощи его они узнаютъ людей. Самый повседневный примѣръ чувствительности человѣка представляетъ плачь или разговоръ ребенка. Изъ ста плачущихъ въ одно время дѣтей мать различаетъ голосъ своего ребенка, какъ капельмейстеръ въ громѣ оркестра слышитъ ошибку второй скрипки, ошибку незамѣтную для посторонняго слушателя. Лепетъ и разговоръ своего ребенка производитъ въ высшей степени пріятное ощущеніе въ его родителяхъ, и въ то же время на посторонняго человѣка можетъ производить впечатлѣніе непріятное. Вотъ почему родители дѣлаютъ такъ часто ошибки, заставляя своихъ дѣтей выносить къ гостямъ, которые часто изъ деликатности должны улыбаться и заигрывать съ ребенкомъ, когда это не составляетъ для нихъ никакого удовольствія. Самый грубый и даже дикій человѣкъ понимаетъ плачь своего ребенка и радуется его ласкѣ, и въ то же время совершенно равнодушенъ къ самымъ утонченнымъ музыкальнымъ гармоніямъ.

Воспринимаемая неодинаково впечатлѣнія, нервы и передаютъ ихъ неодинаково нервнымъ центрамъ, а отъ этого происходитъ разная чувствительность организмовъ, такъ что внѣшнія вліянія одного качества производятъ на разныхъ людей разные впечатлѣнія и порождаютъ въ нихъ неодинаковыя мысли. Эта воспріимчивость нервовъ и нервныхъ центровъ до того неодинакова въ разныхъ людяхъ, что производитъ то безчисленное разнообразіе въ степеняхъ развитія, какія представляетъ человѣчество, начиная отъ полудикаго остяка или самоѣда и до европейца утонченной цивилизаціи.

Причина этого разнообразія лежитъ наполовину въ внѣшней средѣ, въ которой живетъ организмъ. Вліяніе внѣшней среды замѣтнѣе всего на растеніяхъ. Богатая тропическая флора, по мѣрѣ измѣненія климатическихъ условий, становится все бѣднѣе, и бѣднѣе и на вершинахъ горъ и на дальнемъ сѣверѣ кончается скудными лишайниками. То, что растетъ у подножія горъ и въ долинахъ не мо-

жетъ расти по мѣрѣ возвышенія на горы, и береза обыкновенная, составляющая огромныя лѣса на сѣверѣ Россіи, въ сибирскихъ тундрахъ превращается уже въ березовый ерникъ. Въ животныхъ простое понженіе температуры замедляетъ, или даже приостанавливаетъ, органическіе процессы, и всѣ животныя зимой спячки впадаютъ въ оцѣпенѣніе съ наступленіемъ холода. Каждый имѣлъ возможность испытать на себѣ непріятное впечатлѣніе холода и замѣтить, какое вліяніе обнаруживаетъ на организмъ холодная мѣстность съ наступленіемъ морозовъ. Человѣкъ чувствуетъ какую-то придавленность, способности его слабѣютъ, онъ оставляетъ неохотно комнату и всѣ органическіе процессы совершаются въ немъ медленнѣе. Мертвая природа, снѣгъ, вѣтеръ, морозъ производятъ на нервы человѣка то нервическое впечатлѣніе оцѣпенѣнія, которое у сурка кончается зимой спячкой.

Физиологія человѣка еще не на столько богата фактами, чтобы обнаружить всѣ разнообразныя впечатлѣнія, производимыя на его нервную систему разнообразными вліяніями вѣшной природы. Но физиологія достаточно богата фактами для того, чтобы сказать, что жизнь человѣка вполне зависитъ и вполне опредѣляется необходимыми условіями самаго организма и взаимными отношеніями его къ вѣшной средѣ.

При всей новосте наблюденій подобнаго рода надъ отдѣльными человѣческими организмами, вѣрность этого вывода подтверждена и статистическими наблюденіями надъ обществомъ. Общество есть совокупность отдѣльныхъ организмовъ, это коллективный человѣкъ; потому понятно, что чѣмъ совершеннѣе каждая особь, тѣмъ въ совокупности онѣ представляютъ большую силу, большій капиталъ ума, талантовъ, знаній, и чѣмъ организмы особей слабѣе и бѣднѣе во всѣхъ отношеніяхъ, тѣмъ коллективный организмъ слабѣе. Вотъ почему одни человѣческія общества могутъ представлять въ своихъ дѣйствіяхъ образчики энергіи и силы, а другія только образчики расслабленія и вялости.

Статистическія наблюденія надъ цѣлымъ обществомъ или частями его важны потому, что представляютъ скученное наблюденіе, и служатъ подтвержденіемъ частныхъ физиологическихъ наблюденій. Коллективныя наблюденія указываютъ на общія явленія, а частная физиологія разъясняетъ частный органическій законъ особей. Это двѣ науки, связанныя весьма тѣсно. Что же говорить физиологія.

Физиологія говорить, что для существованія чело­вѣка нужно извѣстное количество питательныхъ веществъ, что убыль организма должна постоянно пополняться, и если она не пополняется, то чело­вѣкъ умираетъ голодной смертью. Слѣдовательно очевидно, что если въ обще­ствѣ находятся особи, получающія менѣе питательныхъ веществъ, чѣмъ нужно для ихъ организма, особи эти должны умереть съ голоду. Но этотъ отдѣльный физиологическій фактъ еще ничего не говоритъ о раз­мѣрѣ вліянія лишеній на все общество, или его извѣстныя части, и тутъ является на помощь статистика, эта физиологія коллективнаго чело­вѣка.

Факты, представляемые ею, подкрѣпляютъ законы физиологін, представ­ляя ихъ только въ иномъ размѣрѣ. Такимъ образомъ статистика говоритъ что дороговизна хлѣба увеличиваетъ размѣръ смертности; въ Лондонѣ въ 1802 году, при цѣнѣ пшеницы въ 58 шил. умерло 20,508 чело­вѣкъ, а въ 1800 году, когда пшеница стоила 113 шил., умерло 25,670 чело­вѣкъ. Подобный же результатъ оказался и при наблюденіяхъ въ другихъ мѣстахъ: въ Швеціи, Италиі, Франціи. Тѣ же статистическія наблюденія говорятъ, что бѣдность увеличиваетъ смертность, а бла­госостояніе увеличиваетъ долготѣіе. Переводя эту теорему на языкъ физиологін, пришлось бы сказать, что чело­вѣческій организмъ не въ состояніи переносить условій, которыя ему несвойственны. Какъ чело­вѣкъ долженъ умереть, если вмѣсто кислорода, необходимаго ему для кровообращенія, ему придется дышать угольной кислотой или окисью углерода, такъ точно онъ долженъ умереть, если у него не будетъ достаточной пищи, достаточнаго тепла, если организмъ будетъ помѣщенъ въ такія условія, какія не соотвѣтствуютъ его жизненному отправленію. Но наблюденіямъ Каспера оказывается, что средняя жъзнь достаточныхъ людей Берлина ровняется 50 годамъ, а людей бѣдныхъ только 32 годамъ. И тотъ же фактъ повторяется вездѣ — вездѣ чело­вѣкъ не въ состояніи переносить того, что не соотвѣтствуетъ его организму; вездѣ чело­вѣкъ умираетъ отъ голоду, лишеній и трудовъ, когда они превышаютъ его силы.

Но еще болѣе поразительные факты представляютъ наблюденія надъ солдатами. Факты эти говорятъ, что и чувствующему организму чело­вѣка нужны тоже извѣстныя условія, лишеніе которыхъ создаетъ точно такъ же смерть, какъ и лишніе пищи и воздуха. Всѣ знаютъ, что такъ называемыя нравственныя потрясенія, огорченіе, досада, обида, совершенно разстраи­ваютъ чело­вѣка; при сильномъ впечатлѣніи

человѣкъ даже умираетъ. Физиологія знаетъ, что въ такомъ случаѣ происходитъ въ организмѣ, и отчего можетъ случиться смерть. Но физиологія указывая на необходимость благопріятныхъ условій для чувствующаго организма человѣка, отмѣчаетъ ихъ какъ частное наблюденіе, не сообщая той силы убѣдительности, какая придается коллективнымъ статистическимъ наблюденіемъ. Статистика же говоритъ, что даже въ мирное время смертность въ войскахъ на половину, а иногда даже вдвое больше смертности между людьми того же возраста, находящимися внѣ военной службы. Причины такой смертности легче всего объяснить тѣснотой помѣщеній и неправильнымъ образомъ жизни. Но почему же и самое общественное положеніе человѣка, какъ солдата, и недостатокъ обыкновенныхъ гражданскихъ занятій не могутъ увеличивать смертность? Зная законы физиологіи такую причину допустить слѣдуетъ, и она точно существуетъ. Парламентскія изслѣдованія въ Англіи подтвердили фактъ, что здоровье солдатъ лучше въ тѣхъ войскахъ, которые не устранены совершенно отъ гражданскихъ занятій. Этотъ фактъ подмѣченъ наблюденіями надъ войсками въ Лондонѣ и въ Индіи. Въ индійскихъ войскахъ отличались лучшимъ поведеніемъ и здоровьемъ тѣ полки, въ которыхъ солдаты занимались разными ремеслами. Точно такъ же изъ войскъ Лондона отличались лучшимъ здоровьемъ корпусъ королевскихъ инженеровъ, которые посвящали военной службѣ только одинъ день въ недѣлю, а все свободное время проводили въ обыкновенныхъ работахъ. Кстати замѣчу, что не смотря на такое незначительное время для военныхъ упражненій, солдаты знали отлично свое военное искусство.

Изъ этого очевидно слѣдуетъ, что каждому человѣческому организму для его нормальнаго существованія необходимы всѣ нужныя ему условія. Ему нужна пища, тепло, свѣтъ, нужны впечатлѣнія для нервовъ, чтобы возбуждать чувствительность въ нервныхъ узлахъ. Когда человѣку недостаетъ одного изъ условій его существованія, онъ или страдаетъ, или перестаетъ жить. Случаи послѣдняго рода менѣе частны и болѣе замѣтны, потому что болѣе пугаютъ людей; тѣмъ не менѣе частныя страданія въ общей совокупности своей ужаснѣе, и приносятъ человѣчеству болшія бѣдствія.

Въ человѣкѣ ни одно ощущеніе не заканчивается само въ себѣ, оно разрѣшается всегда вторичнымъ ощущеніемъ, и, смотря по роду впечатлѣнія, оно заканчивается или рядомъ мыслей, или сокращеніемъ

мышць. Когда у челоѣка раздражена слизистая оболочка носа, челоѣкъ чихаетъ, т. е. быстрымъ выбрасываніемъ воздуха изгоняетъ раздражающее его постороннее тѣло. Когда внѣшнія вліянія, дѣйствующія на нервы внутренностей производятъ на нихъ непріятное впечатлѣніе, челоѣкъ раздражается, сердится и проявляетъ это непріятное внутреннее состояніе какимъ-нибудь внѣшнимъ дѣйствіемъ, или рядомъ мыслей, облегчающихъ его страданіе. Организмъ челоѣческій устроенъ уже такъ, что вслѣдствіе ощущеній онъ долженъ непремѣнно дѣйствовать извѣстнымъ образомъ, а не иначе, и слѣдовательно всякое лишеніе и всякое вліяніе, производящее въ челоѣкѣ непріятное ощущеніе, смотря по своему качеству и силѣ, разрѣшается непремѣнно вторичнымъ ощущеніемъ. Если это вторичное ощущеніе проявится въ дѣйствіи, то опять, смотря по качеству дѣйствія, оно можетъ быть тѣмъ, что на языкѣ юристовъ называется проступкомъ, или преступленіемъ. Зная, что душа есть совокупность организма чувствующаго, и что, вслѣдствіе разной степени чувствительности нервовъ, у каждаго челоѣка своя душа, становятся ясными непріязвольность дѣйствій каждаго челоѣка и личный характеръ ихъ, отличающій одного челоѣка отъ другого. Въ каждомъ дѣйствуетъ своя душа, и потому каждый дѣйствуетъ различно. Еще Спиноза сказалъ, что люди только воображаютъ, что они свободны, что сознаютъ свои поступки, потому что не знаютъ причинъ, вызвавшихъ эти ихъ дѣйствія. Злое дитя воображаетъ, что оно свободно желаетъ мстить; трусъ—что онъ рѣшается самъ бѣжать; пьяный—что онъ говоритъ по своей свободной волѣ. Дитя, глупецъ, болтунъ и множество людей этого рода воображаютъ, что они говорятъ по своей свободной волѣ, тогда какъ они просто не въ состояніи не болтать. Мысль эта подтверждена вполне физиологическими и статистическими наблюденіями. Изъ наблюденій Кетле оказывается, что ежегодное число браковъ гораздо постояннѣе и правильнѣе, чѣмъ число смертныхъ случаевъ. Во Франціи и въ Бельгіи оказываются одинаковыя отношенія въ числѣ браковъ между молодыми людьми и дѣвцами, между молодыми людьми и вдовами и между вдовцами и вдовами. То же самое оказывается и въ числѣ преступленій, самоубійствъ и самоубійчій, и даже въ числѣ неточно и неправильно адресованныхъ писемъ. Вотъ почему ни пытки, ни смертныя казни не улучшали челоѣка, и страхъ, внушаемый наказаніемъ, былъ безсильнъ предъ другими ощущеніями челоѣческаго организма, заставлявшими его поступать непремѣнно

такъ, а не иначе. Въ этомъ же причина, почему оказывался не дѣйствительнымъ моральный принципъ, почему самыя прекрасныя нравственныя правила не могли заставить человѣка дѣйствовать наперекоръ своимъ побужденіямъ. Если ни моральныя правила, ни наказанія не могли измѣнить числа и качества преступленій, то очевидно, что не отъ этихъ мѣръ зависятъ нравственныя достоинства человѣка, а что они заключаются во внутреннихъ, первныхъ свойствахъ человѣка и въ отношеніяхъ ихъ къ условіямъ внѣшней среды.

Разумѣется, современная наука не дошла еще до того, чтобы создавать совершенныя организмы и вполне благопріятныя для нихъ условія, но зато она можетъ сказать, что дѣйствуетъ вредно на организмъ; она можетъ сказать почему можно наследовать тупоуміе, пьянство, развратъ, преступленіе. Старая гипотеза, выразившаяся въ русской поговоркѣ, что яблоко падаетъ недалеко отъ яблони, подтверждается вполне фактами. Если бы потомство не зависѣло отъ родителей, то и корова могла бы надѣяться родить когда-нибудь лошадь. Но этого нѣтъ въ природѣ—дѣти идутъ въ своихъ родителей и наследуютъ отъ нихъ нервную, костную, мышечную систему, наследуютъ ихъ чувствительность, ихъ темпераментъ. Даже многія склонности переходятъ отъ родителей къ ихъ дѣтямъ, если эти особенности родителей зависѣли отъ особенностей ихъ организаціи. Поэтому робость, явившаяся въ родителяхъ даже исключительно отъ внѣшнихъ вліяній, по измѣнившая характеръ нервности и сдѣлавшаяся органической особенностію родителей, можетъ перейти и къ ихъ дѣтямъ; точно такъ же можетъ перейти въ наследство и пьянство и развратъ, и даже склонность къ убійству или къ самоубійству, если они зависѣли у родителей отъ условій ихъ нервного организма. Жизнь, полная лишеній, притупляющая чувствительность нервовъ, притупляющая способности человѣка, уменьшающая его силы, измѣняя нервность родителей, создаетъ и дѣтей съ тупыми нервами. Отъ слабыхъ истощенныхъ родителей являются только слабыя дѣти и отъ идиотовъ являются только идиоты. Наслѣдственность силъ и способностей такъ же очевидна какъ наследственность расы. Грекъ возрождается въ своемъ поколѣніи, точно также русскій въ своемъ, какъ буряты въ своемъ, и недостатки родителей, происходящіе отъ особенностей ихъ организма, передаются дѣтямъ точно такъ же, какъ передается способность къ музыкѣ, къ рисованью.

Для человѣка, какъ и для остальныхъ животныхъ, существуютъ

общіе физиологическіе законы. Какъ изъ дикихъ прародителей коня, быка, культура создала домашнюю лошадь, нынѣшняго покорнаго быка, такъ точно культура измѣняетъ и организмъ человѣка, и какъ портится порода животныхъ отъ дурнаго за ними ухода, такъ точно можетъ измѣняться къ худшему и организмъ человѣка. Нужда, голодъ, нищета, пьянство и пороки, искажая организмъ отдѣльнаго человѣка, такъ же точно искажаютъ цѣлыя поколѣнія, цѣлыя общества. Рядомъ лишеній можно перевоспитать все общество и привести людей къ первобытному ихъ дикому состоянію. Слабый примѣръ этого можно видѣть на жителяхъ нѣкоторыхъ мѣстностей Забайкалья, гдѣ отсутствіе всѣхъ удобствъ жизни и самый печальный экономическій бытъ вмѣстѣ съ суровыми климатическими вліяніями поставили и держатъ человѣка въ положеніи нисколько не выше быта полукочующаго бурята. Понятія забайкальскаго сибиряка объ удобствахъ жизни становить его такъ ниже даже великороссійскаго крестьянина, не говоря уже о малаканахъ, старовѣрахъ или пѣмецкихъ колонистахъ въ Россіи, что уже, разумѣется, нищій-колонистъ имѣетъ больше потребностей и лучше понимаетъ удобство жизни, чѣмъ даже зажиточный забайкалецъ. Въ уровнѣ съ бытомъ человѣка стоитъ и все его домашнее хозяйство. И его лошадь не знаетъ другого корма, кромѣ грубыхъ и жесткихъ травы и сѣна; она не знаетъ крытаго и теплаго помѣщенія, и должна смолоду привыкнутьъ къ 40-градусному морозу. И корова его должна привыкнутьъ къ тому же, и ей незнакомо теплое поило и питательный кормъ. Такъ, что если въ забайкальскомъ скотѣ и есть хорошія качества, они должны исчезнуть отъ дурной жизни. Перевоспитать его можно только хорошимъ уходомъ, какимъ улучшались породы скота англійскаго. Вотъ этотъ-то физиологическій законъ и имѣетъ полное примѣненіе къ человѣку. Порода человѣка такъ же улучшается, какъ порода домашнихъ животныхъ. Удовлетвореніе всѣмъ потребностямъ организма, укрѣпляющее его жизненныя силы и утончающее первную чувствительность, придаетъ всѣмъ отправлениямъ человѣка иной характеръ, и всѣмъ его дѣйствіямъ и способностямъ другія качества; однимъ словомъ, культивируетъ человѣка, какъ культивируетъ уходъ яблокъ и сливъ. Эта культура человѣка и общества и есть его воспитаніе. Слѣдовательно воспитаніе есть улучшеніе условій виѣшней среды, дѣйствующей на организмъ, и болѣе разнообразное развитіе внутреннихъ потребностей и отправления организма.

Стремленіе къ улучшенію внутреннихъ и внѣшнихъ условій жизни составляетъ необходимое качество человѣка, какъ потребность быть сытымъ и довольнымъ. Это стремленіе къ самовоспитанію и есть прогрессъ. Чувство прогрессивности можетъ быть въ человѣкѣ или слабѣе или сильнѣе, но оно есть во всякомъ человѣкѣ и во всякомъ народѣ, если только постороннія обстоятельства не мѣшаютъ его проявленію въ массѣ населенія. А помѣхой всегда были и есть недостатокъ знаній, невѣжество, вѣра въ гипотезы и всѣ вытекающія изъ нихъ печальныя слѣдствія, представляемая исторіей. Разумѣется, время, когда Магометъ II рубилъ людей сотнями тысячъ, когда въ видѣ штрафовъ посылались къ побѣдоносному султану мѣшки съ ногами и ушами убитыхъ неприятелей, когда строились пирамиды изъ человѣческихъ головъ, едва ли можетъ повториться между націями, считающими себя цивилизованными, потому что въ массахъ населеній явилась уже та тонина нервныхъ ощущеній, которая не позволитъ переносить подобныхъ впечатлѣній. Улучшеніе матеріальныхъ удобствъ жизни, вслѣдствіе развитія знаній, воспитало европейское населеніе въ невозможности жить военнымъ грабежемъ, и самая воинственность утратила уже очарованіе кровавыхъ опьяненій временъ владычества османовъ. Статистическія данныя о побѣгахъ изъ полковъ, и существующія во всѣхъ государствахъ строгія наказанія за дезертирство, показываютъ лучше всего, на сколько военная служба невыгодна для сельскаго населенія, занимающаго солдатскія должности, и какъ мало въ немъ воинственности. Извѣстно, что несоразмѣрно большее число переселенцевъ въ Америку изъ средней Европы состоитъ изъ людей, старающихся избѣгнуть конскрипціи. Ихъ не удерживаетъ ни любовь къ родинѣ, ни конфискація имущества; они бѣгутъ лишь бы избѣгнуть службы въ войскѣ. У насъ изъ регулярныхъ войскъ бѣжало въ 1857 году 5,791 солдатъ и въ 1858 году 5,135 человѣкъ. Это составляетъ для перваго года отношеніе 1: 190 и для втораго— 1:172. Разумѣется, невозможно также теперь въ Европѣ и такая система воспитанія, опытъ которой сдѣлалъ разъ Селимъ I, велѣвшій для предупрежденія развитія въ Турціи ученія шитовъ перерѣзывать сразу гуртомъ всѣхъ мальчиковъ отъ 7—17 лѣтъ. Ихъ набралось 40,000 и всѣхъ ихъ перерѣзали сразу. Но отчего это невозможно теперь и почему оно было возможно прежде? Появленіе Магометовъ и Селимовъ между европейскими населеніями невозможно, потому что не найдется ни въ одной странѣ 40,000 матерей или отцовъ, которые

бы позволили перерѣзать 40,000 своихъ сыновей. Невозможно потому же, почему не могутъ повториться стрелецкія казни, почему нынѣшніе государи и ихъ министры не стануть рубить своими руками головы преступниковъ. Невозможно потому же, почему дитя мучить съ радостью животныхъ, а когда онъ сдѣлается развитымъ человѣкомъ, то не находитъ уже въ этомъ удовольствія, а напротивъ непріятное ощущеніе. Вся причина въ нервности, въ новой способности нервовъ усвоивать болѣе тонкія ощущенія, какой они прежде не имѣли. Эта новая способность болѣе тонкихъ ощущеній является и отъ измѣненія условій внѣшней среды, и отъ возвышенія уровня матеріальнаго благосостоянія, къ чему стремится всякій человѣкъ; потому что всякому хочется, чтобы ему было лучше. Какъ бы положеніе человѣка ни было повидимому хорошо, но его нервы, привыкшія къ извѣстнаго рода ощущеніямъ, скоро уже не удовлетворяются ими, а требуютъ новыхъ ощущеній. Вѣрность этого заключенія подтверждена ежедневными, всѣмъ извѣстными, фактами. Почему вообще къ сладкому, къ шоколаду, къ мороженому подаютъ въ кондитерскихъ воду? Потому, что если чувство вкуса не будетъ смѣняться, то оно наконецъ притупляется. Точно то же замѣчается и съ чувствомъ зрѣнія: чѣмъ дольше смотритъ глазъ на какой-нибудь цвѣтъ, тѣмъ слабѣе становится ощущеніе этого цвѣта. Точно то же представляютъ и факты жестокаго обращенія съ людьми. На человѣка привыкшаго къ побоямъ не дѣйствуютъ слова, а между тѣмъ человѣка, развившаго чувствительность своихъ нервовъ и нервныхъ центровъ при другихъ условіяхъ, можно оскорбить глубоко тономъ голоса и взглядомъ. Человѣкъ, пріучившій себя бить животныхъ, дѣлаетъ это съ наслажденіемъ, и на каждомъ крутомъ петербургскомъ мосту можно встрѣтить каждый день десятки фактовъ этого рода. Дюмовикъ бьетъ своего бѣднаго коня желѣзнымъ крюкомъ гдѣ ни попадо, не ощущая отъ этого никакой неловкости, или деревенскій парень шутиваго нрава ошариваетъ собаку кнутакомъ или хватитъ ее топоромъ, и визгъ бѣднаго животнаго возбуждаетъ только смѣхъ такихъ же веселыхъ товарищей деревенскаго шутника. Какъ воспитывается въ человѣкѣ чувство грубости и жестокости, такъ точно воспитывается и противоположное имъ чувство. Магометъ II, Селимъ I, Сулейманъ II, Иванъ Грозный, Генрихъ VIII англійскій, дошли не сразу до своихъ кровавыхъ оргій. И для нихъ вначалѣ было тяжело зрѣлище казней большихъ размѣровъ, и только послѣ

постоянныхъ упражненій Селимъ или Сулейманъ могли отдавать повеленіе изрубить 50,000 человѣкъ, или смотрѣли съ удовольствіемъ на лобное мѣсто, на которомъ мучилось 20,000 распятыхъ и повѣшенныхъ людей. Подобный же, но обратный процессъ совершается въ людяхъ дѣлающихъ переходъ отъ грубости къ нѣжности чувства. Какъ въ первомъ случаѣ, начиная съ мелкихъ казней, человѣкъ доходить до виртуозности въ злодѣйствахъ, такъ и грубость, смягчаясь постепенно, доходитъ до той деликатной чувствительности, которая отличаетъ людоѣда отъ цивилизованнаго человѣка.

Но это воспитаніе всего чувствующаго организма человѣка свершается весьма медленно, и медленность происходитъ преимущественно отъ слабого и слишкомъ постепеннаго увеличенія числа болѣе развитыхъ отдѣльныхъ личностей, образующихъ общество, народъ. Въ какой степени быстроты идетъ воспитаніе отдѣльнаго лица убѣждаютъ ежедневные примѣры. Мальчикъ или дѣвочка, взятые изъ крестьянской семьи и помѣщенные въ иныя условія повседневной жизни, окончивъ курсъ гимназій и университета, являются людьми уже совершенно непохожими на своихъ сверстниковъ, жившихъ все это время въ деревнѣ. Иная среда и другія условія жизни создаютъ изъ человѣка въ 15 лѣтъ совсѣмъ иного человѣка. Принимая, что населеніе увеличивается вдвое въ 37 лѣтъ, а среднюю продолжительность жизни составляетъ 50 лѣтъ, можно бы ожидать, что въ 37, а въ крайнемъ случаѣ въ 50 лѣтъ, всѣ отдѣльныя особи могли бы быть перевоспитаны, и все человѣчество обновилось бы въ полстолѣтія. Но дѣйствительность не представляетъ ничего похожаго на этотъ расчетъ. Въ массѣ населенія даже передовыхъ народовъ Европы находятся въ обращеніи такія мнѣнія, убѣжденія и понятія, которыя появились далеко раньше христіанской эры. Тысячи суевѣрій и предразсудковъ живутъ и обращаются въ народахъ, какъ истины, хотя давно уже доказано, что все это вымыслы. А было время, когда эти вымыслы замѣняли гипотезы, т. е. служили научнымъ объясненіемъ явленій, непонятныхъ человѣку. Даже и среди такъ называемаго образованнаго сословія живутъ такія представленія, которыя давно уже исключены наукой изъ числа ихъ истинъ. Даже разговорный языкъ теперешняго времени совсѣмъ не соотвѣтствуетъ новымъ научнымъ понятіямъ, а сохранилъ много выраженій того періода знаній, когда люди не могли еще щеголять обиліемъ добытыхъ ими истинъ. Выраженіе «не сердись, печенка лопнетъ» живетъ еще до сихъ поръ

среди кадетъ и гимназистовъ, которымъ должно бы быть уже извѣстно, что человекъ сердится не отъ печенки. Точно такъ же до сихъ поръ большинство убѣждено, что сѣдалище ума есть голова, и что всѣ страсти и нѣжныя склонности живутъ въ сердцѣ. «Какое у него доброе, любящее сердце», или «какое у него злое сердце» выраженія самыя обыкновенныя въ разговорномъ языкѣ, и люди, употребляющіе ихъ, очень часто вовсе и не подозреваютъ, что они говорятъ научную бессмыслицу. Отчего же происходитъ эта медленность воспитанія человечества, отчего въ людяхъ живутъ понятія, существующія на землѣ далеко болѣе 2000 лѣтъ; отчего даже въ такъ называемомъ образованномъ сословіи принимается истинами то, что оставлено наукой 100, 50 лѣтъ?

Тутъ двѣ причины: медленность съ какой развивается сама наука, или лучше сказать—медленность, съ какой человечество добываетъ истины, и медленность съ какой прививаются истины и къ отдѣльнымъ личностямъ, и къ массамъ населеній.

Медленность, съ какой человечество добываетъ себѣ научныя истины, объяснится вполне, если прослѣдить процессъ развитія каждаго отдѣльнаго человека. Научная истина добывается совершенно тѣмъ же путемъ, какимъ каждый человекъ добываетъ свой личный опытъ. Между различными чувствованіями и движеніями, относящимися къ каждому опредѣленному случаю, не существуетъ никакой природенной связи. Когда что-нибудь дѣлаетъ ребенку боль, ребенокъ кричитъ, барахтается и дѣлаетъ все, что только зависитъ отъ него, чтобы избавиться отъ боли. Но это все въ первомъ возрастѣ ребенка ограничивается исключительно крикомъ и барахтаньемъ. Чтобы дитя устранило предметъ, который его беспокоитъ, или дѣлаетъ ему боль, нужно, чтобы въ головѣ ребенка установилась связь между дѣйствіемъ, устраняющимъ боль, и ощущеніемъ боли. Если у ребенка есть нянька, она помогаетъ ему возстановлять эту связь, и послѣ нѣсколькихъ случаевъ дитя научается дѣйствовать уже само. Такимъ образомъ дитя, когда его колитъ что-нибудь, научается удалять это тѣло, т. е. опупать и бросить предметъ или отодвинуться отъ него; когда ребенку холодно, онъ уже знаетъ, что нужно надѣть что-нибудь теплое, хотя въ первое время всякое одѣванье производило на него непріятное ощущеніе. Такимъ же образомъ ребенокъ научается почесать свой лобъ или свое ухо, когда у него чешется то или другое. Во всѣхъ случаяхъ не только этого рода, но и во всѣхъ послѣдующихъ согласованіе

чувствованій съ дѣйствіями, или то, что обыкновенно называется воспитаніемъ воли, представляетъ цѣлый рядъ неудачныхъ попытокъ, цѣлый рядъ ошибокъ. Нужно извѣстное число совпаденій извѣстныхъ движеній съ пріятнымъ или непріятнымъ ощущеніемъ, чтобы установилось понятіе, что извѣстнымъ дѣйствіемъ можетъ быть устранено извѣстное непріятное чувство, или другимъ дѣйствіемъ можно получить чувство пріятнаго. Это то, что называется опытомъ. Какимъ числомъ ошибокъ дается каждый опытъ сказать нельзя; все зависитъ отъ силы ощущенія, и отъ способностей организма. Есть дѣти, которымъ достаточно обжечься одинъ разъ, чтобы бояться не только свѣчки, но и топящейся печки и вообще всякаго горящаго тѣла. Но есть дѣти, которымъ подобный опытъ дается не такъ легко. Дитя хоть и обожглось на свѣчкѣ, но сей часъ же послѣ обжога готово опять тянуться къ ней, и ему нужно обжечься нѣсколько разъ, чтобы удержать въ себѣ желаніе схватить рукой огонь. Получивъ опытъ относительно свѣчки, ему нуженъ еще цѣлый рядъ огорченій, чтобы установить въ себѣ понятіе, что горящая бумажка или лучинка и топящаяся печка тоже огонь, и причиняютъ такую же боль какъ и свѣчка.

Совершенно тѣмъ же путемъ идетъ и человѣчество въ приобретеніи научныхъ истинъ. Какъ въ жизни особи опытъ есть рядъ ошибокъ, поспѣшностей и неудачъ, такъ точно и каждой истинѣ предшествовалъ цѣлый рядъ неудачныхъ попытокъ. Человѣчество, какъ ребенокъ, барахталось и кричало, чувствуя боль, и потратило тысячелѣтія прежде, чѣмъ дошло своимъ умомъ до пониманья причины своихъ страданій, прежде чѣмъ придумало способъ, какимъ легче и скорѣе найти истину. Привыкнувъ къ гипотезамъ, люди думали метафизическимъ путемъ доходить къ тому, что разрѣшается исключительно путемъ опытнымъ. Эта привязанность къ гипотезамъ и всякимъ догадкамъ доставалась по наслѣдству молодымъ отъ старыхъ поколѣній. Человѣку казалось легче доходить до истины путемъ чистаго мышленія и путемъ метафизическимъ потому, что выводъ давался скорѣе. И люди успокоивались на первой догадкѣ, которая почему нибудь имъ нравилась; успокоивались на ней, пока первое опроверженіе не убѣждало ихъ, что ихъ истина простая выдумка. Тогда новые поиски за новымъ объясненіемъ фактовъ жизни; новая гипотеза, принимаемая за истину, пока новый опытъ не убѣждалъ, что эта истина ложь. Такъ трудилось человѣчество долго, очень долго, пока не увидѣло наконецъ что этотъ, повидимому, близкій путь есть путь самый дальній;

что онъ похожъ на палліативныя средства медицины, которыя замазываютъ болѣзнь, хотя повидимому скоро, но не изгоняютъ ее вполнѣ, и что два мѣсяца коренного леченія, восстанавливающаго здоровье, лучше двухъ недѣль замазыванія, послѣ которыхъ нужно новое замазыванье и опять новое, и опять новое, — а между тѣмъ организмъ страдаетъ годы. Опытный путь, на которомъ остановилась теперь наука, составляетъ ея достояніе еще очень недавно; вотъ почему, при посредствѣ этого метода, добыто еще немного истинъ. Но зато истины, добытыя имъ, суть истины настоящія, доказанныя, чуждыя метафизическаго характера, какой давался всѣмъ гипотезамъ. Знаніе на вѣру утратило свой кредитъ; сила убѣжденія дается только доказательствами, и чего нельзя доказать, того наука не признаетъ истинной. Даже самыя гипотезы новой науки получаютъ характеръ той практической убѣдительности, какой отличаются всѣ положенія современныхъ точныхъ знаній. Но опыты удаются не всегда, и часто понимаются не вѣрно, въ такомъ случаѣ опытъ провѣряется тѣмъ же опытнымъ путемъ, но посредствомъ «исключенія» и «отрицанія». Если нельзя сказать, что именно служить извѣстной цѣли и приносить выгоду, зато всегда можно увидѣть, когда оно «не служить» и «не приносить» выгоды или пользы. Съ этимъ драгоценнымъ орудіемъ опытнаго изслѣдованія, если не устраняются вполнѣ ошибки, но крайней мѣрѣ ихъ легче избѣгнуть.

Такимъ образомъ наука подвигается впередъ хотя и медленно, но съ каждымъ днемъ она увеличиваетъ запасъ свѣденій и знаній, разрушаетъ старые предрассудки, указываетъ ошибки, указываетъ путь, какимъ слѣдуетъ идти людямъ, чтобы имъ было лучше. Новая наука не сочиняетъ законовъ для природы и человѣка, — она отыскиваетъ ихъ. Но не такъ было прежде. Утверждаясь исключительно на гипотезахъ, не провѣренныхъ опытнымъ путемъ, прежняя наука только воображала, что находитъ законы природы, тогда какъ она только пыталась искать ихъ; она заставляла принимать на вѣру, какъ законъ и основаніе для дѣйствій какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и цѣлаго общества то, что совершенно противорѣчитъ природѣ человѣка. Вотъ причина, почему такъ много, повидимому, прекрасныхъ истинъ прививали бесплодно и все-таки не привили къ людямъ.

Между тѣмъ ошибки прежнихъ тысячелѣтій накопили такую массу заблужденій, что главный трудъ новыхъ изслѣдователей поглощается

почти весь на опроверженіе старыхъ невѣрныхъ знаній. Эта борьба стараго унаслѣдованнаго знанія, гдѣ ничѣмъ недоказанныя гипотезы принимаются за истину, замѣтна особенно въ наукахъ, занимающихся разрѣшеніемъ общественныхъ вопросовъ. И представители стараго знанія упираются на опытъ такъ же, какъ и люди новой науки; но первые не замѣчаютъ только одного, что опытъ вѣковъ, на который они ссылаются, прежде всего говоритъ противъ ихъ же самихъ; что этотъ опытъ представляетъ рядъ неудачныхъ попытокъ, досады и отчаянія; что это барахтанье дитяти, у котораго еще не установилась связь между ощущеніемъ и дѣйствиемъ; наконецъ представители старой науки не хотятъ принять фактовъ новой жизни, совсѣмъ не похожихъ на факты прежнихъ вѣковъ, и новыя явленія хотятъ разрѣшить отживающими и отжившими научными гипотезами. Но съ фактомъ обращаться такъ нельзя; онъ явился потому, что не могъ не явиться, и ужъ, разумѣется, его слѣдуетъ разрѣшить на основаніи нынѣшней науки, а не на основаніи отжившихъ знаній, которыя годились только для своего времени.

Эта медленность въ разработкѣ научныхъ знаній задерживается еще болѣе отъ тѣхъ препятствій, которыя мѣшаютъ знаніямъ проникать въ массы. Эта-то задержка и есть главная причина того невѣжества населеній, которая поражаетъ вездѣ, во всѣхъ частяхъ свѣта, во всѣхъ государствахъ. Хоть исключительно при посредствѣ знаній, Европа отъ своего первобытнаго дикаго состоянія дошла до своей теперешной цивилизаціи, но причины этого факта доступны пониманію еще весьма немногихъ. Немногіе знаютъ, что цивилизація есть знаніе, а прогрессъ — матеріальное улучшение быта человѣка и смягченіе внѣшней среды. Эта разная способность понимать факты дѣлила и дѣлитъ до сихъ поръ людей на двѣ группы, неровныя по числу, неровныя по силамъ. Одна группа — люди болѣе тонкихъ и разнообразныхъ ощущеній, отличаются большимъ развитіемъ нервовъ и оттого способны принимать весьма тонкія впечатлѣнія; другая — люди съ чувствительностію менѣе развитой, нуждаются еще въ культурѣ своего чувствующаго организма, чтобы принимать впечатлѣнія такъ же тонко, какъ принимаетъ ихъ первая группа. Какъ крикъ летучей мыши доступенъ не всякому уху, потому что онъ слишкомъ тонокъ, и потому возбуждаетъ чувствительность не всякаго человѣка; какъ слишкомъ тонкій запахъ фіалки обоняетъ не всякій, такъ точно и тонкія впечатлѣнія окружающей среды способны принимать не вся-

кій организмъ. Отъ этого разнообразія чувствительности и неодинаковой способности воспринимать впечатлѣнія происходитъ то, что одни видятъ свѣтъ тамъ, гдѣ другіе его не видятъ, что одни признаютъ необходимымъ то, что другимъ кажется менѣе нужнымъ или даже лишнимъ. Не смотря на такое видимое разногласіе этихъ двухъ группъ, онѣ обѣ, по закону прогресса, стремятся впередъ, съ той разницей, что первыя идутъ впереди, вторыя позади; первая служитъ представительницей свободнаго прогресса; вторая — прогресса съ задержкой, называемаго иначе медленнымъ прогрессомъ. Которая изъ этихъ двухъ группъ людей имѣетъ на своей сторонѣ истину, на чьей сторонѣ научная правда?

Физиологи говорятъ, что человѣкъ переживаетъ четыре возраста: зародышный періодъ, дѣтство, зрѣлость и старость. Каждому изъ этихъ періодовъ для перехода въ слѣдующій періодъ нуженъ извѣстный итогъ жизненной дѣятельности. Переходъ изъ зародышнаго періода въ дѣтство возможенъ только въ томъ случаѣ, когда зародышное состояніе закончилось вполне, когда зародышь свершилъ всѣ свои превращенія. Время тутъ ничего не значить: оно мѣрило не для знанія и науки, а чисто условный масштабъ, облегчающій извѣстнаго рода пониманье. Поэтому какъ только закончится дѣятельность одного періода, наступаетъ періодъ слѣдующій и т. д. Перескочить изъ одного періода въ другой невозможно; подобнаго факта замѣчено еще не было, но размѣръ каждаго періода, выраженный не итогомъ его дѣятельности, а условнымъ мѣриломъ—временемъ, можетъ быть весьма различенъ. Извѣстно, что не всѣ дѣти рождаются чрезъ девять мѣсяцевъ, — чрезъ восемь являются вполне сформировавшіеся ребенки. Извѣстно также, что у однихъ дѣтей умственное и физическое развитіе идетъ быстрѣе, у другихъ медленнѣе; Александръ Македонскій въ 30 лѣтъ завоевалъ весь міръ, и Наполеонъ I къ этому возрасту сдѣлалъ такую карьеру, какая невозможна для другого и въ 60 лѣтъ. Извѣстно также, что одни въ 25 лѣтъ переживаютъ такую сумму впечатлѣній, какой не наберется у иного 50-лѣтняго человѣка и мальчикъ 15 лѣтъ получающій порядочное воспитаніе, знаетъ больше и судить вѣрнѣе о вещахъ, чѣмъ его бывшая нянька, хоть та и старше его, можетъ быть, 30 годами. Очевидно, что развитіе опредѣляется не временемъ, а суммой условій, необходимыхъ для него, и потому одного и того же результата можно достигнуть или скорѣе или долѣе. Это скорѣе или долѣе зависитъ не только отъ вос-

примчивости организма, но и оттого, что ему дано воспринимать. Крестьянское дитя въ деревнѣ воспринимаетъ совсѣмъ другія впечатлѣнія, чѣмъ ребенокъ, живущій въ довольствѣ и въ цивилизующей средѣ; но если отъ послѣдняго отнять условія, благоприятныя его развитію, то можно и изъ него вмѣсто цивилизованнаго человѣка сдѣлать крестьянскаго варна. Разумѣется, наступитъ пора и для этого парня, а если не для него, то для его сына, когда общій ходъ исторіи, т. е. измѣненіе условій внѣшней среды подниметъ уровень его потребностей и создастъ ему цивилизацію, которую при другихъ условіяхъ онъ могъ бы имѣть много ранѣе; но за что же было отнято отъ него это время? За что его держали позади, когда бы онъ могъ быть впереди? Разумѣется, общаго хода исторіи остановить нельзя, какъ нельзя остановить роста дерева, роста отдѣльнаго человѣка. Организмъ возьметъ свое, стремленіе впередъ уведетъ впередъ, но можно сумму тридцатилѣтнихъ жизненныхъ отправленій разложить на 60 лѣтъ; можно отъ Москвы до Петербурга добраться въ мѣсяць, въ недѣлю, въ 3 дня, наконецъ въ 18 часовъ, смотря по тому, пойдешь ли пѣшкомъ, или поѣдешь на вольныхъ, на почтовыхъ, или по желѣзной дорогѣ. Причина задерживающихъ вліяній заключается въ незнаніи того фивіологическаго факта, что у каждаго народа существуютъ свои собственныя органическія силы и условія развитія; каждому полезно и нужно только то, что полезно и нужно ему; ни чей чужой организмъ не можетъ служить масштабомъ для опредѣленія силъ другого организма, потому что у каждаго человѣка свои особенности и свои потребности. Одинъ слышитъ запахъ фіалки, другой нѣтъ; одинъ любитъ музыку, а другой не отличаетъ бубна отъ барабана; одному нужно 12° тепла въ комнатѣ, а другой забнетъ и при 18; одному нужно 3 фунта говядины, чтобы быть сытымъ, а другому много и фунта. Что вышло бы, если бы всѣмъ этимъ людямъ съ такими резкообразными потребностями всѣмъ бы жить при однихъ условіяхъ? Есть очень гостепріимные и добродушные помѣщики, которые страшно торопятъ своихъ гостей изъ желанія сдѣлать имъ пріятное. Думая, что всѣ люди какъ ружейныя нули льются въ одну форму, они заставляютъ гостей ѣсть по своему вкусу, заставляютъ ихъ подливать въ душанья уксусъ, или сыпать перецъ и соль, когда гостю кажется это совершенно ненужнымъ. Ошибка эта, разумѣется, объясняется незнаніемъ но дѣло не въ объясненіи причинъ ошибки, а въ томъ, что та же самая причина можетъ сдѣлать ало большее,

чѣмъ пересоленный супъ. Совершенно неосновательно мнѣніе, что организмъ приметъ то, до чего онъ не доросъ. Какъ грудной ребенокъ не можетъ ѣсть говядины, такъ точно не развитой человекъ не приметъ впечатлѣнія болѣе тонкаго, чѣмъ на какое способны его нервы. Для чувствующаго организма человека нужна такая же постепенность въ восприниманіи впечатлѣній и въ переходѣ отъ грубыхъ къ болѣе тонкимъ, такая постепенность нужна для желудка, и для способности поднимать тяжести. Организмъ не возьметъ того, чего ему не нужно, не приметъ впечатлѣнія, если оно не по его средствамъ; онъ беретъ только то, что удовлетворяетъ его цѣли, и дѣлаетъ это самъ собой, даже не зная почему это дѣлается. Никакія принужденія не заставляютъ организмъ принять то, что ему не нужно, или не принять того, что ему нужно. Это подтверждается и частными и историческими примѣрами. Человекъ не станетъ ѣсть жирнаго, когда желудокъ его не переноситъ такой пищи; человекъ не станетъ ѣсть даже апанасовъ, когда онъ не находитъ въ нихъ никакого вкуса. Петру В. очень хотѣлось ввести въ Россію маіоратство, и оно все-таки не привилось къ русскому народу.

Какъ каждый отдѣльный человекъ имѣетъ свои исключительныя особенности и качества организма, такъ точно и человекъ коллективный, т. е. извѣстный народъ, состоящій изъ особей, развивавшихся при извѣстныхъ вліяніяхъ окружающей его природы, имѣетъ тоже свои особенности, по которымъ онъ принимаетъ одно и не принимаетъ другого. Поэтому очевидно, что нельзя ни отдѣльному человеку, ни цѣлому народу сочинять программу воспитанія и навязывать гипотезы, потому что это напрасный трудъ, потому что и человекъ, и народъ могутъ ихъ не принять. Весь научный секретъ воспитанія заключается въ томъ, чтобы не дѣлать изъ истины непроницаемой тайны, какъ это дѣлали ученые среднихъ вѣковъ. Каждое знаніе должно быть открыто для всѣхъ, какъ источникъ свѣжей воды; пусть черпаетъ изъ него всякій, потому что свѣжая вода нужна всѣмъ, потому что безъ нея человеку жить нельзя. Скрывать отъ человека знаніе—это то же, что заставлять людей пить мутную, гнилую воду, когда есть вода свѣжая, и воображать, что только для нѣкоторыхъ людей здорова свѣжая вода. Истина нужна всѣмъ, какъ нужна свѣжая вода. Но этого еще мало: человечество имѣетъ на истину право неотъемлемой собственности, потому что создавало и создаетъ ее всей своей жизнью; слѣдовательно не только нельзя лишать людей того,

что принадлежит имъ, напротивъ, наука, какъ складъ истинъ, должна быть открыта для всѣхъ: — пусть всякій идетъ и беретъ что ему нужно, никому отъ этого не будетъ вреда, потому что всѣмъ будетъ польза.

Но это взглядъ чисто теоретическій, замѣтитъ читатель. Что мнѣ оттого, что я знаю, что большинство людей не обладаетъ знаніями, съ которыми оно могло бы дойти до благосостоянія. Что мнѣ оттого, что человѣчество еще только собирается расставаться съ первымъ періодомъ своего развитія. Не двѣ же тысячи лѣтъ ждать бѣдняку, когда весь его вѣкъ 40 лѣтъ; когда чрезъ 3 дня онъ можетъ умереть съ голоду. Знаніе объясняетъ причину зла, указываетъ путь спасенія; оно объясняетъ, что измѣненія ожидать нельзя, пока знающіе люди не составятъ численнаго большинства; но могутъ пройти еще десятки вѣковъ, пока кончатся войны, и люди найдутъ ихъ невыгодными; пройдутъ десятки вѣковъ, пока кончится экономическая не-равноправность; гдѣ же намъ, людямъ настоящаго, ждать этого далекаго будущаго? Правда и то...

И. Шелгуновъ.

ДВА МГНОВЕНІЯ.

Я былъ еще мальчикомъ, гимназистомъ...

Моя небольшая квартира, состоявшая изъ двухъ маленькихъ комнатъ, помѣщавшихся во флигелѣ, выходила окнами во дворъ, принадлежавшій статскому совѣтнику Кондыреву — довольно пожилому отцу семейства, состоявшаго изъ взрослыхъ, даже черезъ-чуръ взрослыхъ дѣвицъ. Какъ теперь помню я эту почтенную фигуру папаша съ какимъ-то крестомъ на шеѣ, пришитомъ на-крѣпко къ галстуху, съ довольно отросшимъ брюхомъ, и гладко причесанными напередъ, мѣстами побѣлѣвшими висками. Жены у него не было, а замѣняла ее какая-то пожилая дѣва, проживавшая въ домѣ подъ именемъ сестрицы—главы семейства и тетушки дочерямъ. Много ихъ было у Кондырева — душъ около пяти или шести, только жениховъ не оказывалось, хотя почти каждый вечеръ въ домѣ Кондырева собиралось довольно значительное общество, преимущественно изъ молодежи. Барышни по очереди играли на фортепianoхъ, часто отплясывали; всѣмъ было весело, всѣ были довольны другъ другомъ. Варенье постоянно подавалось вкусное, яблоки сочныя и сладкія, орѣхи рассыпчатые, а къ чаю всегда былъ ромъ, благоухавшій лучше иныхъ духовъ.

Я имѣлъ съ Кондыревыми общій столъ и здѣсь-то, во время чая, обѣда, ужина, видалъ я все семейство въ полномъ его составѣ, и мнѣ было всегда ужасно неловко сидѣть между дѣвами, постоянно разодѣтыми, въ шелковыхъ платьяхъ съ

замысловатыми коафюрами. Я не стыдился ихъ, а было почему-то страшно глядѣть на эти неприступныя, вѣчно форменныя физиономіи.

Между ними была одна... Я ее помню хорошо, я ее теперь вижу сквозь туманъ времени, сквозь рядъ годовъ непривѣтныхъ, ставшихъ между прошлымъ и настоящимъ. Вотъ она стоитъ передъ моими глазами съ смуглымъ лицомъ, съ задумчивымъ взглядомъ и пристально-пристально всматривается въ меня своими дѣтскими глазками...

Заботливый папаша не далъ ей докончить и того жалкаго воспитанница, какимъ могъ надѣлать ее провинціальный институтъ, изъ котораго она была взята года за два до окончанія курса. Кондыреву хотѣлось сбыть съ рукъ хоть одну изъ дочерей, а шансы для этого прежде всего были на сторонѣ Нади — такъ звали смуглянку.

— Тамъ ее ничему путному не научатъ, разсуждалъ Кондыревъ, сидя однажды съ своей названной сестрицей; только даромъ деньги будемъ платить... Пускай, общество, сама жизнь учатъ... ее

— Да какже безъ книжки-то, Василій Матвѣичъ! замѣтила озабоченная сестрица.

— Жизнь—вмѣстѣ и учитель и книжка! торжественно и рѣшительно заключилъ Кондыревъ.

— Сохрани господи! добавила сестрица со вздохомъ.

Словомъ, Надя изъ института была взята и привезена домой за нѣсколько недѣль до того времени, когда я переселился къ Кондыревымъ.

На другой же день увидѣлъ я ее за обѣдомъ. За двумя противоположными концами длиннаго стола помѣщались хозяинъ дома и его названная сестрица, а по бокамъ сидѣли дочери, одѣтыя всѣ, какъ одна: на всѣхъ были какого-то яркаго цвѣта платья съ воланами; воротнички, одинаково вышитые и тщательно отложенные, черные спурочки на шеяхъ, зачесанные назадъ волосы, переплетенные черными, узенькими бархатками. Только одна она, одна Надя не была похожа на другихъ ни лицомъ, ни туалетомъ. Темное, простенькое платье, крѣпко стянутое у талии и плотно охватывавшее молодую, только еще развивавшуюся грудь, бѣлый вышитый воротнич-

чекъ да рукавички такъ шли къ ея живому, подвижному лицу, что и подъ вѣнецъ не слѣдовало бы ей пережѣвать этого туалета. Волосы ея были довольно коротко острижены и заложены за уши; когда она нагинала голову — каштановыи пряди спадали ей на глаза, и снова закидывались назадъ, когда она встряхивала головкой... Я на нее заглядѣлся... Я ее сравнивалъ съ солидными, натянутыми фигурами сестрицъ — и какая же была разница! Всѣ ѣли чинно, не выпуская изъ рукъ ножа и вилки; только Надя, нисколько не стѣсняясь, брала кость пальцами и старательно обгрызала ее со всѣхъ сторонъ; потомъ вытирала пальцы и губы салфеткой, сама тянулась черезъ столъ къ графину, наливала воду, торопливо пила ее, потомъ опять вытирала губы салфеткой — и все это какъ-то дѣлалось у нея такъ скоро-скоро, одно за другимъ.

Послѣ обѣда я неохотно поплелся въ свою комнату, помѣщавшуюся, какъ сказано, во флигелѣ противъ дома Кондырева. Было жарко — время лѣтнее. Солнце пекло, и хотѣлось посидѣть въ тѣни. Я сѣлъ на диванъ подъ густой, недавно распустившейся акаціей, думая, не выйдетъ ли она. Она вышла и остановилась на крыльцѣ, облитомъ яркимъ свѣтомъ горячаго солнца.

— Хорошо въ тѣни? спросила она, перегнувшись ко мнѣ и сдѣлавъ изъ руки щитокъ надъ глазами.

— Хорошо, отвѣтилъ я робко.

Она перепрыгнула черезъ нѣсколько ступенекъ и въ два прыжка очутилась подлѣ меня.

— Хотите орѣховъ? спросила она и, не дожидаясь отвѣта, вынула изъ кармана цѣлую горсть и высыпала на диванъ. Я сталъ ѣсть, она тоже. Точно бѣлка разгрызала она ихъ, причѣмъ жмурилась, когда орѣхъ попадался крѣпкій, и показывала два ряда бѣлыхъ, ровныхъ зубовъ.

— Скажите, у васъ весело въ гимназіи? говорила она, не переставая грызть орѣхи, точно это занимало ее больше, чѣмъ ожиданіе моего отвѣта.

— Такъ-себѣ, проговорилъ я неопредѣленно.

— А вотъ у насъ въ институтѣ какъ было весело, просто прелесть! Что мы только дѣлали тамъ!.. Чудо, какъ весело!..

Она положила ногу на ногу, и изъ-подъ теменькаго платья выглянула маленькая, узенькая ботинка и бѣлый чулокъ. Она начала беззаботно покачивать ножкой.

Я молчалъ; она продолжала усердно разгрызать орѣхи.

— Вы не брюзгливы? спросила она.

— Нѣтъ.

— Такъ раскусите мнѣ пожалуйста этотъ орѣхъ... такой крѣпкій... никакъ не могу... Нѣтъ, стойте, сама... таки разгрызу... вотъ!

— А что?

Орѣхъ громко треснулъ.

— Такъ вѣдь можно зубы поломать.

— Ничего!.. А у васъ папенька есть?

— Есть.

— И маменька есть?

— Да, и маменька тоже есть.

— А вотъ у меня маменьки нѣту, только тетенька есть.

— Вамъ скучно безъ маменьки?

— Скучно. Въ институтѣ было ничего... весело, а здѣсь скучно... Вы на бульваръ ходите?

— Хожу, только рѣдко.

— Меня все не пускаютъ... Тамъ такъ весело, музыка играетъ, гуляющихъ много... Здѣсь такая тоска...

— Отчего же васъ не пускаютъ?

— А я развѣ знаю! просто, не пускаютъ.

— Такъ вы бы самі ушли..

Она только покачала отрицательно головой и ничего не сказала, потому что попался крѣпкій орѣхъ, и она всѣми силами старалась разгрызть его. Я молчалъ. Все думалъ и никакъ не могъ придумать, тѣмъ бы занять ее, заинтересовать.

— А у васъ какіе баллы стоятъ изъ закона Божія? спрашивала Надя. Мнѣ всегда пять ставили... У насъ былъ такой добрый баюшка... Въ вашемъ классѣ геометрію учатъ?

— О, да; мы уже параллельныя линіи проходимъ, отвѣчалъ я съ маленькимъ сознаніемъ своего достоинства.

— Что это значить «параллельныя линіи»?

— А это такія линіи, отвѣтилъ я по книжкѣ, которыя,

бывъ проведены на одной плоскости, какъ бы далеко ни были продолжены, никогда между собою не встрѣтятся.

— Это вѣрно очень трудно?

— Нѣтъ, ничего,—не трудно. Надо только немножко вникнуть, а тамъ все станетъ понятно.

— Я не люблю математики.

— А я очень люблю... Я и въ университетъ поѣду на математическій факультетъ. Потомъ поступлю въ военную академию, буду свитскимъ офицеромъ, (о моя юность)! Вы видали свитскихъ офицеровъ?

— Видѣла, съаксельбантами? Къ намъ въ институтъ пріѣзжалъ одягъ, къ нашей дѣвицѣ... У насъ всѣ были влюблены въ него—хорошенькій такой! Записки писали, клали ему въ карманъ.

— Свитскимъ офицеромъ выгодно быть, говорилъ я солидно, какъ человекъ, болѣе смотрящій на практическую сторону дѣла; жалованье идетъ хорошее, чины тоже получаютъ несравненно скорѣе, можно легко до генерала дослужиться...

— А вы Евгенія Онѣгина читали?

— Какже, читалъ. Это Пушкина?

— Я право не знаю, намъ не давали читать. Наша одна воспитанница достала откуда-то, такъ ее за это исключили изъ института и въ аттестатѣ поведеніе написали не хорошее. А вамъ позволяютъ?

— Намъ позволяютъ. Это хорошій романъ. Тамъ Татьяна есть одна, такая бѣдная дѣвушка, жалко ее!

— Вы достанете мнѣ Евгенія Онѣгина.

— Хорошо, достану непременно.

— Какъ акація хорошо пахнетъ! сказала вдругъ Надя. Она стала на диванъ и, нагнувъ густую вѣтку, начала срывать съ нея бѣлыя, полныя кисти.

— Держите руки, я вамъ буду бросать, говорила она...

— Надя, Надя, что это такое? раздался вдругъ съ крыльца голосъ тетушки. Какъ это до сихъ поръ не научиться держать себя прилично!.. Фи, *страмъ* какой!.. А-я-яй! Такая большая дѣвушка,—и неумѣетъ вести себя, какъ должно... Фи!.. Слава Богу, шестнадцать лѣтъ!..

Надя, какъ видно, не обратила особеннаго вниманія на сло-

на тетушки, — она обшипала почти всю вѣтку и, спрыгнувъ съ дивана, начала ѣсть бѣлые цвѣточки.

Вышла одна изъ сестеръ [чинно, солидно, держа въ одной рукѣ какую-то книжку, а другою приподнявъ шелковое платье. Она неторопливо сошла по ступенькамъ и приблизилась къ дивану, на которомъ сидѣли мы съ Надей.

— Хочешь акацій? спросила Надя, набивая себѣ ротъ цвѣтами.

Сестрица осторожно взяла одинъ цвѣтокъ, положила на языкъ и сейчасъ же выплюнула, скорчивъ рожу.

— Фи, какая гадость! сказала она, отплеываясь и прикладывая къ губамъ батистовый, надушенный платокъ. Удивляюсь, какъ ты можешь брать въ ротъ подобную дрянь.

— Лучше винограда! сказала Надя, опять набивая ротъ.

— Ну ужъ... признаюсь...

Сестрица посмотрѣла на акацію, сморщила физиономію и отвернулась.

— Это только и могутъ любить институтки, добавила она, раскрывая книгу.

— Что это ты читаешь? спросила Надя и хотѣла было посмотрѣть заглавіе.

— Молоды - еще, да-съ, отвѣтила сестрица, быстро закрывъ книгу

— Да я и такъ и знаю: Турлурлу Поль-де-Кока...

Наши институты имѣютъ, а тѣмъ болѣе имѣли способности производить на воспитанницъ странное вліяніе: они сперва развиваютъ въ дѣвушкѣ антагонизмъ противъ незаконныхъ покушеній съ своей стороны — убить въ ребенкѣ малѣйшіе проблески самостоятельности, убить дѣтство. Антагонизмъ этотъ выражается рядомъ тѣхъ неестественныхъ выходовъ, которыя получили привилегированное названіе ин-

статутскиѣ. Мало-по-малу сила молодая, неокрѣпшая, подчиняется старой, вполне организованной и потому окрѣпшей, естественность молодости пропадаетъ, и изъ института выходятъ сентиментальныя куклы въ женскиѣ платьяхъ, но ужъ никакъ не женщины. Бываютъ, правда, исключенія, но на тожъ онѣ и исключенія.

Надя, какъ извѣстно, не кончила курса и не сдѣлалась куклой. Ее взяли именно въ то время, когда она окончательно готова была заразиться институтской атмосферой и уже не разставаться съ нею во всю жизнь. Новѣдъ Надя въ цѣлой семьѣ была одна... Чѣмъ больше я знакомился съ нею, тѣмъ больше замѣчалъ, какая тоска ей жить такимъ образомъ. Почти ежедневно повторяющіеся вечера надоѣдали ей страшно, развлеченій почти никакихъ не было... Сестры, вѣроятно видѣли въ ней свою соперницу, и потому обращались съ нею какъ-то холодно; отецъ былъ со всѣми одинаковъ, — но чѣмъ могъ онъ развлечь Надю? О тетушкѣ и говорить нечего, та просто не любила свою племянницу, на что Надя отвѣчала тѣмъ же. Той хотѣлось, чтобы все въ домѣ слушалось одну ее, чтобъ все было по формѣ, одинаково, а Надю никакъ нельзя было втиснуть въ общую ежедневную рамку жизни, созданной сестрицей Кондырева.

Надя идетъ по комнатѣ и встрѣчается съ тетушкой.

— Я просто не могу видѣть тебя! говоритъ старая дѣва. Экая неумытка ты, прости господи!.. Ну, чтобъ тебѣ чешаться, какъ сестры чешутся, — нѣтъ вѣдь, надо безпремѣнно по своему. Ну отчего ты не чешешься по людски?

— Не хочу! рѣзко отвѣчала Надя.

— Не хочу! передразнивала тетушка; точно какъ мужичка какая-нибудь говоритъ: — не хацу!.. и тетушка старалась копировать, какъ мужички говорить. Чему васъ тамъ учать, въ институтахъ этихъ разныхъ? Шагу ступить не умѣете... Ну что это у тебя за рукавчики, развѣ такъ носить ктонибудь? А это что, а это?..

И тетушка дергала то за воротничекъ, то за какую-нибудь тесемочку, выглянувшую въ непоказанномъ мѣстѣ?

— Да оставьте меня! говоритъ Надя, стараясь освободиться отъ тетушкиныхъ вѣжностей.

— У, грубиянка! Право, точно какъ мужичька какая-нибудь...

Надя побѣжитъ въ припрыжку. Попадается одна изъ сестрицъ.

— И какъ это ты до сихъ поръ ходитъ порядочно не умѣешь! слышится напоминаніе.—Слава Богу, вѣдь не вчера привезли изъ института... Посмотри-ка, платье-то у тебя какъ сзади... А спина... Боже мой!.. вся въ извѣсти.

Надя идетъ въ комнату къ сестрамъ. Одна сидитъ у окна и читаетъ «прекраснаго молодаго человѣка» Поль-де-Кока; другая на диванѣ, сложила на груди руки, неподвижно смотритъ въ потолокъ и дремлетъ; третья вдѣваетъ въ корсетъ усъ китовый.

— Ну, чѣго тебѣ здѣсь?

— Развѣ я мѣшаю?

— Конечно, мѣшаешь...

Мы съ Надеей сошлись близко. Она меня уже называла ты, а я ограничился перемѣной длинной клички «Надежда Васильевна» просто на «Наденьку». Станетъ ей скучно, она заходитъ ко мнѣ.

— Ахъ, Ваня, тоска какая! говоритъ она... Почитай-ка что вибудь.

Я бралъ книгу. Если ей не нравилось, она обыкновенно начинала потихоньку зѣвать, стараясь, чтобы я не замѣтилъ, потомъ какъ-то судорожно потягиваться, потомъ просто говорила, что ей скучно.

— Пойдемъ куда-нибудь погуляемъ, я спрошусь у папеньки... Погоди же, я сбѣгаю.

Она уходила спроситься, потомъ возвращалась съ недовольнымъ личикомъ.

— Ну что?

— Не пускаютъ... Глупый такой папенька!.. Говоритъ, или у тетеньки спросись, или пойдешь, когда всѣ пойдутъ гулять. А я не хочу!. Возьму тогда, да и не пойду.. Что мнѣ за охота гулять съ ними... Постоянно будутъ говорить: то-то поправь, то другое.

— Отчего же теперь не пускаетъ?

— Да говорить, что не съ кѣмъ идти, что ты еще мальчикъ, что съ тобой нельзя отпустить...

Мнѣ становилось досадно отъ сознанія, что я еще дѣйствительно ребенокъ, хотя иногда не дѣтскія мѣчты залѣзали ко мнѣ въ голову. Я закрывалъ глаза и мнѣ чудилось, что вотъ подошла она, нагнулась надъ моимъ лицомъ и тихо-тихо поцѣловала меня въ щеку. Вотъ сѣла рядомъ со мною, положила на мое плечо руку и стала ласкать меня... Явзрагивалъ, вскакивалъ съ дивана и начиналъ ходить по комнатѣ... Слова Кондырева припоминались мнѣ... Я готовъ былъ побросать всѣ свои книги въ печьку и каждый день подвергать себя всевозможнымъ пыткамъ, чтобъ вырости поскорѣе хоть на вершокъ одинъ... И послѣ такихъ мечтаній какъ-то мнѣ стыдно было смотрѣть въ глаза Надѣ, и долго не могъ я прямо взглянуть въ ея чистое, непорочное личико.

Тоска усиливалась. Надя страдала...

Во всемъ городѣ однимъ изъ первыхъ паркетныхъ кавалеровъ былъ Клямчицкій, воспитывавшійся въ Петербургѣ и недавно пріѣхавшій къ намъ въ городъ. За нимъ всѣ ухаживали; всѣ наперевывъ старались сдѣлать его своимъ *ami de la maison*. Онъ въ сущности, былъ вертопрахъ, фатъ отчаянный, кутила страшный. Говорили, что онъ успѣлъ уже поступить на содержаніе какой-то пожилой купчихи, бабы съ толстымъ брюхомъ, расплывшейся рожей и туго-набитыми карманами. Клямчицкій уже при мнѣ познакомился съ Кондыревыми, пріѣхавъ къ нимъ однажды на вечеръ, и тогда же обвороживъ всѣхъ. Я сталъ замѣчать, что и мимо Нади онъ не прошелъ. Рѣзвая дѣвочка стала смиреннѣе, задумчивѣе; глаза ея не блестѣли, какъ прежде; однако мнѣ она не говорила ни слова.

Ясно было, что она увлекалась его красивымъ сюртукомъ, изящными манерами, говоромъ въ городѣ о гостѣ, не дурною его наружностью.

Словомъ, Надя стала скучать больше прежняго. Мнѣ то и дѣло ставили въ классахъ нули да единицы, — я совсѣмъ бросилъ свои занятія. Ужъ какъ я старался развлекать ея! И цвѣтовъ приносилъ, и вѣнки самъ плелъ, и книжки доставалъ — ничто не помогало. Мнѣ стало наконецъ досадно. «Какъ же это, думалъ я; Клямчинскій ничего этого ей не дѣлаетъ, а она такъ скучаетъ по немъ, что и меня совсѣмъ позабыла?» Я пересталъ говорить, избѣгалъ встрѣчь съ нею, но тактика моя оказалась никуда не годною; ей было, по видимому, рѣшительно все равно, существую я или нѣтъ. Забьется въ уголъ, сидитъ нахмуренная, сердится на всѣхъ, ни съ кѣмъ не танцуетъ, когда его нѣтъ. А кругомъ все идетъ по старому: папаша исправно ходитъ на службу; тетушка возится на кухнѣ, огурцы солить; сестрицы встаютъ въ первомъ часу, одѣваются и чешутся до четвертаго часа, потомъ садятся обѣдать, потомъ отдыхаютъ до вечера; тамъ музыка, танцы, ночь наступаетъ, спать пора. Только я одинъ... Впрочемъ надо быть глупымъ, чтобъ обвинять ее... Богъ съ нею!..

Сижу я однажды вечеромъ у окна, думаю свою думу. Рамы раскрыты, теплый, свѣжій воздухъ... воробьи чирикаютъ, — а мнѣ 'скучно-скучно, сердце болитъ, ребячья душа воетъ... Вошла горничная.

— Барыня приказали сказать, что если вамъ угодно, пожалуйста къ нимъ.

Я одѣлся и пошелъ.

Зала была уже освѣщена. У рояля сидѣла самая старшая дочь и молча, какъ то лѣживо и сонно, брала аккорды. Танцы еще не начались, но въ комнатѣ уже клубами носился табачный дымъ. Гости ходили во всѣ стороны — парами и въ одиночку. Говоръ, шумъ, шарканье ногами, смѣхъ прекраснаго пола — все это сливалось въ какой-то неясный, фальшивый аккордъ, который только и можно взять на разстроенномъ инструментѣ Кондыревъ ходилъ по залѣ, сложивъ за

спинной руки, въ форменномъ вицмундирѣ и съ крестомъ на шеѣ.

Онъ поглядывалъ во всѣ стороны, тамъ отвѣчалъ на предложенный вопросъ, здѣсь задавалъ другой, иногда пускалъ въ ходъ какую нибудь острогу, слышанную отъ начальника отдѣленія, первѣйшаго остряка въ мірѣ. Острота переходила изъ устъ въ уста съ различными дополненіями и искаженіями, производя повсюду смѣхъ, хотя бы въ ней смѣшного было на грошъ только, хотя бы это была уличная копѣчная острота. Барышни смѣялись, или—чтобъ показать тщательно вычищенные зубки, или потому, что улыбка идетъ нѣкоторымъ изъ нихъ, или просто для того, чтобъ время отъ времени издавать какіе-нибудь человѣческіе звуки, когда говорить не о чемъ, а молчать не прилично.

— Ситець—чудо какой милевкій! слышалось въ одномъ концѣ.

— Въ трубу его, мерзавца! басилъ кто-то.

— Ха-ха-ха... а!.. раздавалось въ отвѣтъ.

Какой-то окончившій курсъ гимназистъ, ухаживавшій за одной изъ дочерей Кондырева, ходилъ съ нею по комнатѣ, хвастаясь, какъ онъ постоянно получалъ полные баллы изъ русской словесности за то, что хорошо писалъ стихи. Барышня попросила его продекламировать что нибудь, и тотъ началъ: «Ахъ, какъ солнце ярко блещетъ въ выси темной, глубокой!.. У тебя слеза трепещетъ, какъ росяночка весной». Гимназистъ воодушевился, махалъ рукой, указывалъ пальцемъ на потолокъ, потомъ на сердце,—а барышня вздыхала. Вотъ она сказала Машѣ, какія чудныя стихотворенія есть у гимназиста; Маша сказала Лизѣ, Лиза—Катѣ, Катя—Лалѣ,—и цѣлая ватага барышень окружила торжествующаго гимназиста съ просьбой прочитать стихи еще разъ. Тотъ конфузился, краснѣлъ, артачился, наконецъ согласился и взволнованнымъ голосомъ началъ свое «Ахъ, какъ солнце ярко блещетъ...»

Подлѣ сестрицы Кондырева увивался какой-то чиновникъ, подчиненный хозяина дома. Онъ рассказывалъ, какъ однажды у него на квартирѣ сгорѣла собаченка, залѣзши въ печь,

чтобъ погрѣться. Дѣва окола и—хохотала. Ну, да много подобнаго слышалась по залѣ...

Вотъ раздался звучный аккордъ. Всѣ встали съ своихъ мѣстъ,—начались танцы. Я водилъ глазами по комнатѣ, ища Нади. Она сидѣла въ углу вдаль отъ всѣхъ. Уже нѣсколькимъ, приглашавшимъ ее танцевать, отказала она; лицо задумчивое и сердитое, опущенные глаза и тоже темненькое платье. Подсѣлъ гимназистъ и началъ везти разговоръ такъ, чтобъ довелось прочитать какіе-нибудь стихи,—она почти прогнала его. Онъ попросилъ ее на кадрили, она отрицательно покачала головой. Поэтъ глупо пожалъ плечами и отошелъ прочь. Злоба грызла мое ребячье сердце. Я не вытерпѣлъ и подошелъ къ ней.

— Надинька...

Она вскинула на меня глаза и снова молча опустила ихъ.

— Надинька, что вы все такая скучная?

— Ахъ! Ваня, оставь меня!..

Гости танцевали, играла музыка, всѣмъ было весело.

— Я сегодня двѣты поливалъ.

— Ну ихъ!—и опять замолчала.

У меня навернулись на глазахъ слезы. Подошелъ отецъ, потрепалъ ее по щекѣ ладонью. Она взяла его руку и сердито отбросила ее въ сторону. Мнѣ было скучно...

— Что это у васъ давно Павла Петровича не было? (такъ звали Клямчицкаго).

— А тебѣ что? спросила она, быстро на меня взглянувъ.

Я сконфузился и молчалъ.

— Ты любишь его, онъ тебѣ нравится?

— Да, люблю... онъ мнѣ нравится...

А слезы такъ и подступали къ горлу. Вотъ - вотъ зарыдаю при гостяхъ.

Надя недовѣрчиво посмотрѣла на меня, потомъ въ раздумьи опустила голову. Она молчала довольно долго, потомъ тихонько проговорила:

— И тебѣ, Ваня, не скучно жить у насъ, а? и не дождавшись моего отвѣта, продолжала:—ахъ, тоска какая!.. Боже мой, Боже мой, какъ скучно мнѣ, скучно!

Она закрыла глаза рукою, вѣрно боясь заплакать.

Въ это время кто-то сильно и нѣсколько разъ дернулъ ручьку колокольчика. Надя вздрогнула. Вошелъ Клямчицкій. Смуглое лицо ея вспыхнуло. Я посмотрѣлъ на нее — и что-то кольнуло меня въ сердце. Клямчицкій весело раскланивался во всѣ стороны, развязно стягивая перчатки. Еще не успѣлъ онъ поздороваться съ хозяиномъ, а уже подхватилъ первую попавшуюся барышню и пустился съ нею по залѣ. Надя взглянула на него изподлобья, и я замѣтилъ что глаза ея были влажны. Но вотъ онъ, бросивши ту, подскочилъ къ Надѣ, взялъ ее, не говоря ни слова, за талью — и танцевалъ, танцевалъ... Я не поднимался со стула; я смотрѣлъ, какъ быстро скользили ея ножки по полу, какъ горѣло лицо ея, какъ быстрѣе и быстрѣе колыхалась молодая ея грудь, и какъ она, по немногу позабывалась, перелетая мысленно въ какой-то надзвѣздный, эфирный міръ. Она сѣла. Грудь высоко подымалась и опускалась, — она устала. Я слышалъ, какъ билось ея сердце... А тотъ плясалъ уже съ третьєю. Вотъ она закрыла глаза и откинула назадъ голову. Ей было жарко... Я спросилъ, не принести-ли воды... Она чуть-чуть приподняла вѣки, въ какомъ-то томленіи, съ лѣнливой полуулыбкой посмотрѣла на меня и тихонько покачала головой. Подошелъ Клямчицкій и сѣлъ рядомъ съ нею.

— Неужели устали, Надежда Васильевна? спросилъ онъ, тяжело дыша и махая въ лицо платкомъ, отъ котораго вѣяло духами.

— Устала, отвѣтила Надя чуть-слышно.

— Какъ мы давно съ вами не видались.

— Да...

Я былъ лишній. Я тихонько всталъ, прошелъ залу, потомъ столовую и вышелъ на крыльцо, обсаженное съ двухъ сторонъ высокими тополями и густыми акаціями. Была уже ночь... Темное-темное небо блистало звѣздами. Тихо. — Гдѣ-то залаяла собака и пьяный мужикъ запѣлъ пѣсню. Прогрѣмѣла дрожки; шумъ стихалъ, стихалъ — и замеръ въ отдаленіи... Опять тихо, тише прежняго. Сонный воробей встряхнулъ крыльями, и пересохшій листъ, шурша, упалъ на землю, — и опять тихо... Теплый, ночной воздухъ освѣжилъ меня, мнѣ

стало легче... Противъ крыльца была моя квартира — я вошелъ туда, раскрылъ кѣмъ-то затворенныя окна и сѣлъ подлѣ одного изъ нихъ... Изъ залы слышалась музыка. Я заплакалъ. Я сидѣлъ и думалъ, и голова моя кружилась. Прошло около получаса. По ступенькамъ Кондырева дома мелькнула чья-та тѣнь. Вышла Надя. Она плакала; я это слышалъ, хотя видѣть не могъ—на дворѣ было темно. Она не знала, что я сижу у окна,—меня не было видно; она думала, что я остался въ залѣ,—при другихъ она не стала бы плакать. Чего же это она? мелькало у меня въ головѣ. О чемъ они говорили?... Что у нихъ вышло?... Неужели поссорились?—И при этой мысли дрожь пробѣжала у меня по тѣлу, какая-то не хорошая дрожь.

Она задумчиво остановилась у перила, взяла въ руки коонецъ густой вѣтки, потянула ее къ себѣ, подержала и пустила... Вѣтка съ шумомъ ударилась о другую... Упало нѣсколько листковъ и слетѣла какая-то птица. Надя сѣла на ступеньку, тяжело вздохнула и, уронивъ будто нечаянно руки на колѣни, стала снова всхлипывать все сильнѣе и сильнѣе. Я хотѣлъ было выйдти изъ комнаты и подойти къ ней, да стало чего-то страшно. Я сидѣлъ и слезы навертывались у меня на глазахъ, устремленныхъ неподвижно на Надю. Мнѣ, кажется, хотѣлось услышать, какъ она дышетъ... Вотъ она оперлась локтемъ о верхнюю ступеньку, положила на ладонь голову и стала пристально глядѣть въ небо. Я невольно поднимая голову вслѣдъ за нею.

Что она хотѣла увидать тамъ? Да и могло-ли быть тамъ что-нибудь!.. Темный, густо-синій куполь глядѣлъ какъ-то холодно, безстрастно и мрачно; широкая, туманная лента съ неясными очертаніями разсѣкала его по срединѣ—лента, по которой можно дойти до Кіева и Іерусалима, какъ говорила когда-то моя старая нянька. Перемигивались звѣзды—и больше ничего. Какъ-то страшно становилось, когда я вглядывался въ это холодное, необъятное пространство; хотѣлось прижаться поближе къ землѣ и забиться въ темный уголокъ... Упала звѣздочка... Надя торопливо перекрестилась, продолжая всматриваться въ темное пространство. Я едва дышалъ, потому что она могла услышать и дыханіе мое, среди этой клад-

бищенской, могильной тишины... Я дрожалъ; потому что мнѣ было страшно, потому что меня кошмаръ давилъ. Мнѣ было холодно, меня трясла лихорадка...

Надя быстро встала, какъ испуганная... Вышелъ Клямчицкій, обмахиваясь платкомъ.

— Надежда Васильевна! проговорилъ онъ полупшепотомъ. Она молчала.

— Надя...

— Ну?

— Ей Богу я не виноватъ, Надя, говорилъ онъ, остановившись рядомъ съ нею. Что ты все сердисься? Неужели я обманывать тебя стану?

— Да, знаю... знаю... шептала она съ упрекомъ, — и я слышалъ, что слезы опять подступали у нея къ горлу.

— Не сердись же, Надя; право, я не виноватъ. Сядемъ на диванъ, я тебѣ все расскажу.

Онъ взялъ ее за руку, тихонько свелъ по ступенькамъ и остановился подъ густой акаціей, у самой стѣны дома, гдѣ стоялъ диванъ, на которомъ я первый разъ говорилъ съ Надей и грызъ ея орѣхи... Они сѣли... Ноги мои приросли къ полу—я не могъ двинуться ни впередъ, ни назадъ.

— Ну вотъ видишь, началъ Клямчицкій шопотомъ: тогда я хотѣлъ непременно быть въ саду, а меня задержали въ одномъ домѣ, въ театръ повезли... Повѣрь мнѣ, еслибъ была хоть какаянибудь возможность, я бы непременно приѣхалъ. Неужели ты до сихъ поръ не убѣдилась, какъ я люблю тебя, Надинька?

— А потомъ... на другой день? спросила она робко.

— А на другой день тоже самое: долженъ былъ на балъ ѣвиться къ губернатору.

— На балъ... А меня-то...

Она заплакала.

— Да вѣдь ты не знаешь, это почти служебная обязанность, это не то, что...

— Знаю, знаю...

— Вотъ ты мнѣ все не вѣришь, а я ей Богу говорю правду: вотъ тебѣ мое честное слово.

«Честное, слово!» думалъ я. У, мерзавецъ! Я дрожалъ...

Я зналъ, какъ онъ ее любить... я многое узналъ объ этомъ господинѣ, да все не хватало силы рассказать Надѣ,—мнѣ было жалко разочаровать ее, да можетъ быть и слушать не стала бы меня.

— Надинька... (молчаніе). Надинька, вѣдь ты, я знаю, вѣришь мнѣ, да только такъ сердисься,—да?

Молчать...

— Я вотъ скоро въ Петербургъ ѣду.

Опять молчать, лишь всхлипыванія слышатся...

— Только ты не бойся, мы вѣдь вмѣстѣ поѣдемъ... У меня тамъ квартирка хорошая... Будемъ жить... А весело какъ тамъ, въ Петербургѣ!.. Ты вообразить себѣ не можешь... Здѣсь ты, пропадешь совсѣмъ, погибнешь, завянешь... Знакомыхъ у меня тамъ много, гости всегда будутъ ѣздить къ намъ,—ты царицей сдѣлаешься... Только не сердись, милая моя...

Голосъ его начиналъ дрожать; она дышала тяжело и порывисто.

— Я... я не сержусь... Я не могу... О, Боже мой, Боже мой!..

Я слышалъ, что онъ тихонько поцѣловалъ ее... Она перестала плакать и закрыла глаза рукою. Опъ ее обнялъ и сидѣлъ такъ... Слышно было, какъ тяжело и робко, боязливо дышала она...

— Ты для меня всего дороже на свѣтѣ... бормоталъ онъ, отводя отъ глазъ ея руку и цѣлуя ея дѣтское, непорочное личико... Ты ангелъ для меня... Я все позабуду, всѣхъ оставлю, кромѣ тебя одной.

Она вдругъ упала лицомъ на его плечо, въ какомъ-то забытн обхватила его руками, и страстно прильнула своими губами къ его губамъ. Стало тихо... Я старался вслушаться... Неясный шопотъ... дыханье томительно-боязливое... Потомъ Богъ знаетъ откуда, точно съ того свѣта, долетѣлъ до меня какой-то подавленный, короткій стоицъ... и замеръ въ сонномъ, неподвижномъ воздухѣ... Сердце у меня упало. Я бросился въ другую комнату, зарылъ въ подушки голову и зарыдалъ... Боже мой, на моихъ ребячьихъ глазахъ совершенно преступленіе,—и я молчалъ, я не разможилъ голову о-

му отъявленному мерзавцу, фату, отчаянному волокитѣ... А! ну ихъ! что мнѣ за дѣло... Пускай! пускай тѣшутся, да плачутся, пока не высохли слезы, пока бьется въ груди сердце... Пускай... Можетъ, ей и легче будетъ жить на свѣтѣ... Можетъ быть... Но отчего же это—сердце такъ ноетъ, отчего ему больно? Молодое сердце, голова свѣжая, юность золотая, что лѣто знойное. Знойная и горячая эта молодость!..

— Ваня!..

Я вздрогнулъ, но не двигался.

— Ваня! Ваня!..

Я сильнѣе закутался въ подушки и опять черезъ нѣсколько минутъ послышалось: «Ваня, Ваня!» Я поднялъ голову. У окна стояла Надя, перегнувшись ко мнѣ въ комнату, и звала меня, я откликнулся.

— Что ты здѣсь дѣлаешь?

— Ничего, лежу.

— Поди-ка сюда на минутку... Ужъ я искала, искала тебя... Ты спалъ вѣрно?

— Нѣтъ, не спалъ.

Я подошелъ къ окну. Лицо Нади свѣтилось такимъ счастьемъ, такимъ безпредѣльнымъ довѣріемъ, что мнѣ стало... гадко. Я взглянулъ на нее, потомъ, точно сумасшедшій, бросился опять назадъ, опять закутался въ подушки и опять зарыдалъ.

— Что ты? Что съ тобою? говорила она, стоя у моей кровати и держа меня за руку. Ваня! Ты здоровъ?

— Здоровъ, здоровъ, только Бога ради оставьте меня!.. кричалъ я... Что вамъ нужно? ну, что вамъ нужно, говорите! Говорите же, что такое?..

Она смотрѣла на меня въ недоумѣніи, она не понимала, что со мною сдѣлалось. Мои губы дрожали, а щеки горѣли, какъ въ огнѣ.

Но видно, наконецъ, она поняла. Она молча, тихо отошла отъ меня—и когда я поднялъ голову, ея уже не было. И опять мнѣ стало ее жалко, такъ жалко, что я готовъ былъ броситься вслѣдъ за нею и на колѣняхъ вымолить себѣ прощевіе... Я выглянулъ въ окно; она ходила взадъ и впередъ по двору, потомъ сѣла на ступеньку и, кажется, плакала.

Но я не вышелъ, не просилъ у нея прошенія. Я гордъ былъ своею рѣшимостью, своею твердостью, упрямствомъ. Я очень спокойно зажегъ свѣчку, заперъ окно и сталъ читать какую-то книжку. Буквы въ глазахъ прыгали, голова кружилась, въ ушахъ звонъ какой-то раздавался. Я попробовалъ лечь спать—не спалось. Ребячья натура впечатлительна, и сердце бьется не отъ одного аневризма. Я переворачивался съ боку на бокъ, одѣяло давило меня, мнѣ было душно. Я вышелъ на чистый воздухъ, на улицу. Было немножко холоднеѣе. Всталъ запоздалый мѣсяцъ и бросилъ по улицамъ безконечно-длинные тѣни съ неясными очертаніями. Неподалеку серебряннымъ огнемъ загорѣлся церковный крестъ. Темныя окна Кондырева дома глядѣли мрачно; гости давнымъ-давно разъѣхались,—все было тихо... Бѣлыя стѣны, залитыя яркимъ свѣтомъ мѣсяца, выказывали свои трещины и мѣста съ обвалившейся штукатуркой, точно разодранныя язвы и раны. Все было тихо—все спало. Спали деревья, опустивъ къ землѣ свои мохнатыя вѣтки, спала подъ заборомъ свернувшаяся въ клубокъ дворняшка, спалъ статскій совѣтникъ Кондыревъ съ дочерьми и сестрицей, спалъ городъ. Все спало,—только одинъ я ходилъ какъ шальной, какъ угорѣлый, съ глубокой, неизвѣданной и невыразимой тоской въ сердцѣ... Я вошелъ во дворъ; калитка завизжала на петляхъ, и этотъ рѣзкій, пронзительный визгъ вѣрно былъ слышенъ на другомъ концѣ города. Въ комнату идти не хотѣлось. Я смотрѣлъ на круглый мѣсяцъ, а онъ мнѣ рожи строилъ безобразныя. Скучно... тоска... и не съ кѣмъ подѣлиться горемъ.

На другой день я узналъ, что Надя больна; ни къ чаю, ни къ обѣду не выходила она въ столовую. А мнѣ хотѣлось увидѣть ее. Въ тотъ же день я получилъ скверный баллъ въ гимназіи и разругался съ учителемъ. Скоро меня совѣтъ исключили изъ числа учениковъ за неприлежаніе, грубость и

неповиновеніе начальству. Я долженъ былъ разстаться съ Кондыревыми.

Прощаясь съ старикомъ, съ дочерью его, съ сестрицей, я не видѣлъ Нади и уѣхалъ, не простясь съ нею. Я нарочно медлилъ... я все думалъ, что она выйдетъ... Мнѣ желали всего хорошаго, богатства, счастья, жизни долголѣтней... Надя не выходила... Тогда я бросился въ ожидавшій меня возокъ, забился въ уголъ, закрылъ глаза и велѣлъ ѣхать какъ можно скорѣе... Возокъ отѣхалъ уже довольно далеко. Я оглянулся назадъ: у воротъ стояла Надя.

— Стой, закричалъ я въ какомъ-то изступленіи. Нѣтъ, спохватился вдругъ я; пошелъ, пошелъ поскорѣе!

Воспоминанія тяжелыя, могильныя воспоминанія!.. Какъ свинець, давятъ они меня порою. А, да чортъ съ ними!

Много времени прошло съ тѣхъ поръ...

Много впечатлѣній перенесла грудь, много силъ растратила умъ въ глухой и бесплодной борьбѣ, пока дорогою опыта не дошелъ до яснаго, естественнаго пониманія окружающаго. Прошло дѣтство, а юности не было... Ребячья привычка поэтически смотрѣть на вещи рано изсушила мозгъ и отняла силы: уроки прошлаго не пошли въ прокъ,—въ чувство не вѣрилъ, пока не переживалъ его самъ. Жизненный морозъ рано прихватилъ молодые, свѣжіе побѣги. Въ заледѣвшую грудь не такъ-то легко было проникнуть живому чувству, необдуманному движенію, вольной мысли. Воля пуще всего пугала умъ, и я на молодость смотрѣлъ недоуверчиво и боязливо...

Иду я по улицѣ съ однимъ пріятелемъ—литераторомъ, говорили о матеряхъ важныхъ; былъ вечеръ, горѣли фонари.

— Знаешь что, началъ послѣ небольшой паузы пріятель: всматривался я много разъ въ эти многоэтажные дома, въ эти роскошныя улицы, въ наружное богатство Петербурга, и долго не могъ себѣ дать отчета, почему тяжело мнѣ глядѣть на все это?.. А вотъ почему, (пришло мнѣ однажды въ голову): я убѣдился, что нашъ роскошный Петербургъ живетъ не своею жизнію; онъ, какъ магентъ, отовсюду притягиваетъ къ себѣ все хорошее, свѣжее, молодое,—и разомъ все это перерабатываетъ, налагая свое каторжное клеймо. Изъ хорошаго выходитъ часто гадость, изъ молодого преждевременное старье, а свѣжесть замѣняется искусственными румянами да бѣлилами. Я это на себѣ испыталъ: ты видишь мою послѣднюю повѣсть? Она написана давно, еще въ провинціи; я о ней совсѣмъ было позабылъ, а теперь сравнилъ съ написанными здѣсь — какая же разница!..

Тамъ смотришь на все глазами оптимиста, повсюду видишь хорошее, все благо и все добро; здѣсь — стараешься заглянуть въ глубь, въ ямы, въ трущобы, гдѣ коптитъ ободранное человѣчество — и, надо сказать правду, чуть не наслаждаешься видомъ этихъ страдальцевъ. Здѣсь какъ-то скоро становишься эгоистомъ... Вѣдь я еще, кажется, не старикъ; ну, а возьми нарочно посравни двѣ мои повѣсти: въ одной — тамъ все зелено, невипно; въ другой — скептицизмъ, холодъ, петербургская жизнь. Это оттого, что постоянно наталкиваешься на остовы, на скелеты, да на мрачныя личности; проводишь дни и ночи въ кабакахъ, трактирахъ и разныхъ душевспасительныхъ заведеніяхъ. Вотъ и сегодня найду въ одно, особенно мнѣ правящееся: какъ-то удачно сошлось тамъ нѣсколько интересныхъ личностей. Хочешь, найдемъ вмѣстѣ,—посмотришь...

Мы зашли. Небольшая зала освѣщалась лампами. Нѣсколько стульевъ, диваны, рояль, зеркала, картины украшали комнату. Я сѣлъ въ уголъ и сталъ водить глазами кругомъ. У рояля помѣщалась какая-то пошлая, изстертая личность во фракѣ. Было тихо. На стульяхъ и на диванахъ, точно въ дополненіе къ мебели, чинно и молча помѣщались разбодѣтыя барышни... Вотъ одна изъ нихъ потянулась и громко зѣвнула, проведя ладонью по глазамъ. Двѣ другія лѣнливо

играли въ карты; еще одна сидѣла на диванѣ, откинувъ назадъ голову, и дремала. Вдругъ ей почему-то вздумалось взглянуть на мое надутое лице.

— Еіп шортъ! произнесла она зѣвая.

— Хи-хи-хи! раздалось по залѣ.

Я не двигался и сидѣлъ въ углу, куря папироску; чирикали часы, канарейка порою встряхивала крыльями, музыкантъ клюкалъ носомъ, дворникъ на улицѣ стучалъ палкою; на верху играла музыка и слышался конскій топотъ.

— Ну што ви сѣ сидитъ? спросила меня хозяйка, разговаривавшая до этого времени съ пріятелемъ.

Еіп шумашедши! произнесла будто въ отвѣтъ прежняя личность, почему-то, какъ видно, возненавидѣвшая меня, и опять громко зѣвнула.

Я молча затягивался папироской.

Дверь съ шумомъ отворилась и съ шикомъ влетѣлъ какой-то франтикъ; хозяйка махнула рукой, — музыкантъ заигралъ изъ «трубадура.» Спустя нѣсколько минутъ, одна барышня про себя запѣла: «ахъ ты душка, ты мой невскій пароходъ!» другая — «жалъ мнѣ покинуть тебя, одинокую». Тоска овладѣла мною; какое - то безотчетное, томительное чувство сдвинуло сердце. Я хотѣлъ было выйдти, но дверь опять отворилась и вошелъ полупьяный купецъ въ барашковомъ армякѣ. Снова хозяйка махнула рукой — и полилась камаринская. Купецъ оглядѣлся во всѣ стороны, спустилъ армякъ на одно плечо и сталъ подтягивать «э-ахъ ты камаринскій мужикъ!» Ноги его задвигались; опуская поочередно то правое, то лѣвое плечо, купецъ встряхивалъ волосааи, притоптывая каблуками, и вызывательно, молодегато закидывалъ назадъ голову: знай, — молъ нашихъ, голь кабацкая! Гляди, какъ мы широко разворачиваемся... Э-ахъ да ну-уу!..

— А дома жена сидитъ, шепнулъ мнѣ на ухо пріятель.

— Давай бутылку портеру! Ташши ее сюда... Фу!

Купецъ тяжело опустился на стулъ и сталъ вытирать краснымъ платкомъ багровое лице.

Я подошелъ къ пріятелю, рѣшительно желая домой

идти. Но, ставъ ближе къ дивану, я случайно взглянуть на него и... у меня захватило вдругъ дыханіе. Давно-прошедшее, какъ молнія, мелькнуло въ головѣ, и зловѣще стукнуло сердце. Это не обманъ, не призракъ.. Ночь.. небо темное и звѣзды... музыка, Кондыревы, двѣ густыхъ акаціи — все перемѣшалось, все спуталось. Я сѣлъ на диванъ.

— Надежда Васильевна!.. Надя! едва выговорилъ я.

Она мгновенно взглянула на меня, и изъ подъ румянъ внезапно выступила краска смущенія. Она сперва будто не узнала меня, да и не мудренно... я самъ едва могъ подмѣтить въ ея лицѣ отгѣнокъ прежнихъ чертъ. О, значитъ не все еще потеряно! мелькнуло у меня въ головѣ; она смутилась, она покраснѣла и молчитъ... Кровь молодая заиграла и бросилась въ голову.

— Надя, что это? что съ тобою? говорилъ я, не помня себя. А давно-ли... давно-ли...

Духъ сперло въ груди, языкъ заболтывался, члены нѣмѣли.

Она опустила внизъ голову и стыдливо потянула шаль на полуоткрытую грудь. Нога, выставленная изъ-подъ розоваго платья, сиряталась; яркая краска все лицо покрыла; судорожно колыхалась грудь, а глаза сдѣлались влажны. Я забылъ обстановку, окружавшую меня; я вспомнилъ садъ, и опять небо, и опять музыку, и опять эту незабвенную, на вѣки проклятую минуту... Я взявъ ее за руку — она молчала и стыдливо отворачивала отъ меня лицо свое, постарѣвшее, измѣнившееся лицо... Я хотѣлъ говорить — и не хотѣлось; хотѣлъ заплакать по старому — слезъ не было; сердце просило приласкать ее приголубить, и не зналъ, что дѣлать...

Бываютъ минуты страшныя, о которыхъ и говорить страшно; бываютъ чувства безконечно -мучительныя, какъ пытка, какъ предсмертная борьба, и неповторяемая какъ, мгновенный, страдальческій стонъ.

Я молчалъ и она молчала... Я продолжалъ держать ее за руку, все еще дрожавшую...

— Надя, да ты, вспомни.. вспомни то время, говорилъ языкъ,—и выходило совѣмъ не то, чего хотѣло сердце...

— Я не виновата, проговорила она такъ тихо, что едва можно было разслышать, и я замѣтилъ, что нижняя губа ея задрожала.

— Ташши ешшо бутылку! Качай сюда! Дуи камаринскую!! Захъ - ха!!

Я вдругъ очнулся.

— Ахъ Надя, и тебѣ не стыдно, не больно? сорвалось у меня съ языка. Что ты надѣлала Надя! Ты всмотрись въ эту гадость, въ эту мерзость... Ты знаешь, что здѣсь навѣки остаются, что отсюда рѣдко кто выходитъ; ты знаешь, что тутъ погасаетъ навсегда все, что есть святого въ человѣ... Вѣдь это значитъ продавать себя каждому встрѣчному, каждому негодю и мерзавцу. . Вотъ какъ ты низко пала, Надя! Не виновата! Кто же виновать?

Теперь я ясно вижу, что эти слова сказалъ не я, а мгновенно вспыхнувшее молодое чувство. Я думалъ сильнѣе подействовать на нее этими упреками, я хотѣлъ окончательно возстановить въ ней воскресавшее чувство стыда, раскаянія—и какъ же жестоко я ошибся!.. Она меня слушала, молча. Только я замѣчалъ, что выраженіе на лицѣ ея мѣняется мало-по-малу, по мѣрѣ того, какъ мои упреки становились язвительнѣе и грубѣе. Краска стыда сошла совсѣмъ съ лица, рука ея не замѣтно выскользнула изъ моей руки и дерзко сорвала шаль, стыдливо прикрывавшую плечи и грудь; нога по прежнему выставилась изъ-подъ платья и зловѣще закачалась... Я понялъ, въ чемъ дѣло, и проклиналъ свою неумѣстную вспышку; но воротиться назадъ было не возможно.

— Скажите пожалуйста, за что вы меня упрекаете? спросила она слегка дрожащимъ голосомъ, хотя ей хотѣлось быть какъ можно хладнокровнѣе.

Да, я разыгралъ глупую комедію и глядѣлъ дуракомъ. Я уже не смотрѣлъ ей въ лицо—глаза не поднимались. Я молчалъ.

— Вы думаете, что я страдаю, что мнѣ тяжело здѣсь? Нисколько!.. Напрасно вы такъ думаете!..

Последнія слова произнесла она съ принужденнымъ смѣхомъ, отъ котораго у меня мурашки забѣгали по тѣлу и дыханіе сдѣлалось...

— Я уже нѣсколько лѣтъ живу такъ,—да, точно такъ, какъ видите,—продолжала она, прижимаясь къ углу дивана и стараясь принять какъ можно болѣе равнодушную и беззаботную позу. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она смотрѣла на меня съ какою-то странною грубостью, даже съ какимъ-то презрѣніемъ. Она надѣла маску, чтобъ прикрыть минутное замѣшательство и не показаться въ моихъ глазахъ страдалицей, достойной сожалѣнія... Это было слишкомъ ясно, чтобъ ошибиться... Въ ней заговорило оскорбленное чувство, всегда и вездѣ присущее человѣку, а тѣмъ болѣе женщинѣ; во мнѣ—холодная практичность, погасившая горячую вспышку молодости...

— Такъ вамъ нисколько не тяжело? спрашивалъ я совершенно спокойно, минутой спустя.

— Напротивъ, даже легко, пріятно, весело...

Она вынула изъ портъ-сигара миллеровскую папироску и беззаботно стала курить ее. Но она не была спокойна: я это видѣлъ и въ судорожномъ сдуваніи пепла съ папиросы, и въ принужденно-беззаботномъ покачиваніи одной ногой, положенной на другую, и вообще въ неестественныхъ, порывистыхъ движеніяхъ, сопровождавшихъ ея желаніе—принять какъ можно болѣе равнодушную позу.

— Да, говорила она, сюда часто приходятъ молодые мальчишки проповѣдывать покаяніе,—и сами здѣсь же первые подають примѣръ... Ольга, ты помнишь того... студента?..

— Шортъ! произнесла Ольга.

— А вы зачѣмъ сюда пришли? вдругъ спросила меня Надя и такъ посмотрѣла на меня въ эту минуту, я что смутился, какъ уличный школьникъ.

— Я не самъ пришелъ—съ пріателемъ.

— А онъ зачѣмъ?

— Не знаю.

— Тоже, вѣрно, проповѣдывать?—и она опять судорожно захохотала.

«Охъ, какъ измѣнило ее время! подумалъ я... Да, только Петербургъ способенъ наложить это катаржное, ничѣмъ нестираемое клеймо. Оно исчезнетъ тогда только, когда останутся кости вмѣсто тѣла, когда человѣкъ теряетъ личность

и становится ко всему безучастнымъ... Нѣтъ, нѣтъ,—и тогда оно не исчезаетъ, неправда...

— Мушны любятъ учить и проповѣдывать,—я это давно знаю,—продолжалото же оскорбленное, поруганное чувство,—вы тоже умѣете говорить, а какъ до дѣла дойдетъ... и сами...

Съ языка у меня готова была сорваться просьба о прощеніи; но она не сорвалась, и я холодно продолжалъ ее слушать, хотя смутно сознавалъ виновность.

— Вы намѣрены остаться здѣсь надолго? спрашивалъ я.

— А вамъ что за дѣло? Да, надолго.

— А потомъ?

— Потомъ дешевле сдѣлаюсь, разумѣется, — квартиру нужно будетъ перемѣнять... Что вы? васъ удивляетъ? Увѣрю, здѣсь превесело жить,—музыка каждый день, танцы, гостей много, весело!

— А потомъ, потомъ? продолжалъ я спрашивать.

— Ахъ, убирайтесь, съ голоду не умру.

Вошелъ какой-то господинъ. Молча окинулъ онъ взоромъ залу и, замѣтивъ Надю, подошелъ къ ней.

— Надя, ты...? спросилъ онъ нерѣшительно, посматривая на меня.

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего,—отвѣчала она торопливо и медленно встала съ дивана.

— Ну, прощайте, проговорила она на ходу и гордо прошла мимо меня, не взявъ даже поданной мною руки. За нею пошелъ вошедшій господинъ.

Нѣсколько минутъ оставался я неподвижнымъ; потомъ протеръ рукою глаза и всталъ, будто ни въ чемъ не бывало...

Дверь отворилась, и Надя еще разъ вышла съ незажженной свѣчкой въ рукахъ. Въмѣсто платья, на плечахъ у нея былъ небрежно накинутъ небольшой платокъ. Она, не торопясь, зажгла свѣчку и молча прошла мимо меня, громко хлопнувъ дверью.

— Пойдемъ? спросилъ я пріятеля.

— Пойдемъ,—отвѣчалъ онъ.

Мы вышли. Лакей надѣлъ пальто и попросилъ на водку; дворникъ отворилъ калитку, и попросилъ на водку,—я его выругалъ ни съ того, ни съ другаго и сѣлъ на извозчика; извозчикъ подвезъ къ дому и тоже попросилъ на водку...

Не знаю, какъ *ей* спалось въ эту ночь, но мнѣ сплясь все какіе-то странныя сны...

И. Гайдебуровъ.

О МИРОВОМЪ СУДѢ.

Мировой судъ, по основнымъ началамъ, изданнымъ отъ 24 сентября 1862 года, по мнѣнію моему, будетъ краеугольнымъ камнемъ нашей будущей народной юстиціи...

Корпорация мировыхъ судей, основанная на выборномъ началѣ, поставитъ это сословіе на такую же высокую степень, какъ мы его видимъ въ Англіи. Но желательно бы было, чтобы съ *одной стороны* законодательство дало возможность мировымъ судьямъ исполнять безпрепятственно свои обязанности; съ *другой стороны* чтобы самый мировой судъ не вызвалъ какихъ-нибудь недоразумѣній, которыя на практикѣ могутъ подорвать кредитъ этого учрежденія.

На этомъ основаніи, я полагаю, что слѣдуетъ обсудить съ большою точностью слѣдующіе предметы: 1) кто можетъ быть мировымъ судьей; 2) количество мировыхъ судей въ округѣ, ихъ содержаніе и обязательность службы по выборамъ; 3) подсудность мировыхъ судей; 4) дѣлопроизводство мирового судьи и мирового сѣзда; 5) кассация рѣшеній мирового сѣзда; 6) дисциплинарные приговоры; 7) о повѣренныхъ и довѣренностяхъ при мировыхъ учрежденіяхъ.

1) Кто можетъ быть мировымъ судьей.

«Въ мировые судьи могутъ быть избираемы только *мѣстные жители*, имѣющіе не менѣе 25 лѣтъ отъ роду, не опороченные по суду и общественному приговору, несостоящіе подъ слѣдствіемъ или подъ судомъ, владѣющіе, хотя бы и *въ разныхъ мѣстахъ*, недвижимою собственностію, приносящею чистый годовой доходъ въ размѣрѣ, зако-

номъ опредѣленномъ, и получившіе образование въ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, или же прослужившіе преимущественно по судебной части не менѣе трехъ лѣтъ». *)

Разсмотрю это положеніе и изложу по этому предмету свое мнѣніе.

Условія для мировыхъ судей распадаются на нѣсколько пунктовъ:

А) Нужно быть мѣстнымъ жителемъ.

Въ этомъ законѣ практика найдетъ противорѣчіе отъ его неясности: въ мировые судьи повелѣно избирать *мѣстныхъ* жителей, хотя бы владѣющихъ въ разныхъ мѣстахъ собственностію. Въ какихъ «разныхъ мѣстахъ?» Одной и той же губерніи или уѣзда?... 15-ая статья говоритъ, что списки всѣхъ вообще лицъ, имѣющихъ законныя качества, которыми опредѣляется способность быть мировымъ судьей, составляются по каждому *судебному округу*... Какъ же теперь понимать: можно ли быть избраннымъ, когда у кого есть имущество въ разныхъ уѣздахъ и двухъ различныхъ судебныхъ округахъ, или нужно, чтобы это имущество было *непрѣменно* въ судебномъ округѣ?.. Я полагаю, что это обстоятельство необходимо разъяснить. Если постановить за правило, что въ мировые судьи можно быть избраннымъ, хотя бы имущество избраннаго находилось въ разныхъ уѣздахъ, то 1) могутъ происходить столкновенія при выборахъ различныхъ судебныхъ округовъ; 2) могутъ встрѣтиться недоразумѣнія при самомъ опредѣленіи ценса. а) Такъ напримѣръ, если у меня есть имущество въ уѣздахъ: звенигородскомъ и таращанскомъ, которое, по чистому доходу, можетъ попасть въ ценсъ одного и другого уѣзда, то я такимъ образомъ могу быть избранъ въ одномъ и другомъ округѣ. Положимъ, что губернаторъ, составляющій списки, можетъ, въ подобномъ случаѣ, отнести данное лицо къ тому округу, въ которомъ онъ имѣетъ постоянное жительство, или въ которомъ находится большее количество его имущества. Но этотъ-то предметъ, именно, въ законѣ долженъ быть разъясненъ. б) Другая причина требуемаго разъясненія та, что могутъ быть случаи, когда данное имущество, опредѣляющее ценсъ, можетъ лежать въ разныхъ уѣздахъ; и части его, взятая порознь, не выносить цифры

*) Пунктъ 14, ч. 1. Судостроительство.

дохода, требуемаго въ законѣ; а въ совокупности удовлетворяютъ его условіянь. Поэтому безусловно также нельзя принять закона: что имущество должно непремѣнно находиться въ данномъ судебномъ округѣ. Съ другой стороны, допустивъ безусловно, что ценсъ можетъ опредѣляться имуществомъ, находящимся въ различныхъ уѣздахъ, — можетъ исчезнуть мысль закона: что мировые судьи должны быть изъ *мѣстныхъ жителей*. Пояснимъ примѣромъ: положимъ, что я имѣю въ уманскомъ уѣздѣ имущество, приносящее доходу 50 р., а въ радомышльскомъ — 1000 р.; то на вышеприведенномъ основаніи я могу быть избранъ и въ уманскомъ уѣздѣ. Какой же я мѣстный уманскій житель, когда всѣ мои интересы сосредоточены въ радомышльскомъ уѣздѣ, который отстоитъ отъ Умани на нѣсколько сотъ верстъ? Вотъ почему рациональнѣе всего опредѣлять ценсъ по тому имуществу выборныхъ, которое или находится въ одномъ и томъ же округѣ, или въ смежныхъ и пограничныхъ округахъ. А относительно тѣхъ лицъ, у которыхъ есть въ разныхъ судебныхъ округахъ имущество, подлежащее по цѣнности ценсу обонхъ уѣздовъ, предоставить губернатору — одно изъ двухъ: или вносить ихъ въ списки по тѣмъ округамъ, гдѣ они постоянно живутъ; или гдѣ находится большее количество ихъ имущества. Впрочемъ, мнѣ кажется, что по этому предмету должно быть особое соглашеніе губернатора съ лицомъ избираемымъ. Если же данное лицо будетъ имѣть имущество въ разныхъ губерніяхъ и, по условіямъ своимъ, войдетъ въ списки разныхъ губерній, то предоставить ему право: избрать одинъ какой-нибудь судебный округъ, въ списокъ котораго онъ долженъ быть и внесенъ. Для того же, чтобы быть исключеннымъ изъ списковъ округовъ другихъ губерній, данное лицо должно представить мѣстному губернатору свидѣтельство отъ губернскаго начальства, въ судебномъ округѣ котораго онъ означенъ въ списокѣ.

Б) О размѣрѣ дохода, получаемаго избранными, но допущенннми мужей, коихъ жены имѣютъ недвижимость, къ избранію; и ДРУГІЕ ПРЕДМЕТЫ ЦЕНСА.

Я полагаю, что размѣръ того чистаго дохода, которымъ опредѣляется ценсъ мирового судьи, долженъ быть: въ провинціяхъ отъ 200—300 р.; въ столицахъ отъ 300—1000 р. Если бы законодательство сдѣ-

лало его выше этой цифры, то оно сильно ограничило бы выборное начало. При взгляде на наш провинциальный быт открывается: что, за исключеніем немногих промышленных и торговых мѣстъ, большая часть нашихъ уѣздныхъ и заштатныхъ городовъ стоятъ на такой низкой промышленной степени, что дома, приносящіе доходъ въ 300 р., составляютъ всего вѣсколько процентовъ всего количества наличныхъ домовъ; поэтому городскіе собственники были бы по большей части устранены отъ выборовъ, и они сдѣлались бы привилегіею однихъ поземельныхъ собственниковъ. Да и послѣдніе, во многихъ непромышленныхъ и малолюдныхъ мѣстахъ Россіи, должны имѣть довольно крупную недвижимость, чтобы получить 300 рублей чистаго дохода.

Въ силу этого я предполагаю, что было бы полезно въ провинціяхъ—размѣръ чистаго дохода поставить между 200—300 руб. Определеніе же предѣла между этими двумя цифрами предоставить рѣшенію земства, по каждому уѣзду особо. А для столицъ, портовыхъ и губернскихъ городовъ ценсъ можетъ быть увеличенъ отъ 300—1000 р.; и депутатскимъ собраніямъ этихъ городовъ должно быть предоставлено определеніе предѣла между этими двумя цифрами.

Такъ же было бы полезно распространить и на мировыхъ судей нынѣ существующій для мировыхъ посредниковъ законъ о томъ: что избираемы могутъ быть лица, коихъ жены владѣютъ недвижимостію, входящею по условіямъ закона въ ценсъ.

Законъ этотъ необходимъ уже потому, что 1) въ черниговской и полтавской губерніяхъ приданое жены состоитъ въ общемъ владѣніи супруговъ; 2) что многіе мужья, не имѣя дѣтей, во избѣжаніе закона о томъ, что жена, послѣ ихъ смерти, получаетъ только $\frac{1}{7}$ часть изъ недвижимости, нерѣдко покупаютъ имѣнія на имя женъ; 3) что *de facto* имущество жены, по большей части, находится въ распоряженіи мужа; 4) что за мужемъ сохраняется право, по закону, въ случаѣ смерти жены, наследовать въ $\frac{1}{7}$ части ея недвижимаго имущества, и такимъ образомъ онъ долженъ разсматриваться *de jure*, какъ будущій собственникъ и опекунъ своихъ дѣтей; 5) что женщины-собственники охотнѣе станутъ выходить замужъ—хотя за бѣдныхъ, но образованныхъ и честныхъ людей: такъ какъ онѣ будутъ имѣть въ виду тогда, что мужья ихъ приобретутъ черезъ женитьбу право на избраніе въ мировые судьи или другими словами: что имъ откроется карьера. 6) Выборное начало получить чрезъ это постановленіе большую полноту и многіе образованные люди получатъ возможность быть полезными себѣ и обществу.

Въ 14 пунктѣ ч. I также не выговорено, могутъ ли занимать должности мировыхъ судей евреи, караймы, магометане и иностранцы, 2) требуется ли отъ избираемаго общее условіе нашихъ дворянскихъ выборовъ: *чтобы онъ имѣлъ чинъ*.

Поэтому нужно въ законѣ прибавить, что въ мировые судьи могутъ быть избираемы лица всѣхъ состояній, исповѣданій и національностей, хотя бы они не имѣли чина; относительно же иностранцевъ должно лишь присовокупить: что они могутъ быть избираемы только въ томъ случаѣ, когда они живутъ въ данномъ судебномъ округѣ 3 года.

Въ законѣ также сказано: что избираемый долженъ быть или прослужившій 3 года въ коронной службѣ, или получившій образованіе въ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Здѣсь можетъ выйдти на практикѣ слѣдующее толкованіе: что только тѣ ученые допускаются къ выборамъ, которые воспитывались въ учебныхъ заведеніяхъ, а не тѣ, которые, хотя воспитывались дома, но выдержали экзамены на учителей и ученые степени.

Поэтому слѣдуетъ пояснить: что допускаются къ выборамъ всѣ, имѣющіе вообще аттестаты среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, хотя бы они получили и домашнее воспитаніе.

II. *Количество мировыхъ судей въ округѣ; ихъ жалованье; обязательность службы и другіе предметы, касающіеся мѣсто-пробыванія судей, ихъ службы, мѣстожительства и т. д.*

Закономъ предоставляются чрезвычайно обширныя права и большой кругъ дѣйствій мировымъ судьямъ. Во многихъ случаяхъ они, замѣняя нынѣшнихъ мировыхъ посредниковъ, примутъ на себя весь кругъ ихъ обязанностей по всѣмъ предметамъ, касающимся крестьянскаго дѣла; даже самый кругъ судебныхъ ихъ дѣйствій чрезвычайно обширенъ: такъ какъ большая часть дѣлъ, возникающихъ въ обществѣ, не превосходитъ 500 р. сер. Кроме того, подчиненіе мировымъ судьямъ дѣлъ наслѣдственныхъ, о несостоятельности и участіи ихъ въ дѣлахъ нотарьяльныхъ, требуютъ, чтобы количество мировыхъ судей согласовалось въ данномъ округѣ съ ихъ занятіями,—въ противномъ случаѣ правосудіе можетъ сильно пострадать. Возложивъ на человѣка самаго добросо-

вѣстнаго труда не по его силамъ, законъ не только лишитъ его возможности—быть полезнымъ, но сдѣлаетъ его вреднымъ: дѣла будутъ просматриваться имъ небрежно, невнимательно, и самыя рѣшенія сдѣлаются одною формою и достоинствомъ канцелярїи мировыхъ судей. Поэтому первое вниманіе законодательства должно быть обращено на опредѣленіе числа мировыхъ судей по уѣздамъ. Относительно числа мировыхъ посредниковъ принято было, что уѣздное дворянство опредѣляло ихъ число. Но я полагаю, что полезно бы было, чтобы законодательство опредѣлило *наименьшее* ихъ число, а земству и городскимъ обывателямъ предоставило, по ихъ усмотрѣнію, назначеніе большаго количества. Мы такъ понимаемъ это дѣло: если законъ опредѣлитъ значительное содержаніе мировымъ судьямъ, то земству, усмотрѣнію котораго будетъ назначено неограниченное опредѣленіе количества судей, можетъ, въ видахъ сокращенія расходовъ, назначить такіе небольшіе штаты, что правосудіе отъ этого сильно пострадаетъ. На этомъ основаніи и рождается необходимость опредѣленія закономъ *minimūm* количества судей.

При рѣшеніи этого вопроса нужно принять во вниманіе вышнее количество мировыхъ посредниковъ въ уѣздахъ и къ этому количеству законъ долженъ прибавить по крайней мѣрѣ еще $\frac{1}{2}$, что будетъ составлять норму. Земство же, смотря по дѣйствительнымъ своимъ надобностямъ, можетъ увеличить это число. Относительно почетныхъ мировыхъ судей должно быть постановлено, что ихъ должно быть вдвое противу числа участковыхъ. Это правило необходимо потому, что при отводѣ мирового судьи и болѣзни одного изъ почетныхъ, необходимъ другой, который могъ бы его замѣнить. Но на это, быть можетъ, возражать: что въ такомъ случаѣ и при меньшемъ количествѣ почетныхъ мировыхъ судей, (такъ какъ они въ одно и то же время могутъ быть не всѣ заняты), не встрѣтится препятствій къ отправленію правосудія. Но мнѣ кажется, что полезно бы было, чтобы почетные судьи были распределены по два на участокъ, для того, чтобы они во всякое время могли вступить въ обязанности участкаго и чтобы только въ крайности данное дѣло передавалось въ другой участокъ. А именно, могутъ быть случаи, что участковый и оба почетныхъ судьи будутъ или отведены тяжущимися, или, по степенію обстоятельствъ, ни одинъ изъ нихъ не будетъ въ состояніи принять на себя обязанности судьи. Въ этомъ только случаѣ дѣло должно быть передано въ другой участокъ. При всѣхъ же другихъ обстоятельствахъ одни почетные судьи,

прикомандированные къ данному участку, могутъ исполнять обязанности участковаго. Если же не сдѣлать этого ограниченія, то для почетныхъ судей будетъ тяжело, когда ихъ станутъ таскать по дѣламъ изъ одного конца уѣзда въ другой. Въ одномъ лишь случаѣ это правило должно быть ограничено: когда обѣ тяжущіяся стороны добровольно обратятся къ почетному судѣ съ своимъ дѣломъ. Мировые сѣзды должны состоять изъ всѣхъ участковыхъ и почетныхъ судей. Засѣданія ихъ должны быть торжественны и публичны, и назначаться на первой недѣлѣ каждаго мѣсяца, за исключеніемъ мѣсяцевъ: іюня, іюля и августа. Какъ участковые, такъ и почетные судьи должны являться безусловно на мировые сѣзды, подѣ страхомъ быть оштрафованными на первый разъ — въ 25 р., во второй — въ 100 р., въ третій — въ 500 р., съ удаленіемъ ихъ отъ должности. Причинами неявки могутъ быть только такія, какія полагаются для тѣхъ, кто не является по иску въ судъ. Для мировыхъ судей ваканцій нѣтъ.

Участковые судьи всегда и вездѣ считаются на службѣ; поэтому они обязаны принимать просителей во всякое время.

Мировые судьи должны жить въ томъ участкѣ, куда они назначены.

Отпусками мировой судья можетъ пользоваться втеченіе избирательнаго термина на сроки не болѣе 28 дней и 4 мѣсяцевъ, съ разрѣшенія мирового сѣзда. На 28 дней онъ можетъ получать отгулъ ежегодно; а на 4 мѣсяца — только одинъ разъ на срокъ выбора. Но если въ предшествовавшіе годы онъ пользовался 28-дневными отпусками, то ему разрѣшается просить отгулъ только на срокъ не больше того числа дней, какое осталось ему до числа 4-хъ мѣсяцевъ. При кратковременныхъ отпускахъ производство жалованья не прекращается; но при 4-хъ-мѣсячномъ — жалованье судѣ не выдается; а оно отпускается тому почетному судѣ, который исправляетъ его должность. При краткихъ отпускахъ, мировой судья о передачѣ и принятіи должности увѣдомляетъ только мировой сѣздъ; а при 28-дневныхъ и 4-хъ-мѣсячныхъ — правительствующій сенатъ. При просрочкѣ мирового судью отгула, съ него высчитывается въ пользу судьи, исправляющаго его должность, причитающееся участковому судѣ ежедневное жалованье. При просрочкѣ, судья долженъ представить законныя причины этой просрочки; и по уваженіи ихъ мировой сѣздъ имѣетъ право ожидать 4 мѣсяца; по истеченіи же этого термина, одинъ изъ почетныхъ судей назначается въ участковые; а бывший участко-

вый обращается въ почетные судьи. Почетные судьи имѣютъ тоже право на отпуска; но съ тѣмъ, что ежегодно имъ разрѣшаются они на 3 мѣсяца. Просрочка почетному судѣ считается 9 мѣсяцевъ, и по истеченіи этого термина мировой съѣздъ избираетъ изъ списка кандидатовъ мировыхъ судей одного, которому поручаются обязанности просрочившаго.

Мировые судьи (участковые) должны получать такое вознагражденіе, которое дало бы имъ возможность отдать всю свою дѣятельность общественному дѣлу. Матеріальное обезпеченіе судьи, какъ и всякаго общественнаго дѣятеля, еще не составляетъ полной гарантіи добросовѣстнаго исполненія его обязанностей; эта гарантія лежитъ въ условіяхъ самаго общества, — его умственнаго развитія и внимательнаго наблюденія за поведеніемъ судьи; но при настоящемъ складѣ нашего общества бѣдность мирового судьи была бы сильнымъ искушеніемъ его совѣсти. Для него недостаточно быть независимымъ и несмѣняемымъ; для значенія его въ обществѣ нужно, чтобы и матеріальная его жизнь была обезпечена. Поэтому одно изъ двухъ: или нужно предоставить право быть выбираемыми только крупнымъ собственникамъ, или же дать судьямъ хорошее содержаніе. Но первое условіе у насъ въ провинціяхъ невозможно принять, потому что крупные собственники очень часто бываютъ неспособны къ занятію общественныхъ должностей, или же они состоятъ на государственной службѣ. Притомъ, мелкой собственности больше, чѣмъ крупной; поэтому высокій ценсъ сдѣлаетъ кругъ выбора очень ограниченнымъ, отчего можетъ пострадать народная юстиція. Допуская же 2-е условіе, законодательство должно опредѣлить мировымъ судьямъ такое содержаніе, чтобы они могли посвятить всю свою дѣятельность обществу. Но здѣсь рождается новый вопросъ: должно ли законодательство предоставить обывателямъ право — опредѣлять размѣръ вознагражденія судей, или самому опредѣлить одинъ размѣръ, изъ котораго земство не могло бы выйти, или же оно должно опредѣлить только *minimum*?... Опредѣленіе размѣра вознагражденія нельзя предоставить безусловно земству, потому что едва ли оно будетъ въ состояніи съ разу понять истинное значеніе мирового судьи, и вначалѣ, увлекшись денежными расчетами, оно можетъ своими выборами исказить мысль законодательства — какъ это мы видимъ въ настоящихъ выборахъ. Земство въ подобномъ случаѣ станетъ выбирать людей не по достоинству, а по богатству, чтобы меньше нести расходъ по этому учрежденію. Во вниманіе къ этимъ даннымъ, законо-

дательству приходится принять на себя обязанность—опредѣленія размѣра вознагражденія... Тутъ усложняется вопросъ: въ разныхъ мѣстностяхъ существуютъ различныя цѣны—на квартиру, припасы и другія жизненныя потребности; поэтому, опредѣлить одинъ и тотъ же высшій предѣлъ на все государство—невозможно, и законодательство становится въ необходимость, согласно предполагаемому общественному значенію судей, составить норму, а ужъ земству предоставить право—назначать больше, но не меньше этой нормы. Такимъ образомъ приходится обратиться къ сущности мирового судьи. Мысль закона—поставить судью на степень еще выше той, на которой стоитъ нынѣшній мировой судья *)): поэтому ему нужно дать, кромѣ нравственныхъ, еще значительныя матеріальныя средства. Извѣстно, что значеніе и вѣсь пріобрѣтаются человѣкомъ въ обществѣ, независимо отъ нравственныхъ его качествъ, и матеріальными средствами; по этой причинѣ мировой судья долженъ получать такое содержаніе, которое дало бы ему возможность—жить безбѣдно и имѣть средства воспитать своихъ дѣтей. На этомъ основаніи, вникая въ бытъ среднихъ сословій, мы открываемъ, что въ столицахъ—4 тысячи, а въ провинціяхъ 3 тысячи, — составляютъ норму, по которой человѣкъ средняго сословія можетъ жить безбѣдно. Но жить безбѣдно не значитъ еще составить себѣ карьеру; поэтому, земству и городскимъ сословіямъ должно быть предоставлено право возвышать эту норму. Воображеніе наше не должно пугаться этихъ цифръ: вѣрьте, что каждый скорѣе согласится на дорогое и хорошее правосудіе, нежели на дешевое и дурное; и такъ какъ юстиція есть главная общественная потребность во внутренней жизни народа, то здѣсь нечего считаться рублями. Только при хорошемъ жалованьи можемъ мы имѣть хорошихъ судей; а даровые наши судьи, какъ это доказалъ намъ полутора-вѣковой опытъ, никуда не годятся. Противники этого мнѣнія и сторонники дароваго судьи, обыкновенно ссылаются на то, что въ Англіи мировые судьи жалованья не получаютъ. Но дѣло въ томъ, что тамъ это учрежденіе возникло изъ англійской жизни и общество такъ сложено, что въ мировые судьи избираются обыкновенно люди богатые. Конечно, счастлива та страна, которая въ богатыхъ собственникахъ имѣетъ достаточный источникъ для замѣщенія мировыхъ судей; но возможно ли это у насъ въ Россіи?.. Образованье и развитость всегда ли совмѣстны у насъ съ богатствомъ и знатностью?.. То, что хорошо

*) Такъ это выражено въ журналахъ Государственнаго Совѣта.

и возможно въ одной странѣ, то бываетъ невозможно въ другой, и у насъ англійскій законъ о мировыхъ судьяхъ породилъ бы судей такого же качества, какъ мы ихъ видимъ у себя въ настоящее время... Сторонники дарового судьи забываютъ, что если въ Англии мировые судьи не получаютъ жалованья, то за то короцеры, полицейскіе комиссары и государственные судьи получаютъ огромное содержаніе. Жалованіе судей въ Англии доходить въ высшихъ должностяхъ отъ 100 тысячъ франковъ до 350 тыс. въ нижнихъ — отъ 30 тыс. — до 60,000 фран. Секретарь въ Шахматной палатѣ получаетъ 30,000 франковъ, лордъ - канцлеръ—350,000 фр.; президенты Королевской Лавки и общаго апелляціоннаго суда—200 тыс. фран. Пенсіоны магистраторамъ въ числѣ 27 человекъ, въ 1850 году достигли цифры 1,787,550 франковъ... Самое же маленькое жалованіе низшимъ магистраторамъ достигаетъ 5200 фран. Вотъ какъ Англія умѣетъ вознаграждать тѣхъ лицъ, которыя посвящаютъ обществу свои способности и дѣятельность въ дѣлѣ юстиціи, и мирные судьи не получаютъ тамъ вознагражденія *единственно* вслѣдствіе особеннаго *склада* англійскаго общества! Поэтому мы должны понимать: что, отдавая всю нашу народную юстицію въ руки мировымъ судьямъ, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, должны, *по складу* нашего общества, дать имъ приличное содержаніе.

Законными причинами къ отказу въ принятіи должности могутъ быть только: 1) тяжкая хроническая болѣзнь, глухота, потеря зрѣнія, чахотка, падучка и т. д. 2) смерть родителей, жены, дѣтей; 3) несостоятельность; 4) разореніе отъ естественныхъ причинъ; 3) 65 лѣтній возрастъ; 6) управленіе такими опеками, съ которыхъ доходъ простирается до 25 тысячъ р.

Изъ выборнаго списка исключаются также: 1) все церковно и священнослужители всехъ вѣроисповѣдывацій; 2) коронные чиновники, если они того сами пожелаютъ; 3) доктора, лекаря и аптекари; 4) служащіе по выборамъ въ другихъ общественныхъ должностяхъ.

III. Подсудность мировыхъ судей.

Одинадцатый пунктъ 1-й части предоставляетъ мировымъ судьямъ, кромѣ предметовъ, изложенныхъ въ общемъ судопроизводствѣ, еще и предметы касательно *охраненія наслѣдствъ*. Но что подразумѣваетъ

законъ подь словомъ *охраненіе*? Участіе ли мирового судьи въ сохраненіи имущества умершаго, то есть: опись, оцѣнку, неутратное сбереженіе; или же самое разсмотрѣніе и утверженіе правъ наследственныхъ? По смыслу ст. 136, ч. III, гдѣ говорится о порядкѣ образованія *судебныхъ мѣстъ*, вызовъ наследниковъ умершаго лица и охраненіе его имѣнія относятся какъ будто къ судебнымъ мѣстамъ... Поэтому, какъ точнаго опредѣленія по этому предмету въ *общихъ началахъ* еще нѣтъ, то мы займемся рѣшеніемъ этого вопроса. Всѣмъ практикамъ извѣстно, какъ наследственные дѣла запутаны у насъ въ общихъ судебныхъ мѣстахъ: однѣ судебныя мѣста рассматриваютъ ихъ апелляціоннымъ, другія—частнымъ порядкомъ; одни суды понимаютъ, что по истеченіи шестимѣсячнаго публикаціоннаго срока и ввода во владѣніе наследниковъ, въ общей земской давности, вновь явившіеся наследники могутъ принять участіе въ наследствѣ, однимъ лишь заявленіемъ своихъ правъ; другіе понимаютъ, что вновь явившіеся наследники обязаны вачать формальный вотчинный искъ противъ введенныхъ во владѣніе сонаследниковъ своихъ... Наконецъ, медленность дѣлопроизводствъ по этимъ предметамъ, безконечныя справки и формальныя слѣдствія, производящіяся по нимъ, дѣлаютъ наследственные иски самыми сложными и запутанными... Къ этому злу присоединяется еще и то, что наследники владѣютъ *de facto* недвижимостью; а въ сущности, не считаясь официально собственниками, не носятъ тѣхъ общественныхъ личныхъ повинностей, которыя сопряжены съ правами собственника. Поэтому мы находимъ, что упрощеніе этихъ дѣлъ есть крайняя и настоятельная необходимость, и это упрощеніе именно возможно только, когда дѣла наследственные передадутся мировымъ судьямъ. Преимущества въ этомъ отношеніи мирового суда противъ окружныхъ судовъ заключаются въ томъ, что онъ есть судъ мѣстный, который можетъ на мѣстѣ обследовать права данныхъ лицъ и что, какъ у судьи одноличнаго, дѣлопроизводство его не можетъ быть сложно. Кромѣ этого, въ наследствахъ маловажныхъ поѣздка въ окружной судъ будетъ столько стоить, что расходъ будетъ превышать цѣнность самаго наследства. Самая сущность правъ наследственныхъ не сложна, такъ какъ разсмотрѣніе родовыхъ отношеній есть предметъ очень простой; но становится онъ сложнымъ тогда только, когда ему придается характеръ слѣдственно-судебный, съ его безконечными справками и сложными формами. И такъ становится ясно—необходимость передачи разбора наследственныхъ правъ мировымъ учреждениямъ; то же са-

мое должно сказать и о дѣлахъ по праву *выкупа* родовыхъ имѣній. О тѣхъ измѣненіяхъ, какія должно сдѣлать по X тому св. зак. въ выкупныхъ законахъ, подробно говорено мною въ N 3-мъ Современника за 1862 годъ; здѣсь же я необходимымъ считаю только присовокупить: что желательнo бы было, чтобы выкупныя дѣла предоставлены были также мировымъ судьямъ. И эти дѣла, подобно наследственнымъ, очень просты по своей сущности; здѣсь вся сущность въ разсмотрѣніи вопроса о томъ: въ родствѣ ли данное лицо съ продавцомъ, и выкупаемое имущество есть ли его родовое, или благопріобрѣтенное имущество... Вопросы эти просты и становятся они сложными только чрезъ судебныя формы; а при такомъ характерѣ исчезаетъ самое выкупное право. Кто захочетъ тягаться Богъ знаетъ сколько, единственно изъ за того, чтобы, за свои же деньги, пріобрѣсти известное имущество? При такомъ порядкѣ, каждый махнетъ рукой и броситъ дѣло... Но здѣсь представляется разрѣшенію еще другой предметъ: слѣдуетъ ли безусловно передать дѣла наследственныхъ мировымъ учреждениямъ безъ ограниченія суммы; или же только на сумму 500 руб. сер? Въ маловажныхъ искахъ, куда государственнымъ совѣтомъ отнесены дѣла на 500 руб., разумнѣе и справедливѣе всего передать дѣла наследственныхъ и выкупныхъ мировымъ учреждениямъ, такъ какъ эти дѣла, по самому свойству ихъ, справедливѣе рѣшать по мѣстному обычаю, нежели по закону. Съ передачею же ихъ общимъ судамъ мѣстные обычаи будутъ ослаблены, что вызываетъ нерѣдко неудовольствіе народа. Такъ напримѣръ: у насъ въ Украйнѣ и Малороссіи существуетъ обычай, что крестьянинъ передаетъ свою усадьбу всегда младшему сыну; при крѣпостномъ правѣ обычай этотъ соблюдался помѣщиками; въ настоящее же время, если передать наследственные дѣла общимъ судамъ, то они должны будутъ рѣшать ихъ по закону, который противорѣчитъ здѣшнимъ мѣстнымъ обычаямъ. То же самое должно сказать о выкупномъ правѣ: такъ называемая малороссійская *батьковщина* исключаетъ даже 10-лѣтнюю давность, и крестьяне отыскиваютъ свое недвижимое родовое имущество во второмъ и даже третьемъ колѣнѣ. Поэтому ближе всего подчинить подобныя дѣла мировымъ учреждениямъ. Такимъ образомъ, вопросъ о необходимости подчиненія наследственныхъ и выкупныхъ дѣлъ на 500 руб. сер. мировымъ учреждениямъ разрѣшается утвердительно; но желательнo бы было, чтобы эти дѣла были вообще, безъ ограниченія суммы, переданы мировымъ учреждениямъ, во вниманіе къ

тому, что дѣла эти, по самому свойству своему, требуютъ упрощенія быстроты въ судопроизводствѣ...

По предмету же самаго дѣлопроизводства мировыхъ судей, по дѣламъ наследственнымъ и выкупнымъ, будетъ говорено мною ниже. Нынѣшнимъ судамъ принадлежатъ также слѣдующія дѣла: 1) утвержденіе описей или инвентарей, на оцѣнку имѣній для залога ихъ въ кредитныя учрежденія; 2) дѣла по составленію описей оцѣночныхъ свидѣтельствъ, для употребленія ихъ залогомъ по поставкамъ; 3) свидѣтельствованіе копій съ разныхъ документовъ; 4) дѣла о несостоятельныхъ и конкурсныхъ; 5) дѣла о личномъ задержаніи за долги лицъ дворянскаго состоянія; 6) дѣла о раздѣлѣ имуществъ; 7) о полюбовномъ размежеваніи; 8) дѣла о явкѣ домашнихъ завѣщаній; 9) утвержденіе администрацій по дѣламъ торговымъ; 10) дѣла о добровольномъ третейскомъ судѣ; 11) о мировыхъ записяхъ.

1. Дѣла объ оцѣночныхъ свидѣтельствахъ.

При уничтоженіи уѣздныхъ судовъ, магистратовъ, ратушь и палатъ, всѣ означенныя дѣла никакъ не могутъ поступить въ окружные суды, по слѣдующимъ причинамъ: прежніе суды, при всемъ своемъ несовершенствѣ, все таки были суды мѣстные; а окружной судъ, обнимая два и болѣе уѣзда, будетъ отъ нѣкоторыхъ крайнихъ мѣстъ округа весьма удаленъ, отчего жители, при маловажности ихъ дѣлъ, могутъ сильно пострадать. Передавая эти дѣла окружнымъ судамъ, они подвергнутся прежнимъ недостаткамъ, потому что окружной судъ, какъ учрежденіе коллегіальное, долженъ имѣть сложныя формы этого начала, и каждое его дѣйствіе должно быть облечено въ журнальное постановленіе или протоколъ. А между тѣмъ, какъ напримѣръ, свидѣтельствованіе копій съ документовъ,—требуетъ очень часто большой поспѣшности, и коллегіальная форма здѣсь дѣлаетъ только ущербъ дѣлу. Вотъ почему я нахожу, что пока не будетъ измѣненъ окончательно порядокъ составленія оцѣночныхъ свидѣтельствъ для залога въ кредитныя учрежденія и по залогамъ на поставки и подряды, то эти дѣла должны быть переданы мировымъ судьямъ. Въ настоящее время первыя степени суда въ этомъ случаѣ утверждаютъ только подпись оцѣнщиковъ и по-

лицейских чиновъ, потому что гражданскія палаты и коммерческіе суды окончательно забираютъ по всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ справки — нѣтъ ли запрещенія на то имущество, по которому дѣлается оцѣночное свидѣтельство, и производить самую выдачу этихъ свидѣтельствъ. Поэтому слѣдуетъ предоставить мировымъ судамъ всѣ права гражданской палаты по этимъ предметамъ. Но такъ какъ эти дѣла требуютъ довольно сложной переписки, то предоставить судьямъ право — взимать по $\frac{1}{5}\%$ съ рубля, за каждый срочный годъ свидѣтельства, въ вознагражденіе за ихъ труды. Въ 2 примѣчаніи ст. 733, т. X. изд. 1857 г. ч. 1, также сказано, что если кто хочетъ совершить купчую крѣпость *вне* западныхъ губерній на имущество, находящееся въ этихъ мѣстахъ, то онъ долженъ взять изъ мѣстной палаты свидѣтельство — о свободности того имѣнія отъ долговъ и исковъ; эти-то дѣла въ западныхъ губерніяхъ должны быть также переданы мировымъ судьямъ.

2 Дѣла конкурсныя о несостоятельности.

Не меньшую важность представляетъ также передача дѣлъ — о несостоятельныхъ и конкурсахъ мировымъ судьямъ. И въ этомъ случаѣ они имѣютъ преимущество предъ окружными судами. Но здѣсь рождается вопросъ: слѣдуетъ ли передать мировымъ учрежденіямъ дѣла о несостоятельныхъ только на сумму 500 р., или безъ ограниченія суммъ? По нашимъ законамъ признается несостоятельнымъ тотъ, кто имѣетъ неоплатнаго долгу 1500 руб., и конкурсное управленіе учреждается тогда лишь, когда кредиторовъ не менѣе 3-хъ. Такимъ образомъ, если принять общій принципъ: что мировымъ учрежденіямъ принадлежать только дѣла не свыше 500 руб., то дѣла несостоятельныхъ должниковъ свыше этой суммы должны были бы поступить въ окружной судъ. Не затруднить ли это кредиторовъ? Если сумма долга не достигаетъ 1500 руб., или хотя будетъ и превышать эту цифру, но если кредиторовъ будетъ менѣе 3-хъ, то конкурсное управленіе не можетъ учредиться, и окружной судъ долженъ собою замѣнить конкурсное управленіе. Совмѣстно ли это съ положеніемъ суда? не обременить ли это судъ не свойственными ему дѣлами? Нужно еще и то сказать, что дѣла по

несостоятельности требуютъ быстрого дѣйствія мѣстной судебной власти, для ареста имущества несостоятельнаго; въ противномъ же случаѣ, оно можетъ быть скрыто или растрчено. Наконецъ, назначеніе попечителя къ имуществу несостоятельнаго до учрежденія конкурснаго управленія, встрѣтитъ въ окружномъ судѣ множество препятствій, и одно изъ важнѣйшихъ будетъ то, что, какъ суду не мѣстному, ему неизвѣстно будетъ: кого назначить попечителемъ въ особенности въ дѣлахъ маловажныхъ. Эти-то причины побуждаютъ меня предложить: передать дѣла несостоятельныхъ безъ ограниченія суммы мировымъ учреждениямъ, съ тѣмъ, чтобы по этимъ дѣламъ возложить на нихъ обязанности коммерческихъ судовъ по дѣламъ несостоятельныхъ. Но самая важная причина, почему дѣла эти должны быть переданы мировымъ учреждениямъ, есть та, что всѣ эти дѣла должны больше основываться на *совѣсти*, нежели на законѣ. Опредѣленіе *свойства* несостоятельности, распределеніе суммъ между кредиторами и вообще всѣ вопросы, возникающіе въ дѣлахъ о несостоятельности, могутъ быть скорѣе всего рѣшены по совѣсти, такъ какъ законъ не можетъ опредѣлить ни признаковъ, ни нормы этого свойства. Независимо отъ этого, слѣдуетъ сказать еще и то: что конкурсное управленіе и общее собраніе кредиторовъ довольно уясняютъ всѣ предметы несостоятельныхъ; а мирныя учрежденія явятся въ этомъ случаѣ только какъ органы закона для контролированія ихъ дѣйствій и приданія санкціи ихъ рѣшеніямъ. Мировой съѣздъ въ этихъ дѣлахъ долженъ быть судомъ апелляціоннымъ; а кассація должна принадлежать правительствующему сенату. Но если бы законодатели нашли неудобнымъ подчинить мировымъ учреждениямъ дѣла о несостоятельности на неограниченную сумму, то слѣдовало бы постановить по крайней мѣрѣ: что мировымъ учреждениямъ должны подлежать тѣ дѣла о несостоятельности, по которымъ, по закону, судъ замѣняетъ конкурсное управленіе. Въ подобномъ случаѣ окружные суды, въ дѣлахъ ниже 1500 руб. сер. и въ тѣхъ, гдѣ меньше 3 кредиторовъ, не затрудняли бы кредиторовъ и самихъ себя.

3. Дѣла о личномъ задержаніи за долги.

Мировымъ учреждениямъ должны быть подсудны также дѣла о личномъ задержаніи лицъ дворянскаго состоянія, во вниманіе къ тому, что

власть ихъ въ уѣздѣ во многихъ отношеніяхъ превышаетъ прежнюю власть уѣздныхъ судовъ и потому имъ должно быть оказано довѣріе и по этимъ предметамъ.

4. ДѢЛА О РАЗДѢЛѢ ИМУЩЕСТВЪ.

Статья 1317 т. X. ч. 1 говоритъ, что если наследники въ опредѣленный закономъ срокъ полюбовно не раздѣлятся, то судъ самъ производитъ раздѣлъ. Въ этомъ случаѣ мы отдаемъ также преимущество мировому суду предъ окружнымъ, какъ суду мѣстному, которому могутъ быть извѣстны всѣ мѣстныя условія и самое состояніе того имущества, которое подлежитъ раздѣлу.

5. О ПОЛЮБОВНОМЪ РАЗМЕЖЕВАНІИ ЗЕМЕЛЬ И ДАЧЪ.

По этимъ предметамъ судъ придаетъ только санкцію дѣйствіямъ землебра; поэтому, такъ какъ здѣсь собственно суда нѣтъ, то дѣла эти могутъ быть переданы мировымъ судьямъ.

6. ЯВКА ДОМАШНИХЪ ЗАВѢЩАНІЙ.

Гражданскимъ платамъ и коммерческимъ судамъ принадлежить въ настоящее время явка или, какъ многіе называютъ это дѣйствіе, — утверженіе домашнихъ духовныхъ завѣщаній, послѣ смерти завѣщателя. По уничтоженіи же палатъ, родится вопросъ: кому должны быть подвѣдомственны эти дѣла. Общій духъ нашего новаго закона есть тотъ, чтобы отнять отъ судебныхъ мѣстъ крѣпостныя и нотаріальныя обязанности и передать ихъ нотаріусамъ; тамъ же, гдѣ ихъ нѣтъ — мировымъ судьямъ. Но здѣсь рождается другой вопросъ: почему законодательство наше предоставило явку *крѣпостныхъ* завѣщаній первымъ степенямъ; а явку *домашнихъ*, послѣ смерти завѣщателя, только вторымъ степенямъ? Законъ этотъ не могъ вытекать изъ теорій: онъ порожденъ юридическою практикою, вслѣдствіе того положенія, въ какомъ находились наши первыя степени. Крѣпостныя духовныя завѣщанія, являемыя, при жизни

завѣщателя, представляли меньше злоупотребленій, нежели домашнія, которыя являлись только послѣ смерти завѣщателя, когда его свидѣтельства уже не существуетъ. Форма, предложенная закономъ для домашнихъ завѣщаній, очень проста; и какъ возникали большія злоупотребленія въ первыхъ степеняхъ, то законодательству пришлось передать ихъ палатамъ, какъ судамъ, которые, по организаціи своей, могли въ свое время болѣе гарантировать правосудіе, нежели первыя степени. Но нынѣ нѣтъ надобности передавать эти дѣла постояннымъ судамъ; да и самая передача имъ этихъ дѣлъ встрѣтила бы то затрудненіе, что у нихъ будутъ отняты крѣпостныя и явочныя книги. Поэтому остается сдѣлать выборъ: между нотариусомъ и мировымъ судьей для передачи имъ этихъ дѣлъ. Но дѣло здѣсь снова усложняется: въ новомъ законѣ сказано, что мировымъ судьямъ передаются нотаріальныя дѣла только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не будетъ нотариусовъ. Разсмотримъ это положеніе. Явка домашнихъ завѣщаній; послѣ смерти завѣщателя, имѣетъ многіе признаки судебного разбора: осмотръ его формальностей, допросъ свидѣтелей, наконецъ, согласно ст. 1233, ч. 1. т. X. вызовъ судомъ, утверждающимъ завѣщаніа, наслѣдниковъ, — все это несовмѣстно съ обязанностями нотариусовъ. При передачѣ послѣднимъ этихъ дѣлъ, въ случаѣ отказа ими въ явкѣ завѣщанія, возникаетъ вопросъ: кто долженъ будетъ войти въ разсмотрѣніе правильности или неправильности этого отказа. Въ настоящее время въ правительствующемъ сенатѣ производятся особаго рода дѣла: объ отказѣ палатами и коммерческими судами въ принятіи завѣщаній къ явкѣ; и обратно: о неправильной явкѣ ими завѣщаній.. Кто же будетъ разсматривать эти дѣла, когда онѣ будутъ переданы нотариусамъ? Мы понимаемъ, что судъ можетъ разсматривать только тѣ дѣла, гдѣ есть тяжба или искъ; а тутъ ни того, ни другого нѣтъ, а въ дѣлахъ этихъ обжалывается лишь неправильный взглядъ нотариуса на предъявленный ему документъ... Наконецъ, и то сказать, нотариусамъ будетъ затруднителенъ вызовъ свидѣтелей, что усложнитъ только эти дѣла, когда онѣ будутъ имъ переданы. Всѣхъ же этихъ неудобствъ не будетъ, когда явка домашнихъ завѣщаній будетъ передана мирнымъ судьямъ: 1) первое неудобство то, что не у всѣхъ мировыхъ судей будутъ крѣпостныя и явочныя книги, можетъ быть устранено тѣмъ, что можно для явки завѣщаній учредить особыя спеціальныя книги у мировыхъ судей; 2) съ передачею явки домашнихъ завѣщаній мировымъ судьямъ, вопросъ: куда должны поступать эти дѣла производства, — самъ собою разрѣшается; 3) новый законъ прямо вы-

сказывает ту мысль, что мировымъ судьямъ предоставляется охрана имущества наследства, а съ этимъ тѣсно связанъ вопросъ о домашнихъ завѣщаніяхъ; 4) передавая такимъ образомъ дѣла—о завѣщаніяхъ и вообще наследственныхъ дѣла мировымъ судьямъ, законодательству представится вмѣстѣ съ тѣмъ возможность подчинить мировому суду и наблюдение за правильнымъ исполненіемъ душеприкащиками и наследниками ихъ обязанностей. По этому предмету у насъ вѣтъ въ настоящее время закона и на практикѣ существуютъ два видоизвѣненія: а) или споры, возникающіе изъ неясности завѣщанія и чрезъ неисполненіе душеприкащиками или наследниками ихъ обязанностей — разсматриваются общимъ, *вотчиннымъ*, апелляціоннымъ порядкомъ; б) или же дѣла эти принимаютъ исполнительный порядокъ. Разобрать, который изъ этихъ двухъ порядковъ болѣе правиленъ, довольно трудно; но по логичнымъ началамъ мы находимъ въ этихъ дѣлахъ двойной элементъ: *безспорный и тяжёбный*, а именно—всѣ дѣла, по неисполненію душеприкащиками и наследниками возложенныхъ на нихъ завѣщаніемъ обязанностей, суть предметы дѣйствительно безспорныя, такъ какъ здѣсь сущность дѣла въ томъ лишь: передано-ли имущество по назначенію и производится-ли наследниками и душеприкащиками тѣ уплаты, которыя возложены на нихъ завѣщателемъ. Съ другой стороны споры по неясности завѣщанія, носятъ на себѣ характеръ тяжёбный. Но во всякомъ случаѣ, такъ или иначе, а дѣла эти должны быть переданы мировымъ судьямъ: первыя должны быть переданы имъ какъ дѣла безспорныя; а вторыя—потому что, при разъясненіи завѣщанія, играютъ роль не столько законы, сколько совѣсть судьи: онъ обязанъ вынукнуть въ духъ завѣщанія и посредствомъ разспросовъ лицъ, близко знавшихъ покойнаго, можетъ возстановить настоящей смыслъ завѣщанія. Это же возможно только мѣстному судѣ, а не окружному суду, который будетъ видѣть въ завѣщаніи—только мертвую букву.

Выше уже сказано мною, что основная мысль новаго закона—это предоставление мировымъ судьямъ охраненія наследствъ. Но я понимаю дѣло такъ: это начало тогда только будетъ удобовозможнымъ, когда въ лицѣ мирового судьи будетъ власть—охраненія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, власть передачи этого имущества наследникамъ. Всѣ путаницы, безпорядки и злоупотребленія въ настоящее время по наследственнымъ дѣламъ именно происходятъ оттого, что а.) полиція и опеки охраняютъ имущество, б.) судъ утверждаетъ наследственные права, в.) опеки и полиція вновь передаютъ имущество наследникамъ. Отъ этого-то

распределенія участія въ дѣлахъ наследственныхъ между различными вѣдомствами и лицами выходитъ то, что опеки и полиціи не охраняютъ имущества умершихъ; а суды, не заботясь о состояніи этого имущества, таятъ незаконно наследственные дѣла. Опеки ссылаются на то, что полиціи обязаны охранять описанныя ими имущества; а полиціи, донеся опекѣ о своей описи, болѣе не заботятся о немъ; а такъ называемое *неустратное сбереженіе*, изобрѣтенное практикою и полиціями, доводитъ имущество движимое до растраты. Со мною былъ случай, который повторяется въ Россіи на каждомъ шагѣ: въ Одессѣ, полиціа передала мнѣ подъ *неустратное сбереженіе* имущество описанное и оцѣненное ею послѣ смерти одного умершаго. Вслѣдъ за этимъ опека назначила меня опекуномъ надъ малолѣтнимъ сыномъ послѣдняго и предложила мнѣ, во вниманіе къ тому, что опись составлена безъ бытности опекуна, составить, совместно съ полиціей, опись имущества спускаемаго мною малолѣтняго. Но такъ какъ имущество его было прежде еще передано мнѣ по описи и оцѣнкѣ, то я донесъ о томъ опекѣ и просилъ ея разрѣшенія о продажѣ этого имущества (составленнаго изъ глѣзныхъ и негодныхъ вещей) съ публичнаго торга. Опека разрѣшила мое представленіе и я передалъ ввѣренное мнѣ имущество аукціонной камерѣ, которая и продала его. Затѣмъ, находя неудобнымъ держать у себя малолѣтняго—такъ какъ его братья находились въ Петербургѣ я, съ ихъ согласія, просилъ графа Строгонова — о переводѣ спеки въ С.-Петербургъ. Когда на это состоялось разрѣшеніе, я отпривилъ малолѣтняго съ благонадежнымъ попутчикомъ въ столицу. Спустя долгое время послѣ этого, (прошло почти три года со времени назначенія меня опекуномъ,) явился ко мнѣ кварталный надзиратель, съ тѣмъ, чтобы промазвести опись и оцѣнку имуществу покойнаго, для передачи его мнѣ-же... Такъ ведутся у насъ всѣ опекунскія и наследственные дѣла. Изъ этого заключить можно, какіе убытки несутъ отъ этого отсутствующіе наследники и въ особенности малолѣтніе. Этихъ же неудобствъ не будетъ, когда въ рукахъ мировыхъ судей будетъ сосредоточена власть охраненія и утвержденія наследственныхъ правъ. Мировой судья, во избѣжаніе ответственности за растрату и разореніе имущества, не только отдастъ его въ благонадежныя руки, но будетъ торопиться разсмотрѣніемъ и утвержденіемъ правъ наследниковъ; иначе онъ отвѣчать будетъ предъ закономъ. Сверхъ этого, сами мировые судьи такимъ положеніемъ своимъ будутъ поставлены въ необходимость: разсматривать добросовѣстно дѣла наследственные и рѣшать ихъ по законамъ. Въ ва-

стоящее время суды дѣлаютъ вызовъ наслѣдникамъ по истеченіи 6 мѣсяцевъ со дня послѣдней публикаціи, и очень часто изъ личныхъ выгодъ передаютъ оставшееся имущество первому лицу, которое предъявляетъ свои мнимыя права; а дѣйствительные наслѣдники въ подобномъ случаѣ или теряютъ безвозвратно имущество, или же имъ предстоитъ безконечное апелляціонное дѣло съ лицомъ, завладѣвшимъ ихъ имуществомъ. А все это происходитъ оттого, что судъ неподлежитъ никакой ответственности за подобныя дѣйствія: вся законная его опора въ этомъ случаѣ на 6-мѣсячный срокъ и на то, что наслѣдники имѣютъ право отыскивать свои права вотчиннымъ порядкомъ въ общей земской давности. Этотъ порядокъ убійственъ. Такъ напримѣръ, я выѣзжаю изъ Кіева въ Петербургъ и скоростижно тамъ умираю. Полиція находитъ у меня банковые билеты и, не зная есть ли у меня родные, представляетъ билеты къ уѣздному суду. Судъ вызываетъ моихъ наслѣдниковъ и является въ 6 мѣсячный срокъ какой нибудь Х..., объявляющій себя напр. моимъ троюроднымъ братомъ и по истеченіи 6 мѣсячнаго срока получаетъ мои капиталы, проматываетъ ихъ или уѣзжаетъ за границу. Жена же моя, не получая отъ меня вѣстий, если имѣетъ еще средства, пріѣзжаетъ въ Петербургъ и узнаетъ, что она съ дѣтьми сдѣлалась нищею... Изъ этихъ данныхъ является необходимость какой нибудь гарантіи для отсутствующихъ наслѣдниковъ и что нибудь болѣе прочное, нежели право отысканія своихъ правъ апелляціоннымъ порядкомъ въ теченіи земской давности. Но этотъ порядокъ самъ собою измѣнится въ своей сущности при передачѣ мировымъ учреждениямъ дѣлъ наслѣдственныхъ: при малѣйшемъ сомнѣніи въ законности правъ явившагося наслѣдника и при предположеніи ими, что могутъ существовать болѣе прямые наслѣдники, мировыя учрежденія займутся ихъ розысканіемъ, и публикація будетъ въ этомъ случаѣ лишь вспомогательнымъ средствомъ, къ извѣщенію наслѣдниковъ объ оставшемся имуществѣ. И если мировой судья, при неуспѣшности своихъ розысканій, вынужденъ будетъ передать имущество явившемуся непрямому наслѣднику, то въ этомъ случаѣ, онъ, по роду и свойству имущества, можетъ изыскать способы къ тому, чтобы явившіеся болѣе прямые наслѣдники, въ теченіи общей земской давности, могли получить свое имущество. Для этого полезно бы было предоставить право судьямъ въ такомъ случаѣ требовать отъ подобнаго наслѣдника представленія поручителей о томъ, что имущество не будетъ имъ ни растрчено, ни разорено.

7). УТВЕРЖДЕНІЕ АДМИНИСТРАЦІЙ ПО ДѢЛАМЪ О ТОРГОВОЙ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ И УЧРЕЖДЕНІЕ ПОСРЕДНИЧЬИХЪ КОМИССІИ.

По торговому уставу полагается два рода администрацій по дѢламъ несостоятельныхъ:

1) По ст. 1865, т. XI изд. 1857 уст. о тор. несост., администрація учреждается «въ видѣ отсрочки платежей, съ предоставленіемъ права нѣсколькимъ изъ заимодавцевъ принять участіе въ управленіи дѢлами должника. Такая администрація не входитъ въ новыя дѢла, а объемлетъ только прежнія». Хотя въ выше приведенномъ законѣ сказано: что подобная администрація есть частная и домашняя сдѣлка; но на практикѣ принято, что кредиторы учреждаютъ такую администрацію съ вѣдома суда. Подобное дѣйствіе имѣетъ юридическій смыслъ: если бы администрація учреждалась безъ вѣдома суда, то отношенія администраторовъ къ несостоятельному и къ его дѢламъ были бы не прочны и не имѣли бы юридическаго, обязательнаго значенія. Вотъ почему пробѣлъ закона дополнился разумной практикой.

2) Второго рода администрація учреждается, при другихъ условіяхъ, биржевыми комитетами только по фабричнымъ и обширнымъ коммерческимъ дѢламъ *). Отношеніе такихъ администрацій къ судамъ определяется слѣдующимъ образомъ:

а) По учрежденіи администраціи, биржевой **) комитетъ обязанъ дать знать о томъ коммерческому суду; а гдѣ его нѣтъ, магистрату, для того, чтобы суды эти утвердили администраторовъ *).

б) Уполномочіе дается администраціи кредиторами и сообщается суду, который наблюдаетъ, чтобы уполномочіе было согласно съ законами **).

в) Въ случаѣ недоразумѣній администрація испрашиваетъ разрѣшеніе коммерческаго суда или магистрата ***).

*) Ст. 1868, т. XI, о тор. несост.

***) Тамъ же стр. 1872.

*) Въ законѣ сказано: «для надлежащаго согласно тому распоряженія». Слова эти на практикѣ понимаются такъ, что администраторы утверждаются судами.

*) Тамъ же ст. 1873.

***) Тамъ же ст. 1874.

4) Наконецъ, кредиторы имѣютъ право обратить администрацію въ конкурсное управленіе, на что также испрашивается разрѣшеніе суда *).

Эти-то двѣ администраціи должны быть подчинены мировымъ судьямъ: они, какъ судьи мѣстные, могутъ знать дѣйствія, и нужды администраціи и могутъ при встрѣчающихся недоразумѣніяхъ разрѣшать возникшіе у нея вопросы съ большою точностью и опредѣлительностью. Этого же самаго нельзя ожидать отъ суда окружнаго, который будетъ видѣть не администрацію, а только мертвое тѣло и цифры съ юридическими вопросами.

Тоже самое я долженъ сказать и о посредническихъ комиссіяхъ, учреждающихся по дѣламъ дворянскимъ. Въ настоящее время учрежденіе ихъ зависить отъ губернскихъ правленій; съ предполагаемымъ уничтоженіемъ послѣднихъ полезно было бы—какъ учрежденія этихъ комиссій, такъ и наблюденія за ихъ дѣйствіями передать мировымъ учрежденіямъ. Крайняя необходимость сдѣлать это вытекаетъ непосредственно изъ того, что большая часть вопросовъ, возникающихъ по администраціямъ и посредничьимъ комиссіямъ, болѣе всего можетъ быть разрѣшена или на основаніи мѣстныхъ условій и обстоятельствъ, или на основаніи опыта, чистаго разума и совѣсти.

8) ДѢЛА О ДОБРОВОЛЬНОМЪ ТРЕТЕЙСКОМЪ СУДѢ.

Третьейскій добровольный судъ долженъ рѣшить дѣло по совѣсти; но, говоритъ 109 статья ч. III новаго положенія, «рѣшеніе третейскаго суда можетъ быть признано не дѣйствительнымъ въ дѣломъ и частяхъ по жалобѣ сторонъ, за нарушеніе существенныхъ формъ и правилъ сего судопроизводства». Но здѣсь рождается вопросъ: жалобы эти должны подаваться мировому ли судѣ или окружному суду? Прямой отвѣтъ могъ бы быть такой: что какому вѣдомству принадлежитъ предметъ третейскаго суда, тому суду должны подлежать жалобы. Но этотъ прямой отвѣтъ неудовлетворителенъ, потому что жалоба допускается лишь въ случаѣ неправильности дѣлопроизводства третейскаго суда. Вопросъ этотъ чисто юридическій и онъ совѣстенъ уже болѣе

*) Тамъ же ст. 1875

съ значеніемъ окружнаго суда, нежели съ сущностью мирового. Второй, по смыслу закона, болѣе судъ совѣсти и къ этому учрежденію приглашаются лица извѣстныя не столько знаніемъ права, сколько честностью; между тѣмъ, какъ отъ первыхъ требуются юридическія познанія. Поэтому гдѣ вопросъ идетъ о предметахъ юридическихъ, тамъ преимущество должно отдать окружному суду. Въ силу этого, я и полагаю, что жалобы на третейскій судъ безусловно должны поступать въ окружные суды, хотя бы они и касались предметовъ мирового суда.

9) о мировыхъ записяхъ.

Для прекращенія тяжбы и иска у насъ существуютъ двѣ формы: мировое прошеніе и мировая записка. При обѣихъ этихъ формахъ требуется снятіе съ тяжущихся сказокъ въ томъ: что они, по добровольному соглашенію, подписали мировое прошеніе или записку. Эта-то послѣдняя форма затруднитъ тяжущихся, когда имъ придется ѣхать въ окружной судъ, въ особенности, когда дѣло будетъ не большое или когда истецъ добровольно захочетъ отказаться отъ своихъ притязаній на отвѣтника; поэтому я полагаю, что, неотнимая отъ окружныхъ судовъ и палатъ права принимать мировыя прошенія, вмѣстѣ съ тѣмъ предоставить мировымъ судьямъ право — принятія мировыхъ прошеній и свидѣтельствванія мировыхъ записей; но съ тѣмъ, чтобы мировыя прошенія были отправляемы или не позже трехъ дней въ подлежащій судъ, гдѣ производится тяжба.

10) заключеніе по предмету подсудности мирового судьи.

Основная мысль законодательства въ учрежденіи мирового суда состоитъ въ томъ, чтобы всѣмъ дѣламъ маловажнымъ дать правильный исходъ и не подвергнуть ихъ неудобствамъ процесса въ окружныхъ судахъ. Будетъ ли совмѣстно съ этой идеею подчиненіе мировымъ учрежденіямъ дѣлъ торговыхъ, наследственныхъ и все выше

предлагаемое мною? и не будет ли это нарушеніемъ коренной идеи государственнаго совѣта? И вмѣстѣ съ тѣмъ не обременить ли это чрезмѣрно мировыхъ судей? Обращаясь для рѣшенія этихъ вопросовъ къ разсужденіямъ государственнаго совѣта, мы находимъ, что хотя идея законодательнаго сословія и заключалась въ томъ, чтобы мировому суду предоставить одни лишь дѣла маловажныя; но что, по мѣрѣ развитія идеи о мировыхъ судахъ, самъ государственный совѣтъ вышелъ изъ этой программы. Такъ въ ст. II, ч. III, говорится ужь о томъ, что мировымъ судьямъ предоставляется охраненіе наслѣдствъ и участіе въ дѣлахъ опеки. А въ ст. I, ч. III говорится о томъ, что искъ въ дѣлахъ объ убыткахъ, если только цѣна убытковъ неопредѣлена при началіи иска, мировые судьи принимаютъ безусловно. Кромѣ этого, государственный совѣтъ нашелъ полезнымъ—вообще всѣ дѣла, которыя тѣсно связаны съ данною мѣстностію и которыя требуютъ быстро отправленія правосудія, подчинить мировымъ судьямъ. Сюда мы относимъ дѣла: объ обидахъ, самовольномъ завладѣніи и др. Такимъ образомъ, преобладающею мыслию законодательнаго сословія было—подчинить мировому суду не только дѣла маловажныя, но вообще всѣ тѣ дѣла, которыя, по мѣстнымъ условіямъ, требуютъ мѣстнаго разбора и скорого отправленія правосудія. Стало бытъ ясно становится, что развитіе идеи о мировыхъ судьяхъ, и ихъ положеніе въ системѣ судебныхъ учреждений, вызвало законодательное сословіе, въ самыхъ основныхъ началахъ этого учрежденія, сдѣлать отступленіе отъ первоначальной коренной своей идеи. Поэтому и я скажу: что, придавая большое участіе мировымъ судьямъ въ дѣлахъ наслѣдственныхъ, о несостоятельности и т. д., я этимъ нисколько не противорѣчу государственному совѣту; а только на основаніи сзмаго положенія даю преимущество первымъ предъ вторыми. Что же касается до предположенія, что мировые судьи будутъ обременены множествомъ предметовъ, то можно утвердительно сказать, что этого неудобства можно избѣгнуть при назначеніи мировыхъ судей, въ половину болѣе противу теперешняго количества мировыхъ посредниковъ. И здѣсь я снова повторю: лучше дорогой и хорошій, нежели дешевый и неправый судъ...

IV. Дѣлопроизводство мирового судьи и мирового съезда.

Дѣлопроизводство мирового судьи раздѣляется на двѣ категоріи: 1) по преступленіямъ и проступкамъ *); 2) по гражданскимъ искамъ **).

Но кромѣ этого различія, должно еще разграничить дѣлопроизводство судей по отношенію къ данному дѣлу и по степени власти судей въ данномъ дѣлѣ: такъ дѣла, подлежащія окончательному приговору судей, должны имѣть болѣе краткое дѣлопроизводство, чѣмъ тѣ, которыя подлежатъ переносу въ мировой съездъ. Это различіе должно быть основано на самомъ свойствѣ и значеніи судей въ дѣлѣ. Само собою разумѣется, что сущность въ тяжбѣ, подлежащей окончательному приговору судьи, заключается только въ исполненіи резолюціи судьи, потому что никакая власть не можетъ контролировать сущность этой резолюціи по отношенію ея къ обстоятельствамъ даннаго дѣла. Вотъ почему подобнаго рода тяжбы должны быть предоставлены совершенно совѣсти судьи, и его усмотрѣнію должно довѣрить избраніе тѣхъ или другихъ судебныхъ доказательствъ; приведеніе свидѣтелей къ присягѣ или нѣтъ; осмотръ; присяга тяжущагося или выборъ другихъ доказательствъ; сопоставленіе однихъ доказательствъ другимъ. Самая резолюція судьи можетъ состоять въ изложеніи только суммы иска, жалобы, претензіи, или самой сущности нарушеннаго права, съ заключеніемъ что, по словесному дѣлопроизводству судьи, оказался такой-то правъ, а потому или истцу въ претензіи его отказать или съ отвѣтника столько-то взыскать.

Совершенно другой видъ представляютъ намъ дѣла, подлежащія переносу въ мировой съездъ. Если предоставить мировымъ судьямъ и по этимъ дѣламъ, какъ и по первымъ, имѣть краткое дѣлопроизводство, то мировой съездъ встрѣтитъ большія затрудненія въ своихъ засѣданіяхъ.

*) Пунктъ 24—32 ч. II уголов. судопроиз. общихъ началъ Высочайше утв. 29 сент.

***) Пунктъ 1—6 ч. III гражд. судопр. въ тѣхъ же общ. нач.

Затрудненія эти немедленно возникнутъ изъ естественнаго отношенія мирового създа къ рѣшеніямъ судей. Долженъ ли онъ: 1) или ограничиться однимъ разсмотрѣніемъ ихъ сущности; 2) или онъ долженъ вновь произвести дѣло, какъ бы оно у мирового судьи вовсе не было?

Мы находимъ, что на практикѣ удобна только первая форма: если придать мировому създу характеръ не ревизіоннаго суда, а новаго производителя дѣла, то въ этомъ случаѣ практика сдѣлаетъ мировыхъ судей небрежными въ отношеніи дѣлопроизводства, подлежащихъ апелляции въ мировой създъ. Каждый судья будетъ себя считать лишь переходною инстанціею. Поэтому въ мировые създы будетъ поступать большая часть дѣлъ въ такомъ видѣ, что създу придется производить осмотры, вызывать свидѣтелей и т. д. Въ силу этого съ, одной стороны по дѣламъ създа мировые судьи сдѣлаются только лишними инстанціями; съ другой—мировые създы, какъ суды непостоянные, не могутъ быть обременены дѣлопроизводствами, требующими постоянныхъ засѣданій, какъ напр. выслушивание свидѣтелей, оцѣнка убытковъ, осмотръ на мѣстѣ и т. п. Поэтому у мирового създа должна быть отнята власть дѣлопроизводства; онъ долженъ только выслушать всѣ обстоятельства дѣла, обвѣздовавшаго сторонами у мирового судьи; вслѣдствіе чего власть създа должна заключаться только въ ревизіи резолюціи судьи, согласно приведеннымъ обстоятельствамъ и въ правѣ: постановить по этимъ предметамъ свое рѣшеніе. Если же мировой судья такъ неправильно произведетъ дѣло, что създъ не въ состояніи будетъ прийти къ какому нибудь положительному заключенію, то ему должно быть предоставлено право: передать одному изъ почетныхъ судей дополненіе дѣла, по вновь встрѣтившимся вопросамъ. Поэтому - то характеру дѣятельности мирового судьи въ дѣлахъ, неподлежащихъ окончательному рѣшенію тяжбы у мирового судьи, и должно опредѣлить его дѣлопроизводство т. е. дать ему такой характеръ, чтобы оно: 1) не отступило отъ общей идеи закона о возможной его краткости; и 2) чтобы рѣшеніе судьи имѣло такую полноту, чтобы дѣло могло быть заслушано въ мировомъ създѣ безъ новаго дѣлопроизводства.

На вышесказанныхъ началахъ и приступимъ къ изложенію всего хода дѣлопроизводства мирового създа, вслѣдствіе чего разсмотримъ систематически: А) Вызовъ мировымъ судьей отвѣтчика къ суду и отзывъ отвѣтчика; Б) Отказъ въ правосудіи или въ принятіи неподлежащаго дѣла мировымъ судьей; В) Дѣлопроизводство мирового судьи:

показаніе свидѣтелей, свѣдущихъ людей, осмотръ, присяга и другія юридическія доказательства, обезпеченіе иска, назначеніе засѣданія суда, резолюція судьи, переводъ дѣла, его исполненіе; Г) Дѣлопроизводство мирового съѣзда, резолюція и исполненіе рѣшенія; Е) Жалобы въ кассационный судъ; Ж) Дисциплинарныя приговоры мировыхъ судей и съѣздовъ; З) Довѣренности по дѣламъ мирового суда.

А) Начало дѣла. Вызовъ мировымъ судьей отвѣтчика къ суду; порядокъ вызова, послѣдствія неявки, и отзывъ отвѣтчика.

а) *Начало дѣла.* Дѣло иначе не можетъ возникнуть у мирового судьи, какъ по жалобѣ сторонъ или по требованію полицейскихъ и другихъ властей. Жалоба мировому судѣ можетъ быть занесена письменно или словесно. Въ первомъ случаѣ она не имѣетъ никакихъ формъ и должна только обозначать сущность иска, его цѣну и въ точности обозначить: кто отвѣтчикъ и гдѣ его мѣстопребываніе. Во второмъ случаѣ, судья записываетъ жалобу въ книгу и подпись истца въ ней не требуется: во вниманіе къ тому, что мировой судья, какъ лицо, облеченное такимъ довѣріемъ закона, выдумать жалобы не можетъ. Въ обоихъ этихъ случаяхъ судья принимаетъ тяжбу, въ 3-хъ дневный срокъ дѣлаетъ распоряженіе о вызовѣ отвѣтчика къ суду; находя, что дѣло не подлежитъ его вѣдомству, онъ въ первомъ случаѣ отсылаетъ чрезъ мѣстную полицію истцу прошеніе съ своею резолюціею; а во второмъ пишетъ резолюцію въ жалобной книгѣ и по требованію истца выдаетъ ему оттуда выпись.

б) *Сроки для явки отвѣтчика къ суду.* Вызовъ къ суду есть одинъ изъ важнѣйшихъ актовъ въ каждомъ процессѣ: отъ болѣе или менѣе совершеннаго опредѣленія сроковъ на явку отвѣтчика въ судъ и дачи имъ отвѣта зависитъ и весь ходъ процесса и участь истца и отвѣтчика. Вотъ почему каждое законодательство съ большимъ точностью должно заняться разысканіемъ такихъ формъ этого юридическаго акта, чтобы ни истецъ, ни отвѣтчикъ не были обижены и чтобы законъ не обратился для нихъ въ безусловное зло. Во вниманіе къ этому я полагаю, что относительно тѣхъ дѣлъ, которыя подлежатъ переводу въ мировой съѣздъ, должны существовать всѣ сроки, назна-

ченные для общих судовъ; а для дѣлъ, подлежащихъ окончательному рѣшенію мировыхъ судей, должно установить болѣе краткіе термины. Первое мы предлагаемъ потому, что мировые судьи и мировые сѣзды, обнимая всѣ дѣла до 500 руб. серебромъ, подчиняютъ своему вѣдомству всѣ матеріальные интересы всего народа, въ собственномъ смыслѣ этого слова... Вслѣдствіе этого должно принять во вниманіе то обстоятельство, что богатый человѣкъ въ рѣдкихъ случаяхъ допустить, чтобы его тагала по судамъ въ дѣлѣ такомъ незначительномъ, и по большей части тѣ только лица будутъ являться отвѣтчиками въ судѣ, которыя—или безусловно правы, или тѣ, для которыхъ сумма выше 500 руб. сер. есть цѣлое состояніе, обеспечивающее быть всего ихъ семейства. Такимъ образомъ, законодательство не можетъ и не должно по этимъ началамъ ставить подобныхъ лицъ въ такое положеніе, чтобы они могли, чрезъ неспѣшность судопроизводства мирового судьи, пострадать въ тѣхъ интересахъ, съ которыми сопряжено все ихъ благосостояніе. Но этого нельзя сказать о дѣлахъ, подлежащихъ окончательному рѣшенію мировыхъ судей: здѣсь, по большей части, по малозначительности дѣла, вся его сущность,—въ быстромъ оказаніи правосудія тяжущимся, въ особенности истцу.

Потому, въ дѣлахъ этаго рода, смотря по свойству ихъ, усмотрѣнію мирового судьи должно быть предоставлено право: требовать отвѣтника въ судѣ и назначать сроки этой явки отъ 1 дня до 2 недѣль. Но и этотъ срокъ не долженъ быть безусловенъ: болѣзнь и другія причины могутъ быть приняты судьей основаніемъ новаго срока, смотря по обстоятельствамъ; но онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ превышать одного мѣсяца, во вниманіе къ тому, что отвѣтчикъ можетъ прислать повѣреннаго.

в) *Порядокъ вызова отвѣтника къ суду.* Вызовъ отвѣтника къ мировому судѣ долженъ быть чрезъ мѣстныя городскія и сельскія полиціи, по порядку, установленному для вызова къ суду, по общимъ тяжбымъ дѣламъ. Въ чрезвычайныхъ случаяхъ, гдѣ есть опасеніе что отвѣтчикъ скрется или растратитъ спорное имущество, должно быть разрѣшено мировымъ судьямъ—требовать со стороны полиціи доставленія отвѣтника въ судѣ. Мировымъ судьямъ должна быть также предоставлена посылка повѣстки отвѣтчику чрезъ присяжныхъ служителей. Въ повѣсткѣ судья долженъ обозначить сумму иска, званіе истца и по какому поводу искъ начать.

г) *Послѣдствія неявки отвѣтника въ судѣ.* При безвѣстномъ

отсутствіи отвѣтчика должно различать два случая: 1) когда дѣло подлежитъ окончательному приговору мирового судьи: то, получивъ отзывъ полиціи о безвѣстномъ отсутствіи лица, мировой судья рѣшаетъ дѣло окончательно, по даннымъ, представленнымъ истцомъ; 2) когда же дѣло подлежитъ переносу въ мировой сѣздъ, то мировой судья предлагаетъ истцу: розыскать мѣстопребываніе отвѣтчика, при чемъ онъ можетъ ему выдать даже открытый листъ о томъ, что онъ можетъ повѣстку вручить непосредственно, установленнымъ порядкомъ, отвѣтчику, гдѣ бы онъ его ни нашелъ. Если же истецъ не пожелаетъ этого принять на себя, то ему разрѣшается: представить мировому судѣ деньги для вызова по вѣдомостямъ отвѣтчика. При неявкѣ же послѣдняго въ узаконенный срокъ къ суду, судья рѣшаетъ дѣло по имѣющимся со стороны истца доказательствамъ.

Когда въ дѣлѣ безвѣстнаго отсутствія нѣтъ, то при неявкѣ отвѣтчика въ судъ, безъ законныхъ причинъ, онъ лишается права доказывать неполноту дѣлопроизводства мирового судьи; и въ мировомъ сѣздѣ онъ можетъ только доказывать, что по имѣющимся даннымъ въ дѣлѣ — онъ осужденъ быть не можетъ.

д) *Отзывъ отвѣтчика.* Если вмѣстѣ съ посылкою повѣстки, судья не требуетъ доставки отвѣтчика въ судъ, то здѣсь должно различать два случая: 1) по дѣламъ, подлежащимъ окончательному рѣшенію судьи, отвѣтчикъ и истецъ должны явиться къ судѣ непосредственно или прислать повѣренныхъ со всеми доказательствами — *за и противъ*, и если отвѣтчикъ или истецъ желаютъ получить отсрочку въ представленіи послѣднихъ, то они до 12 часовъ срочнаго дня должны о томъ заявить судѣ: тогда, смотря по обстоятельствамъ, судья назначаетъ другой краткій срокъ ихъ явки; 2) По дѣламъ, подлежащимъ переносу въ мировой сѣздъ, отвѣтчикъ долженъ: или явиться въ судъ, или прислать туда повѣреннаго, или же прислать судѣ письменный отзывъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ отвѣтчикъ долженъ указать тѣ доказательства, на которыхъ его опроверженіе основано, дабы судья могъ въ свое время произвести осмотры, пригласить въ судъ свидѣтелей и т. д. Срокъ своего засѣданія, въ подобномъ случаѣ, судья назначаетъ, соображаясь съ законами общаго судопроизводства по этому же предмету.

Б. Отказъ въ правосудіи или принятіи мировымъ судьей не подлежащаго его вѣдѣнію дѣла. Отводъ мирового судьи.

Мировой судья можетъ не принять иска только въ томъ случаѣ, когда онъ, по свойству своему, не подлежитъ его вѣдѣнію. По такимъ отказамъ — истецъ имѣетъ право, взявши выписъ изъ приговорной книги судьи, обжаловать его резолюцію въ 7-ми дневный срокъ мировому съезду. Если же жалоба была письменная и на ней находилась резолюція судьи, то истецъ можетъ представить съезду подлинное прошеніе. Въ обоихъ этихъ случаяхъ съездъ не долженъ требовать объясненія отъ судьи: такъ какъ ему извѣстно будетъ его рѣшеніе.

При принятіи судьей вѣдѣнію его не подлежащаго дѣла, отвѣтчикъ въ 7-ми дневный срокъ, по полученіи имъ повѣстки, обязанъ обжаловать его дѣйствія мировому съезду.

Было бы также полезно допустить въ этомъ случаѣ законъ коммерческихъ судовъ: что отвѣтчикъ, получившій повѣстку и давшій судѣ отзывъ, теряетъ право жаловаться на судью по предмету неподсудности; равно теряетъ право отвода судьи, пославшаго ему повѣстку.

Тяжущіеся могутъ отводить мирового судью на общемъ основаніи. Порядокъ по этому предмету долженъ быть слѣдующій: отвѣтчикъ, получившій повѣстку, можетъ объявить словесно или письменно мировому судѣ, что онъ его отводитъ по такимъ-то и такимъ даннымъ. Судья въ этомъ случаѣ объявляетъ ему, что онъ передаетъ дѣло одному или другому изъ почетныхъ судей; если и противъ этихъ двухъ отвѣтчикъ предъявляетъ отводъ, то мировой судья передаетъ дѣло одному изъ другихъ участковыхъ судей, по избранію отвѣтчика. Вмѣстѣ съ этимъ судья доноситъ о своихъ дѣйствіяхъ мировому съезду; въ первомъ за симъ засѣданіи съездъ рассматриваетъ вопросъ объ отводѣ и постановляетъ по этому предмету свою резолюцію.

В. Дѣлопроизводство мирового судьи.

а) *Показаніе свидетелей.* Свидѣтели или представляются непосредственно судѣ тяжущимися, или по требованію сторонъ, вызываются судьей чрезъ повѣстку. Никто не можетъ отказаться отъ явки къ суду въ качествѣ свидѣтеля. За нарушение этого постановленія виновные подвергаются штрафамъ, по усмотрѣнію судьи: въ первый разъ отъ 1-го — 10 руб.; во 2-й отъ 1-го — 30; въ 3-й, по усмотрѣнію мирового съезда, отъ 1-го — 500 руб., при чемъ виновный предается суду. Если свидѣтель по требованію судьи не явится къ сроку и не представитъ законныхъ причинъ своей неявки, то судья сносится съ мѣстной полиціею: о доставленіи свидѣтеля въ судъ.

Допросъ свидѣтелей производится судьей публично — Свидѣтели допрашиваются или безъ присяги, или подъ присягою: 1) первое допускается въ томъ лишь случаѣ, когда дѣло подлежить окончательному рѣшенію судьи; 2) когда дѣло подлежить переносу въ мировой съездъ, тогда свидѣтели допрашиваются подъ присягою; но тяжущіеся могутъ освободить ихъ отъ этого обряда. Показанія свидѣтелей записываются судьей въ протоколъ въ томъ лишь случаѣ, когда дѣло подлежить переносу въ мировой съездъ.

Отводъ свидѣтелей допускается на общемъ основаніи.

б) *Осмотръ и показаніе свѣдущихъ людей.* По ст. 26, ч. II, уголов. судопроизводства мировой судья осмотръ или иное мѣстное доказаніе можетъ производить или непосредственно, или чрезъ мѣстныхъ полиціи.

Въ гражданскомъ же судопроизводствѣ объ этомъ предметѣ ничего не сказано; поэтому, по смыслу ст. 5, ч. III, гражд. судопроиз. должно бы полагать, что по гражданскимъ дѣламъ не должно быть у мирового судьи ни осмотра, ни требованія показаній свѣдущихъ людей. Но мы полагаемъ, что слѣдовало бы присовокупить: 1) что подобно тому, какъ по дѣламъ о проступкахъ, мировой судья обязанъ и по гражданскимъ искамъ, по требованію сторонъ, вызывать свѣдущихъ людей, для оцѣнки убытковъ и опредѣленія другихъ предметовъ; 2) что судья обязанъ дѣлать осмотры, когда того потребуютъ стороны. Но эти два

дѣйствіа судья долженъ производить различно, смотря по тому, по какимъ предметамъ онъ ихъ производитъ: 1) по дѣламъ, подлежащимъ окончательному его рѣшенію, судья можетъ словесно снять показаніе свѣдущихъ людей и безъ привода ихъ къ присягѣ; и осмотры могутъ быть дѣлаемы имъ непосредственно безъ бытности понятыхъ. 2) по дѣламъ же, подлежащимъ переносу въ мировой сѣздъ, судья обязанъ: а) свѣдущихъ людей запрашивать подъ присягою и показанія ихъ заносить въ протоколъ; б) осмотры долженъ производить въ присутствіи понятыхъ и тяжущихся сторонъ, развѣ бы какая нибудь изъ нихъ къ часу осмотра не явилась; послѣдствія осмотра должны быть записаны въ протоколъ. Подпись присутствовавшихъ необходима, но если бы кто нибудь отказался отъ подписи, то судья обязанъ это оговорить въ протоколъ. Свѣдущіе люди могутъ быть допрошены безъ присяги и осмотры могутъ производиться безъ бытности понятыхъ и тяжущихся, единственно по согласію послѣднихъ.

в) *Присяга и другія юридическія доказательства.* Общее правило должно быть то: что мировой судья пріемлетъ къ разсмотрѣнію тѣ только доказательства, которыя представляются ему тяжущимися.

Поводомъ къ началію процесса могутъ быть какъ словесныя, такъ и письменные договоры и обязательства; поэтому судья не имѣетъ права безусловно отказать данной сторонѣ въ ея правѣ, по неформальности того документа, на которомъ оно основано. Судья не имѣетъ права признавать данный документъ или другой приводимый тяжущимся аргументъ недействительнымъ или неимѣющимъ юридической силы, безъ указанія на то противной стороны. При ссылкѣ какой либо стороны на формальность приводимаго противной стороны аргумента, она должна представить еще и другія юридическія и нравственныя основанія, подкрѣпляющія ея права; какъ то: сослаться на письма или свидѣтелей, или присягу противной стороны. При отказѣ же противной стороны отъ присяги, судья разсматриваетъ доказательства истца или отвѣтника, какъ несомнѣнныя.

Предъ присягою судья убѣждаетъ обѣ стороны примириться и даетъ присягу тяжущимся лишь какъ крайность, если по его усмотрѣнію иначе нельзя рѣшить дѣла.

Присяга дается тяжущимся публично въ присутствіи противной стороны, и дѣло рѣшается въ пользу того, кто присягнулъ. Дѣло, рѣшенное присягою, можетъ быть противной стороной начато вновь, въ теченіи общей земской давности, по вновь открывшимся обстоятельствамъ,

и по окончаніи гражданскаго процесса сторона, уличенная въ ложной присягѣ, передается уголовному суду.

Относительно привода тяжущихся къ присягѣ должно быть постановлено: а) что въ дѣлахъ, подлежащихъ окончательному рѣшенію мирового судьи, онъ приводитъ тяжущихся къ присягѣ въ томъ засѣданіи, въ которомъ постановляетъ приговоръ свой; б) по дѣламъ же подлежащимъ переносу въ мировой сѣздъ, онъ приводитъ въ исполненіе свое рѣшеніе въ томъ лишь случаѣ, когда оно вступаетъ въ законную силу, по необжалованію его въ срокъ сторонами. Это постановленіе необходимо потому, что при переносѣ дѣла въ мировой сѣздъ послѣдній можетъ найти въ дѣлѣ достаточно юридическихъ основаній для рѣшенія тяжбы безъ присяги.

г) *Обезпеченіе иска.* Общее правило по этому предмету должно быть таково: что обезпеченіе иска не требуется судьей, потому что до окончанія процесса, по неизвѣстности, какая сторона будетъ оправдана, отвѣтчикъ не долженъ быть стѣсненъ обезпеченіемъ тяжбы. Но могутъ быть случаи, что истецъ чрезъ необезпеченіе иска можетъ потерпѣть не только убытки, но и самую возможность вознагражденія; такъ напримѣръ, отвѣтчикъ можетъ скрыться, или растратить, или перевести свое имущество или то имущество, которое оспаривается. Поэтому необходимо предоставить усмотрѣнію судьи, по требованію истца, смотря по роду дѣла, или брать спорное имущество подъ сеquestръ, или же требовать отъ отвѣтчика взноса взыскиваемой съ него суммы или представленія имъ благонадежнаго поручительства въ неотлугѣ. Опредѣленіе благонадежности поручительства предоставляется судѣ, подъ личною его отвѣтственностью. Поручительство должно быть письменное, безъ формальностей, установленныхъ прежнимъ закономъ; въ этомъ случаѣ долженъ быть достаточенъ письменный отзывъ поручителя; только подпись его должна быть явлена въ сельской или городской полиціи.

д) *Назначеніе засѣданія суда.* Выше говорено уже мною, что судья обязанъ въ 3-хъ-дневный срокъ, со дня поступленія къ нему жалобы, послать отвѣтчику повѣству; и что окончательный срокъ заслушанія дѣлъ, которыя подлежатъ окончательному рѣшенію судьи, долженъ быть никакъ не позже 1 мѣсяца со дня поступленія къ судѣ жалобы. Относительно же дѣлъ, подлежащихъ переносу въ мировой сѣздъ, долженъ существовать общій порядокъ назначенія засѣданія — для слушанья дѣла, какой будетъ существовать въ общихъ судахъ.

е) *Резолюція судьи, переносъ дѣла, исполненіе приговора.* Въ назначенный мировымъ судьей день, по собраніи тяжущимися всѣхъ ихъ доказательствъ, мировой судья выслушиваетъ публично обѣ стороны или ихъ повѣренныхъ; выслушиваетъ или снимаетъ на письмѣ показанія свидѣтельскія, свѣдущихъ людей; приводитъ, въ случаѣ надобности, тѣхъ и другихъ и тяжущихся къ присягѣ и, послѣднее слово давши сказать отвѣтчику или его повѣренному, объявляетъ публично свое рѣшеніе. Если же судья встрѣчаетъ необходимость на этомъ послѣднемъ засѣданіи, по обстоятельствамъ дѣла и по сложности его, вникнуть основательно въ сущность тяжбы, то ему разрѣшается назначить новый срокъ, но не свыше 3-хъ дней и по прошествіи этого термина онъ, за исключеніемъ воскресныхъ и праздничныхъ дней, въ 12 часовъ дня, обязанъ публично объявить свое рѣшеніе, хотя бы тяжущихся на лицо и не было. Рѣшеніе мирового судьи, подлежитъ ли оно исполненію или переносу, можетъ быть отпечатано тяжущимися и подлежитъ печатно обсужденію юристовъ.

По постановленіи своего рѣшенія, судья записываетъ его въ книгу приговоровъ и, по ходатайству сторонъ, выдаетъ имъ выписъ изъ этой книги, съ обозначеніемъ: должно ли рѣшеніе быть приведено въ исполненіе или подлежитъ переносу.

По дѣламъ подлежащимъ переносу, сроки для апелляціи должны быть общіе тяжбыше. По прошествіи этихъ сроковъ, если отвѣтчикъ не представитъ судѣ свидѣтельства мирового съѣзда о томъ, что имъ подана туда апелляція, по ходатайству истца, судья выдаетъ послѣднему листъ, въ которомъ прописываетъ сущность иска и цѣну его для приведенія его въ исполненіе мѣстами и лицами исполнительными.

Для исполненія приговора судьи, тяжущіеся могутъ представить исполнительный листъ или подлежащимъ полицейскимъ и городскимъ мѣстамъ или приставамъ окружныхъ судовъ, если отвѣтчикъ живетъ въ томъ городѣ или уѣздѣ, гдѣ находится судъ. Полицейскія мѣста и приставы получаютъ съ взысканной суммѣ такой же процнтъ, какъ по общимъ судебнымъ дѣламъ.

При неясности исполнительнаго листа исполнительныя мѣста или лица требуютъ объясненія отъ того же судьи, который постановилъ опредѣленіе; къ тому же судѣ обращаются недовольные дѣйствіями или медленностью исполнительнаго лица. Опредѣленія мирового судьи, когда отъ тяжущихся не поступаетъ просьбы объ его исполненіи въ теченіи двухъ лѣтъ, теряютъ свою силу. Исполнительный листъ,

неприведенный въ дѣйствіе въ теченіе двухъ лѣтъ, со дня его выдачи, также теряетъ свою силу.

Исполнительное лицо или мѣсто никого не подвергаетъ аресту по приговору судьи или при несостоятельности лица, безъ особеннаго письменнаго о томъ ходатайства противной стороны; при чемъ истецъ долженъ представить кормовыя деньги въ $\frac{1}{2}$ -мѣсячной пропорціи. По истеченіи этого термина, если къ 15 дню содержанія отвѣтчика подъ стражею, къ 12 часамъ полудня, истецъ кормовыхъ денегъ не внесетъ въ попечительный комитетъ о тюрьмахъ, то отвѣтчикъ освобождается. Отвѣтчикъ, единожды освобожденный изъ подъ ареста, по тому же дѣлу вновь не можетъ быть арестованъ и истецъ теряетъ безвозвратно право на вознагражденіе. При недостаточности же отвѣтчика во время взысканія, если истецъ не пожелаетъ подвергнуть его аресту, то онъ въ теченіе земской давности, со дня выдачи ему исполнительнаго листа, сохраняетъ право быть вознагражденнымъ изъ имущества отвѣтчика.

Г. Дѣлопроизводство почетныхъ мировыхъ судей.

Почетные мировые судьи подчиняются относительно дѣлопроизводства всѣмъ правиламъ, существующимъ для участковыхъ судей; и по сему у нихъ должны быть книги для записки жалобъ и приговоровъ.

Д. Торжественность засѣданій мирового сѣзда; дѣлопроизводство; резолюція.

Мировой сѣздъ открываетъ свои засѣданія въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца и закрываетъ свои засѣданія не иначе какъ по разсмотрѣніи и рѣшеніи: 1) всѣхъ дѣлъ поступившихъ, въ сѣздъ до открытія засѣданій; 2) всѣхъ дѣлъ, поступающихъ къ нему во время его засѣданій.

Если бы въ мировомъ сѣздѣ накопилось столько дѣлъ, что въ теченіе недѣли окончить ихъ было-бы не возможно, то, по прошествіи

этого термина остальные дѣла поступаютъ въ очередь на слѣдующія засѣданія. Мировой сѣздъ долженъ открываться торжественно. Предсѣдатель сѣзда долженъ открыть засѣданіе публично и въ краткой рѣчи долженъ напомнить публикѣ значеніе мирового суда; а судьямъ—святыя ихъ обязанности: рѣшать дѣла безъ лицепріятія, по чистой совѣсти и закону. За день же до засѣданія, къ дверямъ присутствія прибывается списокъ тѣхъ дѣлъ, которыя слушаться будутъ въ сессіи сѣзда. Для этой цѣли предоставляется секретарю сѣзда всѣ—пакеты на имя сѣзда распечатывать, приводить дѣла въ порядокъ и изготовлять ихъ къ докладу.

Дѣла слушаются сѣздомъ по старшинству вступленія.

Сѣзду разрѣшается назначать засѣданія не только дневныя, но и вечернія.

Сѣздъ разсматриваетъ только дѣла по отзывамъ тяжущихся, а самъ собою не входитъ въ ревизію дѣйствій мирового судьи. Непосредственною властью начинаетъ онъ только дѣла дисциплинарныя.

Жалобы словесныя и письменныя въ сѣздъ могутъ быть приносимы 1) на медленность и на самыя дѣйствія мировыхъ судей, 2) на дѣлопроизводство и рѣшеніе судей. *Къ первымъ предметамъ* должны относиться жалобы: а) по засвидѣтельствованію ими обязательствъ и документовъ, явкѣ домашнихъ звѣщаній; по дѣламъ, относящимся до храненія наслѣдствъ и по дѣйствіямъ судей относительно выдачи оцѣночныхъ свидѣтельствъ; по дѣламъ—объ учрежденіи конкурсовъ, администраціи и посредническихъ комиссій. *Ко вторымъ предметамъ* должно отнести отдѣльныя дѣйствія мировыхъ судей по данному иску—во время его теченія, и самое рѣшеніе судьи; и потомъ всѣ жалобы, возникающія при неправильномъ исполненіи рѣшенія; равно дѣла выкупныя, дѣла объ утвержденіи наслѣдственныхъ правъ и раздѣлѣ наслѣдствъ; дѣла по опредѣленію свойства несостоятельности и всѣ дѣла спорныя, возникшія въ конкурсахъ.

По первымъ предметамъ всѣ жалобы въ сѣздѣ могутъ поступить чрезъ мирового судью, который съ объясненіемъ своимъ обязанъ представить жалобу въ сѣздъ въ 7 дневный срокъ со дня ея подачи. Но если судья усматриваетъ, что жалующійся имѣетъ въ своихъ рукахъ выписъ изъ того опредѣленія судьи, которымъ онъ недоволенъ, то онъ по почтѣ возвращаетъ ему въ 3-хъ дневный срокъ обратно жалобу и представляетъ ему право: непосредственно послать ее отъ себя въ сѣздъ. Последнее можетъ сдѣлать и жалующійся, и непосредственно по своему личному усмотрѣнію.

По вторымъ предметамъ недовольный дѣйствиємъ или рѣшеніемъ судьи обязанъ представить при жалобѣ копію съ того опредѣленія, которымъ онъ недоволенъ.

Сроки на подачу жалобъ по этимъ предметамъ должны быть различныя: по первымъ предметамъ, кромѣ явки завѣщаній, срокъ на подачу жалобы долженъ быть мѣсячный, со дня объявленія судьей данному лицу своего опредѣленія или въ тотъ же срокъ со дня послѣдняго припечатанья въ вѣдомостяхъ—о дѣствіи судьи. Относительно же явки завѣщаній, двухъ-лѣтній со дня послѣдняго припечатанья въ вѣдомостяхъ—объ утверженіи завѣщанія. На отказъ въ правосудіи или на неправильное принятіе судьей дѣла, подлежащаго его вѣдѣнью, жалоба должна быть принесена въ 7-дневный срокъ. На рѣшенія мирового судьи, подлежащія переносу въ мировой сѣздъ, жалоба должна быть принесена въ общій срокъ—поставленный для окружныхъ судовъ.

По дѣламъ выкупнымъ, утвержденію наслѣдственныхъ правъ, раздѣлу наслѣдства, по дѣламъ, несостоятельныхъ и по искамъ возникшимъ въ конкурсахъ, если они, по суммѣ своей, подлежатъ переносу въ мировые сѣзды, сроки должны быть точно такіе, какъ и по общимъ тяжбымъ дѣламъ.

По дѣламъ объ утвержденіи правъ наслѣдственныхъ, хотя бы первоначальные наслѣдники, спорившіе между собою и окончили дѣло вступившимъ въ законную силу рѣшеніемъ мирового судьи или сѣзда, во въ общей земской давности вновь явившіеся наслѣдники не теряютъ чрезъ это права предъявить мировому судѣ свои права на оставшееся наслѣдство.

Жалобы по дѣламъ, подлежащимъ окончательному рѣшенію мировыхъ судей, возвращаются тяжущимся по надписи предсѣдателя сѣзда. Вторичныя и т. д. жалобы оставляются безъ движенія по резолюціи предсѣдателя сѣзда.

Мировой судья, на котораго принесена жалоба, не можетъ участвовать при рѣшенія того же дѣла сѣздомъ; но во время его доклада онъ остается въ присутствіи.

Дѣла слушаются сѣздомъ по старшинству ихъ вступленія.

Слушаніе начинается чтеніемъ однимъ изъ членовъ сѣзда по очереди всего дѣла и жалобъ сторонъ; за тѣмъ выслушиваются адвокаты или сами тяжущіеся; послѣднее слово принадлежитъ отвѣтчику. По выслушаніи дѣла, члены сѣзда удаляются въ особую совѣщательную комнату, гдѣ и рѣшаютъ тяжбу большинствомъ голосовъ. Когда въ

иѣннѣхъ членовъ является совершенное разногласіе, тогда предсѣдатель объявляетъ имъ, что онъ не имѣетъ права закрыть засѣданія до тѣхъ поръ, пока не состоится соглашенія и убѣжденіемъ старается согласить разнорѣчивыя мнѣнія судей.

По постановленіи рѣшенія, предсѣдатель сѣзда объявляетъ публично его содержаніе. Если же рѣшеніе въ тотъ день объявлено быть не можетъ, по несоображеніи судьями обстоятельствъ дѣла, то на составленіе рѣшенія судьямъ дается 3-хъ дневный срокъ, по истеченіи котораго судъ обязанъ въ первое же за тѣмъ засѣданіе объявить его публично.

Рѣшенія мирового сѣзда могутъ быть: частныя и рѣшительныя; какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ сѣздахъ долженъ объяснить: на какія данныя онъ основывался. Частное рѣшеніе постановляется на дѣйствія судей; а рѣшительныя—на самыя рѣшенія ихъ. Когда по частному опредѣленію дѣйствія судьи въ данномъ дѣлѣ признаются неправильными, то оно передается для дальнѣйшаго производства одному изъ почетныхъ судей. Когда мировой сѣздъ рѣшаетъ: окончить дѣлопроизводство присягою одной изъ сторонъ, и если эта сторона находится на лицѣ, то она приводится тутъ же публично къ присягѣ. Если же ея въ судѣ нѣтъ, то она должна явиться въ слѣдующую сессію; если же за тѣмъ она не явится въ первое засѣданіе слѣдующаго мѣсяца и не представить законныхъ причинъ своей неявкѣ, то она обвиняется, т. е. истцу отказывается въ искѣ или отвѣтчикъ обвиняется въ немъ.

Какъ частныя, такъ и рѣшительныя опредѣленія записываются въ книгу приговоровъ. По просьбѣ сторонъ, по первымъ рѣшеніямъ выдаются изъ книгъ выписи; а по вторымъ—исполнительные листы. Мировые сѣзды рѣшаютъ окончательно вопросъ о фактѣ.

Относительно исполненія рѣшенія мировыхъ сѣздовъ дѣйствуютъ узаконенія по этому предмету окружныхъ палатъ.

V. Жалобы на мировой сѣздъ въ кассационный судъ.

Первый предметъ, представляющійся здѣсь нашему обсужденію, есть тотъ: совместно-ли съ идеею мирового суда то, что рѣшенія его могутъ подлежать обжалованью въ кассационный судъ?

Основная идея законодательнаго сословія, чтобы дѣла до 500 р. сер. получали окончательное рѣшеніе въ мировыхъ учрежденіяхъ; при чемъ принимались бы во вниманіе не только законныя основанія, но и нравственныя. Развѣ нравственныя основанія и судъ совѣсти могутъ подлежать контролю?..

Это такъ; но почему же добровольный третейскій судъ, который есть такъ же судъ совѣсти, новый законъ ограничилъ тѣмъ: что рѣшеніе его должно быть признано недействительнымъ, *когда существенныя формы этого судопроизводства нарушены?* *) Значить, законодательство признало, что *безусловности* не можетъ быть ни въ одномъ земскомъ учрежденіи, и мировой судъ поэтому не можетъ быть изъятъ отъ такого непреложнаго принципа. Развѣ не могутъ быть случаи, когда мировой судъ выйдетъ изъ предѣловъ своей власти, т. е. другими словами: самъ нарушитъ коренную свою идею?.. Развѣ не могутъ быть случаи отказа въ правосудіи истцу по дѣламъ о подсудности; или не можетъ ли мировой судъ присвоить себѣ права—рѣшать неподлежащее ему дѣло—ни по его свойству, ни по его цѣнѣ. Также развѣ мировой судъ не можетъ нарушить существенныя формы и принадлежности своего судопроизводства; не можетъ неправильно и должно толковать законы страны?.. Наконецъ судьи не могутъ ли иногда нарушать священныя свои обязанности: быть органами закона и совѣсти? И неужели во всѣхъ этихъ случаяхъ мировой судъ не можетъ имѣть ни контроля, ни карательной власти?.. Если допустить это, то мировой судъ сдѣлается не органомъ единой судебной власти и какинъ-то исключительнымъ вѣдомствомъ, не состоящимъ подъ отчетностью закона; онъ обратится не въ судъ, а въ какую-то произвольную власть... И неужли можно полагать, что въ подобномъ учрежденіи можетъ быть что-нибудь прочное; что подобная безусловность можетъ возвысить какое-нибудь общественное учрежденіе?.. Напротивъ того, народъ, увидя мировое учрежденіе внѣ всякихъ законовъ и ответственности, отвернется отъ него, какъ отъ враждебной ему силы: потому что всякая власть, стоящая внѣ закона, не можетъ не быть основана на слѣпомъ произволѣ. Въ древней Руси власть судей въ лицѣ *старостъ, цѣловальниковъ и прикащикковъ* простиралась чрезвычайно далеко: «и тѣмъ цѣловальникомъ въ своихъ монастырскихъ селахъ и

*) Журналь Госуд. Совѣта стр. 124.

въ деревняхъ—лихихъ людей, татей и разбойниковъ выскати и имати и истцы судити: да истцамъ въ ихъ искахъ управу, а татемъ и разбойникамъ и оговорнымъ людямъ указъ чинити по наказу: лихихъ людей казнити смертию». Но не смотря на такую власть судей или по старому выраженію *излюбленныхъ* судей, община была къ нимъ строга за злоупотребленіе ими власти. «А учнуть *излюбленные* судьи судити не прямо, но посуломъ и доведуть на нихъ, то и излюбленныхъ судей въ томъ казнити смертною казнію; а животы ихъ велѣти имати, да отдавати тѣмъ людямъ, кто на нихъ доведеть». Такъ судило древнее наше законодательство объ отвѣтственности судьи и оно имѣло логическое основаніе: если безсовѣстный судья является нарушителемъ права, то онъ уничтожаетъ коренную идею своей власти и подлежитъ отвѣтственности предъ закономъ. Вотъ почему, во имя самаго значенія мирового суда, рождается самая настоятельная необходимость подчинить его кассационному суду въ томъ же порядкѣ, какъ это будетъ для общихъ судебныхъ мѣстъ. Такое подчиненіе по нашему мнѣнію не только не унижить, но возвыситъ мировой судъ: народъ тогда увидитъ въ немъ не произволъ, а разумный органъ единой судебной власти и рѣшенія мирового съезда уже потому получатъ большой авторитетъ, что приговоры его будутъ разсматриваться какъ полнѣйшее выраженіе совѣсти и осуществленіе права... Въ общихъ же началахъ судопроизводства—о кассациіи рѣшеній мирового съезда ничего не сказано; въ пунктѣ 4, ч. III только выговорено, что въ тѣхъ случаяхъ, когда мировой судья рѣшитъ дѣло въ качествѣ первой инстанціи—второю *апелляціонною и окончательною инстанціею* признается съездъ мировыхъ судей. Но этотъ законъ можно повять въ такомъ смыслѣ, что вопросъ о фактѣ окончательно рѣшается мировымъ съездомъ, подобно окружнымъ палатамъ... Сенать въ сущности не есть инстанція, потому что его обязанность въ каждомъ дѣлѣ только наблюдать, чтобы законы, гарантирующіе правосудіе, не были нарушены, и лишь въ этомъ и заключается роль его во всѣхъ тяжбахъ. Поэтому то и окружныя палаты, по выраженію закона (ст. 68, ч. III), (*) суть *окончательныя инстанціи* по дѣламъ имъ подвѣдомственнымъ; а между тѣмъ сенать, по жалобамъ сторонъ, можетъ контролировать ихъ рѣшенія. Необходимость этого же самаго для мировыхъ учрежденій окажется еще ощути-

*) Тамъ сказано: судебная палата рѣшаетъ дѣло *окончательно*.

тельнѣе тогда, когда законодательство найдетъ нужнымъ: подчинить мировымъ учреждениямъ дѣла о несостоятельности, о наследствахъ и т. д. Какъ бы законъ ни упростилъ въ этомъ случаѣ дѣлопроизводство, но безъ извѣстныхъ формальностей онъ не обойдется; иначе общество останется безъ надлежащихъ гарантій. Тамъ же, гдѣ существуютъ формы и гдѣ права основаны на законѣ, тамъ не можетъ обойтись безъ нарушения ихъ сторонами или судьей: вотъ почему и рождается потребность подчинить тѣхъ и другихъ одному авторитету—правительствующаго сената. Но мы не считаемъ излишнимъ подробно прослѣдить основныя мысли по этому предмету законодательнаго сословія, чтобы убѣдиться: дѣйствительно-ли мировой судъ долженъ быть, по *основнымъ началамъ*, изъять изъ вѣдомства сената. Въ мнѣніи трехъ членовъ государственнаго совѣта, вошедшаго въ общія начала *), по вопросу о томъ: должны ли жалобы на мирового судью поступать въ окружной судъ или въ мировой съездъ,—дѣйствительно развивается та мысль, что мировой судъ, какъ судъ совѣсти, долженъ быть изъять отъ вѣдомства общихъ судовъ. Но потомъ государственный совѣтъ единогласно призналъ необходимымъ учрежденіе кассационнаго суда и на основаніи мнѣнія 8 членовъ **) постановили: что по жалобамъ на *мировыхъ судей* за ихъ неправильныя дѣйствія 1-ю инстанціею должна быть судебная палата, а послѣднею—кассационный судъ.

Затѣмъ въ текстѣ тяжбнаго судопроизводства въ ст. 79 вышеозначенное мнѣніе 8 членовъ государственнаго совѣта обозначено слѣдующими словами: «независимо отъ отзывовъ и прошеній — о кассационныхъ рѣшеній, допускаются также жалобы на неправильныя дѣйствія *судей* и прокуроровъ и другихъ членовъ судебного вѣдомства по производству дѣла или постановленію рѣшенія. Первою инстанціею въ дѣлахъ сего рода, по жалобамъ на *мировыхъ судей* или на членовъ *уезднаго или окружнаго суда*, должна быть судебная палата, второю и окончательною — кассационный судъ и т. д.»

Это же самое повторяется въ основныхъ положеніяхъ преобразованія судебной части Россіи, изд. госуд. совѣта, стр. 55. Въ петербургскихъ же сенатскихъ вѣдомостяхъ, въ дополненіе къ N 78, отъ 30

*) Принца Ольденбургскаго, князя Гагарина, и графа Панина. См. журналъ Госуд. Совѣта, стр. 37.

**) Князь Гагаринъ, князь Ольденбургскій, Кочубей, Корфъ, Литке, Норовъ, Толстой, Мухановъ, см. журналъ Гос. Сов. стр. 100.

сент. 1862 г., въ ст. 79, ч. III, слова: «на мировыхъ судей или на чиновъ уезднаго» выброшены; а между тѣмъ въ Высочайшемъ указѣ сказано: что Его Императорское Величество утвердить соизволилъ *просмотровое* имъ мѣние государственнаго совѣта. Слѣдовательно должно полагать одно изъ двухъ: или что означенныя слова были выброшены; или что они не вошли въ сенатскія вѣдомости, какъ печатка. Если это печатка, то въ такомъ случаѣ ее необходимо исправить. Если же въ этомъ выразилось особое мѣние, то мы находимъ его во многихъ отношеніяхъ логичнымъ. Государственный совѣтъ въ началѣ своего журнала доказываетъ необходимость сдѣлать мировой судъ независимымъ и послѣ того подчиняетъ его окружнымъ палатамъ по предмету неправильныхъ его дѣйствій. Мы находимъ уже правильнѣе по общему духу ст. 79, ч. III гражд. судопр. подчинить, въ подобномъ случаѣ, мировыхъ судей мировому съѣзду, какъ первой инстанціи, а послѣднею инстанціею сдѣлать правительствующій сенатъ. Между тѣмъ въ судопроизводствѣ по преступленіямъ должностей и проступкамъ по службѣ сказано, что (ст. 131) дѣла мировыхъ судей по этимъ предметамъ разсматриваются въ общемъ собраніи департаментовъ судебной палаты... Вопросъ снова усложняется: неправильное дѣйствіе судьи, превышеніе имъ власти, отказъ въ правосудіи, медленность дѣлопроизводства, — все это не суть ли преступленія противъ службы? Если это такъ, то большая часть дѣлъ мирового судьи пойдетъ въ судебную палату и выйдетъ путаница: мировой съѣздъ будетъ оспаривать всегда у окружной палаты подсудность этихъ дѣлъ. И потому необходимо болѣе точное опредѣленіе отношеній окружнаго суда къ мировымъ учрежденіямъ.

Но опять, какъ уловить мысль законодателя: желалъ ли онъ относительно судопроизводства сдѣлать судъ совершенно независимымъ или нѣтъ?.. Въ Высочайшемъ указѣ встрѣчаются нѣкоторые признаки. Такъ ст. 79, ч. III говоритъ: «независимо отъ отзывать и прошеній объ отміѣнѣ рѣшеній допускаются также жалобы на неправильныя или пристрастныя дѣйствія *судей*, прокуроровъ и т. д. Но здѣсь неопредѣлено: о какихъ *судьяхъ* рѣчь идетъ: — о судебныхъ мѣстахъ или о мировыхъ? На этомъ основаніи всѣ статьи отъ 70—80 ч. III, я отношу и къ мировымъ учрежденіямъ. Толкованіе это потому еще справедливо, что мировымъ судьямъ подсудны дѣла о преступленіяхъ и проступкахъ *)».

*) Часть II, ст. 24, 32.

Эти дѣла не могутъ уже подчиняться рѣшенію одной совѣсти, а должны основываться на точномъ законѣ. Статья 28 ч. II прямо говоритъ: «мировой судья опредѣляетъ наказанія виновнымъ на основаніи *существующихъ законовъ*». И судѣ разрѣшается только уменьшить наказаніе одною или двумя степенями. Такимъ образомъ, гдѣ уже рѣчь идетъ о точномъ исполненіи и примѣненіи закона, тамъ подчиненіе мировыхъ учрежденій кассационному суду является ужь какъ юридическая потребность.

Тѣмъ болѣе эта потребность является настоятельною, что законъ предоставилъ мировымъ судьямъ начинать и производить уголовныя дѣла, независимо отъ жалобъ сторонъ, или по личному его усмотрѣнію, или по требованію полицейскихъ мѣстъ и другихъ властей. Первое условіе даетъ большой произволъ судьямъ: быть одновременно обвинителями и судьями; поэтому для общества необходимы какія нибудь гарантіи, чтобы судьи не злоупотребляли своею властью. Но подчинивши, по дѣламъ уголовнымъ мировыя учрежденія кассационному суду, было бы несправедливо изъять изъ его вѣдомства дѣла гражданскія. Нарушеніе законнаго порядка и права, въ какомъ бы видѣ оно ни проявлялось, требуетъ кары со стороны закона; тѣмъ же болѣе это необходимо въ томъ учрежденіи, которому передается въ руки почти вся народная юстиція, и съ тѣмъ вмѣстѣ все благо и счастье народа.

Такимъ образомъ является убѣжденіе въ необходимости подчиненія мировыхъ учрежденій общей судебной власти и вмѣстѣ съ тѣмъ въ потребности опредѣлить въ точности ихъ отношенія. Вотъ почему я нахожу: что мировому съезду должны быть подчинены всѣ дѣла—на медленность и неправильность дѣлопроизводства мировыхъ судей, на ихъ упущенія, на отказъ въ правосудіи, на превышеніе ими власти, на явное притѣсненіе тяжущихся, на отказъ имъ въ такомъ дѣйствіи, какое онъ по закону обязанъ сдѣлать. По всѣмъ этимъ предметамъ мировой съездъ обязанъ рѣшать дѣло и жалобы по этимъ предметамъ должны идти въ кассационный! судъ. По всѣмъ вышеназваннымъ предметамъ, если бы съездъ усмотрѣлъ явное противузаконіе, то обязанъ представить о семъ сенату, который, при согласномъ мнѣніи съ съездомъ, передаетъ общему собранію департаментовъ окружной палаты дѣло, для его рѣшенія—какъ I-ой инстанціею. Тоже самое можетъ сдѣлать сенатъ непосредственно по жалобѣ сторонъ. Этимъ порядкомъ уясняется отношенія палаты къ мировымъ учрежденіямъ: въ этомъ случаѣ она будетъ прилагать только законъ къ противузаконному дѣйствію судьи, признан-

ному уже таковымъ съѣздомъ или сенатомъ. Если же, какъ я выше сказалъ, предоставить палатѣ разсмотрѣніе самихъ жалобъ на неправоулыныя дѣйствія судей, то выйдетъ такъ, что они будутъ вообще подчинены съѣзду и палатамъ по всемъ тяжбынымъ дѣламъ и между этими двумя мѣстами выйдутъ непремѣнно столкновенія—такъ какъ въ большей части случаевъ, вмѣстѣ съ даннымъ дѣйствіемъ, сопряжена сущность всей тяжбы. По этимъ причинамъ мы и находимъ, что всякаго рода жалобы на судей должны итти въ съѣздъ, и что жалобы на послѣдній должны разсматриваться въ сенатѣ въ тѣхъ же случаяхъ какъ это положено для палатъ. Послѣднимъ же, какъ I-мъ инстанціямъ, долженъ принадлежать лишь судъ — о размѣрѣ взысканія съ мирового судьи.

VI. Дисциплинарныя приговоры.

Первое дѣло въ каждомъ обществѣ, чтобы судебная власть — въ лицѣ судей и присутственныхъ мѣстъ была уважаема гражданами; поэтому, кромѣ нравственныхъ началъ, судьи должны быть поставлены закономъ въ такое положеніе, чтобы съ одной стороны достоинство ихъ не было нарушено; съ другой — чтобы судьи не нарушали своихъ прямыхъ обязанностей. На этомъ основаніи рождается необходимость 1) гарантировать судьямъ ихъ общественное положеніе положительнымъ закономъ, который опредѣлялъ бы мѣру наказанія за нарушение достоинства суда, 2) опредѣлять мѣру взысканія съ судей за нарушение ими ихъ обязанностей. Въ предшествовавшей главѣ второй предметъ былъ уже мною рѣшенъ; а здѣсь разсмотрю только, какому вѣдомству должны подлежать рѣшенія о нарушеніи достоинства мирового судьи и съѣзда? Первое, что подлежитъ рѣшенію: можетъ-ли тотъ судъ, чье достоинство нарушено, самъ собою рѣшить это дѣло? Въ настоящее время нѣтъ по этому предмету закона; но на практикѣ принято, что по требованію суда производится слѣдствіе и т. д.; а потомъ дѣло передается другому суду. Но мы находимъ это неправильнымъ; такой порядокъ несогласенъ съ идеею суда. Что такое судъ—какъ не органъ закона, возстановляющій нарушенное право?.. Поэтому, въ какомъ бы видѣ право ни было нарушено, судъ обязанъ возстановить его законную силу. На этомъ основаніи

судьямъ должно быть предоставлено въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ имъ предоставлено вообще рѣшать дѣла гражданскія и уголовныя, полагать наказанія и за нарушение достоинства суда. Такъ, напримѣръ, мировому судѣ предоставлено право, по гражданскимъ дѣламъ, окончательно рѣшать дѣла въ 30 руб. и производить дѣла до 500 р. Вотъ почему и должно быть постановлено: что если законодательство опредѣлитъ разныя наказанія за нарушение достоинства судьи—въ этихъ предѣлахъ, то мировой судья можетъ по первымъ предметамъ произносить окончательные приговоры; а по вторымъ—произвести дѣло, составить приговоръ и апелляціоннымъ порядкомъ объявить свое рѣшеніе сторонамъ на основаніи общихъ правилъ. Если же нарушение будетъ носить характеръ уголовный, то здѣсь должно различать слѣдующіе случаи: если нарушение, по свойству своему, подлежитъ мировымъ учрежденіямъ, то они могутъ собственною своею властью рѣшать дѣло, какъ это постановлено вообще по преступленіямъ и проступкамъ; въ противномъ же случаѣ, мировыя учрежденія должны предавать виновнаго уголовному суду на общемъ основаніи. Вышеприведенныя начала должны дѣйствовать для мировыхъ судей и мировыхъ сѣздовъ.

Но по дѣламъ дисциплинарнымъ должно быть постановлено за правило: что прежде составленія приговора судья обязанъ составить протоколъ—о томъ поступкѣ, который совершенъ даннымъ лицомъ и потомъ уже объявить свой приговоръ. На протоколъ должны быть подписаны свидѣтели; если же они отъ подписи отказываются, то судья долженъ это оговорить на протоколѣ же. За неправильный отказъ въ подписи протокола, свидѣтели подвергаются тому же наказанію, какъ и нарушившій достоинство суда.

УІІ. *О довѣренностихъ по дѣламъ мирового сѣзда и о довѣренныхъхъ.*

Основная мысль мирового суда—упростить его формы такъ, чтобы онѣ были удобны для народа и чтобы по нимъ нести какъ можно меньше расходовъ. Основываясь на этомъ началѣ, я считаю необходимымъ предложить: 1) допущеніе быть ходатаями и повѣренными по дѣ-

ламъ мировыхъ учреждений, не только однимъ присяжнымъ повѣрен-нымъ, но вообще всѣмъ лицамъ, могущимъ, по нынѣшнимъ законамъ, быть ходатаями, 2) упростить формы самихъ вѣрующихъ писемъ или до-вѣренностей по этимъ дѣламъ.

1) Перваго я домогаюсь потому, что если оставить по дѣламъ ми-ровыхъ учреждений общій законъ для судебныхъ мѣстъ, то это силь-но стѣснить, какъ богатыхъ, такъ и бѣдныхъ людей. Богатому при-дется, по ничтожному для него дѣлу, лично ход тайствовать; потому что присяжные адвокаты будутъ заняты дѣлами въ окружныхъ судахъ и едва ли имъ будетъ предстоить возможность дѣйствовать энергически въ мировыхъ учрежденіяхъ. Бѣдные же люди будутъ тѣмъ затруднены, что съ передачею дѣла адвокату, вѣроятно будутъ сопряжены извѣст-ныя формальности, съ чѣмъ будутъ соединены извѣстные расходы; на-конецъ сельскимъ жителямъ, при подобномъ порядкѣ, придется изъ уѣзда тащиться въ уѣздный городъ къ адвокату, который едва ли еще приметъ его маленькое дѣло. Такимъ образомъ рождается крайняя не-обходимость—разрѣшить допущеніе въ мировыхъ учрежденіяхъ повѣрен-ныхъ и непринадлежащихъ къ адвокатской корпораціи, что сдѣлаетъ мировыя учрежденія еще болѣе доступными народу.

2) Самая форма довѣренности по дѣламъ мировыхъ учреждений должна распаться на двѣ категоріи: а) по дѣламъ подлежащимъ ми-ровому суду, должна допускаться и словесная довѣренность, заявлен-ная у мирового судьи тяжущимся; б) по дѣламъ же, подлежащимъ пе-реносу въ мировой съездъ или въ кассаціонный судъ, вѣрующія письма должны быть на простой бумагѣ и подпись вѣрителя должна быть утверждена: мировымъ судьей или уѣздной или сельской полиціею; или же она должна быть утверждена подписью 3 свидѣтелей.

Общее заключеніе о мировомъ судѣ.

Основная мысль законодательнаго сословія—возвысить мировой судъ на такую высокую степень, чтобы судьи стояли еще выше настоя-

щихъ мировыхъ посредниковъ *), и сдѣлать это учрежденіе народнымъ и доступнымъ всякому. Этимъ двумъ главнымъ началамъ, какъ кажется, удовлетворяетъ мой проектъ: а) Степенью власти, обширнымъ полемъ для дѣятельности, независимостью и вмѣстѣ съ тѣмъ отчетностью правительствующему сенату, и значительнымъ содержаніемъ — мировой судья станетъ на такую степень, что онъ, по общественному своему положенію, исключить всякое вѣроятіе въ искаженіи на практикѣ коренной идеи закона; б) По дѣламъ, подлежащимъ переносу въ мировой сѣздъ, хотя нѣкоторыми формальностями относительно свидѣтельскихъ показаній, осмотра и оцѣнки, по видимому процессъ усложняется; но этотъ порядокъ освободитъ сѣздъ отъ излишнихъ дѣлопроизводствъ и предоставитъ тяжущемуся возможность брать дѣла на кассачію въ сенатъ; в) Съ предоставленіемъ мировымъ судьямъ дѣлъ — объ утвержденіи и раздѣлѣ наслѣдствъ, дѣлъ о несостоятельныхъ, объ администраціяхъ и посредническихъ комиссіяхъ, и о выкупѣ — мы упростимъ по этимъ предметамъ дѣлопроизводство, чѣмъ окажемъ несомнѣнные услуги обществу.

Мнѣ неизвѣстны подробности проекта — о мировомъ судѣ, который вызвалъ законы о немъ «*въ общихъ основаніяхъ судоустройства и судопроизводства*»; но, судя по его началамъ, я считаю это учрежденіе столь важнымъ для блага народа, что каждый предметъ его долженъ быть тщательно обсуженъ... Какая нибудь одна несообразность и неточность въ этомъ учрежденіи можетъ надѣлать безчисленное множество жертвъ. Поэтому нечего полагаться на будущую практику, которая могла бы со временемъ указать пробѣлы и недостатки закона: пока это время прійдетъ, народъ будетъ страдать и кредитъ мировыхъ учреждений можетъ пасть, какъ это и было во многихъ европейскихъ государствахъ.

Примѣръ этотъ долженъ быть для насъ поучителенъ и мы должны

* См. жур. Государственного Совѣта стр. 41. Тамъ сказано: онъ (мировой судья) вмѣстѣ и примиритель своихъ обывателей, и защитникъ пользы своего окологдка, и первая ступень къ прочному общественному порядку; въ этомъ отношеніи должность его выше и полезнѣе должности мирового посредника.

поставить мировой судъ въ тѣхъ условіяхъ, которыя уронили его у другихъ народовъ.

Въ заключеніе скажу, что изложенный проэктъ мною былъ представленъ государственному секретарю и потому желательно было бы услышать, по возбужденнымъ въ немъ вопросамъ, отзывъ нашихъ юристовъ.

Михаилъ Филипповъ:

СТУДЕНЧЕСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

(Друзьямъ живущаго).

I

Взглядъ общества на прежнихъ студентовъ. Историческія личности. Матвѣевъ. Студенческая дума. Крестовые походы. Карцеръ.

Говорятъ, что студенческая пора есть лучшая пора жизни, говорятъ, что при воспоминаніи ея разглаживаются самые угрюмыеобы, говорятъ, что самые молчаливые люди теряютъ свой обычный характеръ при разсказахъ о давно прошедшихъ, но вѣчно памятныхъ походахъ. Правда, все это правда, и въ настоящую мы минуту испытываемъ на себѣ вліяніе нашего студенческаго прошлаго: нѣсколько прекрасныхъ образовъ, ему принадлежащихъ, проносится передъ нами, нѣсколько благородныхъ увлеченій припоминается намъ, и на душѣ становится отраднѣе, свѣтлѣе. Но прибавимъ мы отъ себя къ тому, что говорятъ: много въ этой же порѣ зачахло даромъ молодыхъ силъ; много придавлено ихъ было тяжелымъ гнетомъ формализма и педантизма, много страстной, кипучей дѣятельности или погибло или приняло уродливое направленіе въ неравной борьбѣ.... и изъ за свѣтлыхъ образовъ моего студенчества нигдѣ припоминаются другія личности — пошлыя, гнетущія; и вслѣдъ за благословеніемъ, въ душѣ шевелится иное, болѣе горькое, быть можетъ, болѣе законное чувство, чувство негодованія за бесплодно потраченныя силы и годы.

Мы принимаемся не за восторженный панегирик студенческой жизни; мы будем писать просто, что придет нам на память из этой жизни, не скрывая ее дурного, не украшая фантазиями ее хорошее.

Положение студента в нашем обществе всегда было довольно странное. Нельзя сказать, чтобы студенты жили рѣзкимъ особнякомъ, чтобы они составляли замкнутую, чисто корпоративную касту, но нельзя сказать, чтобы они жили полной дѣйствительной жизнью... Понятіе общества объ университетской молодежи было чрезвычайно односторонне; оно вертѣлось на томъ, что студентъ—это, *по самому существу своему*, вѣчный кутила, подчасъ буянь, готовый при каждомъ удобномъ случаѣ затѣять исторію, попасть за нее безъ особенной горести въ карцеръ. Дальше такого, не совсѣмъ лестнаго, понятія о студентахъ общество идти не хотѣло и разысканій о ихъ внутренней жизни не производило. Впрочемъ и при такомъ взглядѣ въ общество постоянно было двѣ партіи: одна чувствовала особенную любовь къ студентамъ,—другая ихъ положительно ненавидѣла; и странное дѣло!—такой взглядъ проникъ даже въ среду простого народа.

Дѣло разъ было на масляницѣ; въ томъ городѣ, которому принадлежатъ мои воспоминанія, масляница имѣетъ особенно шумный, суетливый характеръ, придаваемый ей нѣсколькими тысячами извозчиковъ-татаръ, прѣзжающихъ на пѣрахъ катать за баснословно дешевую цѣну желающихъ. Человѣкъ десять порядочно подгулявшихъ студентовъ во весь опоръ, со смѣхомъ и пѣснями неслись по улицамъ на этихъ пѣрахъ; народу по тротуарамъ толпилось пропасть. Изъ восклицаній, вырвавшихся у синихъ чуекъ, дубленокъ, изъ выраженія лицъ видно было, что не всѣ одинаково смотрягъ на студенческой кортежъ, несущійся мимо.

- Ишь черти проклятые!—раздалось въ толпѣ.
- Чтобъ вамъ голову сломить, безпутнымъ.
- Студентики молодчики погуливаютъ!—слышалось тутъ же.
- И какіе; я те скажу, всѣ они, что ни на есть народъ-то хорошій!
- Одно слово студентики!
- Эхъ вы, удалая головушка!

Бранныя и ласкательныя слова перемѣшались; два подгулявшихъ мѣщанина чужь было въ волосы другъ другу не вѣдѣлись: одинъ былъ антагонистъ студентовъ, другой ихъ защитникъ; будочникъ долженъ былъ своимъ вмѣшательствомъ прекратить ссору безъ дальнихъ послѣдствій.

Одна изъ главныхъ причинъ, заставлявшихъ многихъ изъ низшихъ слоевъ общества симпатично относиться къ студентамъ, было участіе, принимаемое ими въ пожарахъ. Надо замѣтить, что нашъ городъ отличался отвратительной полиціей и имѣлъ особенную способность часто горѣть и сильно горѣть. Стоило только раздаться набатному колоколу, какъ толпы студентовъ мгновенно собирались на мѣсто пожара. Голубые околыши видны были повсюду: на машинахъ, на крышахъ, вытаскивающими имущество, работающими баграми. Въ пыли, въ копоти, съ ногъ до головы облитые водой, они подавали собой славный примѣръ, и народъ шелъ за ними скорѣе, чѣмъ подталкиваемый полицейскими кулаками.

Въ каждомъ университетскомъ городѣ есть нѣсколько историческихъ личностей, память о которыхъ хранить не одна студенческая генерация; личности эти обыкновенно—хозяева, или чаще хозяйки квартиры; половина университетской молодежи пережила у нихъ непремѣнно, и большая половина изъ этой половины была должна имъ. Личности эти, кромѣ крещенныхъ именъ, имѣютъ еще другія—студенческія, напр. Дагоберы, Дѣды... Впрочемъ и дома, гдѣ особенно жмутся студенты, имѣютъ свои нарицательныя имена, извѣстныя университетскому и полицейскому начальству; у насъ такими были Новый Вавилонъ, Шевинское Аббатство, Фоминскій Хуторъ. Мѣста эти не пользовались особеннымъ расположеніемъ начальства: въ нихъ спасался обыкновенно народъ прожженный, видавшій виды; не разъ со стороны начальства выходили приказы, запрещашіе селиться въ этихъ домахъ; но вавилоны и хутора, не смотря на всѣ запрещенія, опять наполнялись обычными жильцами. Что за жизнь была въ этихъ аббатствахъ, я скажу впоследствии.

Возвратимся къ историческимъ личностямъ. Трудно было съ перваго раза объяснить, вслѣдствіе какихъ причинъ такъ привязаны были въкоторыя изъ этихъ личностей къ студентамъ: это никакъ не были денежныя расчеты; молодежь жила у нихъ все больше бѣдная, другой мѣсяцевъ по шести не платитъ, ресурсовъ никакихъ не имѣетъ,—въ глубокую осень, горемыка, въ одномъ вицѣ мундирчикѣ на лекціи пробирается; а иной получить «благословеніе родительское»: (то есть, деньги), но въ одинъ день на всѣ четыре стороны ихъ пустить, а потомъ безъ табаку сидитъ. Кромѣ того, съ держаніемъ студентовъ были связаны не рѣдко положительныя неудобства: напроказать бывало что-нибудь, а «начальство» провѣдаетъ и начнетъ таскать хозяевъ:—отчего де-сказать не донесли; да наконецъ и особеннаго спокойствія въ тѣхъ домахъ, гдѣ жила студенты, не

ниѣлось; бывало «стонъ стоитъ» надъ Аббатствомъ. Но, не смотря на всё эти неудобства, нѣкоторые историческія личности любили отъ души шумную, бурливую молодежь; любили ее, какъ дѣтей своихъ; на проказы ея смотрѣли снисходительно, передъ начальствомъ каменной стѣной стояли. Я очень хорошо помню одну старушку лѣтъ шестидесяти, у которой напеконь-вѣку жили студенты; это была чистая университетская лѣтопись. Знакомые стануть уговаривать старуху, чтобъ она хоть бы на старости лѣтъ отказалась отъ безшабашныхъ жильцовъ, покой себѣ дала,—такъ куда тутъ...

— Хочу, говорить, чтобъ скоронили меня дѣтки,—жила съ ними и умирать хочу съ ними,—глазоньки миѣ закроютъ.

А ужъ сколько съ этими дѣтками натерпѣлась старуха; бывало трусить по лѣстницѣ,—остановишь.

— Куда это ты, Акимовна?

— Да чего съ вами, шелопаями, дѣлать-то, не умирать стать съ голоду; первый же скажешь—обѣдать давай... Вотъ образа несу заложить... Но за то и ликванье общее пойдетъ, какъ жильцы деньги получать.

Акимовна наша ходуномъ ходить.

Да, славная была старушка Акимовна! Жива ли она нынче, или исполнилось ея желаніе? Зато и любили ее студенты, и слушались ея совѣтовъ.

— А ты послушай меня, старуху, я тебѣ худаго не пожелаю; вѣдь небойсь, самъ будешь локти кусать, какъ выгонять или въ карцеръ на мѣсяць запруть,—начнетъ бывало уговаривать.

И часто буйный порывъ смирался отъ этого ласковаго старушечьяго голоса.

Я говорю, многіе любили студентовъ; но многіе терпѣть не могли ихъ.

Съ квартиры нужно переѣзжать,—вотъ и начнешь ходить по улицамъ; увидишь билетъ, сунешься въ ворота, но не тутъ-то было; дворникъ, какъ завидитъ голубые околыши, такъ ужъ спѣшитъ имъ на встрѣчу, чтобы впередъ двора не пустить.

— Вы не на счетъ ли фатеры, господа?

— Да, намъ бы квартиру..

— Есть-то есть, только не для васъ, господа; хозяинъ приказалъ, чтобъ въ домъ студентовъ духу не было...

Такъ, бывало, домъ и стоитъ цѣлые годы, ревниво охраняемый отъ

студентскаго духа; особенно боялись проникновенія его туда, гдѣ помѣщались женскіе магазины.

Антагонизмъ рѣзче всего существовалъ между студентами и военными. Но особенно не по душѣ была для насъ полиція; впрочемъ, надо отдать ей справедливость, она съ небольшимъ исключеніемъ состояла изъ воровъ и негодяевъ... Помню, былъ одинъ частный приставъ, Панковъ, его очень любили студенты; достаточно было его появленія, чтобы остановить какую-нибудь шумную демонстрацію; любили же его студенты за то, что онъ не шпионилъ, не доносилъ университетскому начальству.

Я часто проводилъ параллель между студентами нашего времени и вытѣшными, и вислоко не льстя послѣднимъ, скажу прямо, что ихъ молодежь, конечно въ большинствѣ, лучше нашей; время оказало огромное вліяніе; то, что прежде было доступно тѣснымъ, далеко не многочисленнымъ кружкамъ, то нынче разлилось въ массы; прежде выработка была труднѣе; сколько надо было мытарствъ перейти, чтобы добраться и отдохнуть на чистомъ мѣстечкѣ; шла ощупью, часто плутали, никто не хотѣлъ помочь молодежи; напротивъ, всѣ такъ или иначе только и бились изъ за того, чтобы затруднить ей дорогу; какихъ только рогатинъ не ставила, какихъ ямъ не рыли... За то много славныхъ головъ погибло въ разныхъ трущобахъ, погибло совсѣмъ даромъ, только потому, что крови слишкомъ много было, жить хотѣлось...

Я помню, къ намъ ходилъ одинъ изъ старыхъ студентовъ—Матвѣевъ. Что это былъ за способный, даровитый малый! Не скупилась судьба на него, много потратила добра, да не въ прокъ пошло. Матвѣевъ былъ филологъ и числился однимъ изъ самыхъ лучшихъ студентовъ; въ четвертомъ курсѣ онъ написалъ диссертацию на тему, данную университетскимъ совѣтомъ, и ему присуждена была золотая медаль. Прежде всегда водилось обыкновеніе «обмывать» медаль; Матвѣевъ конечно не отсталъ отъ обычая, у него собрались товарищи и заданъ былъ пиръ въ саду. Хозяйка дома, гдѣ жилъ Матвѣевъ, была съ нимъ въ связи; но по какимъ-то причинамъ эта связь была прервана; сердитая на прежняго любовника хозяйка, услышавъ пѣсни, послала за полицейскимъ «унуть» студентовъ. Явился будочникъ, но конечно со срамомъ обратилъ тылъ; подкупленный нѣсколькими грошами, онъ черезъ нѣсколько минутъ явился съ товарищемъ, но и вдвоемъ они обратились вспять... Тогда въ замѣнъ ихъ явилась цѣлая толпа полицейскихъ съ чиновнымъ вождемъ; грубые и нахальные, они стали лѣзть къ горлу студентовъ.

Произошла драка. Хозяйка послала сообщить объ этомъ университетскому начальству, и то конечно приняло сторону полиціи. Всѣхъ имѣвшихся на лицо студентовъ забрали въ карцеръ, (что досталось не совсемъ легко), и начался судъ. Большая часть его тяжести пала на Матвѣева, какъ на хозяина квартиры: его выгнали изъ университета...

И заплылъ съ тѣхъ поръ Матвѣевъ: оборванный, небритый, подчасъ голодный, ходилъ онъ по старой памяти къ студентамъ, нища случая попасть на даровую попойку; пилъ онъ съ какою-то ожесточеніемъ; видно было, что онъ хочетъ скорѣе напиться, чтобъ заглушить въ себѣ внутренній голосъ, забыть надломанную жизнь. Въ сильномъ имѣлю Матвѣевъ былъ страшный буянъ, но за то случалось, что вся компанія до упада смѣялась надъ разсказами, проникнутыми глубокимъ юморомъ Матвѣева.

Я поступилъ въ университетъ въ 1851. году. Это было еще довольно за-долго до окончанія крымской компаніи. Всякій помнитъ, что это было за время; вездѣ оно клало свои клейма, но нигдѣ эти клейма не выбивались такъ рѣзко, какъ на литературѣ и на университетахъ. Литература занималась обыкновенно патріотическими одами, да аркадскими чувствіями; большинство студентовъ ходило на лекціи, другіе кутяли, коли деньги случались, и заводили исторіи съ полиціей на улицахъ; — «начальство» стригло имъ волосы, брило усы и наблюдало, чтобы они ходили по формѣ, застегнутые на всѣ пуговицы. Впрочемъ, о начальствѣ я поговорю послѣ: это предлюбопытная статья. Въ мое время кутяли студенты презрѣдно. Причинъ къ тому было, конечно, довольно. Большинство поступало въ университетъ, достаточно пошпорченные предварительной подготовкой, достаточно понатерпѣвшіеся отъ всевозможныхъ проявленій самодурства: молодыхъ силъ было много, закала же, чтобы съ пользой употребить эти силы, не имѣлось. А тутъ съ одной стороны являлась *своего рода свобода*, уже съ готовой почвой; съ другой «начальство», помѣшанное на формализмѣ, безпощадно казнившее малѣйшія проявленія *разумнаго* развитія, подчасъ совершенно слѣпое, подчасъ безусловно строгое, всегда не деликатное; и потомъ «наука», которую большая часть профессоровъ какъ будто нарочно, на зло силлялась превратить въ сухую, отвратительную дребедень... Выбирать было не изъ чего, вездѣ было темно, душно... И чѣмъ больше сознавалась эта духота, тѣмъ тяжелѣе становилось на душѣ: чувствовалось, что не такъ живется, что не по той дорогѣ идешь, что даромъ тратится богатый запасъ силъ, что лучшую пору

проигрываешь, что придется тяжело заплатить за все... но говорилось въ студенческой пѣснѣ:

Пройдетъ тоска, проснутся страсти,
Сроднятся, сблизятся съ душой,
И противъ ихъ могучей власти,
Не думай выходить на бой.

По окончаніи войны, студенческая жизнь повернула въ сторону, мнѣ удалось застать начало поворота; онъ сначала былъ едва замѣтенъ и проявлялся только во внутренней жизни, не находя еще силъ, чтобы заявить себя открыто.

Мы съ нетерпѣніемъ ждали времени, когда придется намъ вступить въ храмъ наукъ; я не скажу, чтобы особенно тянула къ нему большая возможность развитія, — объ этомъ много разговоровъ какъ то не было; не скажу, чтобы въ нашемъ нетерпѣніи играло особенную роль честолюбіе, будущія права; нѣтъ, насъ просто манило къ университету имя «студентъ». Быть студентомъ! Да вѣдь это быть чуть ли не первымъ гражданиномъ вселенной; я помню, съ какой завистью мы, жалкіе гимназисты, смотрѣли на заѣзжихъ въ нашъ городокъ студентовъ, какъ старались войти къ нимъ въ дружбу. Разказы заѣзжихъ студентовъ воспламеняли наше воображеніе; студенческая жизнь съ ея товариществомъ, съ ея приключеніями, съ ея нуждой, съ ея радостями — казалась намъ обѣтованной землей; гимназія, какъ школа, дѣлалась намъ противнѣй. Я не скажу впрочемъ, чтобы въ этихъ разсказахъ было все безусловно справедливо: студенты моего времени любили нѣсколько поразукрасить жизнь, пустить ей пылъ въ глаза, обморочить новичка; впослѣдствіи мы и сами убѣдились, что отъ обѣтованной земли до студенческой жизни довольно далеко, и что свобода вовсе не такъ безусловно широка въ ней, какъ намъ говорили; что же касается до приключеній, то оказалось, что и въ нихъ студенты не всегда играли побѣдовосную роль. Кстати о приключеніяхъ. Я засталъ еще существованіе «крестовыхъ походовъ». Нынѣшніе студенты не имѣютъ о нихъ понятія, да и въ мое время, я не скажу, чтобы краснорѣчявые Петры-пустынники появлялись часто и возбуждали поголовное ополченіе на невѣрныхъ. «Крестовые походы» начинались или экспромтомъ, или подготавливались предварительно; цѣль ихъ была обыкновенно смыть обиду, нанесенную студенческому имени; въ первыхъ, то есть въ походахъ экспромтомъ — участвовали большею

частью казенные студенты; во вторых—и своекоштные. Казенные студенты жили в то время в университете, стало быть, были всегда в сборе больше или меньше. Нѣсколько студентов гдѣ-нибудь попадались в исторію и вслѣдствіе численнаго превосходства непріателя имъ приходилось плохо; тогда одинъ изъ нихъ лѣгъ в университетъ къ казеннымъ студентамъ, говорилъ имъ, что «нашихъ бьютъ!» описывалъ ихъ горестное положеніе, срамъ, нанесенный студенческому имени, и возбуждалъ общее негодование... Цѣлая толпа бросала лекціи, карты, перья, поднималась изъ за конторокъ и, накинувъ шинели, отправлялась на выручку. И тогда *vae victis!* Крестовые походы съ предварительной подготовкой поднимались тогда, когда по позднему часу ночи нельзя было проникнуть в университетъ, а если и можно было, то нельзя было произвести возстаніе такъ, чтобы начальство не обратило вниманія. Потерпѣвшіе пораженіе студенты тогда являлись на другой день на лекціи,—слухъ о происшествіи распространялся тотчасъ же, начинали образовываться кружки; пораженные, в качествѣ христіанскихъ поклонниковъ в Палестинѣ, описывали свое бѣдственное положеніе, и тотчасъ же являлись многочисленные охотники смыть пятно. Назначался сборный пунктъ, часъ,—и крестоносное воинство, подъ покровомъ ночной темноты громко какую-нибудь Ласточку, Ремзиху. Впрочемъ в мое время крестовые походы начали терять свой грандіозный характеръ... Чтобы возбудить ихъ, надо было нанести сильную обиду, или вслѣдствіе мелкихъ и частыхъ пользоваться особенной непріязней студентовъ, и потому «крестовые походы» были очень рѣдки. Я помню всего два или три; и между прочимъ одинъ былъ поднятъ изъ за того, что студента колодили такъ, что онъ долго былъ, какъ говорится, на краю гроба.

Послѣ громкихъ происшествій обыкновенно являлось какое-нибудь распорядженіе начальства, часто поражавшее своей негнѣпницей. Я помню, послѣ одного скандала вышло такого рода приказаніе: не занимать квартиру в нѣкоторыхъ улицахъ, не жить больше какъ по трое и наконецъ не выходить со двора позже девяти часовъ вечера: за нарушеніе всего этого виновнымъ грозилъ карцеръ. Нѣкоторые студенты очень удобно обходили такого рода приказанія: они не жили вмѣстѣ, но собирались по нѣскольку человекъ, давши себѣ впередъ слово напиваться дома до тѣхъ поръ, пока будутъ не в состояніи сдѣлать шагу... Вскорѣ послѣ выхода этого же приказанія, мы разъ идемъ часу в третьемъ дня по одной изъ самыхъ провѣзжихъ улицъ... На концѣ ея стоялъ какой-то господинокъ, в исподнемъ платѣ, махалъ шагагой и произносилъ громкую филипп-

паку; проходящіе только пугливо сторонятся отъ вооруженнаго оратора, стараюсь пройти такъ, какъ будто не замѣчаютъ его. Мы подошли ближе къ оратору; оказалось, что это студентъ Ключица, вышедшій на улицу, чтобы сначала высказать свое негодованіе, а потомъ идти отомстить за него. Мы насилу уломали Ключицу возвратиться вспать.

Кстати о карцерѣ. Въ мою послѣдующую жизнь я посѣщалъ всевозможныя тюрьмы, арестанскія роты, рабочіе дома и т. п.; вездѣ комфортъ ихъ несравненно выше, чѣмъ въ студенческомъ карцерѣ. Это была узкая, шага въ три шириной и шаговъ въ шесть длиной, освѣщаемая окномъ четверти въ полторы, комната, на грязномъ полу которой валялся блинъ, называемый тюфякомъ; къ ложу не давалось ни подушки, ни одеяла; пищу составлялъ кувшинъ воды и четыре куска чернаго хлѣба; зимой въ карцерахъ былъ страшный угаръ и холодъ; ночниковъ и свѣчей зажигать не дозволялось; крысъ — и чѣмъ только питались они, откуда выползали? — удивительно было много, такъ что спать не давали. «Начальство» придерживалось системы келейнаго заключенія, одиночнаго; какъ легко доставалось это при подобной обстановкѣ, пойметъ всякій. Разъ въ карцерѣ сидѣлъ студентъ Раззаевъ, и сидѣлъ больше мѣсяца; ему до того невыносима стала подобная жизнь, что онъ призвалъ субъ-инспектора и сказалъ ему, что если завтра къ двумъ часамъ его не выпустятъ, то онъ призоветъ его снова и камень разобьетъ ему голову, чтобы, совершивши подобное преступленіе, попасть въ острогъ. Начальство испугалось, и Раззаева выпустили; впоследствии онъ говорилъ намъ, что далъ себѣ честное слово привести угрозу въ исполненіе.

II.

Университетское начальство. Формализмъ и школьная дисциплина. Новые Вавиловы и ихъ обстановка.

Главнымъ представителемъ университетскаго начальства былъ въ наше время Сл — нтъ. Онъ разъ было сошелъ съ ума (говоря метафорически) оттого, что его изъ военныхъ переименовали въ статскіе чины, и въ другой — съ радости, когда ему дозволили снова облечься въ генераль-маіорскій мундиръ.

Сл—инь былъ старый служака, выжившій изъ ума и пьяница; онъ постоянно находился подъ чьимъ-нибудь вліяніемъ; и къ несчастью для студентовъ, лица, имѣвшія вліяніе на него были почти всегда дурные люди. Я никогда не забуду спичей, которыми онъ угощалъ студентовъ. Бывало, случится какой-нибудь скандалъ,—студенты повѣщаются собраться въ залу; является Сл—инь, неистово гремя саблей

— Господа! пожалуйста ближе!

Студенты тѣсной стѣной окружаютъ его.

— Господа! Я самъ отецъ двѣнадцати человѣкъ дѣтей,—начиналъ всегда такъ Сл—инь,—самъ знаю, что это не шутка! Отчего и не подурчатся, можно выпить рюмку, двѣ, три .. наконецъ пять, десять, пятнадцать... Но... буяннить, господа... буяннить...

Что говорилось дальше, никто и никогда не понималъ, да врядъ ли и самъ онъ понималъ, хоть и говорилъ еще минутъ десять. Такимъ образомъ студенты расходились, получивъ наставленіе выпить до пятнадцати рюмокъ и узнавъ, что надѣлать дюжину дѣтей вовсе не шутка.

Сл—инь изрѣдка посѣщалъ и лекціи, для чего вносилось мягкое кресло, на которомъ онъ преспокойно засыпалъ. Когда онъ былъ на лекціи русской исторіи, то имѣлъ обыкновеніе, по окончаніи ея, рассказать — и это продолжалось нѣсколько лѣтъ—анекдотъ о томъ, какъ послѣ лейпцигскаго сраженія русскій гренадеръ, сѣвши на камень, бывшій на полѣ битвы, учинилъ нѣкую пакость, и что изъ этого послѣдовало... Слушая анекдотъ, профессоръ исторіи обыкновенно почтительно хохоталъ, какъ надъ вещью, проникнутой удивительнымъ юморомъ. Появленіе Сл—ина въ университетъ было замѣтно; сейчасъ всѣ студенты, у которыхъ волосы были немного подлиннѣе, или лицо имѣло поползновеніе на бороду и усы, старались убраться по-добру-по-здорову, или прятались такъ, чтобы не попасться на глаза начальника.

Но Сл—ина меньше не любили студенты, чѣмъ инспектора Ф—ке; въ первомъ, не смотря на глупость, все же были хоть какіе нибудь признаки доброты; послѣдній же былъ сухой, самый узкій, самый нелѣпый формалистъ. Студенты звали Ф—ке—«свиньей въ манижкѣ»—и это прозвище удивительно какъ шло къ неповоротливой, деревянной фигурѣ Ф—ке; несчастный, попавшійся въ руки Ф—ке, зналъ впередъ, что ему пощады не будетъ: за малѣйшую вину—карцеръ, за большую—карцеръ и вонь. Впрочемъ, Ф—ке былъ тоже глупъ,—злые дураки вѣдь водятся,—а потому нѣкоторымъ лов-

кимъ малымъ удавалось избѣжать бѣды и избѣжать самымъ укоротительнымъ образомъ: Ф—ке надо было только огорошить съ перваго раза отвѣтомъ. У насъ былъ студентъ Огородниковъ, — повѣса страшный, во локій, находчивый; онъ поѣхалъ въ зимній отпускъ, и просрочивъ недѣли двѣ, пріѣхалъ безъ докторскаго свидѣтельства о болѣзни. Преступленіе очень большое—долговременный карцеръ неизбѣженъ. Огородниковъ, какъ и каждый студентъ, возвратившійся съ вакаціи, долженъ былъ явиться къ Ф—ке: тотъ конечно разразился бурей; послали ужъ за субъ-инспекторомъ, чтобъ препроводить Огородникова въ «мѣсто скорби и печали».

— Я не могъ раньше явиться, Дмитрій Ивановичъ! сказалъ Огородниковъ.

— Да почему же?

— Пароходъ сломался, Дмитрій Ивановичъ, на мели до сихъ поръ сидитъ.

— А, —а! Ну вы бы мнѣ, милостивый государь, давно сказали.

Тѣмъ дѣло и кончилось.. Бывшіе тутъ студенты едва могли удержаться отъ смѣха, глядя на серьезную фигуру Огородникова. На дворѣ въ это время было градусовъ 30 морозу и сугробы стояли въ нѣсколько сажень вышиной.

Вся дѣятельность Ф—ке была направлена на безсмысленный формализмъ. Трудно представить, къ какимъ мелочамъ придирался инспекторъ: студентъ напримѣръ долженъ былъ снимать шапку при встрѣчѣ съ высшимъ начальствомъ за шесть шаговъ; не поклонившійся ему попадалъ въ карцеръ на сутки; за нѣсколько незастегнутыхъ пуговицъ грозилъ карцеръ; за признаки усовъ или бороды — карцеръ; за шапку въ воскресенье — карцеръ; за нехождение въ праздники къ обѣднѣ — карцеръ; за длинные волосы—карцеръ... словомъ, за малѣйшее нарушеніе дисциплины—карцеръ. Мы сдавали экзаменъ, какъ теперь помню, изъ уголовного права; просидѣвши почти безъ сна нѣсколько ночей, чтобы обвѣтриться, мы отправились гулять. День былъ праздничный; въ городскомъ скверѣ случилось гулянье. Забывши о существованіи Ф—ке, мы закурили папирсы; но лишь только сдѣлали нѣсколько затяжекъ, какъ узрѣли передъ собой немѣтную фигуру Ф—ке. Прятать папирсы было поздно.

— Это что у васъ, господа, въ рукахъ?

— Папирсы...

— Отправляйтесь къ субъ-инспектору и скажите ему, что я препровождаю васъ подъ арестъ.

Мы безпрекословно повиновались. Не успѣли мы сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ насъ догнала другая пара студентовъ.

— Захватите и насъ, господа, съ собой...

— А что?

— Да тоже въ мѣсто злачное; не видали, какъ дьяволъ вывернулся, шапокъ не успѣли снять...»

До университета мы уже дошли въ большой компаніи, человекъ въ десять, такъ что субъ-инспекторъ былъ въ затрудненіи, куда распредѣлить насъ...

И не забудьте, что это было въ самый разгаръ экзаменовъ, когда студенту дорогъ каждый часъ!

Студенты терпѣть не могли Ф—ке и добирались до него нѣсколько разъ, но всегда неудачно, такъ что сами же платились; только послѣ насъ удалось уже избавиться отъ него: его освистали въ публичной залѣ и потомъ заявили, что всѣ выйдутъ изъ университета, если онъ останется. Время ужь другое наступило.

Правая рука Ф—ке былъ старичишка Х—ровъ, всегда говорившій студентамъ «мы—ваше начальство». Обязанность Х—рова была доносить на студентовъ; впрочемъ онъ и платился за свою ревность. Ф—ке обыкновенно посылалъ Х—рова вездѣ, гдѣ случалось происшествіе, что было не совсѣмъ безопасно. Х—ровъ особенно не любилъ Новаго Вавилона, гдѣ его разъ вѣрнопriколотили; про него можно было сказать, что онъ пакостилъ, не щадя своего живота. Предъ Х—ровымъ студенты были обязаны дѣлать тѣ же эволюціи, что и предъ Ф—ке,—ослушавшимся грозилъ тотъ же карцеръ. Предъ четверокурсниками Х—ровъ начиналъ всегда лебезить — племянницъ у него много было.

Вы спросите, да какъ же при педобныхъ строгостяхъ существовали тѣ буйныя проказы, которыми такъ полны прежнія университетскія летописи? Да кто же родилъ эти буйныя проказы, какъ не начальство съ одной стороны?

Формализмъ старался проникнуть всюду, ни одной области онъ не оставлялъ въ покоѣ; я говорю, студенты обязаны были посѣщать обѣдни и всенощныя въ каждый большой праздникъ; студентъ, небывшій на исповѣди, не допускался къ экзаменамъ. Чего хотѣли достигнуть такимъ обязательнымъ исполненіемъ правилъ религіи, незнаю,—только

во всякомъ случаѣ, если и хотѣли чего достигнуть, такъ ровно ничего не достигали. Говѣли студенты всё на страстной недѣли, исповѣдывалъ ихъ священникъ въ алтарѣ; онъ вышелъ оттуда, его окружала толпа человѣкъ въ тридцать ожидавшихъ очереди исповѣдываться, и очень серьезно просила исповѣдываться всѣхъ за-разъ, такъ какъ грѣхи одинаковые у всѣхъ — студенческіе.

Нашъ университетъ отличался по преимуществу демократическимъ характеромъ. Мѣстная аристократія того края давала своему подроставшему поколѣнію домашнее воспитаніе или корпусное; потомъ дѣлала ихъ слугами очизны на полѣ бранномъ: народъ у насъ былъ или положительно недостаточный или мало-достаточный, а потому всё Вавилоны, Аббатства и Хутора сверху донизу наполнялись жильцами.—Дешевизна жизни особенно привлекала въ эти историческія мѣстности, и нѣкоторые студенты умѣли доводить эту дешевизну до яснословной цифры; но за то только молодость и можетъ быть веселѣ въ этихъ пріютахъ. Всѣхъ замѣчательнѣе изъ этихъ пріютовъ былъ Новый Вавилонъ. Это было трехэтажное, полуразвалившееся зданіе, сверху донизу набитое студентами; кромѣ студентовъ въ немъ почти никого не было. Кому собственно принадлежалъ Новый Вавилонъ, никто кажется не зналъ; да полно настоящіе-то хозяева и не отказались ли отъ него. Дешевизна квартиры въ Вавилонѣ была удивительная и вполнѣ соответствовала комфорту: зимой холодъ былъ такой, что вода въ комнатахъ замерзала, и жильцы,—у кого конечно штылись,—ложились спать въ валеныхъ сапогахъ и въ полушубкахъ. Замѣчательнѣе всего было то, что въ Вавилонѣ почти ни у одной двери не было замка, и никогда ни одинъ воръ не забирался въ него.

Уборка комнатъ въ Новомъ Вавилонѣ считалась излишней роскошью, несомнѣнною съ служеніемъ наукъ ея обитателей; а потому вы можете представить, что это за лирической безпорядокъ царствовалъ здѣсь: бѣлье, сахаръ, тетради, пустыя бутылки, платье, вакса, чайники—все было перемѣшано, въ самой не поэтической картинѣ. Прислуга въ Вавилонѣ соответствовала прочей обстановкѣ. Однажды хозяйка объявила, что она будетъ держать все въ примѣрной чистотѣ отнынѣ, поеліку лакей нанять. Студенты ждутъ явленія Санчо-Пансо. Наутро приноситъ самоваръ какой-то господинъ съ большой бородой и съ весьма подозрительной фizioноміей; облеченъ онъ былъ въ сѣрый армякъ; на спинѣ сѣраго армяка была вшита черная четырехугольная заплата. Стали узнавать о прежнемъ родѣ жизни Санчо-Пан-

со; оказалось, что онъ два года сидѣлъ въ острогѣ и только-что взять на поруки хозяйкой. Впрочемъ, такое открытіе не произвело никакого впечатлѣнія: посмѣялись только, но замками не запаслись. Черезъ мѣсяцъ Санчо-Пансо, укравъ старые брюки у одного изъ жильцовъ, скрылся неизвѣстно куда.

Въ Новомъ Вавилонѣ было и table d'hôte, цѣны тоже немновѣрно низкой: 8 рублей ассигнаціями въ мѣсяцъ; давали за эту цѣну три кушанья, достоинства невообразимо сквернаго. Чтобы показать, чѣмъ кормили тамъ, я расскажу для примѣра одинъ случай. Однажды обѣдавшіе обрѣли въ горячемъ кусокъ курицы. Роскошь непостижимая, прибедная всѣхъ въ недоумѣніе!... Впрочемъ недоумѣніе скоро разсѣялось, и оказалось, что у хозяйки издохла курица и изъ ея-то брѣньныхъ остатковъ задано было лукуловское угощеніе. Table-d'hôte помещался, въ темномъ сараѣ, въ закоптѣлой полагкѣ, съ которой падали грязныя капли и попадали прямо въ кушанье; салфетки на столахъ представляли сплошную кучу грязи.

Да, людямъ, не бывшимъ студентами, трудно представить, какую школу нужды и лишеній выносить часто молодежь, продолженіе четырехъ курсовъ.

Мы хоронили одного товарища, умершаго уже въ третьемъ курсѣ; сапогъ у малого не было, сказать-то объ этомъ ни кому не хотѣлъ—такъ онъ вмѣсто подошвъ подкладывалъ сахарную бумагу. Была дождливая, холодная осень; горячку, бѣдняга, схватилъ, да и пошелъ въ могилу. На многихъ похоронахъ я бывалъ, всякія раздирательныя сцены видѣлъ, но ни чьи похороны на меня не производили такого тяжелаго впечатлѣнія, какъ похороны этого студента: молодость, надежды, силы—лежать въ гробу; тѣсная кучка товарищей жмется около него; а тамъ, гдѣ нибудь далеко ждуть мертвеца, ждуть съ біеніемъ сердца, какъ послѣднюю надежду.

Но возвратимся къ Вавилону. Не смотря на всю непривлекательную обстановку, весело жилось въ немъ; каждый вечеръ въ которомъ нибудь углу его, а то и въ нѣсколькихъ за-разъ гремѣла классическая: *Gaudeamus igitur*; толпы студентовъ ежеминутно входили и выходили изъ Вавилона. Впрочемъ случалось иногда и повальное оскуденіе; все, имѣющее цѣнность, было уже въ «мытьѣ» и тогда начиналось кочеванье для обрѣтенія жизненныхъ продуктовъ и обмѣна ихъ: имѣющіе сахаръ искали у кого есть чай; не имѣющіе табаку искали этого матеріала; неимѣющіе ни чаю, ни сахару, ни табаку искали

всѣхъ этихъ продуктовъ за-разъ или порознь. Знакомства въ Новомъ Вавилонѣ заводились очень скоро: напримѣръ, на верху поется пѣсня и въ низу шумъ не малый; значить, оба этажа веселостями занимаются; ну, безъ всякихъ предварительныхъ визитовъ, либо верхняя компанія отправляется къ нижней, либо нижняя къ верхней, и предлагаетъ какъ извѣющіеся припасы, такъ и компаніи соединить во-едино, для вѣщаго удовольствія. Случалось такъ, что обѣ компаніи, оцѣненные одной мыслью, сталкивались на площадкѣ лѣстницы: тогда тутъ же, какъ на землѣ нейтральной, устраивался пиръ, и къ нему присоединялось большинство мимоидущихъ. Вавилоны, Аббатства и тому подобныя убѣжища въ дни крестовыхъ походовъ обыкновенно высылали изъ своихъ развалинъ не мало рыцарей; въ городѣ всѣ очень хорошо знали эти обитатели. Во время ночныхъ преслѣдованій полицейскими и иными блюстителя тишины, студентамъ стоило только добраться до Вавилона или Аббатства,— въ ихъ таинственныхъ переходахъ, скрывающихся не могла найти никакая сила, да и вообще углубляться въ ихъ мрачные закоулки не было много охотниковъ. Въ Вавилонахъ и Аббатствахъ жило обыкновенно не больше человекъ тридцати студентовъ.

III.

Представители науки. Тум—ій. М—ъ. Мафусаилы. Ф—овъ Т—нъ. Гетингенецъ.

Первое посѣщеніе лекцій на насъ, ноличковъ, производило самое торжественное впечатлѣніе: въ профессорахъ мы видѣли нѣчто необыкновенное. А надо замѣтить, профессора моего времени, по внутреннимъ своимъ достоинствамъ, не многимъ отличались отъ «начальства». Это тоже было своего рода начальство; два, три имени—вотъ и все, что можетъ съ благодарностью сохранить память. Впрочемъ, въ послѣдній годъ и здѣсь стала замѣтна перемѣна, и какъ благотворно подѣйствовала она на студентовъ: бывало, совсѣмъ пустая аудиторія вдругъ наполня-

лась биткомъ, такъ что мѣста вельзя было найдти, когда узнавали, что въ ней будетъ читать профессоръ, отъ котораго, вмѣсто дребедни, можно ожидать живаго слова.

Остановимся нѣсколько поподробнѣе на ученой жизни университета; я знаю, многіе обвиняютъ студентовъ въ равнодушіи къ лекціямъ, но они ли виноваты?

Я говорю, въ мое время профессора разыгрывали роль начальства и не хотѣли общенія съ студентами; они держали себя совершенно отдѣльно, съ юпитеровскимъ величіемъ: часто ихъ квартиры только и узнавались, что передъ экзаменомъ, когда нужно было справиться о программѣ. Заставить слушателей полюбить науку, предаться ей никто и въ помысленіи не имѣлъ; прочиталъ лекцію, отслужилъ свой терминъ,—ну, значить и довольно. А вѣдь какъ мало нужно было заставить молодежь полюбить себя, имѣть на нее благотворное вліяніе! Былъ у насъ профессоръ технической химіи Тум—ій; студенты знали, что онъ въ отношеніи науки часто шарлатанилъ, что онъ не имѣетъ особенно-крѣпкихъ принциповъ, что онъ больше всего человѣкъ ловкій, коммерческій; но они любили его, потому что всегда находили въ немъ радушный пріемъ, готовность помочь имъ, указать пособія, снабдить матеріалами; словомъ, сдѣлать такъ, чтобы помимо лекцій, можно было запастись и другими свѣдѣніями. Помню, въ студенческой пѣснѣ Тум—ому посвящено было нѣсколько куплетовъ, они оканчивались такъ:

Общая любовь!
Да хранить же Лары
Его мирный кровь!

Да, немного нужно было профессору въ наше темное, тяжелое время, чтобы заслужить общую любовь; но и этого немногаго не хотѣло дать большинство, засѣвшее по горло въ грязи хлама и житейской подлости.

Впрочемъ, есть одно имя святое для каждаго слушателя. Дмитрій Ивановичъ М—ъ была высокая личность; ни одного пятна не лежитъ на немъ; онъ многихъ выдвинулъ на прямую дорогу, указавъ имъ, куда идти. Я увѣренъ, что не одинъ изъ слушателей донесетъ до гроба воспоминаніе о немъ; не одинъ въ трудныя минуты искушенія обязанъ ему своимъ спасеніемъ. Дмитрій Ивановичъ былъ олицетворенная честность; вся его жизнь представляетъ служеніе одной идѣ;

не смотря на невзгоды, на физическія и нравственныя страданія, онъ твердо, безуклонно шелъ къ своей цѣли, ни разу не отступая, ни разу не погнувшись передъ бурями. М—а не любило большинство товарищей по наукѣ, потому что онъ имъ служилъ горькимъ упрекомъ, живымъ примѣромъ того, что и въ наше темное время можно было сдѣлать многое для молодости. М—а, я знаю, не любила нѣкоторые и изъ слушателей, потому что его трудно было обмануть, провести; строгій къ самому себѣ, весь отдавшійся наукѣ и жизни, онъ былъ строгъ и къ другимъ; оцѣнка Дмитрія Ивановича была рѣдко погрѣшима; его любимцы были постоянно лучшими студентами во всѣхъ отношеніяхъ и, сколько я знаю, были безупречны и въ послѣдующей жизни; одинъ только слушатель не оправдалъ этой оцѣнки. Дмитрій Ивановичъ зналъ это: «а я-то на него надѣялся—говорилъ онъ,—но что дѣлать; видно, каждому суждено ошибаться». М—ъ рано умеръ; смерть его отозвалась глубокой скорбью въ сердцахъ всѣхъ его слушателей; надъ нимъ, какъ надъ большинствомъ нашихъ лучшихъ дѣятелей, исполнился страшный приговоръ судьбы: идти въ могилу въ полномъ разцвѣтѣ силъ. Въ настоящее время изданы лекціи Дмитрія Ивановича; но какая огромная разница между тѣмъ, что мы слышали, и тѣмъ, что напечатано? Лучшаго-то, такъ сказать, души М—ой и нѣтъ въ послѣднемъ. Мы записывали за Дмитріемъ Ивановичемъ только начало лекцій; но потомъ, когда онъ воодушевлялся, когда его стройная, въ высшей степени гармоническая рѣчь текла неудержимымъ потокомъ, когда его блѣдное, прекрасное лицо отвѣчало внутреннему движенію, мы всѣ бросали перья и превращались въ слухъ, боясь проронить слово. Прошло много лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я былъ въ числѣ слушателей М—а, но до сихъ поръ особенно памятны мнѣ его лекціи о крѣпостномъ правѣ, —(въ то время это былъ запрещенный плодъ), и о бракѣ.

Да, иначе бы сложилась жизнь молодого поколѣнія и въ наше время, если бы во главѣ его было побольше такихъ дѣятелей, какъ Дмитрій Ивановичъ.

Въ мое время всѣ факультеты отличались профессорами; но особенно щеголяла передъ другими факультетъ медицинскій; это была рѣшительно кунсткамера, наполненная всевозможными монстрами и раритетами; большая часть изъ нихъ была изъ вѣнцевъ и доживала мафусаиловъ вѣкъ. Былъ, напримѣръ, профессоръ физиологіи Н—рухъ, который имѣлъ удивительнѣйшую способность читать лекціи такъ, что

его положительно никто из слушателей не понимал; это был как ой то бессмысленный бред идиота; тридцать лѣтъ старичина, читавшій физиологію, науку, которая каждый день дѣлаетъ огромные успѣхи, не бралъ въ руки книгу; ни одно животное не было принесено въ его аудиторію. Хорошъ былъ профессоръ акушерства Т—скій, серьезно убѣждавшій слушателей вѣрить въ существованіе жизненнаго элексира и философскаго камня,—или профессоръ судебной медицины Х—е, малый лѣтъ восьмидесяти, который называлъ себя: «ми, знаменитый германскій ученый», я который по учености своей рѣшительно не отставалъ отъ своего друга Мит—ха. Въ Сонмѣ сихъ доблестныхъ мужей науки одно изъ первыхъ мѣстъ занималъ профессоръ, кажется, теоретической хирургіи «Шв—фъ, за старостью лѣтъ не могшій самъ взбираться на лѣстницу и котораго лекціи переходили, изъ роду въ родъ, поколѣній двадцать, не претерпѣвая ни малѣйшаго измѣненія. Другіе монстры изъ этой кунсткамеры всѣ имѣли между собою огромное сходство, такъ что о каждомъ отдѣльно и упоминать не слѣдуетъ. Исключеніемъ изъ нихъ былъ только профессоръ анатоміи. Нѣмецкія отрешья, мало того, что приносили сами страшный вредъ студентамъ, но наполняя совѣтъ, они старались не допустить въ свое сонмище ни одного свѣжаго, энергическаго дѣятеля; они загрызали своими беззубыми челюстями каждаго даровитаго человѣка. Избавился ли хоть нынче факультетъ отъ этихъ Мафусаиловъ?

Второе мѣсто по числу археологическихъ рѣдкостей занималъ естественный разрядъ математическаго факультета; тамъ были допотопные люди тоже очень замѣчательной породы; наиримѣръ, В—ншъ, которому, по драхлости лѣтъ, видѣлись собственные двойники. Что читалъ онъ слушателямъ—неизвѣстно; сидѣвшіе на первой скамейкѣ напрасно напрягали всѣ усилія, чтобы уловить хоть одно слово, хоть одинъ звукъ человѣчскій; старческая одышка да кашель были единственными доказательствами присутствія профессорскаго. В—ншъ былъ профессоръ зоологіи. Но звѣздой естественнаго факультета былъ Г—ь; сей мужъ, читавшій безчисленное количество предметовъ и въ продолженіи своей долговременной ученой дѣятельности, сдѣлалъ единственную, но за то огромную услугу для науки, открывши въ минералахъ чижово-зелено-красновато-буро-сизый цвѣтъ. Г—ь ежегодно бралъ изъ университетскихъ суммъ тысячи по двѣ серебромъ денегъ «для ученыхъ экспедицій» во время каникулярныхъ мѣсяцевъ; результатъ этихъ экспедицій покрыть и по сіе время непроницаемой тайной,

да врядъ ли когда нибудь тайна эта и объяснится. У Г—я постоянно жили богатые студенты, которые, какъ и слѣдуетъ ожидать, ничего не дѣлали и которыхъ Г—ь, имѣя въ распоряженіи чутьли не десятокъ бабовъ, производилъ всегда въ кандидаты. Къ В—ншу и Г—ю присоединился еще профессоръ ботаники Пр—скій, изъ десяти лекцій посѣщавшій только двѣ, потому что въ продолженіи остальныхъ восьми онъ былъ пьянъ. Изъ этой великолѣпной троицы состоялъ почти весь естественный разрядъ. Благодаря такому удачному сочетанію ученостей въ одномъ пунктѣ, слушателей во всемъ разрядѣ бывало не больше человекъ шесть; такъ что государству каждый естественникъ, считая издержки на «ученныя экспедиціи», на кабинеты и тому подобное, обходился очень дорого.

Другіе факультеты были всеже лучше, не сплошь монстрами наполнялись, по крайней мѣрѣ въ нихъ не было такого наплыва старческо-пѣмецкой тупости; народъ былъ помоложе. Впрочемъ, и здѣсь были индивидуумы великолѣпные, какъ на примѣръ профессоръ римскаго права, читавшій лекціи на русскомъ языкѣ и до того хорошо знавшій этотъ языкъ, что между прочимъ слово *roulifex* переводилъ: верховный жеребецъ, или на примѣръ профессоръ логики и психологін, Пр—ый, который начиналъ лекцію о любви такъ: «Мм. гг. Въ нынѣшній разъ мы коснемся любви. Любовь зачинается поцѣлуйми, подарками...» Каждое философское положеніе Пр—аго подтверждалось текстами... Впрочемъ, Пр—ый не имѣлъ особенно дурнаго вліянія на своихъ слушателей, потому что слушатели никогда не посѣщали его лекцій, и онъ, какъ будто зная слабость, старался незамѣчать, что, вмѣсто пятидесяти человекъ, въ аудиторіи возсѣдаетъ какой нибудь одинъ несчастный, заброшенный Богъ вѣсть какими судьбами на пустыя скамьи.

Первую лекцію, которую намъ привелось услышать, была лекція Русской Исторіи; она произвела на насъ, новичковъ, очень сильное впечатлѣніе: Ф—овъ, о которомъ я уже упоминалъ, былъ не безъ дарованія и не безъ дара слова; кромѣ того, онъ обладалъ отличнымъ органомъ. Впослѣдствіи только мы оцѣнили этого господина, понявъ, какія начала онъ проводитъ въ своихъ лекціяхъ... Хорошъ Ф—овъ особенно былъ при посѣщеніи его лекцій какой нибудь важной особой; онъ нарочно на этотъ случай выбиралъ раздирательно патріотическій сюжетъ и, развивая его, плакалъ, что доставляло невыразимое удовольствіе и посѣтителю и сопровождавшему его университетскому начальству. Ф—овъ былъ гроза студентовъ; они его на экзаменахъ трусили пу-

ще всѣхъ. Начитывая своей дребедени огромное количество, онъ придирался къ каждой малости. Нѣкогда даровитый, способный Ф—овъ представлялъ живой примѣръ, до какой степени человекъ можетъ исподличаться, изгадиться; на его имени, больше чѣмъ на монстрахъ, въ родѣ Г—я, Х—е и другихъ, лежить ответственности передъ обществомъ и слушателями; тѣ только дичь городили, а этотъ разливалъ ядъ и разливалъ на огромное пространство: его слушатели, въ качествѣ учителей, передавали ядъ подрастающимъ поколѣніямъ...

У насъ дѣльнѣе другихъ профессоръ финансово-го права; онъ былъ очень честный господинъ; но, къ несчастію, «обстоятельства» помяли его; до «обстоятельствъ» его лекціи были полны живого взгляда, свѣтлыхъ мыслей, либеральныхъ тенденцій; онъ взвѣшивалъ каждое государственное явленіе, давалъ ему надлежащую оцѣнку, критически относился къ мѣрамъ правительства, разсматривалъ ихъ въ связи съ народнымъ благосостояніемъ и развитіемъ; но послѣ «обстоятельствъ», какъ человекъ честный, онъ не хотѣлъ противорѣчить убѣжденіямъ, не хотѣлъ, вслѣдъ за Ф—ымъ идти по проторенной дорожкѣ. Но какъ человекъ въ то же время трусливый, онъ постарался скрыть свои убѣжденія; почему лекціи его, загроможденныя богатствомъ матеріаловъ, почти безъ всякаго критическаго взгляда были страшно монотонны, скучны. Т—нъ, какъ была ему фамилія, попалъ въ одну изъ студенческихъ пѣсень; она пѣлась на голосъ: «Ахъ подруженьки, какъ скучно»,—и начиналась такъ.

«Ахъ, товарищи, какъ грустно
У Т—ина сидѣть
Намъ финансы не веселье...

Поютъ ли нынѣшніе слушатели Т—ина эту пѣсню? Если поютъ, такъ очень жаль: Т—инъ имѣетъ въ себѣ много данныхъ, чтобы заставить забыть ее.

Особеннымъ безобразіемъ въ фигурѣ отличался профессоръ сельскаго хозяйства Ш—ль. Мы, новички, не могли безъ смѣху въ первое время смотрѣть на него; въ высшей степени безталантный, дубовый, Ш—ль имѣлъ одну удивительную способность дѣлать изъ своихъ длиннѣйшихъ пальцевъ всевозможныя земледѣльческія орудія, а изъ своей уморительной фигуры создавать виды всякихъ деревьевъ и злаковъ; къ этимъ достоинствамъ онъ присоединялъ еще очень плохое знаніе русскаго языка. Особенной же щеголеватостью отличался профессоръ исто-

рін литературы Б—овъ, лекціи котораго, набитыя всевозможными метафорами и «жалкими словами», по выжимкѣ ихъ, уменьшались въ вѣсѣ до нуля. Б—овъ имѣлъ особенный даръ говорить дѣльный часъ, и говорить, кажется, очень хорошо, по крайнѣй мѣрѣ, весьма кудреватю, но такъ, что его слушатели изъ всѣхъ его кудрей не выносили ровно ничего. Къ Б—ову нѣсколько подходили профессоръ Ш—анъ, котораго вступленіе въ науку занимало обыкновенно лекцій тридцать, а самая наука лекцій десять.

Я боюсь утомить читателей подробностями, относящимися къ ученой дѣятельности профессоровъ; но эти подробности необходимы. Студенческая дѣятельность слагается подъ влияніемъ трехъ силъ: аудиторіи, кружка и начальства. Первое мѣсто въ числѣ этихъ силъ должна занимать аудиторія. Ни одна масса такъ не впечатлительна, какъ университетская молодежь; нигдѣ сѣмя добра, живое слово не принимается съ такою жадностью. Я помню, послѣ нѣкоторыхъ лекцій, вся молодежь ходила, какъ намагнетизованная; только и разговоровъ было, что о лекціи; только и словъ, что о профессорѣ, умѣвшемъ пробудить живыя струны. Та самая молодежь, что вчера поднималась въ крестовые походы, нынче топталась въ дверяхъ аудиторіи, въ ожиданіи услышать что нибудь новое, свѣжее. Адхимики, въ родѣ Г—ей, В—шовъ, сидѣли одинокіе съ своей истасканной, устарѣвшей ученостью; обычные слушатели промѣняли ихъ на лекціи, не входящія въ обязательный кругъ,—но за то гдѣ вмѣсто пережованной плѣсени получалось нѣчто болѣе полезное. Вліяніе профессора на слушателей огромно, его нельзя сравнить ни съ какой книгой.

Впрочемъ думаю, что я достаточно далъ понять объ ученомъ мірѣ моего университета, если остановлюсь на этотъ разъ на вышесказанныхъ представителяхъ науки, для полноты картины прибавивъ, что М—ъ былъ только у насъ одинъ; остальная же ученая братія больше или меньше напоминали или Г—я, или Ф—ова, или Пр—скаго, или Б—това; если и были исключенія, такъ очень мало...

IV.

Внутренняя жизнь. Кружки. Вечернія и утреннія сцены. Любовницы. Вакація.
Приготовленіе къ экзаменамъ. Экзамены.

Новички, только что поступившіе въ университетъ, обыкновенно попадали подъ вліяніе какого нибудь стараго студента и послѣдній вводилъ ихъ въ свой кружокъ, уже прежде образовавшійся, или около него симаго образовывался новый кружокъ. Въ первые годы моего поступления въ университетъ, всѣ кружки больше или меньше походили одинъ на другой: ихъ составляли съ одной стороны начальнической педагогическія, съ другой дребедень Г—ей, Б—выхъ и т. д. Пробудить въ молодежи желаніе упорнаго труда, жажду науки, твердое сознаніе будущей дѣятельности ни у кого не было охоты. Вліяніе одного профессора было не достаточно, да и предметъ его былъ спеціальностью только юристовъ и отчасти камераловъ; остальная же братія изъ кожи лезла, чтобы оттолкнуть слушателей отъ науки, чтобы скрыть отъ нихъ все, что есть въ наукѣ жизненнаго, что можетъ именно увлечь за собой молодой, пылкій умъ. Я говорю, плотины были вездѣ, — кружки, сжатые со всѣхъ сторонъ, должны были слгаться подъ вліяніемъ одной только силы — молодости, рвавшейся впередъ, требовавшей удовлетворенія. Всѣ кружки были больше или меньше одного характера, особенно кружки *первокурсниковъ*; надъ нѣкоторыми изъ нихъ тяготѣла даже какая-то злая судьба: такъ напримѣръ, былъ кружокъ, гдѣ преобладали преимущественно медки — стипендіаты; напередъ можно было сказать, что студентъ, вступившій въ него, покончитъ не добромъ, — стипендіаты обыкновенно посылались куда нибудь за тридевять земель въ фельдшеры.

Ну, ужъ за то и куражились же члены этого кружка!..

Нашъ университетъ обнималъ огромный районъ по пространству; представители отдаленнѣйшихъ пунктовъ собирались въ него. Каждый изъ этихъ представителей вносилъ съ собой отличительные признаки воей мѣстности, особенный характеръ развитія. Одними изъ лучшихъ

студентовъ были сибиряки, все это былъ народъ добрыйшій, крѣпкій, — славные товарищи, свѣтлые головы. Ихъ очень любили въ университетѣ. Конечно, и между ними были не безъ грѣха; но такіе были, какъ исключеніе. За то представители одной изъ внутреннихъ помѣщичьихъ губерній П. пользовались совершенно противоположной и совершенно справедливой репутаціей; все это были какіе-то франты, узскіе, мелкіе, помѣшавшіеся на шикѣ, готовые подъ часъ сдѣлать пакость; изъ нихъ ни одинъ не стоялъ въ главѣ какого нибудь движенія; всѣ они старались выдвинуться впередъ лестью передъ профессорами, низкопоклонничествомъ. Но странное дѣло! Не смотря на всѣ благопріятныя условія, они постоянно затырались какими нибудь крѣпкими сбитнями, то проживавшими жизнь на пропалую, то дѣлами недѣли просиживавшими безъ сна за какими нибудь патологіями и теологіями. Почти одинаковой славой въ П — мы пользовались представители сѣверныхъ губерній: тѣ даже не были и франтами; но, чортъ знаетъ, что это былъ за дряблый, безсильный народъ...

Студенты моего времени какъ-то не любили посторонняго общества. Они не составляли отдѣльной корпораціи, запертой въ себѣ, но и не старались сближаться съ обществомъ, такъ что большинство, въ продолженіи курса, не имѣло ни одного знакомаго семейнаго круга. Впрочемъ винить ихъ въ этомъ было нельзя; семейная жизнь у насъ страшно не развита; скука въ ней царствуетъ нешновѣрная; интересовъ овлазвѣвающихъ никакихъ нѣтъ; сплетня занимаетъ первое мѣсто въ числѣ развлеченій; пошлость, то прикрытая дворянскимъ гербомъ, то чиновнымъ вицмундиромъ, составляетъ одинъ изъ главныхъ элементовъ и ни сколько не обладаетъ привлекательной способностью. Провинціальныя барышни помѣшаны на женяхъ, а студенты вообще не любили высказывать особыхъ пожеланій на брачное сожителство; только медики, какъ народъ болѣе положительный, составляли иногда исключенія; они еще въ третьемъ или четвертомъ курсѣ запасались невѣстами.

Студенческая жизнь текла довольно однообразно: силы много, время тоже достаточно, расходуѣ въ волю, — то и другое чаще всего довольно не экономически. Я передамъ нѣсколько оцѣнъ внутренней жизни, взятыхъ изъ темнаго времени, когда захваченные круговоротомъ, не вида ни чего отраднаго во кругъ себя, бурши отлаивались безъ большихъ усилій уносить себя въ шумный разгулъ...

Обстановка оцѣнъ почти вездѣ одинакова. Кто не знаетъ общаго

характера студенческаго житья? Небольшая комната, двѣ-три неубранныхъ кровати, животрепещущій столъ, околоченные стулья, груда человѣческихъ костей, если который нибудь изъ жильцевъ медикъ; тетради лекцій, зазубренный остатокъ шпаги, служащій и для явленія къ начальству, и для мѣшанія въ печь, и для колки сахара; страннаго фасона трехуголка, книги, огарки, никогда нечищенный самоваръ, вакса, портретъ любимаго профессора на стѣнѣ, лягавый песь, обладающій ключкой напр. Питеграль, Адамъ Смитъ; виц-мундиры подъ краватью, а сапоги на кровати... Обстановка всѣмъ студентамъ очень хорошо извѣстная! Нѣсколько буршей, безъ виц-мундировъ, умѣстились кто гдѣ могъ и кто гдѣ зналъ; разговоръ идетъ о достоинствѣ профессоровъ, о дѣйствіяхъ начальства, о послѣднихъ произшествіяхъ, о сердечныхъ привязанностяхъ; двое спорятъ, возможно ли приженіе плуговой системы къ русскому сельскому хозяйству при настоящихъ условіяхъ; одинъ, какъ убитый, спитъ на кровати.

— Silence, messieurs! Закричалъ одинъ изъ буршей, усаживаясь на столъ въ качествѣ оратора.

Воцарилось молчаніе...

— Прежде всего, почтенные лорды, я требую вашего вниманія, — началъ буршь. — Постоянно пребывая въ высшихъ сферахъ умственнаго созерцанія, я пришелъ къ тому убѣжденію, что жизнь...

— Да ну тебя къ чорту съ твоими предюдіями; говори прямо, чего хочешь? Перебиваетъ оратора другой буршь...

— Прежде всего я долженъ вамъ замѣтить, многоуважаемые лорды, что мой почтенный другъ оказывается ужаснѣйшей свиньей; поеліку перебиваетъ меня и тѣмъ нарушаетъ правила парламентскихъ преній. Но обратимся къ прерванному предмету нашей рѣчи... Итакъ, лорды, жизнь...

— Есть ужаснѣйшая мерзость, — перебиваетъ буршь съ болѣзненно-блѣднымъ лицомъ.

— Вѣрное замѣчаніе, сэръ, — вы всегда отличались глубиной взгляда. Но чтобы украсить жизнь розами, чтобы забыть всѣ невзгоды, неслышаемая неумолимымъ рокомъ, небо указало намъ спасительное средство... И я предлагаю...

— Билъ о складчинѣ?

— Другъ! Ты угадалъ мою мысль, принди въ мои объятія.

— Ну что же, складчину такъ складчину, — послышалось со стороны друзей буршей. Двое только сначала слабо сопротивлялись; но потомъ

скоро и они уступили. Стали совѣщаваться относительно качества напитковъ.

— Знаете ли, куда клонится мое мнѣніе, господа? Сказалъ проснувшійся при началѣ сцены студентъ.

— Куда? Повѣдай намъ...

— Не пройдетъ ли, господа, на счетъ глентвейна; и дешево и сердито.

— Что можно, то можно. У тебя, Шамбаровъ, удивительно свѣтлая голова. Чтожь, давайте глентвейнъ варить!»

— Давайте, давайте.

— Господа! Поднялся еще новый ораторъ. Увлеченные юношескими порывами, вы забыли о существованіи нѣкоего металла, именуемаго презрѣннымъ. Позвольте мнѣ, старцу, напомнить вамъ, многоуважаемымъ сэрашъ, объ немъ и спросить, сколько имѣется его въ нашихъ казначействахъ?

Стали ревизовать казначейство. Оказалось, что у всѣхъ-то хватать только на вино, не доставая на сахаръ. Всѣ призадумались. У хозяевъ сахару тоже было очень мизерное количество.

— Вотъ-те попъ свисни, попадаья-то того... Стало быть, глентвейнъ переселится въ область фантазіи.

— Сыны науки, надежды Россіи! Эврика! Закричалъ одинъ студентъ, до сихъ поръ молчавшій.

— Что такое?

— Назадъ тому недѣли полторы, я купилъ два фунта меду; онъ до сихъ поръ цѣлъ. Исходя изъ точки зрѣнія органической химіи, я полагаю, что медъ, какъ суррогатъ сахару, будетъ вовсе не вреднымъ для нашихъ организмовъ...

— О великій камералъ! Я всегда зналъ, что съ твоимъ изобрѣтательнымъ умомъ, ты далеко пойдешь.

Предложеніе великаго камерала принято, глентвейнъ устроился... Стали варить его; вино вспыхнуло; одинъ изъ буршей схватилъ вицмундиръ и затушилъ пламя.

— Ну-съ, господа, благодаря самопожертвованію Соколова, глентвейнъ готовъ... Благослови, владыко.— Сказалъ старецъ, напоминавшій о металлѣ, обращаясь къ самому положительному по фигурѣ студенту...

По немнѣію стакановъ, одинъ налилъ себѣ глентвейну въ помадную банку; другой въ чайницу. По мѣрѣ выпиваемаго глентвейна, разговоръ становился все громче и громче,—смѣхъ, пѣсня, споръ стали сли-

ваться... Кто-то затынул классическую «Gaietanus», — всё остальные голоса подхватили пѣвца.

— А не отправиться ли, господа, къ странамъ обѣтованнымъ? — снова былъ поднятъ биль.

— Что же, можно.

Всѣ бурши подыались и стали собираться. Черезъ нѣсколько минутъ въ комнатѣ стало совсѣмъ тихо, — откуда-то далеко доносились слова удалой пѣсни:

Что тамъ за рож
Ты, мѣсяцъ, творишь?
Глаза прищуря,
Смѣшно такъ глядишь?
Видно, хватилъ, братъ,
Стаканъ ты вина...

Студенческія похождения не всегда обходились дешево. Не говоря о томъ, что за нихъ не рѣдко попадались въ карцеръ, подвергались исключеніямъ изъ университета, — (впрочемъ замѣчательно, наиболѣе сильные скандалы оставались неизвѣстны начальству, слишкомъ занятому пуговицами и волосами); но бурши не рѣдко платились и собственными боками.

Часовъ 8 утра. Два студента лежатъ на кроватяхъ...

— Охъ! — Слышится голосъ изъ подъ одѣяла.

— Чего ты тамъ стонешь? Спрашиваетъ сожитель.

— Да чортъ, братъ, знаетъ, — голову что-то больно... А ты поди-ка сюда...

— Ну да, какъ же...

— Поди же... Посмотри-ка, что у меня на головѣ-то...

Грачевскій нехотя всталъ, подошелъ къ Андрееву, (фамилія стонавшаго), и сталъ щупать голову...

— Что это съ тобой? Гдѣ это тебѣ угораздило? Вѣдь у тебя вся голова въ шишкахъ!

— То-то я лежу весь, какъ разбитый... Оно видно, и впрямь, что побилъ...

— Да гдѣ это тебя?

Андреевъ задумался...

— Хоть убей, ничего не помню...

— Неужели ничего не помнишь?

— Единъ туманъ въ головѣ, да шинки на головѣ остались... Впрочемъ помню, братъ, что на нѣтъ кто-то сидѣлъ верхомъ, да за горло душилъ, а другой по головѣ полѣномъ тактъ выколачивалъ.

— Да кто же, по крайней мѣрѣ?

— Таинственные незнакомцы... Сказалъ, что ничего больше не помню...

Такъ воспроизведеніе шинекъ на головѣ Андреева и осталось открыто мракомъ неизвѣстности.

— А ты что вчера дѣлалъ?

— Я-то? Проферинялся, другъ любезнѣйшій, аки бубень.

— Гдѣ?

— Да все въ Византіи проклятой. Сталъ съ Кожаровымъ играть, — счастье такое ему везеть, — какъ не хватить, смотришь, желтый, въ средней, да по красному карамболь... Сначала по гривеннику, потомъ по полтинничку, — ну, и удалился изъ земли византійской легче пуху...

Грачевскій сталъ ходить по комнатѣ, напѣвая изъ Аскольдовой могилы:

И Византію громили
И съ Коссоговъ брали дань.

— Андреевъ! Какъ ты думаешь, снизойдетъ на насъ нынче манна небесная?

— Думаю, что нѣтъ... Въ добродѣтеляхъ мало упражняемся...

— Ну, такъ придется на пици св. Антонія посидѣть... Финансовъ-то вѣдь нѣма.

— Цѣнности нѣтъ ли какой въ обороть пустить?

— Какая цѣнность, все въ «мытѣ».

— У меня двое штановъ, — одни по боку... Къ чему такая роскошь, не подобаешь ученымъ мужамъ. Ступай къ Иринарху, дасть что-нибудь...

Грачевскій повеселѣлъ и отправляется къ Иринарху превращать штаны въ звонкую монету.

Ростовщики страшно драли съ студентовъ, — получить сто на сто въ мѣсяцъ вовсе не считалось жидовскимъ процентомъ; Впрочемъ, чаще всего вещи и не возвращались къ собственникамъ, такъ что бурши прѣзжали на вакацію въ такомъ видѣ, что могли, какъ древній флософъ, въ утѣшеніе родителямъ, сказать «omnia mecum porto»!

Въ мое время билліардъ и карты отнимали у университетской молодежи не мало время; азартныя игры: банкъ, штоссъ, ландскнехтъ и

т. п., были въ большемъ ходу; — случалось заигрыватья по нѣсколько ночей сразу, не сходя со стульевъ; игра оканчивалась только тогда, когда у большей части оскудѣвали всѣ средства продолжать ее дальше. Были такіе студенты, которые только игрой и поддерживали свое существованіе.

Студенческая жизнь стихала только послѣ масляницы; на масляницѣ она достигала своего апогея, — откуда только брались деньги! Большая часть кутила на-пропалую, — запасалась, значить, на великій постъ и на все послѣдующее время... Съ первымъ звономъ колокола въ чистый понедѣльникъ фізіономіи начинали нѣсколько вытягиваться, и окончательно вытягивались въ маѣ мѣсяцѣ, когда надобно было предъ ученымъ синклитомъ подавать отчетъ. Чѣмъ дальше шель постъ, тѣмъ на улицахъ рѣже и рѣже можно было услышать студенческую пѣсню.

Большая часть студентовъ запасалась любовницами... Это были горничныя, магазинщицы, бѣдныя мѣщаночки... Какія были между ними славныя, любящія натуры! Какъ привязывались онѣ къ своимъ молодымъ друзьямъ! Прибѣжить, бывало, какая-нибудь Поля, Маша, все такая свѣжая, розовая, ласковая, — и такъ свѣтло сдѣлается въ убогой каморкѣ, такіа звонкія поцѣлуи раздаются въ ней! Поневогѣ изъ головы испарятся всѣ перетянутыя въ рюмочку барышни, которымъ еще такъ недавно клялся на родинѣ въ вѣчной любви.

Первое полугодіе обыкновенно еще не настолько втягивало въ студенческую жизнь, чтобы онъ всей душой не стремился на родину показаться во всемъ блескѣ своего величія. Рождества всѣ студенты, бывшіе изъ губерній ближайшихъ къ университету, ждали съ нетерпѣніемъ. По мѣрѣ приближенія къ вакату, образы, начинавшіе мало по малу сглаживаться въ тревогахъ студенческой жизни, стали все рѣще и рѣще выясняться и манить къ себѣ. Сданы репетиціи, — партіями отправляется молодежь къ пенатамъ.

— Ты въ чемъ поѣдешь, Чариковъ? У тебя нѣтъ ни полубубка, ни теплой шинели. — Спрашиваетъ своего компаньона миловидный студентъ...

— Но у меня есть зато мозгъ въ головѣ, замѣняющій всѣ сокровища. Я надѣваю на себѣ всѣ имѣющіяся въ наличности рубашки, халаты и съ помощію Аллаха отправляюсь обнять своихъ престарѣлыхъ родителей, — отвѣчалъ Чариковъ.

Морозъ на дворѣ 25⁰/₀, но Чариковъ, съ помощію Аллаха, не обращаетъ на него вниманія; появленіе его въ необыкновенномъ костю-

нѣ производить эффектъ въ крестьянскихъ избахъ вездѣ, гдѣ приходится останавливаться.

— Эхъ, баринь, какой ты жаркій! Острилъ крестьянинъ, поглядывая на Чарикова.

— О-о-хо... плачется старуха, — видно у тебя и родителей - то вѣтъ, снарядить - то тебя не кому было...

— Есть, бабуся, и родимая, — да сынъ-то у ней изъ блудныхъ. Весело отшучивается Чариковъ.

Но добрались кое-какъ до пенатовъ... Тутъ-то веселье-то, тутъ-то разгулъ самолюбыя! Давно ли былъ мальчишка, — а теперь семья не знаетъ, куда посадить дорогаго гостя, — не знаетъ, чѣмъ угостить его. Молоденькая сестра не нахвалится имъ; старушка мать не палюбуется на своего красавца... Идешь ли куда, идешь съ полнымъ сознаниемъ своего достоинства — студентъ вѣдь, — а въ провинціи студенты на счету, въ рѣдкость. На вечеринкѣ встрѣтился съ предметомъ своей страсти, или выбралъ новый — и шепчешь ей сладкія, восторженные рѣчи, тихо жмешь ручку... А она, склонивши хорошенькую головку, пріятливо слушаетъ твои рѣчи, не отнимаетъ своей руки; а гдѣ нибудь въ темномъ уголкѣ, какъ - будто невзначай, подставляетъ бархатную щечку для твоего молодого, сладкаго поцѣлуя.

— Я люблю васъ... Съ замираніемъ сердца шопотомъ говоришь ты...

Но прощай же, дѣвы сердца! Прощель вакалъ. На снѣжной равнинѣ снова показались знакомые куполы, — все ближе и ближе они — все дальше и дальше отодвигаетесь вы, милыя созданія, изъ воспоминаній восторженнаго студента... Не до васъ теперь; другая дѣйствительность распахнула объятія.

Всѣ новички, при поступленіи въ Университетъ, даютъ себѣ обыкновенно слово посѣщать и записывать каждую лекцію; всѣ эти планы исчезаютъ обыкновенно на первый же мѣсяць... Впрочемъ, въ мое время не было большой необходимости сдерживать слово: наука ученыхъ монстровъ обыкновенно сидѣла на мели, и изъ рода въ родъ передавались многія тетради, содержащія разную дребедень. Изъ первокурсниковъ рѣдко кто нибудь заглядывалъ въ постороннюю книгу, могущую дополнить пробѣлъ. Это было принадлежностью старыхъ студентовъ, да и то далеко не всѣхъ, — я зналъ нѣкоторыхъ кандидатовъ, въ тупикъ ставившихъ своей неразвитостью. Отчасти отборные профессора, отчасти нелѣпые экзамены творили довольно щедро ученую степень; другой выходилъ, зная только нѣсколько билетовъ, — счастливый жре

бій выпадалъ и, какъ нарочно, вынимались самыя что ни есть благодатныя билеты. О бесѣдахъ профессоровъ съ студентами, на которыхъ именно только и можно узнать степень знанія, степень развитія послѣднихъ, никто и въ помышленіяхъ не имѣлъ; убивать время на такія занятія мудреные люди никакъ не могли рѣшиться... Да и страшно было разоблачать собственный шарлатанизмъ... Желательно бы знать, многіе ли изъ имѣющихся нынѣ на лицо профессоровъ заботятся о подобныхъ бесѣдахъ, стараются слиться съ учащеюся молодежью?

Я говорю, чистый понедѣльникъ служилъ гранью въ студенческой жизни; великій постъ и все послѣдующее время большинство посвящало приготовленіямъ къ экзамену. Занятія росли crescendo, по мѣрѣ приближенія къ маю мѣсяцу. Бывало, идешь по улицѣ часу въ третьемъ, въ четвертомъ ночи, все молчить, всѣ дома погружены въ глубокій мракъ; только гдѣ нибудь на чердакѣ горить свѣча, и всегда безошибочно можно сказать, что ея тусклый, мерцающій свѣтъ падаетъ на молодое, утомленное лицо. Многіе изъ тѣхъ буршей, что еще такъ не давно, подъ звуки «эхъ студенческая доля» — совершали ежедневно таинственныя экспедиціи, рѣзались въ штось, словно преобразились: цѣлые дни, цѣлыя ночи просиживали за лекціями, за книгами, — ихъ узнать было нельзя: блѣдые, исхудалые, они точно выдерживали страшную болѣзнь. Сколько, подумаешь, силы — то у молодежи! Я знавалъ многіхъ буршей, которые, въ продолженіе мѣсяца, спали не больше трехъ часовъ въ сутки, при страшномъ умственномъ напряженіи.

Студенты обыкновенно занимались партіями, человекъ по три, по четыре, иногда и больше, смотря потому, сколько есть въ курсѣ лекцій... Къ партіи работниковъ присоединяется какой-нибудь баричъ, забѣгавшій на лекціи для препровожденія времени, и теперь при приготовленіи къ экзамену, очень скоро засыпавшій при непривычныхъ звукахъ. Они обыкновенно служили чѣмъ-то въ родѣ развлеченія; скучно станеть, голову заломить отъ громады фактовъ и интій, и стануть требовать отъ барича, чтобы онъ повторилъ прочитанное; а тотъ-то несетъ околесицу, да еще увѣряетъ, что все это вѣрно, ну и веселѣе хоть на минуту станеть. Въ каждомъ курсѣ бывало всегда нѣсколько пребезалабарнѣйшихъ головъ; они обыкновенно не приставали ни къ одной партіи а отъ одной шныряли къ другой; здѣсь схватить кусочекъ, такъ другой, и на авось идутъ, куда кривая не вынесеть.

Съ великаго же поста начинались узнаваться профессорскія кварти-

ры: программы надо составить къ экзамену, а это дѣло не шуточное; на нихъ не рѣдко вся суть вертѣлась.

Обстановка студенческой квартиры, ея лирической беспорядокъ остались тѣже, что и прежде; но общій характеръ измѣнился: спиртуозностью не отдаетъ, пѣсней и въ поминѣ нѣтъ, вода въ самоварѣ не носитъ на себѣ несомнѣнныхъ признаковъ частаго пребыванія корицы и другихъ пряностей, батареи бутылокъ и разнообразныхъ посудинъ не стоятъ грозно по угламъ; хозяйка на цыпочкахъ входитъ въ комнату и жалостливо смотритъ на своихъ еще такъ недавно неугомонныхъ, а теперь всхлудалыхъ жильцовъ.

«Ишь какъ ихъ, сердечныхъ, приспичило.» Проговорить она сквозь зубы иной разъ.

Песъ, обладающій ученой кличкой, и тотъ обнаруживаетъ необыкновенную солидность; только тогда и подбѣжить, махая хвостомъ, къ читающимъ, когда услышитъ свое имя, (попавшееся въ лекціи); но замѣтивъ, что на него не обращаютъ вниманія, отойдетъ въ уголь и такъ внимательно смотритъ на своихъ ученыхъ друзей, какъ будто стараясь проникнуть въ причины періодическихъ перемигъ.

Въ комнатѣ человѣкъ пять буршей; одинъ, подперши рукой голову, громко читаетъ, кажется, теорію Чальмерса о поземельномъ налогѣ, или что-то въ родѣ этого; другой составляетъ конспектъ; еще двое, лежа на кровати, внимательно слушаютъ, напрягая всѣ силы, чтоты уловить-задержать въ себѣ прочтываемое; послѣдній студентъ покоится не, пробуднымъ сномъ праведныхъ.

Чтеніе продолжается, не прерываясь, минутъ двадцать. Наконецъ утомленный чтець остановился и вздохнулъ.

— У-хъ! Ай, да Чальмерсъ, —чтобъ чортъ его драгъ. Создалъ же теорейку.

— Хоть убейте, господа, ничего не понялъ... А ты, Глазовъ, понялъ?

— Плоховато, больно плоховато... Вообще, милость небесъ да забвѣть меня отъ Чальмерса... Совсѣмъ сръжешься.

— Да, съ попой провалишься, какъ попадется. Который бмлетъ — теоріи-то Чалмерса?

— Читай ты теперь, Крестовскій, —а я слушать буду. Меня инда въ потъ бросило.

— Сорокъ воосьмой.

— Господа, надо разбудить Головинскаго; заспался малый совсѣмъ, —вѣдь его Т—инь-то зарѣжетъ.

— Да вѣдь все рѣвно, что будить его, что нѣтъ, — ужь это, братецъ ты мой, такая башка безъ перегородокъ, — что въ одно ухо влетитъ, въ другое вылетитъ. Баричъ! Чай, и во снѣ-то видить: какъ у Строевыхъ прихвостничаютъ...

— Головинскій! рывкнулъ во все горло прямо подь ухомъ Головинскаго одинъ изъ буршей, Головинскій вскопчилъ.

— Я ничего!.. Я... я не спалъ забормоталъ онъ. Я все слышалъ, что читали.

— Ну, о чемъ мы читали?

— О чемъ?.. Теорію... теорію Чальмерса.

— А повѣдайте намъ, послѣдній изъ великаго рода Головинскихъ, — что проповѣдуетъ сей коварный?..

— Чальмерсъ... Чальмерсъ... Онъ говорить...

— Ну, довольно съ васъ, мой, другъ, — вы поддержите величіе своего рода, не осрамите своихъ высоблагородныхъ предковъ... Эхъ, малый! Какой это тебя дьяволъ ткнулъ въ университетъ-то, — толи дѣло, въ гусарахъ! На головѣ киверъ, въ головѣ торричелева пустота, — славное житье! А тутъ видишь, все какія-то не барскія слабоды: какъ разъ брюшко изволите засорить...

— Ты всегда меня считаешь глупѣе всѣхъ...

— Помилуйте-съ, — могу ли я считать васъ глупѣе всѣхъ, когда вы представили такія оязательныя доказательства своей геніальности...

— Да брось его, Глазовъ, — не до него теперь... Читай, Крестовскій, — только пожалуйсто не бранитесь... Спите, Головинскій...

Крестовскій началъ чмтать. Снова бурши напрягли всѣ способности, чтобы уразумѣть мудреную теорію... Головинскій, разсерженный насмѣшками, сталъ слушать сначала, — но недолго...

Наконецъ, и мудреную теорію одолѣли: одинъ изъ небритыхъ буршей съ толкомъ повторилъ ее, — за нимъ повторилъ и другой.

— Знаете ли что, господа! Пойдемте немного пройтись; посмотрите-ка, вечеръ-то какой славный. Вѣдь мы чуть ли не десять часовъ сидимъ, да еще сколько придется...

— Въ самомъ дѣлѣ, пойдемте...

Проснулся и Головинскій...

Бурши направились къ крѣпости... Версть на пятнадцать разлившаяся Волга подошла къ самому валу; мѣсяцъ осеребрилъ ея неподвижную, зеркальную поверхность полнымъ свѣтомъ своихъ лучей; вдали раздавалась пѣсня; вблизи слышался женскій смѣхъ: жизнь, жизнь кругомъ! Все настойчиво манитъ, зоветъ къ этой жизни...

Усталой грудью жадно пьешь буршъ свѣжую, майскую струю; такъ и полетѣлъ бы онъ туда, гдѣ пѣсня раздается, гдѣ зажглись, словно на водѣ, блестящіе огоньки...

— Ну, господа, пойдемте домой... Въѣдъ еще пятнадцать билетовъ осталось! проговорилъ кто-то изъ кружка съ глубокимъ вздохомъ.

Господи! Какъ нестерпимо-тяжело, оторвавшись отъ широкой жизни, возвращаться въ жалкую, душную коморку; какъ нестерпимо-скверны кажутся, послѣ привольнаго майскаго дня, всѣ эти Чальмерсы, Смиты, Рингеры съ ихъ мудренными теоріями...

Пришли экзамены. Распахнулись двери публичной залы; съ десяти часовъ толпятся около нея студенты, другія толпы ихъ ходятъ по залѣ, сидятъ на креслахъ; лица у всѣхъ озабочены; различныя впечатлѣнія быстро снѣваются на нихъ. Публичная зала превратилась въ поле сраженія; на карту ставится цѣлый годъ, и часто карьера всей будущей жизни. Здѣсь есть и баловни счастья и своего рода *misérables*. Лихорадочно волнуется молодежь; у každого засѣлъ въ головѣ вопросъ: «Что-то будетъ?» У самыхъ храбрыхъ духъ захватываетъ, въ горлѣ какъ-то сохнетъ въ ожиданіи рѣшенія этого вопроса.

А тамъ, впереди на нѣсколькихъ столахъ, важныя, сановныя ученые звѣзды, возсѣдаютъ великіе порѣшители. Физиономіи Г—ей, М—ховъ, Ш—ей стали еще глупѣе отъ этой сановности.

Каждая отдѣльная кучка студентовъ—мѣсто для сцены: либо комедія, либо драма разыгрывается на ней.

— Столѣтовъ! Ты знаешь что ли о низверженіи Стюартовъ?..

— Знаю.

— Расскажи пожалуйста.—вчера шесть билетовъ не dokonчили.

Столѣтовъ сталъ рассказывать...

— Тебя! Тебя... Раздалось около.

Слушающій бросаетъ шапку, кипу лекцій и бѣжитъ къ профессорскому столу.

Отъ профессорскаго стола отошелъ студентъ; славное лицо у него!, смѣлое, открытое.

— Сколько тебѣ?.. Спрашиваетъ кучка товарищей...

— Пять,—весело говорить подошедшій.

— Кандидатъ, значитъ,—не безъ зависти говорилъ одинъ...

— Да, теперь пожалуй что кандидатъ!

Счастливецъ идетъ домой, ногъ подъ собой не слыша; золотыя мечты роятся въ головѣ; свѣтлая будущность улыбается ему.

— Мать-то какъ утѣшу... мелькнуло въ головѣ.

У окна стоитъ студентъ и поминутно то открываетъ, то закрываетъ книгу.

— Что ты дѣлаешь?

— Да вотъ гадаю, какой достанется: четный или нечетный.

— Что?

— Кажись, четный... А впрочемъ чортъ его знаетъ...

Кучка слушателей. Въ срединѣ ораторъ. По красному лицу, по струямъ пота, можно предпологать, что онъ выдержалъ порядочную баню.

— Ну ужь, братцы, я вамъ скажу, и пробираетъ же... По всей, раваля, прошелся!.. Ты ему скажи сначала добываніе, потомъ признаки, формулу, составъ... Вѣдь онъ меня іодъ спросилъ, калий, желѣзистыя соединенія...

По мѣрѣ разсказа оратора о пробираниі, лица слушателей начинаютъ все болѣе и болѣе корчиться.

— Дай, пожалуйста, твоей политической экономіи, — ииѣ семнадцатый билетъ прочитатъ...

— Ну тебя къ чорту! видишь, самъ читаю ..

У ближайшаго профессорскаго стола стоитъ блѣдный студентъ; телеграфными знаками показываетъ онъ, который достался ему билетъ, и тѣми же знаками умоляетъ впереди сидящихъ студентовъ помочь ему въ бѣдѣ...

Одинъ беретъ книгу и начинаетъ по ней читать въ слухъ показанный билетъ.

Вызванный, насколько можно, наострилъ уши...

— Славно, господа, экзаменуешь! Не трудитесь. Кромѣ своего билета ничего не спросилъ...

— Да, тебѣ все славно, какъ ты все знаешь; а ты вотъ поди-ка на авось попробуй.

Отъ стола одного изъ германскихъ монстровъ быстро отошелъ проэкзаменовавшійся студентъ...

— На те вамъ, господа! — сказалъ онъ, подавая пять билетовъ своимъ товарищамъ.

— Ай-да, Аферьевъ, молодецъ!

— Какъ это ты?..

— Также, — онъ все съ М — рухомъ тамъ разговаривалъ, а я взялъ да и сволокъ...

Получившіе билеты расходятся, чтобы прочитатъ ихъ до вызова...

— То есть, я вамъ скажу, какое мнѣ счастье,—всего вѣдь два билета я зналъ.

— Ой-ли?

— Ну, извѣстно, дуракамъ счастье...

Прозкзаменованный студентъ, стараясь не смотрѣть на другихъ, ирочно собираетъ шапку и лекціи...

— Что, братъ, видно плохо?...

— Срѣзаяся.

Кружокъ нашихъ знакомыхъ студентовъ уместился въ углу. Головинскій стоятъ у экзаменаторскаго стола.

— Смотри-ка, Глазовъ, какъ «последній въ родѣ»-то разсуждаетъ... Неужели онъ что нибудь знаетъ?...

Головинскаго въ это время отпустили.

— Ну, что?

— Я всегда зналъ, что онъ противъ меня имѣеть... Спрашиваетъ, чего я не читалъ совсѣмъ; тутъ по неволѣ не отвѣтишь.

— Да ты бы побольше словъ-то... Нѣтъ, братъ, съ М—мъ-то не то, что съ Ш—емъ, его собственными изобрѣтеніями не проведешь...

— Ты приходи ко мнѣ; мы, значить, нынче урѣжемъ солиднымъ манеромъ, а завтра за государственное...

— И то ладно!..

Многочисленные голоса слились въ залѣ въ какой-то гулъ, изъ котораго по временамъ вырвется греческая фраза, то математическая формула, то чуть-ли не крѣпкое, русское слово...

И изъ этой каши ежеминутно падаютъ карты то направо, то налево...

Быстро смѣняются сцены въ кружкахъ волнующейся молодежи; цѣлый мѣсяцъ изо дня въ день разыгрываются въ публичной залѣ многочисленные драмы и комедіи; до непозволительной худобы вытягиваются въкоторыя физиономіи.

Но вотъ, въ одинъ прекрасный вечеръ, снова слышалось въ разныхъ концахъ заснуваго-было городка прежнее «Gaudeamus igitur» и слѣдовательно страда студенческая миновала...

V.

Поворотъ въ студенческой жизни. Переѣзна въ профессорахъ. Вліяніе литературы. Характеръ кружка. Прощаніе съ университетомъ.

Я сказалъ, что въ наше время почти каждый студентъ долженъ быть много проплутать, чтобы достигнуть наконецъ чистаго мѣстечка, чтобы отдохнуть на этомъ чистомъ мѣстечкѣ, чтобы собрать силы для будущей своей дѣятельности.

Первокурсники почти сплошь отдавались безотчетно шумному потоку. Годы шли, броженіе продолжалось, студентъ бросался во всѣ крайности, оставляя только нѣсколько мѣсяцевъ на упорный, лихорадочный, напряженный трудъ; а между тѣмъ, въ это время и внѣ и внутри его, хоть незамѣтно, но совершалась переѣзна. Студенческой разгулы больше всего привлекалъ первокурсника своей новизной; запертый съ одной стороны «начальническимъ» формализмомъ, съ другой ученой дребеденью, буршъ не былъ на столько силенъ, на столько опытенъ, чтобы, помимо ихъ, найти возможность другого исхода, кромѣ внѣшнихъ, подѣ-часъ безобразныхъ проявленій свободы, выразившихся въ крестовыхъ походахъ, громленіяхъ Византій, Лондоновъ, Берлиновъ и т. п. Онъ сначала пассивно отдавался имъ, думая, что не дѣлать такъ, какъ дѣлаетъ большинство, будетъ своего рода измѣной студенческому знамени... Если товарищи поднялись крестовымъ походомъ, point d'honneur бурша требовалъ не отставать отъ нихъ; иначе, онъ былъ бы баба, заслужилъ бы общее презрѣніе; если товарищи варили глентвейнъ, тоже point d'honneur требовалъ, чтобы онъ присоединился и къ варки глентвейна... Да наконецъ, помимо этихъ point d'honneur, буршъ присоединялся къ нимъ уже и потому, что всѣ подобныя упражненія ему самому были по сердцу, что онъ самъ не зналъ, куда дѣвать время, что ему до смерти опротивѣли сухіе туманы ученыхъ монстровъ, непрерывныя школярныя придирки неученыхъ идиотовъ, что онъ хотѣлъ въ чемъ нибудь да найти удовлетвореніе молодымъ ключемъ бьющимся силамъ: «Меня скрутили по рукамъ и но-

гамъ, такъ на-же имъ!» Такъ думалъ буршъ и шелъ громить Византію. Но сколько бы ни представляла подобная жизнь средствъ для забвенія, сколько бы ученые мужи ни напускали своей плѣсени, сколько бы ни силились «неученные» выкраивать солдатиковъ; но все это вмѣстѣ часто оказывается безсильнымъ передъ внутреннимъ голосомъ, навязчиво напоминающимъ о какой-то другой жизни. «Нѣтъ, не ладно живется», — думалось иной разъ буршу, послѣ какойнибудь потѣхи: «не затѣмъ пришолъ ты сюда: тамъ, за стѣной университета есть другая жизнь, ты долженъ для нея чтонибудь да сдѣлать, она потребуеть отъ тебя отчета.» Минуты подобныхъ спасительныхъ раздумій посѣщали почти всѣхъ буршей; своего рода совѣсть грызла, повидимому, наиболѣе беззаботнѣйшихъ изъ нихъ, только однихъ эти минуты съ теченіемъ времени посѣщали все чаще и чаще, благодаря счастливой предварительной подготовкѣ, интеллектуальнымъ способностямъ, обстоятельствамъ; голосъ звучалъ все громче и громче, все неотвязчивѣе и неотвязчивѣе; другіе же, на оборотъ, съ теченіемъ времени, все сильнѣе и сильнѣе отдавались разъ принявшей ихъ почвѣ; ноги ихъ все глубже и глубже подъ тяжестью двухъ давящихъ силъ завязали въ болотѣ... Подъ вліяніемъ такого-то раздумья, студентъ, уже достаточно вкусившій сладостей бурсацкой жизни, начиналъ искать новую дорогу, старался примкнуть къ кружку, отвѣчавшему его пробуждающимся потребностямъ, вглядывался въ окружающее... А между тѣмъ и вкругъ происходили въ это время не малыя перемѣны; многихъ изъ тѣхъ, съ кѣмъ совершались первыя походы, не досчитывались въ кружкѣ: одни еще прежде нашли себѣ лучшую почву, другіе, благодаря С-нымъ, совѣтмъ не дотянули до конца; третьи все больше входили въ разгульную жизнь, — тогда какъ для тебя эта жизнь, потерявшая прелесть новизны, становилась подъ часъ противной.

Самое время способствовало, въ половинѣ нашего измѣненія, къ лучшему студенческой жизни. Конечно, большинство обстановки оставалось тѣмъ же. Сл—ины и Ф—ке не замѣчали ничего и, по прежнему, продолжали стричь волосы, охранять пуговичное благонравіе. Г—и и Х—и тоже, по прежнему, переживали и выкладывали свою алхимическую премудрость. Но въ затхлому воздуху становилось нѣсколько легче; по временамъ доносились свѣжія струи. Одинъ изъ первыхъ вѣстанковъ перемѣны къ лучшему былъ вновь назначенный на кафедру русской исторіи, профессоръ Др—скій; Ф—ова, къ счастью для

насъ и къ несчастью для другаго университета, перевели. Когда Др—скому нужно было читать первую лекцію, огромная аудитория его была набита до того, что чуть ли не половинѣ слушателей пришлось стоять на ногахъ; медики, математики, камералы, юристы, филологи—всѣ толпились здѣсь; молодежь была въ какомъ то лихорадочномъ ожиданіи... И помню, въ какомъ мы были восторгѣ, когда Др—скій на первой же лекціи сказалъ намъ, что онъ смотритъ на исторію не какъ на перечень сраженій и знаменитыхъ особъ, но какъ на картину народнаго развитія, что онъ не остановится съ благоговѣніемъ ни передъ какимъ громкимъ событіемъ, ни передъ какой знаменитостью, если это событіе и лицо не принесло пользы народу, а тѣмъ больше, если они шли въ разрѣзъ съ народнымъ благосостояніемъ. Намъ, бѣднякамъ, прослушавшимъ курсъ прежней драни, это было совершенной новостью. Др—скій началъ читать періодъ царствованія Елизаветы, и его аудитория постоянно была наполнена биткомъ. Хорошая перемена произошла въ это время и въ профессорѣ политической экономіи Кр—вѣ. Впрочемъ, К—въ, кажется, очень способенъ «ко всевозможнымъ переменамъ»: я помню, онъ занималъ одно время очень видное мѣсто въ литературѣ; въ политико-экономическихъ вопросахъ его имя было едва ли не самый сильный авторитетъ; откупщики приходили въ ужасъ отъ нѣсколькихъ строкъ, вышедшихъ изъ подъ его пера,—но увы! то же перо еще такъ недавно разразилось страшною мерзостью, въ защиту тѣхъ же пивокъ... И что побудило Кр—ва такъ не удачно скомпрометировать себя въ глазахъ общества особенно въ такое время, когда всѣ поняли зло откупа, когда въ глазахъ каждаго онъ сталъ ненавистенъ больше, чѣмъ когда-нибудь? Но какъ бы то ни было, въ Кр—вѣ, въ описываемый мною періодъ, произошла перемена къ лучшему: та прежняя, жалкая политическая экономія и статистика, что помѣщались на трехъ, четырехъ тощихъ тетрадкахъ и въ которыхъ трусливо обходились молчаніемъ всѣ наши животрепещущіе вопросы, всѣ наши болячки, приняли совершенно иной видъ. Кр—въ нашелъ въ себѣ способность сдѣлать ихъ совершенно живыми, въ высшей степени интересными науками: къ каждому научному положенію онъ сумѣлъ находить примѣры, взятые изъ жизни; его сравнительный методъ статистики открывалъ глаза на многое, что прежде обходилось мимо. Конечно, съ Кр—овымъ, какъ съ строгимъ последователемъ англійскихъ политико-экономистовъ, во многомъ мы и тогда не сходились; насъ часто тянуло вовсе не въ ту сторону, куда

бы хотѣлось привести экономистамъ, — но тѣмъ не менѣе, онъ на слушателей своихъ имѣлъ большое вліяніе, и его аудиторія посѣщалась студентами съ большей охотой, чѣмъ другія...

Подъ вліяніемъ нѣсколькихъ причинъ начали мало по малу складываться и новые кружки буршей... Одна изъ самыхъ замѣтныхъ силъ, способствовавшихъ развитію кружка, дававшихъ ему колоритъ, поддерживавшихъ безконечные споры, бесѣды, длившіяся далеко за полночь, была конечно литература... Да, жаль, мнѣ тебя, хорошее время! Жаль мнѣ васъ, прекрасные сны, разбитыя надежды!

Вліяніе пробудившейся литературы и жизни на буршей было огромное; *благодаря негодной дребедени* Му—ховъ и Г—ей, студенты иногда жертвовали своими специальными занятіями вопросамъ чисто-общечеловѣческимъ, да и не возможно было примирить старый вздоръ съ новымъ, открывающимся передъ нами міромъ; не возможно было, при складывающихся убѣжденіяхъ и взглядахъ, не отворотиться отъ промозглой драги; надо было или очистить всю атмосферу, чтобы развитіе шло совершенно здорово, чтобы одна сторона не росла наперекоръ и въ ущербъ другой; или надо было заткнуть все дыры въ зданіи, такъ чтобы ни малѣйшая струя свѣжаго воздуха не прорывалась въ него, чтобы живущіе въ немъ окончательно задохлись въ гнилой атмосферѣ, окончательно изуродовались... Помню я одного медика; звали мы его мистеръ Пиквикъ; это былъ одинъ изъ милѣйшихъ людей, какихъ я только встрѣчалъ въ своей жизни. Мистеръ Пиквикъ былъ человѣкъ для студента уже не первой молодости, такъ лѣтъ подѣ тридцать. Захваченный кружкомъ въ V курсѣ, онъ окончательно отдался новымъ впечатлѣніямъ...

— Что, мистеръ Пиквикъ, у васъ скоро экзаменъ?—спросить его, бывало.

— Скоро-съ.

— Что же вы, Терацію что-ли подзубриваете?

— А ну ее къ дьяволу-съ... Вы вотъ послушайте, какъ Бѣлинскій о женщинѣ-то говорить... Вѣдь это золото-съ; такъ каждое слово и долбитъ тебѣ: «слушай дескать, слушай, человѣкомъ будешь!»

И начинаетъ бывало мистеръ Пиквикъ читать главу о Татьянѣ...

Взгромождается молодежь, кто куда можетъ, и слушаетъ, не проронивъ ни одного слова, вдохновенныя строки.

Мистеръ Пиквикъ кончилъ курсъ медикомъ; какъ человекъ въ высшей степени добросовѣстный, онъ не хотѣлъ шарлатанить и морочить людей, и отказался отъ практики. Взглянувъ на жизнь истиннымъ философомъ и понявъ, что биться изъ того, чтобы достигнуть ранга какого-нибудь надворнаго совѣтника, вовсе не стоитъ, — онъ удалялся въ самую глубь вятскихъ лѣсовъ и поселился тамъ въ какой-то деревушкѣ.

Одновременно съ пробужденіемъ новой жизни въ средѣ университетской молодежи, начала пробуждаться жизнь и между студентами духовной Академіи. Обѣ стороны начали сходиться, между ними устроился родъ мѣны: книги и рукописныя тетради передавались изъ рукъ въ руки; то, что имѣлось у академиковъ, они охотно давали намъ, мы съ своей стороны всемъ дѣлились съ ними; извѣстіе о какомъ-нибудь академическомъ «погромѣ» отдавалось у насъ и производило суматоху и впечатлѣніе не малое.

Во вновь образовавшемся кружкѣ пошла жизнь иначе, чѣмъ прежде. Нисколько не желая идеализировать дѣйствительности, я не скажу, чтобы бурши вдругъ преобразились въ мужей безупречныхъ, чтобы ихъ вечеринки были образцами цѣломудренно-квакерскаго препровожденія времени: стаканъ, случалось, и здѣсь подымался во славу и честь російской земли; но во-первыхъ, это случалось гораздо рѣже, все больше по поводу чего-нибудь; во-вторыхъ, самый характеръ подобныхъ вечеринокъ измѣнился: о крестовыхъ походахъ, о громленіяхъ Византій, Ласточекъ и тому подобныхъ не было и помину; бурши, подъ вліяніемъ новыхъ силъ, сдѣлали достойную оцѣнку подобнымъ подвигамъ; ночное рыцарство утратило въ ихъ глазахъ свою прелесть... Я говорю, самый цыклъ студенческихъ пѣсень утратилъ свой прежній характеръ. Пѣсня—барометръ; она указываетъ, куда клонятся симпатіи и антипатіи общества въ известномъ періодѣ его развитія; чтобы показать куда, клонилась симпатія образовавшагося кружка, что выработалось въ немъ въ эти длинные вечера одушевленныхъ бесѣдъ, я скажу, что наиболѣе любимой пѣсней его было стихотвореніе, кажется, Плещеева: «По чувствамъ братья мы съ тобой». Незнающимъ этого стихотворенія я скажу первый куплетъ:

«По чувствамъ братья мы съ тобой,
 Мы въ искупленье вѣрять оба,
 И будемъ мы питать до гроба
 Вражду къ бичамъ страны родной.»

Представители всѣхъ факультетовъ были во вновь образовавшемся кружкѣ; только медики дольше всѣхъ относились къ нему совершенно индифферентно. Медики моего времени отличались особенной узкостью, замкнутостью; удаленные отъ общенія съ другими факультетами расположеніемъ самыхъ аудиторій, они образовывали особенный міръ медицинскій и нѣсколько съ высока смотрѣли на все, выходящее изъ круга ихъ специальныхъ занятій; надо правду сказать, въ нихъ взглядѣ была порядочная доля тупоумія и неразвитости... Впоследствии, кажется, и они присоединились къ общему хору... Впрочемъ, вообще дѣло двигалось сначала страшно-трудно: кору, насаждавшую пластами въ теченіи долгихъ лѣтъ, не легко было пробить, хоть подъ ней таилось довольно силы. Бездарные и лѣнливые доктринеры и рутинеры хоть медленно, а дѣлали свое дѣло; они, какъ черви, точили молодое дерево, высасывали изъ него здоровые соки; надо было постоянное накапываніе благопріятныхъ условій, чтобы почва измѣнила свои составныя части, чтобы вмѣсто песку и камня молодые корни могли найти въ ней себѣ питательную пищу... Дерево долго чахло подъ мертвящимъ вліяніемъ: нельзя же требовать, чтобы оно заразъ принесло тѣ здоровые плоды, что ждетъ отъ него общество; дайте возможность свободно расти ему, не прикрывайте его стеклянными колпаками, не придавайте ему уродливо-граціозный видъ, оставьте его самобытнымъ силамъ свободно развиваться—и вы увидите, что оно необманетъ ваши ожиданія.

Я говорю, кружокъ сначала былъ очень малочисленъ; онъ могъ только въ длинныя вечера увлекаться и комментировать Бѣлинскаго, скорбѣть и проклинать вмѣстѣ съ Некрасовымъ, читать все, что попадалось въ руки печатнаго и писаннаго, спорить о положеніяхъ Кр—ова, провѣрять жизнью идеи М—а, проводить параллель между настоящимъ и прошедшимъ, угадывать и жрать будущаго, возмущаться метафизическими бреднями отживающихъ Мафусанловъ, негодовать на идиотизмъ С—ныхъ и Ф—ке.

Да, славное то было время! И теперь, говоря высокимъ слогомъ, прошедъ горнило опытности, съ любовью останавливаешься на немъ; въ душѣ является то же чувство, что испытываешь тогда, когда послѣ

мрачной картины, полной подавляющих, безобразных образов, взгляд упадет на картину рядом стоящую, гдѣ художникъ всю мощь своего таланта употребилъ на воспроизведеніе образовъ, взятыхъ изъ иного міра... Подавленный впечатліемъ первой картины, еще больше не хочется оторваться отъ свѣтлаго уголка, напоминающаго, что не все же въ жизни пошлость и мерзость, что не все потеряно, что не вездѣ же человекъ долженъ страдать, уродоваться подъ гнетомъ пожирающей его враждебной силы.

Много изъ поры студенчества припоминалось мнѣ гадкаго, отвратительнаго, гнетущаго; желчь и негодование такъ и просились воздать должное главнымъ и побочнымъ виновникамъ бесплодно потраченныхъ силъ. Много буршей, погибшихъ, какъ жергвы мертвой стихіи, припоминалось намъ, и еще больше увеличивалось и безъ того уже накопившееся чувство сожалѣнія... Но да будьте благословенны вы, дни разумнаго развитія, благородныхъ увлеченій!.. Пусть послѣдующая жизнь заставляла разочаровываться во многомъ, во что заставляли вѣрить вы; пусть надежды ваши оказались обманчивы; пусть дѣйствительность разбила сны... что нужды? Я не беру назадъ своего благословенія: вы виноваты только своей честностью, своей искренностью...

Во всѣ стороны разошлись мы—товарищи дорогаго кружка; но едва ли ктонибудь забудетъ изъ насъ тѣ вечера, длившіеся до благо утра, тѣ споры, что заставляли не замѣчать быстро бѣгущихъ часовъ; тѣ надежды и вѣрованія, которымъ огдавались мы,—едва ли ктонибудь не вспомнетъ ихъ добрымъ словомъ!

Приближался четвертый курсъ; надо было писать диссертациі. Съ радостью и страхомъ ждали мы выпуска: пробудившаяся жизнь, новыя моменты, вступившіе въ нее, всеобщее ожиданіе чего-то лучшаго, приготовленіе общества къ готовящимся переменамъ, рѣзко бросающаяся въ глаза агитациія—все манило насъ въ жизнь, все звало помѣряться силами въ дѣйствительной борьбѣ, провѣрить крѣпость своихъ убѣжденій. Мы знали, что обществу, больше чѣмъ когда нибудь, нужны были молодыя силы.

Не мы вѣдь одни, неопытные бурши, увлекались тогда; самые отъявленные скептики задумывались и надвѣлись,—намъ было простительно обмануться.

Пришелъ и день выпуска; сданы послѣдніе экзамены, широко

распахнулись университетскіе двери, — дѣйствительная жизнь приняла буршей въ свои объятія.

— Приидите, братія, совершить послѣднее цѣлованіе, сказалъ высокій студентъ, входя въ комнату своихъ закадыжныхъ друзей.

Друзья обступили пришедшаго; посыпались со всѣхъ сторонъ вопросы...

— Завтра ѣду, господа; дипломъ ктонибудь получить изъ васъ и перешлеть по почтѣ. Дома ждуть... Ну, что задумались? Не нынче, такъ завтра надо расходиться; не вѣкъ же жить вмѣстѣ... Собирайтесь, проведемте послѣдній вечеръ у меня... Выпьемъ, значить, на разставаньи...

Пришедшій студентъ слишкомъ замѣтно старался окуржить себя; въ его голосъ вовсе не слышно было тѣхъ нотъ, которыя онъ старался придать ему.

Друзья отправились... Въ послѣдній разъ заходили стаканы по рукамъ буршей, но увы! на этотъ разъ они потеряли свою силу: всѣмъ было невыносимо тяжело, бесѣда не клеилась, надежды не провѣрялись; предстоящая жизнь, въ виду разставанья, не такъ манила какъ прежде.

— Увидимся ли мы когданибудь, и какъ увидимся? Сказалъ кто-то.

— Э, господа, да вы точно хоронить меня собрались... носы повѣсили, физиономіи вытянули. И безъ того смерть какъ тяжело. Давай-те-ка лучше, споемте въ послѣдній разъ нашу любимую...

Хоръ буршей зацѣлъ: «По чувствамъ братья мы съ тобой...» При послѣднемъ куплетѣ стаканы разомъ поднялись и чокнулись.

На-завтра высокаго студента хозяйка разбудила часовъ въ пять утра; надо было собираться. Студентъ поспѣшно одѣлся и, не укладывая въ чемоданъ свой убогій скарбъ, отправился со двора. Онъ шелъ проститься съ университетомъ.

Утро было отличное; университетъ весь былъ облитъ свѣтомъ. Высокій студентъ долго стоялъ передъ нимъ; потомъ съѣлъ на его ступеньки и впервые разъ своей студенческой жизни почувствовалъ, что по щекамъ катятся слезы.

И. Семеловскій.

*
**

Oh! n'insultez jamais une femme qui tombe!

Y. Hugo.

Надъ падшей женщиной не смѣйтесь съ поруганьемъ!
Вашъ строгій приговоръ не сталъ бы такъ жестокъ,
Когда бы знали вы, какъ нѣкогда съ страданьемъ
Невидимо боролся въ ней порокъ,
Когда она не разъ, быть можетъ, ожидала—
Вотъ-вотъ протянется спасенія рука...

Такъ иногда на зелени листка
Со всею чистотой прозрачнаго кристалла
Блестить роса зори; но листъ затрепеталъ,—
Она спадаетъ въ грязь— и блескъ ея пропалъ.

*
**

За что жъ, несчастная, услышитъ крикъ проклятья?
Не ты-ль, истасканный, безнравственный богачъ,
Съ презрѣньемъ слушая ея мольбы и плачь,
Бросалъ ей золото и звалъ въ свои объятья?
Позоръ и вѣчный стыдъ!.. Но кто же виноватъ?
Кто обвинить ее сурово за развратъ?
Всему своя пора! Пусть въ грязь она упала,
Какъ та роса,—и блескъ свой потеряла,
Но чтобъ для нихъ опять сокрылся мракъ ночей,
Имъ нуженъ свѣтъ любви, свѣтъ солнечныхъ лучей.

И. С.-и.-в.-ъ.

САТИРЫ ЮВЕНАЛА.

II.

Quod potro officium, ne nobis blandiar, aut quod
Pauperis hic meritum, si curet nocte togatus quod
Currere, quum praetor lictorem impellat et ire
Praecipitem iubeat, dudum vigilantibus orbis,
Ne prior Albinam et Modiam collega salutet?

Juvenalis. Satira III

Бѣднякъ! подѣ ветхую, изорванной одеждой
Ты не дразни себя обманчивой надеждой,

Чтобъ участію твоей могъ тронуться богачь!
Смотри: проснулся Римъ! повсюду мчится въ скачѣ

Толпа бездѣльниковъ, съ улыбкою нахальной
Встрѣчающихъ твой взоръ, усталый и печальный.

Самъ преторъ, услышавъ, что для него готовъ
Открытый входъ въ дома отъ сна возставшихъ вдовъ.

Торопить дикторовъ,—а по какой причинѣ?—
Чтобъ прежде всѣхъ поспѣть къ престолницѣ Альбинѣ...

Смотри: вотъ молодыхъ патриціевъ гурьба
Идетъ въ сообществѣ богатаго раба,

За мотовство свое попавшаго въ вельможи:
Чтожь тутъ позорнаго для римской молодежи,

Когда тотъ самый рабъ—за часъ, за мигъ одинъ,
Прожитый на груди какихъ нибудь Кальвинъ,

Отд. I.

Бросаетъ съ дерзостью, какъ щедрая фортуна,
Все содержаніе военнаго трибуна.

Но ежели тебя, великихъ предковъ внукъ,
Порою соблазнить лобзаній тайный звукъ,

И ты, припавъ лицомъ пылающимъ къ подушкѣ,
Захочешь хилыхъ ласкъ послѣдней потаскушки,—

То, скованъ робостью, запавшей прямо въ грудь,
Ты не осмѣлишься руки ея протянуть,

И тайнаго стыда въ себѣ не уничтожа—
Не скажешь ей въ глаза:—«веди меня на ложе!»....

О, кто-бы ни былъ ты—самъ Нума, самъ Марцелль, (*)
Вслѣдъ за тобой вездѣ-бъ вопросъ одинъ летѣль:

— Что онъ, богатъ или нѣтъ? Гдѣ домъ его? Гдѣ земля?
Пыры въ его дому теперь открыты вѣсѣ-ли?»

Объ этомъ съ жадностью толкуютъ, но за то
О честности твоей не справится никто.

Есть золотой мѣшокъ—онъ путь тебѣ проложить;
Ты нищъ—и надъ тобой ругаться всякій можетъ,

Увѣренный вполне, что боги съ облаковъ
Не слушаютъ молитвъ и плача бѣдняковъ,

И такъ ихъ нищенство и горе презираютъ,
Что даже громъ небесъ на нихъ не посылаютъ...

Когда твой старый плащъ заплатками покрытъ,
Когда гнилой башмакъ изношенъ и разбитъ,

И нищенство глядитъ сквозь каждую прорѣху—
Ты подвергаешься озлобленному смѣху,

Готовы мы тебя хоть грязью закидать;
Мы бѣдняка кругомъ привыкли презирать,

Какъ бесполезный хламъ, какъ битую посуду...
О, бѣдность! ты людей запугиваешь всюду,—

(*) Люцій Марцелль вынесъ, во время пожара, изъ храма Весты статую Мивервы и при этомъ лишился зрѣнія.

И въ ихъ измученныхъ страданіемъ чертахъ
Всегда читается безсмѣнный этотъ страхъ...

Едва на зрѣлище народныхъ игръ заглянетъ
Бѣднякъ отверженный, какъ грозный голосъ грянетъ:

— «Прочь со скамьи, долой! Изъ цирка тотчасъ вонь!
Однимъ богатымъ здѣсь даетъ мѣста законъ!» (**)

И онъ бѣжить съ стыдомъ, а на скамьяхъ остались
Потомки гаеровъ, которые кривлялись

Въ толпѣ на площадяхъ, да всадникъ временщикъ,
Ввукъ гладиатора, нетрезвый свой языкъ

Едва ворочая, хрипитъ и бьетъ въ ладони....
Вотъ звѣзды первыя на римскомъ небосклонѣ!...

О, кто укажетъ мнѣ хоть на одну семью,
На одного отца, который дочь свою

За чувство къ бѣдняку не упрекнулъ въ развратѣ,
И сердце честное нашелъ-бы въ бѣдномъ зятѣ?..

Гдѣ, укажите мнѣ, встрѣчаютъ бѣдняка
Безъ слова наглаго, безъ дерзкаго пинка?

Кто въ немъ оцѣнитъ умъ, способности и силы?
Допустятъ-ли его на свой совѣтъ Эдилы?... (***)

Быть можетъ, скажутъ мнѣ: бѣднякъ вездѣ гонимъ!..
Да, это такъ вездѣ,—но ты, великій Римъ,

Лишь ты одинъ владѣешь страшнымъ даромъ—
Всегда грозить ему позоромъ иль ударомъ...

Вѣкъ пошлой роскоши! Что-жъ ты придумать могъ?
Покрой модные великолѣпныхъ тогъ, (****)

Неужный, вѣшній блескъ, скрывававшій безъ различья
Ничтожество и грязь мншурнаго величья?

(**). Законъ этотъ былъ изданъ въ Римѣ въ 685 г. народнымъ трибуномъ, Оттономъ. По этому закону на первыхъ 14 скамьяхъ театра могли только сидѣть одни богатые всадники.

(***) Эдилы были чиновники, заведовавшіе общественными зданіями.

(****) Въ Римѣ для каждого возраста были придуманы особеннаго покрою тоги.

Пусть темным призракомъ грозить намъ нищета,
Лохмотья бѣдности,—у насъ одна мечта:

Купить, хотя-бъ цѣной покражи иль обмана
Права на мотовство бездоннаго кармана,

Чтобъ роскошью своихъ нарядовъ и одеждъ
Давить толпу зѣвакъ и уличныхъ невѣждъ.

У насъ одинъ порокъ—хоть вылезай изъ кожи,
Хоть ближняго зарѣжь,—но попади въ вельможи

И запишись въ число надутыхъ спѣсью лицъ ..
За то и Римъ теперь—продажнѣ блудницъ,—

И всѣмъ торгуетъ онъ: свободою плебейской,
Невинностью дѣтей и совѣстью судейской,

Почетной должностью, приманкой теплыхъ мѣстъ
И прелестями женъ, наложницъ и невѣстъ.

Всѣмъ нужно золото, — и податю тяжелой
Обремененъ клиентъ оборванный и голый!

Д. Д. Мининъ.

ЗОЛОТОЙ ТЕЛЕЦЪ.

РОМАНЪ

ЧАРЛЬЗА ЛЕВЕРА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(продолженіе)

ГЛАВА ХХІ.

Мрачный день.

Наступилъ день, назначенный для продажи Келлетс-Корта, и большая толпа народа собралась на аукціонъ. Собственность быстро переходила изъ рукъ въ руки; новыя имена возникали въ каждомъ графствѣ, а старыя исчезали. Еслибы буря завоеванія и конфискаціи пронеслась надъ странюю, то и тогда не произошло бы социальнаго переворота болѣе значительнаго, чѣмъ теперь. Между тѣмъ, какъ многіе были полны надежды и увѣренности, что новая заря благоденствія должна скоро засіять надъ Ирландіей, другіе продолжали оплакивать исчезновеніе старинныхъ именъ и изгнаніе древнихъ фамилій, которыхъ преданія составляли часть исторіи страны.

Келлетс-Кортъ былъ однимъ изъ тѣхъ огромныхъ жилищъ, которыя ирландскіе джентльмены прошлаго вѣка такъ любили строить, совершенно забывая о громадной непропорціональности между ихъ домами и доходами. Неправильный, нескладный, не

уклюжій Келлетс-Кортъ все-таки имѣлъ величественный видъ по своему объему и протяженію. Восемьдесятъ гостей нѣкогда сидѣли за столомъ въ этой столовой съ дубовыми карнизами; болѣе ста человекъ спали съ удобствомъ подъ этою кровлей; въ конюшняхъ были стойла для каждаго заѣзжаго охотника, а людская была большая комната съ галлереей, походившая на трапезу какого нибудь монастыря во всемъ, кромѣ умѣренности въ пищѣ.

Многіе любопытствовали узнать, кто купить имѣніе, обремененное такою убыточной резиденціей, одинъ ремонтъ которой требовалъ очень отяготительныхъ ежегодныхъ издержекъ. Сады, давно заброшенные и забытые, занимали три акра пространства и были сами по себѣ источникомъ громадныхъ издержекъ; значительная часть помѣстья до такой степени отличалась чисто-орнаментальнымъ характеромъ, что приносила мало или вовсе не приносила дохода. Какъ памятникъ вкусовъ и привычекъ прежнихъ владѣльцевъ, развалины галлерей для зрителей обозначали мѣсто, гдѣ происходили скачки, между тѣмъ какъ плетни и глубокия водосточныя канавы безобразили возвышенный лугъ своими черными линіями.

Кто купить подобное имѣніе—это былъ вопросъ, на который никто не въ состояніи былъ отвѣчать. Правда, домъ могъ быть обращенъ въ «конгрегацию», онъ былъ довольно крѣпокъ для тюрьмы и довольно обширенъ для женскаго монастыря. Нѣкоторые увѣряли, что правительство рѣшилось купить его для казармъ; другіе говорили, что община сестеръ святаго сердца уже сторговала его для себя, но многіе сомнѣвались въ истинѣ этихъ и тому подобныхъ увѣреній, не смотря на положительность, съ которою они были высказываемы.

Между тѣмъ, какъ разныя противорѣчивыя слухи еще не успѣли замолкнуть, комиссіонеръ занялъ свое мѣсто на скамьѣ и клеркъ аукціонной камеры началъ читать скучный перечень всѣхъ подробностей, относящихся къ имѣнію. Комиссіонеръ сказалъ, что имѣніе значительно возвысилось въ цѣнѣ со времени его послѣдней покупки и надѣялся, что теперь оно не только очиститъ всѣ накопившіеся на немъ долги, но оставитъ что нибудь для своего прежняго владѣльца. Послѣ этого объявленія поднялся шумъ разговоровъ. Присутствовавшіе сходились группами, смотрѣли на карты и приходорасходныя книги, дѣлали наскоро вычисленія карандашомъ, и шептались другъ съ другомъ. Наконецъ, камера

воспѣшно и нетерпѣливо спросила «кто дастъ больше оцѣночной суммы — двадцати семи тысячъ пягисотъ фунтовъ?»

— Двадцать восемь! сказалъ басистый голосъ возлѣ двери.

Затѣмъ послѣдовала длинная скучная пауза и продажа была рѣшена.

— Двадцать восемь тысячъ!—вскричалъ лордъ Гленгаррифъ; но вѣдь одинъ домъ стоитъ пятьдесятъ.

— Это только за землю, милордъ, — сказалъ кто-то возлѣ него; усадьба не продана.

— Знаю, сэръ; но земля заключаетъ въ себѣ восемьсотъ акровъ пространства, наполненнаго лѣсомъ и огороженнаго стѣною. Для кого вы берете ее, Дѣннъ? спросилъ онъ, обращаясь къ этому джентльмену.

— По довѣренности, милордъ,—отвѣчалъ Дѣннъ.

— Знаю, сэръ; вы объявили это аукціонной камерѣ.

Дѣннъ наклонился и прошепталъ ему на ухо нѣсколько словъ.

— Право? — вскричалъ лордъ Гленгаррифъ, съ очевиднымъ изумленіемъ: — и намѣреваетесь жить здѣсь?—прибавилъ онъ.

— Надѣюсь, по временамъ, — отвѣчалъ Дѣннъ съ осторожностью, потому что многіе теперь начали прислушиваться къ ихъ разговору.

Лордъ Гленгаррифъ опять что-то началъ говорить, но прежде чѣмъ онъ кончилъ, его рѣчь была прервана какою-то странною суматохой въ центрѣ суда, между тѣмъ какъ голосъ, охрипшій отъ гнѣва и волненія, вскричалъ: «кончился ли грабежъ?» И большаго роста сильный мущина съ пылающимъ лицомъ и дико сверкающими глазами пробился чрезъ толпу къ периламъ, находившимся передъ скамьею чиновниковъ. Его жилетъ былъ разстегнутъ и въ одной рукѣ онъ держалъ косынку, которую сорвалъ съ себя въ порывѣ горячности.

— Что это за человѣкъ?—строго спросилъ комиссіонеръ.

— Я скажу вамъ, кто я: Поль-Келлетъ изъ Келлетс-Корта, владѣлецъ этого дома и имѣнія, которое вы и ваша негодная сволочь только-что украли у меня. Да, украли; это слово какъ разъ сюда идетъ, потому что это дѣло не имѣетъ никакого отношенія ни къ закону, ни къ справедливости. Правда, вашъ парламентъ сдѣлалъ его закономъ, чтобы убоготворить вашихъ манчестерскихъ выскочекъ, которые хотятъ сдѣлаться джентльменами.

— Знаетъ ли его кто нибудь?—нѣтъ ли у него друзей, которые присмотрѣли бы за нимъ? — спросилъ комиссіонеръ тихимъ

голосомъ, наклоняясь надъ рѣшоткой и обращаясь къ тѣмъ, которые стояли за нею.

— Ни одного чорта въ мірѣ! Какіе друзья могутъ быть у человѣка, котораго собственность продается здѣсь? Но не дѣлайте меня сумасшедшимъ. Я въ полномъ разсудкѣ, хотя того, что я вытерпѣлъ, было бы достаточно, чтобы свести съ ума пятьдесятъ человѣкъ.

— Я знаю его, милордъ; съ позволенія камеры я позабочусь о немъ,—сказалъ Дѣннъ такъ тихо, что его могли слышать очень немногіе изъ присутствовавшихъ. Но къ этому меньшинству принадлежалъ и Келлетъ, и онъ тотчасъ же вскричалъ:

— Позаботиться обо мнѣ! Да, онъ готовъ и заботиться. Онъ позаботится. Онъ позаботился уже о моемъ имѣніи и сдѣлаетъ со мною тоже, что сдѣлалъ съ моею собственностью — пустить меня въ продажу!

Взрывъ искренняго смѣха огласилъ залу при этой выходкѣ, потому что Дѣннъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, счастье которыхъ всегда даетъ поводъ къ сарказму. Однакоже, присутствіе не могло болѣе переносить этого неприличнаго перерыва въ своемъ засѣданіи и строго приказало вывести Келлета.

— Мой милый м-ръ Келлетъ, пропу васъ, придите въ себя, вспомните только—гдѣ вы; подобное поведеніе можетъ только компрометировать васъ.

— Компрометировать меня! Неужели вы думаете, что во мнѣ осталось сколько нибудь стыда? Неужели вы воображаете, что, когда человѣка выгнали на улицу умирать съ голоду, онъ станетъ много заботиться о томъ, что скажутъ о немъ люди?

— Этотъ беспорядокъ невыносимъ, — сказалъ коммисіонеръ. Если онъ не выйдетъ сейчасъ же, то я прикажу отдать его подъ караулъ полиціи.

— Пожалуйста ради Бога—сдѣлайте это,—вскричалъ Келлетъ спокойно. Все, что можетъ удержать мои руки отъ наложенія на самаго себя или на кого нибудь другаго, будетъ милосердіемъ.

— Пойдемте со мною, Келлетъ, пойдемте со мною! сказалъ Дѣннъ умоляющимъ тономъ.

— Ни одного шага, ни дюйма. Ходьба вмѣстѣ съ *вами* и привела меня сюда. Этотъ человѣкъ, милордъ, — вскричалъ онъ, обращаясь къ предсѣдателю съ дикою запальчивостью, — этотъ человѣкъ сказалъ мнѣ, что теперь—самое время продавать имѣніе; что земля подымается въ цѣнѣ съ каждымъ днемъ, что

если мы теперь явимся въ аукціонную камеру, то мы можемъ выручить...

— Мнѣ очень жаль, сэръ, — строго сказалъ комиссіонеръ, что вы не оставляете мнѣ другаго выбора, какъ только посадить васъ въ тюрьму; такое неуваженіе къ присутствію не можетъ быть терпимо долѣе.

— Мнѣ въ тюрьмѣ не будетъ хуже, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Вы отняли у меня мою собственность—и я мало забочусь о своей особѣ. Я никогда не говорю, что это — законъ, никогда! Вы можете засѣдать здѣсь, въ своемъ парикѣ, съ экзекуторами и сторожами, но вы — просто на просто шайка воровъ и мошенниковъ, — ни болѣе, ни менѣе. Мнѣ говорятъ о стыдѣ: вотъ это забавно! Я думаю, нѣкоторые изъ васъ самихъ могли бы покраснѣть отъ того, что вы дѣлаете! Полно, я не думаю вамъ сопротивляться, — сказалъ онъ, обращаясь къ полицмену, вамъ нѣтъ никакой нужды дѣлать насиліе. Ньюгэтъ — теперь самое лучшее мѣсто для меня. Забудьте, — прибавилъ онъ, обращаясь въ ту сторону, гдѣ сидѣли стенографы ежедневныхъ газетъ, забудьте и сообщите публикѣ, что я заявилъ спокойный протестъ противъ сдѣланной мнѣ несправедливости; что я вѣжливо убѣждалъ судъ на счетъ того, о чемъ каждый человѣкъ...

Прежде чѣмъ онъ могъ кончить, его спокойно вывели изъ комнаты и не успѣло утихнуть волненіе, произведенное этою сценой, онъ уже быстро ѣхалъ къ ньюгэтской тюрьмѣ.

— Пьяный онъ или сумасшедшій? сказалъ лордъ Гленгаррифъ Дэвенпорту Денну, который былъ не такъ спокоенъ, какъ обыкновенно.

— Онъ выпилъ, но не до опьяненія, — уклончиво сказалъ Деннъ.—Но онъ, право, достоинъ сожалѣнія.— И онъ подвинулся ближе къ скамьѣ и шепнулъ нѣсколько словъ комиссіонеру.

Слова его повидимому выражали просьбу, но она не встрѣтила сочувствія въ судѣ. Однакоже Деннъ умолялъ съ жаромъ и наконецъ комиссіонеръ сказалъ: «ну, пусть его приведутъ завтра, и мы освободимъ его, сдѣлавъ предварительно приличное оправданіе предъ судомъ.» Такъ кончилось это маленькое происшествіе и Клеркъ снова началъ свое монотонное чтеніе.

Наступалъ пасмурный вечеръ и Сибелла Келлетъ сидѣла у окна, съ безпокойствомъ ожидая возвращенія отца. Послѣдніе два дня она провела въ какомъ-то лихорадочномъ томленіи. Съ тѣхъ поръ какъ ея отецъ пересталъ ходить въ таможеню — потому что онъ былъ формально уволенъ въ началѣ недѣли — ра-

столоженіе его духа представляю странные переходы отъ дикаго волненія къ глубокому унынію и на оборотъ. По временамъ онъ торопливо ходилъ по комнатѣ, разговаривая самъ съ собою, или напѣвая про себя; иногда же онъ сидѣлъ по цѣлымъ часамъ неподвижно, въ какомъ-то оцѣпенѣніи. При томъ онъ пилъ, ссылаясь на какой нибудь недугъ, какъ на предлогъ прибѣгать къ бутылкѣ, и когда дочь кротко говорила ему о дурныхъ послѣдствіяхъ этой привычки, онъ страшно горячился и выходилъ изъ себя. «Кажется, меня скоро будутъ называть пьяницей. Очень вѣроятно, что всѣ бѣдствія, которыя на меня обрушились, будутъ приписаны моимъ безумнымъ привычкамъ. Онъ—моль—пьяница; онъ никогда не бываетъ трезвъ; спросите о немъ собственную дочь его.»—И, подраживая самъ себя, онъ приходилъ въ неистовое бѣшенство. Безпрестанно также онъ бранилъ Денна, говоря, что это онъ разорилъ его, и что если бы онъ не слушалъ предательскихъ совѣтовъ этого негодяя, то могъ бы уладить дѣла съ своими кредиторами. Отъ этихъ взрывовъ запальчивости онъ переходилъ къ самой глубокой меланхолин, обвиняя свое собственное безуміе, свою безпечность, какъ причину всѣхъ своихъ несчастій, и даже простирая это самоосужденіе до того, что, по его словамъ, его дурное поведеніе и расточительность заставили бѣднаго Джека уйти изъ дому и записаться въ солдаты.

Белла не могла не видѣть, что его умъ и разсудокъ были нѣсколько повреждены и она находила безчисленное множество предлоговъ, чтобы постоянно быть съ нимъ. Наконецъ онъ сталъ обнаруживать нетерпѣніе по поводу этой стѣснительной опеки и дочь принуждена была ослабить ее. Онъ даже высказалъ мимоходомъ подозрѣніе, что онъ служить предметомъ какого-то необыкновеннаго попеченія и надзора. «Нѣтъ надобности сторожить меня,—грубо сказалъ онъ ей въ утро, предшествовавшее аукціону; я не имѣю никакой нужды въ дядкѣ. Поль Келлетъ докажетъ, что онъ не такой человекъ, чтобы падать духомъ подъ бременемъ какого бы то ни было бѣдствія; онъ одинаковъ и сегодня, и завтра, и послѣ завтра. Вы можете продать его—но никогда не узнаете по его лицу, что онъ чувствуетъ.»

Въ это утро онъ говорилъ очень мало и едва отвѣдалъ свой завтракъ. Его платьѣ было изысканнѣе обыкновеннаго и Белла, почти безъ намѣренія, чтобы только сказать что нибудь, спросила, не въ Дублинъ ли онъ идетъ.

— Въ Дублинъ, разумѣется, — сказалъ онъ отрывисто, какъ

будто давъ уклончивый отвѣтъ. — Можетъ быть, — прибавилъ онъ чрезъ нѣсколько минутъ. — Ты забываешь, что сегодня семнадцатое число и что этотъ день назначенъ для аукціона.

— Я помнила это, — возразила она съ слабымъ вздохомъ, не смѣя однакожь спросить, для чего тамъ нужно ея присутствіе.

— И ты хотѣла сказать, — прибавилъ онъ съ горькою улыбкой, — что это до меня не касается, что я тамъ не нуженъ. Это правда: я не продавецъ и не покупатель; но все таки я — послѣдній членъ нашей фамилии, который тамъ жилъ; я — Келлетъ изъ Келлетасъ-Корта и считаю своею обязанностью быть сегодня тамъ, точно также какъ я бы присутствовалъ при похоронахъ, точно такъ, какъ я слѣдовалъ бы за гробомъ.

— Это только причинитъ вамъ бесполезное огорченіе, милый папа, — сказала она ласкающимъ тономъ; — прошу васъ не ходите.

— Клянусь, я пойду, хотя бы это довело меня до обморока, — сказалъ онъ запальчиво. Возвратясь домой, они могутъ сказать: «Поль Келлетъ былъ тамъ все время, хладнокровный какъ я теперь; вы не можете себѣ вообразить, какъ онъ былъ спокойнымъ и безстрастнымъ, не смотря на то, что продавали старую резиденцію его фамилии, домъ, въ которомъ его предка жилъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Если это не мужество, то въ чемъ же оно состоитъ по вашему?»

— И все таки мнѣ бы хотѣлось, что бы вы остались, папа. Свѣтъ я безъ того имѣеть довольно испытаній для нашей энергій, такъ что намъ имѣеть надобности отыскивать ихъ.

— Это женскій способъ смотрѣть на вещи, — сказалъ Келлетъ презрительно. Мужчина съ мужественнымъ сердцемъ любить встрѣчать опасность лицомъ къ лицу, чтобы только испытать свое мужество.

— Но вспомните, папа...

— Перестань, возразилъ онъ, вставая изъ-за стола; если бы ты говорила до изнеможенія, я все-таки пошелъ бы. Я уже рѣшился на это.

Белла отвернулась и украдкой поднесла свой носовой платокъ къ глазамъ.

— Я очень хорошо знаю, — продолжалъ онъ съ горестью, — что подьяга газеты завтра же будутъ ругать меня за это. Было бы гораздо достаточнѣе или приличнѣе или т. п., еслибы

мистеръ Келметъ не явился на аукціонъ. Но я пойду, хотя бы только для того, чтобы видѣть человѣка, который заступитъ наше мѣсто! Дождитесь меня къ обѣду до шести часовъ, т. е. если у насъ будетъ какойнибудь обѣдъ.—И онъ съ самымъ горькимъ смѣхомъ оставилъ комнату и скоро Белла увидѣла его выходящимъ изъ маленькаго сада на дорогу.

Какой это былъ для нея грустный день, исполненный мрачныхъ предзнаменованій! Она хорошо знала, какъ пріятный и безопасный характеръ ея отца, вслѣдствіе несчастій, измѣнился въ запальчивый и злопамятный нравъ; какъ, подозрѣвая повсюду умышенное оскорбленіе, онъ готовъ былъ самое невинное замѣчаніе встрѣтить словами недовѣрія и неприязни. Забравъ себѣ въ голову, что весь свѣтъ согласился презирать его, онъ принялъ наступательное и оборонительное положеніе, и этотъ человѣкъ, который нѣкогда былъ образцомъ кроткаго, спокойнаго нрава, сдѣлался теперь разрушительнымъ до бѣшенства.

«До какихъ грустныхъ послѣдствій можетъ дойти этотъ характеръ, пораженный въ самое чувствительное мѣсто! Чего только не можетъ съ нимъ случиться, когда предадутъ его бездушнымъ насмѣшкамъ людей, которые не знаютъ ни его истинныхъ качествъ, ни тяжкихъ испытаній, которымъ онъ подвергнулся!» Такковы были ея мысли, когда она ходила взадъ и впередъ по своей маленькой комнатѣ, неспособная ни читать, ни писать, хотя она дѣлала нѣсколько разъ попытку начать письмо къ своему брату. Мрачная будущность являлась передъ ней безъ всякаго проблеска свѣта.

Какъ они будутъ жить? Пройдетъ нѣсколько дней — и у нихъ истощатся послѣднія скудныя средства, — послѣдніе два фунта стерлинга... которые у нихъ оставались. Какъ завидовала она людямъ, которые, въ какойнибудь чужой землѣ, невидимые и забытые всѣми кто ихъ зналъ, могутъ снискивать себѣ насущный хлѣбъ самою черною работой! Какъ легко, думала она, — мы можемъ перенести бѣдность, если только намъ удастся поставить себя въ такое положеніе, гдѣ будетъ забытъ этотъ страшный контрастъ нашихъ нынѣшнихъ грустныхъ обстоятельствъ съ прежними свѣтлыми днями! Нельзя ли посредствомъ какогонибудь отчаяннаго усилія собрать средства для эмиграціи? Не можетъ ли Деннъ помочь въ этомъ случаѣ своимъ совѣтомъ? Судя по всему, что она слышала о немъ, это былъ человѣкъ, знакомый со всѣми поприщами, путями и состояніями жизни.

Безъ сомнѣнія, онъ можетъ указать на какую нибудь колонію, на какое нибудь мѣсто земнаго шара, которое наиболѣе годится для нихъ; можетъ быть, даже онъ поможетъ имъ добраться туда. Если обстоятельства ихъ улучшатся, они возвратятъ ему этотъ долгъ. Пусть только онъ скажетъ что имъ дѣлать — они подчинятся всякимъ условіямъ, которыя онъ предпишетъ. Но какъ дойти до него? Написать письмо? Но этотъ способъ сношеній постоянно сопровождается тѣмъ недостаткомъ, что вы не можете предвидѣть всѣхъ сомнѣній, на которыя вамъ придется отвѣчать, не можете устранить всѣ трудности немедленнымъ отвѣтомъ. Это можно сдѣлать только посредствомъ личнаго свиданія. Почему бы не попросить его у Дэнна? «Я сейчасъ же отправлюсь къ нему, — думаетъ она, — онъ, вѣроятно, приметъ меня безъ всякаго посторонняго ходатайства; мое имя, навѣрное, дастъ доступъ къ нему». Но одобрить ли ея отецъ этотъ шагъ? не покажется ли онъ старику дѣломъ подлымъ и унижительнымъ? не встрѣтитъ-ли ея планъ оппозицію съ его стороны? Отъ этихъ сталкивающихся одна съ другою мыслей, она опять перешла къ безотрадному настоящему и удивлялась, что бы такое могло задержать приходъ отца. Сибелла сидѣла у окна, пристально глядя на пустынную дорогу до того, что ея глаза устали отъ напряженія, съ которымъ она старалась проникнуть туманную атмосферу, темнѣвшую все больше и больше съ наступленіемъ ночи. Она старалась развлечь себя разными способами, напр. стала дѣлать нѣкоторыя приготовления къ его приходу, нѣсколько разъ принималась избирать комнату, вычистила каминъ и развела яркій огонь; потомъ присмотрѣла въ кухнѣ за обѣдомъ, который приготавлился для него. Пробыло шесть часовъ, потомъ семь, а онъ все еще не приходилъ. Она старалась занять свои мысли, думая о будущемъ, которое она нарисовала въ своемъ воображеніи. Она старалась представить себѣ мѣстность, климатъ и занятіе въ этой воображаемой землѣ за морями; но при каждомъ ударѣ какого нибудь сучка въ окно, при каждомъ порывѣ бури, она вскакивала и спѣшила къ двери, чтобы прислушаться.

Было уже около восьми часовъ и отъ напряженнаго вниманія слухъ ея сдѣлался такъ тонокъ, что она могла различать звуки шаговъ на грязной дорогѣ. Она не смѣла пошевелиться, изъ опасенія, какъ бы не потерялся этотъ звукъ среди шума непогоды, и боялась также, чтобы онъ не прошолъ мимо. Она наклонила голову и вдругъ — какая отрада! — услышала стукъ калитки и шаги на песчаной аллеѣ. Она бросилась къ двери и, очутившись

среди тьмы, бросилась на грудь пришедшаго говоря: «Слава богу вы пришли наконецъ! Ахъ, съ какимъ нетерпѣнiемъ я дожидалась васъ, дорогой, неоцѣненный папа!» За тѣмъ вдругъ вскричала съ испугомъ: кто это? — кто это?

— Конуэй, Чарльсъ Конуэй. Другъ, или покрайней мѣрѣ человѣкъ, желающій, чтобы его считали другомъ.

Съ какою-то порывистою поспѣшностью она рассказала ему о своемъ долгомъ томительномъ ожиданiи и о томъ, что ея опасенiя, безпричинныя и безосновательныя, какъ она знаетъ, — встревожили и разстроили ее до послѣдней степени. Привычки ея отпады были всегда столь регулярны и просты, что теперь какой нибудь часъ ожиданiя дѣлался для нея источникомъ сильнаго безпокойства.—Притомъ онъ въ послѣднiе дни былъ не совсемъ здоровъ: обстоятельства волновали и томили его болѣе обыкновеннаго.

— «Можетъ быть, скучное время года, можетъ быть, уединенная жизнь,—говорила она,—сдѣлала насъ болѣе впечатлительными и расположила къ мрачному настроенiю.» Она была не въ силахъ продолжать и, подбѣжавъ къ окну, закрыла лицо руками.

— Если бы вы высказали мнѣ, гдѣ я могъ бы узнать о немъ, если бы вы назвали мнѣ мѣста въ городѣ, гдѣ онъ обыкновенно бываетъ...

— Такихъ мѣстъ у него нѣтъ, рѣшительно нѣтъ. Онъ совершенно пересталъ посѣщать своихъ прежнихъ друзей; даже къ мистеру Бичеру онъ не заходилъ уже нѣсколько мѣсяцевъ.

— Можетъ быть, онъ имѣетъ дѣла въ какой-нибудь части города?

— Теперь—никакихъ. Онъ имѣлъ должность въ таможнѣ, но теперь вышелъ оттуда. Возможно одно: не пошелъ ли онъ къ м-ру Дѣнну; но его тамъ не задержали бы такъ долго. А если онъ... И она остановилась въ смущенiи.

— Что касается до этого,—сказалъ Конуэй, поддерживая ее въ затрудненiи, — то я могу сказать, что мой теперешнiй визитъ былъ вызванъ моею собственною заботой. Я хотѣлъ сказать ему, что, вѣроятно, я скоро увижусь опять съ Джекомъ, и спросить его, не дастъ онъ мнѣ какого-нибудь порученiя къ сыну.

— Да, да, пробормотала Белла разсѣянно.

— Я думаю, вы можетъ быть увѣрены, что я выполняю это порученiе съ осторожностью. Онъ никогда не будетъ подозрѣвать, что своимъ отсутствiемъ причинилъ какое-нибудь безпокойство.

— Но даже это,—сказала она, поспѣшно,—увеличиваетъ мое лихорадочное нетерпѣніе. Если бы вы пошли теперь въ городъ, то, вѣроятно, не могли бы вернуться раньше какъ чрезъ два, а можетъ быть, и чрезъ три часа.

— Я постараюсь сдѣлать это вдвое скорѣе,—сказалъ Конуэй, вставая и взявъ свою шляпу.—Гдѣ живетъ м-ръ Дѣннъ?

— Въ Меррионъ-скверѣ. Я забыла номеръ, но это не бѣда: всякій знаетъ его домъ. Онъ находится на сѣверной сторонѣ.

— Я ворочусь раньше... Какой теперь часъ?

— Уже половина девятого, — отвѣчала она, вздрогнувъ при взглядѣ на часы.

— Я буду здѣсь около одиннадцати, — смѣло увѣряю васъ въ этомъ,—а можетъ быть и раньше.

— Вы знакомы съ моимъ отцомъ такъ мало, такъ недавно, — сказала Белла съ нѣкоторымъ смущеніемъ, — и мнѣ необходимо предупредить васъ, что сегодня продано имѣніе, которымъ наша фамилія владѣла уже нѣсколько столѣтій. Правда, мы не сдѣлались бѣднѣе, чѣмъ были вчера; имѣніе, которое мы называли своею собственностью и, по привычкѣ, считали своимъ, было уже нѣсколько лѣтъ въ залогѣ. Почему и какимъ образомъ мы воображали, что когда-нибудь мы будемъ въ состояніи очистить накопившіеся на немъ долги—этого не умѣю вамъ сказать, но мы толковали объ этомъ счастливомъ событіи, какъ о чемъ-то такомъ, что должно непременно исполниться. Но ударъ разразился наконецъ и разрушилъ всѣ наши воздушные замки; мы видѣли, что все гибнетъ вокругъ насъ и, однакожь, сохранили еще нѣкоторую надежду для себя самихъ. Эта надежда теперь исчезла. Сегодняшній аукціонъ уничтожилъ всякіе слѣды ея. Вотъ это-то я прошу васъ помнить, когда вы будете говорить съ моимъ бѣднымъ отцомъ. Онъ уже много лѣтъ понималъ, что разореніе приближается, но до сегодня не видѣлъ его лицомъ къ лицу. Я не могу сказать, какъ онъ выдержитъ свое несчастіе, хотя было время, когда я могла поручиться за его мужество.

— Отецъ Джека Келлета едва ли можетъ быть лишонъ этого качества,—сказалъ Конуэй, котораго сверкающіе глаза показывали, что въ это время онъ думалъ преимущественно о сестрѣ Джека.

— О! сказала она съ грустью, — какъ ни великъ героизмъ, встрѣчающій смерть на полѣ битвы, онъ ничего не значитъ въ сравненіи съ терпѣливымъ мужествомъ, которое ведетъ борьбу съ ежедневными бѣдствіями жизни. Встрѣчать всѣ перевороты

въ своей судьбѣ съ благороднымъ достоинствомъ, не увлекаясь неумѣренными надеждами и не поддаваясь отчаянію, и вмѣстѣ такъ, чтобы никакія непріятности жизни не дѣлали насъ раздражительными и подозрительными,—такое геройство, по моему мнѣнію, выше геройства человѣка, который въ безвыходномъ положеніи бросается, очертя голову, на батарею, или же собираетъ всю свою энергію, чтобы разомъ ворваться въ брешь, пробитую гранатами. При этихъ словахъ щеки ея, сперва блѣдныя, все болѣе и болѣе разгорались и ея темные глаза сверкали какимъ-то дикимъ блескомъ; потомъ вдругъ, остановивъ свой страстный порывъ, она сказала:

— Мнѣ лучше бы пойти вмѣстѣ съ вами; или по крайней мѣрѣ находиться вблизи. Онъ со мною будетъ сговорчивѣе, чѣмъ съ кѣмъ-нибудь другимъ. Да, я пойду.—Говоря это, она послѣшно вышла изъ комнаты и въ одну минуту воротилась, закутанная въ шаль и готовая къ путешествію.

— Въ какую ночь вы рѣшаетесь идти изъ дому,—сказала Конузѣ,—а я не взялъ никакого экипажа.

— Я привыкла не обращать вниманія на дурную погоду, мнѣ это ни почемъ.

— Идетъ страшный дождь и волны приливаютъ къ берегу,—возразилъ Конузѣ, стараясь отговорить ее.

— Я хаживала не разъ по этой дорогѣ въ подобныя ночи и никогда не чувствовала себя хуже отъ этого. Развѣ вы не можете представить себѣ, что сестра Джека Келлета способна на кое-что порядочное?—сказала она съ улыбкой, идя къ двери.

Они вышли на дорогу. Страшный дождь билъ имъ въ лицо, порывистый вѣтеръ дулъ имъ навстрѣчу, такъ что они съ трудомъ подвигались впередъ. Шумъ бури былъ такъ силенъ, что они и не пытались говорить, но Конузѣ, крѣпко держа ее подъ руку, шолъ противъ вѣтра съ такимъ страннымъ ощущеніемъ удовольствія, какого онъ никогда не испытывалъ до сихъ поръ.

Они шли, не говоря почти ни слова; только при усиленіи дождя онъ старался, какъ могъ, прикрыть ее, и при порывахъ рѣзкаго вѣтра крѣпче прижималъ ея руку; но не смотря на это молчаніе, они такъ сблизились, какъ будто бы они уже много лѣтъ были друзьями. Довѣренность, а также сознаніе общей цѣли, возбуждали между ними симпатію, которая впоследствии могла перейти въ болѣе сильное чувство. Да, изъ этихъ случайныхъ симпатій рождается иногда всепоглощающая страсть, а по временамъ возникаютъ разочарованія, отравляющія цѣлую жизнь.

— Какое счастье, что вы пришли ко мнѣ въ этотъ вечеръ на помощь, — сказала она; — я не рѣшилась бы пройти одна эту длинную дорогу.

— Скажу лучше: какъ счастливъ я, что могъ оказать вамъ эту незначительную услугу! Джекъ, бывало, по цѣлымъ часамъ говорилъ мнѣ объ васъ. Совершенно такія же ночи намъ случалось проводить виѣстѣ; онъ рассказывалъ мнѣ о вашихъ привычкахъ, такъ что даже эта самая минута кажется мнѣ самымъ обыкновеннымъ случаемъ вашей жизни. Я знаю, — продолжалъ онъ, замѣтивъ, что она внимательно слушаетъ его, — я знаю, какъ вы ѣзжали дома верхомъ по горамъ, посѣщая дикія и уединенныя мѣста; какъ вы сопровождали своего брата на рыбную ловлю и рассматривали глубокия горныя ущелья, между тѣмъ какъ онъ оставался на берегу рѣки. Самыя имена, которыя давали вы этимъ пустыннымъ мѣстамъ, — имена, взятые изъ старыхъ путешествій, — показывали мнѣ, до какой степени ваше сердце исполнено духа приключеній.

— Не правда ли, что это были счастливые дни? прошептала она, обращаясь болѣе къ самой себѣ, чѣмъ къ нему.

— Да, должно быть, — сказалъ онъ съ жаромъ, — много скучныхъ ночей сдѣлались для меня очаровательными вслѣдствіе этихъ рассказовъ, посредствомъ которыхъ я уже давно познакомился съ вами.

— Но я теперь уже не то, что была прежде, — сказала она поспѣшно. Отъ этаго страннаго существованія, исполненнаго грезъ, я перешла въ міръ, полный суровой дѣйствительности. Эта пріятная праздность плохо приготовила меня къ дорогѣ, по которой я должна идти; притомъ, какъ она эгоистична! Самыя обыкновенныя заботы будничной жизни гораздо выше всѣхъ этихъ пустыхъ порывовъ воображенія, и я только теперь узнала эту истину.

— Вы узнали для того, что бы никогда не пренебрегать тѣми обязанностями, за исполненіе которыхъ Джекъ всегда перевозилъ васъ. Онъ говорилъ, что всѣ считали васъ заботливой хозяйкой, и только онъ одинъ зналъ воплнѣ и другія ваши качества.

— Бѣдняжка! наше хозяйство было очень скромное и не требовало большихъ хлопотъ.

— Я вижу, — сказалъ Конуэй, — вы слишкомъ горды, что бы принять это изъясненіе съ моей стороны; но вы все таки не можете запретить мнѣ—предложить его.

— Развѣ я не говорила вамъ, какъ цѣню я вашу доброту?— сказала она тихо.

— Позвольте ли вы мнѣ думать такимъ образомъ? — вскричалъ Конуэй, прижимая ея руку. За тѣмъ оба замолчали, но кто знаетъ, что думали они среди этого молчанія?

Какой печальный видъ имѣли улицы Дублина, когда они вошли въ этотъ городъ! Тусклые фонари, потускнѣвшіе еще болѣе отъ сильнаго дождя, бросали слабый свѣтъ сквозь темную атмосферу; улицы, на которыхъ не было видно никого, кромѣ самыхъ бѣдныхъ людей, были безмолвны и тихи; кое-гдѣ въ домахъ мелькали огни, и за тѣмъ все было — покрыто мракомъ.

Они медленно подвигались впередъ; Сибелла была погружена въ свои собственные мысли о будущемъ, а Конуэй, слишкомъ уважая ея чувства, чтобы мѣшать ей, не произносилъ ни одного слова. Наконецъ, они дошли до Меррионъ-сквера и, послѣ нѣкоторыхъ поисковъ, остановились у дома мистера Денна. Конуэй громко застучалъ въ дверь, и Сибелла испустила тяжелый вздохъ, прошептавъ про себя, «Боже, пошли мнѣ хорошія вѣсти о моемъ отцѣ!»

ГЛАВА XXII.

Миссъ Келметъ у мистера Денна.

У мистера Девенпорта Денна былъ обѣдъ; онъ угощалъ значительныхъ людей столицы, и его общество составляли теперь главный секретарь, двое судей, одинъ попечитель о бѣдныхъ и нѣсколько другихъ звѣздъ меньшей величины, гражданскихъ и военныхъ. Всѣ они были очень любезны, разговорчивы. Ирландія начинала процвѣтать, число уголовныхъ дѣлъ уменьшалось, военная служба сдѣлалась забавой, и гости весело болтали о прежнихъ временахъ, не очень отдаленныхъ, когда тюрьмы были набиты биткомъ, когда солдатъ въ мирное время терпѣлъ такіе же труды и опасности, какъ и во время войны.

Разговоръ зашолъ, между прочимъ, о Келлетъ - Корти.

— Кто купилъ это имѣнiе? — спросилъ главный судья.

— Я купилъ его по довѣренности для одного англійскаго пера, сказалъ Деннъ.

— И онъ думаетъ жить тамъ?

— Онъ поговариваетъ объ этомъ, милордъ, въ томъ же родѣ, какъ люди говорятъ иногда о чемъ нибудь очень похвальномъ, что они намѣреваются сдѣлать... рано или поздно...

— Я слышалъ, имѣнiе продано за половину своей стоимости, — замѣтилъ кто-то.

— Далеко не такъ, увѣряю васъ, — сказалъ Деннъ. Я нахожу, что цѣна очень не дурна, по теперешнему времени.

— Келлетъ, очевидно, не раздѣляетъ вашего мнѣнiя, сказалъ главный судья, смѣясь.

— Я слышалъ, что онъ ворвался сегодня въ аукционнiй судъ и обругалъ всѣхъ, начиная съ судей до сторожа, что онъ называлъ продажу грабежомъ, а судью бездѣльникомъ.

— Не совсѣмъ такъ. Правда, онъ прервалъ засѣданiе суда, но продажа была уже кончена. Онъ говорилъ очень рѣзко и до того забылъ всякое уваженiе къ судьямъ, что подвергся приговору о заключенiи въ тюрьму.

— И былъ заключенъ? — спросилъ секретарь.

— Да; но только это было скорѣе мѣрой предосторожности, чѣмъ наказанiемъ. Судъ заподозрилъ его въ сумасшествiи. — При этихъ словахъ Деннъ наклонился и прошепталъ нѣсколько словъ на ухо секретарю. — Это удалось не безъ труда, — проговорилъ онъ вполголоса. — Онъ продолжалъ бранить всѣхъ насъ съ необыкновенною запальчивостiю; онъ объявилъ, что не выйдетъ изъ тюрьмы, пока судья публично не извинится въ своей ошибкѣ, и вообще велъ себя такъ безразсудно что я подумалъ — ужь не правъ ли судья и не помѣшался ли Келлетъ въ самое дѣлѣ.

— Я помню Поля Келлета, когда онъ былъ главою присяжныхъ въ Ирландiи, — сказалъ кто-то.

— Онъ былъ главнымъ шерифомъ въ первый годъ, какъ я приѣхалъ въ этотъ округъ, — сказалъ судья.

— И чѣмъ же это кончилось? — прошепталъ секретарь.

— Я уговорилъ его пойдти ко мнѣ и успокоилъ его, такъ что онъ образумился и ушелъ къ себѣ домой только съ часъ тому назадъ. Вотъ объ этомъ-то лакей и шепнулъ мнѣ, когда послѣднiй разъ принесъ вина. Что тамъ такое, Клаузъ, — спросилъ онъ

у камердинера, который стоялъ, ожидая благопріятной минуты, чтобы обратиться къ нему. Клоузъ подошелъ поближе и прошепталъ ему нѣсколько словъ.

— Но вѣдь вы сказали, что я занятъ, что у меня гости? — возразилъ Дѣннъ.

— Да, сэръ, но она частаивала на своемъ, говоря, что если я сообщу вамъ ея имя, то вы непременно примете ее, хоть на одну минуту. Вотъ ея карточка.

— Миссъ Келлетъ,—сказалъ Дѣннъ про себя.—Очень хорошо. Проведи ее въ кабинетъ, я сейчасъ приду туда. Это дочь того несчастнаго господина, о которомъ мы недавно говорили,—объяснилъ онъ гостямъ, показывая имъ карточку. Должно быть, съ нимъ случилось какое-нибудь новое несчастіе. Извините меня, господа, на одну минуту.

Когда Дѣннъ медленно сходилъ съ лѣстницы, въ душѣ его происходила странная борьба. Съ дѣтскихъ лѣтъ онъ былъ одержимъ суровымъ чувствомъ мести противъ семейства Келлетовъ. Это чувство было ежедневнымъ урокомъ, который повторялъ ему отецъ. Оно росло съ лѣтами и какъ ни казалось смутно и неопредѣленно, но все таки имѣло силу непреодолимаго побужденія. Онъ не могъ припомнить всѣхъ обстоятельствъ давней обиды, но зналъ, что Келлеты обошлись съ нимъ дурно и съ позоромъ выгнали его изъ своего дома. Въ вихрѣ дѣятельности своего обширнаго поприща, среди поглощающихъ заботъ и великихъ интересовъ, которые окружали его, онъ имѣлъ мало времени для подобныхъ воспоминаній; но въ минуты уединенія или унынія мысль о нанесенномъ ему когда-то оскорбленіи преслѣдовала его, и чувство злорадства наполняло его душу, когда онъ вспоминалъ: чѣмъ сдѣлался онъ и что случилось съ нимъ. Даже въ самомъ покровительствѣ, которое онъ оказалъ Келлету въ судѣ, таилось наглое чувство торжества; и вотъ теперь дочь этого гордеца умоляетъ его о свиданіи.

Таковы были его мысли, когда онъ вошелъ въ комнату, гдѣ, у каминна, стояла Сибелла Келлетъ. Она сняла свою шляпку; длинные волосы ея упали на плечи, и въ своемъ платьѣ, измокшемъ отъ дождя, она представляла такой жалкій видъ бѣдности и унынія, что неприязненное чувство, кипѣвшее сейчасъ въ груди Дѣнна, затихло, и онъ ласково попросилъ ее сѣсть.

— Не знаете ли вы, что сдѣлалось съ моимъ отцомъ, сэръ?—спросила она поспѣшно, не слушая его;—онъ ушелъ изъ дому рано утромъ и не возвращался.

— Я могу рассказать вамъ все, миссъ Келлетъ, — отвѣчалъ онъ ласковымъ голосомъ. Вы сейчасъ же успокойтесь, когда я скажу вамъ, что онъ здоровъ. Онъ теперь уже у себя дома.

Молодая дѣвушка крѣпко всплеснула руками и едва внятно пробормотала нѣсколько словъ.

— Утромъ, въ минуту раздраженія, онъ сказалъ кое-что оскорбительное для суда. Обстоятельство, вызвавшее этотъ поступокъ, могло взволновать человѣка даже съ болѣе спокойнымъ характеромъ; ему не слѣдовало бы ходить на аукціонъ: какъ бы то ни было, но онъ тамъ присутствовалъ и позволилъ себѣ выраженія, которыхъ нельзя было пройти молчаніемъ и его приговорили...

— Къ тюремному заключенію? спросила она слабымъ голосомъ.

— Да, его взяли подъ стражу, но только на нѣсколько часовъ.

Я выхлопоталъ, чтобы его освободили, какъ только судъ кончитъ свое засѣданіе. Трудность состояла здѣсь главнымъ образомъ въ томъ, чтобы убѣдить его принять это освобожденіе. Онъ не только не успокоился, но напротивъ того, горячность его усилилась и, уже послѣ многихъ просьбъ и убѣжденій, онъ согласился наконецъ оставить тюрьму и придти со мной сюда. Собственно говоря, онъ пришолъ ко мнѣ для того, чтобы составить формальный протестъ противъ приговора объ арестѣ, и былъ занятъ этимъ до самаго того времени, когда одинъ изъ моихъ клерковъ, около часу тому назадъ, проводилъ его домой. Впрочемъ, нѣкоторый отдыхъ и спокойствіе окончательно приведутъ его въ себя, и я не сомнѣваюсь, что завтра или послѣ-завтра въ немъ не останется никакихъ слѣдовъ раздраженія.

— Вы очень добры,—сказала она, вставая,—и я очень благодарна вамъ за это. Мы и безъ того много вамъ обязаны, и этотъ послѣдній вашъ поступокъ только увеличиваетъ нашъ долгъ.

Дѣннъ безмолвно смотрѣлъ на нее, между тѣмъ какъ она надѣвала свою шляпу и приготовлялась къ дорогѣ; наконецъ онъ сказалъ:—Вы пришли сюда пѣшкомъ и однѣ?

— Пѣшкомъ, но не одна; товарищъ и сослуживецъ моего брата былъ такъ добръ, что проводилъ меня. Онъ ждетъ меня на улицѣ.

— А! Значитъ это неприятное приключеніе вознаграждено въ нѣкоторой степени,—сказалъ Дѣннъ съ насмѣшливой улыбкой.

— Или я не понимаю васъ, или вы ошибаетесь во мнѣ: что изъ двухъ?—смѣло возразила она.

— Дорогая миссъ, — сказалъ Дѣннъ поспѣшно, — я не думаю оскорблять васъ. Того, что вы сдѣлали въ эту ночь совершенно

достаточно, чтобы внушить всякое уваженіе къ вамъ. Въ наше время въ мірѣ такъ рѣдко можно встрѣтить личную преданность, и обыкновенные люди, подобные мнѣ, очень естественно могутъ истолковывать ея жертвы въ дурную сторону.

— Но отъ васъ я должна бы ожидать противнаго. Если великіе умы не лишены мелочности, то гдѣ же намъ искать высокихъ и благородныхъ чувствъ? — Съ этими словами она пошла къ двери; но Дѣнна остановилъ ее, говоря:

— Оставайтесь на минуту, позвольте мнѣ предложить вамъ закуску, или хоть рюмку вина. Ну, а вашъ другъ? Невѣжливо оставлять его за дверьми въ такую погоду.

— Извините меня, что я не могу принять вашего предложенія; но я нетерпѣливо желаю поскорѣй быть дома. Притомъ мой отецъ будетъ беспокоиться о моемъ отсутствіи.

— Но я дамъ вамъ свой экипажъ; вы не пойдете пѣшкомъ, — сказалъ онъ, позвонивъ...

— Не сочтите меня неблагодарною, но я предпочту уйти, какъ пришла. Вы не имѣете понятія, сэръ, какъ болѣзненно дѣйствуетъ заска на людей въ нашихъ обстоятельствахъ. Чувство гордости поддерживаетъ насъ среди многихъ испытаній: уничтожьте его—и мы останемся безпомощными.

— Неужели вы не хотите принять отъ меня ничего, даже самыхъ обыкновенныхъ знаковъ вниманія? Хорошо, я посмотрю—не буду ли я болѣе счастливымъ съ другой стороны. — И съ этими словами онъ тотчасъ же вышелъ изъ комнаты. Прежде чѣмъ Сибелла могла хорошенько обдумать его слова, онъ уже воротился въ сопровожденіи Чарльза Конуэя.

— Миссъ Келлетъ хотѣла еще разъ испытать вашу крымскую стойкость, мой милый, держа васъ на улицѣ подъ этимъ страшнымъ дождемъ; а я вижу, что вамъ уже и безъ того порядкомъ досталось;—сказалъ Дѣнна, взглянувъ на пустой рукавъ ея жакетки.

— Да, отвѣчалъ Конуэй, смѣясь,—это память о русской любви.

При всей краткости этой фразы, тонъ и манера говорившаго поразили Дѣнна и онъ сказалъ:

— Давно вы на службѣ?

— Нѣсколько лѣтъ.

— Это очень странно,—сказалъ Дѣнна, пристально глядя на Конуэя,—но ваше лицо что-то очень мнѣ знакомо. Вы очень

похожи на одного молодого офицера, который когда то ужасно вутылъ,—мотоватый малый,—служилъ въ уланскомъ полку.

— Пожалуйста не ломайте головы понапрасну,—сказалъ Конуэй;—потому что... можетъ быть... я даже убѣжденъ въ этомъ... вы описываете мою особу.

— Вы Конуэй изъ 12-го полка?

— Именно, къ вашимъ услугамъ; если только разоренный однорукий инвалидъ значить одно и тоже, что человѣкъ съ хорошими состояніемъ, у котораго были двѣ руки, чтобы сорить деньгами.

— Мнѣ нужно идти. Я нетерпѣливо хочу быть дома,—сказала Сибелла съ жаромъ.

— У дверей васъ ждетъ экипажъ,—возразилъ Дѣннъ. — На этотъ разъ я рѣшился сдѣлать по своему. И онъ вѣжливо подалъ ей руку, чтобы проводить ее.

— Не можете ли вы зайти ко мнѣ завтра и позавтракать со мною, м-ръ Конуэй?—Сказалъ Дѣннъ, пожимая ему руку на прощаньи.—Мое приглашеніе имѣеть связь съ однимъ дѣломъ, очень важнымъ для васъ.

— Я къ вашимъ услугамъ,—отвѣчалъ Конуэй, идя за Сибеллой къ экипажу. И они уѣхали.

ГЛАВА XXIII.

Завтракъ.

Придя въ назначенное время къ мистеру Дѣнну, Чарльзъ Конуэй, къ удивленію, узналъ, что этотъ джентльменъ, за часъ передъ тѣмъ, уѣхалъ изъ дому завтракать къ главному секретарю.

— Но мистеръ Дѣннъ пригласилъ меня сегодня къ завтраку,—сказалъ онъ.

— Можетъ быть, — отвѣчалъ Клоузъ, осматривая солдата съ ногъ до головы, — только онъ ничего не говорилъ мнѣ объ этомъ.

Конузэй стоялъ съ минутоу въ нерѣшимости; потомъ сказалъ, съ спокойною улыбкой: — Пожалуйста скажите ему, что я былъ здѣсь; мое имя—Конузэй.

— Что касается до завтрака,—сказалъ Клоузъ, который «былъ пораженъ» чѣмъ то неуловимымъ въ манерѣ солдата, какъ онъ говорилъ впоследствии,—то я самъ сейчасъ буду завтракать:—неудобно ли вамъ покушать со мною?

— Конузэй посмотрѣлъ ему прямо въ лицо тѣмъ пристальнымъ взглядомъ, которымъ смотритъ человекъ, желающій убѣдиться, не обманываютъ ли его свои собственные чувства; за тѣмъ щоки его слегка покраснѣли, губы искривились; наконецъ, какъ бы желая подавить въ себѣ минутную вспышку, онъ засмѣялся и сказалъ: — Это, впрочемъ, не дурная мысль; я къ вашимъ услугамъ.

Мистеръ Клоузъ, хотя и ожидалъ совсѣмъ другаго отвѣта на свою вѣжливость, не сказалъ ничего и повелъ Конузэ къ себѣ, надѣясь, что уютная комната и вся ея обстановка произведутъ надлежащее дѣйствіе на его гостя. Въ самомъ дѣлѣ въ этомъ отношеніи Конузэй отдалъ должную справедливость окружавшему его комфорту.

Столъ, поставленный у камина, въ которомъ горѣлъ веселый огонь, былъ покрытъ роскошными блюдами. Небольшая спиртовая лампа горѣла подъ блюдами очень аппетитныхъ котлетъ, среди различныхъ видовъ хлѣба и разныхъ сортовъ вареній и фруктовъ. Приятный запахъ мокскаго кофе смѣшивался съ нѣжнымъ благоуханіемъ свѣжихъ цвѣтовъ, которые, не смотря на зимнее время, постоянно украшали столъ мистера Клоуза; въ центрѣ же возвышался великолѣпный, только что сорванный ананасъ, принесенный садовникомъ въ даръ великому визиру Дэвеппорта Денна.

— Я могу обѣщать вамъ лучшей завтракъ, чѣмъ какимъ онъ угостилъ бы васъ,—сказалъ Клоузъ, дѣлая ему знакъ садиться и въ тоже время указывая большимъ пальцемъ на кабинетъ мистера Денна. Онъ пьетъ чай съ сухою тартинкой и забываетъ потребовать чегонибудь другаго. Онъ имѣетъ какое-то предубѣжденіе противъ того, чтобы начинать день легкой закуской, — это совершенная ошибка,—какъ вы думаете?

— Настоящая минута не совсѣмъ благопріятна для того, чтобы внушить мнѣ подобное предубѣжденіе, сказалъ Конузэй, смѣясь. Я долженъ признаться, что я склоненъ принять *вашу* сторону въ этомъ спорѣ.

— Онъ, вотъ видите, — продолжалъ Клоузъ, — слишкомъ много работаетъ; онъ трудится свыше силъ человѣческихъ. — При этихъ словахъ онъ откинулся на спинку стула и величаво смотрѣлъ впередъ, какъ будто говоря: «даже самъ Клоузъ былъ бы не въ состояннн выдержать такихъ трудовъ». Сама природа требуетъ, сэръ, чтобы человѣкъ имѣлъ нѣкоторый отдыхъ и подкрѣплялъ свои силы. — И въ подтвержденіе этой послѣдней мысли, онъ поусердствовалъ подбавить себѣ страсбургскаго пирога.

— Мудрость говорить вашими устами, и я желалъ бы посмотрѣть, кто осмѣлился бы опровергать ваши слова, когда они приправлены такимъ отличнымъ кларетомъ, — сказалъ Конуэй, шельмовски подмигнувъ однимъ глазомъ.

— Этотъ кофе, я думаю, будетъ почище того, который вы пили въ Крыму, — замѣтилъ Клоузъ, указывая на кофейникъ.

— Я думаю, самъ лордъ Рагланъ не видывалъ подобнаго завтрака. Могу я спросить — вы каждый день такъ закусываете?

— Мы дѣлаемъ легкія измѣненія, сообразно временамъ года. Устрицы и сотернъ приличны веснѣ; а лѣтомъ мы обращаемся къ плодамъ и къ кларету. Полейте вашу ананасъ ромомъ, — это очень старый ромъ, и густъ какъ ликеръ.

— А ваша жизнь, должно быть, очень весела, — сказалъ Конуэй, закуривъ сигару и положивъ ноги на рѣшотку камина.

— Я думаю, вы предпочли бы ее траншеямъ и стрѣлковымъ ямамъ, — отвѣчалъ Клоузъ, смѣясь, — да вы и правы. Вы вѣдь тамъ потеряли свою руку?

Конуэй утвердительно кивнулъ головой, продолжая курить въ молчаннн.

— Скверное дѣло мы затѣяли! Крымская экспедиція — ошибка; намъ слѣдовало идти прямо въ Москву, — да, въ Москву, или въ Петербургъ — все равно.

— Но я не пошелъ бы, хотя бы и можно было добраться туда, — спокойно сказалъ Конуэй.

— Добраться туда! А почему жь бы и не добраться? Пятьдесятъ тысячъ англійскихъ штыковъ могутъ бороться съ арміей всего свѣта. Намъ нужна только голова, сэръ, — способность рѣшать великіе вопросы стратегіи. Вы, я думаю, и сами замѣтили, что у насъ нѣтъ генераловъ, нѣтъ предводителей.

— Я не скажу этого, — спокойно выразилъ Конуэй. Мы громко стучимся въ стѣны Севастополя, только не нашли еще слабого пункта.

— Слабago пункта! Да помилюйте, тамъ все слабо: вѣдь тамъ только одни земляныя укрѣпленія, — ничего, кромѣ земляныхъ укрѣпленій! О, для насъ наступили грустныя времена, — прибавилъ онъ съ жалобнымъ вздохомъ. Наши военачальники объявляютъ земляныя валы неприступными, наши адмиралы говорятъ, что каменныя стѣны не могутъ быть разрушены.

Конузѣ опять размѣлся и закурилъ новую сигару.

— А какой вы получаете пенсіонъ за это? Спросилъ Клоузъ, взглянувъ на пустой рукавъ Конузѣ.

— Совершенные пустяки... Я даже не въ состояніи сказать вамъ въ точности, сколько именно мнѣ слѣдуетъ, потому что не подавалъ просьбы о пенсіи.

— А я бы подаль; я добился бы своего, и вытребовалъ бы я еще что только можно — въ придачу. *Вамъ*, разумѣется, не дали бы ордена Бани: это они берегутъ для джентльменовъ...

Конузѣ покраснѣлъ и, вынувъ сигару изо рта, хотѣлъ было отвѣчать; но потомъ раздумалъ и снова началъ курить, не говоря ни слова.

— Впрочемъ, — сказалъ Клоузъ — различія въ званіяхъ необходимы. Можно жалѣть, можно оплакивать существованіе этого факта, но онъ не избѣженъ. Посмотрите на всѣ попытки ввести равенство и вы увидите, что ни одна изъ нихъ не удалась. Нѣтъ, сэръ, вы имѣете *ваше* мѣсто въ общественной лѣстницѣ, а я имѣю *свое*.

Высказавъ это мнѣніе, Клоузъ, повидимому, вдругъ самъ былъ пораженъ его строгостью и прибавилъ: — Впрочемъ, каждый человѣкъ достоинъ уваженія; не думайте, что я свысока смотрю на васъ.

Конузѣ выпучилъ глаза и въ изумленіи глядѣлъ на Клоуза, куря сигару съ нѣсколько большею энергіей, но продолжалъ молчать.

— Вы вѣроятно покончили со службой? — Спросилъ Клоузъ послѣ нѣкоторой паузы.

— Боюсь, что такъ, отвѣчалъ Конузѣ со вздохомъ.

— Вотъ *онъ* можетъ пристроить васъ къ какому нибудь тепленькому мѣстечку, — продолжалъ Клоузъ, указывая по направлению къ комнатѣ Дѣнна. Онъ каждый часъ можетъ раздавать мѣста. Да, сэръ, — прибавилъ онъ, одушевляясь, — онъ можетъ назначать въ какіе угодно должности, начиная отъ архіепископа до деревенскаго констебля.

— Я боюсь, что мои способности къ должностямъ окажутся

не слишкомъ замѣчательными. Я порядочно лѣнивъ и люблю праздность

— Не хорошо, мой другъ, не хорошо для всякаго человѣка, а тѣмъ болѣе для бѣднаго. Я самъ началъ жизнь очень скромно, — право, увѣряю васъ, — но, съ помощью труда, усердія и вниманія, сдѣлался тѣмъ, чѣмъ вы меня видите.

— Это, разумѣется, утѣшительно, — серьезно сказалъ Конуэй.

— Да, и я говорю это для вашей пользы.

Чарльзъ Конуэй всталъ и бросилъ въ огонь недокуренную сигару. Въ этомъ жестѣ видно было нетерпѣніе, и — сказать правду — онъ почти сердился на самого себя, потому что не смотря на свое расположеніе посмѣяться надъ чванствомъ и тщеславіемъ достойнаго камердинера, онъ все таки чувствовалъ, что онъ его гость и что вовсе не кстати насмѣхаться надъ человѣкомъ, который угощаетъ насъ своимъ хлѣбомъ — солью.

— Вы вѣдь не уйдете, не повидавшись съ нимъ? — Сказалъ Клоузъ. Онъ на вѣрное вернется раньше полудня. Ровно въ двѣнадцать часовъ мы должны принимать попечителей пріюта.

— Мнѣ еще нужно идти сегодня утромъ въ одно мѣсто, довольно далеко за городъ.

— Если я могу быть вамъ полезенъ въ чемъ нибудь, такъ только скажите мнѣ, — добродушно прибавилъ Клоузъ. Мое положеніе здѣсь — какъ человѣка, пользующагося довѣренностью — даетъ мнѣ много случаевъ услужить другу; а вы мнѣ понравились. Ваши манеры очаровали меня, когда вы вошли сегодня въ залу, и я сказалъ самому себѣ: «Въ этомъ молодомъ человѣкѣ есть хорошая кровь, кто бы онъ ни былъ.» И я, кажется не ошибся.

— Мы были прежде довольно щекотливы относительно происхожденія, — сказалъ Конуэй, смѣясь; — но я подозреваю, что свѣтъ нѣсколько поубавилъ нашей снѣси.

— Какое намъ дѣло до свѣта? Гордиться происхожденіемъ — это не болѣе, какъ благородный предразудокъ. Я никогда не забывалъ, что мой дѣдъ съ материнской стороны былъ продавецъ солонины. Но могу ли я помочь вамъ въ чемъ нибудь? — вотъ вопросъ.

— Кажется, нѣтъ; но я все таки очень благодаренъ вамъ. Мистеръ Дѣннъ просилъ меня къ себѣ сегодня утромъ вѣроятно для того, чтобы договорить со мною о войнѣ. Люди, естественно, любятъ слушать рассказы очевидцевъ и онъ, должно быть, вообразилъ, что я могу сообщить какой нибудь новый

фактъ или предложить какую нибудь новую мѣру, что, повидимому, сдѣлалось модною привычкой въ наши дни, когда всякой любить соваться съ своими совѣтами.

— Нѣтъ,—сказала Клоузъ, качая головой,—едва ли это было у него на умѣ. Мы съ самаго начала были противъ войны. Все это ошибка,—страшная ошибка. Абердинъ соглашался съ нами, но насъ перекричали. Имъ хотѣлось драться. Они говорили, что намъ нужно добыть нѣсколько бумажной ткани изъ нашей крови, и ей-ей! кажется это намъ удалось. Наши планы, — продолжалъ Клоузъ съ величавымъ видомъ,—состояли въ томъ, чтобы или заключить миръ или идти въ Петербургъ. Этотъ французскій союзъ — дрянъ, сэръ. Корсиканецъ насъ надуетъ. Какъ только какой нибудь оборотъ фортуны дастъ Франціи перевѣсъ, она заключитъ миръ, а намъ оставитъ всѣ невыгоды неохотнаго согласія. Вотъ его мнѣніе, такъ же думаю и я; а мы рѣдко ошибаемся.

— Не смотря на все это, мнѣ хотѣлось бы вернуться въ Крымъ. Скажите мистеру Денну, что я былъ здѣсь, что я наслаждался вашимъ великодушнымъ гостепрѣимствомъ и пріятнымъ обществомъ, и примите мою искреннюю благодарность за то и за другое.

— Именно такихъ-то людей намъ нужно для нашей арміи, — сказалъ самъ себѣ Клоузъ, провожая Конуэя глазами. Въ немъ есть отпечатокъ чего-то повыше простаго солдата,—да и какой онъ красивый малый!

Менѣ чѣмъ чрезъ четверть часа послѣ ухода Конуэя, экипажъ Денна подъѣхалъ къ дому и мистеръ Клоузъ поспѣшилъ на встрѣчу своему господину.

— Кто приходилъ утромъ? — спросилъ Деннъ. Былъ здѣсь лордъ Гленгаррифъ?

— Нѣтъ, сэръ. Васъ ждуть сэръ Джакоби Гаррисъ и директоры, и въ задней комнатѣ собралась довольно пестрая толпа. Здѣсь былъ также одинъ молодой солдатъ. Онъ вообразилъ, что вы пригласили его къ завтраку и я угостилъ его самъ.

— Право? воскликнулъ Деннъ.—Я совѣмъ забылъ объ этомъ приключеніи. Какъ досадно! Не можете ли вы разузнать, гдѣ его найти?

— Нѣтъ. Но онъ навѣрно придетъ опять: я обѣщалъ ему протекцію, а онъ, повидимому, ловкій малый—едва ли упустить подобный случай.

— При этихъ словахъ глаза Денна какъ то странно мигнули,

уголки его рта искривились какою-то особенною улыбкой, но онъ не сказалъ ни слова.

Между тѣмъ Конузѣ быстро шелъ по направленію къ Клон-тарфу освѣдомиться о бѣдномъ Келлетѣ, положеніе котораго способно было возбудить сильное безпокойство. Лихорадочное волненіе утра смѣнилось какою-то тупой апатіей, въ которой онъ, повидимому, не замѣчалъ ничего и никого. Смотри усталымъ, отсутствующимъ взглядомъ и опустивъ голову, онъ бормоталъ что-то про себя, и это было единственнымъ признакомъ, что въ немъ сохранилось еще какое нибудь сознаніе. Въ такомъ положеніи находился Келлетъ, когда Конузѣ наканунѣ, поздно ночью, оставилъ коттеджъ, съ обѣщаніемъ воротится въ слѣдующее утро.

Войдя въ садъ, молодой человѣкъ увидѣлъ, что ставни маленькой гостиной наполовину заперты, и его тихій, осторожный стукъ въ дверь показывалъ страхъ въ его сердце. Изъ притвореннаго окна слышался тихій, жалобный стонъ, въ которомъ онъ узналъ голосъ больного.

— Онъ только что сейчасъ спрашивалъ, не пришли ли вы,— сказала Белла.—Онъ говорилъ о бѣдномъ Джекъ и воображаетъ, что вы можете сообщить какія нибудь новыя вѣсти о сынѣ. Говоря это, она повела Конузю въ домъ.

Келлетъ сидѣлъ на низкомъ стулѣ у камина. Положивъ руки на колѣни и устремивъ глаза на потухавшую золу, Келлетъ при ихъ входѣ не повернулъ головы и не обратилъ вниманія на Беллу, когда она тихимъ, мягкимъ голосомъ произнесла имя Конузю.

— Онъ пришолъ навѣстить васъ, милый папа, посидѣть съ вами и поговорить о Джекъ.

— А! сказалъ больной, апатичнымъ и безучастнымъ тономъ; и Конузѣ сѣлъ возлѣ него и взялъ его за руки.

— Вамъ сегодня вѣдь лучше, капитанъ Келлетъ? спросилъ онъ съ добрымъ участіемъ.

— Да,—отвѣчалъ Келлетъ тѣмъ же тономъ, какъ прежде.

— А завтра, надѣюсь, вамъ будетъ еще лучше, и вы сдѣлаете со мною большую прогулку, о которой мы такъ часто говорили.

Келлетъ повернулся и пристально посмотрѣлъ ему въ лицо, съ выраженіемъ человѣка, который напрасно борется съ путаницей въ своихъ мысляхъ и всѣми силами старается уяснить себѣ ка-

какой-то предметъ; наконецъ слабый вздохъ, вырвавшійся изъ его груди, показавъ, что эта попытка не удалась.

— Что съ нимъ уныніе, или серьезная болѣзнь?—прошептала Белла.

— Я не въ состояніи рѣшить, — уклончиво отвѣчалъ Конуэй; но надѣюсь и увѣренъ, что это — слѣдствіе потрясенія, и пройдетъ такъ же скоро, какъ и пришло.

— Да, — сказалъ Келлетъ тономъ, который заставилъ ихъ вздрогнуть и вообразить, что онъ подслушалъ ихъ; но одинъ взглядъ на его бессмысленную фязіономію показалъ имъ, что они не имѣютъ никакого основанія къ подобному страху.

— Нѣтъ, здѣсь кроется что-то похуже, — прошептала Белла. — Этотъ холодный потъ на лбу, эта дрожь, которая овладѣваетъ имъ отъ времени до времени, и этотъ взглядъ, какого я никогда прежде не видала въ его глазахъ — все показываетъ серьезную болѣзнь. Не можете ли вы привести доктора—такого, къ которому вы имѣете довѣренность?

— Я знаю одного, въ которомъ вполне увѣренъ, — отвѣчалъ Конуэй, поспѣшно вставая. Я сейчасъ же пойду за нимъ.

— Такъ не теряйте ни минуты, — сказала Белла, садясь на его мѣсто и взявъ отца за руку.

Взглядъ Келлета медленно слѣдилъ за Конуземъ, когда тотъ шелъ къ двери; за тѣмъ старикъ повернулся къ Беллѣ, и, глядя ей прямо въ лицо, сказалъ рѣзко-явственнымъ голосомъ: — Слишкомъ поздно, моя милочка, слишкомъ поздно!

Слезы хлынули изъ глазъ молодой дѣвушки и губы ея задрожали, но она не произнесла ни слова и сидѣла безмолвно и неподвижно, какъ прежде.

Келлетъ пристально глядѣлъ на нее, съ выраженіемъ глубокаго и любящаго участія, и медленно высвободивъ свою руку, нѣжно обнялъ дочь.

— Я желалъ бы, чтобы онъ пришолъ, — сказалъ онъ наконецъ.

— Кто, папа? докторъ?—спросила Белла.

— Докторъ! Нѣтъ, не докторъ, — отвѣчалъ Келлетъ съ глубокимъ вздохомъ.

— Вы думаете о бѣдномъ Джекѣ? спросила она.

— О бѣдномъ... да, это довольно вѣрно, — пробормоталъ онъ; мы всѣ теперь бѣдны. — И въ его лицѣ видна была невыразимая скорбь при этихъ словахъ.

Белла хотѣла произнести нѣсколько словъ утѣшенія; она хотѣла сказать ему, что она охотно пожертвуетъ собою для него,

что въ короткое время, при нѣкоторомъ усиліи съ ихъ стороны, ихъ измѣнившіяся обстоятельства перестанутъ тяготити ихъ, что она научатся понимать, въ какой степени истинное счастье совмѣстно съ ограниченными средствами. Но она не знала, какъ будутъ приняты ея слова; какаянибудь случайная фраза, какоенибудь необдуманное выраженіе могли задѣть болѣзненную струну и раздражить—вмѣсто того, чтобы успокоить; поэтому молодая дѣвушка только прижалась губами къ его рукѣ и молчала.

Голова больного постепенно опускалась, дыханіе его сдѣлалось тяжелѣе, и онъ заснулъ. Медленно тянулся томительный день, а Сибелла все сидѣла возлѣ отца въ безпокойномъ ожиданіи. Было уже темно, когда у воротъ остановился экипажъ, изъ котораго вышелъ Конуэй въ сопровожденіи какого-то незнакомца. — Вотъ наконецъ докторъ, — пробормотала Сибелла, осторожно вставая съ своего мѣста. Келлетъ проснулся и посмотрѣлъ на Конуэя.

Конуэй едва имѣлъ время прошептать имя доктора на ухо Беллѣ, какъ сэръ Морисъ Дашвуть вошелъ въ комнату. Въ его манерахъ не было видно и тѣни той торжественной важности, которая свойственна ученому доктору, ни той кошъчьей крадущейся походки, которую мы привыкли встрѣчать у модныхъ медиковъ. Сэръ Морисъ приближался съ непринужденною, развязною граціей человѣка, входящаго въ гостиную. Онъ обратился съ нѣсколькими словами къ миссъ Келлетъ, за тѣмъ поставивъ стулъ возлѣ того мѣста, гдѣ сидѣлъ ея отецъ, сказалъ:

— Надѣюсь, мой старый однополчаникъ не забылъ меня. Помните вы Дашвуда въ 43-мъ полку?

— Это былъ величайшій чудакъ, хотя я докторъ, — пробормотала Келлетъ. А вы его знавали?

— Какъ же, — отвѣчалъ докторъ, улыбаясь. Онъ былъ вамъ большой пріятель, — не правда ли? Вы цѣлую зиму обѣдали съ нимъ вмѣстѣ въ Пиренеяхъ.

— Чудакъ, изъ котораго не могло выйти ничего путнаго, — продолжалъ Келлетъ про себя. Желалъ бы я знать — что съ нимъ случилось?

— Кажется, я могу удовлетворить вашему любопытству. Между тѣмъ позвольте мнѣ пощупать вашу пульсъ. Здѣсь нѣтъ никакого опредѣленнаго поврежденія, — сказалъ онъ, прикасаясь къ его груди около сердца.

— Посмотрите на меня прямо. А, вотъ гдѣ вы чувствуете

страданіе, — прибавилъ онъ, прикоснувшись къ его лбу, — это скорѣе ощущеніе тяжести, чѣмъ боли,—не правда ли?

— Голова моя точно налита свинцомъ, и когда я опущу ее, то мнѣ кажется, что я уже буду не въ силахъ поднять ее.

— Это пройдетъ, — сказалъ докторъ, съ жаромъ. Слѣдуйте только моимъ совѣтамъ — и чрезъ день или два мы увидимъ въ васъ большую перемѣну.

— Я буду дѣлать все, что вы прикажете, хотя это ни къ чему не послужитъ, докторъ; я готовъ повиноваться ради ея. Последнія слова онъ проговорилъ шопотомъ.

— Вотъ это дѣло, Келлетъ,—весело сказалъ докторъ. Теперь позвольте попросить у васъ пера и чернилъ.

Сѣвъ за столъ, Дашвудъ сдѣлалъ знакъ Беллѣ подойти къ нему и, написавъ наскоро нѣсколько словъ, далъ ей прочесть ихъ.

Узнавъ содержаніе этихъ строкъ, Белла судорожно ухватилась за стулъ и смертельная блѣдность покрыла ея щоки.

— Спроси его, Белла, нельзя ли мнѣ выпить нѣсколько водки съ водой,—сказалъ Келлетъ.

— Разумѣется, можно, — отвѣчалъ сэръ Морисъ,—а еще лучше рюмку кларета; къ счастью, у меня есть это вино. Конузѣй, поѣдемте ко мнѣ и я дамъ вамъ полдюжины бутылокъ.

— И въ этомъ нѣтъ ничего... нѣтъ ничего... Белла не могла продолжать, между тѣмъ какъ предостерегающій жестъ со стороны доктора показалъ ей, что глаза ея отца устремлены на нее.

— Поди сюда, Белла, — тихо сказалъ Келлетъ,—подойди ко мнѣ. Тамъ въ жилетѣ, который лежитъ въ моей комнатѣ, ты найдешь билетъ въ одинъ фунтъ; вложи въ него шиллингъ, потому что ему нужно будетъ дать гинею. И скажи ему, что мы пошлемъ за нимъ въ случаѣ надобности. Сдѣлай это какъ можно деликатнѣе, моя милочка, такъ чтобы онъ ничего не подозрѣвалъ. Скажи ему, что я привыкъ къ этимъ припадкамъ, что это фамильная болѣзнь; скажи... Но они уже уѣхали! и онъ не дождался своей платы за визитъ! Вотъ это страннѣй всего.—И онъ началъ размышлять объ этомъ любопытномъ фактѣ, бормоча про себя отъ времени до времени: «докторъ не взялъ за визитъ! я никогда до сихъ поръ не слыхалъ ничего подобнаго.»

ГЛАВА XXIV.

Коттеджъ.

Дэвенпортъ Дённъ имѣлъ мало досуга думать о Конуэѣ или о бѣдномъ Келлетѣ. Въ Англіи только что произошла перемѣна министерства и всѣ умы были заняты вопросомъ о кандидатахъ. Толпы деревенскихъ джентльменовъ хлынули въ Дублинъ, и «возникающіе люди» всѣхъ оттѣнковъ мнѣнія заботливо заявляли свои права. Домъ Дённа былъ осаждаемъ съ утра до ночи посѣтителями; всѣ они были твердо убѣждены, что онъ болѣе всякаго другаго долженъ знать о наступающемъ событіи. Было ли то справедливо, или же Дённъ считалъ благоразумнымъ поддерживать подобное заблужденіе, только онъ притворился несобѣмъ здоровымъ и не принималъ никого.

Разумѣется, о его болѣзни ходило много разныхъ слуховъ. Одни говорили, что это — сплинъ, что это — негодованіе: правительство отвергнуло Дённа; ему отказали въ мѣстѣ секретаря, о которомъ онъ хлопоталъ. Другіе утверждали, что болѣзнь его въ высшей степени серьезна. Третьи увѣряли, что его благосостояніе сильно колеблется. А между тѣмъ этотъ, обманутый въ своихъ надеждахъ государственный человѣкъ, этотъ безнадежный больной, этотъ разоренный спекуляторъ хорошо ѣлъ и пилъ и писалъ отвѣты на безчисленное множество конфиденціальныхъ писемъ отъ людей, бывшихъ въ силѣ, и старательно составилъ списокъ кандидатовъ, которыхъ онъ хотѣлъ рекомендовать правительству на мѣста и должности.

Каждое утро кэбъ сэра Мориса Дашпуда подѣзжалъ къ его дому, и веселый баронетъ взбѣгалъ по лѣстницѣ въ комнату Дённа со всею живостью молодыхъ лѣтъ. При совершенномъ знаніи свѣта и людей, онъ не уступалъ ни кому и въ знаніи своего дѣла. Онъ чувствовалъ, что можетъ безопасно предаваться склонностямъ своего веселаго и живаго характера и, не смотря на свое докторское званіе, принималъ участіе въ развлеченіяхъ спорта и общественныхъ удовольствіяхъ.

— Ну, Дённъ, — вскричалъ онъ однажды утромъ войдя въ комнату, гдѣ Дённъ сидѣлъ окруженный бумагами и занятый

дѣламъ, — я думаю, вамъ уже можно получить паспортъ на выздоровленіе и выйти завтра изъ своей засады. Ихъ имена уже объявлены въ газетахъ, и свѣтъ оказался столько же благоразумнымъ, какъ и вы.

— Я такъ и сдѣлаю. Я намѣревался обѣдать завтра у канцлера. Что говорятъ о новомъ министерствѣ?

— Очень мало; да сказать правду — почти и нечего говорить. Лица, которыя составляютъ его тѣ же самыя шашки, только поставлены другимъ образомъ. Этотъ пустой крикъ насчетъ «надлежащихъ людей на надлежащихъ мѣстахъ» поведетъ только къ всевозможной путаницѣ, потому что подобное правило предполагаетъ выборъ, а выборъ, говоря простыми словами, значитъ приказаніе газетъ.

— Это приказаніе стоитъ всякаго другого; даже оно лучше другихъ въ одномъ отношеніи: именно, оно такъ часто измѣняется, — сказалъ Деннъ съ сарказмомъ.

— Всѣ они сегодня утромъ были единодушны насчетъ васъ. Всѣ съ жаромъ спрашиваютъ — какимъ способомъ правительство думаетъ вознаградить услуги одного изъ способнѣйшихъ людей и безкорыстнѣйшихъ патріотовъ настоящаго времени.

— Мнѣ ничего не нужно отъ нихъ, — брюзгливо сказалъ Деннъ; отходя къ окну, чтобы избѣжать остраго пронизательнаго взгляда доктора.

— Имѣть нужду — это самое лучшее средство приобрести что нибудь, — возразилъ Дашвудъ. Кстати: каковъ нашъ новый намѣстникъ?

— Правительство сдѣлало очень хорошій выборъ, важно отвѣчалъ Деннъ.

— О, я спрашиваю не объ этомъ. Я хочу знать о его личномъ характерѣ: гордъ онъ, натянутъ, серьезенъ, веселъ, неприступенъ, или ласковъ?

— Сколько я знаю, лордъ Алингтонъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые серьезны безъ желчи.

— Полно, оставьте эти противоположенія; заботится ли онъ объ общественныхъ удовольствіяхъ? Любитъ ли онъ забавы спорта? Щедръ ли онъ? Или же онъ держится старой традиціонной политики: «Истощать Ирландію»?

— Онъ очень понравится вамъ, и вы поправитесь ему.

Сэръ Моррисъ улыбнулся, какъ будто желая сказать: «за себя

то я ручаюсь»; потомъ спросилъ: — Давно вы знакомы съ нимъ?

— Нѣтъ, не очень давно, — отвѣчалъ Деннъ, и не очень близко. Къ чему этотъ вопросъ?

— Мнѣ нужно выхлопотать кто-что, и притомъ какъ можно скорѣе. Я знаю одного бѣднаго человѣка, моего пациента — мы служили когда-то въ одномъ полку — который находится въ очень грустныхъ обстоятельствахъ. Ваши пріятеля въ аукціонномъ судѣ только что продали его имѣніе и этимъ ударомъ такъ ошеломили его, что это подѣйствовало на его голову теперь онъ поправляется, но все таки болѣзнь должна кончиться размягченіемъ мозга и тому подобное. Нельзя для него сдѣлать чтонибудь и при томъ какъ можно скорѣе, на примѣръ, дать ему какуюнибудь пенсію, — словомъ что бы то ни было, лишь бы только онъ имѣлъ средства къ существованію?

— Но что именно? — спросилъ Деннъ.

— Что вамъ заблагоразсудится. Онъ едва ли можетъ быть епископомъ, потому что не принадлежитъ къ духовенству; ни судьей, потому что это не по его части; но почему бы не сдѣлать его какимънибудь коммиссіонеромъ? У васъ есть коммиссіонеры по всѣмъ частямъ и во всѣхъ степеняхъ.

— Вы, какъ я вижу, нѣско цѣните коммиссіонерскія мѣста, — сказалъ Деннъ, улыбаясь.

— Это лодки, на которыхъ двое или трое гребутъ а остальные только обмакиваютъ въ воду свои весла. Но дѣло не въ томъ, объщайте мнѣ, что вы позаботитесь объ этомъ; запишите имя моего *protégé*: это — Поль Келлетъ, человѣкъ отличной фамиліи, нѣкогда владѣлецъ поземельной собственности.

— Я знаю его, — сказалъ Деннъ многозначительнымъ тономъ.

— И, я увѣренъ, не знаете ничего къ его невыгодѣ. Онъ былъ хорошій офицеръ и добрый малый, котораго мы всѣ любили. А теперь, — прибавилъ Дашвудъ, послѣ нѣкоторой паузы, — онъ находится въ очень жалкихъ обстоятельствахъ; у него есть дочь очаровательная дѣвушка; и я не думаю, что бы у нихъ осталось даже какихънибудь пять фунтовъ стерлинговъ. Вы должны сдѣлать это для меня, Деннъ. Я настаиваю на этомъ!

— Я посмотрю, что можно будетъ сдѣлать. Разрѣшеніе всякой задачи сопряжено съ трудностью.

— Здѣсь все задачи, Деннъ; и никто лучше васъ не умѣетъ разрѣшать ихъ. И говоря это, веселый докторъ, смѣясь, вышелъ

изъ комнаты, спѣша внушить надежду и передать хотя часть собственной бодрости своимъ многочисленнымъ пациентамъ.

Хотя камердинеръ докладывалъ Денну о многихъ посѣтителяхъ, которые настоятельно просили его аудіенціи, но онъ не принималъ никого. Онъ въ глубокомъ размышленіи ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, по видимому твердо рѣшась не допускать, чтобы ктонибудь его беспокоилъ. У него было о чемъ подумать: и о великихъ вопросахъ политики, и о дѣлахъ денежныхъ, словомъ обо всемъ, что можетъ пробудить честолюбіе и энергію, — и однако же чѣмъ были заняты теперь его мысли? Онъ думалъ о раннихъ годахъ своего дѣтства, когда онъ былъ товарищемъ Поля Келлета въ играхъ, когда его допускали — рѣдкая честь! къ обѣду въ дѣтской комнатѣ. Какъ это странно, что «тамъ и тогда» онъ долженъ былъ начать изученіе жизни и характеровъ, что тамъ и тогда онъ впервые сталъ приравниваться къ нравамъ и обычаямъ другихъ, сообразоваться съ чужими капризами и наклонностямъ.

Суровыми тиранами были эти дѣти — господа! Какъ много думали они о своемъ высокомъ званіи! Какъ жестоко заставляли они его чувствовать разстояніе между нимъ и ими, и какимъ хитростямъ научили его! Къ какимъ тонкимъ выдумкамъ онъ долженъ былъ прибѣгать, чтобы перехитрить ихъ дерзость, и господствовать надъ ними! Эти воспоминанія смѣнились другими, еще болѣе тягостными, и лобъ Денна нахмурился; его губы сжались, когда эти мысли столпились въ его головѣ.

— Я думаю, даже отецъ мой согласится, что мой долгъ теперь окончательно уплаченъ, — пробормоталъ онъ про себя.

— Пойду, посмотрю на нихъ! — Прибавилъ онъ послѣ минутной паузы; это зрѣлище покажется мнѣ, какъ далеко я подвинулся въ жизни.

Онъ тихо сошелъ съ задней лѣстницы, которая вела въ садъ и, пройдя мимо конюшенъ, очутился на улицѣ. На первой биржѣ онъ взялъ повозку и поѣхалъ въ Клонтареръ.

Если Дэвенпортъ Деннъ никогда не предавался страсти мщенія, то это отчасти потому, что считалъ ее роскошью выше своихъ средствъ.

Онъ часто представлялъ въ своемъ воображеніи то время, когда ему можно будетъ насладиться этимъ удовольствіемъ, точно также какъ тысячью другими, которыя нѣкогда онъ считалъ для себя недоступными.

Онъ думалъ, что онъ еще не достигъ той точки, гдѣ онъ бу-

дѣтъ въ состояніи обходиться безъ посторонней помощи, и знать въ совершенствѣ, чьи услуги могутъ быть ему полезны въ данную минуту. Но при всемъ этомъ, онъ не упускалъ случая наслаждаться несчастіемъ тѣхъ, которые нѣкогда его оскорбили. Сравнивать ихъ участь съ своею собственною было для него удовольствіемъ; вѣсы судьбы склонялись въ его пользу,—и въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ активно не способствовалъ этому, онъ уже считалъ себя великодушнымъ, благороднымъ и безупречнымъ.

Предаваясь размышленіямъ объ этихъ предметахъ, онъ доѣхалъ до дома Келлета; на его стукъ отвѣчала Сибелла, въ истомленномъ лицѣ и усталыхъ глазахъ которой онъ едва узналъ наружность дѣвушки, которая въ первый разъ являлась ему со щеками, разгорѣвшимися отъ ходьбы и волненія.

— Я счелъ лучшимъ самъ придти къ нему, — сказалъ Деннъ, объясняя причину своего пріѣзда.

— Въ немъ едва ли есть настолько сознанія, чтобы поблагодарить васъ, — печально сказала она; — но я очень благодарна вамъ. И молодая дѣвушка ввезла Денна въ комнату, гдѣ ея отецъ сидѣлъ въ томъ же самомъ положеніи, какъ прежде.

— Онъ не узнаетъ меня, — прошепталъ Деннъ, когда пристальный взглядъ больного обратился къ нему безъ малѣйшихъ признаковъ сознанія, — онъ не узнаетъ меня!

— Нѣтъ, узнаю. Я хорошо знаю васъ, Дэвенпортъ Деннъ; знаю также, зачѣмъ вы пріѣхали сюда, — возразилъ Келлетъ съ отчетливостью, которая поразила ихъ обоихъ. — Оставьте насъ, Белла, моя милочка, намъ нужно поговорить наединѣ.

Сибелла была до такой степени поражена этимъ внезапнымъ проблескомъ ума, что не знала, какъ его понять и что дѣлать; по знаку со стороны Денна, она тихо вышла изъ комнаты.

— Вы не должны волноваться, Келлетъ, и подвергать этимъ опасности свою надежду на выздоровленіе; еще довольно будетъ времени поговорить о дѣлѣ впоследствии.

— Нѣтъ, не будетъ времени, — поэтому-то я и хочу поговорить съ вами теперь; — рѣзко возразилъ Келлетъ. Я хорошо знаю, что дни мои сочтены.

Деннъ началъ было что-то говорить въ одобрительномъ духѣ, но Келлетъ вдругъ остановилъ его, говоря:

— Полно, полно, не теряйте времени по напрасну. Развѣ это прикосновеніе похоже на прикосновеніе человѣка, которому ос-

тается еще долго жить на свѣтѣ?—сказалъ онъ положивъ свои горячіе пальцы на руку Дѣнна.

— Я сказалъ, что знаю, зачѣмъ вы здѣсь, Дѣннъ,—продолжалъ Келлетъ болѣе твердымъ голосомъ:—вамъ хотѣлось посмотрѣть на свою работу. Да, именно такъ. Это вы довели меня до такого положенія, и хотѣли взглянуть на него. Обведите комнату глазами—и вы увидите, что она достаточно бѣдна. Посмотрите на спальню, и вы убѣдитесь, что трудно найти что нибудь болѣе жалкое! Я заложилъ вчера свои карманные часы, и вотъ все, что я за нихъ выручилъ. — При этомъ старикъ протянулъ руку и показалъ нѣсколько серебряныхъ и мѣдныхъ денегъ, лежавшихъ у него на ладони.

— У насъ не осталось ни одной серебряной ложки,—и такъ вы можете быть увѣрены, что вы хорошо сдѣлали свое дѣло!

— Мой милый Келлетъ,—эти слова не имѣютъ въ себѣ здраваго смысла.

— Можетъ быть: — но можетъ быть также, что вы все таки хорошо ихъ понимаете. Теперь слушайте, Дѣннъ, сказалъ онъ, лихорадочно сжимая его руку; — что начинается ребенокъ, то оканчивается взрослый! Я хорошо знаю васъ и наблюдаю за вами въ теченіе многихъ лѣтъ. Всѣ ваши планы и проекты никогда не могли обмануть меня; но вы строите зданіе на пескѣ. Что я зналъ о васъ какъ о мальчикѣ, то, другіе, можетъ быть, знаютъ о васъ какъ о взросломъ; и я не повѣрилъ бы самому св. Петру, если бы онъ сказалъ мнѣ, что вы сдѣлали кое-что только *однажды*.

— Если это не бредъ, такъ умышленное оскорбленіе!—угрюмо пробормомалъ Дѣннъ, оттолкнувъ руку Келлета и отодвинувъ свой стулъ назадъ.

— Нѣтъ, это не бредъ,—спокойно сказалъ Келлетъ. Холодный воздухъ могилы, открывающейся для меня, проясняетъ мнѣ мозгъ и я хорошо понимаю слова, которыя говорю, и предостереженіе, которое дѣлаю вамъ. Скажите людямъ откровенно, что вы создавали только пустые проекты, что ваши компаніи—мыльные пузыри, а банки—обманъ; что вы мошеннически употребляете кредитъ одного человѣка противъ другого, заставляя народъ думать, что вы пользуетесь довѣренностью правительства, и увѣряя правительство, что вы можете сдѣлать, что вамъ угодно съ народомъ. Объявите немедленно, что вы только обманываете всѣхъ,—не то, вамъ придется кончить чѣмъ нибудь еще похуже этого!

— Я прѣѣхалъ сюда изъ состраданія къ вамъ.

— Нѣтъ, неправда. Вы явились сказать старому Мэту Денну, что счетъ уплаченъ; онъ сегодня утромъ подходилъ къ моему окну и смотрѣлъ на меня.

— Мой отецъ! Это невозможно! Ему девяносто лѣтъ, и онъ едва въ состояніи ходить по комнатѣ.

— Что мнѣ до этого? я знаю, что онъ стоялъ вотъ тамъ, у куста; онъ наклонился надъ подоконникомъ и глядѣлъ на меня; онъ два раза вытиралъ стекло, потускнѣвшее отъ его дыханія. Я закричалъ на него и онъ отошелъ прочь. Его понесли и уложили въ повозку, которая стояла за воротами.

— Правда ли это?—торопливо вскричалъ Деннъ.

— Будь у меня столько силы, чтобы добраться до окна, я не посмотрѣлъ бы на его сѣдины.

— Если бы вы только осмѣлились! сказалъ Деннъ, вставая и не будучи болѣе въ состояніи удерживать свой гнѣвъ.

— Не уходите, я еще не кончилъ,—вскричалъ Келлетъ, протянувъ къ нему свою руку. — Плутство вамъ удастся, и потому вы воображаете, что вы великій и уважаемый человѣкъ. Ошибаетесь; ни джентльмены, ни люди вашего класса не хотятъ считать васъ своимъ. Ни одинъ честный человѣкъ не станетъ ѣсть вашу хлѣбъ-соль, ни одна честная дѣвушка не согласится носить ваше имя. Вы здѣсь такъ же одиноки, какъ иностранецъ, который только-что прибылъ изъ чужой земли, и кромѣ васъ нѣтъ ни одного человѣка въ Ирландіи, который не видѣлъ бы этого.

При послѣднихъ словахъ Деннъ опрометью бросился вонъ изъ комнаты и вышелъ на дорогу. Онъ до такой степени былъ подавленъ бѣшенствомъ и изумленіемъ, что прошло нѣсколько минутъ прежде, чѣмъ онъ могъ вспомнить, гдѣ онъ и куда ему надо ѣхать.

— Въ Бельдойль, — сказалъ онъ извозчику, указывая по направлению къ низкому берегу, гдѣ жилъ его отецъ; — поѣзжай какъ можно скорѣе. Потомъ, вдругъ измѣнивъ свое намѣреніе, онъ прибавилъ:—Нѣтъ, въ городъ.

— Уѣхалъ онъ, Белла? — спросилъ Келлетъ, когда дочь его вошла въ комнату.

— Да; я не успѣла и поблагодарить его за визитъ.

— Кажется, я наговорилъ ему довольно,—сказалъ онъ съ дикимъ смѣхомъ, который заставилъ ее обернуться и посмотрѣть на него.

Она едва могла подавить внезапный крикъ ужаса, потому что одна сторона его лица была искривлена параличомъ и весь ротъ его покосился.

— Что здѣсь такое, Белла? — спросилъ онъ, стараясь прикоснуться рукою къ своей щекѣ; — я чувствую онѣмѣніе, что-то въ родѣ... Ты плачешь, моя милочка?

— Нѣтъ, мнѣ попало что-то въ глазъ, — отвѣчала она, отворачиваясь, чтобы скрыть свое лицо.

— Дай мнѣ зеркало, поскорѣй, — вскричалъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, — сказала она съ принужденнымъ смѣхомъ, — вы не брились въ послѣдніе два дня и имѣете очень непрезентабельную наружность. Я не хочу, чтобы вы видѣли себя въ подобномъ состояніи.

— Принеси мнѣ зеркало сію минуту, — сказалъ онъ запальчиво; причемъ слова его становились все менѣе и менѣе явственными.

— Прошу васъ, имѣйте терпѣніе, дорогой папа.

— Ну, такъ я пойду самъ. — И съ этими словами онъ схватился за ручку кресла и пытался встать.

— Полно, полно, — сказала Белла, нѣжно усаживая его опять. Я сейчасъ принесу его. Я хочу убѣдить васъ, милый папа... начала-было она, принеся зеркало, но все еще держа его въ своихъ рукахъ. Но Келлетъ грубо вырвалъ у ней зеркало и сталъ смотрѣться въ него.

— Вотъ оно что, — сказалъ онъ наконецъ. — Въ Корфу меня звали прекраснымъ Полемъ Келлетомъ. Желалъ бы я знать, что сказали бы обо мнѣ теперь.

— Это сейчасъ пройдетъ, — не болѣе, какъ судорога.

— Да, сказалъ онъ съ поддразнивающимъ смѣхомъ, которому искаженное лицо придавало поразительное выраженіе. — Обѣ стороны будутъ одинаковы — завтра или послѣ завтра, — я знаю это.

Белла не могла удерживаться долѣе и, закрывъ лицо руками, горько зарыдала.

Келлетъ продолжалъ смотрѣться въ зеркало и вслѣдствіе ли болѣзни или же мимолетнаго волненія, его черты подернулись сардоническимъ смѣхомъ, когда онъ сказалъ: — Я ошибался, говоря, что никогда не впаду въ уныніе.

ГЛАВА XXV.

Кладбище.

Въ странномъ климатѣ Ирландіи по временамъ выдаются зимніе дни, напоминающіе весну, — съ мягкимъ солнечнымъ свѣтомъ, блестящими листьями и щебечущими птицами; потоки довершаютъ этотъ обманъ, извиваясь свѣтлыми струйками и тихо журча между камнями.

Эти очаровательные дни исполнены отрадныхъ вліяній, и свѣжее дыханіе сада, вѣющее въ отворенныя окна гостиныхъ, приноситъ надежду и здоровье на своихъ крыльяхъ. Утромъ одного изъ такихъ дней маленькая погребальная процессія вошла въ ограду разрушенной церкви въ Келлестерѣ и направилась къ уединенному уголку, гдѣ виднѣлась открытая могила. Можно было легко замѣтить, что, за исключеніемъ одного человѣка, вся толпа, сопровождавшая гробъ, состояла или изъ наемныхъ плакальщицъ, или изъ прохожихъ, привлеченныхъ празднымъ любопытствомъ. Это несли тѣло бѣднаго Келлета, за которымъ шелъ Конуэй.

По окончаніи печальной церемоніи, когда всѣ присутствовавшіе разошлись, Конуэй остался между могилами, то читая надгробныя надписи, то прислушиваясь къ пѣснямъ жаворонка, котораго рѣзкія трели раздавались высоко въ небесахъ. «Бѣдный Джекъ! — думалъ онъ вслухъ; — онъ и не подозрѣваетъ, какую грустную обязанность я исполняю въ это утро. Онъ постоянно говоритъ о своемъ домѣ и о возвращеніи туда, и о томъ, какъ онъ будетъ рассказывать отцу о приключеніяхъ своей боевой жизни. Онъ не предчувствовалъ, что подъ этой кочкой будетъ лежать сегодня все, составлявшее домъ, о которомъ онъ мечталъ! Это почти послѣдній изъ героевъ Альбуэры, — прибавилъ онъ, стоя надъ могилой. Въ эту минуту къ молодому человѣку подошелъ незнакомецъ, который, приподнявъ свою шляпу, назвалъ его по имени. — А! мистеръ Дѣннъ, если не ошибаюсь? — сказалъ Конуэй.

— Да, отвѣчалъ тотъ; — мнѣ очень жаль, что я пришелъ слишкомъ поздно. Я желалъ отдать послѣдній долгъ уваженія нашему

бѣдному другу, но къ несчастію все уже кончилось къ моему приходу.

— Вы, кажется, коротко его знали?—спросилъ Конуэй.

— Съ самаго дѣтства,—отвѣчалъ Деннъ, кашляя, чтобы скрыть нѣкоторое смущеніе. Наши семейства были въ короткихъ отношеніяхъ между собою, но собственно его самаго я видалъ рѣдко; онъ ушелъ за границу съ своимъ полкомъ, а по возвращеніи своемъ онъ поселился въ отдаленной части Ирландіи, такъ что мы рѣдко встрѣчались другъ съ другомъ.

— Бѣдняжка,—прошепталъ Конуэй,—онъ, кажется, былъ забытъ почти всѣми. Я одинъ присутствовалъ на его похоронахъ!

— Такова жизнь!—сказалъ Деннъ.

— Но не такова должна быть смерть, — прибавилъ Конуэй. Храброго, стараго солдата должны провожать къ мѣсту вѣчнаго упокоенія его друзья и товарищи; но онъ былъ бѣденъ, и этимъ объясняется все!

— Этотъ приговоръ строгъ въ устахъ такого молодого чело-вѣка, какъ вы.

— Нѣтъ; если бы бѣдный Келлетъ палъ въ сраженіи, то онъ былъ бы похороненъ со всѣми почестями, приличными его памяти; но онъ жилъ въ свѣтѣ, гдѣ не цѣнятся качества солдата, и его забыли,—вотъ и все.

— Теперь мы должны подумать объ его дочери; нужно что нибудь сдѣлать для нея,—сказалъ Деннъ.

— У меня есть на этотъ счетъ одинъ планъ, если вы будете такъ добры, что поможете мнѣ,—сказалъ Конуэй, краснѣя. Вамъ, можетъ быть, извѣстно, что мы съ Джекомъ Келлетомъ были товарищами. Онъ спасъ мою жизнь, рискуя своею собственной; но еще болѣе чѣмъ жизнью, я обязанъ ему тѣмъ, что онъ внушилъ мнѣ бодрый, веселый духъ въ то время, когда я былъ сильно расположенъ сердиться на цѣлый свѣтъ; такъ что относительно Джека на мнѣ лежитъ большой долгъ. Здѣсь Конуэй запнулся и остановился, и только по знаку Денна продолжалъ:

— Я имѣю добрую старуху—мать, которая живетъ одна въ Уэльзѣ; она, правда, не слишкомъ богата, но все таки можетъ сдѣлать доброе дѣло и исполнѣ расположена къ этому. Нельзя ли уговорить миссъ Келлетъ жить съ нею? Сперва можно пригласить ее къ матушкѣ въ гости, а потомъ время постепенно покажетъ имъ, какъ онѣ полезны другъ другу,—и онѣ увидятъ, что не имѣютъ нужды и не могутъ разстаться. Вотъ мой планъ: поддержи-те ли вы его?

— Я долженъ сказать вамъ откровенно, что я не берусь давать совѣты миссъ Келлетъ. Я никогда не видалъ ее до того вечера, какъ вы провожали ее ко мнѣ; поэтому мы совершенно чужіе другъ другу. Впрочемъ вашъ планъ самъ по себѣ очень хорошъ, и если только я въ состояніи способствовать ему, то вы можете на меня разсчитывать; но вы сами обдумайте, могутъ ли быть приняты мои совѣты. Я сдѣлаю вамъ только одинъ вопросъ, — вы извините его откровенность, которая оправдывается его искренностію. Миссъ Келлетъ, хотя она жила въ бѣдности, была дочерью джентльмена, обладавшаго нѣкогда хорошимъ состояніемъ; всѣ привычки въ жизни образовались среди зажиточной обстановки: вѣроятно ли... т. е. въ такомъ ли положеніи находятся обстоятельства вашей матушки...

— Моя матушка имѣетъ около сотни фунтовъ въ годъ, — послѣдшне прервалъ Конуэй. — Я знаю, это скудный доходъ, и вамъ было бы трудно отвѣчать — какъ можно жить съ подобными средствами; но она очень искусно сводитъ концы съ концами.

— Я не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія простирать такъ далеко мое любопытство, — сказалъ Деннъ. Цѣль моя была — показать вамъ вообще, что миссъ Келлетъ, живши до сихъ поръ въ довольствѣ...

— Хорошо; мы сдѣлаемъ, что только можемъ, — т. е. матушка сдѣлаетъ. Только скажите мнѣ, что вы поддержите этотъ планъ — и я буду доволенъ.

— А насчетъ васъ самихъ: неужели у васъ нѣтъ никакого плана, никакихъ предположеній насчетъ своей собственной судьбы? Человѣкъ, полный молодости и энергіи, не долженъ впадать въ безпечную праздность отставнаго солдата.

— Вы забываете вотъ это, — возразилъ Конуэй, указывая на свой пустой рукавъ.

— Многіе однорукіе офицеры предводительствуютъ своими эскадронами въ сраженіяхъ; и ваши заслуги, если только ихъ представить и поддержать, какъ слѣдуетъ, можетъ быть, будутъ призваны въ конной гвардіи. Скажите, поступили бы вы опять на службу, если бы вамъ былъ предложенъ чинъ корнета?

— Поступилъ ли бы я на службу? — я благословилъ бы тотъ день, который принесъ бы мнѣ это извѣстіе. Но вопросъ теперь не обо мнѣ, гордо сказалъ онъ и повернулся, чтобы идти прочь. Деньъ послѣдовалъ за нимъ, и они вмѣстѣ вышли на дорогу. Прекрасный экипажъ, запряженный парой сильныхъ, кров-

ныхъ лошадей ждалъ его, и лакей съ тщеславнымъ шумомъ откинулъ подножки, замѣтивъ приближеніе своего господина.

— Пусть экипажъ ѣдетъ за нами,—сказалъ Дѣннъ слугѣ и пошелъ рядомъ съ Конуэемъ.—Если бы я не могъ быть вамъ полезенъ, то мое замѣчаніе было бы вольностью,—сказалъ Дѣннъ;—но я имѣю нѣкоторое вліяніе на сильныхъ лицъ...

— Я долженъ сейчасъ же остановить васъ,—сказалъ Конуэй добродумно. Я принадлежу къ разряду людей, которые не принимаютъ милостей ни отъ кого, кромѣ своихъ личныхъ друзей; и хотя я очень благодаренъ вамъ за добрыя намѣренія относительно меня, но вспомните, что мы совсѣмъ чужіе другъ другу.

— Я желалъ бы забыть это,—вѣжливо возразилъ Дѣннъ.

— А я буду такъ нелюбезенъ, что удержу это въ памяти. Полно, мистеръ Дѣннъ; я добиваюсь вашего участія не въ этомъ. Если вы можете принести нѣкоторую надежду и утѣшеніе вонъ въ тотъ маленькій коттеджъ, то этимъ вы сдѣлаете гораздо больше добра, чѣмъ какою бы то ни было услугой человѣку подобному мнѣ.

— Я думаю, что едва ли благоразумно предпринимать чтонибудь, прежде чѣмъ пройдетъ день или два,—сказалъ Дѣннъ тономъ вопроса.

— Разумѣется. Между тѣмъ я напишу къ матушкѣ, и она сама обратится къ миссъ Келлетъ съ приглашеніемъ, и даже, если вы найдете это лучшимъ, приѣдетъ сюда.

— Мы подумаемъ объ этомъ.—Поѣдьте со мной въ городъ и пообедаемъ вмѣстѣ, если вы не отозваны.

— Сегодня я не могу, извините. Я сегодня не въ духѣ, и чувствую желанье остаться одинъ.

— Позвольте вы мнѣ повидаться съ вами завтра или послѣ завтра?

— Пусть послѣ завтра. А тѣмъ временемъ я получу отвѣтъ отъ моей матушки,—сказалъ Конуэй, и они разстались.

Давно уже щегольской экипажъ Дѣнна уѣхалъ, а Чарльзъ Конуэй продолжалъ бродить въ окрестностяхъ маленькаго коттеджа. Ставни его были закрыты; ни малѣйшаго дыма не выходило изъ трубы, и домикъ имѣлъ печальный видъ опустѣвшаго жилища. Молодой человѣкъ нѣсколько разъ подходилъ къ маленькой калиткѣ и смотрѣлъ въ садъ. Онъ отдалъ бы все на свѣтѣ, чтобы только спросить о миссъ Келлетъ, увидеть когонибудь, кто могъ бы сказать ему—какъ перенесла она этотъ страшный часъ испытанія; но никого не было видно. Не разъ онъ отважно под-

ходилъ къ двери и робко стоялъ тамъ, не зная, что ему дѣлать; потомъ осторожными шагами онъ удалялся и выходилъ на дорогу. Такъ прошелъ полдень, солнце склонялось къ западу, наконецъ приблизился вечеръ,—а онъ все еще не уходилъ прочь. Онъ думалъ, что съ наступленіемъ ночи какой нибудь мерцающей огонекъ покажетъ, что въ домѣ есть признаки жизни; но все оставалось мрачнымъ, безмолвнымъ и безотраднымъ. Однако же онъ все еще не могъ оторваться отъ этого мѣста, и ночь давно уже наступила, прежде чѣмъ онъ рѣшился направить свои шаги къ Дублину.

Возвратимся на минуту къ мистеру Дэвенпорту Денну. Онъ не одинъ занималъ теперь прекрасную, двухмѣстную карету, которая плавно катилась въ городъ. Въ одномъ углу ея сидѣлъ Дрисколь; штора надъ окномъ съ его стороны была опущена, чтобы скрыть его отъ глазъ проходящихъ.

— И это былъ Конуэй! воскликнулъ онъ какъ только Деннъ сѣлъ на свое мѣсто. Не правъ ли я былъ, говоря, что вы навѣрно захватите его здѣсь?

— Это я зналъ и безъ васъ, — сказалъ Дѣннъ отрывисто.

— Ну, каковъ онъ? Легко-ли съ нимъ поладить? Не хитеръ ли онъ?

— Онъ гордъ, какъ Люциферъ, — вотъ все, что я узналъ о немъ; и мало есть вещей, съ которыми труднѣе было бы управиться, чѣмъ съ гордостью.

— Да, если вы не умѣете обойти ее, — сказалъ Дрисколь, лукаво подмигнувъ глазомъ.

— Я не имѣю времени для этого, — сухо сказалъ Дѣннъ.

— Какъ онъ принялъ ваши слова? Не упирался?

— Неужели вы думаете, что я говорилъ ему объ его фамиліи или объ его состояніи? Развѣ могъ я при подобномъ случайномъ свиданіи приступить къ предмету, столь трудному и сложному? Вы имѣете странныя понятія о деликатности и тактѣ, Дрисколь.

— Боже мой! я бѣдное созданіе, но все таки я иду да иду, и въ результатѣ обыкновенно выходитъ, что къ концу дня я такъ же далеко подвинулся на своей дорогѣ, какъ тѣ, которые ѣдутъ на почтовыхъ.

— Вы сдѣлали бы кашу изъ всего, что требуетъ легкой руки и нѣжнаго прикосновенія, — ужъ это я могу вамъ сказать. Дѣло здѣсь идетъ между перомъ королевства съ двѣнадцатью тысячами годового дохода и отставнымъ солдатомъ, получающимъ по

восьми пенсовъ въ день. Нѣтъ надобности слишкомъ много думать, чтобы сообразить—на чью сторону склоняются вѣсы.

— Вы забываете о бездѣлицѣ, кто изъ нихъ имѣетъ право быть перомъ съ двѣнадцатю тысячами годоваго дохода?

— Нѣтъ, я не забываю, и хотѣлъ перейти къ этому обстоятельству, когда вы прервали меня. Покамѣсть мы не успѣемъ добиться своихъ условій отъ лорда Лаккингтона...

— Да, но въ чемъ состоятъ эти условія!—Поспѣшно прервалъ Дрисколь.

— Если вы будете прерывать меня каждую минуту, то мнѣ невозможно будетъ объяснить мою мысль. Вы сами должны назначить условія; вы можете поставить цифры, какъ вамъ угодно. Что касается до меня, я имѣю свои виды, которые никакимъ образомъ не мѣшаютъ вашимъ. Но обратимся къ дѣлу: покамѣсть намъ не удастся поладить съ виконтомъ, мы не имѣемъ никакой нужды въ солдатѣ. Относительно Конуэя намъ слѣдуетъ позаботиться только о томъ, чтобы онъ не попалъ ни въ какія другія руки, кромѣ нашихъ, чтобы онъ не узналъ ничего о своихъ правахъ и находился ввѣ всякой возможности получить подобное свѣденіе до тѣхъ поръ, пока мы сами не признаемъ нужнымъ сообщить ему...

Въ такомъ случаѣ онъ не долженъ находиться въ обществѣ дочери Поля Келлета,—прервалъ Дрисколь. Во всемъ королевствѣ нѣтъ ни одной фамиліи, исторіи которой она не знала бы наяву.

— Я уже думалъ объ этомъ,—и дѣйствительно существуетъ нѣкоторая опасность въ этомъ отношеніи.

— Какимъ образомъ?

— Конуэй въ эту самую минуту составляетъ планъ поселить ее въ домъ своей матери, гдѣ-то въ Уэльзѣ, кажется.

— Если онъ влюбился въ нее, то дѣло плохо, — сказалъ Дрисколь.

— Она читаетъ и пишетъ съ утра до ночи; она способна на всякіе труды и не боится никакой усталости, и всѣ развѣдыванья и разслѣдованія, утомляющія другихъ, для нея составляютъ просто забаву. Поэтому, если она когда нибудь сойдется съ его матерью и услышитъ рассказы старухи о семейныхъ дѣлахъ, то она тотчасъ же приметъ въ нихъ самое дѣятельное участіе.

— Нѣтъ никакой надобности, чтобы она ѣхала туда.

— Да. Но этого мало; она не должна ѣхать, — не должна видѣться съ старухой.

— Я, кажется, могу устроить это. Нѣсколько труднѣе будетъ устранить покамѣстъ самаго Конуэя. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы онъ опять отправился въ Крымъ.

— Его могутъ убить.

— Да; но его права не умрутъ. Послушайте, Дрисколь,—медленно произнесъ Дѣннъ,—я рискнулъ сказать ему сегодня утромъ, что готовъ помочь ему своимъ вліяніемъ, если онъ хочетъ опять вступить въ службу съ чиномъ офицера, и что-же вы думаете?—онъ принялъ это предложеніе, какъ излишнюю вольность съ моей стороны. Но можно устроить дѣло другимъ образомъ. Дайте мнѣ подумать и, можетъ быть, я нападу на какое нибудь средство. Генеральный-прокуроръ долженъ сообщить мнѣ завтра свое мнѣніе на счетъ правъ Конуэя, а послѣ завтра я повѣдаюсь съ нимъ самимъ, и тогда вы узнаете все.

— Мнѣ не нравятся всѣ эти отсрочки;—началь было Дрисколь, но взглядъ Дѣнна остановилъ его, и онъ опустилъ голову съ досадою и смущеніемъ.

— Вы дадите не большія суммы въ займы подъ вѣрное обезпеченіе, Дрисколь,—сухо сказалъ Дѣннъ:—можетъ быть на дняхъ къ вамъ обратится съ просьбой о ссудѣ нѣсколькихъ сотенъ одинъ молодой человѣкъ, желающій купить офицерскій патентъ,—вы понимаете меня?

— Кажется, понимаю, — отвѣчалъ Дрисколь съ значительною улыбкой.

— Вы не будете слишкомъ неговорчивы съ нимъ на счетъ условій, въ особенности если онъ представитъ въ обезпеченіе какія нибудь старыя фамиліныя бумаги,—не такъ ли?

— Разумѣется. Не болѣе, какъ номинальная гармонія, — сказалъ Дрисколь, смѣясь. О, это странный свѣтъ, и человѣкъ долженъ сильно работать своими умственными способностями для того, чтобы жить въ немъ. И, высказавъ эту философическую сентенцію, мистеръ Дрисколь простился съ Дѣнномъ и отправился домой.

ГЛАВА XXVI.

Остендскій пакетботъ.

Была бурная ночь, когда паракордъ *Оспрей* отправлялся въ Остенде. Люки его были заперты, матросы — выпачканы смолой, вода покрывала палубу и струилась со снастей. Хотя волны хлестали черезъ борты, когда судно стояло на якорѣ, хотя небольшое пространство между берегомъ и шкафутомъ можно было пройти не иначе, какъ съ опасностью жизни; но у капитана въ рукахъ былъ рупоръ, и онъ рѣшился выйти въ море. На кораблѣ было только три пассажира: двое взошли туда вмѣстѣ съ капитаномъ, а третій былъ уже прежде ихъ на палубѣ и медленно ходилъ взадъ и впередъ съ своею сигарой, останавливаясь по временамъ, чтобы посмотрѣть на огни, сіявшіе на берегу или бросить взглядъ на бурный хаосъ волнъ, бушевавшихъ въ морѣ.

— Теперь мы безопасны, надѣюсь, Грогъ?—пробормоталъ Бичеръ, когда корабль, снявшись съ своего послѣдняго якоря, поворотилъ носомъ прочь отъ гавани.

— Я думаю, что вы безопасны, — отвѣчалъ Дэвисъ, высѣкая огонь, чтобы закурить сигару.—Мало найдется молодцовъ, которые согласились бы въ подобную ночь плыть сюда, держа въ зубахъ приказъ объ арестѣ.

— Мнѣ самому это не слишкомъ нравится, — сказалъ Бичеръ; море страшно бурлитъ, а наше судно—просто орѣховая скорлупа.

— Оно очень надежно въ морѣ, сэръ, могу васъ увѣрить, — сказалъ капитанъ, который подслушалъ послѣднія слова, отдавая посредствомъ рупора приказанія матросамъ.

— У васъ нѣтъ другихъ пассажировъ кромѣ васъ?—спросилъ Бичеръ.

— Только вонъ тотъ джентльменъ, — прошепталъ капитанъ, указывая на незнакомца, ходившаго по палубѣ.

— Я думаю, не многимъ придетъ фантазія отправиться въ такую погоду, — сказалъ Бичеръ.

— Очень не многимъ, сэръ, если у нихъ нѣтъ особенно на-

стоятельныхъ причинъ для путешествія по морю,—отвѣчалъ капитанъ.

— Это не въ бровь, а прямо въ глаза! — проворчалъ Грогъ на ухо Бичеру. Не болтайте пожалуй сто вздору. Эй, будьте осторожны, говорю вамъ.

— Я начинаю чувствовать чертовскій холодъ, — сказалъ Бичеръ, вздрогнувъ.

— Такъ ступайте внизъ и выпейте чегонибудь горячаго, — сказалъ Дэвисъ, идя къ гѣстницѣ.—Пойдемте.

— Нѣтъ, я долженъ оставаться на палубѣ, не смотря ни на какой холодъ. Я ужасно страдаю въ каютѣ. Пришлите мнѣ стаканъ пуншу, Дэвисъ, какъ можно погорячѣй.

— Вамъ лучше бы послушаться совѣта вашего друга,—замѣтилъ капитанъ. — Погода прескверная и вамъ будетъ удобнѣе подъ крышей.—Но Бичеръ отказался послѣдовать этому совѣту, и капитанъ, перейдя черезъ палубу, повторилъ тоже самое другому пассажиру.

— Нѣтъ, благодарю васъ, — весело сказалъ тотъ; — но если ктонибудь изъ вашихъ людей можетъ дать мнѣ плащъ или капишонъ, то я буду очень обязанъ, потому что я довольно плохо защищенъ противъ мокрой погоды.

— Я съ удовольствіемъ могу дать вамъ пледъ, — сказалъ Бичеръ, подслушавшій эту просьбу; и онъ вытащилъ одну изъ тѣхъ принадлежностей дорожнаго комфорта, которыя имѣютъ видъ толстаго шерстянаго одѣяла.

— Я съ большой охотой принимаю ваше предложеніе, тѣмъ болѣе что, кажется, я имѣлъ уже честь быть вамъ представленнымъ,—сказалъ незнакомецъ. Вѣдь вы — мистеръ Аннеслей Бичеръ?

— Какъ?.. Я не знаю... Я не совѣмъ увѣренъ; плохо вижу при этомъ свѣтѣ,—началъ Бичеръ въ довольно сильномъ смущеніи, которое его собесѣдникъ тотчасъ же замѣтилъ и поспѣшилъ помочь ему, говоря:

— Я видѣлъ васъ у бѣднаго Келлета. Мое имя—Конузэй.

— А, Конузэй; — теперь знак, — сказалъ Бичеръ, смѣясь. Я боялся, что вы — «темная лошадь», какъ мы говоримъ. Теперь зная вашу масть, я опять спокоенъ.

Конузэй тоже засмѣялся откровенности этого признанія, и они вмѣстѣ начали ходить по палубѣ.

— Вы упомянули о Келлетѣ. Какъ онъ поживаетъ?

— Онъ умеръ, бѣдняжка,—сказалъ Конуэй. Я надѣялся встрѣтить васъ на похоронахъ.

— Я былъ бы тамъ, если бы они случились въ воскресенье,—весело сказалъ Бичеръ. Я любилъ старика. Правда, онъ нѣсколько надоѣдалъ своими разказами объ Арайо Молиносѣ, объ Альбуэрѣ, о Сультѣ и проч., но онъ былъ необыкновенно добръ относительно того, чтобы помочь кому нибудь въ бѣдѣ, и гостеприименъ, какъ князь.

— Я увѣренъ въ этомъ,—подтвердилъ Конуэй.

— А я готовъ поклясться въ этомъ; я обѣдалъ съ нимъ каждое воскресенье регулярно, и никогда не забуду этихъ маленькихъ твердыхъ бараньихъ ногъ—гдѣ только онъ доставалъ ихъ, одинъ Богъ знаетъ!—не забуду также и этихъ жесткихъ капорцевъ, похожихъ на большую лебединую дробь, и приправленныхъ столовымъ пивомъ и водочнымъ громомъ. Бѣдный Келлетъ воображалъ, что онъ угощаетъ васъ отборною дичью.

— Онъ съ такою же щедростью угостилъ бы васъ дичью, если бы имѣлъ ее, — сказалъ Конуэй нѣсколько сердитымъ тономъ.

— Да. Онъ дѣйствительно угощалъ, когда она была у него,—по крайней мѣрѣ, я такъ слышалъ, потому что я никогда не видалъ его прежняго жилища въ Келлетс-Таунѣ, или Кэстль-Келлетѣ.

— Въ Келлетс-Кортѣ,—поправилъ Конуэй.

— Да, именно такъ, въ Келлетс-Кортѣ. Удивляюсь, какъ могъ я забыть это названіе, потому что я слышалъ его тысячу разъ.

— Люди забываютъ много вещей, которыя имъ слѣдовало бы помнить,—сказалъ Конуэй значительно.

— Вы хотите сказать, — прервалъ Бичеръ съ веселымъ смѣхомъ, — что мнѣ слѣдовало бы имѣть болѣе свѣжую память насчетъ доброты стараго Поля, и вы правы; но если бы вы знали, какъ сурово свѣтъ обошелся со мною, то можетъ быть, не были бы такъ строги ко мнѣ. Со времени Эпсомскихъ скачекъ въ 1842 г.,—прибавилъ онъ торжественно, — я не имѣю ни одного мопса, ни одного — кляпуть вамъ честнымъ, благороднымъ словомъ. Это жестоко, чертовски жестоко.

— Мнѣ кажется, что это дѣйствительно жестоко, — подтвердилъ Конуэй; но трудно было бы рѣшить; въ какомъ смыслѣ надо было понимать эти слова.

— А что стало съ его дочерью?—спросилъ Бичеръ вдругъ

и, не ожидая отвѣта, продолжалъ: — чертовски хорошенькая дѣвушка, еслибъ только ее получше принарядить; но она не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о туалетѣ.

— Ихъ скудные средства, кажется, могутъ объяснить это обстоятельство, — серьезно сказалъ Конуэй.

— Гдѣ есть желаніе, тамъ есть и средства, вотъ моя теорія. Какъ мнѣ ни приходилось иногда плохо, я всегда умѣлъ заставить своего портнаго одѣвать меня, какъ джентельмента. Я утверждаю, — прибавилъ онъ, обращаясь къ прежнему предмету, — что она была горда. Старый Келлетъ страшно боялся дѣлать кое-какія вещи изъ опасенія, какъ бы она не узнала. Онъ самъ говорилъ мнѣ объ этомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? — воскликнулъ Конуэй съ очевиднымъ удовольствіемъ, проглядывавшимъ въ тонѣ этихъ словъ.

— Я могъ бы помочь ему тысячкою способовъ. Я зналъ людей, которые уладили бы его счеты — небольшія суммы, разумѣется, — и дали бы ему возможность жить довольно весело, но она не допускала этого ни подъ какимъ видомъ.

— Я не зналъ этого, — замѣтилъ Конуэй, подстрекая Бичера тономъ своихъ словъ къ дальнѣйшей откровенности.

Но Бичеръ, ошибаясь на счетъ источника возбужденнаго имъ интереса и думая, что Конуэй заинтересованъ его собственною хитростью и сметливостію, началъ рассказывать о томъ, какъ знакомъ онъ съ финансовыми операціями евреевъ и растовщиковъ, съ гордостью объявляя, что въ городѣ нѣтъ человѣка, который бы такъ же хорошо, какъ онъ, зналъ вычисленіе процентовъ.

— Я имѣлъ-таки съ ними кое-какія дѣлишки, сказалъ онъ съ нѣкоторымъ тщеславіемъ; — у меня водились деньги, когда на «торфѣ» не было человѣка, который могъ бы достать гинею. Вотъ видите, — прибавилъ онъ шопотомъ, какъ бы по секрету, — я могъ оказать имъ услугу, которую нельзя было вознаграждать никакими деньгами. Я зналъ все, что происходило въ обществѣ и въ клубахъ. Я предостерегъ Фордайса не давать Этерпджи болѣе ста или двухъ сотъ фунтовъ. Я былъ единственнымъ джентльменомъ, который зналъ, что лошадь Брукдэля выиграетъ призъ. О! если бы мы только были знакомы съ вами шесть лѣтъ тому назадъ: какую славную штуку мы сдѣлали бы вмѣстѣ! Даже теперь, — продолжалъ онъ съ возрастающимъ одушевленіемъ, — еще можно чертовски много сдѣлать за границей. Брюссель и Флоренція еще далеко не исчерпаны; тамъ можно еще

очень и очень поживиться, — разумѣется не отъ иностранцевъ, а отъ нашихъ земляковъ, оксфордскихъ и кэмбриджскихъ молодкососовъ! Куда вы ѣдете, чѣмъ вы занимаетесь? — спросилъ онъ вдругъ, какъ будто озаренный внезапною мыслью.

— Я стараюсь возвратиться въ Крымъ, — отвѣчалъ Конуэй, улыбаясь планамъ, которые Бичеръ сообщилъ ему съ такою откровенностью.

— Въ Крымъ!—вскричалъ Бичеръ; — да вѣдь это просто сумашествіе; тамъ и теперь дерутся также жарко, какъ прежде. послѣдній номеръ газеты наполненъ отчетомъ о послѣдней вылазкѣ русскихъ, для нападенія на наши линіи, да и о раненыхъ и убитыхъ съ нашей стороны.

— Дѣйствительно, дерутся крѣпко...

— Все это очень хорошо, но, мнѣ кажется, вамъ можно бы удовольствоваться тѣмъ, что вы уже видѣли. Что касается до меня, такъ по моему, добровольно лѣзть на русскихъ солдатъ— это все равно, какъ если бы я отправился въ Мидльсекскій госпиталь и попросилъ какого нибудь изъ тамошнихъ хирурговъ рѣзать меня, какъ ему угодно. Право, я не заплатилъ бы за это ни копѣйки.

— Что касается до платы, такъ, я думаю, вы правы; но вспомните, что для оцѣнки одной и той же вещи существуютъ разные способы. Вотъ я, напримѣръ, люблю солдатскую жизнь ..

— О вкусахъ не спорять, — прервалъ Бичеръ. — Я зналъ молодца, который до такой степени пристрастился къ тюрьмѣ Королевной скамьи, что не позволялъ друзьямъ освободить его;— но, говоря серьезно, Крымъ скверная штука.

— Я былъ бы очень счастливъ, если бы сегодня узналъ, какимъ образомъ мнѣ можно вернуться туда.

— У меня въ головѣ составленъ планъ, который будетъ почище Крыма;—сказалъ Бичеръ тихимъ, осторожнымъ голосомъ, какъ человѣкъ, который боится, чтобы его не подслушали: — я почти готовъ открыться вамъ, хотя здѣсь на пароходѣ есть одинъ человѣкъ, отъ котораго мнѣ крѣпко досталось бы за эту нескромность.

— Не навлекайте, пожалуйста, на себя неудовольствія изъ-за меня, — сказалъ Конуэй, улыбаясь.—Я совершенно не достоинъ этой доверенности и рѣшительно не способенъ воспользоваться ею.

— Я не увѣренъ въ этомъ,—возразилъ Бичеръ.—Человѣкъ, котораго такъ обдули, какъ васъ, послѣ того всегда смотритъ въ оба. Подойдите поближе вотъ сюда,—прошепталъ онъ, огляды-

ваясь.—Замѣтили ль вы, что, взойдя на палубу, я два или три раза ходилъ къ передней части парохода?

— Да, замѣтилъ.

— Вы не догадались — зачѣмъ?

— Нѣтъ, я не обратилъ на это особеннаго вниманія.

— Такъ я вамъ скажу, — прошепталъ онъ еще тише, — я ходилъ присмотрѣть за лошадей, которая стоитъ тамъ у меня. Это *Монсъ*, который уже не разъ бѣгалъ на скачкахъ. Да, онъ здѣсь! — И голосъ Бичера задрожалъ отъ гордости и волненія.

— Въ самомъ дѣлѣ! — воскликнулъ Конуэй, забавляясь его восторгомъ.

— Да, онъ здѣсь, подъ видомъ образцоваго быка, назначеннаго для короля бельгійцевъ. Никто не подозрѣваетъ, не можетъ и подозрѣвать его; онъ такъ хорошо поддѣланъ, съ рогами и проч. Онъ стоитъ въ большомъ темномъ ящикѣ; мы прицѣпимъ къ этому ящику лошадей и потащимъ его въ Брюссель. Вотъ это я называю дѣломъ! Мы пустимъ его на скачку подъ именемъ *Клеппера*, — не забудьте: *Клепперъ*!

— Я уже вамъ сказалъ, что я не стою подобной довѣренности; вы рискуете, сообщая свою тайну такому нескромному чело-вѣку, какъ я.

— Вы не выдадите насъ? — вскричалъ Бичеръ въ ужасѣ.

— Самое лучшее ручательство противъ подобнаго поступка съ моей стороны состоитъ въ томъ, что я, вѣроятно, буду за нѣсколько сотъ миль отъ васъ, прежде чѣмъ начнутся ваши скачки.

Съ минуту или двѣ Бичеръ находился въ крайнемъ отчаяніи. Онъ видѣлъ, что опрометчивость заставила его сдѣлать безумный поступокъ по добротѣ души, и что онъ даже не получилъ никакой благодарности за свое великодушіе. Чего бы онъ не далъ, чтобы только взять взадъ свои слова? Чего бы онъ не сдѣлалъ, чтобы изгладить произведенное ими впечатлѣніе? Наконецъ озарилъ, по видимому, его внезапная мысль и онъ сказалъ:

— Насъ здѣсь двое; мой товарищъ — первѣйшій стрѣлокъ изъ пистолета.

— Я не подамъ ему повода показать свою ловкость, будьте увѣрены въ этомъ, — сказалъ Конуэй, стараясь всѣми силами удержаться отъ смѣха.

— Онъ застрѣлитъ васъ въ мгновеніе ока, если вы продадите его. Онъ скоро покончилъ бы и со мною, если бы только подозрѣвалъ меня.

— Я на вашемъ мѣстѣ предпочелъ бы болѣе спокойнаго товарища, — сухо сказалъ Конуэй.

— О! но онъ у меня, какъ оракулъ. Соломонъ былъ мудрецъ...

— Какую адскую чепуху вы тамъ несете съ своими Соломономъ и Самсономъ? — закричалъ Грогъ Дэвисъ, который только что воротился къ передней части корабля, гдѣ онъ присматривалъ за лошадей;—ступайте внизъ и выпейте стаканъ грогу.

— Я останусь тамъ, гдѣ я теперь,—угромо возразилъ Бичеръ и отошелъ прочь.

— Кажется, мнѣ знакомъ голосъ вашего друга, — сказалъ Конуэй, когда Бичеръ присоединился къ нему. Если я не ошибаюсь, такъ это тотъ человѣкъ, противъ котораго я имѣю давнишнее неудовольствіе.

— Такъ не высказывайте его, — поспѣшно прервалъ Бичеръ. Я скорѣе готовъ войти въ кѣтку какого нибудь изъ тигровъ Фонъ-Амбурга, чѣмъ шутить съ Грогомъ Дэвисомъ.

— На этотъ счетъ не беспокойтесь,—сказалъ Конуэй. Я никогда не откапываю старыхъ счетовъ; я хочу только посоветовать вамъ не поддаваться слишкомъ его власти, такъ чтобы вамъ всегда было легко вырваться изъ его рукъ. Что касается до меня, такъ едва ли мнѣ случится увидѣть его когда нибудь опять.

—Я желалъ бы, чтобы вы оставили свое намѣреніе насчетъ Крыма,—сказалъ Бичеръ, который по какому-то странному капризу своей странной природы, начиналъ чувствовать въ некоторую симпатію къ Конуэю.

— Зачѣмъ же мнѣ оставлять его? Это единственное поприще, для котораго я годенъ. У меня есть одинъ старый пріятель въ пьемонтской службѣ, который командуетъ кавалерійскимъ отрядомъ, и я теперь ѣду въ Туринъ, чтобы посмотрѣть, не можетъ ли онъ сдѣлать меня чѣмъ нибудь, начиная отъ адъютанта до ординарца. Когда человѣкъ разъ очутится противъ непріятеля, то мало нужды, какую должность онъ занимаетъ.

— Да, шансы быть убитымъ совершенно одинаковы,—если вы это хотѣли сказать.

— Не совѣмъ это,—отвѣчалъ Конуэй, смѣясь,—хотя даже въ этомъ отношеніи результатъ одинаковъ.

За тѣмъ два собесѣдника молча заходили по палубѣ.

Едва Бичеръ прекратилъ свой разговоръ, какъ за руку его, опирающуюся на нактоузъ, у котораго онъ стоялъ, кто-то схватилъ съ такою силой, что онъ чуть не вскрикнулъ отъ боли и въ то-

же самое мгновеніе въ 'его ухахъ раздалось проклятiе, произнесенное шопотомъ.

— Продолжайте, — сказалъ Конузэй, ожидавшій отъ Бичера дальнѣйшаго разсказа.

Бичеръ пробормоталъ нѣсколько невнятныхъ словъ насчетъ того, что онъ почувствовалъ внезапный холодъ и что ему надо выпить водки, и опустился въ каюту.

— Я слышалъ васъ,—вскричалъ Дэвисъ, какъ-только Бичеръ вошелъ туда. Я слышалъ васъ! о если бы я не слышалъ собственными ушами, то не повѣрилъ бы! Развѣ я васъ не предостерегалъ, не одинъ, а сто разъ, противъ этой проклятой болтливости? Не говорилъ ли я вамъ, что если бы даже всѣ дѣйствія въ нашей жизни были чисты и честны, то уже одна ваша глупая болтовня надѣлала бы вамъ бѣды? Вы въ первый разъ встрѣчаете человѣка на палубѣ парохода...

— Пойдите! — вскричалъ Бичеръ, которого эта храбрость вывела изъ себя,—джентльменъ, съ которымъ я говорилъ—мой старый знакомый: онъ знаетъ меня, да что еще важнѣе — онъ знаетъ васъ!

— Многіе знаютъ меня и не чувствуютъ себя лучше отъ этого знанія!—дерзко возразилъ Дэвисъ.

— Я думаю, мой пріятель не скажетъ, что онъ составляетъ исключеніе изъ этого правила,—замѣталъ Бичеръ, съ ироническимъ смѣхомъ.

— Кто онъ? — Какъ его фамилія?

— Конузэй. Онъ былъ поручикомъ въ 12 уланскомъ полку; но вы вспомните его лучше, когда я вамъ скажу, что ему принадлежалъ *Сэръ Обри*.

— Я помню его, — сказалъ Дэвисъ съ совершеннымъ спокойствіемъ, — хорошо помню: высокій, красивый молодой человѣкъ съ небольшими усами. Онъ былъ — за исключеніемъ васъ — величайшій глупецъ, какого только я когда нибудь встрѣчалъ на скачкахъ; а это слово много значить, мистеръ Аннеслей Бичеръ,— не такъ ли?

— Я думаю, вы едва ли рѣшились бы назвать его глупцомъ сегодня, покрайней мѣрѣ въ глаза, — сердито возразилъ Бичеръ.

Взглядъ, въ которомъ смѣшивалась наглость съ презрѣніемъ, былъ единственнымъ отвѣтомъ Дэвиса на эти слова; затѣмъ, наливъ себѣ полстакана водки, онъ выпилъ ее и медленно проговорилъ:

— Вамъ и въ голову не приходитъ, на что я могу рѣшиться; а на что *вы* можете рѣшиться — это легко угадать.

— Я не совсѣмъ понимаю васъ, — робко сказалъ Бичеръ.

— Вы рѣшились бы втянуть меня въ ссору, въ надеждѣ, что меня убьютъ, — отвѣчалъ Дэвисъ съ горькимъ смѣхомъ. Вы рѣшились бы видѣть меня стоящимъ противъ пистолета, и въ то же самое время усердно молиться, чтобы рука моего противника не дрогнула. Но я усвоилъ себѣ хорошія дѣловыя привычки, господинъ Бичеръ. Если вы отопрете это бюро, то увидите, что очень немногіе люди держатъ свои бумаги въ лучшемъ порядкѣ чѣмъ я; и никакое удовлетвореніе, которое я долженъ буду дать кому бы то ни было, не помѣшаетъ мнѣ передать въ руки правосудія семь фальшивыхъ квитанцій, составленныхъ почтеннымъ Аннеслеемъ Бичеромъ, и довѣренность на хожденіе по дѣламъ, написанную рукою того же самого джентльмена.

Бичеръ протянулъ руку къ водкѣ, но Дэвисъ тихо отодвинулъ графинъ и сказалъ: — Нѣтъ, нѣтъ, это голландская храбрость; будьте бодры и учитесь стоять прямо и мужественно; и когда вы будете говорить: «Я не виновенъ», то скажите это съ смѣлымъ взглядомъ на скамьи присяжныхъ!

Бичеръ опустился на стулъ и закрылъ лицо руками.

— Я часто думаю, — сказалъ Дэвисъ, вынувъ свой бумажникъ и выбирая сигару, — я часто думаю о томъ, какое будетъ прекрасное зрѣлище, когда эти хлыщи — фешенебельный свѣтъ, какъ газеты называютъ ихъ — будутъ спѣшить въ Судъ-Ольдъ Бэйли, чтобы видѣть на докѣ челоуѣка изъ своей собственной шайки. Что за головы будутъ возсѣдать на судейской скамейкѣ! *Иллюстрація* представитъ своимъ читателямъ вашу фотографическій портретъ, и описатели будутъ распространяться на счетъ того, какъ признавали мы въ судѣ своихъ прежнихъ знакомыхъ. Ей-ей! старый Грогъ Дэвисъ съ гордостью будетъ давать свои показанія въ подобномъ обществѣ! «Какъ давно вы знакомы съ обвиненнымъ, мистеръ Дэвисъ»? — вскричалъ онъ громко, подражая явственному и повелительному тону адвоката, производящаго допросъ. «Я знаю его болѣе пятнадцати лѣтъ милордъ. Мы виѣтъ съ нимъ ѣздили лѣтомъ 1840 г. въ Лидсъ для небольшой спекуляціи насчетъ поддѣльныхъ, игральныхъ костей»...

Бичеръ поднялъ глаза и пытался говорить, но силы оставили его и голова его снова тяжело опустилась на столъ.

— Вотъ вамъ, выпейте, — вскричалъ Дэвисъ, подвигая къ

нему графиня. Вы робкое, малодушное созданіе и дѣлаете мало чести своему «словію».

— Вы доведете меня до отчаянія, — пробормоталъ Бичеръ едва слышнымъ голосомъ.

— Ни сколько—въ отчаяніи есть отвага; вамъ никогда не зайдти такъ далеко!

Бичеръ судорожно схватилъ свой стаканъ, и по дикому блеску его глазъ можно было подумать, что онъ хочетъ швырнуть имъ въ лицо своего собесѣдника. Однако же взгляды Дэвиса, по видимому, осадили его, и съ тихимъ слабымъ вздохомъ онъ выпустилъ стаканъ изъ рукъ, между тѣмъ какъ голова его упала на грудь.

Дэвисъ подвинулся поближе къ камину и началъ съ комфортомъ покуривать свою сигару.

Г Л А В А XXVII.

Визитъ.

Я думаю, она приметъ меня, — сказалъ Дэвенпортъ Дѣннъ старой служанкѣ, которая отворила ему дверь въ домъ Келлетовъ, — если вы скажете ей мое имя; мистеръ Дѣннъ, — мистеръ Дэвенпортъ Дѣннъ.

— Она сказала мнѣ, что не хочетъ никого видѣть сэръ, — упрямо возразила старуха.

— Но я думаю, что если вы скажете, кто пришелъ...

— Она не хотѣла принять молодого человѣка, который служилъ въ одномъ полку съ ея братомъ, а онъ приходилъ сюда каждый день во всякую погоду освѣдомляться о ней.

— Вотъ возьмите мою карточку и я ручаюсь, что она приметъ меня.

Старуха нехотя взяла карточку и, веротясь через нѣсколько минутъ, сказала, что миссъ Келлетъ просить его войти.

Не смотря на свой трауръ — самаго скромнаго и дешеваго свойства, не смотря на то, что въ ней были видны признаки недавняго страданія и горя, Сибелла Келлетъ приняла мистера Дѣнна съ спокойствіемъ, котораго онъ не ожидалъ.

— Если я былъ докучливъ, миссъ Келлетъ, такъ это потому, что хочу предложить вамъ свои услуги, — сказалъ онъ. — Я увѣренъ, что вы благосклонно примете эту помощь съ моей стороны. Я жалалъ бы, чтобы вы считали меня другомъ...

— Вы были другомъ моего отца, сэръ, — прервала она, воднось носовой платокъ къ глазамъ.

Лицо Дѣнна сильно покраснѣло при этихъ словахъ, но, къ счастью для него, она не могла замѣтить это.

— Я думала писать къ вамъ, сэръ, — сказала Белла, оправившись. — Я пыталась сдѣлать это сегодня утромъ, но моя голова такъ разболѣлась, что я отказалась отъ своего намѣренія. Я нуждалась въ вашемъ совѣтѣ и даже въ вашей помощи. Мнѣ нѣтъ надобности говорить вамъ, что я осталась безъ всякихъ средствъ къ существованію. Я не хочу обременять родственниковъ, съ которыми я, сверхъ того, нѣсколько лѣтъ уже не имѣла сношеній; я думала спросить васъ — не можете ли вы помочь мнѣ получить мѣсто гувернантки, а если нѣтъ, то какое нибудь другое, еще болѣе скромное. На меня не трудно будетъ угодить, — прибавила она съ грустною улыбкой, — потому что мои желанія въ высшей степени не прихотливы.

— Я знаю, какъ низко вы себя цѣните. Мнѣ извѣстны способности миссъ Келлетъ, — сказалъ Дѣннъ, кланяясь.

Она едва кивнула головой въ отвѣтъ на такой комплиментъ и продолжала: — если бы вы могли доставить мнѣ занятіе немедленно, то этихъ помогли бы мнѣ выпутаться изъ маленькаго затрудненія въ эту минуту и освободили отъ неловкости — невѣжливо отказаться отъ того, что я не могу принять. Вотъ это письмо заключаетъ въ себѣ приглашеніе отъ одной дамы въ Уэльзѣ — пріѣхать къ ней погостить на это время; и какъ ни глубоко трогаетъ меня эта любезность, я не могу воспользоваться ею. Вы можете прочесть это, — сказала она, подавая ему письмо.

Дѣннъ медленно прочелъ его и опять положилъ на столъ.

— Это очень доброе, ласковое письмо и оно хорошо рекомендуетъ его сочинительницу, — сказалъ онъ спокойно.

— Я чувствую всю его доброту,—сказала она, причѣмъ губы ея слегка задрожали. Оно пришло въ такое время, когда подобная ласка вдвойнѣ драгоценна, но я имѣю свои причины не принимать ее.

— Не смѣя спрашивать, я могу однакожь подозрѣвать эти причины, миссъ Келлетъ. Я принадлежу къ числу тѣхъ людей, которые думаютъ, что всѣ стремленія въ жизни бываютъ хороши и велики только тогда, когда они основываются на независимости; что, опираясь на другихъ, человѣкъ лишается своего личнаго характера и теряетъ свою самостоятельность, поддаваясь подъ чужіе вкусы.

Она не отвѣчала, но легкая краска, вспыхнувшая на ея щѣкахъ и блескъ ея глазъ показывали, что она вполнѣ соглашалась съ этимъ мнѣніемъ.

— Къ счастью,—продолжалъ мистеръ Деннъ,—я могу передать вамъ, миссъ Келлетъ, предложеніе, которое, если вы его примете, разомъ устранитъ это неудобство. Лордъ Гленгарриѣ просилъ меня найдти особу, которая согласилась бы быть компаньонкой его дочери. Онъ подробно объяснилъ мнѣ качества, которыя желаетъ видѣть въ этой особѣ, и я могу поручиться, что вы вполнѣ обладаете ими.

— О, сэръ!—прервала Белла; это совсѣмъ не то, чего я желала. Я рѣшительно не гожусь для этой сѣеры и обстановки. Вспомните, какъ и гдѣ проходила моя жизнь. Я рѣшительно не знаю свѣта и не привыкла къ обществу.

— Позвольте мнѣ прервать васъ. Лордъ Гленгарриѣ живетъ въ совершенномъ отчужденіи отъ свѣта, въ одной изъ отдаленныхъ частей страны. Леди Августа, единственная незамужняя дочь его уже не молода: они не принимаютъ гостей, ихъ состояніе очень ограничено, и всѣ ихъ привычки очень прѣсты и не прихотливы. Вспомнивъ о затворнической жизни этого семейства, я обрадовался, что могу предложить вамъ убѣжище, которое, по всей вѣроятности, соотвѣтствуетъ вашимъ вкусамъ.

— Но даже самое воспитаніе мое не таково, какъ могутъ желать подобныя особы. Я не обладаю ни однимъ изъ тѣхъ приятныхъ талантовъ, которые украшаютъ общество. Мое искусство въ музыкѣ очень ограничено, я вовсе не умѣю пѣть, и хотя я читаю на нѣсколькихъ новѣйшихъ языкахъ, но съ трудомъ говорю на нихъ.

— Не заставляйте меня говорить, въ какой степени мнѣ извѣстны ваши способности и познанія. Около двухъ мѣсяцевъ

тому назадъ въ мои руки попала одна книга, которая когда-то принадлежала вамъ; я не хочу открывать, какимъ образомъ она перестала быть вашей собственностью, но только это было сочиненіе о промышленныхъ средствахъ Ирландіи, съ примѣчаніями и комментаріями, писанными вашею рукою. Оно и теперь у меня. Долженъ ли я признаться вамъ, что я уже воспользовался вашими замѣтками въ своихъ рапортахъ и включилъ нѣкоторыя изъ вашихъ мыслей въ свои представленія правительству? Если вы сомнѣваетесь въ истинѣ моихъ словъ, то я представляю вамъ доказательство.

— Я оставила подобную книгу у мистера Гокшо, и думала, что она затерялась.

— Она съ намѣреніемъ украдена, миссъ Келлетъ. Мистеръ Дрисколь случайно увидалъ эту книгу и показалъ ее мнѣ. Она не могла не поразить меня, тѣмъ болѣе, что въ вашихъ замѣткахъ я напюлъ мысли, намеки и объясненія, которыхъ никто еще не представлялъ мнѣ.

— Какъ снисходительно вы говорите о моей заносчивости, сэръ!

— Скажите лучше, какъ искренно я одобряю вашъ умъ и вашу энергію: въ книгѣ видно и то и другое. Прочитавъ ее, я тотчасъ же пожелалъ познакомиться съ вами. Тамъ были пункты, насчетъ которыхъ вы ошибались; были и другіе, гдѣ вы оказались проникательнѣе всѣхъ насъ. Я почувствовалъ, что если бы вы имѣли время, досугъ и случай поближе познакомиться съ предметомъ, то вы могли бы сдѣлать огромные успѣхи. Въ это самое время пришло предложеніе лорда Гленгаррифа. Это было все, чего я могъ желать для васъ:—тихій дождь и общество людей, которые по самому воспитанію своему проникнуты любезностью и благосклонностью.

— О, сэръ!, не льстите мнѣ, не заставляйте меня думать, что я достойна подобныхъ выгодъ.

— Вѣрьте моему слову. Вы украсите ваше мѣсто своею особой.

Какимъ образомъ случилось, что эти слова вызвали румянецъ на ея щеки и внушили ей мужество, которое заставило ее на минуту забыть свою бѣдность, забыть, что у ней нѣтъ ни отца, ни друзей? Вслѣдствіе какой причины они казались не столько лестью, сколько основательнымъ и справедливымъ признаніемъ? Человѣкъ, который ихъ сказалъ, не былъ ни молодъ ни красивъ, ни очарователенъ по своимъ манерамъ, и однакоже

она чувствовала, что его похвала наполняетъ ея сердце какимъ-то страннымъ, сладкимъ трепетомъ.

Онъ много гозорилъ ей объ ея прежней жизни, спрашивалъ, что она читала и какимъ образомъ дошла до размышленийъ о предметахъ, которые обыкновенно не привлекаютъ вниманія молодыхъ дѣвушекъ. Мало по малу вся ея сдержанность исчезла; она рѣшилась признаться, какъ великіе люди прежнихъ дней плѣняли ея воображеніе, какъ ихъ преданность, мужество, простосердечіе одушевляли ея высокою надеждою, что настанетъ время, когда Ирландія получитъ помощь со стороны людей, способныхъ управлять ея судьбами и сдѣлать изъ нея все, что обѣщаютъ ея большія средства.

— Современники рѣдко бываютъ справедливы къ подобнымъ людямъ,— сказала Дѣннъ;— они возбуждаютъ скорѣе зависть, чѣмъ доброжелательство, и притомъ въ нихъ часто бываетъ очень мало тѣхъ способностей, которые ладятъ съ окружающими ихъ предрасудками.

— Что имъ до того за дѣло, если они могутъ возвышаться надъ этими предрасудками,— сказала она съ жаромъ; потомъ, покраснѣвъ за свою пылкость, она прибавила запинаясь: — какъ рѣшилась я говорить объ этихъ вещахъ, и притомъ съ вами!

Дѣннъ всталъ и подошелъ къ окну. За тѣмъ послѣдовала длинная пауза, во время которой оба они не произнесли ни слова.

— Это вашъ коттеджъ, миссъ Келлетъ?— спросилъ онъ наконецъ.

— Нѣтъ, мы нанмали его, и срокъ найма оканчивается чрезъ недѣлю или черезъ двѣ.

— А мебель?

— Она взята на прокатъ, исключая нѣкоторыхъ малоцѣнныхъ или ничего нестоющихъ вещей.

Дѣннъ снова отошелъ прочь и, казалось, предался глубокому размышленію; потомъ, голосомъ нѣсколько колеблющимся и нерѣшительнымъ, сказалъ:— дѣла вашего отца были сложны и запутаны; при томъ относительно ихъ существовали еще не рѣшенные вопросы, такъ что въ настоящее время нельзя въ точности сказать, въ какомъ они находятся положеніи. Однакожѣ, за всѣми случайностями, отъ его имущества останется сумма, къ несчастію, незначительная, но все-таки пригодная для васъ. Позвольте мнѣ вручить ее вамъ.

— Вы забываете, саръ, что у меня есть братъ. Ему по праву принадлежить все, что у насъ остается.

— Я въ самомъ дѣлѣ забылъ это обстоятельство, — сказалъ Дѣннъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ, — и именно о вашемъ братѣ мнѣ нужно съ вами поговорить. Онъ служитъ рядовымъ въ стрѣлковомъ полку, въ Крыму. Нельзя ли сдѣлать что нибудь, чтобы обратить на него вниманіе начальства? Его храбрость, правда, уже замѣчена; но такъ какъ его дѣйствительное положеніе въ обществѣ до сихъ поръ остается неизвѣстнымъ, то ему давались награды, приличныя самымъ скромнымъ заслугамъ. Я позабочусь объ этомъ. Я сегодня же напишу о немъ.

— Какъ я вамъ благодарна! — вскричала она съ жаромъ и, наклонясь, приложила губы къ его рукѣ.

Холодная дрожь пробѣжала по членамъ Дѣнна, когда онъ почувствовалъ горячія слезы, упавшія на его руку, и имъ овладѣло какое-то странное чувство слабости.

— Это сдѣлать вамъ будетъ тѣмъ легче, — вскричала она съ жаромъ, — что Джекъ — солдатъ и сердцемъ, и душой, — храбрый, отважный, бодрый; только у него натура нѣжна, какъ у ребенка. Здѣсь разъ былъ его товарищъ, которому онъ спасъ жизнь...

— Я видѣлъ Конуэя, — сухо сказалъ Дѣннъ, пристально посмотрѣвъ на лицо Беллы.

Никакая переменна ни въ цвѣтѣ лица, ни въ голосѣ не показывала, что Белла чувствовала на себѣ этотъ пытливый взглядъ, и она продолжала спокойнымъ тономъ: — я такъ мало имѣю свѣдѣній объ этихъ вешахъ, что боюсь, какъ бы недостаточность состоянія не помѣшала брату принять чинъ, въ случаѣ производствъ его въ офицеры; но вѣроятіе существуютъ какія нибудь степени повышенія для людей бѣдныхъ, какъ онъ.

— Вы можете предоставить все мнѣ, — прервалъ Дѣннъ. Если вы будете смотрѣть на меня, какъ на своего опекуна, то я не пренебрегу ничѣмъ, касающимся васъ.

— О, чѣмъ я заслужила такую доброту! — вскричала она, стараясь подавить свое волненіе.

— Вы должны меня звать своимъ опекуномъ и словесно, и письменно. Свѣтъ такъ устроимъ, что мнѣніе, будто бы вы состоите подъ моею опекой, послужитъ вамъ въ пользу. Даже леди Августа Арденъ почувствуетъ силу этого обстоятельства. Была какая-то суровая энергія въ тонѣ этихъ словъ, которая придавала имъ почти угрожающій характеръ.

— Значитъ, вы рѣшили, что я должна принять предлагаемое

мѣсто?—сказала она, принявъ почтительный тонъ, свойственный человѣку, ищущему наставленія.

— Да, въ настоящее время, это все, чего можно желать. Вамъ не будетъ никакой надобности оставаться тамъ, если мѣсто окажется вамъ не по вкусу. Объ этомъ, также какъ и обо всемъ другомъ, вы, надѣюсь, будете откровенны со мною.

— Я рѣшилась бы взяться за исполненіе дѣйствительной обязанности какого-нибудь дѣла съ гораздо большею увѣренностью, чѣмъ съ какою я стала бы приравливаться къ привычкамъ и характерамъ людей, совершенно мнѣ незнакомыхъ.

— Вполнѣ справедливо, сказалъ Дѣннъ;—но когда я расскажу вамъ о нихъ, то они перестанутъ быть незнакомыми. Легко понять людей, имѣющихъ какія-нибудь сильныя, господствующія страсти. У Арденовъ есть только одинъ сильный, и простой изъ всѣхъ мотивовъ — гордость. Позвольте мнѣ рассказать о нихъ. И онъ пододвинулъ къ ней свой стулъ и началъ описывать семейство Арденовъ.

Мы не просимъ читателей слѣдить за подробностями очерка, набросаннаго Дэвенпортомъ Дѣнномъ; довольно сказать, что его картина была болѣе вѣрна, чѣмъ льстива, потому что онъ изображалъ черты, которыя часто причиняли ему обиду и страданіе. Онъ старался говорить съ какою-то безпристрастною холодною, съ какимъ-то отчасти сострадательнымъ равнодушіемъ, о привычкахъ и понятіяхъ, которыя усвоиваютъ себѣ люди, удаленныя отъ частыхъ сношеній съ свѣтомъ; но на зло ему самому, его тонъ былъ суровъ и золъ, и произведенное имъ впечатлѣніе едва ли могло быть изглажено словами: «хотя, разумѣется, относительно васъ они будутъ любезны и обязательны.»

— Какъ я желала бы ихъ видѣть хоть на одну минуту,—сказала она, когда онъ кончилъ.

— Развѣ вы такъ увѣрены въ своей способности угадывать характеры съ перваго взгляда?—спросилъ онъ, украдкой бросивъ на нее провоцательный взглядъ.

— Моя способность достаточна для моего собственнаго руководства,—откровенно сказала она; но, конечно, наблюденія мои ограничивались деревенскими жителями, а въ нихъ менѣе притворства, нежели въ тѣхъ, которыхъ мы называемъ людьми болѣе образованными.

— Итакъ я могу написать, что черезъ недѣлю вы будете готовы?—сказалъ Дѣннъ, вставая.—Вы найдете въ этомъ бумажникѣ довольно денегъ для безотлагательныхъ расходовъ;

миссъ Келлетъ, всё эти деньги вамъ принадлежать; повторяю, это—ваша собственность. Я вашъ опекунъ, не богъе.—И съ какою-то жесткостью манеръ, которая почти не допускала благодарности, онъ распрощался и ушелъ. Однакоже, выйдя за дверь, онъ остановился и послѣ минутнаго размышленія вернулся въ комнату.

— Я желалъ бы, сказалъ Дэннъ,—увидѣть васъ, прежде чѣмъ вы уѣдете; есть предметы, о которыхъ мнѣ хотѣлось бы поговорить съ вами. Могу я придти черезъ день или черезъ два?

— Когда и сколько вамъ угодно. Дэннъ взялъ ея руку и съ нѣжностью пожалъ ее. Густая краска разлилась по ея лицу, когда она сказала: «прощайте!» И экипажъ покатился, прежде чѣмъ она успѣла опомниться.

ГЛАВА XXVIII.

ДАЧА ВЪ ГЛЕНГАРРИФЪ.

Возлѣ маленькаго морскаго залива, окруженный высокими горами, стоялъ коттеджъ лорда Гленгаррифа. Онъ первоначально былъ выстроенъ просто, какъ пріютъ во время рыбной ловли, какъ мѣсто отдыха въ сезонъ купанья, или какъ дача, которую хозяева посѣщали по временамъ, когда имъ приходила фантазія пожить въ пустынѣ и уединеніи. Тогда графъ и графиня, леди Джулія и Джемима пріѣзжали на дачу. Потому ли, что эти посѣщенія сдѣлались болѣе частыми, или же они требовали простора, мы не можемъ рѣшить,—но съ теченіемъ времени дача разрослась посредствомъ пристроекъ сперва въ одну сторону, потомъ въ другую, пока наконецъ она не сдѣлалась очень удобнымъ домошъ, съ обширными комнатами и всевозможнымъ комфортомъ. Благодаря характеру архитектуры, домъ этими постепенными прибавленіями много выигралъ относительно живописности,

и съ своими выдающимися выступами, тѣнистыми дворами и неправильной линіей крыши представлялъ очень милый обрацкъ дачи того полуепископскаго стіля, который такъ рѣзко удается на регулярныхъ планахъ.

Предки графа принадлежали къ числу самыхъ расточительныхъ людей ирландскаго дворянства, и когда, вслѣдствіе этого, состояніе благороднаго дома разстроилось, то старинный замокъ Гольт-Гленгаррифъ, древняя резиденція фамилии, былъ проданъ и она поселилась для постоянного жительства на дачѣ. Въ первое время предполагалось, что перемѣна мѣстопробыванія была только временною. «Гленгаррифы будутъ жить въ Лондонѣ или въ Брайтонѣ; они поселятся въ Парижѣ; доктора совѣтовали мисси въ Италію» и пр. Такіе и тому подобныя слухи ходили въ народѣ, предсказывая, что солнечный свѣтъ присутствія знатной фамилии недолго будетъ жарить эту уединенную долину. Всѣ измѣненія, украшенія и улучшенія, которыя дѣлались на дачѣ и въ самой деревнѣ, были объяснены, какъ приготовленія къ тому дню, когда Гленгаррифы возвратятся туда, такъ какъ милордъ сказалъ, что ему очень нравится это мѣсто.

Но не смотря на всѣ эти планы и намѣренія, графъ въ теченіе цѣлыхъ восемнадцати лѣтъ не оставлялъ дачи, за исключеніемъ какихъ-нибудь непродолжительныхъ поѣздокъ въ Дублинъ. Графиня сдѣлала болѣе дальнее путешествіе, чѣмъ черезъ Альпы, и почила на деревенскомъ кладбищѣ. Леди Джорджіана, Арабелла и Джулія вышли замужъ, и за тѣмъ изъ дѣвицъ въ домѣ осталась одна леди Августа, о которой мы вкратцѣ упомянули уже въ предыдущихъ главахъ.

Мы не вполнѣ отдали справедливость леди Августѣ, сказавъ, что она была нѣкогда хороша собою: она была хороша и теперь. Она имѣла прекрасныя зубы и густыя, темныя, шелковистыя волосы; фигура ея была необыкновенно граціозна и, за исключеніемъ нѣкоторой гордости — фамильной черты, ея манеры были чрезвычайно ласковы и пріятны. Живя слишкомъ долго среди людей, которые были несравненно ниже ихъ по званію и состоянію, графъ и его дочь не могли не составить себѣ преувеличеннаго понятія о своей собственной важности.

Ни одинъ паша не былъ болѣе абсолютнымъ властелиномъ въ своей области, чѣмъ милордъ — въ деревушкѣ, находившейся близъ его коттеджа. Слово его было чѣмъ-то въ родѣ фирмана, который никому и не грезилось оспаривать; и степень уваженія, ко-

торымъ должны пользоваться извѣстные люди, опредѣляясь во всемъ околоткѣ сообразно тому, какъ на нихъ смотрѣли владѣльцы дачи. Мы, не стѣняясь, выказываемъ какое-то насмѣшливое сожалѣніе къ дикарю, который, самъ вырубивъ своего идола изъ куска дерева, поклонялся ему; но развѣ наше раболѣпство передъ знатными людьми не есть безсознательное подражаніе идолопоклонству краснокожаго? Мы буквально слѣдуемъ его примѣру, не только приписывая предмету нашего обожанія безчисленное множество качествъ, которыхъ онъ не имѣетъ, но и дѣлаемъ его цѣлю нашей мстительности, и въ минуту гнѣва и разочарованія разбиваемъ его въ куски. Жители деревни не оказывали милорду подобной жестокости; — они еще находились въ періодъ обожанія; ихъ отцы и дѣды много лѣтъ воскуряли финіамъ, и хотя нѣкоторые начинали уже жаловаться, что ихъ колѣни побаливаютъ, но никому и въ голову не приходило подняться на ноги. Дѣло въ томъ, что даже люди, наименѣе приверженные къ этой религіи, считали нестоящимъ труда отрѣкаться отъ вѣры отцовъ, тѣмъ болѣе, что они не могли придумать, чѣмъ замѣнить ее. Такимъ образомъ милордъ предписывалъ и рѣшалъ, и произносилъ приговоры во всемъ околоткѣ; а леди Августа лечила, учреждала образцовыя школы и ссудныя кассы, сколько ея душѣ было угодно. Нѣтъ, мы ошибаемся! Она прибѣгла къ благотворительности, чтобы заглушить тоску сердца, неудовлетвореннаго и обманутаго въ своихъ надеждахъ. О, какъ печальна показалась бы намъ эта жажда дѣятельности, если бы мы только знали, какъ часто филантропія и благотворительность происходятъ отъ нарушенія обѣщанія жениться! Не то, чтобы леди Августа находилась въ подобномъ положеніи, но — потому ли, что она мѣтила слишкомъ высоко, или же была слишкомъ разборчива, или же вслѣдствіе другой какой причины, только она не вышла за мужъ...

Было веселое, весеннее утро, съ солнечнымъ свѣтомъ и легкимъ ветеркомъ, — одно изъ тѣхъ, когда щебетаніе птицъ, шорохъ листьевъ и журчаніе быстро бѣгущихъ ручьевъ показываетъ, что природа наслаждается жизнью болѣе обыкновеннаго. Графъ сидѣлъ съ своею дочерью за завтракомъ. Едва ли можно было вообразить себѣ ландшафтъ болѣе очаровательный, чѣмъ тотъ, который былъ видѣнъ имъ въ открытыя окна. Зеленый лугъ, испещренный группами старыхъ деревьевъ, спускался многими волнообразными склонами къ морю, которое длиннымъ, узкимъ рукавомъ врѣзалось въ берегъ между двумя выдавшимися мысами. Одинъ изъ мысовъ былъ крутъ, скалистъ; другой — по-

крыть зеленью и цвѣтами, которыхъ яркія краски отражались въ прозрачной водѣ. Море было тихо и спокойно какъ озеро, и безмолвно и беззвучно, за исключеніемъ глухого волнующаго звука, который доносился по временамъ изъ глубины какой-нибудь пещеры. Скотъ глодавъ траву у самаго берега моря, и сѣти рыбаковъ были развѣшены для просушки на кустахъ земляничника, покрытыхъ красными ягодами. Графъ и графиня, когда имъ случалось бросать взглядъ на эту сцену, смотрѣли на нее съ полнымъ равнодушіемъ.

Но это равнодушіе происходило не оттого, чтобы они не сознавали красоты ландшафта. Нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ онъ былъ предметомъ ихъ пламенныхъ восторговъ. Ландшафтные живописцы и фотографы были приглашаемы нарочно для того, чтобы уловить его оттѣнки при первомъ утреннемъ освѣщеніи или при послѣднемъ мягкомъ свѣтѣ заходящаго солнца. Старый лордъ говаривалъ, что этотъ видъ прекраснѣе чѣмъ Соренто, что онъ не уступитъ ничему въ Греціи. Если средиземное море имѣетъ болѣе чистый, синій цвѣтъ, то гдѣ можно найти такую изумрудную зелень? — или этотъ смѣшанный колоритъ вереско-пурпурный, голубой, фиолетовый: таковы были ихъ похвалы; почему же теперь онъ замолкъ? Это объяснялось очень просто. Какая - то комиссія или депутація, или что-то въ этомъ родѣ, прибыла для изслѣдованія залива Бэнтри и вопроса о томъ, можно ли сдѣлать его пунктомъ отправленія пакетботовъ въ Америку. Во время этого изслѣдованія одинъ изъ ученыхъ членовъ экспедиціи заѣхалъ въ Гленгаррифъ. Это былъ человекъ, проникнутый духомъ спекуляцій, и его поразили громадныя выгоды, представляемыя этою мѣстностью. Что это за перлъ и чего только нельзя изъ него сдѣлать! Это Ирландія на тропикахъ, зеленый островъ на Индійскомъ океанѣ! Какая прелесть—если бы устроить здѣсь морскія купанья! Дача королевы на склонѣ холма, осѣненная вѣтвями остролистника, кіоски, казино, пристани для яхтъ, очаровательныя виллы—все это возникало въ умѣ по мановенію рассказчика, и старый графъ, у котораго обѣдалъ ученный членъ экспедиціи, увидѣлъ съ перваго взгляда, какъ онъ сдѣлался вдругъ благодѣтелемъ человѣчества и обладателемъ миллионъ. «Вонъ тотъ маленькій уголокъ берега, милордъ, между открытымъ утесомъ и сосенникомъ, стоитъ пятидесяти тысячъ фунтовъ. Я берусь выручить вамъ тысячу гиней за тотъ маленькій кусочекъ плоскаго берега направо: герцогъ Оксморъ ищетъ подобнаго мѣста. Здѣсь, гдѣ мы сидимъ должно быть устроено водолечебное

заведеніе. Вы должны согласиться на это, милордъ. Этотъ паркъ принесетъ вамъ громадныя доходы. Каждый футъ этой земли—золото, настоящее золото! Каждый швейцарскій домикъ въ этихъ гѣсахъ принесетъ вамъ сто на сто!»

Мистеръ Гальбрэтъ — такъ звали ученаго члена — былъ одаренъ необыкновенною способностью живописно изображать предметы. Онъ умѣлъ сообщать своимъ описаніямъ двойной интересъ, соединяя живописное съ прибыльнымъ, такъ что при его рассказѣ слушатель видѣлъ деревья, обремененныя золотыми плодами.

Лордъ Гленгаррифъ привыкъ наслаждаться пріятнымъ мѣстоиъ, въ которомъ жилъ, вполне цѣня его красоту. Онъ никогда не уставалъ наблюдать измѣнчивыя вліянія временъ года на этотъ ландшафтъ, столь полный прелести; но теперь онъ смотрѣлъ на него съ чувствомъ безпокойнаго нетерпѣнія; ему хотѣлось, чтобы скорѣе настало то время, когда шумъ хлопотливой суеты и дѣятельности заступитъ мѣсто тишины и спокойствія, которыя царствовали вокругъ него.

— Это отъ Дѣнна, — сказалъ онъ, раскрывая большое письмо, запечатанное крупною печатью, которое только-что ему подали. Онъ наскоро пробѣжалъ его глазами и воскликнулъ раздражительно:

— Вѣдь никакого плана еще нѣтъ, еще ничто не рѣшено и не объявлено. «Я видѣлся съ Гальбрэтомъ, и говорилъ съ нимъ о вашей гавани.» О моей гавани!

— Продолжайте, — тихо сказала леди Августа.

— Какъ, дерзкій выскочка, даже не слушалъ, что ему говорили. Моя гавань! какъ тебѣ это нравится? Онъ считаетъ уже рѣшительнымъ, что мы хотимъ здѣсь устроить станцію отправленія пакетботовъ въ Америку, и говорить, что это мѣсто не имѣетъ ни одного изъ качествъ, нужныхъ для подобной дѣли. Вода не глубока! я желалъ бы, чтобы этотъ господинъ добрался до ея дна! Это рѣшительно невыносимо. А вотъ здѣсь длинное наставленіе, чтобы я не поддавался обманамъ «спекуляторовъ, которыхъ такъ много въ нашемъ вѣкѣ.» Слышала ты когда нибудь о подобной дерзости? Этотъ господинъ, архи-шарлатанъ нашего времени, этотъ пустозвонъ по преимуществу, осмѣливается предостерегать меня противъ опасностей со стороны подобныхъ ему мошенниковъ! Только послушай вотъ это, Густы,—вскричалъ онъ, раздражаясь припадкомъ смѣха, въ которомъ слышался гнѣвъ:—«Я расположенъ думать, что, прикинувъ крѣпче къ пар-

тивъ, находящейся теперь въ силѣ, вы могли бы гораздо дѣйствительнѣе служить своимъ интересамъ, чѣмъ пускаясь въ какія-нибудь предпріятія, имѣющія цѣлю чисто матеріальную выгоду. Аллингтонъ» — онъ дѣйствительно называетъ его Аллингтономъ! — Аллингтонъ въ конфиденціальномъ разговорѣ, который мы имѣли съ нимъ сегодня вечеромъ, сдѣлалъ нѣсколько намековъ въ этомъ смыслѣ, и я надѣюсь, что когда мы встрѣтимся съ вами, вы присоединитесь къ нашимъ планамъ.» Неужели дворянскія короны должны продаваться подобно акрамъ земли? И на что мѣтитъ этотъ господинъ? — вскричалъ милордъ, съ бѣшенствомъ бросивъ письмо и шагая взадъ и впередъ по комнатѣ. — Управление О'Коннеля и его послѣдователей было мягче и снисходительнѣе въ сравненіи съ господствомъ этихъ людей. Тамъ мы имѣли возможность сражаться честно; мнѣніе сталкивалось съ мнѣніемъ и борьба была открытая; а здѣсь у насъ есть организованное общество, которое вникаетъ въ состояніе нашихъ средствъ, вмѣшивается въ наши частныя дѣла, узнавая, какое давленіе тяготѣетъ надъ нами въ одномъ мѣстѣ и какой слабый пунктъ подается въ другомъ. Они держатъ нашихъ кредиторовъ на сворѣ, чтобы потомъ спустить ихъ на насъ во всякую минуту; и угроза конфискаціей,—это дѣйствительная конфискація, ни какъ не меньше,—безпрестанно виситъ надъ нами!

Лордъ Гленгаррифъ вдругъ остановилъ потокъ своего бѣшенства, потому что какъ разъ въ эту минуту на взморѣ показало небольшое рыболовное судно и внезапно отвлекло его мысли къ мечтамъ о будущемъ благоденствіи, которымъ онъ предавался такъ недавно, къ грезамъ о процвѣтающемъ водолечебномъ заведеніи, о берегѣ, покрытомъ ослами подъ пестрыми попонами, и о морѣ, испещренномъ яхтами. Передъ нимъ возстали всѣ подробности этого очаровательнаго элизбума,—полный потокъ богатства приливался къ его ногамъ. Гальбрэтъ, который былъ только и толковалъ о милліонахъ и котораго быстрыя вычисления рѣдко снисходили до ничтожныхъ тысячъ, постоянно твердилъ ему, что если только Дэннъ примется за это дѣло, то прсѣктъ можно будетъ считать уже выполненнымъ. «Онъ въ одну недѣлю учредитъ вамъ комиссію, милордъ; онъ напишетъ великолѣпную программу, выставитъ великолѣпный рядъ именъ въ дирекціи и составитъ чистый, первоначальный капиталъ въ тридцать тысячъ фунт. Да, этотъ Дэннъ—очень умный малый, милордъ!» Графъ былъ того же мнѣнія, пока вновь полученное имъ письмо не разочаровало его.

— Я скажу тебѣ вотъ что, Густы,—сказалъ онъ, послѣ нѣкоторой паузы,—мы должны попросить его сюда. Только посредствомъ дѣйствительнаго осмотра залива онъ можетъ составить себѣ справедливое понятіе объ этомъ мѣстѣ. Ты должна написать къ нему отъ меня. Этотъ суставъ пальца, испорченный подагрой, рѣшительно не позволяетъ мнѣ писать. Ты можешь сказать... найди только листъ бумаги, и я продиктую тебѣ самъ. Однакоже благородный графъ не былъ такъ приготовленъ къ диктовкѣ, какъ воображалъ, потому что, когда леди Августа открыла свое бюро, приготовила всѣ письменныя принадлежности и сѣла съ перомъ въ рукѣ, ожидая его приказаній, онъ все еще ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, бормоча про себя отрывочныя и безсвязныя фразы, совершенно не похожія на плавный потокъ эпистолярнаго слога.—Я думаю, Густы, — да непременно такъ,—ты должна начать слѣдующимъ образомъ: «Мой дорогой сэръ,» —да? или можетъ быть, это еще лучше: «Дорогой мистеръ Деннъ»?

— Дорогой мистеръ Деннъ,—сказала она, не подымая глазъ отъ бумаги и спокойно вычеркивая послѣднія слова перомъ.

— Впрочемъ я не вижу, почему мы должны слѣдовать этой глупой манерѣ, — гордо сказалъ онъ. Приемъ, который оказываютъ ему другіе, не можетъ служить закономъ для насъ, Густы. Я написалъ бы такимъ образомъ: «Графъ Гленгаррифъ»—или: «По порученію графа Гленгаррифа»...

— «Мой отецъ, лордъ Гленгаррифъ», спокойно прервала она.

— Да, этакъ вѣжливѣе, кажется. Пусть будетъ по твоему.— И онъ снова зашагалъ по комнатѣ въ волненіи отъ трудностей, представляемыхъ сочиненіемъ письма. Наконецъ онъ сказалъ съ досадою: нѣтъ ничего труднѣе, какъ писать письма къ людямъ этого сорта. Вамъ нужна ихъ короткость безъ фамильярности. Вы хотите пользоваться ихъ совѣтами, но такъ, чтобы эти совѣты не были похожи на наставленія. Словомъ, вы совершенно готовы обращаться съ ними, какъ съ дорогими гостями, лишь бы только они не впадали въ заблужденіе, что они—наши друзья. Нѣтъ, чтобы написать такое письмо, какъ я думаю, для этого надо быть такимъ дипломатомъ, какъ старшій Меттернихъ.

— Если я не ошибаюсь, вы хотите попросить его къ намъ въ гости на нѣсколько дней, намекнувъ при этомъ, что вамъ нужно поговорить съ нимъ о дѣлахъ.

— Да, да, — сказалъ милордъ съ нетерпѣніемъ, — это именно

такъ. Дѣловая сторона предмета должна входить сюда какъ-бы случайно, и однакоже тонъ приглашенія долженъ быть таковъ, чтобы Деннъ ясно понялъ, что его зовутъ не просто въ гости, а для какой-то особенной цѣли. Теперь вы понимаете мою мысль, Густы, — прибавилъ онъ съ торжествующимъ видомъ человѣка, который только что преодолѣлъ какую нибудь трудность.

— Если я понимаю, то я, болѣе чѣмъ когда нибудь, не знаю какъ ее выразить,—сказала она съ нѣкоторой досадою. Я написала бы просто: «Дорогой сэръ,» или «дорогой мистеръ Деннъ, у меня есть одинъ очень важный для меня вопросъ, насчетъ котораго ваше мнѣнiе было бы для меня въ высшей степени дорого. Если бы вы могли удѣлить нѣсколько дней, чтобы погостить у меня и, доставивъ намъ большое удовольствiе—пользоваться вашимъ обществомъ...

— Это черезъ-чуръ льстиво. Нѣтъ, нѣтъ, — снова прервалъ онъ. Я скажу вамъ, что выйдетъ изъ подобной любезности, — и голосъ его поднялся до самыхъ рѣдкихъ и полныхъ тоновъ:—этотъ господинъ явится сюда и, не пройдетъ недѣли, какъ онъ станетъ называть меня просто Гленгаррифомъ!

Лицо Августы лобъ и шея покраснѣли, потому также быстро поблѣднѣли и, поспѣшно вставъ изъ-за стола, она сказала:—Право, вы ожидаете слишкомъ многого отъ моего искусства писать письма. Я думаю, ужъ лучше было бы попросить мистера Денна—поискать какого нибудь изъ тѣхъ неоцѣненныхъ людей, которыхъ называютъ компаньонами, и которые—уплачиваютъ ваши счета, поправляютъ ваши французскiя письма, чешутъ вашу болонку и бранятъ вашу служанку, избавляя васъ отъ этого труда. Можетъ быть, она годилась бы для всей этой тонкой дипломатiи.

— А вѣдь это, право, не дурная мысль, Густы, — сказала лордъ Гленгаррифъ съ живостiю. Умная женщина была бы неоцѣнимымъ сокровищемъ для корреспонденци, которая скоро заведется у насъ; она гораздо лучше, чѣмъ мужчина,—она не такъ навязчива, болѣе надежна и не такъ склонна къ барышамъ; а это важный пунктъ, очень важный. Деннъ именно такой человекъ, чтобы отыскать особу, въ которой мы нуждаемся.

— Нѣчто повыше гувернантки и пониже дамы,—сказала Августа презрительно.

— Именно такъ, Густы,—именно такъ. Есть женщины, которыхъ, по своему воспитанiю, годились бы въ фрейлины и по своей учености—въ профессоры, но которыхъ желанiя никогда не по-

дымаются выше какой нибудь жалкой сотни фунтовъ въ годъ,— что я говорю?—не сотни,—шестидесяти или семидесяти. Теперь къ дѣлу, Густа. Сдѣлайте это предметомъ вашего письма. Вамъ не будетъ стоить большаго труда объяснить—что именно намъ нужно. Къ несчастію, мы живемъ въ такія времена, когда люди знатнаго ранга и хорошаго происхожденія стѣснены въ своихъ обстоятельствахъ со всѣхъ сторонъ. Пишите письмо и прибавьте въ концѣ его слѣдующее: «Намъ было бы очень пріятно, если бы, во время своихъ путешествій по горнымъ областямъ, вы погостили нѣсколько дней у насъ въ Гленгаррифѣ. Мой отецъ имѣетъ кое-что сообщить вамъ, и такимъ образомъ вы не будете упрекать себя, что потеряли время праздно.» Онъ попадетъ на удочку; человѣку всегда льстить то, когда онъ воображаетъ, что вы считаете его заваленнымъ дѣлами. И отъ души смѣясь надъ слабой струной Денна, которую онъ собирался затронуть, старый лордъ вышелъ изъ комнаты, между тѣмъ какъ его дочь принялась за сочиненіе письма.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ПИТТЪ И ЕГО ВРЕМЯ.

William Pitt et son temps par lord Stanhope. 4 vol. Paris. 1863.

Если эгоизмъ, управляющій всѣмъ міромъ для достиженія своей личной цѣли, достоинъ похвалы, то мало найдется людей, имѣющихъ право болѣе Питта на безсмертіе. Подавленіе свободныхъ учрежденій страны, обремененіе ея налогами, кровопролитная война, зажатая съ цѣлью остановить развитіе прогрессивныхъ идей—вотъ его права на вниманіе потомства.

Уильямъ Питтъ былъ второй сынъ знаменитаго лорда Чатама. Въ воспитаніи его, послѣ библіи, главную роль играли греческіе и римскіе классики. Чтобъ пріучить его заблаговременно къ ораторской дѣятельности, отецъ заставлялъ его брать греческую или латинскую книгу и переводить такъ, какъ будто она была написана по англійски. Сначала это было трудно мальчику: онъ останавливался и прискивалъ слова, но потомъ привыкъ къ этому занятію и овладѣлъ всѣми формами языка; сверхъ того онъ декламировалъ лучшія мѣста изъ Шекспира и Мильтона, и такимъ образомъ пріготовлялся поменьку къ поприщу оратора. Четырнадцать лѣтъ онъ былъ посланъ въ кембриджскій университетъ, гдѣ съ особеннымъ усердіемъ занялся математикой и Квинтиліаномъ; онъ любилъ сравнивать рчи противниковъ или писателей объ одномъ и томъ же предметѣ и записывалъ всѣ замѣчательныя и красивыя выраженія. Изъ живыхъ языковъ онъ зналъ только французскій.

Подготовленный такимъ образомъ, онъ вступилъ въ парламентъ 22 лѣтъ отъ роду, какъ депутатъ Аппльби.

Это была печальная эпоха для Англіи: война съ сѣвероамериканскими колоніями истощила ее; лучшая образованная часть общества

требовала мира, но король упорно стоялъ на своемъ. Расположенный къ деспотизму столько же, какъ и суевѣрный, онъ одинаково заботился о расширеніи своей прерогативы и объ усиленіи церкви. Всякая либеральная мысль, все, что сколько-нибудь походило на реформу, даже малѣйшій намекъ на свободу изслѣдованія—все это было предметомъ ужаса для столь ограбиченнаго и невѣжественнаго государя. Въ немъ не было ни знанія, ни вкуса, ни даже понятія о какой-нибудь наукѣ, не было и расположенія ни къ одному искусству: вообще воспитаніе не сдѣлало ничего для развитія этого ума, самой природой созданнаго въ необычайно тѣсномъ размѣрѣ... Онъ сгруппировалъ около своего престола ту партію, которая, примѣняясь къ преданіямъ старины, всегда гордилась тѣмъ, что останавливала прогрессъ своего времени (Бёкль, глава VII). Въ головѣ министерства стоялъ лордъ Норсъ (Nordh), человекъ съ хорошими намѣреніями, прекраснымъ характеромъ, но крайне слабый и преданный королю. Въ угодность ему онъ настаивалъ на продолженіи войны, хотя внутренне сознавалъ ея безразсудство. Жертва постоянныхъ нападокъ оппозиціи, онъ держался только съ помощью Георга; благодаря составу парламента, палата лордовъ была наполнена новыми, большею частью бездарными перами, назначенными королемъ и обязанными всѣмъ ему; въ палатѣ общинъ многіе члены были подкуплены, такъ что когда доходило до вотированія, министерство постоянно имѣло на своей сторонѣ большинство. Безъ этого ему было бы невозможно устоять противъ такихъ борцовъ какъ Бёркъ, Фоксъ, Шериданъ, которые составляли главную силу партіи Рокингама, главы старыхъ виговъ, добраго, честнаго старика, но далеко не талантливаго; другая часть оппозиціи состояла изъ поклонниковъ Чатама, считавшихъ въ своихъ рядахъ Шельборна, Комдена. Естественно, мѣсто Пятта было между ними. Взглянемъ теперь на главнѣйшихъ дѣятелей. Первое мѣсто по обширной учености, охватывавшей почти всѣ страсти знанія принадлежитъ Бёрку.

Глубокое знаніе философіи права заставляло юристовъ удивляться ему, а знакомство съ изящными искусствами и ихъ теоріей приводило въ изумленіе художниковъ; сверхъ того онъ много занимался филологіей и политической экономіей; ему не были чужды ни науки естественныя, ни даже практическіе приемы и рутинна механическихъ ремеслъ. И всѣ эти знанія не были отрывочны и беспорядочны, но

лежали въ его головѣ въ строгомъ и стройномъ порядкѣ. Умъ его былъ такъ силенъ и богатъ, что умѣлъ придавать жизнь и значеніе самымъ ничтожнымъ предметамъ, обнаруживая связь ихъ съ общими началами, показывая вліяніе ихъ на ходъ дѣлъ.

Не смотря на эти разнообразныя свѣденія и склонность къ широкимъ взглядамъ, умъ Бёрка отличался рѣдкой практичностью: онъ подчинялся ходу событій и искалъ не осуществленія своихъ теорій, а существенной пользы народу.

Разсматривая участіе, принимаемое Бёркомъ въ государственныхъ дѣлахъ, нельзя не замѣтить, что онъ во многомъ опередилъ свой вѣкъ и поддерживалъ тѣ справедливыя требованія католиковъ, которыя были удовлетворены только долгое время спустя послѣ его смерти; онъ стоялъ за диссидентовъ, когда они пытались освободиться изъ подъ ига англиканской церкви; онъ возставалъ противъ жестокихъ законовъ о банкротствѣ, противъ варварства уголовного кодекса и торговли неграми; онъ порицалъ предоставленное судьямъ въ дѣлахъ прессы право подвергать разсмотрѣнію присяжныхъ только дѣйствительность факта; онъ предложилъ и исполнилъ многіе изъ финансовыхъ проектовъ, значительно уменьшившіе ежегодныя издержки.

Не менѣе замѣчательна личность Фокса, главнаго противника Питта во все время его министерства.

Фоксъ былъ третій сынъ лорда Голланда. Воспитаніе его шло діаметрально противоположно воспитанію Питта. Онъ росъ на свободѣ и privilege видѣть, что всѣ капризы его исполняются. Четырнадцати лѣтъ онъ побѣхалъ вмѣстѣ съ отцомъ въ Парижъ и Спа; здѣсь узналъ онъ всѣ удовольствія жизни на водахъ. Но эти увлеченія не испортили характера молодого человѣка и не помѣшали ему заниматься науками. Исторія, поэзія, политика—были любимыми его занятіями; онъ не довольствовался одними древними писателями подобно Питту, но съ жадностью перечитывалъ всѣ замѣчательныя произведенія современной ему литературы. Знаніе языковъ французскаго, итальянскаго и отчасти испанскаго и три путешествія за границу много содѣйствовали его развитію, хотя по началу полптического его поприща никто не могъ угадать пути, по которому пойдетъ онъ. Первые его дебюты были антилиберальны, но онъ скоро понялъ свои ошибки; разорвалъ всякую связь съ дворомъ и окончательно перешелъ на сторону оппозиціи. Это былъ опасный соперникъ: онъ быстро схватывалъ всякій вопросъ и вникалъ въ малѣйшія его подроб-

ности; онъ съ рѣдкимъ искусствомъ показывалъ все несообразности и противорѣчія соперника; простота, сила, изобиліе доказательствъ — вотъ отличительныя черты его краснорѣчія. Онъ говорилъ то, что чувствовалъ: мысли набѣгали съ такой быстротой, что онъ невольно останавливался, повторялся, но самыя эти повторенія нисколько не вредили ему: напротивъ того они позволяли легче усвоить его идеи. Рѣчь его была произведеніе вдохновенія, точно такъ, какъ рѣчь Питта была произведеніе разсудка. Онъ постоянно защищалъ гражданскую и религіозную свободу; всегда стоялъ за права народа и съ восторгомъ смотрѣлъ на успѣхи прогресса даже у враждебныхъ націй. Онъ былъ бы превосходнымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, какъ по познаніямъ, такъ и по таланту, но король не терпѣлъ его и допустилъ въ составъ кабинета только по необходимости. Что касается до характера его, о немъ отзывались съ похвалой даже его политическіе соперники. Откровенность, добродушіе, благородство и безкорыстіе служили основаніемъ всехъ его дѣйствій.

Шереданъ, одинъ изъ лучшихъ англійскихъ драматическихъ писателей, не имѣлъ ни возвышенности характера, ни познаній Фокса, и далеко уступалъ ему въ силѣ доказательствъ, но за то превосходилъ его въ сарказмъ и блескъ изложенія. Знаніе сцены, умѣнье возбуждать страсти, искусство декламации возвышали прелесть его рѣчи, доходившей иногда до пафоса и заставлявшей содрагаться слушателей.

Понятно, что при такой обстановкѣ Питтъ долженъ былъ стать на сторону оппозиціи: тамъ были сподвижники его отца, тамъ были лучшіе умы Англій—что могъ онъ выиграть, привязавшись къ падающему министерству?—безполезное уваженіе короля—и только! нѣтъ, молодой честолюбецъ мѣтилъ гораздо далѣе—и первую рѣчь свою произнесъ въ защиту билля Бѣрка объ экономической реформѣ въ администраціи. Благородныя манеры оратора, его звонкій серебристый голосъ, сила доказательствъ, красота и благозвучіе періодовъ—приобрѣли ему общее сочувствіе. Не смотря на то, билль былъ отвергнутъ. Такова была тогда участь либеральной оппозиціи; она могла торжествовать только изрѣдка, когда какое-нибудь чрезвычайное событіе выводило представителей націи изъ ихъ обычной апатіи, заставляло ихъ расходиться съ министерствомъ. Такимъ образомъ взятіе Гортонуна повлекло за собой паденіе министерства Норса. На его мѣсто былъ назначенъ Рокингамъ, а по смерти его Шельборнъ, извѣстный въ письмахъ Юніа подъ именемъ іезуита. Фоксъ

отказался быть его товарищемъ и соединился съ Норсомъ. Шельборнъ не устоялъ передъ ихъ соединенными усилиями и подалъ въ отставку, рекомендуя Георгу на свое мѣсто Питта, но тотъ, понимая свое безсиліе въ виду такой страшной коалиціи, не согласился. Новый кабинетъ составилъсь подъ предсѣдательствомъ герцога Портленда, въ числѣ членовъ его были Фоксъ и Норсъ; они предложили Питту занять мѣсто канцлера казначейства, но онъ отказался, видя нерасположеніе короля къ новому министерству и въ то же время успѣвши заявить палатѣ, что онъ не принадлежитъ ни къ какой партіи.

Вслѣдъ затѣмъ Питтъ сдѣлалъ маленькое путешествіе во Францію; но ни изъ чего не видно, чтобъ онъ понималъ ее.

Возвратившись ко времени открытія парламентской сессіи, онъ скоро сталъ свидѣтелемъ бурныхъ сценъ, возбужденныхъ биллемъ Фокса о преобразованіи остъ-индской компаніи. Давно уже этотъ великій человѣкъ видѣлъ всѣ злоупотребленія ея, и рѣшился искоренить ихъ правительственнымъ контролемъ; билль его встрѣтилъ огромное сочувствіе въ палатѣ общинъ, но палата лордовъ отвергла его, потому что король наканунѣ еще сообщилъ, что почтеть того личнымъ врагомъ, кто поддержитъ этотъ билль. Причина такого негодованія заключалась въ томъ, что Фоксъ вздумалъ учредить постоянный комитетъ для остъ-индской администраціи, что дало бы его партіи громадныя средства въ руки... Не довольствуясь пораженіемъ ненавистныхъ ему министровъ въ палатѣ лордовъ, Георгъ потребовалъ у нихъ государственныя печати.

Образовалось новое министерство Гоуэра; главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ немъ былъ Питтъ.

Страна была раззорена: на войну съ американскими колоніями было израсходовано до 140 милл. фунт.; торговля сильно пострадала; множество рабочихъ оставалось безъ дѣла; внутренней свободѣ Англіи угрожала опасность. Мы уже сказали, каковы были характеръ и тенденціи Георга и составъ парламента, сверхъ котораго онъ могъ еще рассчитывать на духовенство. Увидѣвъ, что дѣло претендента безвозвратно проиграно, духовенство стало на сторону новой династіи воскресило всѣ старинныя противоконституціонныя ученія о правѣ королей; съ проповѣдническихъ кафедръ стали раздаваться похвалы добродѣтелямъ короля, въ особенности его благочестію. Слѣдствіемъ былъ тѣсный союзъ между нимъ и церковью: они взаимно поддерживали

другъ друга, а такъ какъ въ рукахъ духовенства находились университеты и вообще почти все преподаваніе въ Англіи, то, очевидно, оно имѣло огромное вліяніе на выборы. Но къ счастью, когда наступила пора реакціи, народъ былъ на столько приготовленъ, что могъ съ ней бороться: воскресныя школы существовали уже около 17 лѣтъ; съ 1769 года начались публичные митинги съ цѣлью просвѣтить англичанъ относительно ихъ политическихъ правъ; около того же времени образовались публичныя бібліотеки, составились энциклопедіи, появились популярныя руководства и завязался споръ между газетами и палатами о правѣ печатать пренія, кончившійся торжествомъ газетъ. Поддержка народа сдѣлала литераторовъ независимѣе отъ вельможъ и дала имъ болѣе смѣлости въ выраженіи своихъ мнѣній. Все царствованіе Георга III было непрерывной войной противъ такого порядка вещей; съ помощью лорда Норса надѣялся онъ измѣнить его въ случаѣ успѣха американской войны, но американцы восторжествовали, лордъ Норсъ подалъ въ отставку, королю пришлось искать другого такого же послушнаго министра. Выборъ Питта совершенно оправдалъ его ожиданія.

II.

Министерство его началось распущеніемъ парламента и созваніемъ новаго болѣе послушнаго. Приверженцы оппозиціи потерпѣли почти вездѣ пораженіе и самый Фоксъ встрѣтилъ значительныя затрудненія при своемъ избраніи.

Удостоверившись въ покорности парламента, Питтъ приступилъ къ поправленію финансовъ и къ устройству дѣль остъ-индской компаніи. Съ этой цѣлью онъ открылъ заемъ въ 6 м. ф. стерл. и представилъ болѣе 150 предложеній объ увеличеніи податей. На шляпы, ленты, лошадей (кромѣ земледѣльческихъ), свѣчи, кареты, кирпичи и на множество другихъ предметовъ была наложена новая пошлина или увеличена прежняя. Въ остъ-индскомъ вопросѣ онъ предложилъ устройство контроля, который съ нѣкоторыми измѣненіями существовалъ до 1858 года, нисколько не препятствуя злоупотребленіямъ компаніи. Получивъ утвержденіе палатъ, онъ перешелъ къ биллю о парламентской реформѣ: сущность его состояла въ томъ, чтобы у 36 горо-

довъ, пославшихъ по 2 представителя, отнять это право и прибавить число представителей важнѣйшимъ городамъ. Разумѣется, билль былъ отвергнутъ, потому что никакое вліяніе не могло заставитьъ депутатовъ маленькихъ городковъ вотировать противъ себя. Также неудачны были усилія Питта умиротворить Ирландію теоріей свободной торговли; проекты его встрѣтили сильное сопротивленіе со стороны Фокса, постоянного врага этой системы, и со стороны англійскихъ фабрикантовъ; мало того сами ирландцы увидали въ этомъ проэктѣ нарушеніе законодательной независимости, которая была недавно имъ дана.

1786 годъ былъ неблагопріятенъ для самолюбія Питта, потому что онъ сдѣлался жертвой сатиръ брукскаго клуба. Ролліада, стихотворенія Морриса и Уолькотта были направлены преимущественно на него; сверхъ того предложеніе объ укрѣпленіи Портсмута и Плимута было отвергнуто, но за то проэктъ его объ учрежденіи кассы для погашенія государственнаго долга былъ принятъ съ восторгомъ. Подъ этимъ впечатлѣніемъ онъ вырвалъ у палатъ согласіе на платежъ 210 т. ф. ст., занятыхъ королею, не смотря на его 850 т. дохода.

Парламентская сессія заключилась процессомъ Уэррена Гэстингса, генераль-губернатора Индіи, виновнаго въ безчисленныхъ грабительствахъ и жестокостяхъ. Въ слѣдующемъ году этотъ процессъ продолжался. Блестящая рѣчь Шеридана нанесла страшный ударъ губернатору, такъ что Питтъ, не смотря на все желаніе оправдать его, принужденъ былъ признать его виновнымъ.

Въ это же время поднялся вопросъ объ увеличеніи содержанія принцу уэльскому и объ уплатѣ долговъ его. Принцъ жилъ въ весьма неприязненныхъ отношеніяхъ съ королею; мало того, что онъ былъ другомъ Фокса и кутилъ вмѣстѣ съ нимъ, онъ еще женился тайно на вдовѣ Фицъ-Пэтрикъ, католичкѣ, вопреки указовъ о королевскихъ бракахъ. Этотъ бракъ сдѣлался предметомъ нападеній въ палатѣ общинъ; Фоксъ называлъ это клеветой и съ жаромъ защищалъ принца, но госпожа Фицъ-Пэтрикъ была раздражена и требовала удовлетворенія; Шериданъ въ одно изъ слѣдующихъ засѣданій сказалъ въ похвалу ей нѣсколько словъ, но не осмѣлился упомянуть о бракѣ. Питтъ поспѣшилъ прекратить скандалъ, примиривъ принца съ отцомъ его. Слѣдствіемъ было выраженіе королею желанія, чтобъ палата общинъ выплатила долги принца, простиравшіеся до 180 т. ф. ст., обѣщаясь положить ему ежегодно 10 т. на содержаніе.

Питтъ остался вѣренъ своей политикѣ: поддерживать и усиливать

королевскую власть сколько возможно, и въ дѣлѣ протестантскихъ диссидентовъ, просившихъ отміны тѣхъ-акта, онъ отказалъ имъ, опасаясь не поправиться англиканской церкви, важнѣйшей опоры короля. Въ угодность ему онъ велъ весьма вяло и неопредѣленно вопрое о неграхъ: сочувствуя идеямъ Уильбефорса, онъ вотировалъ постоянно съ меньшинствомъ, но не хотѣлъ дѣйствовать энергически. Такое поведеніе завѣряло его въ прочности министерства. Фоксъ, отчаявшись побѣдить его, уѣхалъ въ Италію... Вдругъ пришло извѣстіе, что король помѣшался... Надо было подумать о регентствѣ, объ ограниченіи власти регента... Фоксъ возвратился; пренія начались. Между тѣмъ докторъ Уиллисъ объявилъ, что король поправляется; Питту надо было только выиграть время и онъ мало того что успѣлъ въ этомъ, но еще поставилъ противниковъ своихъ въ весьма невыгодное положеніе, потому что они начали проповѣдовать начала торіевъ, желая доставить власть принцу. Поведеніе Питта въ этомъ случаѣ доставило ему такое уваженіе со стороны буржуазіи, что многіе купцы и банкиры, зная что его состояніе разстроено, собрали ему по подпискѣ до 100 т. ф. ст.; но онъ отказался.

III.

Французская революція составляетъ важную эпоху въ дѣятельности Питта: съ этого времени деспотическія наклонности его проявляются полнѣе. Хранитель интересовъ буржуазіи, онъ отлично понималъ свою роль и вездѣ препятствовалъ демократическимъ тенденціямъ. Дѣятельность его—это дѣятельность Гизо и Тьера, только въ болѣе обширныхъ размѣрахъ съ тѣми измѣненіями, которыхъ требовала эпоха.

Первыя извѣстія о революціи были приняты различно главнѣйшими членами обѣихъ партій. Нѣсколько дней спустя послѣ взятія бастиліи, Фоксъ вскричалъ: «это важнѣйшее и счастливѣйшее событіе, какое когда либо случалось». Бёркъ, у котораго начали обнаруживаться первые признаки помѣшательства, смотрѣлъ иначе. «Французы, говорилъ онъ, искуснѣйшіе разрушители въ цѣломъ свѣтѣ: въ короткое время они низвергли монархію, церковь, дворянство, армію, флотъ, торговлю, мануфактуры, искусство... Еслибъ мы были по-

бѣдителями и Франція лежала у ногъ нашихъ, мы постыдились бы послать для управленія ею комиссію, подобную той, какую она сама на себя наложила.»

Съ этого времени филиппики его противъ Франціи усиливались съ каждымъ годомъ, съ каждымъ новымъ событіемъ. Громадный умъ его, занятый постоянно работой, палъ подъ ея тяжестью; равномѣрное отправление между его способностями нарушилось и онъ всю свою силу обратилъ противъ революціи. Первые признаки умственного разстройства обнаружались у него еще въ 1788 году по случаю вопроса о регенствѣ; съ тѣхъ поръ оно быстро возрастало и наконецъ дошло до крайней степени послѣ того, какъ онъ потерялъ сына. Самыя ужасныя названія сыпятся градомъ на французовъ: онъ называлъ ихъ шайкой разбойниковъ, націей убійцъ, непотребными извергами человѣчества; онъ старался придать войнѣ характеръ крестоваго похода; онъ желалъ, чтобъ она продолжалась долго, чтобъ въ ней были употреблены всѣ средства истребленія.

Кто бы могъ думать, что онъ дойдетъ до такой нелѣпости? Кто могъ думать, что стена, начавшаяся простымъ несогласіемъ въ мнѣніяхъ, окончится разрывомъ 25-лѣтней дружбы его съ Фоксомъ? Едва Бёркъ кончилъ свою рѣчь, какъ всталъ Шериданъ; онъ не только поддерживалъ Фокса, но еще шелъ далѣе его. Питтъ утверждалъ, что конвульси, потрясающія Францію, приведутъ современемъ къ общей гармоніи и *правильному* порядку... «Я желаю возстановленія спокойствія въ ней, прибавилъ онъ, но кажется это время еще далеко; когда будетъ провозглашена *правильно* понятая свобода, происходящая изъ порядка и хорошаго управленія, Франція сдѣлается одной изъ самыхъ блестящихъ державъ Европы; но я не могу смотрѣть съ завистью на все, что походитъ у сосѣдей на чувства, отличающія эскимоссаго дикаря.» Проповѣдуя такія мнѣнія, желая мира, Питтъ не довѣрялъ Франціи: онъ боялся вмѣшательства ея въ ссору между кабинетами сет-джемскимъ и мадридскимъ; успокоенный на этотъ счетъ, онъ послѣ мира съ Испаніей обратилъ главное вниманіе на внутреннее состояніе страны.

Революція нашла въ Англии многихъ поклонниковъ. Два общества: конституціонное и революціонный клубъ 1688 года первые заявили свою симпатію къ Франціи. Члены клуба, собравшись 4 ноября 1789 и выслушавъ рѣчь доктора Прайса, вотировали поздравительный адресъ національному собранію. Съ другой стороны

гнѣвъ Бёрка разгорался съ каждой почтой; плодомъ этого раздраженія была брошюра: «Размышленія о французской революціи», гдѣ онъ показывалъ разницу между принципами ея и принципами англійской революціи; вмѣстѣ съ тѣмъ, набросавъ очаровательный портретъ Маріи Антуанеты, онъ жалѣлъ, что время паладиновъ кончилось, что ихъ заступили софисты, экономисты и счетчики — и слава Франціи потухла. Впечатлѣніе, произведенное этой брошюрой, было громадно: съ одной стороны она доставила ему похвалы роялистовъ и подарки отъ многихъ коронованныхъ особъ; съ другой — Пристлей, Стэнгопъ, Макинтошъ, Томасъ Пэнъ напали на него печатно; многіе изъ членовъ оппозиціи поддерживали ихъ мнѣнія въ парламентѣ. Бёркъ становился день ото дня придиричвѣе: люди, сочувствовавшіе французской революціи, сдѣлались предметомъ его отвращенія: разрывъ съ прежними друзьями былъ недалекъ. Въ одно изъ засѣданій, раздраженный похвалами Фокса французской конституціи, онъ излилъ свое негодованіе въ желчной рѣчи, наполненной оскорбительными выраженіями противъ достопочтеннаго члена (онъ не называлъ его уже другомъ)... «Въ мои лѣта, сказалъ онъ, неблагоприятно искать себѣ непріятелей или давать поводъ друзьямъ оставить меня; но если моя твердая и вѣрная приверженность къ англійской конституціи подвергаетъ меня этой опасности, я готовъ пожертвовать всѣмъ и испуская послѣдній вздохъ воскликну: бѣгите французской конституціи»... Здѣсь Фоксъ потихоньку замѣтилъ, что изъ за этого не за что терять друзей. «Напротивъ, продолжалъ ожесточенный ораторъ, я теряю друзей; я знаю, чего будетъ стоить мнѣ мое поведеніе, но я исполнилъ долгъ свой... наша дружба кончена!»

Фоксъ всталъ, чтобъ отвѣчать. Смущеніе не позволяло ему нѣсколько времени говорить, слезы навертывались на глазахъ у него, наконецъ онъ преодолѣлъ себя и прерывающимся голосомъ началъ рѣчь; она была полна кротости и неподдѣльнаго чувства: онъ съ грустью вспоминалъ о своей 25-лѣтней дружбѣ съ теперешнимъ противникомъ и жаловался на оскорбительныя выраженія его... — «Я не помню ни одного», отвѣчалъ Бёркъ. «Если мой достопочтенный другъ не помнитъ о нихъ, продолжалъ Фоксъ, то они также исчезли изъ моей памяти и на всегда!» Но не смотря на то, онъ продолжалъ защищать свои мнѣнія и не могъ не удержаться,

чтобъ не напомнить, что и Бёркъ раздѣлялъ ихъ во время войны за независимость американскихъ колоній.

Эти слова, вмѣсто того, чтобъ успокоить ирландскаго оратора, воспламенили его еще болѣе; въ отвѣтной рѣчи его холодность и жесткость выразились еще сильнѣе. Журнальная война загорѣлась; старые виги возстали на ренегата, но онъ былъ слишкомъ гордъ, чтобъ смириться передъ ними и продолжалъ идти одиноко по своей дорогѣ, одиноко потому, что Питтъ хотя въ душѣ и сочувствовалъ ему, но считалъ невыгоднымъ начать въ это время войну съ Франціей. Онъ довольствовался преслѣдованіемъ поклонниковъ ея въ Англіи.

До сихъ поръ Питтъ показывалъ нѣкоторую умѣренность: случаи обвиненія были рѣдки; но съ того времени, какъ образовалось въ Лондонѣ общество друзей народа, въ которое вошли многіе изъ членовъ парламента, строгость Питта и стѣснительные билли возрастали съ каждымъ годомъ.

Изъ другихъ обществъ значительнѣйшими были: общество лондонской корреспонденціи, состоявшее изъ 6 тыс. членовъ, управлявшихся тайнымъ центральнымъ комитетомъ, и общество изученія конституцій несравненно многочисленнѣйшее; въ числѣ его членовъ счислялись многіе литераторы и ученые. Всѣ публикаціи, распространяемыя этими обществами, были написаны въ революціонномъ духѣ и возбуждали къ возстанію. Питтъ посоветовалъ королю издать прокламацію, предостерегающую всѣхъ добрыхъ англичанъ отъ этихъ брошюръ. Министръ въ награду за свою ревность получилъ должность хранителя пяти портовъ, которые приносили въ годъ 3 т. ф. жалованья.

Принимая мѣры къ подавленію революціонныхъ идей въ Англіи, Питтъ намѣревался подавить ихъ и во Франціи. Онъ приступилъ къ дѣлу съ осторожностью, характеризующею всѣ его дѣйствія: онъ старался сдѣлать такъ, чтобъ французы объявили войну; — этимъ онъ избавлялся отъ длинныхъ преній и, можетъ быть, отъ неудачи въ парламентѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ оправдывалъ себя въ глазахъ общественнаго мнѣнія, угождая въ то же время королю, смертельно ненавидѣвшему Францію.

Питтъ началъ свои дѣйствія тѣмъ, что отозвалъ англійскаго посланника и прекратилъ всѣ официальные сношенія съ французскимъ дворомъ; вслѣдъ затѣмъ онъ запретилъ продажу хлѣба и оружія агентамъ

республики, а суда уже нагруженные приказалъ остановить, вопреки трактатамъ 1786 года; кромѣ того онъ помогалъ французскимъ эмигрантамъ деньгами и оружіемъ, приступилъ къ составленію коалиціи противъ Франціи *), вытребовалъ *alien-bill* и наконецъ приказалъ французскому посланнику въ теченіе недѣли оставить Англію. Разумѣется, слѣдствіемъ такихъ продѣлокъ было объявленіе войны республикой.

Между тѣмъ оба противоположныя мнѣнія въ Англіи начали выражаться въ дѣйствіяхъ: въ Бирмингамѣ чернь, взволнованная духовенствомъ, разграбила и разрушила домъ и капеллу доктора Пристлея, человѣка замѣчательнаго ученостью и смѣлостью мнѣній; подобныя же беспорядки были въ графствахъ Уорчестеръ и Уарвикъ; но зато въ свою очередь друзья свободы произвели волненія въ Ярмутѣ, Шеффилдѣ, Персѣ и Дунди. Устрашенная буржуазія составила декларацію, свидѣтельствовавшую объ ея привязанности къ конституціи, и покрыла ее многочисленными подписями.

Ободренный такимъ сочувствіемъ, Питтъ приказалъ начать процессъ противъ Томаса Пэна, автора «Правъ Человѣка».

Томасъ Пэнъ былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей того времени и между тѣмъ мало кто былъ болѣе его оклеветанъ. Уильямъ Коббетъ говоритъ: «онъ будетъ жить въ памяти потомства какъ чудо; люди будутъ называть его именемъ все дурное, вѣроломное, богохульное». И этотъ самый Уильямъ Коббетъ черезъ нѣсколько лѣтъ привезъ изъ Америки кости Пэна и призывалъ всѣхъ друзей свободы почтить великаго человѣка сооруженіемъ ему великолѣпнаго памятника. Самостоятельный мыслитель, Пэнъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ былъ врагомъ преданія и рутины, столь дорогихъ англичанамъ. Они возненавидѣли его съ первой его брошюры: *The decline and fall of the English system of finance*; другой его памфлетъ: *The Common Sense*—могущественно содѣйствовалъ дѣлу сѣверо-американскихъ штатовъ. Извѣстіе о французской революціи привлекло его въ Парижъ, гдѣ онъ и находился въ то время, когда судъ въ Англіи приговорилъ его къ изгнанію.

*) Онъ отрекался отъ этого 11 февраля 1793 года, хотя 25 ноября прошлаго 92 года послалъ депешу къ англійскому повѣренному при вѣнскомъ дворѣ, чтобъ онъ воспользовался первой удобной минутой для воодушевленія и укрѣпленія коалиціи противъ Франціи.

Изгнавъ Пэна, министерство принялось за преслѣдованія другихъ враждебныхъ ему писателей и ораторовъ; между многочисленными процессами по дѣламъ книгопечатанія особенно замѣчательны Мьюра и Пальмера, въ которыхъ нарушены были всѣ узаконенныя формы англійскаго судопроизводства.

Эти несправедливости сдѣлали революціонеровъ еще раздражительнѣе: депутаты отъ разныхъ обществъ съѣхались въ Единбургъ и образовали конвентъ, старавшійся подражать французскому конвенту въ своихъ прокламаціяхъ; но засѣданія его продолжались всего мѣсяць и были разсѣяны наконецъ военной силой. Нѣкоторые изъ членовъ подверглись осужденію и ссылкѣ.

Общества корреспонденціи и конституція отвѣчали новыми брошюрами, пѣснями, воззваніями. Восемь человекъ было арестовано, въ числѣ ихъ находились: Горнъ Тукъ, извѣстный своими спорами во время Юнія и американской войны, Джотъ, секретарь лорда Стэнгопа, впоследствии авторъ «Ученыхъ разговоровъ», Адамсъ, Гарди и Тельуоль (Thelwall). Книги и бумаги, захваченныя у нихъ, были переданы на разсмотрѣніе тайнаго комитета, который представилъ, что цѣль обществъ состояла въ насильственномъ распушеніи парламента. Пользуясь произведеннымъ впечатлѣніемъ, Питтъ представилъ билль о приостановленіи дѣйствія акта *habeas corpus*. Напрасно Шериданъ и Фоксъ истощили все свое краснорѣчіе противъ этой мѣры: она была принята испуганными палатами. Питтъ и Дундасъ наполнили тюрьмы мнимыми преступниками, которые во время заключенія своего подвергались жестокому обращенію и разнымъ лишеніямъ. Захваченные члены обществъ избѣгли казни только благодаря краснорѣчію Эрскайна и мужеству присяжныхъ, рѣшившихся отстаивать права націи. Послѣ долгихъ преній и семичасовой рѣчи знаменитаго адвоката, Гарди былъ оправданъ. По заведенному въ политическихъ преслѣдованіяхъ обычаю всѣ соучастники оправданнаго освобождались отъ суда. Но на этотъ разъ поступили иначе. Горнъ Тукъ и Тельуоль подверглись новому процессу, но были оправданы присяжными. Впрочемъ, не всегда политическія преслѣдованія кончались такъ счастливо. Давидъ Дауни и Джемсъ Уаттъ были приговорены къ смерти и послѣдній изъ нихъ былъ повѣшенъ; Уильямъ Джэксонъ избѣгнулъ этой участи самоубійствомъ, а Тонъ бѣгствомъ...

Вступивъ разъ на эту дорогу, правительство пошло по ней съ ужасающей быстротою. «Въ 1795 году, говоритъ Бѣкль, прошелъ

въ палатахъ законъ, посредствомъ котораго очевидно намѣревались навсегда прекратить всякія публичныя пренія, какъ о политическихъ такъ и о религіозныхъ предметахъ. Этимъ закономъ воспрещалось всякое публичное собраніе, о назначеніи котораго не было объявлено за пять дней въ одной изъ газетъ; въ объявленіи должны были быть изъяснены: цѣль митинга, время и мѣсто, гдѣ онъ долженъ былъ собраться. А чтобы подчинить все дѣло устройства собраній исполнѣ наблюденію правительства, постановлено не только, чтобы публикуемое такимъ образомъ объявленіе было подписываемо домовладельцами, но чтобы еще сохранялась оригинальная рукопись его для свѣденія мировыхъ судей... Постановлено также, чтобы даже послѣ принятія всѣхъ этихъ предосторожностей, каждый отдѣльный судья имѣлъ право заставить митингъ разойтись, если, по его мнѣнію, рѣчи ораторовъ клонились къ тому, чтобы возбудить неуваженіе къ королю или правительству; сверхъ того судья имѣлъ право арестовать тѣхъ, которыхъ онъ признавалъ виновными... Къ этому присовокуплено, что еслибы митингъ состоялъ изъ двѣнадцати человѣкъ и болѣе, и не расходился долѣе одного часа, послѣ даннаго приказанія разойтись, то лица, составлявшія его, подлежали смертной казни, хотя бы двѣнадцать изъ нихъ ослушались произвольнаго приказанія одного безответственнаго должностнаго лица».

«Въ 1799 году былъ изданъ другой законъ, запрещающій собираться для держанія рѣчей или для преній на какомъ бы то ни было открытомъ полѣ или другомъ мѣстѣ, не испросивъ особаго разрѣшенія, именно для этого мѣста отъ мировыхъ судей. Постановлено также, чтобы всѣ бібліотеки и всѣ кабинеты для чтенія были подчинены тому же ограниченію, и никому не позволялось, безъ разрѣшенія установленныхъ властей, давать на прочтеніе въ своемъ домѣ газеты, брошюры и даже всякаго рода книги. Прежде чѣмъ открыть лавку для подобной торговли, нужно было получить разрѣшеніе отъ двухъ мировыхъ судей, которое, впрочемъ, должно было быть возобновляемо, по крайней мѣрѣ, разъ въ годъ и могло быть отмѣнено во всякое время. Если бы кто нибудь сталъ давать книги на прочтеніе, безъ разрѣшенія судей, или же допустилъ въ своемъ домѣ лекціи или пренія о какомъ бы то ни было предметѣ, то за это ужасное преступленіе онъ долженъ былъ подлежать штрафу въ 100 р. стерл. за каждый день, и всякое лицо, содѣйствовавшее

ему, тѣмъ ли что предѣдательствовало при преніи или доставило ему какую нибудь книгу, за каждое изъ этихъ дѣйствій, подлежало штрафу въ 20 ф. стерл. Хозяинъ такого зловреднаго заведенія, кромѣ того что подвергался такимъ раззорительнымъ штрафамъ, подлежалъ еще и дальнѣйшему преслѣдованію, какъ содержатель безнравственнаго дома... Если о человѣкѣ знали, что онъ революціонеръ, то ему постоянно грозила опасность быть арестованнымъ; а если онъ избѣгалъ этого, то за нимъ все-таки слѣдили на каждомъ шагу и вскрывали въ почтовыхъ конторахъ его частныя письма. Въ подобныхъ случаяхъ не стѣснялись ничѣмъ. Нарушалось даже спокойствіе домашней жизни. Ни одинъ противникъ правительства не былъ безопасенъ, даже подъ собственнымъ кровомъ, отъ шпионскихъ доносовъ и сплетенъ прислуги. Вводили раздоръ даже въ нѣдра семействъ, гдѣ родители дѣлались чужды дѣтямъ своимъ. Не только употребляемы были всевозможныя старанія, чтобъ заставить молчать прессу, но даже такъ сильно слѣдили за книгопродавцами, что они не смѣли издать сочиненіе, если авторъ его былъ человѣкъ, навлекшій нерасположеніе правительства... Содержали на жалованьи шпионовъ, подкупали свидѣтелей, присяжныхъ назначали по особому выбору. Кофейные дома, гостиницы и клубы были наполнены шпионами правительства, которые доносили о самыхъ неумышленныхъ выраженіяхъ, произнесенныхъ кѣмъ нибудь въ обыкновенномъ разговорѣ. Если же и этимъ путемъ нельзя было найти никакихъ доказательствъ, то оставалось еще одно средство, которымъ и пользовались нещадно; такъ какъ дѣйствіе акта *habeas corpus* было постоянно приостанавливаемо, то правительство имѣло власть, безъ слѣдствія и безъ всякаго ограниченія, заключать въ тюрьму всякое лицо, которое было неприятно министерству, но преступность котораго нельзя было даже и пытаться доказать».

Для поддержанія такой системы и для веденія войны требовались огромные расходы. Для покрытія ихъ Питтъ прибѣгнулъ къ займамъ и учрежденію новыхъ податей *). Слѣдствіями были голодъ, бѣдность и бунты.

*) Вотъ главнѣйшіе займы и подати: въ 93 году занято 11 м. ф. стерл., наложены подати на спиртные напитки, кирпичи, черепицы и т. п.; въ 94 г. заемъ въ 21 м. и подать на пудру; въ 95 г. занято 18 м. ф. стерл., кромѣ того утверждены многіе новые налоги. Въ 96 кромѣ займа въ 25 м. ф. стерл., подати доставили около 2 м.; въ 97 заемъ простирался до 30 м., налоги до 7 м.

Кромѣ возстаній, о которыхъ мы говорили, въ Лондонѣ въ 1794 г. вспыхнулъ бунтъ, возбужденный жестокостями и обманами вербовщиковъ; нѣсколько домовъ было разрушено, но дѣло не дошло до пролитія крови. Въ Ирландіи отозваніе намѣстника Фицъ-Уильяма, дѣйствовавшаго прогрессивно, произвело также волненіе: негодованіе народа выразилось въ нападеніяхъ на ирландцевъ, служившихъ англійскому правительству: таможня была разграблена, канцлеръ раненъ камнемъ, архіепископъ едва не подвергся той же участи. Въ Бирмингамѣ, Ковентри, Ноттингамѣ и во многихъ другихъ городахъ буштъ произошелъ отъ голода: кварталъ пшеницы стоилъ 108 шиллинговъ. Въ то же время въ Лондонѣ повторились безпорядки по случаю насильственной вербовки: въ нѣкоторыхъ домахъ были выломаны двери и сожжена мебель; у Питта выбили стекла. Черезъ три мѣсяца послѣ того, когда король ѣхалъ въ парламентъ для произнесенія рѣчи, его привѣтствовали свистками [и бранью. Хлѣба! мира!! не надо войны! прочь Питта!—раздавалось со всѣхъ сторонъ. Когда Георгъ поровнялся съ арсеналомъ, въ карету былъ брошенъ изъ духового ружья камень. На обратномъ пути онъ едва не подвергся еще большимъ опасностямъ, но королевская гвардія выручила его. Это происшествіе послужило поводомъ къ безчисленному множеству стѣснительныхъ мѣръ. Противники Питта думали, что это была комедія, разыгранная министрами.;

Гораздо серьезнѣе угрожала опасность съ финансовой стороны: изъ банка правительство вынуло значительныя суммы на субсидіи и военныя издержки. Извѣстіе о намѣреніи директоріи вторгнуться въ Англію заставило многихъ также вытребовать свои капиталы. Директоры обратились къ Питту; онъ убѣдилъ короля издать указъ, запрещающій имъ производить уплату звонкой монетой до рѣшенія парламента. На другой день англійскіе негоціанты собрались подъ предсѣдательствомъ лорда мера и объявили, что принимаютъ билеты банка въ уплату по всѣмъ обязательствамъ и что сами обязуются платить ими; члены королевскаго совѣта присоединились къ нимъ;

въ 98 г. было собрано по добровольной подпискѣ и налогамъ и утверждено субсидій болѣе чѣмъ на 20 м. ф. стер.; въ 99 году, считая 3 м., вынуты изъ банка, сдѣланъ былъ заемъ въ 24 м. ф. стерл. сверхъ того увеличены подати на чай, спиртные напитки и другіе товары; въ 1801 г. передъ отставкою Питтъ получилъ утвержденіе займа въ 27 м. и податей на 1,800,000 фунтовъ.

тайная комиссія, назначенная ревизовать фонды банка, нашла ихъ въ очень хорошемъ состояніи. Кредитъ былъ восстановленъ. Многие писатели, въ томъ числѣ и Стэнгопъ, хвалятъ въ этомъ случаѣ англійскій патріотизмъ. Признаемся, мы здѣсь не видимъ никакого патріотизма; коммерческіе расчеты руководили буржуазіей—и только. Паденіе банка повлекло бы за собой многочисленныя банкротства; личный интересъ заставилъ кредиторовъ быть снисходительными: они были добродѣтельны и патріотичны по-неволѣ. Выгода способна заставить буржуа возвыситься даже до добродѣтели; но подозревать въ немъ честолюбивыя и капризныя тенденціи аристократіи или великодушныя порывы народа—значить не понимать его натурѣ. Черезъ нѣсколько времени въ томъ же году маленькое жалованье и жестокія наказанія взбунтовали матросовъ: они получали то же содержаніе, что и при Карлѣ II, а между тѣмъ цѣна жизненныхъ припасовъ возвысилась болѣе, чѣмъ на тридцать процентовъ; несправедливая раздача денегъ, вырученныхъ за призы и тиранство нѣкоторыхъ адмираловъ и капитановъ представляли серьезныя поводы къ неудовольствію.

Послѣ долгихъ переговоровъ и стараній отдѣлаться обѣщаніями, правительство принуждено было уступить и только такимъ образомъ спаслось отъ блокады Темзы; другая эскадра простерла свои требованія гораздо далѣе: она желала пересмотра и измѣненія военного кодекса и участія матросовъ въ назначеніи офицеровъ на корабли; въ то же время обнаружилось неудовольствіе въ артиллеріи и у инвалидовъ. Парламентскія постановленія, запрещавшія всякое сношеніе съ мятежниками, и ловко веденные переговоры укротили возстаніе. Ричардъ Паркеръ, начальникъ бунтовщиковъ, человекъ съ замѣчательными способностями и чистыми намѣреніями, былъ повѣщенъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ главныхъ сообщниковъ; остальные подверглись тѣлесному наказанію и заключенію въ тюрьму.

Едва это возстаніе было подавлено, какъ поднялась Ирландія. Въ головѣ движенія стояли Артуръ О'Конноръ, лордъ Фицъ-Джеральдъ, Оливье Бондъ, Макъ Невинъ и Томасъ Аддисъ Эмметъ; самымъ важнымъ и даровитымъ дѣятелемъ былъ Фицъ-Джеральдъ, другъ Томаса Пэна. Неприятельскія дѣйствія со стороны Англій начались заключеніемъ въ тюрьму издателей бельфаустской газеты: «Утренняя Звѣзда». Газета отъ этого не измѣнила ни тона, ни направленія; тогда отрядъ солдатъ, посланный по распоряженію высшаго начальства, раз-

рушилъ типографію до основанія. Въмѣсто запрещеннаго журнала появились два новыхъ, печатавшихся съ одной стороны листа, чтобъ ихъ можно было приклеивать какъ афиши. Преслѣдованія усилились: въ 1797 году Уильямъ Орръ былъ повѣшенъ за проповѣди, будто бы отличавшіяся духомъ измѣны и мятежа; Петеръ Финерти, напечатавшій размышленія объ этой казни, былъ присужденъ къ часовой выставкѣ у позорнаго столба и къ двухъ-годовому заключенію въ тюрьмѣ. Вслѣдъ затѣмъ вышла прокламація, обязывавшая отдать мѣстному начальству пики, ружья, сабли и прочее оружіе. Эти распоряженія и постоянные аресты и обыски вызвали возстаніе. Оно было потушено, но страшныя жестокости были совершены съ обѣихъ сторонъ.

Едва это волненіе утихло, какъ начались безпорядки въ Англіи по случаю голода: кварталъ пшеницы дошелъ до 120 шиллинговъ; дождь лилъ потоками, — надо было бояться и за будущую жатву.

Такиѣ же печальныя результаты дала война, веденная Питтомъ съ такимъ ожесточеніемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ большой Бѣрегъ сталъ взывать къ народной ненависти и проповѣдывать поголовное истребленіе французовъ, съ тѣхъ поръ ненависть эта усиливалась вслѣдствіе рѣчей Питта и его товарищей. Онъ не пренебрегалъ никакими средствами вредить непріятелю и не постыдился наводнить Францію милліонами фальшивыхъ ассигнацій. Желаніе мира было всегда у него искусной комедіей; когда же можно было дѣйствительно заключить его, онъ отказывался: когда Баррасъ соглашался на условія, предложенныя Англіей, за два милліона фунтовъ, Питтъ сталъ торговаться и пропускать удобный случай; потомъ, когда первый консулъ написалъ письмо къ Георгу, предлагая ему начать мирныя переговоры, министру не стоило никакого труда убѣдить короля не отвѣчать на это предложеніе; вмѣсто него лордъ Гренивилъ написалъ Талейрану, утверждая, что его величество поднялъ оружіе, чтобъ защищать честь и благосостояніе своихъ подданныхъ и что эта причина не исчезла.

Не смотря на это отвращеніе къ миру, приходилось уступить: побѣды Наполеона лишили Англію всѣхъ ея союзниковъ на континентѣ; страна была истощена налогами; общее негодованіе проглядывало всюду; оппозиція становилась съ каждымъ днемъ сильнѣе; Питтъ понялъ, что по заключеніи мира прежній абсолютизмъ сдѣлается невозможенъ; сверхъ того самолюбіе его жестоко страдало:

на выгодныя условія нечего было надѣяться—для чего же онъ столько потратилъ денегъ, пролилъ крови, совершилъ несправедливостей?.. Онъ рѣшился пасть, но на другомъ вопросѣ.

Мы видѣли, что въ Ирландіи постоянно господствовали стремленія къ уравнию въ правахъ римскихъ католиковъ и протестантскихъ диссидентовъ съ приверженцами англиканской церкви. Когда послѣ долгихъ споровъ, интригъ и подкуповъ Питту удалось соединить Ирландію съ Англіей, стремленія эти обнаружались съ особенной силой, но король былъ всегда противъ нихъ, какъ по убѣжденію, такъ и изъ политическихъ видовъ. Узнавъ, что лордъ Кэстлери (Castlereagh) по возвращеніи изъ Ирландіи написалъ объ этомъ вопросѣ убѣдительное письмо къ Питту, король сказалъ... «я никогда не слыхалъ ничего болѣе якобинскаго; я почти того за личнаго непріятеля, кто предложитъ эту мѣру». На другой день онъ просилъ Аддингтона уговорить Питта не упоминать о ней. Старанія его были напрасны: министръ стоялъ на своемъ и Георгъ съ крайнимъ сожалѣніемъ долженъ былъ согласиться на его отставку.

IV.

Амьенскій миръ былъ заключенъ; Англія удержала изъ всѣхъ завоеваній только острова Цейлонъ и Тринидать; главная ея выгода заключалась въ разрушеніи большей части флота Франціи и Испаніи, что доставило ей окончательное преобладаніе на моряхъ. Буржуазія торжествовала; она побѣдила цѣной народнаго угнетенія, съ помощію Питта; теперь онъ сталъ ненуженъ, и она бросила его и спѣшила воспользоваться плодами своей побѣды. Питтъ зналъ это и несколько не былъ за то въ претензіи. Этотъ холодный умъ понималъ, что выгоды буржуазіи тѣсно связаны съ успѣхами его властолюбія; что при малѣйшей опасности она снова обратится къ нему и будетъ готова цѣной баснословныхъ жертвованій и безпримѣрнаго униженія купить избавленіе отъ торжества демократіи, ненавистной ей болѣе абсолютизма и военнаго деспотизма.

Въ первое время Питтъ поддерживалъ новое министерство Аддингтона и помогалъ ему совѣтами. Расчетъ весьма тонкій! министерство состояло изъ друзей его и любимцевъ короля; онъ не хотѣлъ

разрывать своихъ прежнихъ связей; въ случаѣ успѣха вся слава принадлежала ему, потому что это были люди второстепенные; въ случаѣ неудачи вся вина падала на нихъ, потому что они не умѣли выполнить его совѣтовъ; сверхъ того старый парламентъ оставался ему вѣренъ, и онъ, даже сложивъ званіе министра, могъ пользоваться значительнымъ вліяніемъ; такъ что палаты рѣшились принести ему публичную благодарность за великія и важныя услуги, оказанныя націи. Такое положеніе дѣлъ продолжалось до начала новыхъ недоразумѣній съ Франціей; первый консулъ жаловался на недобросовѣстное выполнение трактата, на то, что англичане не очищаютъ Мальты, продолжаютъ укрывать французскихъ эмигрантовъ и позволяютъ газетамъ рѣзкія выходки противъ французскаго правительства; англичане съ своей стороны жаловались на честолюбивые замыслы перваго консула... Разрывъ можно было предвидѣть; партизаны Питта ободрились; Каннингъ, еще молодой тогда, но уже обнаружившій свой блестящій талантъ, предложилъ поднести адресъ Аддингтону за подписью наиболее вліятельныхъ лицъ, чтобъ онъ передалъ управленіе Питту; но тотъ узнавъ объ этомъ намѣреніи и поспѣшилъ отвратить его, уговоривъ своихъ поклонниковъ не дѣлать такого бесполезнаго скандала. Онъ рѣшился достигнуть своей цѣли другимъ путемъ; чувствуя, что бездарное министерство надѣлаетъ кучу промаховъ и не устоитъ передъ нападѣніями оппозиціи, онъ отказался давать ему совѣты. Вслѣдствіе этого Аддингтонъ вздумалъ привлечь Питта, предложивъ ему мѣсто статсъ-секретаря или канцлера казначейства; мѣсто же перваго министра онъ предоставлялъ лорду Чатаму, брату Питта; мѣсто перваго лорда адмиралтейства—Дундасу, усердному и вѣрному товарищу бывшаго министра. Эти предложенія не были приняты; тогда Аддингтонъ согласился уступить ему свое мѣсто съ тѣмъ только, чтобъ предварительно условиться съ нимъ относительно будущей политики; но изъ разговора съ нимъ увидѣлъ, что ему не удастся сохранить и малѣйшей доли власти: Питтъ предложилъ ему быть ораторомъ въ палатѣ лордовъ и получить титулъ виконта, предоставляя себѣ право устроить кабинетъ какъ вздумается. Всѣ старанія Аддингтона измѣнить эти условія остались напрасны, и онъ съ крайнимъ сожалѣніемъ долженъ былъ прекратить переговоры съ непреклоннымъ честолюбцемъ.

Война была объявлена; Питтъ произнесъ рѣчь въ защиту военныхъ дѣйствій; Фоксъ по обыкновенію говорилъ въ пользу мира,

но онъ потерпѣлъ поражене; большинство было слишкомъ на триста голосовъ. Питтъ продолжалъ дѣйствовать въ томъ же духѣ во все время министерства Аддингтона. Какъ лордъ-хранитель пяти портовъ, онъ неутомимо заботился объ укрѣпленіи ихъ и обученіи волонтеровъ. На предложеніе Гренвиля соединиться съ Фоксомъ онъ отвѣчалъ отказомъ, не желая ни съ кѣмъ дѣлить власти; не смотря на то Фоксъ поддерживалъ его всякій разъ какъ только находилъ предложенія его согласными съ своими принципами; общая польза руководила этимъ замѣчательнымъ государственнымъ челоукомъ; онъ зналъ, что нападая на министерство, онъ открываетъ дорогу Питту, но мелкія соображенія эгоизма были ему несвойственны.

Наконецъ, желанія Питта исполнились: министры подали въ отставку; король обратился къ нему для составленія новаго министерства съ тѣмъ только, чтобъ въ немъ не было Фокса. Эти желанія согласовались съ видами Питта, но онъ прикинулся великодушнымъ и настаивалъ на допущеніи своего противника въ составъ кабинета; когда же Георгъ продолжалъ упорствовать, онъ уступалъ. Въ тотъ же день онъ сообщилъ объ этомъ Гренвилямъ и Фоксу. Послѣдній отвѣчалъ, что ожидалъ этого и не желаетъ служить препятствіемъ къ какимъ бы то ни было комбинаціямъ; вслѣдствіе того онъ написалъ къ своимъ друзьямъ, совѣтуя имъ присоединиться къ министерству Питта; но они не согласились.

Не смотря на это ослабленіе своей партіи, Питтъ твердо держался воинственной политики. Когда Ливингстонъ прибылъ въ Англію и сообщилъ Фоксу о желаніи императора заключить миръ, онъ не далъ дальнѣйшаго хода этому предложенію, основываясь на томъ, что оно не было сдѣлано обыкновеннымъ дипломатическимъ путемъ. Оппозиція напала на него. Питтъ искусно защищался, но министерское большинство было весьма незначительно; чтобъ усилить его, онъ примирился съ Аддингтономъ, который отступился отъ новыхъ друзей за мѣсто президента совѣта и титулъ виконта Сидмута (Sidmouth). Укрѣпившись такимъ образомъ, Питтъ смѣло отвергнулъ новыя мирныя предложенія, сдѣланныя Наполеономъ Георгу, подъ тѣмъ предлогомъ, что будто они не искренны, потому что не заключаютъ въ себѣ подробностей. Этотъ отказъ едва не подвергнулъ Англію величайшей опасности: раздраженный императоръ собралъ громадныя силы для высадки; для предупрежденія ея Питтъ принужденъ былъ при-

бѣгнуть къ составленію новой коалиціи, что потребовало огромныхъ субсидій—и вотъ снова начались займы и налоги.

Австрія отвлекла грозу; булонскій лагерь опустѣлъ; министерство могло вздохнуть свободнѣе; Аддингтонъ сталъ болѣе ненуженъ; Питтъ день за день отлагалъ исполненіе второстепенныхъ условій мира съ нимвъ и не давалъ никакого мѣста ни одному изъ его приверженцевъ. Аддингтонъ нѣсколько разъ хотѣлъ подать въ отставку, но всякій разъ былъ удерживаемъ отъ того министромъ; наконецъ, мѣра терпѣнія его истощилась и онъ удалился отъ дѣлъ. Эта отставка усилила оппозицію. Питтъ вздумалъ ослабить ее, принявъ въ составъ кабинета нѣкоторыхъ изъ друзей Фокса или Гренвиля; но король былъ рѣшительно противъ всякаго сближенія съ либералами...

Между тѣмъ здоровье Питта съ каждымъ днемъ становилось хуже; извѣстіе о капитуляціи Макка поразило его какъ громомъ; онъ не хотѣлъ сначала вѣрить этому слуху и убѣдился только, когда прочиталъ подробности въ голландскихъ газетахъ. Побѣда при Трафальгарѣ ободрила его; казалось, прежніе ясные дни воротились; громовыя рукоплесканія и восторженные крики привѣтствовали его, когда онъ отправился на официальный обѣдъ, данный лордомъ меромъ... Но это былъ послѣдній лучъ свѣта. Аустерлицкая битва неисцѣлимо потрясла его измученный организмъ, тѣмъ болѣе, что сначала распространилась вѣсть о побѣдѣ союзниковъ. Ни батскія воды, ни старанія докторовъ не могли спасти его, и въ четвергъ 23 января 1806 г., онъ послѣ медленной агоніи скончался.

Правленіе Питта лучше всего показываетъ несостоятельность англійской конституціи и незначительное развитіе народа. Что же это была за конституція, которая позволяла министру дѣйствовать съ такой неограниченной властью, позволяла ему нарушать коренныя установленія страны? Что же это были за представители, которые подобно баранамъ шли за нѣкоторыми болѣе значительными лицами и вотировали кромѣ рѣдкихъ случаевъ, не по убѣжденію, а по личнымъ расчетамъ? Невѣжество и тупоуміе ихъ встрѣчаются на каждомъ шагу: то они возстаютъ противъ Уильбефорса за его билль объ уничтоженіи торговли неграми, то поощряютъ національную ненависть и религіозную нетерпимость. Бекль приписываетъ это вліянію Георга III, но вліяніе его при энергическихъ либеральныхъ министрахъ было весьма ограничено. Чатамъ и Фоксъ умѣли соглашать его на мѣры, совершенно противоположныя его тенденціямъ. Намъ кажется, что сила Питта

заклучалась въ буржуазіи, что это сословіе достигло въ то время полного торжества, что интересы его совпали съ интересами короля, старавшагося подавить всё либеральныя и демократическія стремленія въ воемъ королевствѣ; Питтъ былъ не болѣе какъ талантливый чиновникъ, но онъ превосходно подходилъ подъ эти требованія: его твердая воля и практическій конторскій умъ ручались, что онъ въ состояніи остановить ненавистное движеніе; онъ стоялъ за однообразіе и порядокъ, онъ желалъ прогресса, но съ тѣмъ, чтобъ онъ двигался черепашьимъ шагомъ—чего же еще болѣе буржуазіи. *Argès nous le deluge*, любимая фраза Людовика XV, сдѣлалась любимой фразой и этого сословія: оно не прочь было отъ какихъ угодно реформъ, но съ тѣмъ, чтобъ онѣ совершились впоследствии, и безъ особенныхъ убытковъ для кармана. Филантропія буржуазіи была въ счетной книгѣ; ея вѣра въ «колокольномъ звонѣ»;—король и Питтъ чудесно удовлетворили этому идеалу; первый могъ имѣть значительное вліяніе только при такомъ умственномъ состояніи общества послѣдній былъ силенъ не самъ собой, какъ Фоксъ, но силой заимствованной; онъ былъ уменъ, но этотъ умъ былъ близорукъ; онъ былъ краснорѣчивъ; но краснорѣчіемъ рутины и риторики; онъ заставлялъ говорить о себѣ, при немъ совершились великія событія, при немъ Англія боролась съ величайшимъ военнымъ гениемъ;—но въдь и Геростратъ и Неронъ заставляли говорить о себѣ, великія событія совершались и при Людовикѣ XIV, а величайшій военный геній былъ мелкій трусъ передъ новыми идеями—единственной серьезной опасностью Англіи.

Въ чемъ же заключается слава Питта, въ чемъ его величіе? Въ томъ, что онъ поддержалъ духъ преданія, столь драгоценный англичанамъ, что онъ вознесъ господствующее сословіе еще на большую высоту. Современники его, кромѣ нѣкоторыхъ, стояли передъ нимъ на колыняхъ, и потому онъ долженъ былъ показаться имъ великимъ, а историческая рутина до сихъ поръ не научилась отдѣлять великія злодѣянія отъ великихъ дѣлъ.

Теперь нѣсколько словъ о самой книгѣ; она представляетъ разведеніе статьи Маколе о Питтѣ на 4 тома съ той разницей, что лордъ Стэнгопъ старается оправдать его отъ всѣхъ обвиненій, можетъ быть, по родственному чувству. Но всѣ умствованія его далеко не достигаютъ цѣли: приведенные факты неудовлетворительны, а выводы натянуты; незнаніе французской революціи обнаруживается

на каждомъ шагѣ: онъ даже называетъ Леопольда тосканскаго отцомъ Маріи Антуанеты (Vol. II. page 151). Не опечатка ли это? Но зачѣмъ же вы взяли для разбора такую книгу? возразятъ читатели. Затѣмъ, что насъ интересуетъ вопросъ, а не книга. Капитальныя произведенія, какъ исторія цивилизаціи Бёкля или *Les Misérables* В. Гюго появляются слишкомъ рѣдко, по причинамъ извѣстнымъ всѣмъ, внимательно слѣдящимъ за политикой, и потому мы принуждены бываемъ часто брать для разбора книги, которыя сами по себѣ неважны, но касаются важныхъ вопросовъ. Настоящее время есть царство брошюры и журнала, эпоха обобщенія идей; для публики важно не столько мелкое изученіе фактовъ и строгая система въ изложеніи, сколько вѣрная оцѣнка эпохи и разсматриваемой личности, и точное опредѣленіе ихъ значенія въ исторіи народнаго развитія.

В. Пелевъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

МОСКВА И НОВГОРОДЪ. СВЕРНОРУССКІЯ НАРОДОПРАВСТВА ВО ВРЕМЕНА
УДѢЛЬНО-ВЪЧЕВОГО УЧЛАДА, соч. Н. Костомарова. Изданіе Д. Е. Ко-
жанчикова. 2 тома. 1863 года.

Въ послѣднее время наша критика осуждена на самое жалкое бездѣйствіе; за неимѣніемъ капитальныхъ произведеній, она роется среди разнаго печатнаго мусора, въ которомъ не знаешь, чего меньше—ума или добросовѣстности. Литература, при всемъ видимомъ развитіи своей дѣятельности, поражена такимъ беспліемъ, какого она уже давно не испытывала; въ ней замѣтно даже отсутствіе того честнаго такта, которымъ она, кажется, больше всего дорожила. Между полемикой и доносомъ почти потеряно всякое различіе; между литературной приживалкой, въ родѣ Ап. Григорьева или Вс. Крестовскаго, и писателемъ съ убѣжденіями едва замѣчаешь нравственную границу. Среди литературныхъ именъ встрѣчаются люди, которымъ удивляешься, какъ они могли попасть не въ свое мѣсто. Въ нестройномъ гулѣ словъ и разныхъ неприличныхъ выходокъ живая мысль какъ будто замерла.

Въ такое время появленіе хорошей книги должно радовать критику. Хорошая книга заставляет думать; производит болѣе или менѣе цѣльное впечатлѣніе и возвышаетъ интересъ самой критики. Человѣческая мысль живетъ и освѣжается раздраженіемъ отъ окружающихъ явленій, и если разбираемый авторъ выводитъ читателя и критика изъ обыкновенной умственной апатіи,—этой неизлечимой болѣзни нашего общества,—то такой писатель имѣетъ полное право на вниманіе.

Талантъ г. Костомарова всегда имѣлъ нѣкоторую долю этого оживляющаго вліянія, особенно въ его первыхъ произведеніяхъ. Когда онъ былъ молодъ и сплелъ своими стремленіями, когда его художественная натура брала верхъ надъ ремесломъ ученаго, его читали съ наслажденіемъ. Какъ художникъ, г. Костомаровъ никогда не ошибался въ своихъ симпатіяхъ и былъ очень счастливъ въ выборѣ предметовъ; онъ особенно сочувствовалъ тѣмъ эпохамъ и дѣятелямъ, въ которыхъ сильнѣе и ярче выразились черты народной жизни. И въ этомъ отношеніи русская исторія многимъ обязана ему.

Вступая на профессорскую кафедру, г. Костомаровъ заявилъ свое profession de foi въ слѣдующемъ общаніи: «При чтеніи исторіи русскаго народа, говорилъ онъ, мы будемъ обращать вниманіе на такія явленія, которыя откроютъ намъ нравственное бытіе народа и его духовную дѣятельность. Мы не станемъ слѣдовать за утомительнымъ рядомъ княжескихъ усобицъ и войнъ съ иноземцами; но выберемъ изъ нихъ только то, что укажетъ намъ степень народнаго участія въ нихъ, народный взглядъ на нихъ и вліяніе ихъ на жизнь народную. Мы не остановимся даже на какомъ нибудь громкомъ государствешномъ событіи болѣе того, сколько требовать этого будетъ уразумѣніе воздѣйствія его на народный бытъ и воспитаніе; мы не станемъ преклоняться предъ біографіею лицъ, выходящихъ изъ массы: для насъ они будутъ важны единственно потому, что они принесли съ собою изъ массы и что сообщили массѣ ихъ дарованія. Намъ не будетъ важенъ никакой законъ, никакое учрежденіе сами по себѣ, а только приложеніе ихъ къ народному быту; насъ не займетъ никакой литературный памятникъ, если мы не будемъ видѣть въ немъ ни выраженія народной мысли, ни той силы, которая пробуждаетъ эту мысль; въ такомъ

случаѣ для насъ гораздо важнѣе народныя пѣсня, даже полная анахронизмовъ въ изложеніи виѣшняго событія. Если мое чтеніе приметъ образъ непрерывнаго повѣствованія, то преимущественно въ тѣхъ эпохахъ, когда проявляется народная самодѣтельность. Что для историка, имѣющаго на первомъ планѣ государственную жизнь, составляетъ неважныя черты, у насъ будетъ предметомъ первой важности. Такъ напримѣръ, повѣствованія нашихъ лѣтописцевъ о неурожаяхъ, наводненіяхъ, пожарахъ и разныхъ бѣдствіяхъ, заславлявшихъ народъ страдать, о затмѣніяхъ и кометахъ, пугавшихъ его воображеніе, для нашего способа изложенія будутъ гораздо важнѣе многого». (Вступит. лекція. Рус. Слово. 1859 г. кн. XII).

Такой взглядъ на исторію, какъ замѣчаетъ самъ г. Костомаровъ, не заключаетъ въ себѣ ничего новаго; онъ давно примѣненъ къ изученію историческихъ народовъ и вездѣ оказался плохимъ въ своемъ исполненіи, потому что для массъ еще не наступила исторія въ-томъ смыслѣ, какъ понимаютъ ее въ наше время. Историкъ изучаетъ дѣйствія людей, какъ свободное проявленіе ихъ воли и ума, а такой дѣятельности отжившіе народы не имѣли. За нихъ и насчетъ ихъ дѣйствовали различныя партіи, выдѣлявшіяся изъ массы и болѣе или менѣе безусловно распоряжавшіяся массами. Нѣтъ сомнѣнія, что между народомъ и его правителями всегда можно отыскать известную правдивую солидарность, взаимное ручательство за прочность отношеній обѣихъ сторонъ; но эта солидарность часто бываетъ слѣдствіемъ необходимости и, за искусственной обстановкой общественныхъ формъ, скрываетъ полнѣйшее отсутствіе свободной дѣятельности. А тамъ, гдѣ нѣтъ ея, не можетъ быть и исторіи. Древніе юристы, разсматривая пассивное положеніе раба, какъ существа безличнаго и безгласнаго, считали его простой вещью и цѣнили наравнѣ съ рабочимъ скотомъ. Само собою разумѣется, что съ такимъ сословіемъ исторіи нечего дѣлать. Но въ такомъ положеніи иногда находятся цѣлыя народы, какъ напримѣръ, почти всѣ восточныя племена, у которыхъ народная самодѣтельность была убита въ самомъ источникѣ ея зарожденія. У такихъ племенъ, какъ у древнихъ рабовъ, могутъ существовать преданія, сказки, преувеличенныя и искаженныя воспоминанія о прошлыхъ поколѣніяхъ, занимавшихъ сцену историческаго дѣйствія, но не можетъ быть исторіи въ точномъ значеніи этого слова. Даже у народовъ европейскихъ

самодѣятельность массъ проявлялась только спазматически, въ эпохи великихъ переворотовъ или общенародныхъ бѣдствій, но постепеннаго развитія и здѣсь она не имѣла. Поэтому историку, съ самымъ про- ницательнымъ взглядомъ на вещи и съ самымъ богатымъ запасомъ матеріаловъ, нѣтъ возможности представить полную и удовлетворитель- ную исторію какого бы то ни было народа. Такая задача, какъ она ни привлекательна съ перваго взгляда, оказывается очень интерес- ной, но совершенно бесполезной мечтой.

Есть впрочемъ одна сторона въ жизни современныхъ народовъ, сторона чисто-нравственная, которую историкъ можетъ изучать по- мимо общественныхъ условій той или другой страны. Это—извѣст- ный складъ умственной дѣятельности народа, развитіе его понятій, вѣрованій и воззрѣній на окружающіе предметы; но и здѣсь массы недалеко ушли отъ своего допотопнаго состоянія, и я затруднился бы указать различіе между смердомъ, современнымъ Рюрику, и крѣ- постнымъ человѣкомъ, современнымъ историку Костомарову. Говоря вообще, привилегіи ума вездѣ принадлежали отдѣльнымъ классамъ и не были доступны бѣдной и самой многочисленной части народа. Притомъ въ умственной жизни перемѣны происходятъ медленно, го- раздо медленнѣе, чѣмъ въ социальныхъ и гражданскихъ отношеніяхъ. Извѣстныя вѣрованія переживаютъ вѣка и, когда кругомъ ихъ все падаетъ и разрушается, они одни остаются цѣлыми. Эта живучесть старыхъ понятій объясняется не столько ихъ внутреннимъ достоин- ствомъ, сколько недостаткомъ средствъ, возбуждающихъ нашу мысль къ правильной работѣ и трудностію пріобрѣтенія новыхъ идей. По- этому и здѣсь историкъ долженъ остановиться на явленіяхъ отдѣль- ныхъ, часто не имѣющихъ никакой органической связи съ жизнью самаго народа. Кромѣ того, событія умственной жизни такъ неуло- вимы, слагаются такъ незамѣтно, что изученіе ихъ требуетъ отъ историка необыкновенныхъ усилій. Когда онъ занимается политиче- скими фактами и оцѣниваетъ ихъ критически, у него есть много дан- ныхъ, сохранившихся въ письменныхъ и изустныхъ сказаніяхъ; но когда онъ начинаетъ слѣдить за умственнымъ движеніемъ народа и разными проявленіями его мысли, тогда подъ рукой его оказывается очень мало положительныхъ источниковъ. Литературные памятники не дадутъ вѣрнаго и полного понятія о томъ, что думалъ и чувство- валъ народъ во время составленія ихъ. Они представляютъ уже иска-

женныя понятія, свойственныя извѣстному кружку, отдѣлившемуся отъ массы. Такъ, напримѣръ, историкъ впалъ бы въ страшную ошибку, если бы сталъ судить объ умственномъ состояніи всей древней Россіи по тѣмъ монашескимъ лѣтописямъ, которыя дошли до насъ. Точно также было бы ошибочно, если бы будущій историкъ XX вѣка, на основаніи нашей настоящей литературы, вывелъ общее заключеніе объ умственной жизни всего народа. Литературныя идеи могутъ составляться совершенно независимо отъ большинства народа и даже во вредъ ему; онѣ вырабатываются такъ называемымъ образованнымъ обществомъ и ему же предлагаются. Мы не знаемъ на земномъ шарѣ ни одной литературы, которая бы могла служить мѣрой народнаго развитія; напротивъ, самыя цвѣтуція, аристократическія литературы почти вездѣ доказываютъ крайнюю отсталость и глубокое невѣжество массы. Это понятно: усиленная умственная дѣятельность отдѣльныхъ сословій, при настоящемъ экономическомъ порядкѣ, слишкомъ далеко отъ правильного распредѣленія какъ матеріальныхъ, такъ и нравственныхъ силъ, идетъ прямо въ разрѣзъ съ образованіемъ большинства... Поэтому историкъ народной жизни напрасно сталъ бы искать въ литературныхъ произведеніяхъ точнаго масштаба для оцѣнки умственныхъ силъ массы. Понятія и вѣрованія ея, находясь внѣ всякаго вліянія искусственной цивилизаціи, формируются на основаніи тѣхъ впечатлѣній, которыя производитъ окружающая природа на мозгъ человѣка. Отъ разнообразія и годности этихъ впечатлѣній и отъ большей или меньшей способности воспринимать ихъ-зависитъ направленіе и качество умственной дѣятельности народа. Притомъ развитіе человеческого организма и непремѣнно связаннаго съ нимъ мыслительнаго силы обуславливаются мѣстными свойствами страны — климатомъ, обиліемъ или недостаткомъ водъ, хорошей или дурной пищей, плодородіемъ или нищетой почвы и т. п. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ естественныхъ дѣятелей, складываются племенные типы и разнообразныя формы общественныхъ конституцій. Для историка нашего времени, желающаго представить дѣйствительную народную жизнь, изученіе ея должно начинаться прямо съ физическихъ условій страны; прежде чѣмъ онъ станетъ рассказывать намъ о ходѣ событій и объ участіи въ нихъ народнаго ума и воли; ему необходимо обратиться къ самому источнику этихъ событій — къ способности человѣка понимать свое положеніе и устроять его въ свою пользу; а такъ какъ эта способность образуется подъ влія-

нiемъ физическихъ условiй, постоянно дѣйствующихъ на развитiе народа, то историкъ долженъ быть прежде всего хорошимъ натуралистомъ. Знанiе природы и отношенiй ея къ дѣйствiямъ человѣка составляетъ главную задачу современной исторической науки. Къ сожалѣнiю, въ этомъ отношенiи сдѣлано такъ мало, что исторiя попрежнему остается не наукой въ строгомъ смыслѣ, а собранiемъ произвольныхъ гипотезъ и фантастическихъ легендъ. Поэтому всѣ попытки, предпринятыя доселѣ для изученiя народной жизни той или другой страны, не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Наши историки даже не сдѣлали и попытокъ, остановившись на томъ методѣ изученiя русскаго народа, который былъ годенъ лѣтъ за тридцать прежде.

Авторъ «Сѣвернорусскихъ народоправствъ» вполне раздѣляетъ недостатки той исторической школы, къ которой онъ принадлежитъ. Придавая серьезное значенiе народнымъ вымысламъ и небеснымъ знаменiямъ, созданнымъ мистической фантазiей лѣтописцевъ, онъ въ то же время пренебрегаетъ такими данными, безъ которыхъ можно заблудиться въ историческомъ изученiи, какъ въ дремучемъ лѣсу. Такъ, объясняя первоначальное заселенiе новгородскаго края, г. Костомаровъ прибѣгаетъ къ сказкѣ, наполненной очевидными нелѣпостями, и почти ничего не говоритъ о мѣстномъ характерѣ страны, занятой новгородскими поселенцами. Изъ разсказа историка не видно, почему на берегахъ Ильмена начинается раньше общественная жизнь, чѣмъ, напримѣръ, на берегахъ Волги, и почему эта жизнь принимаетъ совершенно иной характеръ, чѣмъ въ остальныхъ оедрацiяхъ славянскаго племени. Вообще г. Костомаровъ, придерживаясь вѣдшихъ фактовъ такъ, какъ передаютъ ихъ лѣтописи, не освѣщаетъ ихъ своими критическими соображенiями и многое оставляетъ догадкамъ самого читателя. Но мы уже сказали, что г. Костомаровъ преимущественно художникъ, и слѣдовательно строго относиться къ его ученымъ выводамъ нельзя. Какъ знатокъ фактическихъ подробностей, какъ добросовѣстный собиратель историческихъ данныхъ, онъ стоитъ гораздо выше своихъ собратiй по наукѣ, но ему одинаково съ ними недостаетъ полнаго и новаго взгляда на исторiю человѣческихъ обществъ. Поэтому онъ остается полнымъ хозяиномъ собранныхъ имъ матеріаловъ только до тѣхъ поръ, пока надо связать ихъ въ одно цѣлое, расположить по готовому плану,—

но дать своему построению оригинальный характер онъ не можетъ. Кромѣ того мы не въ правѣ требовать отъ разбираемой нами книги строго ученаго труда; г. Костомаровъ предлагаетъ публикѣ исторію Новгорода, Пскова и Вятки подѣ скромнымъ названіемъ лекцій, читанныхъ имъ студентамъ университета. Само собою разумѣется, что профессоръ долженъ былъ въ своихъ чтеніяхъ примѣняться къ степени развитія своихъ молодыхъ слушателей и, вѣроятно, многимъ жертвовалъ въ пользу аудиторіи. По крайней мѣрѣ такъ кажется намъ; многое можно было бы выбросить изъ книги, безъ особеннаго вреда достоинству ея, и многое можно было бы прибавить. Такъ бытовая сторона Новгорода и отношенія его къ остальнымъ русскимъ городамъ представлены историкомъ гораздо подробнѣе, чѣмъ внутренняя организація республики. На сотни страницъ мы читаемъ, что великій Новгородъ поссорился съ такимъ-то княземъ за то-то, прогналъ отъ себя такого-то князя за лихоимство, одному предложилъ какія-то условія, а другому другія, а между тѣмъ мы не видимъ, какія обстоятельства подорвали независимость Новгорода внутри его, когда Москва приготовилась нанести ему послѣдній, смертельный ударъ извнѣ; мы также ничего не узнаемъ о вліяніи иностранныхъ націй на развитіе новгородскаго общества, а что это вліяніе было довольно значительно—въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Цѣлую главу г. Костомаровъ отводитъ описанію церковныхъ дѣлъ и монастырскаго устройства, и ни одной страницы не удѣлил на то, чтобы сказать объ умственномъ состояніи новгородскаго общества; а между тѣмъ это общество находилось въ постоянныхъ сношеніяхъ съ европейскими народами, отличалось гостепримствомъ съ иностранцами и, когда жители другихъ городовъ едва ли имѣли понятіе о томъ, что за предѣлами Россіи живутъ такіе же люди, новгородцы свободно путешествовали за границей и проживали тамъ, какъ дома. Нѣтъ сомнѣнія, что кромѣ торговыхъ дѣлъ между Новгородомъ и Европой могъ образоваться обмѣнъ другихъ интересовъ, обмѣнъ идей и цивилизаціи. Существованіе этой нравственной связи подтверждается тѣмъ, что новгородцы любили иностранцевъ и вовсе не чуждались ихъ, подобно москвитянамъ. Герберштейнъ, говоря о характерѣ послѣднихъ, отзываясь о нихъ въ самыхъ неслестныхъ выраженіяхъ, а первыхъ называетъ народомъ честнымъ и гуманнымъ. Откуда же могла взяться честность и гуманность новгородскаго общества, еслибъ оно стояло на одинаковомъ уровнѣ образованія съ

московской Россіей? Но г. Костомаровъ, такъ тщательно перебирающій разныя археологическія мелочи, какъ будто съ намѣреніемъ умалчиваетъ о такомъ фактѣ, какъ образованіе промышленнаго и торговаго края.

Не менѣе того удивляетъ насъ крайняя близорукость историка въ самыхъ простыхъ соображеніяхъ, которыя такъ необходимы для разъясненія событій, лишенныхъ всякаго смысла, если оставить ихъ въ голомъ перечнѣ историческаго разсказа. Касаясь, напримѣръ, состава военныхъ силъ Новгорода, г. Костомаровъ замѣчаетъ, что «новгородцы сражались мечами, сѣкирами, палицами, сулицами и стрѣлами. Въ XV вѣкѣ стали употреблять пушки, но по старой привычкѣ не оставляли стрѣлъ и лука». Вотъ и все, что нашелся сказать историкъ объ употребленіи огнестрѣльнаго оружія въ оборонѣ новгородской земли; а между тѣмъ этотъ, повидимому, ничтожный фактъ имѣетъ громадное значеніе въ судьбѣ новгородской свободы. Какъ бы ни усилилась Москва, какъ враждебная стихія великому Новгороду, какъ бы далеко ни простирались самодержавныя цѣли Іоанна III, но не случись изобрѣтенія пороха, борьба двухъ непріязненныхъ народностей не кончилась бы такъ скоро и такъ губельно для новгородцевъ. Введеніе огнестрѣльнаго оружія, измѣнивъ систему войны, привело къ необходимости имѣть постоянныя войска, которыя въ свою очередь содѣйствовали развитію политической централизаціи и дали явный перевѣсъ абсолютизму европейскихъ правительствъ. Отсюда начинается поглощеніе слабыхъ народовъ болѣе сильными, и на всемъ европейскомъ пространствѣ только одна Англія уцѣлѣла отъ военнаго деспотизма, измѣнившаго географическую карту по его личному произволу. Какъ скоро Москва обзавелась пушками и постоянной ратью, послѣдній часъ новгородской независимости безвозвратно пробилъ, и можно было только отсрочить минуту ея паденія, но не избѣжать его. Новгородъ, какъ страна промышленная, вниманіе которой было поглощено совершенно другими интересами, чѣмъ военныя упражненія, никогда не могъ поравняться съ Москвой въ этомъ отношеніи, и рано или поздно долженъ былъ ожидать рѣшительнаго пораженія со стороны московскихъ князей. Въ виду этой опасности онъ даже не позаботился организовать постоянное войско и укрѣпить свои пограничныя линіи. Съ равнодушіемъ, понятнымъ только среди чисто-гражданскаго общества, занятого своими

внутренними дѣлами, онъ смотрѣлъ на возраставшаго врага и по-прежнему думалъ, что въ случаѣ бѣды можно откупиться деньгами, зная по опыту лихоимство русскихъ князей. Но этого было мало, когда сдѣлалось возможнымъ взять больше. Притомъ Новгородъ такъ недалековидно дѣйствовалъ по отношенію къ своимъ союзникамъ, что не сумѣлъ заинтересовать ихъ въ свою пользу и, когда пришло время поборотся съ московской силой, онъ былъ одинъ, и никто не явился къ нему на помощь. Онъ даже не поддержалъ дружественныхъ отношеній съ такимъ естественнымъ союзникомъ, какъ Псковъ, измѣнившимъ своему брату, въ самую критическую минуту. Можно было еще рассчитывать на старыя антипатіи удѣльныхъ князей и въ случаѣ надобности найдти между ними своихъ сторонниковъ; но эти антипатіи со временемъ ослабѣли и отъ самостоятельности удѣловъ осталась одна тѣнь ихъ прежняго могущества. Такимъ образомъ оставалось положиться на самого себя и, собравъ несгройныя толпы своихъ *рубленыхъ* и *огочихъ* ратниковъ выставить ихъ противъ московскаго войска. Нетрудно было предвидѣть, на чьей сторонѣ останется побѣда. Это обстоятельство такъ важно, что читатель въ правѣ ожидать отъ г. Костомарова хоть нѣкотораго вниманія къ нему, но историкъ разсудилъ за лучшее разсказать намъ сказочку о Гостомыслѣ, чѣмъ взвѣсить вліяніе огнестрѣльнаго оружія на судьбу Новгорода.

Точно также мало удовлетворяютъ наше историческое чувство и другіе предметы, затронутые г. Костомаровымъ, и затронутые тѣмъ легче, чѣмъ они серьезнѣе. Коснувшись «общественныхъ бѣдствій», опустошавшихъ Новгородъ, историкъ представляетъ довольно подробную таблицу пожаровъ. Въ такомъ-то году, повѣствуетъ онъ, сгорѣло столько-то церквей, а въ такомъ-то выгорѣла цѣлая улица такая-то, а въ такомъ-то столѣтіи было столько-то пожаровъ и т. д. Но отъ подобныхъ подробностей историкъ могъ бы легко освободить себя. Намъ извѣстно его знаніе лѣтописей и добросовѣстное обращеніе съ ними, мы повѣрили бы ему и на слово, что Новгородъ горѣлъ часто и сильно. Не повѣрить этому нельзя, потому что всякій знаетъ, что бродячее народонаселеніе древней Руси не заботилось о солидной постройкѣ своихъ жилищъ, что оно ставило свои избенки «на курьихъ ножкахъ», болѣе отъ дождя и холода, чѣмъ для постоянного жилья, и готово было во всякое время бросить ихъ и перебраться изъ одной мѣстности въ другую; всякій знаетъ и то, что

деревянная Россія, не защищенная отъ крѣпкихъ вѣтровъ, почти сплошь покрытая соломой и хворостомъ, всегда была подвержена страшнымъ опустошеніямъ огня, и что Новгородъ въ этомъ случаѣ не составлялъ исключенія изъ общаго правила. Кромѣ пожаровъ Новгородскій край испытывалъ и другія бѣдствія—повальные болѣзни, неурожай и наводненія. При описаніи этихъ золъ, поражавшихъ воображеніе тогдашняго суевѣрнаго люда мистическимъ страхомъ, лѣтописцы впадаютъ въ религиозный экстазъ и въ физическихъ явленіяхъ природы видятъ участіе сверхъестественныхъ силъ. Историкъ нашего времени, при взглядѣ на эти событія, долженъ осмыслить ихъ причины и значеніе; современная наука даетъ ему нѣкоторыя данныя для объясненія фактовъ, которые казались прежде необъяснимыми; онъ долженъ показать ихъ вліяніе на общій ходъ производствъ, — не только на тѣхъ людей, которые подверглись этимъ бѣдствіямъ, но и на послѣдующія поколѣнія, которыя для мыслящаго историка не прерываютъ своей связи съ прошлыми эпохами. И такъ какъ вліяніе это можно разсматривать съ двухъ сторонъ—съ нравственной и экономической, то историкъ обязанъ представить и ту и другую сторону: его дѣло освѣтить передъ читателемъ тѣ послѣдствія, которыми сопровождался, напримѣръ, моровыя повѣтрія въ умственномъ состояніи общества;—какъ они дѣйствовали на его образъ мыслей и чувствъ и какіе слѣды оставляли въ его моральномъ быту. Точно также интересно знать, на сколько общее благосостояніе страны зависѣло отъ тѣхъ непредвидѣнныхъ и случайныхъ препятствій, съ которыми суждено было человѣку бороться. Немного я прибавлю къ своимъ свѣдѣніямъ, если узнаю отъ историка, что Новгородъ въ XIII или XIV вѣкѣ потерпѣлъ нѣсколько неурожаевъ и голодныхъ моревъ; въ этомъ едва ли кто сомнѣвается. Всякій также знаетъ, что новгородская почва, покрытая густыми лѣсами и болотами, плохо воздѣлываемая бѣднымъ и грубымъ населеніемъ, не отличалась особеннымъ плодородіемъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ хотѣлось бы знать, какое направленіе сообщила эта почва экономическимъ силамъ народа и къ какому роду дѣятельности расположила его съ теченіемъ времени. Лѣтописецъ говоритъ, что льготная грамота Ярослава дала Новгороду гражданскую автономію и политическую свободу; но грамота сама по себѣ мертвая буква, которой надо было воспользоваться живому обществу. Подобныя грамоты давались и другимъ городамъ, гдѣ также были свой судъ и свои вѣча; но эти города утратили

свою вольность прежде, чѣмъ оцѣнили ея хорошіе результаты, а Новгородъ утвердилъ ее за собой и долго отстаивалъ; слѣдовательно здѣсь Ярославова грамота нашла общество готовымъ и способнымъ удержать за собой данныя права. А для этого нужны были особенныя условія, которыхъ не доставало другимъ городамъ. Въ числѣ этихъ условій играетъ важную роль географическое положеніе новгородскаго края, соединеннаго своими водами съ моремъ и поставленнаго въ близкое соприкосновеніе съ Европой. Это обстоятельство должно было пробудить въ новгородцахъ духъ предприимчивости и торговаго риска, а скудость произведеній, получаемыхъ отъ земли, отвлекла народную дѣятельность къ промышленнымъ занятіямъ, что, въ связи съ другими условіями, привело Новгородъ къ его политической свободѣ. Такимъ образомъ за голымъ фактомъ, помѣченнымъ лѣтописью, для мыслящаго историка скрывается цѣлый рядъ другихъ фактовъ, проливающихъ новый свѣтъ на историческую судьбу народа. Къ сожалѣнію, г. Костомаровъ не даетъ отвѣта на всѣ эти вопросы и держится въ сферѣ простого разсказчика даже тамъ, гдѣ фактъ невольно напрашивается на его критическій взглядъ. Мы, конечно, не поставили бы этого въ упрекъ такимъ цеховымъ историкамъ, какъ гг. Устряловъ или Соловьевъ, но талантъ автора «Сѣвернорусскихъ народоправствъ» далеко выходитъ изъ рядовъ нашего ученаго цеха.

Такимъ образомъ книга г. Костомарова, при всемъ интересѣ главнаго предмета ея, — исторіи Новгорода — читается вяло, и если передаетъ много фактовъ, за то не вноситъ въ нихъ никакой новой идеи. Матеріалы, собранные историкомъ, остаются въ сыромъ состояніи, не переработанные въ его собственной головѣ. Оттого картина выходитъ довольно пестрая, гдѣ все есть, что относится до ви́шней жизни Новгорода, но самаго Новгорода не видно. Лицевая сторона его исчезаетъ за мелкими подробностями, которыя хороши были бы въ историческомъ сборникѣ, а не въ книгѣ г. Костомарова. Поэтому еслибъ авторъ сократилъ ее на половину, то нисколько не повредилъ бы достоинству другой половины.

Лучшія страницы въ «Сѣвернорусскихъ народоправствахъ» заключаются въ X главѣ, описывающей агонію Новгорода и его паденіе. Эта глава напоминаетъ намъ въ г. Костомаровѣ того художника, котораго мы знаемъ по его прежнимъ историческимъ монографіямъ. Она живо и наглядно представляетъ, какъ эта свободная жизнь постепенно замирала подъ вліяніемъ московскаго деспотизма, стиравшаго одну за другой мѣстныя черты русской федераціи. Но не въ одномъ самовластіи московскихъ князей надо видѣть причину паденія Новгорода; отчасти онъ самъ приготовилъ его себѣ тѣмъ ложнымъ положеніемъ, изъ котораго не сумѣлъ выдти, когда было можно. Онъ постоянно и до конца своей независимости двоился между стремленіемъ къ внутренней самостоятельности и къ внѣшней связи съ остальными частями Россіи. «Въ Новгородѣ, говоритъ г. Костомаровъ, не ослаблялось чувство народнаго единства съ другими землями; голосъ церкви напоминалъ новгородцамъ о духовномъ братствѣ съ русскимъ міромъ, и кромѣ того внѣдрялъ въ умы монархическія понятія, препятствовавшія Новгородцамъ совершенно отрѣшиться отъ идеи имѣть надъ собою одно верховное лицо; необходимость торговыхъ сношеній съ остальною Русью, которыя прекращались въ случаѣ вражды, страхъ за свои двинскія волости, къ которымъ подбирались великіе князья, и наконецъ страхъ татаръ, съ помощію которыхъ князья могли бы искать власти надъ отпавшимъ Новгородомъ — всѣ эти обстоятельства разомъ не позволяли Новгороду дать перевѣсъ своей областной самостоятельности предъ федеративною связью съ остальною Русью, и потому Новгородъ признавалъ сильнѣйшаго. Въ Новгородѣ была борьба двоевластія: съ одной стороны народоправленіе, выражавшееся формою вѣча, сознание государственной цѣльности новгородской земли; съ другой—великій князь; признавалась его власть, а между тѣмъ принимались всевозможнѣйшія мѣры, чтобъ ограничить эту власть и допустить ей какъ можно меньше вмѣшательства въ дѣла республики». Такимъ образомъ племенная связь прикрѣпляла Новгородъ къ массѣ славянскаго народа, а политическое устройство тянуло его въ другую сторону. Это обстоятельство породило много путаницы въ самой внутренней жизни «господина» Великаго Новгорода; впоследствии мы видимъ въ немъ двѣ противоположныя партіи, изъ которыхъ одна дружила Москвѣ, а другая враждовала съ ней, и когда дѣло доходило до серьезнаго столкновенія этихъ партій, становилось очевидно, что

Новгородъ былъ нравственно разорванъ на двѣ одинаково живыя части. Сверхъ того, въ самомъ экономическомъ складѣ его таилась глубокая пропасть, раздѣлявшая членовъ одной и той же общественной семьи. Г. Костомаровъ упускаетъ изъ виду этотъ внутренній антагонизмъ, но онъ такъ важенъ по своимъ послѣдствіямъ, что мы должны приписать ему главнѣйшее вліяніе на упадокъ Новгорода. Какъ въ республикѣ средневѣковаго характера, въ немъ было два непріязненныхъ сословія — богатое барство и бѣдная чернь. По недостатку историческихъ источниковъ, нельзя судить о взаимномъ отношеніи этихъ сословій, о степени развитія пролетаріата среди промышленнаго города, но на основаніи нѣкоторыхъ фактовъ можно догадываться, что сословная вражда въ Новгородѣ часто принимала самый драматическій характеръ «Часто бояре, замѣчаетъ г. Костомаровъ, достигая званія посадника, тысяческаго или вообще должности, которая могла имѣть вліяніе на дѣла, наживались насчетъ народа и навлекли народное мщеніе на себя, на свою родню и на весь свой классъ». Неизвѣстно, какъ вели себя зажиточные купцы въ отношеніи своихъ работниковъ, но если злоупотребленія допускались въ кругу бояръ, то они были неизбежны и въ торговомъ классѣ, гдѣ корыстолюбіе и деспотизмъ капитала даютъ себя чувствовать еще сильнѣе. Какъ бы то ни было, но вражда *меньшихъ* противъ *большихъ* людей доходила часто до кровопролитной рѣзни. Такъ въ 1418 году, по случаю ссоры какого-то Степанка съ бояриномъ Даниломъ Ивановичемъ, сброшеннымъ народомъ съ моста, загорѣлась всеобщая свалка въ Новгородѣ. «Меньшіе люди подняли знамя и съ оружіемъ кинулись на Яневу улицу, гдѣ жили бояре, разграбили нѣсколько богатыхъ домовъ; потомъ бросились въ загородный конецъ, ограбили на Чюдинцевой улицѣ монастырь св. Николы, гдѣ хранились боярскіе позитки и достигли наконецъ гнѣзда боярскаго—Прусской улицы; тутъ дали имъ отпоръ. Черный народъ легко могъ составлять толпу на бояръ, и у бояръ были свои толпы вооруженныхъ «паробковъ» изъ того же простого народа—челядь боярская: эти паробки стали защищать своихъ господъ. Удалые двинулись назадъ на торговую сторону. Но вслѣдъ за тѣмъ распространился на Торговой сторонѣ слухъ, что въ Софійской собираются толпы и хотятъ напасть на Торговую. Ударили во всѣхъ церквахъ въ колокола тревогу. Съ обѣихъ сторонъ вооруженный городъ бросился на мостъ. Началась свалка: «баше и губленіе, повѣствуетъ

лѣтопись, — овы отъ стрѣль, овы отъ оружія, бѣша же мертвые, ято на рати, и отъ грозы тоя страшныя и отъ возмущенія того великаго встрясея весь градъ и нападе страхъ на обѣ ѣстрои». Конечно, такіе кровопролитныя столкновенія сословій были рѣдки, — но одинъ этотъ случай ясно показываетъ, что поводы къ внутреннему раздору существовали. Нѣтъ сомнѣнія, что въ виду общей опасности, угрожавшей извнѣ, эти домашніе смуты должны были утихать, и народъ единодушно обращалъ свое вниманіе на врага; но здѣсь работали подкупы, столь соблазнительные среди города, знавшаго цѣну деньгамъ. Московская партія не дремала, когда надо было дѣйствовать въ пользу своихъ честолюбивыхъ замысловъ. А что большинство бояръ тянуло на сторону Москвы — это очень понятно. Проникнутые родовыми и должностными отличіями, на что они могли надѣяться отъ Новгорода? — Тогда какъ Москва готова была вполне удовлетворить ихъ желанія, раздавая имъ почетныя мѣста и служебныя привилегіи. И это обстоятельство вносило духъ крамолы и разрыва въ новгородское общество. Всѣ эти элементы, накопившіеся съ вѣками исподоволь подготавливали Новгородъ къ его паденію, тѣмъ болѣе, что свободныя учрежденія его не такъ сложились, чтобы парализовать зло, закравшееся въ самое сердце новгородской республики. Съ другой стороны окрѣпшее московское государство не могло не столкнуться на дорогѣ своего развитія съ самостоятельнымъ и гордымъ Великимъ Новгородомъ. Время было дикаго произвола и кулачнаго права. Если поднималась ожесточенная война за то, что одинъ посадникъ выругалъ литовскаго князя Ольгерда псомъ, и оскорбленный Ольгердъ послалъ свою рать выжечь и вырѣзать новгородскія волости, то чего же можно было ожидать при явномъ противорѣчій двухъ политическихъ системъ? Смертельный бой ихъ долженъ былъ завязаться рано или поздно и окончиться уничтоженіемъ той или другой системы. Мы уже сказали, что матеріальный перевѣсъ былъ со стороны Москвы: разрозненныя силы удѣловъ, исчезая подъ однимъ великокняжескимъ управленіемъ, быстро увеличивали собою московскую централизацию; тамъ было огромное войско, испытанное въ борьбѣ съ ханской ордой; тамъ образовалась, въ суровой школѣ татарской тиранин, хитрая, осторожная, выжидающая и выглядывающая политика, которая тѣмъ болѣе дорожила самовластіемъ, чѣмъ сильнѣе испытала на себѣ послѣдствія рабства; тамъ было наконецъ наслѣдственное предубѣжденіе противъ Новго-

рода, который часто ссорился съ своими наемными князьями и не добромъ прогонялъ ихъ отъ себя. (*) Между тѣмъ, какъ въ Москвѣ постепенно и незамѣтно росла враждебная сила Новгороду, торговая республика, погруженная въ свои денежные интересы, ничего не предпринимала для охраны своего независимаго положенія. Въ этомъ видѣ застаётъ Новгородъ его предсмертная агонія.

При такомъ ходѣ дѣлъ новгородская катастрофа была логическимъ слѣдствіемъ самой исторіи его; и намъ кажется, что напрасно г. Костомаровъ выставляетъ Юанна III главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ паденіи Новгорода. Въ такихъ громадныхъ событіяхъ, какъ уничтоженіе самостоятельнаго народа, отдѣльная воля человѣка ничего не значить; она слишкомъ слаба для того, чтобы измѣнить направ-

(*) Отношенія Новгорода къ князьямъ составляютъ одну изъ главныхъ особенностей его исторіи, а потому мы приведемъ здѣсь буквально разсказъ г. Костомарова о правахъ князей. Разсказъ этотъ пояснить, какъ смотрѣлъ Новгородъ на свою національную связь съ остальной Русью и почему онъ держался этой связи. Вотъ что говорить объ этомъ г. Костомаровъ:

«Древнѣйшія извѣстія, при скудности своей, не содержатъ подробностей, которыя бы представили вамъ картину положенія князей старину. Нельзя полагать, чтобъ ихъ права и обязанности были строго опредѣляемы; свободное право избранія, возможность выбрать пѣзъ многихъ кого угодно, и изгнать, когда нужно, дѣлали ненужными строгія правила. Съ половины XIII-го вѣка послѣ татарскаго завоеванія, когда уже, какъ выше замѣчено, великій князь сдѣлался неизмѣннымъ новгородскимъ княземъ и княжеское достоинство, вмѣсто внутренней инстипуціи, стало внѣшнею сплюю, являются договоры, опредѣляющіе отношенія къ власти, явно показывающіе, что Новгородъ боится князей и хочетъ, сколько возможно, оградить себя отъ ихъ произвола. Договоры эти представляютъ ту замѣчательную черту, что всё между собою сходно, даже въ выраженіяхъ, и очевидно составлялись по одной канвѣ. Ихъ отмѣны касаются только подробностей, истекающихъ изъ временныхъ обстоятельствъ. Въ этихъ договорахъ ссылаются всегда на старину, и въ самомъ раннемъ изъ нихъ, 1263 года, говорится: *такъ княже, господине, пошло отъ дѣда и отъ отца, отъ твоихъ и нашихъ*; слѣдовательно тѣ правила, какія содержалъ этотъ договоръ, существовали и прежде въ обычаяхъ. Дѣйствительно, въ лѣтописи подъ 1218-мъ годомъ, при извѣстіи о цѣлованіи креста княземъ и общаніи хранить обязательства, поставленныя при его вступленіи, есть выраженіе: *ты намъ крестъ цѣловалъ, безъ вины мужа нелишити*. Выраженіе это является во всѣхъ послѣдующихъ грамотахъ. Это заста-

леніе самыхъ событій или передѣлать ихъ роковую необходимость. Историкъ слѣдовало поглубже взглянуть на внутреннее состояніе новгородскаго общества и поискать въ немъ самоѣ и въ его ложныхъ отношеніяхъ къ великокняжеской Руси главные мотивы его паденія. Тогда г. Костомаровъ посмотрѣлъ бы на Ивана, какъ на орудіе неизбежнаго приговора самой исторіи, какъ на исполнителя того, что заранѣе приготовили ему обстоятельства. «Ясно было, говоритъ г. Костомаровъ, что Великій Новгородъ не въ силахъ оградить своей свободы самъ собою. Еще великій князь московскій молчалъ, но молча укрѣплялся и готовился задушить ее въ удобное время». Мы думаемъ, что вовсе не было ясно, когда новгородцы до послѣдней минуты все еще надѣялись, что откупятся отъ своего

вляеть предполагать, что условія съ князьями, встрѣчаемыя въ договорахъ XIII, XIV и XV вѣковъ, существовали и ранѣе. Подъ 1222 годомъ говорится, что великій князь суздальскій Юрій Всеволодовичъ далъ въ Новгородъ на княженіе сына Всеволода «на всей волѣ новгородской». Подъ 1228 годомъ, когда дѣло идетъ о призывѣ суздальскаго князя Ярослава, говорится, что Новгородцы звали его «на всей волѣ и на всѣхъ грамотахъ Ярославовыхъ; то же повторяется, по поводу призыва черниговскаго князя Михаила, 1229 года. О грамотахъ Ярославовыхъ существовало постоянное убѣжденіе, что онѣ служили юридическою основою связи Великаго-Новгорода съ князьями; остается предположить, что смыслъ послѣдующихъ договоровъ имѣть основаніе все въ этой древней великой хартїи свободы Великаго-Новгорода. Въ этой грамотѣ, вѣроятно, было общее основаніе свободнаго избранія князей.»

«До татарскаго ига князь, по народному понятію, былъ лицо необходимое. Главное его значеніе было — предводительство войскамъ, и въ этомъ заключается сознаніе необходимости княжескаго достоинства. Князь происходилъ изъ особаго рода, не связаннаго съ туземцами, поставленнаго выше другихъ родовъ по значенію; рода, призваннаго для установленія ряда, призваннаго такъ, какъ вообще неполадившія стороны призываютъ въ судьи третьяго, чужаго, на безпристрастіе котораго могутъ болѣе надѣяться, именно потому, что этотъ третій стоитъ внѣ условій, которыя побуждали бы его прїятствовать одной изъ враждующихъ сторонъ. Только съ такимъ значеніемъ, предводитель ополченія могъ сохранить необходимую на войнѣ дисциплину и заставить всѣхъ, составляющихъ войско, повиноваться; а этого несравненно труднѣе достигнуть полководцу, происходящему изъ среды той же массы, которою онъ предводительствуетъ. Оттого-то и замѣчаютъ лѣтописцы, что

притѣснителя деньгами и, уступая ему одно право за другимъ, были увѣрены, что время поправить дѣло. Еслибъ ясно было Новгороду, какая гроза собиралась надъ нимъ, онъ не сталъ бы такъ наивно довѣрять врачидовой политикѣ великаго князя, который хладновротно шелъ къ своей цѣли. Когда онъ совѣтовалъ новгородцамъ «жить по старинѣ», они гордо отвѣчали посламъ его, что «Новгородъ не отчина великаго князя, а самъ себѣ господинъ, и долженъ управляться независимо самъ собою», и между тѣмъ ничего не дѣлали для дѣйствительнаго обезпеченія своей свободы.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Партія патріотовъ, руководимая Марфой Борецкой, завела переговоры съ литовскимъ княземъ, и за-

въ войскѣ бываетъ безпорядокъ, когда въ немъ нѣтъ князя, а боярина не всѣ слушаютъ. Народное понятіе отдавало княжескому роду право широтворить, уставлять рядъ, охранять безопасность земства, а потому князь, ставшій на челѣ войска, казался уже самою судьбой, по своему рожденію, назначеннымъ къ этому. Въ Новгородѣ главное достоинство князя состояло въ предводительствѣ войскомъ: и въ тѣ времена, когда уже не чувствовалась потребность въ князѣ по управленію гражданскими дѣлами, Новгородъ все-еще признавалъ за лицомъ княжескаго происхожденія право и какъ бы способность быть предводителемъ новгородскаго войска. Съ этими то понятіями Новгородъ въ XIV и XV вѣкахъ призывалъ себѣ князей на кормленье въ качествѣ военачальниковъ и охранителей пограничныхъ краевъ. Внѣшнія сношенія вообще производились отъ имени князя и вмѣстѣ отъ имени Великаго Новгорода. Такъ имя Юрія въ 1323 г. стоитъ въ договорѣ Новгорода со шведами. Впоследствии, однако, договоры заключались и безъ имени князя. Въ концѣ XIII вѣка, когда значеніе новгородскаго князя утвердилось за великимъ княземъ, договоры писались еще отъ имени князя и Новгорода вмѣстѣ; но князь участвовалъ здѣсь больше по имени. Въ 1292 году прибыли въ Новгородъ нѣмецкіе послы, по поводу разграбленія нѣмецкаго двора. Переговоры происходили разомъ и съ великокняжескими боярами на Городищѣ, и въ самомъ Новгородѣ съ новгородскими мужами: тысяцкимъ и двумя боярами. Свои доводы подкрѣпляли новгородцы прежнимъ договоромъ съ нѣмцами, который былъ заключенъ отъ лица великаго князя и Великаго Новгорода вмѣстѣ. Но когда, послѣ того, великій князь былъ расположенъ уступить нѣмцамъ и признать законность требуемаго ими вознагражденія за убытки, понесенные нѣмецкими купцами, новгородцы отрицали ее, и великій князь ничего не могъ сдѣлать. Шестъ разъ—говорили нѣмецкимъ посламъ его бояре—великій князь посылалъ къ новгородцамъ дать ему отвѣтъ, и

Отд. II. 2

веда ихъ такъ неосторожно, что извѣстiе о нихъ не замедлило дойти до ушей Іоанна III. Явились отъ него новые послы съ грамотой митрополита, въ которой онъ усовѣщевалъ новгородцевъ не избѣгать старинѣ и великому князю московскому. Но и на этотъ разъ вѣче рѣшило не сдаваться на совѣты пословъ: «Великій Новгородъ, кричалъ народъ, самъ себѣ государь! Хотимъ за короля Казимира!» Послѣ этого московская власть, не упуская удобной минуты для нападенiя, рѣшилась дѣйствовать. Иванъ Васильевичъ послалъ двѣ рати—одну на двинскiя колонiи Новгорода, а другую къ самой метрополи. «Ступайте каждый съ своими полками, говорилъ онъ воеводамъ, ступайте разными дорогами къ Великому Новгороду; жгите, убивайте, въ плѣнъ людей загоняйте». Судя по приготовленiямъ

наконецъ лично просилъ ихъ, и все было напрасно, и великій князь сознавалъ свое безправiе въ этомъ случаѣ и только хотѣлъ оправдать себя передъ нѣмцами. «Воздайте имъ тѣмъ, что они вамъ надѣлали»,— былъ послѣднiй совѣтъ, данный нѣмецкимъ посламъ великокняжескими боярами».

«Въ древнiе времена виды общественной дѣятельности не были строго разграничены и раздѣлены; князь, будучи предводителемъ ополченiя и защитникомъ земли извнѣ, былъ вмѣстѣ и правителемъ, т. е. защитникомъ ея внутри. Князь поражалъ враговъ; но каждый нарушитель порядка и спокойствiя земства былъ также врагъ; и потому, охраняя земство отъ внѣшнихъ враговъ, естественно было его участiе въ охраненiи того же земства и отъ враговъ внутреннiхъ. И тамъ и здѣсь, онъ, какъ лицо третье, не принадлежащее къ земству, но призванное имъ, не могъ дѣйствовать самобытно безъ воли и участiя вѣча. Въ дѣлахъ внѣшнихъ онъ предводительствовалъ войскомъ по распоряженiю вѣча, шелъ на войну рѣшенную вѣчемъ, клалъ свое имя на договоръ, составленный и обсужденный на вѣчѣ; такъ точно и въ дѣлахъ внутреннiхъ онъ дѣйствовалъ въ границахъ, очерченныхъ вѣчемъ. Эму предоставляли судъ, но вмѣстѣ съ посадникомъ, происходившимъ изъ земства и служившимъ полнымъ выраженiемъ земской воли. Собственно въ судѣ доля князя была не обсужденiе дѣла — на то были выборные судьи,—а оправданiе оправданнаго и казнь виновнаго (а князь казнить), т. е. именно то, что непосредственно принадлежитъ внутреннему охраненiю земства. Оттого половина виръ и судныхъ пошлинъ, взыскиваемыхъ съ виновной стороны, шла князю: этотъ платежъ былъ казнь.

Призванiе и приемъ князя имѣли до нѣкоторой степени подобiе усыновленiя земствомъ. Князь былъ чужое лицо, входившее въ новгородскую семью съ известными условiями, которыя ему семья имѣла право

московскаго великаго князя къ этой войнѣ, за успѣхъ которой онъ молился у гробовъ предковъ и св. угодниковъ, судя по приказанію его—ничего не щадить на землѣ враговъ, намѣреніе Іоанна III было рѣшительное; онъ хотѣлъ не только наказать строптивыхъ новгородцевъ, но до тла разрушить ихъ старыя льготы. Впослѣдствіи онъ такъ и поступилъ. А теперь московская рать моровымъ повѣтріемъ прошла по новгородской землѣ; разгромъ былъ страшный, какого давно не бывало въ исторіи. «Вся волость новгородская, продолжаетъ г. Костомаровъ, была опустошена; хлѣбъ на поляхъ сожженъ или выгравленъ лошадьми; хлѣбъ въ стогахъ и амбарахъ сожженъ вмѣстѣ съ сельскими строениями; недобитые поселяне, потерявши имущество, спасали жизнь въ болотахъ и лѣсахъ, и множество ихъ потомъ уни-

предложить. Князь долженъ былъ цѣловать крестъ Новгороду, а Новгородъ цѣловалъ крестъ ему. Это взаимное цѣлованіе служило залогомъ ихъ взаимнаго согласія. Не было въ этомъ ничего принудительнаго. Князь могъ уйти изъ Новгорода,—только долженъ былъ явиться на вѣчѣ и сложить съ себя цѣлованіе».

«Изъ договоровъ, оставшихся до нашего времени, видно, что князь былъ поставленъ, сколько возможно, въ связи съ жизнью Новгорода. Вся волость считалась достояніемъ святой Софій и Великаго Новгорода. Князь не могъ пріобрѣтать въ новгородской землѣ имѣній, ни покупкою, ни принятіемъ въ даръ; не могъ брать закладниковъ, слѣдовательно совершать сдѣлокъ; это правило распространялось и на его родню, и на его дружинниковъ. Ему дозволялось торговать въ Новгородѣ, но не иначе какъ чрезъ посредство природныхъ Новгородцевъ; слѣдовательно, это дозволеніе ограничивалось правомъ пускать капиталъ въ оборотъ. Безъ участія посадниковъ, избираемыхъ вѣчемъ, князь не имѣлъ права назначать правителей въ краю, подчиненномъ Великому Новгороду; отдавать въ кормленіе принадлежащую Новгороду землю, давать кому бы то ни было, о чемъ бы то ни было—грамоты; нарушать прежде состоявшіяся грамоты; не могъ производить суда безъ участія посадника, лишать волостей, раздавать ихъ въ собственность, наказывать безъ суда, и вообще безъ воли вѣча и безъ участія посадника дѣлать какія бы то ни было распоряженія. Все это простиралось также и на чиновниковъ. Князь даже не жилъ въ Новгородѣ, но на Городищѣ; тамъ съ нимъ пребывала его дружина: то мѣсто было навсегда отведено для князя и его дружины. Такъ, впослѣдствіи, когда званіе новгородскаго князя усвоилось за великими князьями, на Городищѣ жили ихъ намѣстники. Судъ ихъ касался такихъ дѣлъ, когда въ спорномъ дѣлѣ одна сторона не принадлежала къ составу новгородскаго гражданства; а по старому общерусскому обычаю, гдѣ истцы были

рало съ голоду отъ всеобщей скудости; и къ пущей тягости Великій Новгородъ долженъ былъ платить великому князю копейное; а это копейное приходилось добыть отъ труда этихъ разоренныхъ, лишенныхъ пристанища, одежды, скота, утвари, орудій — поселянъ, оплакивающихъ своихъ кровныхъ, умерщвленныхъ или сожженныхъ живьемъ ратниками; — своихъ младенцевъ, избитыхъ о пни или брошенныхъ въ пылающія избы; своихъ женъ, изнасилованныхъ, поруганныхъ и замученныхъ; — свою горькую судьбу, доставшуюся въ удѣлъ бѣдному труженику — страдать за какой-то Великій Новгородъ, который хотѣлъ свободно жить на счетъ трудовъ его, — въ угоду великому князю, домогавшемуся овладѣть этими трудами, чтобъ отдать ихъ другимъ господамъ — своимъ слугамъ! Участъ новгородской

между собою разныхъ земель или вѣдомствъ, судъ всегда былъ смѣсный, т. е. были два судьи, каждый отъ того вѣдомства, къ которому принадлежалъ одинъ изъ тяжущихся; сверхъ того участіе наместника во всякомъ судѣ опредѣлялось правомъ, — брать известныя пошлины, составлявшія доходъ князя. Лишенный права на недвижимыя имѣнія, князь имѣлъ указанныя Новгородомъ подвижные доходы. Они состояли во первыхъ, въ судныхъ пошлинахъ, которыми князь дѣлился съ посадниками. Эти пошлины платились на судѣ виновною стороною; въ числѣ ихъ была вира, платимая за уголовныя преступленія; для сбора пошлинъ по волостямъ высылались проѣзжіе судьи, по обычаю, ежегодно о Петровѣ дни; во-вторыхъ, князю давались доходы съ нѣкоторыхъ мѣстъ Новгородской земли, и для этого онъ могъ посылать туда для сбора тиуновъ. Но эти доходы были не произвольны, а полагались заранѣе. Такими краями, опредѣленными для княжескихъ доходовъ, были — половина Волока-Ламскаго и часть въ Торжкѣ. Впрочемъ, точное неизмѣнное указаніе этихъ мѣстъ не было обязательствомъ. Великій Новгородъ могъ назначать и другія мѣста, какъ это показывается тѣмъ, что литовскимъ князьямъ, приходившимъ въ Новгородъ, назначали другія волости на кормленье. Изстари, какъ показываетъ грамота Всеволода Юанна на Опокахъ, предоставлялись князю доходы съ торговли, плата съ вѣса. Наконецъ существовалъ особый налогъ въ пользу князя, называемый «даръ съ волостей». Объ этой вѣтви княжескихъ доходовъ говорится въ договорахъ глухо: *«Когда, княже, пойдешь въ Новгородъ, тогда даръ тебѣ имѣти, а коли, княже, пойдешь изъ Новгорода, то даръ не подобѣ.»* Изъ этого можно заключить, что даръ не былъ какой-нибудь постоянный налогъ, а давался князю только при вступленіи его на княженіе или при посѣщеніи имъ Новгорода. Великій Новгородъ предоставлялъ своимъ князьямъ право охоты въ опредѣленныхъ мѣстахъ и въ известное время: такъ напримѣръ въ Русу въ—

земля была неотраднa въ исторіи; много терпѣла эта страна, бѣдно надѣленная природой, и отъ голода, и отъ мора, и отъ огня, и отъ нашествія непріятелей; но таковой бѣды, по замѣчанію современныхъ лѣтописцевъ, не было отъ нихъ отъ вѣка, какъ и земля ихъ стала. Московскіе философы утѣшались тѣмъ, что все это совершилось отъ ихъ же людей—измѣнниковъ, за ихъ отступленіе къ латинству, и людская кровь и вся земская бѣда будетъ взыскана на нихъ отъ Господа Вседержителя, а пострадавшіе получать награду въ будущемъ вѣкѣ»!..

Послѣ Шелонской битвы, нанесшей чувствительный ударъ Новгороду, войска его разбѣжались въ разбродъ, народъ упалъ духомъ и партія патриотовъ потеряла довѣріе къ себѣ... До какой степени мало былъ выработанъ политическій смыслъ новгородцевъ—это можно видѣть изъ того, что тѣ же самые люди, которые за нѣсколько недѣль прежде держались стороны Борецкихъ, теперь называли ихъ обманщиками и раболобно просили прощенія—у побѣдителя. Впрочемъ это общая черта всѣхъ средневѣковыхъ республикъ, основанныхъ болѣе на внѣшнихъ формахъ народнаго правленія, чѣмъ на внутреннихъ условіяхъ общественной свободы. Но жители Новгорода не обезпечили себѣ даже обыкновенной защиты на случай войны; они не запаслись хлѣбомъ для продовольствія города во время осады, они не досмотрѣли, какъ пріятеля Москвы заклепали у нихъ пушки. Торжество Іоанна III было полное, тѣмъ болѣе пріятное для него, что онъ увидѣлъ близкую возможность поразить Новгородъ навсегда. И это было рѣшено, но великій князь хотѣлъ сначала истощить страну и потомъ уже разомъ уложить ее подъ свою власть. Поэтому

дѣть могли на третью зиму, а въ Ладугу на третье лѣто для звѣроловства; нѣтъ давали въ пользованіе рыболовнн, также въ опредѣленномъ мѣстѣ и въ извѣстное время, и право медоваренія, съ такими же ограниченіями: *а въ Ладугу тобѣ слати осетрыника и медовары; а вѣздити тобѣ, княже, въ Ладугу на третье лѣто*».

«Въ послѣдніе вѣка великіе князья вымогали съ Новгородской волости черныи сборъ. Это не былъ постоянный доходъ или налогъ годовой, но брался однажды во всякое великое княженіе, и притомъ почти силою. Новгородцы соглашались на него тогда только, когда не могли отвязаться отъ притязаній на него великаго князя».

Шелонская побѣда, какъ она ни была рѣшительна, ограничилась примиреніемъ, заключеннымъ правда на тяжелыхъ условіяхъ для Новгорода, но ему еще оставалась кой-какая надежда возвратить потерянное. Прошелъ годъ, жгучая боль отъ нанесенныхъ ранъ по-немногу стихла, партія патріотовъ снова ожила. «Нѣсколько лѣтъ придавленная противною партією, говоритъ авторъ, она опять взяла верхъ; масса народа группировалась около ея представителей; новгородскимъ посадникомъ былъ избранъ одинъ изъ заклятыхъ враговъ московскаго самовластія—Василій Ананьинъ. Подобные ему патріоты заняли должности. Они не могли не питать злобы къ своимъ противникамъ въ Новгородѣ; плачевный исходъ борьбы 1471 года они приписывали ихъ измѣнѣ, двоедушію и трусости. Начались ссоры, драки, безледица. Афанасьевы, Селезевы, сынъ Марфы Борецкой—Федоръ, староста Федоровской улицы Пановъ, ѣздившій къ Казмиру, и другіе главные представители бывшей литовской партіи сдѣлали набѣгъ на Славкову и Нивитину улицу, приколотили нѣкоторыхъ изъ своихъ противниковъ и ограбили ихъ достояніе... Люди московской партіи не могли нигдѣ найти себѣ управы: терпѣли насилія, поруганія и обратились къ великому князю просить защиты. Этого и нужно было Ивану».

Да, только этого и нужно было. Великій князь зорко, ястребинымъ взглядомъ, слѣдилъ за Новгородомъ; онъ видѣлъ, что въ четыре года послѣ Шелонской битвы сами новгородцы дѣятельно работали надъ своимъ паденіемъ. Горькіе опыты не научили ихъ ничему путному. Они не приняли никакихъ серьезныхъ мѣръ для болѣе счастливаго исхода изъ новой борьбы. Внутреннія усобицы повторялись все чаще и чаще; разоренный народъ ропталъ, и новгородское правительство не позаботилось облегчить его положеніе; надежда на союзъ съ Литвой осталась попрежнему одной надеждой. Иоаннъ III все это видѣлъ, и исподтишка собирался сравнять Новгородъ съ другими городами московскаго государства. Въ 1475 году онъ послѣдовалъ въ Новгородъ и потребовалъ къ себѣ на судъ людей, обвиняемыхъ въ оскорбленіи сторонниковъ Москвы. Судъ былъ торжественный, гдѣ великій князь явился главнымъ рѣшителемъ и карателемъ виновныхъ. Этимъ онъ хотѣлъ показать, что суда народнаго, независимаго, болѣе не существуетъ для новгородцевъ; при чемъ онъ не упустилъ случая выставить преступниковъ врагами народа, занскивая

его расположеііе на будущее время. И дѣйствительно, новыя столкновенія новгородскихъ партій привели къ тому, что нѣкоторые изъ обиженныхъ стали отправляться прямо въ Москву просить управы и суда. «27 февраля 1477 года между такими челобитчиками, говорить г. Костомаровъ, пріѣхали въ Москву Подвойскій Назаръ, да дьякъ вѣча Захаръ. Въ Москвѣ разумѣли ихъ послами отъ владыки и всего Великаго Новгорода. вмѣсто того, чтобъ великаго князя и его сына, котораго имя поставлено въ договорѣ, вмѣстѣ съ отцовскимъ въ значеніи сопровителя, назвать господами, они назвали ихъ государями. Съ утвержденіемъ самодержавнаго начала получили важное значеніе титулы, которые впоследствии играли такую значительную роль въ нашей государственной исторіи, и не одинъ разъ служили предлогомъ къ войнамъ. Великій князь тотчасъ придрался къ этому, и на вопросъ о титулѣ завязалъ рѣшительное дѣло о судьбѣ Великаго Новгорода». Придирка эта, конечно, была не болѣе, какъ поводомъ для открытія новой войны, исходъ которой былъ заранѣе разсчитанъ. Иванъ недурно сообразилъ, что гордость новгородцевъ не свесетъ равнодушно новаго притязанія московскаго властителя и что они въ свою очередь сообразятъ, что на одной формальности дѣло не можетъ остановиться. И дѣйствительно, когда прибыли въ Новгородъ московскіе послы, то они потребовали не одного почетнаго титула, а полной гражданской подчиненности великому князю; они сказали на вѣчѣ: «Если вы назвали его государемъ, значить — вы за него задались, и слѣдуетъ быть суду его въ Великомъ Новгородѣ и по всѣмъ улицамъ сидѣть его тиунамъ, и ярославово дворище великому князю отдать, и въ суды его не вступаться». Было понятно, что у Новгорода требуютъ лучшее народное право, съ утратой котораго погибала послѣдняя его самостоятельность. При неразвитости тогдашнихъ общественныхъ формъ и при жестокости личнаго произвола, правомъ суда дорожили болѣе всего; съ нимъ соединялась безопасность жизни, имущества, доброе имя гражданина не только для подсудимаго, но иногда и для всего семейства его. Московскій судъ, обставленный подъяческими атрибутами и позорными наказаніями, отчасти перенятыми у татаръ, не могъ приходиться по вкусу Новгорода. Немудрено, что народъ, услыхавъ объ этомъ притязаніи, пришелъ въ сильное раздраженіе и потребовалъ на сцену дѣйствія тѣхъ, кто ѣздилъ въ

Москву судиться. Виновниковъ притащили на Вѣче и побили каменьями. Городъ снова взволновался, и бояре, замаравшіе рыльце пушкомъ въ этомъ дѣлѣ, успѣшили улизнуть въ Москву и просили Ивана наказать непокорную отчину.

Опять собралась многолюдная рать и потянулася разными путями жечь и избивать новгородскую страну. Не встрѣтивъ сопротивленія, московскій великій князь спокойно подошелъ къ стѣнамъ самой столицы и началъ предписывать свои условія. Между тѣмъ, какъ шли переговоры и волненія среди Новгорода, поставленнаго въ осадное положеніе, московское войско пустошило окрестныя волости и забирало плѣнныхъ. Наконецъ новгородцы, истомленные внутренними междоусобіями, терпѣвшіе голодъ и застои въ торговыхъ дѣлахъ, подстрекаемые надеждами и обманутые ими, унижаемые и оскорбляемые, приняли отъ побѣдителя всѣ условія, какія ему угодно было предписать: они передали ему право суда, т. е. право жизни и смерти, уступили лучшія свои владѣнія, присягнули въ безусловномъ подданствѣ, и со слезами на глазахъ проводили вѣчевой колоколь, снятый москвичами и отправленный въ великокняжескій станъ. Затѣмъ отворились ворота Новгорода, и Іоаннъ III вошелъ въ него полнымъ хозяиномъ... Началась расправа, вырывавшая съ корнемъ все, что напоминало о прежнемъ сопротивленіи или о прежней вольности Новгорода. Явились доносы, замѣнившіе открытую рѣчь, и судъ обратился въ тайную молчанку. «У Ивана, продолжаетъ г. Костомаровъ, былъ уже списокъ главныхъ заговорщиковъ, сообщенный ему предателями. По этому списку онъ велѣлъ схватить пятьдесятъ человѣкъ. Ихъ начали пытать. Въ мукахъ они стали говорить на другихъ и указали, что владыка Феофилъ былъ въ согласіи. Московскій государь не долго разбиралъ дѣйствительность вины владыки: 19-го января, по его приказанію, архіепископа схватили безъ церковнаго суда, отвезли въ Москву и заточили въ Чудовомъ монастырѣ. Его имѣніе, состоявшее во множествѣ жемчуга, золота, серебра, камней, взялъ московскій великій князь себѣ. Обвиненныхъ казнили. Передъ смертью многіе вопили, что они въ безпамятствѣ, подъ пытками, наговорили напраслину; но на это не обратили вниманія. Схватили еще болѣе ста чловѣкъ и начали пытать. И эти подъ муками наговорили на себя; и этихъ казнили. Все имѣніе казненныхъ взято было въ пользу государя. Вслѣдъ за тѣмъ, по подозрѣнію въ нерасположеніи къ московской власти,

болѣе тысячи семей купеческихъ и дѣтей боярскихъ; высланы изъ Новгорода и поселили въ Переяславѣ, Владимирѣ, Юрьевѣ, Муромѣ, Ростовѣ, Костромѣ и Нижнемъ Новгородѣ. Все ихъ имѣніе было взято въ пользу государя. Черезъ нѣсколько дней московское войско погнало болѣе семи тысячъ семействъ въ московщину; зимомъ, по морозу, не давъ имъ собраться, не позволивъ ничего вытѣсть собою; ихъ дома, ихъ недвижимое и движимое имущество—все сдѣлалось достояніемъ великаго князя. После такой расправы, уѣхалъ Иванъ, февраля 3-го; услышавши, что идетъ на него ханъ Золотой Орды.

«Многіе изъ сосланныхъ умерли на дорогѣ; оставшіеся разселили по разнымъ городамъ, посадамъ и селамъ московской земли; дѣтямъ боярскимъ давали помѣстья на низу, а вмѣсто ихъ въ новгородскую землю посылали для поселенія москвичей. Такъ и вмѣсто купцовъ, сосланныхъ въ Московщину, въ Новгородѣ отправляли новыхъ купцовъ изъ московщины».

«Этимъ не кончилась расправа. Въ 1484 г. великій князь посѣтилъ Новгородъ и пробылъ въ немъ девять недѣль: Онъ жилъ тогда въ самомъ городѣ — въ Славенскомъ коннѣ. Тогда онъ приказалъ хватать бояръ и боярынь Великаго Новгорода, имѣвшихъ имѣнія въ новгородской землѣ; нѣкоторыхъ, по подозрѣнію, заточилъ въ тюрьму; другимъ подавалъ помѣстья въ южныхъ и приволжскихъ краяхъ. Въ то время—по замѣчанію лѣтописца—схватена и разграблена была богатая Настасья Григоровичева; у которой нѣкогда пировалъ великій князь, когда прѣзжалъ въ Новгородѣ. Въ 1487 г., по доносу Якова Захарыча, намѣстника, Иванъ вывелъ изъ Новгорода пятьдесятъ семей лучшихъ гостей и перевелъ ихъ во Владимиръ. Въ слѣдующемъ году ненавистный для новгородцевъ намѣстникъ открылъ заговоръ — будто бы хотѣли убить его; многихъ тогда же намѣстникъ перерубилъ и перевѣшалъ; а Иванъ приказалъ выселить еще болѣе семи тысячъ житыхъ людей въ Москву и расселилъ ихъ по разнымъ городамъ и селамъ. Имѣнія владѣцкія и боярскія были раздаваемы московскимъ дѣтямъ боярскимъ. Въ слѣдующемъ году Иванъ перевелъ всѣхъ остальныхъ житыхъ людей (хозяевъ) въ Нижний Новгородъ, а многихъ изъ нихъ пригналъ

умергвить въ Москвѣ: они жаловались на намѣстниковъ, а имъ поставили это въ вину, выводя изъ того, что они хотѣли убить намѣстника».

«Такъ добилъ московскій государь Новгородъ, и почти стеръ съ земли отдѣльную сѣверную народность. Большая часть народа по волостямъ была выгублена во время двухъ опустошительныхъ походовъ. Весь городъ былъ выселенъ. Мѣсто изгнанныхъ старожиловъ заняли новые поселенцы изъ московской и низовой земли. Владѣльцы земель, которые не погибли во время опустошенія, были также почти всѣ выселены; другіе убѣжали въ Литву. Остатки прежней народности, въ сельскомъ классѣ, смѣшались съ новою, наплывшею къ нимъ, московскою:—неудивительно послѣ этого, что Новгородъ, какъ кажется, скоро примирился съ своей судьбою, и забылъ о своей старинѣ. Потомство вольныхъ людей, расселенное въ чужихъ земляхъ, не имѣло корней для воспоминаній о старинѣ и должно было по необходимости распуститься въ массѣ преобладающей московской народности; а потомство новосельцевъ въ Новгородской волости и въ самомъ городѣ не имѣло ничего общаго съ прежнею стариною. Вотъ почему и теперь напрасно бы мы искали на мѣстѣ памяти о древней областной независимости и свободѣ. Отъ старины осталась только земля; но старую душу нельзя было вложить въ чуждое ей новое тѣло!»

«Уничтоживъ самобытность гражданскую, Иванъ поразилъ также и церковную. Злополучный Феодилъ, добрякъ и простякъ, котораго судьба нехоти бросила въ политическій водоворотъ, долженъ былъ въ угожденіе побѣдителю подписать добровольное отреченіе отъ своего достоинства. «Познаваю—написалъ онъ—убожество моего ума и великое смятеніе моего неразумія».

Такъ кончилась независимая новгородская жизнь, стертая съ лица русской земли государственнымъ началомъ Москвы, похоронившей въ одной могилѣ и удѣльную систему и мѣстную автономию отдѣльныхъ городовъ. Москва торжествовала вмѣстѣ съ великимъ княземъ и вѣчевой колоколъ Новгорода, но возраженію лѣтописца, «вознесли на колокольницу на площади—съ прочими колоколами звонити».

Разсматривая эту катастрофу, какъ неотразимый приговоръ исто-

рін, мы съ перваго взгляда изумляемся его дикому напризу. По какой логической необходимости долженъ былъ совершиться фактъ, оставившій по себѣ глубокіе слѣды матеріальнаго вреда въ народной жизни. Новгородъ былъ центромъ торговой дѣятельности всей древней Руси, звѣномъ, соединявшимъ русскій народъ съ европейскими націями, способный гораздо лучше и естественнѣе выполнить ту роль, которую Петръ I навязалъ силой своей личной воли Петербургу. У Новгорода было гораздо больше средствъ для введенія насъ въ европейскую жизнь, для передачи тѣхъ освѣжающихъ элементовъ, которые выводятъ изъ мертвящаго застоя замкнутыя и объединенныя націи; и Новгородъ палъ. А Петербургъ, основанный въ нѣсколько лѣтъ, на перекоръ исторіи и народнымъ желаніямъ, дѣйствительно соединилъ насъ съ Европой. Новгородъ имѣлъ уже готовую промышленную жизнь, былъ богатъ и пользовался значительной извѣстностью за границей, и все это потерялъ вмѣстѣ съ своей свободой; а Петербургъ ничего этого не имѣлъ и занялъ въ нашемъ развитіи первое мѣсто... Повидимому, это такая бессмыслица, отъ которой никакого толку не допросишься. Но если внимнуть въ ходъ событій, то дѣлается ясно, что иначе и быть не могло. Исторія имѣетъ свои деспотическія условія, которымъ подчиняется народная совѣсть и справедливость. Іоаннъ III, заносъ руку на Новгородъ, вовсе не думалъ да и не былъ способенъ думать о томъ, что онъ убиваетъ живую часть народа, въ которой будутъ нуждаться послѣдующія поколѣнія. Онъ выполнялъ задачу своего времени и, сколачивая разбитую страну, рубилъ все, что не подходило подъ мѣрку его понятій и цѣлей. Его занимала господствующая идея единовластія, передъ которой исчезали всѣ другіе интересы и стремленія. Новгородъ стоялъ поперекъ его дороги и онъ уничтожилъ его, какъ помѣху своему самовластію. Но почему самъ Новгородъ не выдержалъ этого напора и помогалъ своему паденію? Это другой вопросъ, за неумѣлое рѣшеніе котораго исторія обрекаетъ народы рабству и смерти. Причины разложенія новгородскаго общества заключались въ немъ самомъ. Не развивъ самостоятельности своихъ учреждений до конца, не закрѣпивъ ихъ прочнымъ социальнымъ союзомъ, не выработавъ себѣ ни политическаго смысла, ни международныхъ отношеній, онъ, подобно всѣмъ средневѣковымъ республикамъ, носилъ въ себѣ все, что противоположно истинному респуб-

ливанскому; принципу... Вино было новое, а мѣхи старые. Онъ колебался между Востокомъ и Западомъ, между идеей свободы и предвзвѣдами рабства. Онъ двоялся во всѣхъ своихъ движеніяхъ, а кто двоятся, тотъ скоро погибаетъ.

К. Благовѣтловъ.

ТОРГОВЫЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ.

XV томъ Гражданск. Законовъ: *Законы уголовныя*. III степень уголовного наказанія: лишеніе всёхъ личныхъ и по имуществу правъ состоянія, ссылка въ Сибирь на поселеніе или въ каторжную работу.

Преступленія противъ общества. Торговый обманъ, воровство - кража, отравленіе и обдуманное убійство. Оптовый скупъ и нозвышеніе цѣнъ предметовъ народнаго продовольствія—хлѣба, мяса и пр. Продажа поддѣльныхъ товаровъ, испорченныхъ и вредныхъ для здоровья съѣстныхъ припасовъ и напитковъ. Отравленіе лекарствами.

Проснись, подымись,
На себя погляди.

Кромѣ разныхъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, акцизовъ, пошлинъ, сборовъ и поборовъ, намъ всёмъ поголовно приходится еще платить *подать смерти*. Эта натуральная повинность неотмѣнима и неизбежна: она налагается на насъ, русскихъ, какъ на животныхъ, самою природой и взимается съ каждой души безъ всякой недоимки. И такъ возставать противъ налога смерти совершенно бесполезно; отъ нашей воли зависитъ только отсрочка его уплаты на болѣе или менѣе продолжительное время. На такую отсрочку побуждаетъ насъ, прежде всего, чувство самосохраненія, а затѣмъ—разумное желаніе и постоянная забота улучшить свое матеріальное благосостояніе. Чѣмъ болѣе народъ стремится къ обезпеченію своего труда и улучшенію быта, тѣмъ лучше онъ живетъ и менѣе платитъ ежегодной подати смерти. Другими словами: смертность въ народѣ тѣмъ слабѣе, чѣмъ болѣе успѣлъ онъ развиться въ матеріальномъ и умственномъ отношеніи. Невѣжество и нищета всегда сопровождаютъ страшную смертность населенія. Въ этомъ случаѣ сама

природа какъ будто говорить человѣку: «не будь самоубійцей, изучай условія жизни, дорожи, пользуйся и наслаждайся ею, развивай свои потребности, желанія и поминутно улучшай свое состояніе;—иначе жизнь обратится для тебя въ пытку, работа — въ каторгу, и смерть преждевременно уберетъ тебя съ лица земли, какъ негодное бремя».

«Жизнь пройти—не поле перейти», говоритъ, въ свою очередь, народъ и, въ то же время, къ сожалѣнію онъ мало цѣнитъ эту жизнь и не научился еще разумно пользоваться ею. Замѣчательно, что необразованный человѣкъ вообще неохотно развивается; ему тяжело и даже противно выходить изъ своего полусюотскаго состоянія и стремиться къ лучшему. Въ природѣ его лежитъ инстинктивное отвращеніе къ знанію и труду, которые требуютъ напряженія умственныхъ и физическихъ силъ. Только долгая привычка къ работѣ; извѣстная степень матеріальнаго обезпеченія и нѣсколько благоприятная обстановка жизни могутъ еще пробудить въ невѣждѣ желаніе лучшей участи и заставить его заботиться о развитіи своего ума. Любовь къ жизни и жажда знанія неумѣстны и немыслимы тамъ, гдѣ люди обречены на постоянныя лишенія, неблагодарный, рабскій трудъ и неутолимый голодъ. Такая жизнь убиваетъ въ человѣкѣ все человѣческое; въ немъ остается только животный инстинкъ самосохраненія, да и тотъ мало по малу притупляется до такой степени, что повседневный страхъ смерти смѣняется, наконецъ, глубокимъ отвращеніемъ къ жизни, полнѣйшею апатіей. Такъ влачатъ свое безсмысленное существованіе племена дикарей и народы, погруженные въ нищету и невѣжество. И какимъ страшнымъ налогомъ облагаетъ ихъ смерть, и съ какою жадностью пожираетъ она свою добычу!

Вся жизнь человѣка проходитъ въ борьбѣ съ природою. Но, для успѣшной борьбы съ нею, ему необходимо, прежде всего, разбудить свои дремлющія способности, развитъ въ себѣ новыя потребности и желанія и полюбить жизнь. Трудъ и знаніе—единственное оружіе, которымъ человѣкъ можетъ бороться съ природою и побѣждать ее. Въ трудѣ онъ заявляетъ свое превосходство надъ прочими животными, а знаніе дѣлаетъ его господиномъ природы. Пока человѣкъ питаетъ отвращеніе къ труду и знанію, до тѣхъ поръ онъ—рабъ окружающей его природы и врагъ своего ближняго. Война и убійство становятся тогда главнымъ занятіемъ его жизни и

средствомъ существованія. Но безъ труда жизнь невозможна, и потому война, какъ отрицаніе труда, по своему принципу разрушенія, не можетъ питать себя и, рано или поздно, должна исчезнуть или уморить съ голоду, какъ побѣжденныхъ, такъ и побѣдителей. Куда дѣвались воинственные персы, греки, римляне, монголы, презиравшіе трудъ?! Что стало теперь съ турками?! Горе тому народу, который считаетъ войну средствомъ своего существованія, стремится къ насильственному владѣнію чужой землею и желаетъ жить на счетъ побѣжденнаго. Такой народъ неизбѣжно вымираетъ, оставляя послѣ себя одни лишь кровавыя пятна на страницахъ исторіи. Война и завоеваніе, какъ средства жизни, приводятъ каждый народъ къ самому злостному банкротству и самоубійству.

И такъ нищета и невѣжество — постоянныя причины чрезмѣрной смертности. Поэтому искоренять нищету и распространять знаніе значить уменьшать налогъ смерти, падающій на народъ, и, выхвѣтъ съ тѣмъ, устранять поводы къ убійству и войнамъ. Увеличеніе смертности въ населеніи служитъ явнымъ признакомъ пожирающей его нищеты. Народъ страдаетъ, умираетъ отъ недостатка средствъ пропитанія; онъ мечется и стонетъ, какъ больное дитя. Прислушайтесь къ его воплямъ и стонамъ, не заглушайте ихъ, а изучайте его болѣзни и страданія и облегчайте ихъ, не временными, а радикальными мѣрами. Вотъ единственное средство избѣжать повальной бѣды.

«Въ настоящее время населеніе Россіи находится въ такомъ же положеніи, въ какомъ было населеніе Франціи до революціи, т. е. отличается страшною смертностью». (1. *Корсажъ*. Сравнительная Статистика Кольба, т. I, стр. 178).

Дѣйствительно: нигдѣ, можетъ быть кромѣ Китая, нѣтъ такой смертности, какъ въ Россіи. У насъ ежегодно, среднимъ числомъ, умираетъ одинъ изъ 25 чел., между тѣмъ, какъ въ Англіи—1 изъ 45, во Франціи—1 изъ 42, въ Пруссіи—1 изъ 38, а въ Австріи—1 изъ 33. Налогъ смерти особенно великъ въ Московской губерніи, гдѣ приходится умирать одному изъ 23 чел.

«Вліяніе благосостоянія и бѣдности на смертность вездѣ чрезвычайно общирно и велико. По изслѣдованіямъ прусскаго статистика Каслера, средняя жизнь достаточныхъ людей въ Берлинѣ равняется 50 лѣтъ,

а бѣдныхъ только 32. И такъ случай, по которому ребенокъ рождается на пуховомъ ложѣ богатыхъ, дарить ему при самомъ рожденіи 18 лѣтъ жизни болѣе, чѣмъ ребенку, являющемуся на свѣтъ на соломенномъ ложѣ бѣдной. Разница эта, огромная уже въ первое время жизни, обнаруживается еще сильнѣе въ старшихъ возрастахъ. Изъ 1000 чело-вѣкъ до 80-ти лѣтняго возраста доживаетъ въ Берлинѣ 57 богатыхъ и только 9 бѣдныхъ, т. е. въ шесть разъ меньше». (Кольбъ. Сравн. Стат.) т. II, стр. 287).

Смертность между бѣдными въ Парижѣ и Лондонѣ гораздо значительнѣе. Въ Парижѣ, напримѣръ, ежегодно умираетъ около 40,000 челов., въ томъ числѣ 24,000 дѣтей, не достигающихъ 10-ти лѣтняго возраста. Въ одной части столицы Франціи, населенной преимущественно богатыми, умираетъ 1 изъ 54, а въ другой, гдѣ живутъ больше бѣдняки, смерть похищаетъ 1 изъ 40. Въ Лондонѣ эта разница еще замѣтнѣе. Тамъ въ нѣкоторыхъ кварталахъ умираетъ даже 1 изъ 12. При этомъ средняя продолжительность жизни лондонскаго рабочаго не превышаетъ 20 лѣтъ, а купца и джентльмена достигаетъ 50.

Отдадимъ, однако, справедливость нашей столицѣ; она отличается изумительною смертною своего населенія, не смотря на то, что ея жители могутъ пользоваться многими, рѣдкими у насъ средствами, для поддержанія своей жизни, какъ то: больницами, аптеками и врачами. Въ Петербургѣ, десять лѣтъ тому назадъ, было уже 90 госпиталей и больницъ, и въ нихъ лечилось ежегодно до 62,000 чел. Кромѣ этого числа больныхъ, въ городскія больницы приходило болѣе 70,000 чел. за медицинскими совѣтами и получало бесплатно лекарства. Такими пособіями далеко не пользуются остальные жители Россіи, особенно сельскіе. Г. Корсакъ говоритъ, что въ 1858 году у государственныхъ крестьянъ, среднимъ числомъ, приходилась одна больница болѣе чѣмъ на миллионъ чел., а одинъ врачъ на 101,500 чел.! При всемъ томъ смертность въ Петербургѣ громадна, и число умирающихъ ежегодно превышаетъ число рождающихся: это явленіе безпримѣрное. Что же касается до видимаго увеличенія населенія нашей столицы, то оно происходитъ исключительно вслѣдствіе наплыва людей изъ провинціи, которые бѣгутъ оттуда въ Петербургъ, чтобы умереть поскорѣе. По официальному донесенію Комитета Здравія, въ октябрѣ прошлаго года, оказывается, что средняя жизнь въ Петербургѣ едва достигаетъ 16-ти

лѣтъ. Такимъ образомъ наши столичные жители не доживаютъ даже до совершеннолѣтняго возраста.

Смертность дѣтей въ Россіи поразительна. По среднему выводу за 10 лѣтъ (1849 — 1858), на 10,000 умирающихъ приходится 5,500 недостигшихъ пятилѣтняго возраста, т. е. болѣе 50%. Во Франціи населеніе моложе 5 лѣтъ составляетъ до 10% общаго числа жителей и изъ 14 дѣтей умираетъ одно. У насъ пропорція малолѣтнихъ гораздо значительнѣе и смертность между ними въ 3 $\frac{1}{2}$ раза болѣе, чѣмъ во Франціи; другими словами въ Россіи умираетъ одно изъ 4 рождающихся дѣтей. До старости у насъ доживаетъ очень мало: не болѣе 5%. Многие, однако, полагаютъ, что число стариковъ въ Россіи довольно значительно, и приводятъ, для доказательства своего мнѣнія, официальные донесенія. Г. Корсакъ, переводчикъ «Сравнительной Статистики» Кольба, основательно замѣчаетъ, что подобное мнѣніе нелѣпо. По его словамъ—«дѣлать заключенія изъ официальныхъ цифръ, особенно о смертности въ Россіи и ежегодной *прибыли* ея населенія—невозможно, ибо, съ одной стороны, нѣтъ точно опредѣленной цифры народонаселенія, а съ другой—цифры рожденій, а тѣмъ болѣе смертныхъ случаевъ, не полны». Выправляя официальные данныя, самъ г. Корсакъ приходитъ къ тому выводу, что у насъ рождается одинъ изъ 20, а умираетъ одинъ изъ 25 чел., а не 29, какъ думаютъ нѣкоторые наши статистики. Что же касается до ежегодной *прибыли* населенія, то, по его вычисленію, ее нельзя ни въ какомъ случаѣ считать болѣе 1%, а вѣрнѣе всего — 0,80%.

«Всѣ официальные выводы о смертности въ Россіи, говоритъ г. Корсакъ подлежатъ большому сомнѣнію... Но даже изъ неполныхъ статистическихъ данныхъ можно вывести то заключеніе о движеніи ея населенія, что оно совершается чрезвычайно неправильно, что всѣ случайности дѣйствуютъ на него сильно и повторяются, притомъ, весьма часто.—Это первый признакъ низкой степени развитія страны.»

Въ самомъ дѣлѣ: нигдѣ народъ такъ не страдаетъ отъ разныхъ случайностей—повальныхъ болѣзней, войны, неурожайныхъ годовъ, какъ въ Россіи. Въ холерный 1848 годъ въ цѣломъ населеніи оказался огромный перевѣсъ числа умершихъ надъ числомъ родившихся, перевѣсъ на 332,000! Особенно гибеленъ былъ для насъ также военный 1855 годъ. Но ни одна бѣда такъ не страшна для

насъ, какъ неурожай, который съ году на годъ повторяется все чаще и чаще, благодаря вывозу хлѣба за границу и варварской, пагубной обработкѣ земли. Наше хлѣбопашество — настоящій грабежъ земли, грабежъ тѣмъ болѣе ужасающій, что онъ заявляется повсюду истощеніемъ почвы и развитіемъ эпидемическихъ болѣзней и смертности. Съ 1846 года, когда начался у насъ усиленный вывозъ хлѣба въ Англію, неурожаи не прекращаются въ Россіи и голодъ ежегодно опустошаетъ по нѣсколько губерній вдругъ, угрожая сдѣлаться постояннымъ и повсемѣстнымъ, если мы не измѣнимъ радикально нашего земледѣлія и не обратимъ вниманія на преступныя продѣлки хлѣбныхъ торговцевъ.

Нищета, недостатокъ средствъ продовольствія и частые неурожаи безспорно составляютъ вездѣ главныя причины чрезмѣрной смертности въ народѣ. У насъ въ Россіи эти причины дѣйствуютъ тѣмъ губельнѣе, что въ неурожайные годы масса населенія дѣлается еще жертвою алчности монополистовъ хлѣбной торговли, которые безнаказанно скупаютъ хлѣбъ и продаютъ его потомъ по дорогой цѣнѣ. Такимъ образомъ наши хлѣбные кулаки являются настоящими бичами для народа, который питается только хлѣбомъ и называетъ его своимъ «батюшкой—кормильцемъ». Наша земля вообще неплодородна и, среднимъ числомъ, даетъ урожай самъ 3. При такомъ скудномъ сборѣ хлѣба, наши крестьяне принуждены еще сбывать его по самой дешевой цѣнѣ безжалостнымъ торгашамъ.

«Нашъ хлѣбопашецъ продаетъ свой хлѣбъ, большую частію, въ то время, когда ему нужны деньги, какъ говорится— *до зарпѣту*. Продаетъ онъ его, опять таки, большую частію, не потребителю, а торговцу: кулакъ часто не даетъ ему даже показать носа въ ближайшемъ городѣ; онъ самъ разъѣзжаетъ по селамъ и деревнямъ и тутъ чаще всего—хочешь же хочешь—продавай! Не продашь нынѣшній разъ—нужда заставитъ обратиться къ кулаку въ другой... Можно представить себѣ за что принужденъ бываетъ продавать свой хлѣбъ несильный, небогатый русскій хлѣбопашецъ!

Неурожай, голодный годъ, составляя общее несчастіе, для нашихъ хлѣбныхъ торговцевъ — золотое время. Чтобы понять это, стоитъ только присмотрѣться къ ихъ сіяющимъ лицамъ, когда весной получаютъ они извѣстія о засухѣ, о разныхъ обстоятельствахъ, сбѣщающихъ неурожай. Первая ихъ уловка распускать какъ можно болѣе слуховъ объ этомъ неурожай; этимъ они сейчасъ-же поднимаютъ цѣны на муку, крупу, овесъ, часто до тѣхъ чудовищныхъ цифръ, которыми мы имѣемъ удовольствіе любоваться послѣдніе годы и въ настоящее время. Иногда

эти слухи и не оправдываются, а все таки торгошъ получить барышъ и заставить бѣдняка задуматься и вѣсть хлѣбъ, скрѣпя сердце... Преступная скупка въ одиѣ руки насущной потребности народа дала средство въ старые неурожайные годы (а ихъ у насъ было не мало) и въ прошедшее неурожайное десятилѣтiе составить тѣ громадные состоянiя, которыми мы дивимся и простодушно удивляемся. Бузня, лабораторiя глѣхъ состоянiй—наше сарвное, московское Болото!.. Не знаемъ почему, но самый легкiй пересмотръ нашей хлѣбной торговли наводитъ на насъ мысль о хлѣбныхъ законахъ другихъ странъ». (Н. Славорскiй. Очерки Москвы. 1862).

«Продающiй хлѣбъ скупю отъ народа—проклятъ!» сказала нѣкогда мудрый царь Соломонъ, и совѣтъ всѣхъ народовъ признала справедливымъ это проклятiе. Скупщики хлѣба во всѣ времена считались врагами общества и, въ голодные годы, народъ безжалостно казнилъ ихъ за посылательство на его жизнь. Не дѣлай другому того, чего не желаешь себѣ: вотъ основное правило справедливости. Но этому, если торговецъ, скупая хлѣбъ, продаетъ его по дорогой цѣнѣ въ неурожайные годы и угрожаетъ народу голодною смертию, которой себѣ конечно не желаетъ, то съ нимъ слѣдуетъ поступать какъ съ умышленнымъ убiйцею.

«Кто учинитъ убiйство, хотя и безъ обдуманнаго заранѣе намѣренiя или умысла, *со злоумышленности и раздражении*, но однако и не случайно а зная, что онъ посягаетъ на жизнь другого, тотъ приговаривается къ лишению всѣхъ правъ состоянiя исылкѣ въ каторжную работу на время отъ 10 до 12 лѣтъ. (§ 2004. XV тома Гражд. Зак.). Между тѣмъ по § 1169, «за оптовый скупъ предметовъ продовольствiя, *смотря по важности происшедшихъ отъ того послѣдствiй*, виновные подвергаются или денежному взысканiю отъ 50 до 300 рублей или аресту на время отъ 3 недѣль до 3 мѣсяцевъ.

Если карать, то карать за дѣло и соразмѣрно винѣ. Каждый, безъ сомнѣнiя, согласится, что за преступленiе противъ общества, за посылательство на жизнь бѣднаго народа, слѣдуетъ наказывать несравненно строже, чѣмъ за преступленiе противъ лица. Того требуетъ общественная нравственность и народная безопасность. Монополь въ хлѣбной торговлѣ, конечно, самое гнусное торговое преступленiе: оно возмущаетъ совѣсть, потому что совершается всегда умышленно и поражаетъ невинный, безгласный, страдальческiй классъ населенiя. Въ неурожайный годъ скупщики хлѣба, такъ называемые «кулаки»,

являются настоящими поставщиками смерти, палачами народа; они растрavляют его раны и морят голодомъ обдуманно и безстрастно. Какую придумать казнь за подобное преступленіе?

На стачку хлѣбныхъ торговцевъ, возвышающихъ цѣны на жизненные припасы, слѣдуетъ смотрѣть, какъ на самый пагубный заговоръ противъ народа. Зачинщики и участники такого заговора должны подвергаться не тюремному заключенію, а приговариваться къ лишенію всѣхъ человѣческихъ правъ и вѣчной ссылкѣ. Кромѣ того, имена этихъ преступниковъ должны быть известны народу, съ тѣмъ, чтобы онъ могъ передавать ихъ изъ рода въ родъ подъ своимъ проклятіемъ. Только такое наказаніе можетъ еще обуздать скупщиковъ хлѣба и заставить ихъ отказаться отъ своего гнуснаго промысла.

Когда какое нибудь преступленіе часто повторяется, то оно перестаетъ, наконецъ, казаться возмутительнымъ; если общественная совѣсть и не оправдываетъ его вполнѣ, то начинаетъ уже смотрѣть на него снисходительнѣе. Привычка—великое дѣло; она иногда до того искажаетъ нравственный смыслъ людей, что иное преступленіе обращается даже въ обычай. Кто не знаетъ, что въ Испаніи и Италіи, для удовлетворенія личной мести, существуетъ обычай нанимать убійцу, который и нападаетъ на указанную ему жертву изъ-за угла. Ловкій ударъ въ спину кинжаломъ считается удалствомъ, и опытный bravo цѣнится очень дорого. Кому неизвѣстно также, что въ Италіи отцы уродуютъ своихъ дѣтей, съ цѣлію сдѣлать изъ нихъ хорошихъ пѣвцовъ, и набожные католики, особенно монахи, поощряютъ подобное звѣрство и щедро платятъ за голосистыхъ мальчиковъ. Давно-ли, наконецъ, англійскіе джентльмены перестали таскать своихъ женъ на рынокъ съ веревкою на шеѣ! Если уже такія преступленія противъ нравственности не возбуждали омерзѣнія, то какими же глазами могли смотрѣть, послѣ этого, на продѣлки торгашей, на ихъ мошенничества?! Какъ смотреть на нихъ еще по сіе время?! Торговля преступленія совершаются ежедневно съ изумительною наглостью—и что же? Общество до такой степени присмотрѣлось и привыкло къ нимъ, что обманъ, подлогъ въ продажѣ, банкротство, ажіотажъ, скупъ товаровъ, ихъ поддѣлка и множество другихъ безсовѣстныхъ продѣлокъ считаются уже *неизбѣжнымъ* зломъ торговли!..

При всемъ томъ, какъ бы ни дремала общественная совѣсть, она

замереть совѣсьмъ не можетъ. Вотъ почему, не смотря на видимое равнодушіе къ своимъ интересамъ, общество питаетъ все-таки основательное предубѣжденіе противъ торговаго сословія. Осязательные факты повседневной жизни и долгій опытъ; конечно, заставили всѣхъ смотрѣть на ремесло торговца довольно подозрительно. Вотъ почему общество до сихъ поръ еще ставить ни во что божбу, совѣсть и честь торгаша, который нарываетъ поминутно обмануть покупателя.

«Покупатель, являсь въ лавку, по обыкновенію, играетъ роль невиннаго ребенка, которому очень хочется казаться взрослымъ. Онъ съ видомъ знатока осматриваетъ товаръ, толкуетъ о немъ, потомъ упрямится,—дѣти всегда упрямы,—торгуется упорно, мѣрится въ этомъ дѣлѣ нравственно съ торговцемъ и, наконецъ, побѣжденный—покупаетъ товаръ, гордо унося съ собой сознаніе, что его, небось, не обманешь. Долго-ли держится это сознаніе—вопросъ иной.

И вотъ съ этими-то взрослыми дѣтьми имѣетъ дѣло торговецъ, ежедневно ихъ изучающій, легко подмѣчающій всѣ слабыя стороны, угодить которымъ очень легко. Польстить самолюбію лишнимъ титуломъ, лишнею почестью, вѣдь это не товаръ, можно и даромъ дать; польстить мнимому знанію, войти въ ученые разсужденія по товарознанію, даже попросить совѣта отъ покупателя. разчестить сосѣдей-торговцевъ и заверить въ своей личной честности, убѣдить, что товаръ уступается только знакомству, хотя бы хозяинъ его и въ первый разъ видѣлъ своего покупателя—все это очень дешево, дешево и сердито, потому что достигается своей цѣли.

Но честно-ли это, добросовѣстно-ли?

У большей части нашихъ посредниковъ торговли есть свой особый, такъ сказать—торговый взглядъ на честность и добросовѣстность, взглядъ, по которому совершенно противоположныя этому смыслу качества (т. е. безсовѣстность и подлость) составляютъ еще достоинство—торговую ловкость, торговую добродѣтель, которою гордятся даже въ своемъ кружку, ставятъ въ характеристику челоуѣка практическаго, опытнаго, мастера своего дѣла, доки. Къ такому челоуѣку охотнѣе отдають дѣтей въ выучку, т. е. въ мальчики, такому-де челоуѣку какъ не научить уму-разуму.—Мальчикъ, приобрѣтая ловкость, поступаетъ въ сподручныя, помогаетъ старшимъ и учится на образцахъ торговой добродѣтели, и если дается хорошо наука, то ученикъ, практикуясь и на покупателяхъ и на хозяинѣ, самъ наживаетъ достатокъ, самъ дѣлается посредникомъ, т. е. торговцемъ.

И множится такимъ порядкомъ семья русскихъ торговцевъ. Недобросовѣстность въ продажѣ такъ въѣлася въ жизнь, что самое слово потеряло значеніе, а укорь имъ вызываетъ въ отвѣтъ старую, глупую поговорку—*на то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ*. Но если

эта поговорка не оправдание, за то она вѣрное опредѣленіе отношеній покупателя къ торговцу, вѣрное доказательство того, что жажда корысти, эта духовная бользнь сердца, можетъ уподобить торговца щуцѣ, рыбе хищной, острозубой. Конечно, не весело быть карасемъ, и жаль его, да кто же виноватъ! (Вѣстникъ Промышленности, № 3, 1860. Публичныя лекціи профессора Киттары о товаровѣдѣніи).

Такими черными красками описываетъ нравственное растлѣніе нашего купечества г. Киттары, профессоръ Московской Коммерческой Академіи. Никто, конечно, не упрекнетъ этого ученаго за клевету и не заподозритъ въ неблагонамѣренности либеральнаго педагога, который, по собственному признанію, только «въ минуты сомнѣнія въ непогрѣшимости своего взгляда» прибѣгаетъ къ розгамъ и сѣчетъ своихъ воспитанниковъ. Сколько бы пользы могъ принести г. Киттары нашей торговлѣ, если бы, вмѣсто юношей, ему поручили воспитывать взрослыхъ докъ-торгашей по всѣмъ правиламъ старой педагогіи, которой онъ слѣдуетъ!

«На то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ», возражаетъ торговецъ, когда его начинаютъ укорять въ подлогѣ. Публика—карась; въ отношеніи щуки—торгаша, она играетъ страдательную и жалкую роль и безжалостно пожирается. Это въ порядкѣ вещей и чѣмъ, наконецъ, виновата щука, ели она плотоядна по своей природѣ и пожираетъ карася, который, чаще всего, лезетъ самъ въ ея зубастую пасть?! Общество жалуется на торговый произволъ, на злоупотребленіе довѣрія со стороны купцовъ; оно обвиняетъ ихъ въ недобросовѣстности и т. п... Но право-ли само общество? Можетъ-ли оно, по совѣсти, укорять однихъ только торгующихъ? Что сдѣлало оно для нихъ нравственнаго развитія, чтобы имѣть право требовать отъ нихъ иного поведенія? Въ обществѣ всѣ люди, волей или не волей, солидарны между собою; вина одного—вина общая. Вотъ почему, замѣчая пагубныя уклоненія и злоупотребленія въ торговлѣ, общество должно, прежде всего, искать причину зла не въ алчности торгаша, а въ развитіи туземства вообще, въ разладѣ и борьбѣ интересовъ, а главное въ невѣжествѣ, въ господствѣ пагубныхъ предразсудковъ и ложныхъ понятій, особенно о цѣли и назначеніи торговли. Отношенія людей между собою могутъ быть основаны или на взаимности и равенствѣ услугъ, или на взаимномъ отчужденіи и своскорыстіи, согласно поговоркѣ—«каждый самъ за себя и для себя, а Богъ за всѣхъ». Эти два принципа, по своей противополо-

ложности, конечно, должны породить совершенно обратныя явленія. Вездѣ, гдѣ преобладаетъ принципъ взаимнаго отчужденія, тамъ нельзя и ожидать искренности отношеній; тамъ обманъ, подлогъ, подозрительность, лицемеріе, равнодушіе къ общему дѣлу, тушеядство и всѣ преступленія эгоизма, заглушая совѣсть, становятся обыденными фактами общественной жизни и обращаются въ правила житейской мудрости. Гдѣ человѣкъ стремится постоянно жить и наживаться на чужой счетъ, тамъ нѣтъ и быть не можетъ общества, въ нравственно значеніи этого слова, и каждый дѣйствуетъ отдѣльно, для достиженія личныхъ цѣлей. Но развратъ чувства неизбѣжно ведетъ за собою и развратъ мысли. Когда своекорыстіе пропитало человѣка до мозга костей, онъ старается придумывать разные благовидные доводы, для оправданія своихъ поступковъ и ищетъ спасенія въ со-мнѣніи, которая могла бы избавить его отъ угрызенія совѣсти. «Не я первый, не я послѣдній. Такъ было прежде, такъ должно быть и всегда. Своя сорочка ближе къ тѣлу, и ни кто себѣ не врагъ». Вотъ какими доводами успокаиваютъ свою совѣсть люди, которые находятъ выгоднымъ смотрѣть на жизнь, какъ на лотерею или скачку съ препятствіями! Такая мудрость, разумѣется, убиваетъ въ человѣкѣ даже лицемеріе, и онъ не только перестаетъ скрывать грязныя побужденія своего эгоизма, но подчасъ и гордится ими, выставляя на показъ свое умѣніе жить на счетъ простодушныхъ и добросовѣстныхъ.

Общество негодуетъ на своеволие торговли и каждый покупатель предубѣжденъ противъ торговца, который, по обыкновенію беретъ съ него втри-дорога и продаетъ дурной товаръ. Подобное предубѣжденіе, безспорно, весьма основательно, и надо желать, чтобы товары продавались по настоящей цѣнѣ и хорошаго качества. Но какъ достигнуть этой цѣли? Какъ слѣдуетъ торговать и какое вообще должно быть правило торговъ? Если публика рѣшается осуждать купцовъ за ихъ способъ продажи, то она, разумѣется, должна имѣть настоящее понятіе о назначеніи и цѣли торговли и знать, какъ слѣдуетъ вести ее для общей пользы всѣхъ продавцевъ и покупателей. Другими словами: публика обязана имѣть здравыя экономическія убѣжденія и сознавать дѣйствительную причину торговаго зла. Въ противномъ случаѣ, всѣ ея нападки на торгующихъ будутъ бессмысленны и совершенно неумѣстны; онѣ не искоренятъ зла и не исправятъ людей, которые вѣрують, что безъ злоупотребленій,

обмана и подлога торговать нельзя. Теперь, спрашивается, какое, по мнѣнью публики, должно быть правило торговли? Чего требуетъ она для обезпеченія дешевизны и доброкачественности товаровъ?

Замѣтимъ, прежде всего, что публика, особенно наша, въ дѣлѣ торговли, какъ и во многомъ другомъ, не смыслить ничего. Она привыкла только торговаться, зная по опыту, что купцы любятъ запрашивать втрое и вдесятеро. Купецъ, въ свою очередь, знаетъ эту привычку почтенной публики, изучилъ ее до тонкости и часто волей-неволей запрашиваетъ дорогую цѣну, чтобы не продать въ убытокъ себѣ. Трудно вообразить, на какія хитрости пускается иногда покупатель, чтобы выторговать лишнюю копейку! И какъ ловко торговецъ умѣетъ обойти такого покупателя и обмануть его подъ самымъ носомъ! Дурной и вредной привычкой торговаться отличается у насъ не только нисшій классъ, но и высшая публика. Весьма часто иной баринъ или барыня состязаются на торгу съ купцомъ и лавочникомъ получше любой кухарки. Тутъ невольно рождается вопросъ: за что же, въ самомъ дѣлѣ, публика осуждаетъ торговца, если онъ запрашиваетъ дорого? Не сама-ли она подстрекаетъ его на ложь и обманъ и даетъ ему предлогъ къ оправданію своей недобросовѣстности! И кто же страдаетъ отъ этого? Разумѣется та же самая публика. Вотъ почему каждый покупатель, заходя въ лавку или магазинъ похожъ на муху, которая попадаетъ въ паутину и дѣлается добычею паука. Между покупателемъ и мухой, впрочемъ, та разница, что муха залетаетъ въ паутину случайно, а покупателю приходится заходить въ лавку по необходимости.

Барышничество, лихоимство — зло торговли, и зло тѣмъ болѣе опасное, что оно развивается неудержимо и со дня на день увеличиваетъ дороговизну жизни, обращая ее въ нестерпимую пытку для бѣднаго и самаго многочисленнаго класса населенія. Торговый произволь неизбежно порождаетъ лихоимство, этотъ гнусный порокъ, противъ котораго всегда возставала совѣсть всѣхъ народовъ. «Какъ вамъ, если хотите, говорилъ пѣккій мудрецъ, опишу я страсти лихоимца и хищника. Что бо мерзостнѣе рукъ оныхъ? Что очей ихъ безстыднѣе и псамъ свойственнѣе? Они не видятъ человѣковъ, яко человѣковъ, но вся мнать быти деньги, деньги». Повинуясь голосу народной совѣсти, законодатели повсюду старались обузывать барышниковъ и ограничивать постоянными и временными мѣрами торговое своеволие. Вотъ чѣмъ объясняется происхожденіе раз-

ныхъ узаконеній о куплѣ и продажѣ, о займѣ, о величинѣ роста и пр. Кромѣ того, съ цѣлю обезпечить дешевизну предметовъ первой потребности, какъ напр. хлѣба, мяса и т. п., власти сами назначали продажную ихъ цѣну, устанавливали таксу и жестоко преслѣдовали за ея нарушеніе. Желаніе подчинить торговлю закону привело, наконецъ, власть къ мысли обратить ее въ *монополию*. Такъ создавалась система откуповъ и разныхъ торговыхъ привилегій, противъ которыхъ возстаетъ современное общество.

Горькій опытъ убѣдилъ каждаго, что всѣ стѣсненія торговли, даже въ видахъ общей пользы, не только не уничтожаютъ въ ней произвола, но даютъ ему еще самые чудовишные размѣры и наносятъ положительный вредъ всему обществу.

Стараться уничтожить злоупотребленія и своеволие торгующихъ разными уставами и таксами значитъ бросаться въ другую крайность—въ полицейской произволъ, и бесполезно посягать на свободу, какъ продавцовъ, такъ и покупателей. Кто не знаетъ, цитомъ, на сколько дѣйствительна всегда полицейская установка цѣнъ, которая не можетъ вовсе обезпечить дешевизны! Мы не говоримъ уже о тарифахъ, порождающихъ контрбанду, и о монополяхъ вообще, благодаря которымъ потребители принуждены платить страшный оброкъ при каждой покупкѣ и, въ довершеніе всего, приобретать дурные товары. Каждый изъ насъ—самъ судья своихъ потребностей, а потому воленъ покупать что ему заблагоразсудится и оцѣнивать вещи по своему усмотрѣнію. Съ другой стороны, всякій производитель и продавецъ—самъ судья въ выборѣ средствъ производства и свободенъ продавать дороже или дешевле. Никто не имѣетъ права гнать покупателей на рынокъ и насильно заставлять ихъ платить по таксѣ. То же самое несправедливо и принуждать торгующихъ продавать по установленной цѣнѣ, потому что для однихъ такса можетъ быть выгодна, а для другихъ убыточна. Такимъ образомъ простой здравый смыслъ доказываетъ, что первымъ условіемъ всякой купли и продажи должно быть свободное соглашеніе продающаго и покупающаго. Отнимите обоюдную свободу обмѣна и взаимность исчезнетъ, уступая мѣсто насилію.

Здѣсь невольно рождается вопросъ: какъ согласить интересы продавца и покупателя, если каждому изъ нихъ предоставить полную свободу въ назначеніи цѣнъ? Другими словами: какъ избѣжать торговаго произвола, если его не станетъ болѣе обуздывать полицейская власть?

На этот вопрос защитники свободной торговли отвѣчаютъ: «при сдѣлкѣ продавца и покупателя, цѣна всегда опредѣляется отноше-
ніемъ запроса къ предложенію. Запросъ и предложеніе—вотъ един-
ственное правило торговъ; оно не должно подчиняться никакому
уставу. Избавьте торговлю отъ разныхъ монополій, дайте купцамъ
полную свободу соперничества — и будьте увѣрены, что никто не
станетъ жаловаться на торговый произволъ и требовать вмѣшатель-
ства полиціи для установки таксы. На рынокъ не можетъ быть по-
стоянныхъ и неизмѣнныхъ цѣнъ: онѣ должны колебаться неизбежно,
то падая, то возвышаясь, вслѣдствіе уменьшенія или увеличе-
нія запроса на товары. Поэтому опредѣленіе текущихъ цѣнъ на
рынокъ зависитъ отъ свободнаго соперничества всѣхъ торгующихъ, а
не отъ произвола или прихоти одного изъ нихъ и всего менѣе —
отъ полицейской власти».

Это разсужденіе, на первый взглядъ, кажется основательнымъ и
безспорнымъ, потому что оно какъ будто отрицаетъ торговый мо-
нополь, который составляетъ главную причину дороговизны. Вотъ
почему, съ тѣхъ самыхъ поръ, когда откупная система въ продажѣ
вызвала противъ себя общественное негодованіе, всѣ стали смотрѣть
на конкуренцію, какъ на самое благодѣтельное и дѣйствительное сред-
ство для обузданія алчныхъ торгашей и для обезпеченія дешевизны
жизни. «Дайте полную свободу купцамъ запрашивать какія угодно
цѣны, не стѣсняйте ихъ никакими таксами и тарифами; пусть они
соперничаютъ другъ съ другомъ и распложаются, какъ сельди; об-
щество отъ этого ничего не потеряетъ, а напротивъ того—выиг-
раетъ, потому что каждый торговецъ, стараясь заманить къ себѣ
покупателей, станетъ поневолѣ сбавлять цѣну и продавать дешево.
Laissez faire, laissez passer—и все будетъ къ лучшему. Взгляните
на рынокъ, на торговое позорище, гдѣ царствуетъ конкуренція: раз-
вѣ не любо видѣть, какъ полюбовно совершаются тамъ сдѣлки ме-
жду продавцами и покупателями, подъ обаяніемъ свободы запроса и
предложенія! И такъ долой всѣ монополи и откупа!—да здравствуетъ
конкуренція!»

Сколько гвоздей стоитъ пара сапогъ?

Будьте увѣрены, что этотъ страшный вопросъ поставитъ въ ту-
никъ каждаго ученаго экономиста, который проповѣдуетъ такъ назы-
ваемую свободу торговли и утверждаетъ, что цѣна вещей опредѣляет-
ся отношеніемъ запроса къ предложенію. Но задайте этотъ вопросъ

неграмотному даже крестьянину и вы увидите, что онъ отвѣтитъ не робѣя: пара сапогъ стоитъ столько гвоздей, сколько можно сдѣлать ихъ въ то же время и съ тѣми же издержками. И такъ — *трудъ, малѣйший элементъ* — вотъ что опредѣляетъ настоящую цѣнность каждой вещи. Другими словами: всякая вещь стоитъ то, во что обошлась она въ производствѣ.

Что же значить, послѣ этого, слѣдующее выраженіе: цѣны возвышаются съ увеличеніемъ запроса и понижаются съ увеличеніемъ предложенія. Какимъ образомъ вещь, которая въ производствѣ обошлась мнѣ, положимъ, 10 — можетъ быть продана мною за 20, 50, 100, 200 р. и т. д., если запросъ на нее увеличится противъ моей воли?! Неужели число покупателей, а не настоящая стоимость вещи должна опредѣлять ея продажную цѣну?! Честно-ли, добросовѣстно ли такъ продавать? спросимъ мы словами г. Куттары. Нѣтъ! поборники конкуренціи ставятъ уже не во что добросовѣстность продавца, если рѣшаются возводить въ законъ торговли и освящать такія правила, какъ запросъ и предложеніе.

Установка рыночныхъ цѣнъ не можетъ подлежать никакому уставу; она ускользаетъ отъ полицейской власти — это правда. Но развѣ отсюда слѣдуетъ, что на торгахъ честность неумѣстна?! Неужели продавецъ долженъ выходить на рынокъ только съ товарами, безъ чести и добросовѣстности, потому что эти нравственные качества все не товары?! Или купцу должно быть гораздо легче отказаться отъ чести, чѣмъ отъ барыша?! Даже гадно становится задавать подобные вопросы...

Каждая мѣновая сдѣлка должна быть основана, прежде всего, на взаимности, равенствѣ услугъ и добросовѣстности договаривающихся сторонъ. Это первый законъ торговли. Сколько стоитъ вещь самому, столько и бери, ни больше, ни меньше. Неравенство при мѣнѣ товара на товаръ или на капиталъ — нарушаетъ правду и противно совѣсти.

А гдѣ же барышъ? Развѣ безъ него можно торговать? Каждый трудъ долженъ давать избытокъ; иначе и трудиться не стоитъ.

Барышъ — магическое слово! Какъ бьется отъ него сердце каждаго продавца! Къ сожалѣнію, при конкуренціи или свободномъ соперничествѣ, это слово не имѣетъ ни малѣйшаго смысла. Дѣйствительно: если запросъ и предложеніе составляютъ единственное правило торговъ и установки цѣнъ, то спрашивается — какимъ образомъ

найти опредѣленіе барыша? Какъ узнать, гдѣ избытокъ, что излишнее, а что достаточно? Ни цѣна настоящая, ни текущая рыночная, ни задѣльная плата, короче—ничто не можетъ быть опредѣлено съ достовѣрностью. Цѣны то возвышаются, то падаютъ и постоянно колеблятся. Какая же имѣется, послѣ этого, возможность сознательно вообразить себѣ что значить въ торговлѣ слово «барышъ»? Рѣшительно никакой. Вотъ почему, въ теоріи экономистовъ англомановъ—это слово — очевидная нелѣпность. Что же касается торговой рутинѣ, она объясняетъ идею барыша такъ: каждый продавецъ имѣетъ право рассчитывать на барыши... а тамъ — чья возьметъ.

— Кто лжетъ: обвиняемый или его обвинитель? спрашиваютъ варвары судью. — Пусть подерутся, отвѣчаетъ онъ; правда останется на сторонѣ сильнаго.

— Кому изъ нихъ слѣдуетъ торговать? спрашиваетъ публика у отсталого экономиста, указывая на двухъ торговцевъ.

— Пусть сядутъ за прилавокъ и продаютъ, отвѣчаетъ онъ; право торговли останется за мастеромъ своего дѣла, за докой; ему и барыши въ карманъ.

О благодѣтельная конкуренція! Ты убиваешь конкуренцію и, въ силу неизбежнаго самоотрицанія, приводишь къ монополю, освѣщая право сильнаго. Сколько званныхъ на барыши—и какъ мало избранныхъ! Посмотрите на скупщиковъ хлѣба и мяса, этихъ монополистовъ, противъ которыхъ постоянно вопіетъ общество. Чѣмъ они виноваты, если конкуренція дала имъ возможность захватить въ свои руки монополь продажи? Неужели ихъ осуждать за то, что они богаты и своими капиталами могутъ подавить соперничество мелкихъ торговцевъ? Они одержали побѣду и пользуются ею, какъ хотятъ. Побѣдителя не суди и «ндраву его не препятствуй». Вздумается кулаку скупить хлѣбъ въ неурожайный годъ — и, по закону свободной торговли, онъ правъ; пожелаетъ онъ продавать его въдесятеро дороже—онъ правъ. Развѣ можно запретить ему такую продажу? — «Этотъ хлѣбъ, который я скупилъ за свои деньги—моя собственность, скажетъ кулакъ. Мнѣ нравится получать съ него 1000% — и я запрашиваю въдесятеро. Хотите—покупайте, не хотите—не берите; вольному воля, спасенному рай. Мнѣ говорятъ, что народъ умираетъ съ голоду... Можетъ быть это и правда, но мнѣ нѣтъ никакого дѣла: я дѣйствую по всѣмъ правиламъ свободной торговли.

Я занимаюсь вольной продажей хлѣба, продаю его по своей цѣнѣ и «мнѣ въ томъ препятствовать не долженъ никто». Я скупилъ хлѣбъ и теперь, по праву собственника, могу дать гнить ему въ амбарѣ, или потопить или сжечь: я полный хозяинъ своего добра».

Такова логика свободного монополя, который вѣнчаетъ конкуренцію. «Дайте безусловную свободу купцамъ перекупать, скупать и продавать по какимъ угодно цѣнамъ, *laissez faire, laissez passer*, — а народъ пусть умираетъ съ голоду во славу свободной торговли!» Нѣтъ! на такихъ началахъ, торговля, какъ общественное дѣло, уже немыслима: это просто заговоръ противъ общества. Если, по принципу конкуренціи, личное право торговца отрицаетъ право общества, то, по справедливости, это самое общество можетъ объявлять купца вѣнъ покровительства своихъ законовъ и предоставлять каждому покупателю поступать съ нимъ по личному усмотрѣнію. — «Торговецъ, скажутъ намъ, хозяинъ своего товара; онъ владѣетъ и распоряжается имъ, какъ собственникъ. Посягать на свободу его продажи значитъ отрицать право собственности и объявлять конфискацію». Подобное возраженіе нелѣпо, потому что безусловной собственности нѣтъ и быть не можетъ. Вездѣ и всегда она подчинялась закону и требованіямъ общественной пользы. Ни одинъ собственникъ не рѣшится оспаривать у общества права выкупа его собственности, когда того требуетъ общая польза и справедливость. Купецъ, который не производитъ и не потребляетъ самъ своего товара, а покупаетъ его для продажи, не можетъ, притомъ, и называться собственникомъ: онъ только *коммисіонеръ*, довѣренное лицо общества, которое во всякое время можетъ потребовать отъ него отчета. Вотъ почему законъ обязываетъ cadaго купца вести постоянно строгую отчетность по своей торговлѣ, содержать въ исправности приходо-расходныя книги и, за несоблюденіе этого правила, подвергаетъ виновнаго взысканію, а, въ случаѣ несостоятельности, объявляетъ прямо злостнымъ банкротомъ. Развѣ, при такихъ условіяхъ торговли, купецъ можетъ всегда распоряжаться своимъ товаромъ по личному усмотрѣнію и злоупотреблять довѣріемъ общества? Конечно нѣтъ.

И за какія, наконецъ, великія услуги человечеству, общество должно даровать торговцамъ право распоряжаться, по своему произволу и для личныхъ выгодъ, участію народа, его благосостояніемъ и даже жизнью? За что слагать съ нихъ отвѣтственность за нару-

шеніе основныхъ законовъ нравственности и экономической правды, какъ требуютъ того проповѣдники свободной торговли? Когда главнокомандующему поручается армія, то развѣ дается ему право измѣнить отечеству и умысленно вести солдатъ на вѣрную гибель? Когда судѣи довѣряютъ участь подсудимыхъ, то развѣ разрѣшаютъ ему брать съ нихъ взятки и осуждать невинныхъ? Когда доктору позволяютъ пользоваться больныхъ, то развѣ онъ можетъ безнаказанно отравлять ихъ лекарствами? Разумѣется, ни кому и въ голову не западала та мысль, что общество должно согласиться на дарованіе подобныхъ правъ главнокомандующему, судѣи, врачу или кому бы то ни было. За измѣну отечеству, за неправду и подкупность суда, за злоупотребленіе общественнаго довѣрія и убійство—виновные, смотря по важности послѣдствій своего преступленія, подвергаются страшному уголовному наказанію—казни или вѣчной ссылкѣ. На какомъ же основаніи, спрашивается, защитники торговаго произвола рѣшаются требовать для купца полной свободы или своеволія въ продажѣ? Развѣ такое требованіе не противно совѣсти и правдѣ? Когда купецъ покупаетъ товаръ отъ производителя и потомъ продаетъ его потребителю, развѣ имѣетъ онъ право быть лихоимцемъ и брать незаконные проценты? Развѣ онъ имѣетъ право обманывать, обмѣривать, обвѣшивать и сбывать поддѣльный товаръ, потому собственно, что онъ купецъ, а не простой смертный?! Нѣтъ общественная совѣсть возстаетъ противъ такой «вольной» продажи и считаетъ ее позорнымъ преступленіемъ, подлежащимъ уголовному наказанію.

«Воровствомъ-кражею называется всякое, какимъ бы то ни было образомъ, но въ тайнѣ, безъ насилія и угрозы, похищеніе чужихъ вещей, денегъ или иного имущества.

Кто, при продажѣ, покушкѣ или мѣнѣ какихъ-либо жизненныхъ принадлежностей, товаровъ или иныхъ вещей умысленно обвѣситъ, обмѣритъ, выдастъ одну вещь вмѣсто другой, или инымъ какимъ-либо образомъ обманетъ въ количествѣ или въ качествѣ товара или въ расчетѣ платежа, тотъ подвергается наказанію, какъ за *воровство-кражу*, изъ основаніи ст. 2238 Уголовныхъ Законовъ, т. е. лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ.» (XV т. Гражд. Законовъ. §§ 2223 и 2237).

Никто, разумѣется кромѣ отчаянныхъ поборниковъ торговаго произвола, не подыметъ своего голоса противъ такого закона, который служитъ выраженіемъ и признаніемъ общественной совѣсти.

— Не тѣ ужъ нынче годы: говорится про доходы. Что вы намъ

проповѣдуете о совѣсти, нравственности... Въ дѣлѣ общественной пользы подобныя проповѣди не приведутъ ни къ чему. Вы нападаете на конкуренцію, какъ на грѣхъ... Но кто изъ насъ не грѣшитель? Стоитъ-ли, не говоримъ—кричать, но даже намекать на это? Нѣтъ! вы лучше взгляните на конкуренцію съ точки зрѣнія чело-вѣка практическаго, положительнаго, и тогда увидите, что она — настоящее благодѣяніе для общества, потому что поощряетъ трудъ, увеличиваетъ народное богатство, а главное—порождаетъ дешевизну жизни. Неужели, во имя вашей нравственности, вы станете отрицать и необходимость дешевизны, о которой такъ заботится общество? Неужели вы полагаете, что это самое общество стало бы терпѣть конкуренцію, если бы она, подобно откупной системѣ, была пагубна для него? Общество не ошибается, и повѣрьте—оно знаетъ само, лучше васъ, что ему полезно, а что вредно. Оно ненавидитъ монополь, откупа, преслѣдуетъ ихъ немилосердно и, въ то же самое время, жаждетъ, чтобы въ торговлѣ, промышленности, короче—всюду воцарилась благотворная конкуренція, свобода запроса и предложенія, какъ залогъ дешевизны жизни и общаго благополучія. И такъ, вмѣсто того, чтобы нападать на конкуренцію лучше защищайте ее отъ посягательства монополистовъ и кричите — *laissez faire, laissez passer!*

Развитіе благосостоянія и обезпеченіе жизни — вотъ цѣль, къ которой стремится общество рядомъ тяжелыхъ опытовъ, убыточныхъ попытокъ и грустныхъ самообольщеній. Главная, если не коренная, причина такой неудачи заключается въ томъ, что масса людей не думаетъ вовсе отличать *цѣли* отъ *средствъ* и всегда смѣшиваетъ въ своемъ представленіи эти два существенно-различныя понятія. Цѣль, къ которой стремится чело-вѣкъ, — постоянна и неизмѣнна; эта цѣль — обезпеченіе жизни. Стремясь къ такой цѣли, люди естественнo должны придумывать, по крайнему разумѣнію, разныя средства для ея достиженія. Но тутъ-то и является самообольщеніе. Изобрѣтая какое-нибудь средство и приводя его въ дѣло, общество всегда воображаетъ, что достигло цѣли и придуманное средство должно непремѣнно оправдать ее. Съ теченіемъ времени горькій опытъ, разумѣется, начинаетъ ясно доказывать обществу, что такое средство совсѣмъ не такъ дѣйствительно, какъ предполагалось прежде, и что оно далеко не оправдываетъ цѣли.... Тѣмъ не менѣе общество, какъ

будто изъ ложнаго стыда, продолжаетъ считать свою выдумку за настоящую истину и, если чувствуетъ наконецъ, что она порождаетъ зло, то старается успокоить себя тѣмъ, что въ жизни нѣтъ худа безъ добра. Съ такою логикой, конечно, далеко уйти нельзя. Вотъ почему масса людей, дѣлая шагъ впередъ по пути развитія, обыкновенно засыпаетъ на долгое время, пока сила вещей не заставитъ ее проснуться, протереть глаза, осмотрѣться и поразмыслить о своемъ положеніи. Такъ начинается всегда пора обличеній стараго порядка, пора реформъ, т. е. отрицанія тѣхъ самыхъ выдумокъ, которыя считались нѣкогда разумными и дѣйствительными средствами для достиженія извѣстной цѣли.

И у насъ была пора отрицанія. Сильнѣе всего мы отрицали откупъ, крѣпостное право и монопольную систему вообще, которая въ былое время казалась разумною и полезною. Что же придумали мы теперь, вмѣсто ненавистнаго намъ монополя? — Взамѣнъ откупа, у насъ разрѣшена вольная продажа вина; на развалинахъ крѣпостнаго права появился вольнонаемный трудъ и, затѣмъ, въ промышленности и торговлѣ провозглашено свободное соперничество, иначе говоря—конкуренція. Вотъ, вкратцѣ, тѣ средства, которыя мы признаемъ дѣйствительными для достиженія нашей цѣли—общественнаго благосостоянія. Эти средства, по общему убѣжденію, должны вполнѣ оправдать цѣль и, потому, новыя изысканія неумѣстны.

Такъ-ли это? Правда-ли, напримѣръ, что конкуренція—благодѣтельное средство для развитія торговли и промышленности? Правда-ли, что она уничтожаетъ монополь и обезпечиваетъ дешевизну, о которой мы всѣ хлопчемъ? А если нѣтъ? Что, прежде всего, говорятъ намъ факты обыденной нашей жизни? Застой промышленныхъ и торговыхъ дѣлъ, частыя, безпримѣрныя банкротства, упадокъ кредита, безденежье и повсемѣстная дороговизна: вотъ, въ главныхъ чертахъ, экономическое состояніе нашего общества. Гдѣ же благодѣянія хваленной конкуренціи? Что сдѣлала она для торговли и промышленности и что, наконецъ, можетъ сдѣлать для нихъ? Послушаемъ, что говорить объ этомъ человѣкъ практической и ученый, который хорошо знаетъ положеніе нашей промышленности. Приводимъ слова г. Киттары.

«Конкуренція большинства отечественной мануфактурной промышленности основана на лжи и неправдѣ, не дѣлающей чести моральной стороне русскаго челоуѣка.... Поговорите со сторожилами, спросите ихъ мнѣніе объ издѣліяхъ прежняго времени, впрочемъ недавняго, и они отвѣтятъ вамъ, что тогда наши товары были лучше, добротнѣе, дѣлались честнѣе. . Они скажутъ вамъ, что нынѣшніе заводскіе и фабричныя продукты, пожалуй; въ нѣкоторыхъ случаяхъ, виднѣе и красивѣе прежнихъ, да за то меньше въ нихъ добротности, меньше настоящего вѣса, мѣры и объема, и доказательствъ приведутъ много.

Но кто же виноватъ во всемъ этомъ? Виновата конкуренція фальшивая, не сдержанная ни мѣрами административнаго ограниченія, ни общественнымъ мнѣніемъ; виновата конкуренція, которая невольно увлекаетъ cadaго, даже и честнаго челоуѣка. Представьте двухъ сосѣдей-фабрикантовъ, выработывающихъ одно и тоже издѣліе, положимъ измѣряемое аршиномъ. Вдругъ одинъ изъ нихъ, глубоко понявшій потребности и подстрекаемый жаждоу корысти, начинаетъ производить свой товаръ на $\frac{1}{4}$ вершка уже и продавать его нѣсколько дешевле. Товаръ идетъ бойко, и смысленный владѣлецъ фабрики наживаетъ деньги.... Но что же дѣлать фабриканту сосѣду, у котораго наступаетъ, вслѣдствіе этого, застой? Закрыть заведеніе, — разориться? Подумаеть, подумаеть этотъ фабрикантъ и даетъ приказъ фабричной конторѣ: сего числа работать товаръ на $\frac{1}{2}$ вершка уже прежняго.» (Публичныя лекціи г. Киттары о товаровѣдѣніи. Лекція I).

Вотъ вліяніе конкуренціи на наши фабрики и заводы. Соперники въ производствѣ подстрекають другъ друга на дурную выдѣлку товаровъ, на обманъ и подлогъ съ цѣлію увеличить свой сбытъ и угождать публикѣ, которая готова раскупать всякую гниль, если она только дешева. «Но на вкусъ мастера нѣтъ, скажутъ намъ, и, при настоящемъ безденежьи, особенно при неумѣннн отличить хорошій товаръ отъ дурнаго, наша публика, конечно, предпочитаетъ покупать только дешевле. Дешевизна, дешевизна—для насъ важнѣе всего, а безъ конкуренціи она немислима. Кто мѣшаетъ, наконецъ, нашимъ фабрикантамъ соперничать между собой не только дешевымъ производствомъ своихъ издѣлій, но и улучшеніемъ ихъ выдѣлки? «Товаръ, говорить самъ г. Киттары, есть мѣрка не только добросовѣстности производителя, но его искусства и знанія.» Почему же, наши промышленники не хотятъ изучать технику, слѣдить за открытіями науки и заводить у себя новые способы производства? Посмотрите, что дѣлается за границей: тамъ каждый заводчикъ и фабрикантъ знаетъ свое дѣло, занимается имъ самъ, отдаетъ ему свое время, держитъ у

себя научно-образованных людей—химиковъ, механиковъ, опытныхъ мастеровъ. При такомъ веденіи дѣла, заграничный промышленникъ, разумѣется, не портитъ нарочно своихъ издѣлій, производитъ ихъ дешево и хорошо, и потому не боится конкуренціи. У насъ совсѣмъ не то: для нашихъ заводчиковъ и фабрикантовъ наука не существуетъ; многіе изъ нихъ и не подозрѣваютъ, можетъ быть, что для фабричнаго дѣла нужно знаніе, настоящее знаніе, а не рутинна. И такъ, невѣжество, застой мысли, апатія—вотъ причина упадка нашей промышленности, а вовсе не конкуренція.

Подобное разсужденіе отчасти основательно. Дѣйствительно: у нашихъ фабрикантовъ не достааетъ знанія и любви къ своему дѣлу. Вотъ почему, въ междоусобной конкуренціи невѣжества, они стараются перещеголять другъ друга въ дурной выдѣлкѣ своихъ издѣлій и прибѣгаютъ къ подлогу. Однако, не мѣшаетъ обратить вниманіе на одно очень важное обстоятельство: порча и поддѣлка товаровъ зависитъ болѣе отъ купцовъ, чѣмъ отъ фабрикантовъ.

Всѣмъ извѣстно, что товары рѣдко поступаютъ въ продажу прямо съ фабрикъ и заводовъ, а почти всегда проходятъ черезъ множество торговыхъ рукъ, которыя значительно возвышаютъ ихъ цѣну. Крупный капиталистъ скупаетъ оптомъ мануфактурныя издѣлія прямо отъ производителя и, затѣмъ, перепродаетъ ихъ мелкимъ торговцамъ въ розницу—до послѣдней лавчонки, откуда они уже поступаютъ, для продажи, настоящимъ потребителямъ.

«Это—обычный путь распространенія товара, выпускаемаго крупнымъ производителемъ. Тотъ же путь, только въ обратномъ отношеніи предстоить и товару мелкаго производителя: сначала онъ скупается мелкими торговцами и постепенно переходитъ къ болѣе и болѣе крупнымъ, пока не дойдетъ до послѣднихъ, самыхъ крупныхъ рукъ.» (Проф. Киттары).

При такомъ восходящемъ и нисходящемъ пути, количество товаровъ, конечно, не увеличивается, качество ихъ не улучшается, а возвышается только ихъ продажная цѣна, соразмѣрно числу и активности торговцевъ. Чѣмъ ихъ больше, тѣмъ товары дороже; это очевидно. Замѣтимъ, притомъ, что перепродажа фабричныхъ издѣлій изъ рукъ въ руки хотя и основана на конкуренціи, на правилѣ—запроса и предложенія, но вовсе не уничтожаетъ монополя, а напротивъ того—ведетъ къ нему. Поэтому свобода торговли ничто иное,

вать свобода монополя, другими словами—торговое своеволие, порождающее лихоимство, банкротство и дороговизну.

Между купцами и фабрикантами существует огромная разница въ экономическомъ отношеніи; ихъ интересы не только не сходны, но чаще всего прямо противоположны. Каждый понимаетъ, что фабриканты, заводчики и вообще производители могли бы очень легко устранить вмѣшательство торговыхъ посредниковъ, войти въ прямыя сношенія съ потребителями, то есть съ публикой, и сбывать свои издѣлія по дешевой цѣнѣ. За границей давно уже придумали и постоянно изобрѣтаютъ разные способы для сближенія потребителей съ производителями. Непрерывное сокращеніе числа торговцевъ — такова цѣль, которую достигаютъ тамъ улучшеніемъ путей сообщенія, развитіемъ фабричной промышленности, раздѣленіемъ труда, организаціей кредита, устройствомъ доковъ, товарныхъ складовъ, базаровъ, выставокъ, учрежденіемъ обществъ снабженія дешевыми товарами, и т. д. Только благодаря такому направленію экономической дѣятельности, западная Европа могла улучшить свое матеріальное состояніе и далеко опередить насъ. Что же касается до торговой конкуренціи, то это средство порождало вездѣ самыя пагубныя послѣдствія. Соперничество въ непроизводительномъ классѣ торговцевъ производило всегда застой промышленности, разоряло фабрикантовъ и заводчиковъ, подрывало общественный кредитъ и разрѣшалось страшными банкротствами. Банкротство до такой степени привилось теперь къ нашей торговлѣ, что обратилось, наконецъ, въ самую прибыльную спекуляцію. На нее особенно любятъ пускаться московскіе доки; всѣмъ извѣстно, что въ Москвѣ страсть къ банкротству развивается со дня на день, угрожая сдѣлаться повальной болѣзней всего русскаго купечества.

Жить бѣдному человѣку стало теперь рѣшительно невыносимо: цѣны, даже на предметы насущной потребности, до того высоки, что онъ принужденъ голодать часто черезъ день, по милости купцовъ-монополистовъ. Мы уже говорили о подвигахъ нашихъ вулаковъ, скупщиковъ хлѣба, которые обратили свою гнусную монополию въ право жизни и смерти. Скажемъ нѣсколько словъ о герояхъ другого рода—о мясникахъ. Всѣмъ извѣстно, что для нашего народа, который постится цѣлый годъ, мясо — запретная пища, и потому онъ ее не вкушаетъ. Мясо у насъ въ Россіи упогребляютъ вочи исключительно городскіе обыватели и то въ такомъ ничтожномъ коли-

чествѣ, что врядъ-ли въ годъ придется на челоуѣка, среднимъ числомъ, болѣе полпуда. Эта одна изъ причинъ того жалкаго состоянія, въ которомъ находится наша скотопромышленность. Въ мѣстахъ, гдѣ разводится у насъ скоть, какъ напримѣръ въ Малороссіи, онъ скупается московскими и петербургскими кулаками. Нѣкоторые изъ нихъ, по примѣру г. Кожорева, не находятъ даже выгоднымъ продавать его въ столицахъ, а сбываютъ за границу, какъ хлѣбъ, пеньку, сало и другіе продукты. Продажа скота въ Петербургѣ и Москвѣ производится немногими богачами, которые содержатъ бойни. Они, разумѣется, въ стачкѣ между собою и назначаютъ цѣны на мясо по своему произволу. Мясо поступаетъ въ продажу не прямо, а переходить, по обыкновенію, черезъ руки мелкихъ торговцевъ. Тѣ изъ нихъ, которые покупаютъ на бойнѣ 5 или болѣе штукъ скота, приглачиваютъ монополистамъ по 50 или 60 коп. за пудъ дороже, а прочіе мелкіе торгаши—80 коп. и болѣе. Послѣ подобной покупки, мясники-лавочники начинаютъ уже дѣйствовать по своему: не обращая вниманія на ропоть публики, они набиваютъ на мясо страшныя цѣны, обвѣшиваютъ покупателей и продаютъ имъ подложно, вмѣсто черкасской говядины—ливонскую или киргизскую. И зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, станетъ мясникъ дорожить публикой? Развѣ онъ не знаетъ, что если у него не будутъ раскупать мяса, то онъ всегда можетъ спрятать его, до поры до времени, въ сарай, или посолить, или наконецъ сбыть въ колбасныя, съѣстные лавки, пирожныя заведенія, гдѣ его купить та же самая публика въ испорченномъ уже видѣ и по болѣе дорогой цѣнѣ?!

«У насъ, въ Петербургѣ, привозъ съ восточной провинціи зимою весьма значителенъ. Пользуясь этимъ, мясники-лавочники скупаютъ по дешевой цѣнѣ битыхъ свиней. Заднія ихъ оконечности, въ замороженномъ состояніи, въ формѣ окороковъ, отрубаютъ, хранятъ въ складахъ и выпускаютъ въ продажу, по мѣрѣ требованія... Эти замороженные окорока, до продажи, солятся нѣвѣстнымъ русскимъ способомъ, который хотя и очень простъ, за то крайне омерзителенъ. — Передъ рождествомъ, а чаще всего съ половины великаго поста, мерзлые окорока отвоятся, для оттаиванья, *въ 3-хъ копѣчныхъ бани*. Тамъ ихъ раскладываютъ на скамейкахъ, на которыхъ моются и стираютъ бѣлье.

Подобное приготовленіе окороковъ къ засолкѣ—возмутительно. Но въ глазахъ мясниковъ, въ которыхъ корыстолюбіе заглушаетъ совесть, сознание чести и правды, такія продѣлки не считаются злоупотребленіемъ.

Но этимъ еще не ограничиваются плутни нашихъ мясниковъ, Кромѣ окороковъ, они оттаиваютъ въ тѣхъ же баняхъ и замороженную говядину. Это дѣлается съ тою цѣлью, чтобы, посредствомъ насыщенія говядины банными парами, придать ей видъ *парного мяса*. Такую говядину неопытные повара, кучарки и хозяйки покупаютъ за настоящую парную. » (Народное Богатство, №№ 29 и 43. 1863).

Смѣемъ думать, что раскрытіе подобныхъ тайнъ, должно отбить у нашихъ столичныхъ жителей всякую охоту лакомиться солеными окороками и парной говядиной. Но что прикажите ѣсть, когда свѣжая говядина перваго сорта стоитъ 16 коп. фунтъ, втораго—12 коп., третьяго—10 коп.? Развѣ есть возможность, для большинства публики, покупать говядину по такой цѣнѣ?

Трудно, даже невозможно представить себѣ, чѣмъ питаются бѣдные столичные жители. Хорошая пища для нихъ немислима, потому что свѣжіе съѣстные припасы, по своей дороговизнѣ, доступны только самому ограниченному числу потребителей, имѣющихъ достатокъ. Но чѣмъ, однако, объясняется такая чудовищная дороговизна жизни? Неужели тутъ виноваты одни только монополисты, которые управляютъ ходомъ всей торговли? Разумѣется, нѣтъ. Причинъ дороговизны очень много. Одна изъ нихъ, и безпорно главная, на которую доселѣ вовсе не обращали вниманія, заключается въ чрезмѣрномъ размноженіи непроеводительнаго класса торгашей; другими словами—въ развитіи торговаго тунеядства. Публика, конечно, и не подозреваетъ, во что обходится ей содержаніе многочисленной арміи такъ называемыхъ посредниковъ торговли, которые занимаются скупомъ и продажей всевозможныхъ припасовъ, издѣлій и товаровъ. Вредная страсть къ торгашеству пустила глубокіе корни въ массу нашего населенія, и каждый такъ и нарываетъ сдѣлаться торговцемъ, чтобы жить не работая.

• У насъ крестьянское сословіе вполне сознало доходность торговаго дѣла, а потому охотнѣе всего отдастъ своихъ дѣтей въ сидѣльцы. Разумѣется, пробывъ нѣсколько лѣтъ въ учени, сидѣльцы практически основательно научаются обманывать, даже оставаясь безграмотными. Дале: между нашимъ купечествомъ много встрѣчается такихъ господъ, которые изъ ничего, въ самое короткое время, нажили сотни тысячъ. Между тѣмъ, каждому извѣстно, что честностью наживаются капиталы медленно. Отсюда слѣдуетъ, что средство быстро наживаться составляетъ своего рода жизненную тайну, разоблаченіе которой не только поучи-

тельно, но и въ въ высшей степени полезно для общества, какъ предохраненіе отъ посягательства на его трудовую копѣйку. • (Народное Богатство № 39. 1863 г.)

Съ тѣхъ поръ, какъ торговый монополизмъ сталъ возбуждать противъ себя всеобщее негодованіе, въ публикѣ родилось убѣжденіе, что для обезпеченія дешевизны необходима конкуренція, а для достиженія ея—размноженіе класса торгующихъ. Что же оказалось? Публика попала изъ огня да въ полымя. Желанная конкуренція не только не избавила ее отъ монополя, но укрѣпила еще сильнѣе его власть и, вмѣстѣ съ тѣмъ, увеличила дороговизну жизни до того, что обратила ее въ пытку для бѣднаго и самаго многочисленнаго класса населенія. Пора намъ понять, что дешевизна жизни зависитъ вовсе не отъ конкуренціи торговцевъ, а отъ развитія труда и правильнаго распредѣленія его произведеній. Конкуренція, конечно, полезна для заводской и фабричной промышленности, но въ торговлѣ она порождаетъ зло, потому что увеличиваетъ классъ лишнихъ посредниковъ, которые сами не занимаются производствомъ, а живутъ барышами отъ промѣна. Поэтому здравый смыслъ и опытъ доказываютъ, что размноженіе торговцевъ, уменьшая производительность, неизбежно увеличиваетъ расходы общества на ихъ содержаніе и производитъ дороговизну, которая насъ теперь мучитъ. Двадцать или пятнадцать лѣтъ тому назадъ, жизнь въ Петербургѣ была гораздо дешевле, чѣмъ въ настоящее время; съ этимъ согласится каждый. Но и въ ту уже пору число торгующихъ было очень значительно и далеко превышало потребности торговли. По официальнымъ даннымъ, которыя имѣются у насъ подъ рукою, въ 1846 году въ Петербургѣ занималось торговлею 10,894 чел., или почти 11,000. Въ этомъ числѣ: купечества мѣстнаго, иногороднаго, иностранныхъ гостей — 3,881 чел.; мѣщанъ, крестьянъ, торгующихъ по свидѣтельствамъ, — 5,911 и, наконецъ, маклеровъ, нотаріусовъ, биржевыхъ артельщиковъ, дрягилей, и пр. — 2,002. Если теперь принять въ расчетъ, что у торговца есть семейство, прикащики, сидѣльцы, мальчики въ услуженіи, то придется число 11,000 увеличить, по крайней мѣрѣ, въ 5 или 6 разъ, чтобы получить дѣйствительную цифру торговаго населенія Петербурга въ 1846 году. Если мы увеличимъ эту цифру только вдесятеро, то окажется, что, въ то время, въ нашей столицѣ было около 55,000 чел., которые

жили барышами отъ продажи всевозможныхъ товаровъ. Въ томъ же 1846 году, общее число жителей Петербурга, по переписи, простиралось до 481,000. Такимъ образомъ оказывается, что тогда уже на каждые 8, человекъ приходился *одинъ торгующій*. Кто не согласится, что эта пропорція поразительна по своей несообразности! Но пойдѣмъ далѣе. Съ 1846 по 1863 годъ население Петербурга возрасло до 520,000. По этому, *допуская даже*, что отношеніе числа торгующихъ къ общему числу обывателей столицы не увеличилось, мы должны придти къ тому выводу, что въ Петербургѣ находится теперь до 60,000 чел. торговаго сословія. Не имѣя статистическихъ данныхъ для повѣрки этого вывода, мы смѣло утверждаемъ, что онъ далеко ниже дѣйствительности. По нашему соображенію, пропорція торгующаго класса столицы должна быть въ настоящее время несравненно болѣе, чѣмъ 17 лѣтъ тому назадъ. Съ этимъ мнѣніемъ безспорно согласится каждый, особенно если приметъ во вниманіе сколько построено недавно новыхъ домовъ, открыто лавокъ, трактировъ, винныхъ погребковъ, а болѣе всего *питейныхъ заведеній* «распивочно и на выносъ». Съ начала этого года, когда разрѣшена была вольная продажа вина, въ Петербургѣ тотчасъ же появилось множество новыхъ трактирныхъ заведеній. Не пускаясь въ дальнѣйшія разсужденія и указывая только на страшное возвышеніе цѣнъ на всѣ товары, скажемъ прямо, что въ нашей столицѣ торгуетъ теперь, по всей вѣроятности, не менѣе 14 или 15 тысячъ человекъ, а всего торговаго населенія —слишкомъ 74,000, то есть одинъ торгующій или живущій барышами на 7 человекъ не торгующихъ.

Жизнь въ Петербургѣ обходится очень дорого. Поэтому если мы скажемъ, что каждый столичный житель расходуетъ въ годъ на свои потребности, на квартиру, столъ, платье и пр., среднимъ числомъ, — 400 рублей, то надѣмся, что никто не упрекнетъ насъ за преувеличеніе. И такъ, содержаніе 74,000 торговцевъ будетъ стоить почти 30,000,000 рублей въ годъ. — Далѣе: купцы и вообще всѣ продавцы торгуютъ, разумѣется, въ лавкахъ, магазинахъ, разныхъ заведеніяхъ, имѣютъ у себя склады и пр. Иной купецъ держитъ не нѣсколько лавокъ, и такихъ купцовъ не мало. За недостаткомъ данныхъ, положимъ, что 14,000 купцовъ торгуютъ только въ 14,000 лавкахъ. Считая, что за право торговли, за гильдію или патентъ, за наемъ помѣщенія подъ магазинъ, складъ и т. п., каждый торго-

вещь платить ежегодно, среднимъ числомъ, 500 рублей, окажется, что на эти торговые расходы потребуется въ годъ болѣе 11,000,000 рублей. Эта цифра очень мала: ее смѣло можно бы удвоить, даже утроить, потому что плата, за наемъ лавокъ и магазиновъ, достигаетъ чудовищныхъ размѣровъ, особенно въ центрѣ города. Въ гостинномъ дворѣ, котораго постройка окупилась, можетъ быть, сотни разъ со временъ Екатерины II, владѣльцы магазиновъ и кладовыхъ, берутъ за нихъ въ годъ до 3,000 рублей, разумѣется не съ купцовъ-гостиннодворцевъ, а съ публики. Не болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, эти же самые владѣльцы гостиннаго двора брали за наемъ помѣщенія только по 1,500 ассигнаціями! Иныя времена, иные барыши!

И такъ, по крайне-умѣренному расчету, торгующій классъ Петербурга расходуетъ непроизводительно болѣе 41,000,000 въ годъ. Эти расходы даютъ только средство купцамъ заниматься торговлею; что же касается до барышей, которые они получаютъ отъ своего промысла, то сумма ихъ намъ не извѣстна и вычислить ее вѣрно довольно трудно. Если положить, что годовою оборотъ домашней торговли Петербурга простирается до 100 милліоновъ, а купцы получаютъ среднимъ числомъ, 25% барыша, т. е. 25 милліоновъ, то въ общемъ итогѣ окажется, что столичная публика должна платить, за удовольствіе покупать товары отъ купцовъ, по меньшей мѣрѣ, — 66,000,000 въ годъ, а каждый покупатель — болѣе 148 рублей! Теперь спрашивается, можетъ-ли, при такомъ страшномъ налогѣ, покупать что-нибудь бѣднякъ, у котораго на всѣ ежегодные расходы имѣется 200 или 300 рублей!

Въ нашемъ расчетѣ барышей показано, что торговцы выручаютъ вообще до 25% въ годъ отъ продажи своихъ товаровъ. На самомъ дѣлѣ этотъ процентъ гораздо значительнѣе, особенно въ мелочной торговлѣ—въ лавочкахъ, трактирахъ и пр. Бѣдная и самая многочисленная часть населенія столицы, по недостатку средствъ, принуждена покупать все по мелочамъ, и подобный способъ покупки обходится ей чрезвычайно дорого. Бѣдняки берутъ, на примѣръ, въ мелочныхъ лавочкахъ чай по восьмушкамъ, часто даже по золотникамъ. За золотникъ чая лавочникъ требуетъ 3 коп., слѣдовательно за фунтъ—2 руб. 88 коп., не смотря на то, что онъ обошелся ему только 80 коп. или 1 р.—не болѣе!! Вотъ еще примѣръ безкорыстія мелочнаго торгаша: онъ продаетъ уголь корзинами, а

чаще всего просто на 1, 2, 3 коп., а самъ покупаетъ кулями или возами. Сообразите теперь, сколько онъ взимаетъ барышей при такой продажѣ! И все бремя этого чудовищаго лихоимства падаетъ на бѣдныхъ! Но для нихъ и лавочка даже не всегда доступна, потому что лавочники своего рода аристократы и не любятъ поселяться въ сосѣдствѣ горемычныхъ безсребренниковъ. Вотъ почему въ глухихъ, отдаленныхъ частяхъ города представителемъ его является кочевой торгошъ-разнощикъ, который промышленяетъ рѣдко на свой счетъ, а чаще—по условію съ какимъ-нибудь лавочникомъ, который посылаетъ его продавать съ правомъ пользоваться извѣстнымъ барышемъ отъ распродажи. Гнилыя яйца, яблоки и всякая дрянь, которая залежалась у мелочнаго лавочника—вотъ чѣмъ торгуетъ бродяга-разнощикъ и за что беретъ жидовскіе проценты съ бѣдняковъ. Кромѣ бродячихъ торгошай есть еще и осѣдлые, такъ называемые сидѣльцы и сидѣаки, которые помѣщаются на рынкахъ, площадяхъ, на углахъ улицъ и воаѣ мостовъ. Они продаютъ, обыкновенно, тоже тухлыя яйца, гнилую рыбу, кислыя щи, пироги, рубцы, печенки и колбасы, начиняя эти издѣлія просто-на-просто падалью, отъ которой тошнить прохожихъ. И все-таки эта падаля раскупается голодными бѣдняками и пожирается съ аппетитомъ, которому позавидовалъ бы любой гастрономъ, обѣдающій у Донона. Впрочемъ, какъ бы хорошъ ни былъ аппетитъ, а ѣсть падаля значить отравлять себя -- и бѣдняки дѣйствительно умираютъ чаще всего отъ отравы. Все что удастся имъ пить или ѣсть, начиная съ воды изъ столичныхъ каналовъ и кончая рубцами и соленой рыбой—все подтачиваетъ ихъ здоровье, порождаетъ хроническія болѣзни и довременно, если не вдругъ, сводитъ ихъ въ могилу.

Разносная и мелочная продажа, какъ мы видимъ, не только развиваетъ туеядство, лихоимство, но и подстрекаетъ торгошай на подлогъ, поддѣлку товаровъ, короче—на воровство-кражу и посягательство на здоровье и жизнь многочисленнаго, бѣднаго класса населенія. И на какія наглія, безчестныя продѣлки пускается лавочникъ, который, для утоленія жажды барышей, убиваетъ въ себѣ все человѣческое. Загляните въ его смрадный вертепъ, въ его лавчонку: начиная съ того, что въ ней нѣтъ даже вѣрныхъ вѣсовъ и одна чашка всегда тяжелѣе другой. Для прикрытія обмана, на одну изъ нихъ постоянно кладутся гири, когда вѣсы не заняты; это уже обдуманное воровство. Хотите вы купить товаръ: будьте

увѣрены заранѣе, что лавочникъ продастъ вамъ поддѣльную вещь. Для поддѣлки каждый вещь, каждого товара имѣются особые рецепты и лавочники не боятся вовсе употреблять въ дѣло вредные и ядовитые составы. И сколько болѣзней, сколько мучительныхъ страданій, конечно въ бѣдномъ классѣ населенія, порождаетъ это преступное, убійственное ремесло торгаша?! Начиная съ съѣстныхъ припасовъ: муки, молока, соли, и кончая фабричными издѣліями,— все поддѣляется самымъ наглымъ и безнаказаннымъ образомъ, потому что неопытный, простодушный покупатель рѣдко замѣчаетъ подлогъ, мало обращаетъ вниманія на качество товара, а заботится болѣе всего о его дешевизнѣ. Замѣтимъ, при этомъ, что поддѣльные товары вовсе не дешевы, потому что потребитель чаще всего приобретаетъ ихъ въ кредитъ, а покупка въ кредитъ, какъ извѣстно, обходится всегда дорого.

Порча и поддѣлка товаровъ, особенно съѣстныхъ припасовъ и напитковъ, наноситъ страшный позоръ торговлѣ и возбуждаетъ со стороны общества справедливое негодованіе. Пора, наконецъ, положить предѣлъ этому преступленію, которое совершается такъ ливо, съ такимъ возмутительнымъ цинизмомъ, и проникло уже въ аптеки.

«Кто, съ обдуманымъ заранѣе намѣреніемъ, причинитъ кому либо разстройство въ здоровьѣ, примѣшаетъ ядовитыя или другія вредныя вещества въ съѣстные припасы и напитки, тотъ, смотря по важности происшедшихъ отъ того послѣдствій, приговаривается къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу на заводахъ, отъ 4 до 6 лѣтъ, или на поселеніе въ Сибирь съ запрещеніемъ выѣзда и съ заключеніемъ въ тюрьму до 3 лѣтъ.» (§ 2035. Уголовные законы).

Вотъ уголовная статья, на основаніи которой слѣдуетъ карать торговые преступленія, потому что они совершаются всегда обдуманно, сознательно. Обличать эти преступленія перомъ бесполезно: язву лихонимства надо выжигать каленымъ желѣзомъ.

Н. Соколовъ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Естественная исторія мірозданія, съ нѣмецкаго переводъ *Карла Фогта*. Перевелъ и дополнилъ примѣчаніями А. Пальховскій. Москва. Изданіе А. Червинна и А. Ушакова. 1863 года. — *Физиологическія картины Лудовика Бюхнера*, автора *Kraft und Stoff*, перевелъ съ нѣмецкаго С. А. Усовъ. Москва. Изданіе А. И. Глазунова. 1862 года. — *Физиологическія письма Карла Фогта*, перевели съ третьяго нѣмецкаго изданія (1861.) Н. Бабкинъ и С. Ламанскій. Выпускъ первый. СПб. 1863. Изданіе. Бакста. — *Вліяніе целлюлярной паталогіи на врачебную практику*. Соч. Д-ра Рихтера, перев. Н. Розанова и В. Ельницкаго. Москва. 1863. — *Природа. Книга для чтенія дома и въ школѣ, по шведскому сочиненію профессора Н. И. Берлина*. Передѣлана для русскаго юношества П. Евстафьевымъ. Санктпетербургъ. Изданіе М. О. Вольфа. 1863. — *Приготовительный курсъ ботаники*, составленъ по Любену Н. Раевскимъ. Спб. 1863. — *Физическое земледеніе*, составлено Я. Печоринымъ. Выпускъ I. Спб. 1863. — *Вѣчная жизнь. Публичная Чителія Эрнеста Навиля, бывшаго профессора философіи въ Женевѣ*. Переведено Свящ. Н. Сергіевскимъ, профессоромъ богословія въ московскомъ университетѣ. Москва. 1863. — *Этнографическія этюды*. Введеніе въ курсъ всеобщей исторіи. С. Ешевскаго. СПб. 1862.

Русская публика такъ же мало знакома съ трудами тѣхъ ученыхъ, которые называются матеріалистами, какъ наоборотъ близко знакома съ именами — Фогта, Бюхнера, Мошешотта, которые упоминаются на каждомъ шагу; но сочиненія ихъ, кромѣ физиологическихъ картинъ Бюхнера, извѣстны публикѣ только по наслышкѣ. Подобная странность объясняется тѣмъ, что самыя сочиненія этихъ авторовъ—въ нѣкоторомъ родѣ плодъ съ древа познанія добра и зла. Вкушать его могутъ только достаточно вооруженные отъ соблазна. Эти-то лица, которымъ доступны плоды древа, именуемаго матеріализмомъ, сдѣлали имя какъ самаго ученія, такъ и ученыхъ, подвизающихся на этомъ поприщѣ, популярными у насъ; исполненные справедливаго негодованія на матеріализмъ и матеріалистовъ, они

выдумали разрушать это учение и доказывать, что представитель его — просто, идиоты. Имъ и въ голову конечно не приходило, что они сражаются сами съ собой, что они показываютъ матеріалистамъ кукишъ въ карманѣ.

Имъ рѣшительно въ голову не приходило, что доказывать передъ публикой нелѣпость какого-нибудь автора, знакомаго публикѣ только по имени, значить поступать не совсѣмъ честно и даже не совсѣмъ расчетливо, потому что публика пожалуй сообразить: «что жъ это въ самомъ дѣлѣ за матеріалисты такіе, которыхъ всѣ опровергаютъ и ругаютъ, но не разберутъ основательно ихъ ученія? Что же это такое за ученіе, на которое можно смотреть только черезъ очки Юркевича, а своимъ умомъ разсудить нельзя? Должно быть, оно представляетъ что-нибудь довольно серьезное, если всѣ только бранятъ его, доказываютъ его нелѣпость, но показать боятся». Такимъ образомъ можетъ разсудить публика. Но нашихъ философовъ не пугаетъ возможность подобнаго вывода и они продолжаютъ бороться съ китайскими тѣнями? Вѣдь чтобы судить, кто правъ, нужно выслушать обоихъ, а нельзя же довѣряться авторитету г. Юркевича или г. Каткова, которые уже потому не стоятъ никакого вниманія, что поступаютъ не совсѣмъ согласно съ идеей *справедливости*, пользуясь своимъ положеніемъ и ругаясь надъ мнѣніями, осужденными на безмолвіе.

Имя Карла Фогта, поставленное на заголовкѣ книги, о которой я намѣренъ поговорить, принадлежитъ къ числу именъ, пріобрѣтшихъ у насъ популярность, благодаря ругательствамъ благонамѣренныхъ публицистовъ. Но жестоко бы обманулся читатель, понадѣявшійся встрѣтить въ примѣчаніяхъ его къ этой книгѣ своего собственный взглядъ на природу: въ русскомъ переводѣ его примѣчанія ограничиваются строго-научными вопросами; всѣ же разсужденія его выкинуты, вѣроятно потому, что крайне нелѣпы и дикы. Но конечно читатель можетъ ожидать много новаго и любопытнаго отъ самой книги, потому что за это ему ручается имя того же Фогта, переведшаго ее на нѣмецкій языкъ. Этотъ послѣдній расчетъ не обманетъ читателя.

Но чтобы не обмануться и въ этомъ расчетѣ, нужно читать неизвѣстнаго автора съ большимъ вниманіемъ; только мыслящій и образованный читатель можетъ съ пользою прочитать эту книгу; для

многихъ же она можетъ послужить блудящимъ огнемъ, огнемъ, который заведетъ ихъ въ грязь и тину схоластики.

Чтобы читать эту книгу, нужно заранѣе вооружить свой разумъ противъ всякихъ софизмовъ, нужно научиться отличать ложь отъ истины; а главное, нужно вспомнить, что неизвѣстный авторъ этой книги—англичанинъ.

Уроливое общественное мнѣніе, грубые предразсудки, держащіяся не на убѣжденіи, а на страхѣ всякой новизны, производить необыкновенно плачевныя слѣдствія для англійской литературы. Подобно тому, какъ въ судахъ употребляются обычаи, утратившіе всякій смыслъ, оттого, что никто не рѣшается коснуться этого старья; подобно тому, какъ существуютъ законы, которые даже примѣненія въ настоящее время не могутъ имѣть, все по той же бессмысленной привязанности къ старинѣ,—точно такъ и въ наукѣ англичанина засѣла глубокая рутина потому только, что никто, изъ опасенія общественнаго мнѣнія, не рѣшается первый отбросить все старое и негодное. Отъ этого англійскіе писатели часто впадаютъ въ противорѣчіе сами съ собой; жалко смотрѣть со стороны, какія усилія употребляютъ они, чтобы согласить теоріи или положенія совершенно несогласныя, поставить, какъ говорится, свѣчку и Богу и черту, угодить и нашимъ и вашимъ. Конечно, трудно вообразить что нибудь безчестнѣе такого лицемерія, такой измѣны тому, что они считаютъ за истину, такого раболѣпія передъ общественнымъ мнѣніемъ въ ущербъ наукѣ. Будь Бокль или авторъ разбираемаго сочиненія на мѣстѣ Галилея—можно положительно сказать, что знаменитыя слова его не были бы произнесены.

Поэтому и книгу, о которой здѣсь идетъ рѣчь, нужно читать съ большой осторожностью. Авторъ ея прежде всего боится обвиненія въ матеріализмѣ и поэтому не упускаетъ ни одного случая защититься отъ этого упрека. Въ особенности это стараніе замѣтно въ началѣ и въ концѣ книги; авторъ какъ бы желаетъ благонамѣренностью начала и заключенія искупить неблагонамѣренность (въ англійскомъ смыслѣ) сущности. Поэтому, неопытный читатель легко можетъ попасться въ ловушку; хорошо, если онъ догадается, въ чемъ дѣло, по тѣмъ противорѣчіямъ, въ которыя впадаетъ самъ съ собою авторъ; иначе читателю угрожаетъ опасность быть одураченнымъ. Вотъ напримѣръ, что говоритъ авторъ на стр. 11):

Но что же называемъ мы вообще закономъ? Порядокъ, въ которомъ видимъ неизмѣнное однообразіе и постоянство. Что же касается до физическихъ законовъ, то мы можемъ свести ихъ на математическіе элементы и убедиться, что числа служатъ имъ какъ бы основой для выраженія времени и пространства. Такимъ образомъ мы открываемъ въ законѣ разумность; часто находимъ мы также, что оъ имѣемъ *благодѣтельную цель*, что тогда еще сильнѣе указываетъ на участвующій въ немъ духъ. Но въ самомъ законѣ не можетъ *пробывать* никакого разумнія: мы не можемъ открыть никакого дѣйствующаго духа, ни въ образованіи капли росы, ни въ круговращеніи луны. Духъ относится вышнимъ образомъ къ законамъ. Законы суть только выраженія воли и власти. *Принявъ это, можно смотреть на законы не больше, какъ на первоначальныя, независимыя причины явленій физическаго міра.*

И потомъ на слѣдующей страницѣ продолжаетъ:

Форма небесныхъ тѣлъ *опредѣляется* естественнымъ закономъ; но этотъ законъ предполагаетъ прежнюю форму матеріи, въ которой частицы ея двигались—каждая сама по себѣ, слѣдственно жидкую или газообразную форму,—точно такъ, какъ законъ, *въслѣдствіе котораго* капля росы принимаетъ форму шара, предполагаетъ, что частички росы до своего образованія находились въ газообразномъ состояніи. И такъ мы видимъ, что законодательная воля дѣйствуетъ не матеріальнымъ образомъ въ части того, что мы привыкли называть созданіемъ. Касательно же закона, который *опредѣляетъ* положенія и отношенія небесныхъ тѣлъ, существуетъ почти такое же, хотя не столь очевидное, популярное доказательство: дѣло это совершенно волею Бога, выраженною въ законѣ тяготѣнія».

Изъ этихъ словъ прямо и ясно вытекаетъ, что авторъ считаетъ законы, за что-то стоящее внѣ матеріи, за что-то управляющее и опредѣляющее ее, за что-то находящееся выше матеріи; однимъ словомъ, что авторъ придерживается натуръ-философскаго возрѣнія на природу.

Такимъ образомъ, когда мы слышимъ отъ автора о распоряженіяхъ разумнаго закона, въ силу которыхъ возникаютъ то илюзорія моллюски, чтобы слѣдить за другими существами, дабы тѣ не вышли изъ нормы, назначенной опять таки тѣмъ же разумнымъ закономъ (стр. 36),—то гениальные люди, чтобы слѣдить за своими простоватыми современниками, дабы тѣ тоже неуклонялись отъ нормы (стр. 291): то мы не должны смущаться, потому что вся книга служить «проверже-

нѣмъ этихъ словъ. Авторъ находитъ недостойнымъ для славы Творца думать, чтобы для созданія каждаго отдѣльнаго вида организмовъ нужно было съ его стороны особое «да будетъ».

«Мы знаемъ, говоритъ онъ, что Предвѣчный посредствомъ извѣстныхъ, *отъ вѣка присущихъ матеріи свойствъ*, устроилъ солнечныя и звѣздныя системы. Знаемъ, что посредствомъ этихъ свойствъ Онъ далъ возможность образоваться океанамъ, подняться материкамъ, далъ возможность всѣмъ могучимъ метеорическимъ дѣтелямъ совершать безостановочно свой разрушительный процессъ и тѣмъ приготовить землю къ принятію органическихъ существъ. Но если втеченіи всей этой грададой, міровой исторіи въ океанѣ появятся какія нибудь мизерныя водоросли и кораллы—это приписывается особому проявленію творческой силы: по вѣрованію невѣжды, для этого необходима будто бы рука самого Бога; по вѣрованію мудреца—если только есть мудрецы между нами (*)—необходимо божественное «да будетъ!» Словомъ, и невѣжда и мудрецъ предполагаютъ, что въ этомъ случаѣ божество проявило свое особое участие въ дѣлахъ міра, въ родъ того, какъ это дѣлаетъ чловѣкъ, производя что нибудь новое».

«Правильное рѣшеніе нашего вопроса, говоритъ онъ далѣе (стр. 111), подлежитъ большой опасности со стороны особой склонности нашего ума къ идеѣ возникновенія органическаго міра путемъ особаго участія божественной власти—склонности, зависящей отъ болѣе или менѣе неправильныхъ умозаключеній. Идея эта, по времени своего происхожденія, принадлежитъ къ числу самыхъ первыхъ; она составлена умомъ нашимъ по одной лишь внѣшней очевидности, безъ всякаго отношенія къ самой сущности выражаемыхъ ею явленій. Это тоже самое, что относительно движенія небесныхъ тѣлъ - геоцентрическая (*) теорія, которая тоже возникла прежде другихъ, ибо имѣетъ за себя тоже внѣшнюю очевидность. *Идея о созданіи органическаго міра до сихъ поръ оставалась неопровергнутой—во первыхъ потому, что наука подошла къ ней только въ новѣйшее время, а во вторыхъ потому, что почти не было средствъ проверить ее...* Съ идеею о непосредственномъ созданіи находится въ связи, раздѣляемое многими убѣжденіе, что признать естественное возникновеніе живыхъ существъ — значить уничтожить все ученіе о Божескомъ участіи въ образованіи органической природы. *Еслибы это была правда, то конечно это бы было силь-*

(*) Дай, думаетъ, христіанскимъ смиреніемъ прикроюсь!

(*) Теорія, по которой предполагается, что земля составляетъ міровой центръ, вокругъ котораго обращаются всѣ небесныя тѣла.

намъ возраженіемъ противъ теоріи повсюднаго господства естественныхъ законовъ (!?); но я думаю, что это не только не правда, но совершенное противорѣчіе правдѣ.»

Такимъ образомъ авторъ отрицаетъ участіе внѣшней воли въ созданіи органическаго міра, но въ то же время, какъ я говорилъ уже, признаетъ его участіе въ созданіи иглокожихъ моллюсковъ и геніальныхъ людей. Здѣсь авторъ говоритъ про присущія матеріи *свойства*, вслѣдствіе которыхъ природа такова, а не другая, а на первыхъ страницахъ, какъ мы видѣли, толковалъ про *законы*, стоящіе внѣ матеріи и выше ея.

До какой наивности съ одной стороны и до какого лицемерія съ другой доводитъ автора его желаніе сохранить о себѣ хорошее мнѣніе достопочтеннаго англиканскаго духовенства и всѣхъ ханжей соединеннаго королевства, я покажу на двухъ примѣрахъ: на стр. 294 онъ говоритъ:

«Существуетъ общее отвращеніе смотрѣть на духъ, какъ на нѣчто, имѣющее связь съ организаціей, ибо люди боятся, что черезъ это будетъ нанесенъ ущербъ религіозному ученію. Поэтому, дѣлаютъ различіе между нашею духовною жизнью и подобною жизнью у низшихъ животныхъ. Но намъ ничто не мѣшаетъ принимать человека — въ связи съ его положеніемъ, какъ главы и господина животныхъ, за одареннаго бессмертнымъ духомъ, и въ то же время видѣть въ обыкновенныхъ проявленіяхъ человѣческаго духа только простыя, отъ организаціи человека зависящія явленія, а также и въ подобныхъ явленіяхъ у низшихъ животныхъ ничто не мѣшаетъ видѣть явленія, сходныя по своему характеру съ явленіями человѣческаго духа, но только развившіяся въ болѣе тѣсныхъ предѣлахъ.»

Дѣйствительно, намъ ничто не мѣшаетъ сказать, напр. что дважды два въ одно и то же время и четыре и пять.

Впрочемъ нельзя сказать, чтобы такого рода разсужденіе было вполне удовлетворительно: вѣдь, пожалуй, англійскіе ханжи не согласятся на такую сдѣлку, чтобы и волки были сыты и овцы цѣлы. Пожалуй, они не удовлетворятся этимъ «намъ ничего не мѣшаетъ,» потому что вѣдь ужъ это черезъ-чуръ наивно.

Вѣдь это все равно, если бы Наполеонъ сказалъ нѣмцамъ: уступите мнѣ лѣвый берегъ Рейна; впрочемъ, вамъ ничто не будетъ мѣшать думать, что онъ принадлежитъ вамъ. Если здѣсь лицемеріе

довело автора только до наивности, то въ концѣ оно привело его къ низости, къ отступничеству. На послѣдней (344) страницѣ онъ говоритъ: «Представленная нами система, которая съ перваго взгляда, повидимому, находится въ противорѣчій съ *другими* доктринами, господствующими между людьми — *старается прійти въ согласіе съ ними, старается даже поддержать ихъ.*»

Конечно отъ такихъ уловокъ унижается только личность автора, а не его теоріи, если онѣ сами по себѣ справедливы. Однако замѣчательно, что въ цивилизованнѣйшей странѣ міра общественное мнѣніе вынуждаетъ ученыхъ на такія поступки, которые считались бы низостью въ XV вѣкѣ.

Мы достаточно видѣли, до чего доводятъ автора приличія. Посмотримъ теперь на другія темныя стороны этого свѣтлаго ума. Уже изъ тѣхъ словъ его, которыя я привелъ, читатель видѣлъ, что авторъ держится цѣлесообразности въ природѣ. Этотъ взглядъ у него дѣйствительно распространенъ во всемъ сочиненіи, — трудно рѣшить почему: потому ли, что имъ авторъ желаетъ услужить анджиганскимъ ханжамъ, или потому, что авторъ дѣйствительно вѣрилъ въ эту довольно красивую теорію, по которой клопы кусаютъ, чтобъ приучить человѣка въ чистотѣ, а навозъ воняетъ, чтобъ побуждать человѣка зарывать его въ землю и тѣмъ самымъ производить удобреніе полей. Хотя, впрочемъ, многія воззрѣнія автора трудно согласить съ теоріей цѣлесообразности, тѣмъ не менѣе нужно вспомнить, что его книга писана очень давно, до открытій Лавера и Фирхова, когда эта теорія была въ полной силѣ и слѣдовательно авторъ могъ легко принимать ее. Это тѣмъ легче допустить, что мысль, доводящая автора до разлагольствованій о цѣлесообразности, считается до сихъ поръ непреложною истиною, и не только философами, но даже людьми, называющими себя реалистами. Къ моему удивленію, мысль эту раздѣляетъ даже г. Пальховскій, что видно изъ его примѣчанія къ стр. 323, который вообще далекъ отъ всякой цѣлесообразности и который, принявъ эту основную мысль, поступаетъ весьма непослѣдовательно, не соглашаясь съ авторомъ въ выводахъ изъ нея. Мысль эта выражена у автора такъ: «наслажденіе составляетъ цѣль животной жизни (стр. 322)» а у г. Пальховскаго такъ: «человѣку, подобно всему живущему, присуще наслажденіе». Но г. Пальховскій, какъ видно, считаетъ оба выраженія равнозначущими, потому что говоритъ, что «авторъ боится прямо вы-

сказать *свою* простую мысль, что «человѣку присуще наслажденіе». Принявъ же, что жизнь имѣетъ какую нибудь цѣль, мы непременно должны, не отказываясь отъ логики, прийти къ цѣлесообразности, что авторъ и дѣлаетъ. Доказавъ, что война, любовь, болѣзни, сторченія — имѣютъ свою полезную цѣль; доказавъ, что навозъ воняетъ, чтобъ заставить насъ удобривать землю; хищные звѣри потому хищны, чтобы поѣдать гниющіе трупы и т. д., — авторъ выводитъ заключеніе, что міровой порядокъ благодѣтеленъ для насъ и что факты, въ которыхъ самая остроумная голова не найдетъ ничего благодѣтельнаго, суть исключенія изъ правила, ибо, какъ извѣстно, во французской грамматикѣ нѣтъ правила безъ исключенія.

Впрочемъ, самъ авторъ даже не можетъ придумать этихъ исключеній; по его мнѣнію, зло есть новое доказательство цѣлесообразности. Онъ находитъ, что кромѣ цѣлесообразности ничѣмъ нельзя разрѣшить такого сонинса, какъ тотъ, что сильный волкъ, будучи голоденъ, поймавъ и съѣлъ маленькаго ягненка. Повидимому только обитатели Бедлама могутъ задумываться надъ подобными фактами. Но вотъ мы видимъ, что ученый мужъ прѣбѣгаетъ для его объясненія къ цѣлому ряду логическихъ построеній и находитъ возможнымъ разрѣшить его только съ помощью натуръ-философскихъ теорій цѣлесообразности. И для этого вовсе не надо быть обитателемъ Бедлама; стоитъ только запастись какой нибудь *истиной*, въ родѣ той, что цѣль жизни — наслажденіе, и все пойдетъ, какъ по маслу. Ибо если цѣль жизни — наслажденіе, то какое наслажденіе для ягненка черезъ мѣсяць послѣ рожденія послужитъ завтракомъ для волка? Ну тутъ и нужно ломать голову, чтобы разрѣшить такую задачу. А если не запастись истиной, то что можетъ быть проще того, что одинъ звѣрь, въ 100 разъ сильнѣйшій и по устройству пищеварительныхъ органовъ питающийся мясомъ, съѣлъ маленькаго, слабаго, беззащитнаго ягненка. Г. Пальховскій также, по моему мнѣнію, увлекается *истинами*, говоря, что *все* зло происходитъ отъ *незнанія*. Смерть любимаго человѣка есть для меня зло — но какъ же это оно происходитъ отъ незнанія? Вѣдь я зналъ, что этотъ человѣкъ умретъ, но тѣмъ не менѣе огорчился, когда онъ умеръ. Вѣдь меня не утѣшаетъ тѣмъ, что мнѣ напомнятъ, что вѣдь всѣ мы-де подъ Богомъ ходимъ. Или чѣмъ виновато мое незнаніе, если у меня ракъ какой нибудь на лицѣ сдѣлался? Если даже знаніе наше будетъ въ

состояніи помочь мнѣ и я не умру отъ рака, то все-таки самая болѣзнь есть уже весьма достаточное зло.

Что касается до вывода почтеннаго автора касательно благотѣльности для насъ міроваго порядка, то я, исходя отъ совершенно другой точки, прихожу не только къ тому же, но даже болѣе: я считаю міровой порядокъ не только благотѣльнымъ для насъ, но даже необходимымъ, потому что очевидно, что малѣйшее измѣненіе въ немъ повлекло бы за собой измѣненія и въ насъ, слѣдовательно мы не были бы *мы*, а были бы *они*. Чтобы намъ быть *мы*, нуженъ такой міровой порядокъ, каковъ есть; слѣдовательно для насъ онъ необходимъ.

Но авторъ, вмѣстѣ цѣлесообразности, придерживается еще натуръ-философіи и френологіи (см. стр. 315). Такъ, напр. онъ самъ сознается, что ему подобно Маслеу ю, нравится дѣленіе животнаго царства на отряды, группы, отдѣлы и проч., въ основаніи котораго лежитъ кабалистическое число *три*. По этому поводу онъ даже восклицаетъ чисто по натуръ-философски: «*три* опять *три*, и каждое *три* отражаетъ въ себѣ характеръ того *три*, къ которому принадлежитъ!» (стр. 245). Плоды натуръ-философіи, разумѣется, не заставляютъ себя ждать: уже черезъ двѣ страницы авторъ говоритъ, что «едва ли нужно указывать здѣсь на тотъ выводъ, что природа своимъ началомъ обязана *смы*, которой только незначительнымъ и слабымъ изображеніемъ является духъ человѣчскій». Впрочемъ не будемъ слишкомъ строги къ автору за это. Напротивъ того, хорошо, что мелѣпости его такъ голы, такъ рѣзки, такъ не прикрыты одеждой истины. Бѣда именно въ томъ, что все старое необыкновенно живуче, что оно, какъ хамелеонъ, способно мѣнять цвѣта и являться именно въ томъ цвѣтѣ, который нравится зрителю. Поэтому-то такъ много консерваторовъ между радикалами, такъ много идеалистовъ между матеріалистами. Вотъ напримѣръ, г. Пальховскій, по всему видно, что хорошій, умный человѣкъ, а посмотрите, что иногда говоритъ; одинъ изъ его промаховъ я уже приводилъ; теперь взглянемъ на другой. На стр. 313 авторъ повторяетъ и развиваетъ свою мысль касательно назначенія высшихъ умовъ исполнять полицейскія обязанности въ отношеніи къ низшимъ. Правда, это ужъ даже не натуръ, а кнестъ-философія. Но посмотрите, что говоритъ на это г. Пальховскій: «Жизнь человѣческая—какъ и все въ природѣ—имѣетъ свою положительную задачу». И послѣ этого

сердиться на автора, что тотъ ищетъ *разумную* причину вони навоза?! «Все въ природѣ имѣетъ свою задачу» — говорите вы, г. Пальховскій; такъ отъ чего же навозу не имѣть ее? Отчего не имѣть ея волкамъ, кукушкамъ, иглокожимъ моллюскамъ? Неужели по вашему цѣль и задача не одно и то же въ этомъ случаѣ? Если жизнь человѣческая *имѣетъ задачу*, то въ то же время она *имѣетъ цѣль* разрѣшить эту задачу; ну, а ужь тутъ и пошло писать! Такъ какъ вы реалистъ, г. Пальховскій, то вѣдь вы должны основывать ваши сужденія на опытъ и наблюденіи. Ну, такъ посмотрите вокругъ себя, какую цѣль, какую задачу имѣетъ громадное большинство людей, — и вы увидите, что эта цѣль, эта задача состоитъ въ томъ, чтобы сегодня пообѣдать, — точно та же цѣль, какая существуетъ у волка, у кукушки, у морскаго ежа, у корненожки. Но развѣ можно сказать, что цѣль волчьей, кукушечьей, ежовой жизни состоитъ въ томъ, чтобы ѣсть? Какая же эта цѣль? Это скорѣе средство къ жизни, чѣмъ цѣль ея. Слѣдовательно, про какія же цѣли или задачи можетъ быть рѣчь? Но вы говорите, что цѣль жизни есть приобрѣтеніе знанія, совершенствованіе жизни самою жизнью, развитіе ея изъ нея самой; вы говорите, что чѣмъ выше будетъ уровень развитія между людьми — тѣмъ выгоднѣе для человечества: но приобрѣтеніе знанія есть цѣль дѣятельности мозга, а не жизни, подобно тому, какъ приобрѣтеніе питательнаго сока есть цѣль пищеваренія, а не жизни. Какъ же можно такъ смѣшивать физиологическіе процессы? Приобрѣтеніе знанія есть такое слѣдствіе дѣятельности мозга, какъ приобрѣтеніе дѣтей — дѣятельности половыхъ органовъ. Но вѣдь это однѣ еврейскія женщины ставили себѣ задачей всей жизни родить какъ можно больше дѣтей. Жизнь же есть продуктъ общей дѣятельности всѣхъ частей организма, какъ электрическая искра есть продуктъ дѣятельности всѣхъ частей машины. Поэтому какъ же можно считать ея задачей то, что есть плодъ дѣятельности одной части организма? Примемъ ли мы умственное развитіе за ея задачу, или выработываніе изъ пищи питательнаго сока или дѣторожденіе — все это будетъ равно нелѣпо.

Мнѣ остается поговорить о двухъ вопросахъ, затронутыхъ авторомъ. Споръ между авторомъ и Фогтомъ о переходахъ одного вида животнаго въ другой даетъ намъ прекрасный примѣръ того, до какой нелѣпости можетъ увлечь ученаго пристрастіе къ какой нибудь идеѣ.

«Мысль моя,—говоритъ авторъ (стр. 148) заключается въ слѣдующемъ: ряды живыхъ существъ—начиная отъ простѣйшихъ и древнѣйшихъ до высшихъ и самыхъ новыхъ—суть: во первыхъ, результатъ лежащаго въ самыхъ жизненныхъ формахъ *стремленія къ развитію* въ определенное время, наследственно и постепенно осложняя организацію,—такъ что она доходитъ наконецъ до высшихъ двустѣбныхъ растений и позвоночныхъ животныхъ; во вторыхъ же, ряды эти суть результатъ другого, одновременно существующаго стремленія, стремленія, связаннаго съ силами, вліяющими на жизнь, и старающагося, въ теченія генераций, измѣнять органическое строеніе и привести его въ соотвѣтствіе съ внѣшними условиями... рыба можетъ сдѣлаться земноводнымъ, земноводное—птицей и т. д., потому что они суть ничто иное, какъ отдѣльные шаги въ поступательномъ движеніи организаціи вообще; вмѣстѣ съ тѣмъ, намъ нужно утвердить въ себѣ убѣжденіе, что отдѣльные органы образуются, привариваясь къ внѣшнимъ обстоятельствамъ, такъ напр. клювъ птицы—для ловли добычи въ мелкихъ водахъ, глотка сумчатнаго зародыша—для сосанія материнскаго молока.» (стр. 150).

Изъ этого прямо слѣдуетъ, что организмъ какого нибудь животнаго въ данную минуту представляетъ результаты стремленія къ прогрессивному развитію организаціи и вліянія тѣхъ внѣшнихъ условій, въ которыхъ онъ находился. Нельзя, конечно, не видѣть въ этомъ положеніи автора вліянія старой и односторонней системы Ламарка, приписывающей вліянію исключительно внѣшнихъ условій ту или другую форму организма. Но Фогтъ, являясь защитникомъ неизмѣняемости видовъ, и поэтому, опровергая сказанное положеніе автора, доходитъ до удивительно нелѣзныхъ крайностей. Такъ, когда авторъ рассказываетъ, какимъ превращеніемъ подверглось тѣло ракообразнаго животнаго, извѣстнаго подъ именемъ *отшельникъ*, вслѣдствіе вліянія на него внѣшнихъ условій, Фогтъ замѣчаетъ:

«Теорія, которая учитъ, что Творецъ создалъ множество животныхъ съ единственною цѣлью—мучить безполезнымъ образомъ другихъ животныхъ, по истинѣ столь же отвратительна, какъ и теорія автора, по которой животныя, слѣдуя своимъ особеннымъ стремленіямъ, произвольно избираютъ для себя органическую форму и потомъ, вслѣдствіе сдѣланнаго выбора, видоизмѣняютъ свою организацію.» (стр. 189).

Это тѣмъ страннѣе слышать, что нѣсколькими страницами прежде Фогтъ сказалъ, что «животныя не могутъ имѣть стремленій, независящихъ отъ ихъ организаціи.» Между тѣмъ какъ фактъ, по поводу

котораго наговорилъ Фогтъ всѣхъ этихъ фразъ, не говорить нисколько возможности для животныхъ произвольно избирать для себя не только органическую форму, но даже мѣнять произвольно образъ жизни, хотя бы на одинъ день. Фактъ этотъ говоритъ только, что, будучи не произвольно поставлено въ новыя для него условія, животное подчиняется имъ, и организація его измѣняется, такъ какъ теперь она обуславливается другими внѣшними вліяніями. Гдѣ же тутъ свободный выборъ? А между тѣмъ Фогтъ, испугавшись этой тѣни признанія въ животныхъ свободной воли, попадаетъ въ гораздо худшій просакъ: онъ ставитъ организацію животныхъ внѣ внѣшнихъ условій, считаетъ ее чѣмъ-то неизмѣннымъ, не зависящимъ отъ среды, чѣмъ-то абсолютнымъ. Но въ такомъ случаѣ чѣмъ же она можетъ быть обуславливаема? Это что-то очень хитро, и тѣ выводы, которые можно сдѣлать отсюда, по моему мнѣнію, могутъ привести къ подозрительнымъ результатамъ. По счастью, послѣ Дарвина никому въ голову не можетъ прійти, что виды организмовъ—неизмѣняемы, абсолютны; и теперь извѣстно, что на сколько среда, въ которой живетъ животное, обуславливается его организаціей, на столько же и организація зависитъ отъ внѣшнихъ условій.

Наконецъ, мнѣ хочется еще поговорить съ читателемъ о тѣхъ чисто социальныхъ вопросахъ, которыхъ касается мимоходомъ авторъ. Можетъ быть, кому нибудь покажется страннымъ, что сочиненіе по части естествознанія касается социальныхъ вопросовъ, относящихся къ совершенно другой отрасли наукъ. Но въ этомъ-то и состоитъ, по моему мнѣнію, одно изъ главныхъ достоинствъ разбираемаго сочиненія. Съ успѣхомъ естественныхъ наукъ, все яснѣе и яснѣе становится замѣтной та тѣсная связь, которая связываетъ съ ними всѣ прочія отрасли знанія; и теперь для многихъ уже становится понятнымъ, что, если тотъ социальный порядокъ, въ которомъ мы живемъ, такъ плохъ для большинства, то это именно вслѣдствіе того, что основы его лежатъ не въ естествознаніи, что положеніе людей устроено не на основаніи ихъ организаціи, а на основаніи какихъ-то отвлеченныхъ идей. Подробное изслѣдованіе этого вопроса не можетъ имѣть здѣсь мѣста. Я ограничусь только указаніемъ на тѣ факты, которые встрѣчаются у автора и которые имѣютъ свойство вызывать читателя на весьма грустные размышленія о социальныхъ отношеніяхъ, существующихъ между людьми...

«Невозможно предсказать какому нибудь французу,—говоритъ авторъ (стр. 293), что онъ въ теченіе будущаго года сдѣлаетъ преступленіе,— а между тѣмъ вполне извѣстно, что приблизительно изъ 650 французовъ одинъ сдѣлается преступникомъ, потому что въ послѣднее время господствуетъ это отношеніе, а также и потому что отношеніе между наклонностью къ преступленіямъ и искушеніямъ—остается неизмѣннымъ въ теченіи значительнаго пространства времени.»

Другими словами, изъ 650 французовъ одинъ необходимо *долженъ* совершить преступленіе, подобно тому, какъ изъ другаго числа французовъ, одинъ *долженъ* умереть или жениться,—подобно тому наконецъ, какъ изъ извѣстнаго числа людей одинъ *долженъ* забыть написать адресъ на письмѣ. Гдѣ же тутъ свобода воли? И когда чловѣкъ, вслѣдствіе этого закона, отъ котораго онъ не можетъ, не въ его власти освободиться, точно также, какъ не въ его власти освободиться отъ закона тяготѣнія,—когда чловѣкъ, говорю, совершаетъ преступленіе: справедливо ли наказывать его? Наказывать чловѣка за преступленіе—вѣдь это все равно, что наказывать его за то, что онъ оступившись упалъ. Но съ другой стороны, при настоящихъ условіяхъ, существуетъ ли для общества какая нибудь возможность не наказывать преступника? Можетъ ли общество не быть жестокимъ, не дѣлать несправедливости?

«Гдѣ масса была мало просвѣщена и образована, гдѣ опасеніе за жизнь и собственность было слишкомъ *возбуждено*—тамъ всегда весьма строго наказывались преступники. Но если порядокъ проявляется всюду и разумъ господствуетъ, тѣ же люди начинаютъ обращать вниманіе на причины преступленія и начинаютъ видѣть въ однихъ преступникахъ жертву неправильныхъ общественныхъ отношеній, въ другихъ—несчастныхъ людей, которые, въ слѣдствіе наклонностей, *полученныхъ по несчастью отъ природы*, *) впади въ преступленія. Уголовная практика склоняется тогда не столько къ прямому наказанію преступниковъ, сколько къ улучшенію и призрѣнію изъ нихъ тѣхъ, которые заслуживаютъ вниманія. И такое обращеніе съ преступниками, — предполагая, что черезъ это не дѣлается никакого потворства преступленіямъ (вопросъ, который разрѣшится опытомъ), вполне справедливо, когда мы вспомнимъ,— сколько случайнаго существуетъ въ распредѣленіи нравственныхъ силъ, и какъ весь социальный организмъ проникнутъ взаимнымъ долгомъ, въ силу котораго сильный долженъ помогать слабому, а добрый возвращать на истинный путь злого и поддерживать на немъ.»

*) Плоды вѣры въ френологію и кабалистику.

Такъ разсуждаетъ авторъ на стр. 317. Но всѣ эти громкія фразы объ исправленіи добрымъ злаго, о призрѣніи и улучшеніи преступниковъ, въ сущности проповѣдуютъ пенитенціарную систему одиночнаго заключенія, которая, какъ извѣстно, болѣе походитъ на каторгу и медленную смерть, чѣмъ на призрѣніе преступника и исправленіе злаго добрымъ. Подобныя полумѣры не помогутъ, когда зло лежитъ въ самомъ корнѣ социальныхъ отношеній. И счастье будетъ для нашей блистательной цивилизаціи, если зло разрѣшится путемъ науки, если тѣ, которымъ выгоденъ этотъ порядокъ, съумѣютъ добровольно и всецѣло отказаться отъ этихъ выгодъ. Среди самой этой цивилизаціи и на ряду съ ней растетъ новое варварство. Послушайте, что говоритъ авторъ:

«Дѣти фабричныхъ работниковъ въ Манчестерѣ, проводяціе большую часть дня въ большомъ дѣтскомъ обществѣ подъ надзоромъ, быть можетъ, одной старухи, составляютъ совершенно новый языкъ.»

Мелькомъ и въ равнодушныхъ фразахъ говоритъ объ этомъ авторъ, повидимому собственникъ, имѣющій возможность *бескорыстно* предаваться наукѣ. Ему и въ голову, какъ видно, не приходитъ, что эти дѣти—варвары XIX в., варвары съ дикимъ языкомъ, съ дикими, растлѣнными нищетой нравами, варвары болѣе чуждые цивилизованному міру, чѣмъ гунны Аттилы и готы Аларика. И не далеко, можетъ быть, паденіе этой второй цивилизаціи, если она не будетъ во время спасена наукой.

Чните перья, гг. Юркевичи, Аскоченскіе, чишите перья и аттакуйте «Исторію Мірозданія». Теперь у васъ есть съ кѣмъ сражаться;—врагъ на лице. Вступайте въ бой съ нимъ; это не мѣшаетъ, потому что можетъ послужить къ распространенію этой полезной книги, чего я отъ души желаю.

Великія открытія, подобныя открытію Фирхова, большею частью не тотчасъ обнаруживаютъ свси благодѣтельныя слѣдствія для человечества. Первое слѣдствіе, которое они влекутъ за собой, состоятъ въ паденіи старыхъ теорій. Но эти старыя теоріи не сей-

часть замѣняются новыми, тѣми, которыя непосредственно должны вытекать изъ сдѣланнаго открытія. Между паденіемъ старыхъ системъ и водвореніемъ новыхъ проходитъ нѣкоторый промежутокъ времени, отгрывается нѣкоторая пустота. На эту пустоту любятъ указывать защитники стараго, говоря протестантамъ: «Вы умѣете только разрушать. Вы разрушили наши теоріи, освященный временемъ и ничего не дали взамѣнъ ихъ.» Но дѣло въ томъ: чтобы создать новое, нужно прежде всего разрушить до основанія старое, иначе новому не гдѣ будетъ строиться. Поэтому, промежутокъ между старымъ и новымъ, посвященный исключительно уничтоженію остатковъ стараго и тщательному разбору новаго, чтобы въ немъ, подъ новой одеждой, не прокралось снова старое, — такой промежутокъ необходимъ, и онъ всегда бываетъ, когда возникаетъ порядокъ дѣйствительно новый, а не исправленное изданіе стараго. Все идетъ гладко и ровно, и нигдѣ не прерывается порядокъ, нигдѣ не нарушается тишина — только тогда, когда преобразование ложно, когда оно не содержитъ въ себѣ ничего новаго. Понятно, что въ такомъ случаѣ измѣненіе для современниковъ не ощутительно, потому что оно имѣетъ только внѣшность переворота, — на самомъ же дѣлѣ все осталось по старому. Но когда старое дѣйствительно погубило, когда преобразование полно, тогда очевидно, что подобной невозмутимости нельзя ожидать, потому что паденіе стараго отзывается на всемъ: являются люди и понятія, жестоко потерпѣвшіе отъ этого переворота; поднимается ожесточенная борьба ихъ противъ нововводителей, и когда они наконецъ окончательно побѣждены, наступаетъ пустота, такъ какъ на мѣстѣ выполотой дурной травы еще не успѣла вырости новая.

Это неизбѣжный законъ, которому слѣдуютъ всѣ перевороты, въ какой бы отрасли науки они ни произошли. Такому перевороту подвергалась и медицина послѣ знаменитыхъ открытій Фирхова.

«Прежде принимали». — скажу я словами доктора Рихтера, — что въ бластемъ, первоначальной безформенной жидкости, особая духовная сила, организующая идея, конечно особенная для каждаго вида, вдругъ своимъ присутствіемъ вызываетъ процессъ образованія, подобно библейскому творчеству; и здѣсь будто бы повторяется въ уменьшенномъ видѣ извѣстное «да будетъ», (мы уже видѣли, что противъ этой же теоріи возстаетъ неизвѣстный авторъ «Исторіи Мірозданія») которое потомъ живетъ вмѣстѣ съ организмомъ и имъ управляетъ. Уже давно разви-

лось много ложных понятій относительно жизненнаго процесса; понятія о творческой силѣ старались вводить въ дѣйствительную жизнь, и такимъ образомъ, вещи самыя простыя отъ сверхъестественныхъ толкованій дѣлались совершенно непонятными». (стр. 28)

Но понятіямъ целлюлярной патологіи, господствовавшимъ до Фирхова въ наукѣ, клѣточки образуются изъ окружающей ихъ жидкости, бластемы. Поэтому целлюлярные патологи утверждали, что болѣзни происходятъ въ слѣдствіе вредныхъ примѣсей къ этой бластемѣ, такъ называемыхъ — худосочій. Ненормальный составъ бластемы, по ихъ мнѣнію, имѣлъ слѣдствіемъ—образованіе не нормальныхъ, болѣзненныхъ клѣточекъ. Такъ на примѣръ, образованіе раковой опухоли объяснялось тѣмъ, что кровь испорчена раковымъ худосочіемъ. Правда, ничто не доказывало присутствія въ крови какого бы то ни было чуждаго ей элемента; правда, раковыя клѣточки ничѣмъ не отличались отъ обыкновенныхъ; правда, было извѣстно, что никакихъ вредныхъ, постороннихъ примѣсей кровь не можетъ въ себѣ содержать. Но на такія мелочи не обращали вниманія и были совершенно довольны, сказавъ, что ракъ происходитъ отъ раковаго худосочія. На такихъ объясненіяхъ была основана вся врачебная практика. Больныхъ поили и кормили разной мерзостью, съ цѣлю выгнать изъ нихъ мнимое худосочіе. Больныхъ подвергали неслыханнымъ истязаніемъ, заставлявшимъ предполагать, что такъ называемыя врачебныя пособія достались медицинѣ въ наслѣдство отъ инквизиціи. Для примѣра приведу, на примѣръ, способъ Канкуона леченія рака, употребляющійся до сихъ поръ не только въ какихъ нибудь сельскихъ больницахъ, но въ клиникахъ ученыхъ университетовъ сугубо-учеными профессорами. Способъ этотъ слѣдующій: въ опухоль втыкають высушенные и наръзанные острокопечными кусочками лепешки, состояція изъ смѣси муки и хлористаго пинка. Страданія больного таковы, что врачу позавидовалъ бы самъ Торквешада, если бы могъ видѣть ихъ. Всѣ эти жестокости тѣмъ ужаснѣе, что совершенно бесполезны, и врачъ, истязуя больного, знаетъ, что даже если болѣзнь и пройдетъ, то только затѣмъ, чтобы черезъ годъ снова появиться. Поэтому можно судить, какова была польза, приносимая леченіемъ. Докторъ Рихтеръ говоритъ слѣдующее:

«Для доказательства пользы леченія по системѣ прошлаго столѣтія приводилъ, что при ней смертность равняется только 25%, а теперь напротивъ найдено, что если предоставлять болѣзнь силамъ природы,

то умираетъ только 7% (стр. 12)—Такимъ образомъ 18% были замучиваемы. Впрочемъ этотъ процентъ еще очень малъ, если принять въ соображеніе тѣ данныя, на основаніи которыхъ врачи пользовали больныхъ. Причину такого незначительнаго вреда отъ медицины нужно искать въ томъ, что большая часть лекарствъ были совершенно нейтральны для организма, не приносили ему ни вреда, ни пользы, не оказывали на организмъ ни малѣйшаго дѣйствія и единственная причина ихъ состояла въ томъ, что больныхъ принуждали употреблять въ пищу предметы, отъ которыхъ бы съ отвращеніемъ отвергнулось всякое животное. Къ счастью больныхъ, аптечная сокровищница содержитъ въ себѣ чрезвычайно большое количество такихъ средствъ, которыя не имѣютъ ни малѣйшаго вліянія на то, что сама природа дѣлаетъ для излеченія,—которыя слѣдовательно не нужны, да и не мѣшаютъ; эти-то средства употребляются врачами ежедневно. (Рихтеръ стр. 16)

И такъ самыя лучшія лекарства тѣ, которыя не оказываютъ никакого дѣйствія на человѣческій организмъ. И счастье для больного, если пользующій его врачъ прибѣгаетъ только къ этимъ средствамъ. Иначе у него 18 шансовъ противъ ста — погибнуть отъ науки, имѣющей цѣлью помогать страдающему человечеству.

Часто бываетъ, что больные чахли при леченіи врачомъ, прѣлѣжно употребляющимъ лекарства, и выздоравливали очень быстро, пригласивъ другаго врача, который давалъ имъ очень мало и то совершенно незначащихъ лекарствъ. *Настоящее искусство помогающаго врача состоитъ здѣсь не въ томъ, что онъ дѣлаетъ, а въ томъ, чего не дѣлаетъ* (стр. 16).

Фирховъ, доказавъ, что 1) клѣточки могутъ развиваться только изъ клѣточекъ же и 2) что единственное различіе ненормальныхъ клѣточекъ отъ нормальныхъ состоитъ въ томъ, что онѣ развились не въ свое время, не на своемъ мѣстѣ и въ ненормальномъ числѣ, разрушилъ окончательно теоріи целлюлярныхъ патологовъ и слѣдовательно лишилъ врачебную практику ея научнаго основанія. Однако это не повлекло за собой никакихъ измѣненій въ способѣ леченія болѣзней, потому что вообще все старое, даже въ теоріи разрушенное, держится на практикѣ очень упорно и, во вторыхъ, еще потому, что послѣдователи Фирхова не могли тотчасъ же замѣнить доселѣ существовавшій методъ леченія какимъ нибудь другимъ, основаннымъ на новыхъ научныхъ данныхъ. Да и къ тому же большинство практикующихъ врачей не могли отказаться отъ того способа, при

помощи котораго они всю жизнь морили людей. Для этого они неимѣли ни достаточно рѣшимости, ни достаточно самоотверженія, ни достаточно знанія. Они подняли крикъ, что Фирховъ только все разрушаетъ, ничего не давая въ замѣнъ и продолжали пичкать своихъ больныхъ микстурами и пилюлями и производить надъ ними инквизиціонныя пытки. Впрочемъ я совершенно напрасно употребляю глаголь въ прошедшемъ времени: все это такъ продолжается и до сихъ поръ, и, зная, какъ живуче все старое и гнилое, трудно предсказать, что скоро пройдетъ время грубаго шарлатанства въ медицинѣ.

Однако, если почтеннѣйшая публика, терпѣніе которой тщетно стараются въ продолженіе многихъ столѣтій истощить адвокаты, врачи, политическіе дѣятели, литераторы, фабриканты и разные плуты, — если, говорю я, почтеннѣйшая публика продолжала и продолжаетъ выносить пытки, пить бычачью желчь и полынь и ѣсть хину, въ увѣренности, что всѣ эти предметы ей какъ нельзя болѣе полезны, — то наконецъ, въ толпѣ мучителей ея явились люди, которые, взирая на ея муки, вознегодовали на своихъ товарищей по наукѣ. Видя страшный вредъ, приносимый *пользованіемъ*, они стали отвергать всю медицину, стали требовать отъ врачей полного отреченія и предоставленія больныхъ средствамъ природы. Такимъ образомъ явился медицинскій нигилизмъ, который былъ совершенно правъ, потому что вся та медицина, которая существовала, не заслуживала ничего, кромѣ полнѣйшаго отрицанія. Однако, когда явилась целлюлярная патологія Фирхова, то эти нигилисты начали искать средствъ основать на ней новую медицинскую практику.

Было ясно напримѣръ, что если предоставить организмъ самому себѣ, если положиться на его силы, которыхъ въ большинствѣ случаевъ бываетъ достаточно для борьбы съ болѣзнью, то для больного не можетъ быть ничего, кромѣ пользы, если врачъ съумѣетъ поставить его въ такія условія, въ которыхъ борьба съ болѣзнью для организма будетъ легче. Или если, напримѣръ, организмъ страдаетъ какой-нибудь хронической болѣзнью, отъ которой не можетъ освободиться именно потому, что больной по незнанію не можетъ устранить производящую причину — понятно, что въ этомъ случаѣ совѣтъ врача можетъ ему быть полезенъ. Здѣсь я приведу слова д-ра Рихтера:

• Такъ какъ болѣзненные продукты не заключаютъ въ себѣ никакихъ особенныхъ, отличныхъ отъ нормальныхъ составныхъ частей организма тканей, то обыкновенныхъ органическихъ процессовъ совершенно достаточно, чтобы превратить, при дальнѣйшемъ ходѣ метаморфоза, эти болѣзненные продукты въ вещества, назначенные къ изверженію и въ этомъ видѣ вывести его изъ организма, т. е. уничтожить болѣзненное и тѣмъ исцѣлить организмъ. Чтобы исцѣлить болѣзнь, организмъ не имѣетъ нужды ни въ какомъ особенномъ процессѣ или снарядѣ, потому что онъ при содѣйствіи только своихъ органовъ совершаетъ этотъ процессъ, который, при данныхъ болѣзненныхъ обстоятельствахъ, называется цѣлительнымъ процессомъ; если въ организмѣ непрерывно растворяются, разлагаются и выводятся въ видѣ различныхъ выдѣленій нормальная ткань, то и болѣзненные ткани, ни чѣмъ качественно не отличающіяся отъ здоровыхъ, легко могутъ подвергнуться тѣмъ же самымъ измѣненіямъ. (стр. 26).

Изъ этихъ признанныхъ наукою положеній не трудно было сдѣлать выводъ относительно примѣненія новой теоріи въ практикѣ. Если исцѣленіе организма, безъ врачебной помощи, происходитъ въ слѣдствіе удаленія болѣзненныхъ продуктовъ посредствомъ метаморфоза, то очевидно, что если бы, почему-нибудь метаморфозъ былъ такъ ослабленъ, что не былъ бы въ состояніи удалить не только ненормальные, но и нормальные продукты организма, то, чтобы помочь послѣднему, нужно при помощи тѣхъ средствъ, которыми обладаетъ медицина, усилить метаморфозъ,—въ чемъ и должна состоять главная задача врача. А такъ какъ извѣстно, что ничто такъ не усиливаетъ метаморфозъ, какъ употребленіе холодной воды, то новая теорія даетъ блистательное научное основаніе для леченія, которое было доселѣ основано только на многочисленныхъ удачныхъ опытахъ.

Итакъ, способствовать усиленію метаморфоза, ставить организмъ въ выгодныя внѣшнія условія для борьбы съ болѣзью и удалять причину ея—вотъ главнымъ образомъ въ чемъ должна состоять теперь обязанность врача. Но не одно шарлатанство медиковъ будетъ еще долго служить причиной процвѣтанія въ медицинѣ разрушенныхъ теорій: есть много больныхъ, которые успоиваются только тогда, когда ихъ заставляютъ наѣться всякой дряни и облѣпять съ ногъ до головы пластырями. Такіе больные будутъ негодовать на врача, остающагося простымъ зрителемъ болѣзни, и такой врачъ рискуетъ умереть съ голоду. Поэтому еще долго будетъ существовать тотъ

методъ леченія, надъ которымъ остроумно смѣется д-ръ Рихтеръ, переводъ книги котораго дѣлаетъ большую честь гг. Розанову и Ельцинскому.

«Бываютъ народы образованные, бываютъ и дикіе. Народы образованные любятъ порядокъ, народы дикіе живутъ стадами.» Такъ объясняетъ русскому юношеству профессоръ Берлинъ. «Камнъ, сынъ Адама, построилъ городъ и назвалъ его Энохомъ, по имени своего сына», — продолжаетъ онъ. Сколько жителей было въ этомъ городѣ? спрашиваетъ юношество; но почтенному профессору нѣтъ дѣла до такихъ соображеній. «Дѣти, — говоритъ онъ, — помните заповѣдь: растите и множитесь и наполняйте землю».

И въ такомъ родѣ написалъ профессоръ Берлинъ книгу, которую назвалъ *Природой*. Но его *Природа* отличается ясностью, и притомъ онъ преимущественно описываетъ природу въ томъ видѣ, въ какомъ она была до потопа, такъ что съ нынѣшней она не имѣетъ никакого сходства. Такъ юношество можетъ узнать отъ него о существованіи города Эноха, о томъ, что Мафусаилъ жилъ 969 лѣтъ, что части остова связаны между собой такими мясными орудіями, которыя служатъ для того, чтобы приводить первыя въ движеніе. Это, вѣроятно, такъ и было при жизни Мафусаила; но теперь время на измѣнились и кости связаны между собой связками.

Любопытно судить профессоръ Берлинъ о предназначеніи человѣка и разныхъ частей его тѣла. Человѣкъ, по его мнѣнію, предназначенъ къ тому, чтобы размножаться и плодиться, руки человѣческія для производства разнообразнѣйшихъ движеній, (раг ехемпле, для мордобитія, передергиванія); а ноги — для передвиженія всего зданія, воздвигнутаго на остовѣ. Последнее весьма темно, ибо трудно сообразить, какое зданіе сооружено на остовѣ. Но можетъ быть, ученый педагогъ нарочно такъ выражается, чтобы приучить дѣтей къ соображеніямъ. Но иногда такое объясненіе неудовлетворительно для уразумѣнія цѣлей г. Берлина. Такъ на примѣръ онъ совѣтуетъ (стр. 12) наносить себѣ раны на такихъ мѣстахъ, гдѣ артерія не глубоко лежитъ подъ кожей, дабы удобнѣе было остановить кровотеченіе.

Такіе совѣты можно объяснить только кровожадностью профессорской натуры и нелѣпостью его *природы*.

Впрочемъ, трудно разобрать, что кому принадлежит въ этой книгѣ, потому что честь сочиненія ея съ профессоромъ Берлиномъ раздѣляютъ еще двое: нѣмецъ д-ръ Тучекъ и русскій г. Евстаѣевъ, — ибо хотя изъ предисловія видно, что г. Евстаѣевъ только перевелъ съ нѣмецкаго перевода на русскій языкъ *Природу* профессора Берлина, но заглавіе книги, гласящее о передѣлкѣ ея г. Евстаѣевымъ, утверждаетъ противное. А между тѣмъ многія мѣста въ книгѣ такъ хороши, что любопытно бы знать, кто творецъ ихъ. Кому напри- мѣръ принадлежитъ слѣдующая драгоцѣнная подробность:

«Знаменитый ювелиръ Тавернье, путешествовавшій въ XVI вѣкѣ въ Азію, говорить: «я нашель, что жители востока болѣе всего любятъ самый бѣлый хлѣбъ, самые бѣлые алмазы, самый бѣлый жемчугъ и самыхъ бѣлыхъ женщинъ.» Когда онъ однажды въ разговорѣ съ могуще- ственнымъ персидскимъ шахомъ Аббасомъ II искусно упомянулъ въ отвѣтъ объ этихъ бѣлыхъ красотахъ, то шахъ пришелъ въ такой восторгъ, что дозволилъ ему пить изъ своего собственнаго кубка.» (стр. 183).

Я полагаю, что этотъ анекдотъ заимствованъ у Кузьмы Пруткова, который такимъ образомъ есть четвертый сотрудникъ книги *Природы*. Но есть и пятый, а именно неизвѣстный поэтъ, украсившій эту книгу стихами такого рода:

«..... И рады мы
Проказамъ матушки зимы.»

Много бы еще можно было найти прелестныхъ, увеселительныхъ подробностей въ книгѣ профессора Берлина. Но я думаю, что хорошаго понемножку-лучше, и поэтому закрываю ее. Но въ заключеніе не могу не сказать, что даже это жалкое произведеніе можетъ быть рекомендовано для дѣтей, хотя подобная рекомендація никакъ не доказываетъ достоинствъ этой книги, а можетъ только служить доказательствомъ того безнадежно-жалкаго состоянія, въ которомъ находится наша дѣтская литература. Книга профессора Берлина имѣетъ одно достоинство, а именно цѣль, которая состоитъ въ ознакомленіи дѣтей съ природой, что должно быть основаніемъ всякаго воспитанія; потому что ничто такъ не развиваетъ человѣка, какъ знакомство съ естественными науками. А такъ какъ въ этомъ отношеніи наша литература, не только для дѣтей, но и для взрослыхъ, содержитъ въ себѣ весьма немного порядочныхъ книгъ, то

и Природа профессора Берлина должна играть видную роль въ дѣтскомъ чтеніи, пока не будетъ издано чего нибудь лучшаго въ этомъ же родѣ.

Не успѣлъ я пожаловаться на недостатокъ книгъ по естественнымъ наукамъ для дѣтскаго возраста, какъ мнѣ попались цѣлыхъ двѣ, изъ которыхъ первая назначена прямо для дѣтей, вторая хотя и не объясняетъ для кого предназначена, но по сущности своей можетъ касаться только младенцевъ.

«Когда для дѣтей настаетъ та пора, что они начинаютъ внимательно разсматривать окружающіе предметы, то куда бы они ни пошли — въ лѣсъ, садъ, поле, лугъ—повсюду встрѣтятъ деревья, кустарники и травы». (Ботаника Раевского, стр. 1.)

Какія странныя въ самомъ дѣлѣ вещи на свѣтѣ бываютъ: подетъ ребенокъ въ садъ—и увидитъ тамъ траву, кустарники и деревья, и замѣтите притомъ странность: все это увидитъ дитя лѣтомъ, а зимой травы не увидитъ, а увидитъ снѣгъ. Удивительныя вещи бываютъ! Но подобная странность бываетъ впрочемъ съ человекомъ не всегда, а только въ извѣстный періодъ времени, а именно тогда, когда онъ начинаетъ внимательно разсматривать предметы. Потомъ это проходитъ. И съ чего это бываетъ такая напасть? Я думаю, съ глазу. И къ чему это она бываетъ? Что она предвѣщаетъ? Я думаю, къ прыщамъ.

Такъ вотъ видите ли, когда случится съ ребенкомъ такая оказія, то г. Раевскій готовъ ему помочь. Ребенокъ начинаетъ разсматривать внимательно окружающіе предметы, и г. Раевскій нахѣренъ объяснить ему значеніе этихъ предметовъ. Заинтересовала ребенка фіалка; ребенокъ попроситъ у г. Раевского объяснить ему, что это за цвѣтокъ такой, и г. Раевскій объясняетъ такимъ образомъ:

«*Viola odorata*. Корень многолѣтній, состоитъ изъ цилиндрическаго узловатаго корневища и множества тѣсносплетенныхъ корешковъ. Всѣ листья черешчатые и выходятъ изъ верхней части корневища. Цвѣточные ножки такой же длины, какъ листья; по срединѣ онъ снабжены 2-мя супротивными листочками. Лепестки имѣютъ форму обратно-яйцевидную».

Ребенокъ, разумѣется, даетъ себѣ мысленно обѣщаніе никогда не задавать г. Раевскому никакихъ вопросовъ, а г. Раевскій очень доволенъ собой и уже безъ приглашенія продолжаетъ: «*Chelidonium majus*. Листья попеременныя, черешчатые, непарноперистые...» Я уже сказалъ, что г. Я. Печоринъ не объясняетъ, для кого предназначена его книжка; она такъ мала, такъ ничтожна, что не только взрослымъ, но даже дѣтямъ не представляетъ ничего интереснаго, потому что содержитъ въ себѣ не болѣе того, сколько сказано въ географіи Ободовскаго. Для дѣтей тоже не можетъ служить, потому что крайне скучна, суха и наполнена разными таблицами. Должно полагать, что назначена она для грудныхъ дѣтей.

Книга Навиля — ученое и любопытное сочиненіе, въ которомъ всѣ положенія подкрѣплены ссылками на такіе авторитеты, какъ Массильонъ, Боссюэтъ, Фенелонъ, Бурдалу и рд. философы; она старается доказать слѣдующія важныя истины:

- 1) Что всякое существо, измѣряющее себя, есть ничто.
- 2) Что нравственность требуетъ санкціи.
- 3) Что нравственность не требуетъ санкціи.
- 4) Что мысль римскаго поэта: «я человѣкъ и ничто человѣческое мнѣ не чуждо» — прекрасна.
- 5) Что если дать философамъ вѣкъ на философствованіе и потомъ попросить ихъ описать желудокъ, то они не опишутъ; другими словами, что тутъ разумомъ ничего не возьмешь.
- 6) Что отъ алкоголя человѣкъ дѣлается пьянъ.
- 7) Что лицо есть зеркало души.
- 8) Что тѣло въ чистомъ состояніи не человѣкъ, а трупъ; а человѣкъ значитъ тогда, когда тѣло — въ грязномъ состояніи. Но я бы никогда не кончилъ, если бы вздумалъ исчислять всѣ тѣ истины, которыя доказываетъ Эрнестъ Навиль. Замѣчу одно, что книга его вызываетъ на размышленія и возбуждаетъ въ душѣ человѣка величественныя воспоминанія. Такъ напр. все время пока я ее читалъ, у меня въ головѣ вертѣлись прекрасныя и выразительныя слова Боссюэта, которыми онъ началъ свою рѣчь надъ прахомъ герцогини Ормеанской. «*O nuit désastreuse, o nuit épouvantable, ou ré-*

tenit tout à coup cette nouvelle: Madame se meurt! madame est morte!»

Но болѣе всего понравилась мнѣ та мысль древняго философа Эмпедокла, которую приводитъ г. Эрнестъ Навиль: «Думаю, сказалъ этотъ мудрецъ, я былъ нѣкогда мальчикомъ или молодой дѣвицей, деревомъ, птицею, безгласною рыбою на днѣ моря». Вотъ и г. Эрнестъ Навиль, быть можетъ, былъ когда-нибудь Боссюэтомъ, епископомъ Мосскимъ, или быть можетъ, существовалъ нѣкогда въ образѣ роскошной царицы египетской, Клеопатры. Любопытно это все, какъ подумаешь. Какое поприще для ума и воображенія!

Въ заключеніе, обращаю вниманіе профессора Сергіевскаго на тѣ опасныя мысли, которыя содержатся въ книгѣ Эрнеста Навиля. Этотъ мнимый ревнитель благочестія, подъ лживой маской религіозности чувствъ, проводитъ такого рода безбожныя мысли:

«Еслибъ медицина достигла совершенства, то врачи при вскрытіи труповъ находили бы, можетъ быть, въ нихъ всю жизнь души, которая одушевляла тѣло,—видѣли бы слѣды и первоначальныхъ, естественныхъ склонностей души, но открыли бы также и продукты самобытной дѣятельности душевной.

«Кажется, всѣ тайны нашего существованія должны быть начертаны въ нашихъ брѣнныхъ остаткахъ».

До такихъ опасныхъ, матеріалистическихъ крайностей не доходили ни Фохтъ, ни Бюхнеръ, однимъ словомъ, ни одинъ изъ всѣхъ нашихъ bêtes noires.

Г. Ешевскій совмѣстилъ въ себѣ въ одно и тоже время и Бокля, (котораго онъ эксплуатируетъ болѣе, чѣмъ это позволяетъ священное право собственности), и Шлейдена, и Льюиса и всѣхъ прочихъ европейскихъ ученыхъ. Онъ и его собратья по университету совмѣстили въ себѣ столько непостижимой мудрости, что, я думаю, когда нибудь пріобрѣту достаточно свѣденій написать: «Профессорографическіе этюды», гдѣ преимущественно займусь физиологическимъ рѣшеніемъ вопроса, какое соотношеніе имѣетъ профессорская кафедра къ застою мозга,—она ли обуславливается имъ, или наоборотъ, производитъ его. Впрочемъ это не относится къ г. профес-

сору Ешевскому, который есть перлъ московскаго университета, святыню котораго онъ даже однажды энергически защищалъ. Профессоръ Ешевскій можетъ единственно обусловить страшной скукой своихъ слушателей и то не прямо, т. е. не вслѣдствіе дурного качества того матеріала, которымъ онъ угащаетъ ихъ на своихъ лекціяхъ, — нѣтъ, Боже меня сохрани отъ такого мнѣнія: извѣстно, что у насъ всѣ профессора превосходно читаютъ и всѣ они превосходные люди, не исключая даже тѣхъ кievскихъ ученыхъ, которые раздѣлили между собой двѣнадцати-тысячную добычу. Поэтому превосходно также читаетъ и г. профессоръ Ешевскій, и слушатели его должны быть ему за это признательны и даже имѣть право выражать свою признательность аплодисментами (профессоръ — либераль). Я хочу только сказать, что лекціи г. Ешевскаго, судя по «*этнографическимъ этюдамъ*», должны быть нѣсколько, такъ сказать, монотонны или заунывны. Впрочемъ, быть можетъ, я ошибаюсь; быть можетъ, на кафедрѣ г. Ешевскій напоминаетъ самаго Цицерона или самую г-жу Евгенію Туръ. Я вѣдь сужу по *этнографическимъ этюдамъ*, которые нѣсколько похожи по дѣйствию, производимому ими, на сонный порошокъ. Вотъ на этомъ-то основаніи я предположилъ, что если г. Ешевскій не игривѣ и въ своихъ лекціяхъ, то постоянное усыпленіе, въ которое должны они повергать его слушателей, можетъ произвести вредное впечатлѣніе на ихъ интеллектуальныя способности. Впрочемъ, изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы рѣчь г. профессора Ешевскаго въ его *этнографическихкихъ этюдахъ* была лишена всякихъ риторическихкихъ украшеній. Напротивъ того, она изобилуетъ хрїями, гиперболами, метафорами и даже синекдохами. Сопоставленія его неожиданны, сравненія мѣткі, выраженія цвѣтisty, эпитеты краснорѣчивы и остроумны. Возьмемъ хоть напр. его рѣчь объ императорѣ Наполеонѣ III и посмотримъ, какія разнообразныя прилагательныя, какія необыкновенныя существительныя просоединяетъ г. Ешевскій къ имени этого государя. То онъ его называетъ *племянникомъ своего дяди*, то *знаменитымъ соименникомъ своего тески*, то *внчаннымъ комментаторомъ*, ради краснорѣчія пренебрегая даже такимъ ничтожнымъ обстоятельствомъ, что Наполеонъ III вовсе не внчанъ. По этимъ образцамъ, читатели могутъ судить, что не за краснорѣчіемъ стоитъ дѣло у г. профессора Ешевскаго. Если уже оно за чѣмъ нибудь стоитъ, то это за нѣкоторой неспособностью къ мышленію, которая то именно и дѣ-

лаеть, что *этнографическіе этюды* представляют изъ себя, несмотря на свою незначительную величину, хаосъ довременный, въ которомъ носятся мысли, *взятыя* у Бюля, Риттера, Пикте и др., но въ которомъ мысли самого г. профессора Ешевскаго еще не сотворены. Все, что принадлежитъ собственно ему, состоитъ не столько въ мышленіи, сколько въ довольно наивномъ, (доказывающимъ невинность души г. профессора), удивленіи надъ побѣдами, которыя будто бы какой-то человекъ одержалъ надъ самимъ собой, — (кто это, г. Ешевскій? объясните.) — и надъ тѣмъ, что «христіанскій первосвященникъ Рима клался не иначе, какъ языческими богами, нисколько не подозрѣвая всей несовмѣстности этого съ священнымъ характеромъ главы одной изъ христіанскихъ церквей.» Только напрасно заставляеть г. профессоръ и другихъ удивляться этому обстоятельству. Конечно, своихъ слушателей г. профессоръ можетъ заставлять дѣлать, что ему угодно; при блаженномъ устройствѣ нашихъ университетовъ и при патріархамъности, царствующей въ *alma mater* ихъ, это возможно. Но зачѣмъ же публику-то заставлять удивляться неприличному поступку римскаго первосвященника? Удивляйтесь одни, г. Ешевскій, этому казусу, а публикѣ есть надъ чѣмъ кромя этого удивляться. Хоть бы наприимѣлъ тому, что такіе господа, какъ вы, могутъ у насъ считаться учеными, могутъ служить къ украшенію стариннѣйшаго изъ нашихъ университетовъ. Это дѣйствительно странно.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИКА.

Франція: Продолженіе выборовъ во Франціи. — Недовѣріе императорскаго правительства къ свободнымъ выборамъ націи. — Взглядъ буржуазіи на современное состояніе дѣлъ. — Нѣтъ свободы, но много порядка. — Мнѣніе г. Геруля, выражающее мнѣніе большинства французскаго общества. Австрія: Последнія реформы ея. — Признаніе голштинскаго герцогства независимымъ и отношеніе Дании къ Германіи. — Пруссія: Закрытіе парламента и дальнѣйшее поведеніе' правительства въ отношеніи народа. — Друзья короля — первые его недруги. — Воинственный азартъ консервативной прусской партіи. — Англія: Смерть военнаго секретаря Корнвалля Люиса. — Поведеніе англійской аристократіи въ американскомъ вопроеѣ.

Избирательная битва кончилась; раненные сосчитаны, мертвые похоронены. Только изрѣдка тамъ и сямъ раздаются выстрѣлы, но никто на нихъ не обращаетъ вниманія: это стрѣляетъ какой-нибудь побѣдитель, на радостяхъ, или какой-нибудь побѣжденный, съ досады. Но оппозиція, противъ всякаго ожиданія, не побѣждена: она на этотъ разъ овладѣла большою цитаделью Парижа, и изъ девяти кандидатуръ оставила правительству только одну. Это успѣхъ поразительный, торжество небывалое.

Однакожъ правительство, какъ всякій ожидалъ, поддержало свое вліяніе въ департаментахъ. Изъ двухъ сотъ семидесяти четырехъ депутатій, въ этотъ достопамятный день, у него исторгнуто только семнадцать, и еще производится баллотировка для двѣнадцати другихъ. Никто впрочемъ и не полагалъ, чтобъ административное всемогущество могло въ настоящее время потерпѣть пораженіе отъ провинціаловъ и крестьянъ, отличающихся грубымъ невѣжествомъ и совершеннымъ отсутствіемъ политическаго смысла, превратившимся

въ пословицу. Подумаешь, наши поселяне не забыли, что всего только три четверти вѣка тому назадъ они еще были рабами: съ такою боязню и съ такою точностью они исполняютъ приказанія су-префекта. Притомъ, свободенъ ли тотъ, кто невѣжественъ, и достоинъ ли онъ носить имя гражданина?

Мы сказали, что правительство императора было побѣждено, и употребили такое категорическое слово потому только, что это правда. Министерскія инструкции и циркуляры префекта не позволяютъ намъ выразаться иначе. Они намъ объявили на-прямикъ, что здѣсь дѣло не касается одобренія или порицанія министерской политики, такъ какъ, по ихъ замѣчаню, политики министерской нѣтъ, а есть только императорская воля. Это—они поставили вопросъ имперіи на избирательную почву: они намъ сказали, что тотъ, кто не вотируетъ въ пользу правительственнаго кандидата, избраннаго самимъ императоромъ, есть «врагъ отечества, или человекъ подозрительный». Мы требуемъ, говорили они, повиновенія и дисциплины, и тотъ, кто намъ отказываетъ въ этомъ, сочтется мятежникомъ. Г. Персини не переставалъ повторять: «Кандидатъ императора служить его посланникомъ въ палатѣ, ибо нѣтъ представителей народа, а есть только представители императора, который въ лицѣ своемъ сосредоточиваетъ всю націю, съ тѣхъ поръ, какъ она, послѣ плебисцита 1852-го и *Conc d'Etat* 1851 года, вручила ему свою судьбу. Поэтому правительство намѣревается не только поддерживать своего кандидата *per fas et nefas*, всѣми находящимися въ его распоряженіи средствами, но даже признаетъ всякое сопротивленіе въ этомъ отношеніи дѣйствіемъ, непріязненнымъ противъ особы императора. Сверхъ того, оно не дозволяетъ никому изъ своихъ друзей домогаться чести доказывать свою вѣрнопопдадническую преданность, если онъ предварительно не получилъ на то оффиціального предписанія. Правительство не допускаетъ существованія волонтеровъ, что было бы вредно для дисциплины. Оно предлагаетъ избирателямъ кандидатовъ, и всякій другой кандидатъ долженъ считаться революционеромъ».

Не смотря на такое ясное объявленіе, нѣсколько молодыхъ людей изъ знати, принадлежащихъ къ имперіалистамъ, — адъютанты, лейтенанты главнаго штаба и аудиторы государственнаго совѣта, вздумали протестовать противъ того же распоряженія, быть можетъ, по убѣжденію. Они хотѣли возродить имперію, создавъ молодой бонапартизмъ.

Г. Персины съдѣлалъ имъ строгій выговоръ и даже публично наказалъ интереснаго Эрнеста Бароша, сына *великаго* Бароша, этого министра безъ поргѣя и президента государственнаго совѣта. Молодой Эрнестъ не слушался увѣщаній министра внутреннихъ дѣлъ, воспротивился его требованіямъ и хотѣлъ, во что бы то ни стало, посвятить себя императору и имперіи. Возмущенный такимъ неукротимымъ рвеніемъ, Персины, безъ всякихъ обиняковъ, упрекнулъ молодого Бароша въ участіи въ продѣлкахъ Миреса и, напоминая ему объ одномъ путешествіи, предполагавшемся въ Соединенные штаты, спросилъ иронически въ циркулярахъ, прибитыхъ къ стѣнамъ: «Объясните мнѣ вотъ то-то и то-то, молодой человекъ!..» Эрнестъ гордо отвѣчалъ, что онъ не имѣетъ никакой надобности объяснять что бы то ни было, и отсталъ отъ домогательствъ на кандидатуру, вслѣдствіе желанія, изъявленнаго императоромъ, какъ онъ говоритъ. Подобныя же приключенія были и съ Игнасомъ Плишномъ, и съ барономъ Жувенелемъ, и съ маркизомъ de Ригге, котораго жена однакожь служила статсъ-дамой императрицы, и со многими депутатами, какъ составляющими палату, такъ и кандидатами.

Маркизь д'Анделаръ, бывшій два раза по одобренію правительства членомъ законодательнаго корпуса, принадлежитъ къ числу тѣхъ солдатъ, которые получили грозную отставку и которымъ не дозволяется снова вступать на службу, даже въ качествѣ простыхъ волонтеровъ. Когда онъ представился въ третій разъ, все въ качествѣ кандидата, преданнаго императору, правительство оттолкнуло его съ такимъ же усердіемъ, съ какимъ прежде ему покровительствовало. Оно даже отставило отъ должности нѣкоторыхъ чиновниковъ, хлопотавшихъ объ его избраніи, и въ одинъ прекрасный день мѣстный журналъ появился съ торжественнымъ объявленіемъ, помѣщеннымъ во главѣ его столбцовъ, гдѣ было сказано:

«По распоряженію императорскаго правительства, маркизь д'Анделаръ предается исправительному суду за оскорбленія, нанесенныя имъ публично префекту верхней Саоны, въ то время, когда это должностное лицо исправляло свою служебную обязанность и принимало шѣры къ прекращенію распространенія панфлеа, озаглавленнаго: «Четвертое письмо къ моимъ вѣрителямъ».

Бонапартистскія газеты находили такое поведеніе правительства неблагоразумнымъ. Онѣ доказывали, съ нѣкоторой логичностью, что подобными дѣйствіями порождается сомнѣніе относительно прочности

династии, что не должно рисковать самыми драгоценными интересами бонапартизма и ставить на ряду съ священной особой императора такія личности, каковы Ашиль Жюбиналь и Гранье, торговецъ неграми, рожденный въ Кассаньякъ, и что не слѣдуетъ повторять во всѣхъ пунктахъ Франціи: «Выбирайте между Наполеономъ и г. Дюраномъ, между Бонапартомъ и г. Дюпаномъ, между избавителемъ страны и г. Дюфуромъ, между избранникомъ націи и г. Дюпокетомъ, ибо негодяевъ и недоброжелателей много, и они-то могутъ предпочесть гг. Дюрана, Дюпона, Дюфура, Дюпокета императору Людовику Наполеону III.»

Правительство не хотѣло обратить вниманіе на эти убѣжденія и по прежнему повторяло: «г. Бурна, зять г. Курна, есть кандидатъ, избранный императоромъ; а потому, если вы вотируете за г. Курна, вмѣсто того, чтобъ вотировать за г. Бурна, то вы врагъ императора!»

Противъ такого разсужденія либеральные журналы возражали робко. Вотъ что съ примѣрной умѣренностью и, по нашему мнѣнію, съ неопровержимымъ здравымъ смысломъ говорить объ этомъ предметѣ одинъ замѣчательный писатель, Эдмондъ Шерерь:

«Правительство не должно признавать, что у него есть враги, если оно имѣетъ претензію быть правительствомъ свободнымъ. Въ особенности, оно не должно этого дѣлать, если опирается на всеобщей подачѣ голосовъ. Самая теорія всеобщей подачи голосовъ исключаетъ идею власти, находящейся въ столкновеніи съ «мятежнымъ» меньшинствомъ, которое «призываетъ свободу только для того, чтобъ обратитъ ее противъ государства». Такое понятіе заимствовано въ исторіи правительствъ, болѣе или менѣе абсолютныхъ. Оно составляетъ анахронизмъ.»

«Есть и другая причина, по которой правительство должно было бы воздержаться отъ вмѣшательства въ выборы. Еслибъ выборы вездѣ совершались согласно желанію правительства, то мы имѣли бы палату, лишнюю оппозиціи и, слѣдовательно, правительство свободное отъ контроля. Какъ скоро администрація имѣетъ своихъ кандидатовъ, то весьма натурально, что она избираетъ самыхъ преданныхъ ей лицъ, а именно такихъ, отъ которыхъ всего менѣе можетъ ожидать сопротивленія; она тогда неизбежно должна отвергнуть не только людей старыхъ партій, но и такихъ, которые не простираютъ своей преданности имперіи до того, что готовы освободить правительство

отъ всякаго упрека и отъ всякаго порицанія. Это въ порядкѣ вещей. Каковы бы ни были доказательства личной преданности имперіи со стороны кандидата, онъ не можетъ ни говорить, ни вотировать ни противъ мексиканской экспедиціи, ни противъ занятія Рима, ни противъ закона о предостереженіи журналовъ, ни противъ управленія финансовъ, не лишаясь поддержки своего проекта. Администрація всегда будетъ предпочитать уступчивыхъ кандидатовъ неуступчивымъ, и вотъ почему вмѣшательство ея въ выборы необходимо клонится къ подавленію всякой оппозиціи. Отсутствие противорѣчія иногда ослѣпляетъ и приводитъ въ заблужденіе власть и не успокоиваетъ страны».

«Наконецъ признаемся, что-то насъ беспокоить въ этомъ способѣ дѣйствованія, раздѣляющемъ страну на два непріязненныхъ другъ другу лагеря и основанномъ на системѣ доносовъ и объявленія войны всякому, кто не въ состояніи возвысить своихъ чувствъ до діапозона безусловнаго довѣрія и трогательной преданности правительству. Этотъ способъ не только оскорбляетъ насъ, потому что онъ отличается насиліемъ и, слѣдовательно, бесполезенъ, но онъ кромѣ того доказываетъ намъ, какъ мало мы подвинулись впередъ въ уваженіи къ мнѣніямъ, къ той нравственной терпимости, которая составляетъ сущность и условіе свободы».

На такое разумное сужденіе правительство, представляемое *Constitutionnel* емъ, отвѣчало доводами, отзывавшимися гауптвахтой. «Контроль, говорило оно, показываетъ недовѣріе; желать контролировать императорское правительство значитъ подозрѣвать его въ обманѣ,—подозрѣвать его значитъ быть ему враждебнымъ,—быть ему враждебнымъ значитъ быть виновнымъ въ государственномъ преступленіи».

Поэтому не безъ основанія мы замѣтили, что правительство, кричавшее въ каждомъ избирательномъ округѣ: быть или не быть! теперь получило кровавую обиду во всякомъ такомъ округѣ, который избралъ своимъ кандидатомъ челоуѣка, признаннаго имперіею ея личнымъ врагомъ.

До сихъ поръ бонапартизмъ не успѣлъ водвориться въ Европѣ. Онъ только расположился въ ней лагеремъ. Не забудемъ, что Франція—страна, испытавшая въ продолженіи послѣднихъ семидесяти пяти лѣтъ съ полдюжины революцій, и гдѣ столько же правительствъ, въ свое время считавшихся прочными, продержались, среднимъ числомъ, всего по пятнадцати лѣтъ. Однакожъ, что бы ни говори-

ли, страна эта не любит революцій. Она разбиваетъ правительство, подобно тому, какъ вспылчивый человѣкъ, въ минуту гнѣва, разбиваетъ свои фарфоровыя вещи, но принципъ оставляетъ на мѣстѣ. Словомъ, Франція самая удобоуправляемая страна, пока не сдѣлается самою неудобоуправляемою.

Во всякомъ случаѣ, эта нація не вдругъ дѣлается строптивою. Задолго передъ тѣмъ, какъ она становится на дыбы, искусный всадникъ, по ея приподнятымъ ушамъ, можетъ замѣтить въ ней что-то неладное. Очевидно, нація теперь начинаетъ скучать. Имперія потеряла въ глазахъ ея прелесть таинственности и новизны и не вознаградила этой потери народнымъ благоденствіемъ. Послѣ того, какъ она «покрылась славой подъ Севастополемъ и Сольферино, экзотическіе лавры, которые бонапартизмъ добылъ въ Китаѣ и Кохинхинѣ, и тѣ, которые предстоитъ еще добыть въ Мексикѣ, кажутся неудовлетворительными. За недостаткомъ внѣшней побѣды, народъ теперь желалъ бы пользоваться нѣкоторымъ внутреннимъ комфортомъ. Нужны реформы тамъ и сямъ, — пѣтъ, что я говорю, — во всей имперіи: въ головахъ, въ туловищѣ и въ членахъ! Быть можетъ, желательно было бы пойти въ Польшу, но прежде слѣдуетъ возвратиться изъ Рима, изъ Мексики, изъ Сайгона и Гонгконга. Наша буржуазія теперь уже не имѣетъ предразсудковъ. Она въ продолженіи полувѣка испытала всевозможныя формы правленія и теперь уже не такъ восторгается парламентской системой и не такъ жадна до революцій, какъ въ былое время. Такъ какъ она находится въ имперіи, то желаетъ остаться въ ней, какъ обыкновенно бываетъ при всякомъ частномъ наймѣ, срокомъ на три года, на пять или на шесть лѣтъ *), если только хозяинъ согласится сдѣлать самыя необходимыя починки въ своемъ недвижимомъ имуществѣ. Начнемъ же теперь съ улучшеній въ имперіи, а потомъ, если будетъ республика, то пусть будущность позаботится о томъ, что до нея касается. Такъ какъ Кесарь остается Кесаремъ и такъ какъ ему принадлежатъ и эта монета и эта надпись на ней, то воздадимъ Кесарю кесарево, а тамъ Господь Богъ уже самъ распорядится на счетъ того, что ему принадлежить. Примемъ же имперію чистосердечно, присягнемъ императору честно и,

(*) Это значитъ, что жилецъ и хозяинъ имѣютъ право возобновлять свои взаимныя условія черезъ каждые три года.

въ ожиданіи возможности дѣлать лучше и больше, пошлемъ нѣсколько честныхъ людей въ палату.

Общества нуждаются въ двухъ благахъ: въ порядкѣ и свободѣ. Безъ порядка не можетъ быть матеріальнаго благосостоянія, безъ свободы невозможна ни умственная, ни нравственная жизнь.

И это два блага не только отдѣльно необходимы для благоденствія народа; они необходимы также другъ для друга. Безъ порядка невозможна свобода, а безъ свободы порядокъ во всякое время можетъ быть уничтоженъ.

Имперія водворила порядокъ или лучше дала ему самую благовидную наружность. Народная площадь въ продолженіи двѣнадцати лѣтъ ни разу не видала ни малѣйшаго мятежа. Пресса лишена была всякой возможности возбудить волненіе въ общественномъ умѣ. У насъ столько порядка, что иногда хочется спросить: ужъ не слишкомъ ли его много?

Но исторія окончила только половину правительственной задачи. Мы имѣемъ порядокъ, но порядокъ безъ свободы есть застой. И вотъ этойто свободы теперь! начинаетъ желать страна. Она находитъ, что слишкомъ долго была лишена этого блага и стала его требовать. Она требуетъ его тѣмъ громче и тѣмъ большую чувствуетъ въ немъ потребность, что совершенно обезпечена на счетъ общественного порядка. И это естественно: какъ скоро какая нибудь потребность удовлетворена, мы перестаемъ о ней думать и заботимся объ удовлетвореніи другихъ нуждъ.

Нравственное положеніе страны можетъ быть резюмировано въ нѣсколькихъ словахъ: Франція не имѣетъ болѣе надобности желать порядка, но она ждетъ свободы.

«Забудемъ прошедшее, забудемъ Людовика Филиппа, такъ какъ онъ умеръ, забудемъ его сыновей, которые виноваты, потому что находятся въ отсутствіи, забудемъ иллюзіи 1848 года, забудемъ декабрьскія преступленія, оставимъ всякую мысль о будущемъ и займется исключительно настоящимъ, по мѣрѣ возможности!»

Едва эти слова были происнесены, какъ они всюду встрѣтили самое единодушное сочувствіе. Не только вся образованная буржуазія избрала ихъ своимъ девизомъ, но и вся либеральная молодежь, не испытавшая на своей спинѣ ударовъ, нанесенныхъ во время декабрьскаго *Coup d'Etat*, находила этотъ случай превосходнымъ для всту-

пленія въ дѣловой міръ, гдѣ ожидаетъ ее почетъ и политическая дѣятельность.

То, что либералы говорили съ желчью въ крови и съ разочарованіемъ, молодежь повторяла съ дрожющими отъ энтузіазма устами. «Забудемъ прошедшее, оставимъ пока мысль о будущемъ, позаботимся объ улучшеніи настоящаго положенія, будемъ практичны!» — повторяли хоромъ всѣ кандидаты и всѣ искатели мѣстъ.

Но собственно такъ называемые республиканцы, демократы — социалисты, которыхъ имперія могла обезоружить и побѣдить, но не покорить, болѣзненно протестовали противъ того, что называли они отступленіемъ отъ знамени и, въ нѣкоторомъ смыслѣ, оскверненіемъ святаго дѣла. «Лучше умереть, говорили они, чѣмъ сдаться; лучше умереть, чѣмъ лгать!» Но ихъ протестъ не встрѣтилъ отголоска въ странѣ и они должны были признать фактъ, теперь уже очевидный и сдѣлавшійся достояніемъ исторіи, что если прежде они составляли меньшинство одного человѣка на сто, достаточное для доставленія имъ законнаго вліянія на общественное мнѣніе, то теперь они образуютъ меньшинство, рѣшительно незначительное, одного на тысячу.

Но для Франціи этотъ спектакль не новъ. Она потворяетъ его каждый разъ, когда выходитъ изъ борьбы побѣжденной или усталой отъ великихъ событій. Послѣ кровопролитія Варфоломеевской ночи, послѣ безобразныхъ событій Лиги являлось раскаяніе, и партія умѣренныхъ снова выходила на сцену дѣйствія. Особенность французской исторіи въ томъ и состоитъ, что, послѣ двухъ или трехъ дней запальчивой вспышки, обыкновенно наступаетъ десятилѣтняя реакція. Теперь происходитъ то же самое. Напряженная дѣятельность нашего вѣка и обманутыя надежды партій, слишкомъ многого желавшей обществу, едва способному понимать Ламартина или отца Дюпанлу, породили разочарованіе и боязнь. Теперь мы присутствуемъ на праздникѣ *умѣренныхъ*, которые требуютъ справедливости не отвлеченной, а практической, которые желаютъ реформъ для себя, а не для потомства, которые выражаютъ свою политику въ слѣдующемъ афоризмѣ: «дѣлайте такъ, чтобы и волки были сыты и овцы цѣлы».

Этотъ взглядъ нашей спокойной и самодовольной буржуазіи всего лучше формулируетъ редакторъ de l'Opinion Nationale, г. Геруль, бывший сэнъ-симонистъ, филиппистъ и республиканецъ, а теперь се-

вѣтникъ и правая рука принца Наполеона, наблюдающаго за Тюильери изъ Пале-Рояля, какъ нѣкогда Людовикъ Филиппъ наблюдалъ за Карломъ X. Говоря о современномъ состояннн общественнаго мнѣннн во Франціи, г. Геруль выражается такъ: «Я не изъ числа тѣхъ, которые видятъ спасеніе для общества только въ особенной формѣ правительства и по мнѣннн которыхъ революціа составляетъ непремѣнное условіе прогресса... Я знаю, что всякое правительство можетъ быть дурнымъ или хорошимъ, смотря потому, какъ дѣйствуетъ на него сила общественнаго мнѣннн... Настоящей Франціи предстоитъ исполнить двѣ великія обязанности: одну въ отношеннн Европы, другую въ отношеннн ея самой. Внѣ—она должна быть посредницею и патронессою угнетенныхъ національностей; внутри—она должна вдохнуть свободу во всѣ учрежденнн, поставить идею права и совѣсти на мѣсто личнаго произвола и малодушныхъ увертокъ ея правителей.»

Такимъ образомъ г. Геруль, какъ представитель огромнаго большинства французской буржуазнн, готовъ расписаться въ преданности всякой имперіи, если только она благоволитъ дать или даже обѣщать нѣкоторыя уступки въ пользу индивидуальной свободы и общественныхъ интересовъ. Но мнѣ помнится, что тотъ же самый г. Геруль, назадъ тому лѣтъ десять, рассуждалъ иначе. Тогда онъ говорилъ, что не всякое правительство можетъ быть дурнымъ или хорошимъ, что общественное мнѣннн не падаетъ на страну подобно небесной маннѣ, что для развитнн его необходимы многія условнн и, въ числѣ ихъ, хорошее правительство, что практическія цѣли большинства еще не составляютъ того верховнаго разума, на которомъ должна остановиться націа, желающая жить не однимъ нынѣшнимъ днемъ, а думающая и о будущемъ.

И все таки вышеприведенныя слова г. Геруля служатъ выраженннмъ преобладающаго направленнн въ умахъ современной Франціи, и настоящнн выборы, какъ нельзя лучше доказываютъ, что императорская Франціа ищетъ примиреннн съ своимъ прошлымъ и готова цѣловать сапогъ Наполеона III, лишь бы оставить ее въ покоѣ еще на нѣсколько лѣтъ...

Я прерываю хронику выборовъ на половинѣ ихъ драматическаго хода и надѣюсь еще разъ воротиться къ ней, а теперь займусь

политикой другихъ правительствъ, родственныхъ по духу и направленію политикѣ Наполеона III. Начну съ Австріи.

Внутреннее положеніе Австріи значительно поправилось въ послѣдніе два года. Какъ бы то ни было, либерализмъ Шмерлинга все же въ тысячу разъ лучше абсолютизма гг. Баха и Туна. Во всѣхъ отрасляхъ администраціи произведены реформы, правда, очень умеренныя, но за то дѣйствительныя. Будутъ ли онѣ окончательными или только временными,—это еще вопросъ. Очевидно, новый порядокъ вещей не можетъ развиваться долго, не задѣвая самыхъ чувствительныхъ сторонъ меттерниховской системы и не производя сильнаго кризиса въ самомъ сердцѣ Австріи; мы не говоримъ уже о владѣніяхъ не германскихъ, принадлежащихъ этой имперіи, въ особенности о Венгріи и Венеціи, которыя не покинули своей роли побѣжденныхъ и угнетенныхъ враговъ и не приняли участія въ конституціонныхъ благахъ, предложенныхъ императоромъ. Не заходя въ будущность, замѣтимъ, что вѣнскіе жители въ восторгѣ и находятъ, что недорого заплатили за реформы, какими пользуются, купивъ ихъ цѣною Ломбардіи. Въ «*Fliegende Blätter*» представлено изумленіе австріяца, возвратившагося на родину послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отсутствія: — «Какъ! воскликнулъ онъ, мои вещи осматривались только на границѣ, я не вижу болѣе полиціи, у меня не спрашиваютъ ни паспорта, ни зачѣмъ я пріѣхалъ, ни сколько у меня денегъ; шпіоны болѣе не преслѣдуютъ меня на каждомъ шагѣ, я не обязанъ являться въ комиссаріатъ:—да точно ли это Вѣна?—дѣйствительно ли я въ Австріи? — я рѣшительно въ недоумѣніи! Мною овладѣваетъ страхъ!»

Результаты этихъ внутреннихъ преобразованій вскорѣ отразились и во внѣшнихъ дѣлахъ. Домъ Ротшильда и Перейры оспаривали другъ у друга честь представить общественныя деньги въ австріиское вѣначейство. Ротшильды одержали верхъ, но съ большимъ трудомъ. «Все къ лучшему въ этомъ мірѣ, сказалъ одинъ вѣнскій житель,—всякій можетъ себя поздравить: правительство—съ тѣмъ, что добыло много денегъ, Ротшильдовъ—что побѣдили своихъ враговъ, Перейровъ, и наконецъ, Перейры—что дали Ротшильдамъ случай сдѣлать глупость!»

Но если въ Австріи «все идетъ къ лучшему», то нельзя того же сказать вообще о Германіи. Тамъ возникаютъ новыя затрудненія по поводу вѣчнаго вопроса о Шлезвигъ-Гольштинскихъ герцогствахъ.

Прокламація датскаго короля, изданная вслѣдствіе отказа сеймовъ Итцегое и германскаго отъ предложенныхъ имъ условій соглашенія, признаетъ Голштинское герцогство отдѣльнымъ отъ Даніи и предоставляетъ ему право содержать свою собственную армію; вмѣстѣ съ тѣмъ однакожъ сохраняетъ, но только на время, единство всѣхъ прочихъ общественныхъ должностей. Такимъ образомъ, датское правительство заранѣе объявляетъ, что намѣрено возвратить Голштиніи ея полную автономію.

«Кредиторъ, которому должникъ не платитъ вовсе, остается только кредиторомъ, но кредиторъ, получающій деньги въ счетъ уплаты всего долга, превращается въ тигра». Этотъ афоризмъ, употребляемый въ кругу знатной, кутящей молодежи, повидимому, былъ неизвѣстенъ Даніи, которая никогда не была предметомъ такого яростнаго гнѣва со стороны Германіи, какъ въ настоящее время, по случаю возвращенія правъ Голштинскому герцогству. А между тѣмъ датское правительство признаетъ эту уступку полною, тогда какъ германскій сеймъ соглашается приять ее только въ видѣ задатка, въ ожиданіи уступки всего датскаго Шлезвига и, чего добраго, всей Даніи!

Удивительная вещь! Кабинеты вѣнскій и берлинскій условились сдѣлать предложеніе германскому сейму постановить по этому вопросу федеральное рѣшеніе, т. е. объявить войну Даніи.

15 мая баронъ Карлъ Плессенъ, президентъ штатовъ Голштиніи (но не герцогства Шлезвигскаго) и глава феодальной партіи (замѣтьте) прибылъ во Франкфуртъ съ тѣмъ, чтобы побудить членовъ германскаго сейма къ занятію Голштиніи.

Датское правительство рассчитывало на помощь Англій. Оно даже ставило гарантію относительно Шлезвига условіемъ принятія греческой короны молодымъ сыномъ принца Христіана. Этой гарантіи Англія не хотѣла дать, во первыхъ потому, что не могла, а во вторыхъ потому, что лордъ Россель, по проискамъ тевтомановъ, окружавшихъ его во время его послѣдняго путешествія по Германіи, не былъ расположенъ къ Даніи, которая хотя въ сущности и права, но, повидимому, согрѣшила противъ буквы нѣкоторыхъ договоровъ.

Если Германія протестуетъ за то, что Данія не уступаетъ также и Шлезвига, то принцъ Христіанъ, съ своей стороны, протестуетъ противъ уступки Голштиніи. Этотъ договоръ, по его мнѣнію, лишаетъ его части законнаго наслѣдства.

Правда, весьма трудно угодить всѣмъ.

Но какого же мнѣнія объ этомъ дѣлѣ голштинцы и въ особенности шлезвигцы?

Объ этомъ никто и не спрашиваетъ.

Такъ какъ политика замесла насъ на сѣверъ Германіи, то представимъ анекдотъ, помѣщенный въ *Zeitung für Nord-Deutschland*, относительно піетистическихъ выходокъ въ королевствѣ Ганноверскомъ. Вотъ этотъ анекдотъ:

Въ посту, передъ пасхой, одинъ пасторъ экзаменовалъ молодыхъ людей, готовившихся къ конфирмаціи. Онъ обратился къ одному мальчику съ вопросомъ:

— Имѣть ли вѣру дитя, еще нерожденное и находящееся въ утробѣ матери?

Мальчикъ былъ озадаченъ и, подумавъ немного, отвѣтилъ: «Нѣтъ!»

— Какъ нѣтъ, замѣтилъ пасторъ: дитя это имѣть вѣру. Въ противномъ случаѣ, оно было бы осуждено на вѣчную муку!

Обращаясь къ Берману, мы вспоминаемъ, что движеніе планетъ вокругъ солнца не одинаково и что эти свѣтила тѣмъ долѣе совершаютъ свой путь, чѣмъ болѣе они удалены отъ своего живительнаго центра. Такимъ образомъ, годъ Меркурія продолжается только три мѣсяца, годъ Венеры семь мѣсяцевъ, годъ Марса почти два нашихъ года, а годъ Нептуна сто шестьдесятъ пять лѣтъ. На самой землѣ время не вездѣ идетъ съ одинаковой быстротой и умственные перевороты совершаются въ однихъ странахъ медленно, чѣмъ въ другихъ. Но что насъ побуждаетъ къ такимъ высокопарнымъ сентенціямъ? Дѣло въ томъ, что нѣсколько мѣсяцевъ назадъ Пруссія, по видимому, находилась наканунѣ внутренней катастрофы и теперь мы опять видимъ ее все въ томъ же положеніи. Съ тѣхъ поръ, какъ знаменитое предложеніе о реорганизаци арміи было предложено королю и отвергнуто второю палатою, рѣшеніе этого несогласія посредствомъ *Сour d'Etat* становилось все болѣе и болѣе вѣроятнымъ. Каждый берлинецъ, слѣдящій за ходомъ дѣла, ежедневно, оставъ отъ сна, прежде всего предлагаетъ себѣ такого рода вопросъ: «Ужъ не поставили-ли меня ночью гг. Роонъ и Бисмаркъ въ осадное положеніе?» Затѣмъ онъ надѣваетъ халатъ, закуриваетъ длинную трубку, прилебываетъ кофе и, закусывая бутербротъ, справляется въ газетахъ насчетъ новостей. Время проходитъ отъ одной трубы до

другой и отъ одного утра до другаго, Бисмаркъ все остается министромъ и *Coup d'Etat* по прежнему стучится у воротъ конституціи.

Эта бѣдная конституція, хотя и сохранилась въ общихъ чертахъ, но была безпрестанно нарушаема въ подробностяхъ. Но что за дѣло до подробностей; *Kladderadatsch* отвѣчаетъ на этотъ вопросъ весьма тонко:

«Жилъ-былъ человѣкъ, котораго мы назовемъ Шульце, и этотъ Шульце былъ долженъ нѣкому Мюллеру 119 ефимковъ. Мюллеръ зналъ, что Шульце никогда не возвратитъ ему этихъ денегъ, и потому, не желая его беспокоить, онъ зачеркнулъ въ своей приходо-расходной книгѣ эти 119 ефимковъ. Дѣло казалось такимъ образомъ предано забвенію. Но вотъ, въ одинъ прекрасный день, къ Мюллеру является другъ его Шульце.

— Послушай, говорить онъ,—я бы поступилъ безчестно, еслибъ лишилъ такого благороднаго человѣка, какъ ты, ста девятнадцати ефимковъ. Правда, я не могу возвратитъ тебѣ этихъ денегъ разомъ, но чтобы показать тебѣ мою добрую волю, я буду уплачивать свой долгъ по одному ефимку каждый мѣсяць.

— Ладно! отвѣчалъ Мюллеръ.

«Тѣмъ разговоръ и кончился. Послѣ того проходитъ одинъ мѣсяць за другимъ, а о Шульцѣ нѣтъ ни духу, ни слуху. Наконецъ, оба друга встрѣтились на улицѣ.

— А! здравствуй, Шульце! Какъ поживаешь?

— Прекрасно. А ты какъ?

— Очень хорошо, спасибо! Но скажи, пожалуйста, какъ добрый товарищъ, на кой чортъ ты вызвался уплачивать свой долгъ по-мѣсячно? Я зналъ, что никогда не получу отъ тебя ни одного пфеннига, я и не спрашивалъ ничего, зачѣмъ-же ты надуваешь меня вторично?

— А вотъ я сейчасъ объясню тебѣ, въ чемъ дѣло, мой милый Мюллеръ, отвѣчалъ Шульце совершенно наивно и чистосердечно. Изволишь ли видѣть, меня мучила совѣсть, что я лишилъ тебя ста девятнадцати ефимковъ. Это меня беспокоило днемъ и тревожило по ночамъ. Но быть должнымъ по одному ефимку каждыя четыре недѣли и притомъ такому старому другу, какъ ты, это для меня ровно ничего не значить, могу тебя увѣрить!

«*Nota Bene.* Всякій человѣкъ со смысломъ пойметъ значеніе этого разсказа. Но чтобы предупредить всякое недоразумѣніе замѣтимъ,

что, говоря о 119 ефимкахъ, мы вовсе не намекали на 119 параграфовъ конституціи!»

Г. фонъ-Герлахъ, одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ Крестовой газеты, такое могущественное лицо, что не имѣеть надобности прибѣгать въ своихъ рѣчахъ къ иносказанію. Поэтому въ одномъ засѣданіи евангелическаго общества, въ Берлинѣ, онъ далъ прямой отвѣтъ Кладдерадачу и всѣмъ либераламъ, сказавъ имъ, безъ обиняковъ, что такъ называемое божественное право королей служить основаніемъ обществъ, что оно выше всѣхъ договоровъ, выше всѣхъ клятвъ и конституцій и что, оно никогда не можетъ имъ подчиниться. Такимъ образомъ, друзья короли, подобные Герлаху, дозволяютъ превратиться въ ложь королевскому слову, которое бы должно было считаться священнымъ даже для враговъ. Забудьте, что Герлахъ «тайный совѣтникъ» и принадлежитъ къ партіи «не многочисленной, но сильной», которая господствуетъ надъ всею націею.

Король Вильгельмъ, да будетъ это сказано въ его похвалу, добросовѣстнѣ своего Geheimrath'a, и вотъ почему Бисмаркъ не потянулся за фельдмаршаломъ Врангелемъ и почему фонъ-Роонъ не съѣлъ на своего боевого коня, чтобы разогнать членовъ палаты, угостить картечью жителей Берлина, «забывшихъ уроки, данные имъ въ 1848 и 1849 годахъ», захватить Вальдека, Грабова и Шульце Делтча и помѣстить ихъ въ Спандау, на казенный етегъ, на весь остатокъ ихъ грѣховной жизни. Король Вильгельмъ глубоко огорченъ настоящими событіями. Онъ находится въ раздраженномъ состояніи: такъ, по крайней мѣрѣ, надо полагать. До сихъ поръ онъ еще не побѣдилъ своихъ естественныхъ чувствъ и не рѣшается прибѣгнуть къ крутымъ мѣрамъ, но всѣ опасаются со дня на день, что эта нерѣшительность будетъ побѣждена людьми, которые отличаются лажейскими побужденіями въ исполненіи воли, способной заблуждаться. Эти люди, неизвѣстно влѣдствіе какихъ страстей, по жадности ли къ деньгамъ, или по желанію приобрести власть, или по самолюбію, не задумываются вовлечь монархію во всѣ случайности уличнаго мятежа. Подобно фонъ-Герлаху, они кладутъ одну руку на Евангеліе, а другую на сердце и, обращаясь къ тому, котораго притворно называютъ представителемъ Бога въ Пруссіи, нашептываютъ ему самыя жестокия мѣры; и когда случится катастрофа, то можно навѣрное сказать, что эти раболѣнные угодники Вильгельма первые оставятъ его въ несчастіи. Мы желали бы, чтобы прусскій король почаще повторялъ

изрѣченіе одного англійскаго правителя, который говорилъ своимъ придворнымъ: «да найдите мнѣ въ моемъ королевствѣ хоть одного человѣка, который бы умѣлъ честно обращаться со мной и смотрѣть мнѣ въ глаза прямо».

За неимѣніемъ такихъ людей, положеніе Пруссіи съ каждымъ днемъ становится все болѣе тяжкимъ, вслѣдствіе разныхъ приключеній. Во-первыхъ, все еще продолжается споръ относительно реорганизациіи арміи. Этотъ споръ нисколько не подвинулся впередъ. Извѣстно, что правительство, на мѣсто военныхъ правилъ, существовавшихъ съ 1815 года, намѣрено возстановить тѣ, которыя господствовали во время катастрофы Іены и Ауерштадта. Оно желаетъ отмѣнить учрежденіе народное и ввести учрежденіе королевское, замѣнить гражданъ вооруженныхъ на защиту отечества—солдатами, которые могутъ быть болѣе страшными для своихъ соотечественниковъ, чѣмъ для иностранныхъ войскъ. Законъ 1814 года провозгласилъ новый принципъ: онъ замѣнилъ прежнюю систему постоянныхъ армій всеобщимъ ополченіемъ націи. Линейное войско, которое сохранялось, должно было, по выраженію этого закона, служить только «военною школою для народа».

Ландверъ составлялъ, напротивъ, истинное ядро народной силы. Это не долго правилось прусскою аристократіи, которая, какъ извѣстно, отличается бѣдностью и гордостью, и живетъ службою въ арміи, подобно тому, какъ аристократія англійская живетъ отдачею своихъ земель въ арендное содержаніе. Реформа 1814 года, сократившая значительно бюджетъ войны, всегда казалась дворянамъ покушеніемъ на ихъ собственность, на священное наслѣдіе ихъ предковъ. Съ 1833 года это сословіе пользовалось реакціею, послѣдовавшею за іюльскою революціею, и старалось возвратитъ прежнюю систему. Благодаря его проискамъ, линейная армія была усилена на счетъ ландвера, который съ этихъ поръ считался только резервнымъ корпусомъ. Проектъ 1859 года долженъ былъ довершитъ дѣло, начатое двадцать семь лѣтъ тому назадъ. Онъ увеличивалъ число баталіоновъ отъ 137 до 253, срокъ военной службы однимъ годомъ, а бюджетъ арміи на цѣлыхъ сорокъ милліоновъ. Войско чисто оборонительное онъ замѣнялъ наступательнымъ, въ которомъ ландверъ сохранялъ значеніе, только какъ историческое воспоминаніе. И это, безъ сомнѣнія, называлось отважнымъ шагомъ на пути къ *новой эрѣ* Пруссіи.

Такъ какъ этотъ проэктъ возбудилъ въ націи сильную оппозицію, то правительство хотѣло прибѣгнуть къ крутымъ мѣрамъ. Управление военными дѣлами составляетъ конституціонную принадлежность королевской власти и на этомъ основаніи правительство оспаривало у палаты право разсуждать объ этомъ предметѣ. Но вторая палата воспользовалась правомъ непосредственнаго вѣто и зачеркнула дополнительный кредитъ, въ двадцать милліоновъ. Въ отвѣтъ на это рѣшеніе ея, палата господъ отвергла весь бюджетъ и формально уполномочила правительство управлять на основаніи прежняго бюджета, что рѣшительно противорѣчило всѣмъ конституціоннымъ правиламъ.

Когда распущенная и единодушно опять избранная палата депутатовъ собралась вновь, г. Роонъ представилъ членамъ проэктъ закона относительно буквального возстановленія прежняго проэкта. Такимъ образомъ требовали, чтобы палата опровергла самоё себя и признала фактъ, совершившійся вопреки ея воли. Министерскій проэктъ былъ еще разъ единогласно отвергнутъ членами комиссіи.

Все, что происходило до сихъ поръ, было очень просто. Но вотъ является г. Форкенбергъ, охотникъ мастерить всевозможныя соглашенія. Онъ ухищряется противопоставить королевскому проекту контрпроектъ парламентскій, который долженъ составлять нѣчто среднее между закономъ 1814 года и новой системой, причеиъ палата и правительство одинаково должны сдѣлать другъ другу уступки. Кабинетъ не обратилъ даже вниманія на этотъ совѣтъ. Онъ надѣялся восторжествовать надъ сопротивленіемъ палаты, представляя ей перспективу войны съ Франціею, какъ будто эта держава непремѣнный врагъ Пруссіи. «Когда вы услышите шумъ цѣпей иностраннаго владычества, воскликнулъ фонъ-Роонъ, тогда вы будете сожалѣть о своемъ упорствѣ». Въ то же время изъ Берлина сообщено было въ Аугсбургскую газету, что не только г. фонъ-Бисмаркъ (другими словами, король прусскій) отказался присоединиться къ представленіямъ трехъ державъ въ пользу инсургентовъ Польши, но что Пруссія объявитъ войну Франціи, если французскій флотъ вздумаетъ высадиться на сѣвѣрѣ отъ Мемеля. *Militarische Blätter*, издаваемые въ Берлинѣ, зашли еще далѣе. Они стали разсуждать о вѣроятномъ исходѣ войны. Вотъ ихъ слова:

«...Такъ какъ во Франціи 40 милліоновъ жителей, а въ Пруссіи только 18 милліоновъ и такъ какъ доходы французскаго правительства въ пятеро превышаютъ доходы нашей казны, то нѣлото-

рые журналисты считают торжество Франціи несомнѣннымъ... Но что во Франціи *милліоновъ двѣнадцать душъ больше, пожирающихъ прованскія оливы и нормандскія устрицы* (Sic! во Франціи души устрицъ не ѣдятъ), это еще не можетъ служить для насъ причиною опасности на Рейнѣ... Намъ удобно вторгнуться въ Шампань, черезъ устье Мозеля и черезъ Луксембургъ, тогда какъ французы не могутъ дѣйствовать наступательно ни на верхнемъ ни на нижнемъ Рейнѣ, не встрѣтивъ отпора со стороны сотни тысячъ бельгийцевъ и всей германской конфедераціи... Притомъ Пруссія, приступая къ войнѣ, можетъ противопоставить своихъ три баталіона двумъ баталіонамъ французскимъ... Право, французы не могутъ имѣть никакого шанса въ наступательной войнѣ противъ Пруссіи. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только взвѣсить обстоятельства, которыя всѣ въ нашу пользу. На нашей сторонѣ:

1. Благословіе бога войны, (должно быть, *Militarische Blätter* узнали объ этомъ чрезъ шетиста и тайнаго совѣтника Герлаха).

2. Большая энергія.

3. Большое согласіе между предводителями.

4. Большая храбрость солдатъ, и т. д. и т. д.

«Поэтому скорѣй прусскій орелъ направитъ свой полетъ въ Парижъ, чѣмъ французскій пѣтухъ станетъ воспѣвать свою побѣду на куполѣ берлинскаго замка».

Но если Бисмаркъ не объявитъ немедленно войны императору Людовику Наполеону, то бѣда Даніи и въ особенности палатѣ!

Прусское правительство все еще продолжаетъ отрицать конвенцію, заключенную 8 февраля съ Россіею. Она увѣряетъ, что рѣшенныя тогда мѣры остались жертвою буквою, и говоритъ это не только второй палатѣ, но и англійскому министру и тюльерійскому кабинету. Любопытно, дѣлаетъ ли оно такія же точно увѣренія петербургскому правительству. А между тѣмъ прусскіе и австрійскіе журналы представляютъ намъ разные документы относительно дѣйствительнаго существованія этой конвенціи. Такое поведеніе конечно нельзя похвалить: по одному и тому же вопросу Бисмаркъ говоритъ — «да» петербургскому кабинету и «нѣтъ» — лондонскому и парижскому!

Г. Зибель сдѣлалъ запросъ правительству, какъ велики расходы по поводу занятія войсками польскихъ гриницъ. Г. Бисмаркъ отвѣчалъ, что это неизвѣстно, — другими словами, что палатѣ до этого нѣтъ дѣла.

Не смотря на дурное расположение духа, произведенное этимъ обстоятельствомъ, депутаты однакожь уполномочили министра подвергнуть судебному слѣдствію двухъ товарищей ихъ, Гуттри и графа Дзялинскаго, шурина князя Чарторижскаго. При домашнемъ обыскѣ у этихъ лицъ найдены были бумаги, вслѣдствіе которыхъ прусская полиція произвела множество арестовъ, въ особенности въ познанскомъ округѣ.

Между тѣмъ несогласіе между палатой и министерствомъ приняло еще болѣе серьезный характеръ, вслѣдствіе распри, въ которой задѣто самолюбіе дѣйствующихъ лицъ.

Г. Зибель обвинялъ военнаго министра въ поступкѣ, противномъ конституціи.

Г. Роонъ назвалъ такое замѣчаніе дерзкимъ (arrogant).

Тогда президентъ палаты г. Боккумъ Дольфсъ замѣтилъ: «Я долженъ прервать г. военнаго министра».

Г. Роонъ: «Прошу меня не прерывать».

Президентъ, звоня: «Я долженъ говорить, и прерываю военнаго министра».

Г. Роонъ: «Извините, моя очередь, и я ее не уступаю».

Президентъ снова позвонилъ. Роонъ настаивалъ на своемъ. Начался шумъ. Наконецъ, президентъ надѣлъ шляпу и засѣданіе было прервано на часъ. Часъ спустя, не было уже комиссаровъ на скамьѣ правительства. На другой день министры объявили письменно, что не будутъ болѣе присутствовать въ засѣданіяхъ палаты, пока она не перестанетъ домогаться дисциплинарной власти надъ министрами. Въ отвѣтъ на это, прогрессивная партія снова принялась за проектъ Вирхова объ отправленіи адреса къ королю, съ изложеніемъ состоянія страны. Въ этомъ проектѣ говорится, что политика министерства сдѣлала Пруссію смѣшною въ глазахъ Германіи и всей Европы; что палата употребитъ все конституціонныя средства для отвращенія величайшаго бѣдствія, какое только можетъ постигнуть страну,—войны, подъ господствомъ настоящей системы; что поэтому, палата проситъ короля смѣнить министерство и принять политику, болѣе популярную.

Это весьма серьезные слова. Во Франціи они говорятся иногда, но только наканунѣ революціи. Какъ бы то ни было, мы въ Пруссіи,—не забудемъ этого,—мы въ Берлинѣ, гдѣ рѣка Шпре течетъ тихо, тихо...

Въ Англіи смерть военнаго секретаря Корнвалля Льюиса произвела печальное впечатленіе. Онъ умеръ пятидесяти восьми лѣтъ: это рано, ибо государственные люди Англіи живутъ долго; доказательствомъ тому могутъ служить лордъ Пальмерстонъ, Брумъ, лордъ Лингвурстъ. Корнвалль Льюисъ былъ замѣчательнъ во многихъ отношеніяхъ: и какъ министръ, и какъ человѣкъ партіи, и какъ ученый, и какъ ораторъ. Нельзя сказать, чтобъ онъ отличался особенною гениальностью въ чемъ бы то ни было, но онъ представлялъ рѣдкое соединеніе самыхъ разнообразныхъ талантовъ, которые дѣлали изъ него чрезвычайно полезную личность. Непосредственное его вліяніе на дѣла политики было незначительно, но онъ имѣлъ огромный вѣсъ своими мнѣніями. Ни одинъ политическій актъ, мало-мальски важный, не совершался безъ его совѣта. Корнвалль Льюисъ укрощалъ запальчивость Пальмерстона, умѣрялъ вліяніе Гладстона и научалъ дѣйствовать графа Росселя. Не смотря на свои многочисленныя служебныя занятія, которыя для другаго едва были бы по силамъ, онъ одно время завѣдывалъ редакціею эдинбургскаго Review, перевелъ съ нѣмецкаго *политическую экономію афринья* и издалъ книгу, исполненную ученыхъ изслѣдованій, *объ управленіи колоніями*, и замѣчательную для англичанина критику *первыхъ вѣковъ Рима*. Кромѣ того, онъ писалъ диссертациію объ ирландской церкви и корректировалъ изданія греческихъ книгъ. Хотя онъ имѣлъ тысячу случаевъ воровать, но онъ не пользовался ими болѣе, чѣмъ Гизо, и даже былъ честенъ, чего нельзя сказать о бывшемъ французскомъ министрѣ. Притомъ, онъ отличался кротостью, пріятливымъ обращеніемъ, меланхолическимъ характеромъ, скептицизмомъ и вѣрностью въ дружбѣ. Его политическія мнѣнія были умѣренны. Онъ мало восхищался прошедшимъ и мало увлекался будущностью. Главнымъ правиломъ его было: что должно считать себя счастливымъ, если живешь въ странѣ, управляемой порядочно, а не прямо наперекоръ здравому смыслу, и гдѣ личность и имущество обезпечены сносно. Если Корнвалль Льюисъ, отличавшійся опытностью, былъ такъ умѣренъ въ своихъ желаніяхъ, то и намъ не слѣдуетъ быть болѣе требовательными. Вездѣ отъ администраціи требуется максимумъ всѣхъ возможныхъ талантовъ и всѣхъ возможныхъ качествъ, и если она даетъ минимумъ, то никто не думаетъ быть ей благодарнымъ.

Миръ праху Корнвалля Льюиса, который былъ исключительнымъ министромъ!

Но вот удивительный экземпляр—министръ финансовъ, Гладстонъ, который объявилъ палатѣ, что, не смотря на значительныя вооруженія и на промышленное бѣдствіе Ланкашира, ему удалось сократить текущіе расходы казны на 93 милліона франковъ, при помощи которыхъ онъ немедленно приступилъ къ уменьшенію подадатей.

Сокращеніе издержекъ на сотню милліоновъ и соответствующая сбавка налоговъ! Что бы это значило? Пусть же говорятъ послѣ того, что въ нашъ вѣкъ здраваго смысла не совершается чудесъ!

Новый бюджетъ поѣтому сокращенъ на восемьдесятъ милліоновъ, и пятнадцать милліоновъ назначены на непривидѣнные расходы. Одинъ налогъ на доходы уменьшенъ на сорокъ милліоновъ, въ томъ числѣ семь съ половиною милліоновъ сбавлены съ доходовъ ниже пяти тысячъ франковъ. Клейменіе консаментовъ, доставлявшее три съ половиною милліона, совершенно отмѣнено. Какъ бы те ни было, парламентская система, которая такъ мало цѣнится во Франціи, имѣетъ свою хорошую сторону! Еслибъ безответственные министры, подобные Фульдъ, управляли англійскимъ бюджетомъ, какъ бы они осуществили такое огромное сбереженіе? А между тѣмъ, говорятъ, что Фульдъ финансовый гений. Пусть же онъ сдѣлаетъ то, что сдѣлалъ Гладстонъ!

Не все впрочемъ къ лучшему въ Англии. Бѣдствія Ланкашира увеличиваются; а съ увеличеніемъ страданій, какъ обыкновенно, уменьшаются и самыя пособія. Кто былъ свидѣтелемъ народнаго голода, тому извѣстно, что народъ весною страдаетъ отъ недостатка болѣе, чѣмъ зимою, ибо къ тому времени истощаются запасы, оставшіеся отъ предъидущаго урожая, а вмѣстѣ съ тѣмъ, прекращается и благотворительность. Впродолженіе зимы израсходуются всѣ средства пособія, а съ появленіемъ первыхъ весеннихъ лучей солнца и съ уничтоженіемъ холодовъ, прежніе благотворители говорятъ: «страданія бѣдныхъ прекратились: теперь хорошая погода!» Какое же былъ ужасъ, когда распространилась вѣсть, что въ Англии, въ этой странѣ законности, возникли мятежи, вызванные голодомъ, что въ Сталбриджѣ, Аштонѣ, Ольдгамѣ и Дункенюльдѣ ограблены лавки и что нужно было отправить гусаровъ противъ людей, требовавшихъ хлѣба! А въ это самое время находились люди, которые за жалкое мѣсто въ магазинѣ или балконѣ платили отъ 10 до 100 франковъ, чтобы видѣть кортежъ принца Альфреда и прин-

цессы Александры! Первый этажъ въ Пиккадилли отдавался въ наемъ на нѣсколько часовъ за 5,000 франковъ, а остальная часть дома за 11,250 франковъ. Газета *Sun* извѣщаетъ, что одна шкуна, отправлявшаяся изъ Ливерпуля въ Вексфордъ, была на дорогѣ остановлена тринадцатю лодками, въ которыхъ находилось до шестидесяти четырехъ человекъ. Эти люди овладѣли кораблемъ, говоря, что имѣютъ надобность въ провизіи для своихъ семействъ, умирающихъ съ голоду. Капитанъ предлагалъ имъ деньги, но они отказались, съ силою проникли въ трюмъ, бросились тамъ на мансъ и стали пожирать его горстями; потомъ бочекъ пятнадцать этого хлѣба перетасили на свои суда и удалились.

Аристократы хотѣли воспользоваться народнымъ бѣдствіемъ, чтобы вовлечь Англію въ преступное предпріятіе. Такъ какъ основною причиною бѣдности рабочаго класса служить недостатокъ хлопка, то они продолжали возбуждать несчастный народъ къ требованію войны противъ Соединенныхъ штатовъ, съ тѣмъ чтобы флотъ англійскій заставилъ федератистовъ прекратить блокаду южныхъ портовъ. Но рабочіе остались непоколебимыми и великодушно признали въ бѣдныхъ неграхъ своихъ братьевъ. Они не поддались вліянію англійскихъ аристократовъ, затѣявшихъ заговоръ въ пользу плантаторовъ юга. 2-го мая, депутація такъ называемыхъ *Frabes-Unionists*, въ сопровожденіи Брайта, явилась къ американскому посланнику Адамсу съ адресомъ, въ которомъ сказано:

«Мы ненавидимъ принципъ невольничества и не одобряемъ возстанія южныхъ штатовъ. Мы сочувствуемъ сѣверному союзу въ его стремленіяхъ прекратить этотъ мятежъ, удивляемся великодушною политикѣ президента Линкольна въ отношеніи уничтоженія рабства и желаемъ, чтобъ онъ это зналъ. Вотъ что мы хотѣли сказать».

Англійская аристократія приняла сторону рабовладѣльцевъ, потому что сама не безгрѣшна въ отношеніи своихъ фабричныхъ и земледѣльческихъ рабочихъ. Вотъ почему она вооружилась противъ *ракалій съвера* въ пользу *джентльменовъ юга*. Последніе впрочемъ принимаютъ видъ людей, проникнутыхъ благочестіемъ. Они строятъ церкви, испещряютъ спину негра ударами кнута и затѣмъ покрываютъ ее листьями библіи, въ видѣ тафты. Этого достаточно для того, чтобы пріобрѣсти поддержку многихъ вліятельныхъ шетистовъ Англій. Нѣсколько разъ уже грозилъ опасность, что коварство восторжествуетъ и что война будетъ объявлена противъ сѣверныхъ штатовъ.

Уже люди, посвященные въ политику, увѣряли и даже бились объ закладъ на нѣсколько милльоновъ, «что не пройдетъ и недѣли, какъ мiръ будетъ нарушенъ». Въ продолженіи болѣе двухъ недѣль мы были въ недоумѣніи. Съ каждымъ телеграфомъ ожидалась страшная вѣсть о войнѣ. Дѣло опять касалось законовъ, установленныхъ и упорно поддержанныхъ Англіею, и которые строго исполнялись американцами. Но на этотъ разъ, законы эти оказались невыгодными для англичанъ и исполненіе ихъ возбудило сильный гнѣвъ британскаго правительства. По странному случаю, въ это дѣло опять замѣшанъ былъ нашъ другъ, адмиралъ Вильясъ. Онъ захватилъ англійскій корабль *Петергофъ*, полагая въ немъ военную контрабанду, назначаемую для мятежниковъ юга. Этотъ корабль представленъ имъ въ призовый судъ, но въ немъ находился тюкъ отъ администраціи почтъ, въ которомъ, вѣроятно, заключалось доказательство преступленія. Англійскій законъ допускалъ вскрытіе его, но британская гордость возмущалась при мысли, что печать, съ изображеніемъ національнаго льва, будетъ взломана, по распоряженію иностраннаго правительства. Можно было отвѣтить Англій, что такого распоряженія требуетъ ея собственный законъ, но министръ иностранныхъ дѣлъ, Сьюардъ, благоразумно уступилъ требованію англійскаго правительства и возвратилъ тюкъ, по принадлежности. Послѣ того можно надѣяться, что въ морскомъ международномъ кодексѣ постановлено будетъ, «что тюкъ, съ печатью администраціи почтъ, найденный на захваченномъ кораблѣ, признается неприкосновеннымъ и долженъ быть отправленъ, по назначенію, съ сохраненіемъ цѣлости печати, и что поэтому онъ не можетъ служить оправданіемъ, въ случаѣ захвата судна, остановленнаго официальными крейсерами».

Такова причина неудовольствія англичанъ къ американцамъ, но гораздо важнѣе причина неудовольствія послѣднихъ къ Англій.

Англичане, по закону южныхъ штатовъ, построили пиратскія суда, въ числѣ которыхъ *Алабама* приобрѣла громкую извѣстность произведенными ею грабежами, пожарами и истребленіемъ купеческихъ кораблей. Ужасъ, возбужденный нѣсколькими крейсерами юга, уменьшилъ морскую торговлю Соединенныхъ штатовъ болѣе, чѣмъ на треть. Было предположеніе уничтожить эту торговлю совершенно и съ то же время истребить военный флотъ, который даетъ федератистамъ огромный перевѣсъ надъ мятежниками. Съ этою цѣлью показано было въ Англій сорокъ караблей, будто бы назначавшихся

для китайскаго императора. Этотъ флотъ долженъ былъ состоять изъ судовъ, вооруженныхъ для набѣга, изъ кораблей блиндированныхъ и изъ канонирскихъ шлюпокъ. Для сооружеиія его, правительство Джефферсона Дэвиса сдѣлало заемъ у Эмиля Эрлангера, въ Парижѣ, въ семьдесятъ пять миллионъ франковъ, по семи процентовъ нарицательныхъ, а по восьми дѣйствительныхъ; цѣна выпуска опредѣлялась въ 90. Облигаціи могли быть обмѣнены на хлопокъ, при чемъ полагалось шесть шиллинговъ за фунтъ хлопка. Но въ дѣйствительности, барышъ, на который рассчитывали участники предпріятія, заключался въ выгодахъ отъ пиратства, предполагавшихся среднимъ числомъ покрайней мѣрѣ въ 300% ежегодно. Этотъ заемъ состоялся къ стыду Франціи и Англіи, и курсъ на облигаціи его въ продолженіи нѣсколькихъ дней былъ выше нарицательной цѣны, но потомъ онъ сталъ быстро падать.

Однакожъ, вскорѣ забили тревогу по поводу этой аферы. Со всѣхъ сторонъ дѣлались доносы правительству. Народные митинги подняли шумъ. Брайтъ донесъ объ этомъ гнусномъ предпріятіи палатѣ общинъ и требовалъ конфискаціи этихъ судовъ, на основаніи закона, извѣстнаго подъ именемъ *Foreign Enlistment Act*

Правительство рѣшилось захватить корсарскій корабль, *принцессу Александру*, въ то время, когда онъ выходилъ изъ порта. Но полагая, что это—все, чего можно отъ него требовать, оно для черезъ два или три дало другому судну, также назначавшемуся для пиратства, спокойно выѣхать въ море. Вотъ что по этому случаю было рассказано въ палатѣ о томъ, что происходило по поводу Алабамы:

«23 іюля 1862 года, американскій посолъ Адамсъ увѣдомилъ графа Росселя, впрочемъ безъ положительныхъ доказательствъ, что есть основательная причина думать, что Алабама назначается для дѣйствій въ борьбѣ южныхъ штатовъ противъ сѣверныхъ, что надо изслѣдовать это дѣло, не теряя ни одной минуты, такъ какъ корабль вскорѣ можетъ быть спущенъ и окончательно будетъ готовъ къ отплытію дней черезъ девять или десять. Дѣло это требовало разъясненія; приказаніе остановить судно могло быть дано.»

«Какъ бы то ни было, 22 іюля требовавшіяся доказательства представлены были г. Адамсомъ графу Росселю. Слѣдовало бы немедленно дать приказаніе объ арестованіи корабля. Не тутъ-то было: цѣлая недѣля прошла безъ всякихъ мѣропріятій, и никто не считалъ даже нужнымъ объяснить—почему. Только 29-го числа по телеграфу соб-

щено было приказаніе мѣстному начальству задержать корабль. Но корабль только что отплылъ!

Вотъ какъ польскій вопросъ, въ томъ видѣ, какъ онъ представляется въ Англіи, резюмируется компетентными людьми:

Народъ и низшая буржуазія чрезвычайно сочувствуютъ Польшѣ. Они желали бы, чтобъ ее поддерживали не одними только дипломатическими нотами. Народъ впрочемъ полагаетъ, что война Англіи съ Россією не кончена вступленіемъ союзниковъ въ Севастополь и что это дѣло должно быть начато вновь.

Аристократія и высшая буржуазія также симпатизируютъ полякамъ, но по своему. Онѣ полагаютъ, что англійское правительство должно признать за Польшею права воюющей державы, какъ поступило оно въ отношеніи конфедератовъ юга. Но во всякомъ случаѣ, онѣ не желаютъ, чтобъ Англія пожертвовала за поляковъ хотя однимъ человѣкомъ или однимъ шиллингомъ. Англія не хочетъ вступать въ борьбу съ Соединенными штатами, изъ опасенія лишиться первенства въ войнѣ, которая бы могла возникнуть въ Европѣ. Съ другой стороны, она желаетъ воспрепятствовать, во что бы то ни стало, Франціи вступить въ повую борьбу за національность и чрезъ то приобрести популярность, болѣе значительную, чѣмъ та, какую доставила ей война за Италію. Она хочетъ, чтобъ солдаты и матросы императора Людовика Наполеона Бонапарта сохранились для весьма важнаго дѣла: для того, чтобъ истреблять Янки и быть истребляемыми самимъ.

Эта система не лишена нѣкотораго вѣроятія. Но пока графъ Россель и лордъ Пальмерстонъ не шепнутъ намъ на ухо, каковы ихъ дѣйствительныя намѣренія, до тѣхъ поръ мы не можемъ ни отвергнуть, ни подтвердить этого предположенія.

Неудачи, затѣмъ успѣхъ и потомъ новыя неудачи: вотъ какъ резюмируется за послѣдніе два мѣсяца война сѣверныхъ штатовъ съ рабовладельцами юга. Мы еще возвратимся къ этой исторіи, какъ только случится событіе, болѣе рѣшительное. Здѣсь замѣтимъ только, что съ тѣхъ поръ, какъ федератисты написали на своемъ знамени слова: «Свобода! Нѣтъ болѣе невольничества!»—освободители угнетенныхъ имѣютъ право на побѣду, и они ее одержать!

Жакъ Лас-Рень.

ДОМАШНЯЯ ЛѢТОПИСЬ.

Нѣсколько словъ по поводу указа 17-го апрѣля. — Урокъ любителямъ розогъ и тѣлесныхъ истязаній вообще. — Услуги современной филантропіи. — Ея лицемеріе и несостоятельность. — Она можетъ только развить нищету, а не искоренить ее. — Примѣръ Англии, гдѣ филантропія достигла крайняго предѣла безсмія и поощряетъ одно лишь преступленіе. — Число преступленій въ Россіи. — Воровство — слѣдствіе нищеты. — Нелѣпости экономистовъ-англомановъ. — Непростительная шалость г. Бабста. — Зловоніе Петербурга и вновь открытый способъ уничтожать его. — Настоящая причина зловонія — наше невѣжество. — Последнія новости.

Отвѣтна плети, шпицрутена, клейменія, тѣлеснаго наказанія женщинъ и ослабленіе уголовныхъ и исправительныхъ наказаній вообще произвело пріятное впечатлѣніе на наше общество, которое успѣло въ послѣднее время пропитаться нѣсколько гуманными идеями и смягчить свои нравы. Указъ 17-го апрѣля долженъ убѣдить, наконецъ, самыхъ закоренѣлыхъ поклонниковъ системы устрашенія, что цѣль наказанія состоитъ вовсе не въ оскорбленіи или униженіи человѣческаго достоинства въ лицѣ преступника, а въ его исправленіи и въ примиреніи съ обществомъ. Жестокость наказанія дѣлается теперь тѣмъ болѣе предосудительною и безнравственною, что опытъ успѣлъ уже доказать всю ея бесполезность. Защитники розогъ и тѣлеснаго истязанія вообще могутъ оправдываться только тѣмъ, что долгая привычка слышать стоны и вопли осужденныхъ развратила въ концѣ ихъ умъ и сердце и убило въ нихъ все человѣческое.

Современная филантропія безспорно оказала благотворное вліяніе

на общественные нравы и на уголовное законодательство европейских государств. Она укротила неистовство и жестокость мести, пробудила в людях чувство собственного достоинства и взаимного уважения, и заставила смотреть на преступление, как на общественное несчастье, а на преступника, как на страдальца, которого слѣдует не мучить и позорить, но лечить нравственными средствами. «Если взаимность уважения и участія, говорятъ филантропы, составляетъ правило житейскихъ отношеній, то и гражданскіе законы, какъ выраженіе этого правила, должны не унижать преступника, напротивъ того, обходиться съ нимъ сострадательно, какъ съ жертвою заблужденія и увлеченія.»

Такой взглядъ на преступленіе, основанный на чувствѣ милосердія и любви къ ближнему, конечно сдѣлаетъ честь филантропамъ и тѣмъ законодателямъ, которые, слѣдуя ихъ внушеніямъ, стараются облегчать участь преступниковъ, заботятся объ ихъ матеріальномъ положеніи и нравственномъ развитіи. Отмѣна позорныхъ тѣлесныхъ наказаній, улучшеніе тюремнаго заключенія, устройство мастерскихъ въ тюрьмахъ и множество другихъ реформъ въ системѣ исправленія преступниковъ доказываютъ, что филантропія принесла въ наше время свою долю пользы и способствовала прогрессу идей и нравовъ.

Впрочемъ нельзя не сознаться, что филантропы, проповѣдая любовь къ людямъ и скотамъ, часто доходили до смѣшнаго и нецѣлаго, давали поводъ къ ѣдкимъ насмѣшкамъ и обличались въ лицемеріи. Такова участь всѣхъ людей, которые, повинувшись болѣе чувству, чѣмъ разуму, считаютъ свои фантазіи и выдумки за действительныя средства, которыя должны непременно оправдать и цѣль. Вотъ почему, увлекаясь чувствомъ человеколюбія, филантропы такъ часто бываютъ неразборчивы въ средствахъ для пособія ближнимъ и позволяютъ себѣ, для милосердія, распорядиться чужою собственностью. «Всякое даніе благо», говоритъ тупеядецъ, живущій милостивей, — и эта поговорка ласкаетъ тщеславіе филантроповъ, которые не безразсудству —

Голоднаго отъ пьянаго
Не умѣютъ отличить.

Помогать ближнему, разумѣется, похвально. Мы всѣ болѣе или менѣе нуждаемся другъ въ другѣ и потому взаимность услугъ составляетъ правило общественныхъ отношеній. Но когда услуга не взаимна,

тогда она называется милостыней и обращается уже въ личный произволъ, въ прихоть чувства, которая заявляется свободно, не терпитъ насилія и не подчиняется никакому уставу. Каждый воленъ оказывать безвозмездное пособіе другимъ, изъ участія или по внушенію чувства состраданія, но никто не имѣетъ права, во имя этого чувства, дѣлать благотворительность обязательною и насильно требовать подаянія. Другими словами: благотворительность не можетъ быть возведена въ общественный законъ, а нищенство въ гражданское право. Въ противномъ случаѣ милостыня становится оброкомъ, насильственнымъ и несправедливымъ налогомъ, поощряетъ тунеядство и посягаетъ отвращеніе отъ труда. Если частное подаяніе почти всегда приноситъ болѣе вреда, чѣмъ пользы, то тѣмъ еще нагубнѣе бываетъ благотворительность общественная, потому что она неизбежно развращаетъ нравы и укореняетъ нищету. Что можетъ быть ненавистнѣе таксы бѣдныхъ, которая существуетъ до сихъ поръ въ Англіи, не смотря на то, что ея законодатели и филантропы могли, наконецъ, убѣдиться въ бесполезности и положительномъ вредѣ officialной милостыни. Съ 1790 г. такса для бѣдныхъ, постепенно возрастая, вслѣдствіе развитія нищеты, стала поглощать такія громадныя суммы, что въ 1834 году англичане принуждены были сократить денежные сборы для пособія нищимъ и устроили для нихъ рабочіе дома (workhouses). Такса для бѣдныхъ давала поводъ къ самымъ гнуснымъ злоупотребленіямъ администраціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ способствовала развитію тунеядства, пьянства и разврата.

Рабочіе дома оказали еще болѣе вредное вліяніе на участь бѣдныхъ. Публичная милостыня, унижая достоинство честнаго работника, все таки не отнимаетъ у него возможности жить на свободѣ, въ кругу своего семейства. Поступая же теперь въ рабочій домъ, бѣднякъ не только унижается, но за кусокъ хлѣба принужденъ еще отказываться отъ свободы и покидать жену и дѣтей. Его подвергаютъ, какъ преступника, тюремному заключенію и обрѣкаютъ на механическій трудъ вертѣть ручную мельницу! Вотъ до какой нечеловѣчности, до каковаго варварства дошла филантропія въ Англіи, въ этой странѣ промышленныхъ чудесъ, которая развила у себя нищету до того, что на 8 человѣкъ жителей приходится одинъ officialный нищій. Общественная благотворительность въ Англіи, какъ и вездѣ, оказалась неэффективною. Вотъ почему филантропы, видя бесплодность всѣхъ своихъ попытокъ, рѣшились на-

конецъ сбросить съ себя маску лицемѣрія и, вмѣсто милосердія и любви къ ближнему, проповѣдуютъ теперь самый черствый эгоизмъ. «Всѣ наши усилія, говорятъ они, улучшить положеніе самаго бѣднаго и многочисленнаго класса людей оказались напрасными. Пособія, которыя мы давали нищимъ, не уменьшили ихъ числа, а напротивъ того, увеличили въ такой громадной пропорціи, что дальнѣйшая раздача милостыни рѣшительно невозможна. Если бы намъ, филантропамъ, захотѣлось теперь накормить всѣхъ бѣдняковъ, то самимъ пришлось бы умереть съ голоду. И такъ каждый за себя и для себя, а Богъ за всѣхъ. Бѣдный человѣкъ не имѣетъ, притомъ, ни малѣйшаго права требовать отъ насъ куска хлѣба. Если онъ самъ не можетъ прокормиться, то это доказываетъ только, что онъ лишний на землѣ. На жизненномъ пиру нѣтъ для него мѣста; сама природа велитъ ему обратиться прочь и, будьте увѣрены, она заставить его исполнить это повелѣніе!»!

Такова философія англійскихъ филантроповъ, послѣдователей экономиста Мальтуса, который, для успокоенія ихъ совѣсти, доказалъ по своему, что бѣдные люди должны непремѣнно умирать съ голоду, потому что земля родитъ гораздо менѣе хлѣба, картофеля, капусты, рѣпы и прочихъ продуктовъ, чѣмъ женщины дѣтей. Опираясь на такую нелѣпость, эти филантропы увѣряютъ теперь сами, что благотворительность—общественное зло, и для уменьшенія нищеты остается только одно средство—выселеніе бѣдныхъ въ Австралію, Африку и Америку. «Покидайте свое отечество, говорятъ имъ филантропы, убирайтесь въ чужіе края или на тотъ свѣтъ: вамъ нѣтъ болѣе мѣста на родной землѣ». И вотъ бѣдняки, повинувшись горькой необходимости, съ проклятіемъ покидаютъ свою родину или если рѣшаются остаться въ ней, то дѣлаются поневолѣ преступниками, врагами своихъ согражданъ. Ежегодно изъ Великобританіи выселяется, по меньшей мѣрѣ, до 300,000 чел. и большая часть изгнанныхъ состоитъ изъ ирландцевъ, на которыхъ филантропы-джентльмены смотрятъ, какъ на нисшую породу животныхъ—и то изъ скотолюбія. Бѣдные патріоты, которые не желаютъ выселяться, за недостаткомъ работы и пособія, прибѣгаютъ къ воровству и живутъ этимъ ремесломъ, пока ихъ не посадятъ въ тюрьму. Преступленіе для англійскаго нищаго—самая благоразумная и выгодная спекуляція: попадая въ тюрьму, онъ знаетъ, что поступаетъ на

содержаніе правительства и дѣлается предметомъ особеннаго участія филантроповъ. Вотъ почему число воровъ и негодяевъ въ Англіи и другихъ благоустроенныхъ государствахъ возрастаетъ въ ужасающей пропорціи, къ удовольствію благотворителей. По отчетамъ судебной статистики за 1860 годъ, въ Англіи приходится одинъ воръ на 115 жителей! Замѣчательно, что воровствомъ занимаются охотно даже дѣти, моложе 16 лѣтъ, и въ англійскихъ тюрьмахъ ежегодно содержится до 6,000 мальчиковъ и дѣвочекъ, пойманныхъ на мѣстѣ преступленія. А между тѣмъ съ какимъ самоотверженіемъ, съ какою любовью заботятся объ ихъ воспитаніи сами лорды и джентльмены, особенно ихъ набожныя жены, сестры и дочери! Каждый вечеръ очаровательныя миссъ и леди отправляются въ такъ называемыя «школы оборванцевъ» (*ragged schools*), съ цѣлію бесѣдовать съ дѣтьми нищихъ, наставлять ихъ на путь истины, искоренять въ нихъ сѣмена разврата и давать первоначальное образованіе! И къ чему же ведетъ такая нѣжная заботливость, такая умиленная филантропія! Послѣ двухъ или трехъ часовъ школьнаго занятія съ грязными оборванцами, леди и миссъ садятся обыкновенно въ коляски и съ спокойною совѣстью ѣдутъ домой, а ихъ воспитанники сейчасъ же разбѣгаются по улицамъ... воровать что попадется подъ руку. «Баснями соловья не кормятъ»: пора филантропамъ понять эту простую поговорку и заучить ее. «Школы оборванцевъ» были основаны въ Англіи около 1845 года. Въ 1849 году, т. е. четыре года спустя, ихъ считалось уже 1053 и болѣе 17,250 дѣтей бродягъ и нищихъ получали въ нихъ первоначальное образованіе на счетъ частныхъ лицъ, безъ всякаго пособія со стороны правительства. Съ точки зрѣнія близорукихъ филантроповъ, такой фактъ, конечно, говоритъ въ пользу англійскаго общества. Но на самомъ дѣлѣ воспитаніе дѣтей въ Англіи имѣетъ самыя плачевныя результаты. По отчетамъ лондонской полиціи видно, что число преступниковъ, моложе 15-ти и даже 10-ти лѣтняго возраста, стало возрастать особенно замѣтно послѣ устройства въ Лондонѣ дѣтскихъ школъ. Такимъ образомъ то самое общество, которое желало развить умъ и сердце дѣтей, съ цѣлію воспитать честныхъ и полезныхъ гражданъ, приготовило себѣ только враговъ, которые даже до совершеннолѣтія рѣшаются мстить ему за голодъ и нищету! Итакъ оказывается, что если соловья кормить только

баснями, то онъ непременно обратится въ хищную птицу и полетитъ за добычей!

Грабёжъ и воровство развиваются неудержимо и фатально, особенно въ Англии, гдѣ эти преступленія сдѣлались уже самыми прибыльными промыслами. На свободѣ ли, въ тюрьмѣ ли, англійскій воръ живетъ припѣваючи, какъ настоящій джентльменъ, и потѣшается надъ честнымъ работникомъ. «Было время, говоритъ онъ, что и я думалъ тоже трудиться; но по счастью мнѣ не удалось найти работу, и я сталъ воровать, воровалъ затѣмъ всю свою жизнь, изучилъ это ремесло, и теперь — въ тюрьмѣ или на висѣлицѣ — все равно, умру воровъ. По крайней мѣрѣ, я никогда не испытаю ни голода, ни холода и не умру голодною смертью, какъ умираютъ честные люди». Подобное разсужденіе имѣетъ свое основаніе. Дѣйствительно: положеніе преступника, особенно въ Англии, несравненно лучше, чѣмъ простаго работника, который живетъ задѣльною платою, часто голодаетъ и почти всегда нуждается даже въ самомъ необходимомъ. Свободный работникъ трудится по двѣнадцать, пятнадцать часовъ въ сутки на фабригѣ или заводѣ, въ каменно-угольной копи или на полѣ, трудится подъ дождемъ и снѣгомъ, переноситъ стужу и жаръ, подкрѣпляетъ свои силы хлѣбомъ, сушеной рыбой — и за всѣ эти лишенія получаетъ такую ничтожную плату, которой едва достаётъ для прокормленія семейства. Такова жизнь англійскаго рабочаго, когда ему дадутъ еще работать.

Жизнь преступника, осужденнаго на каторгу, совсѣмъ иная. Онъ лишёнъ свободы, это правда; но что значить свобода вольнонаемнаго работника, если онъ не можетъ пользоваться ею, потому что принуждёнъ трудиться по 15 часовъ въ сутки? Работникъ свободенъ только умирать съ голобу — вотъ вся его свобода; поэтому о ней и рѣчи быть не можетъ. Каторжники тоже работаютъ и, повидимому, ихъ работа въ рудникахъ, каменно-ломныхъ и вѣрпостяхъ должна быть тяжела. Но въ дѣйствительности каторга, въ сравненіи съ трудомъ свободнаго рабочаго, просто развлеченіе и гимнастическое упражненіе. Десять каторжниковъ не кончаютъ обыкновенно и въ день такой работы, которую легко могли бы сдѣлать четверо или пятеро вольныхъ работниковъ. Съ этимъ вѣроятно согласится каждый, кто наблюдалъ, какъ работаютъ преступники. Кромѣ того, во всѣхъ цивилизованныхъ стра-

нахъ, кагоржники работаютъ не болѣе десяти часовъ въ сутки, а въ ненастную погоду, чтобы не разстроитъ ихъ драгоценнаго яровья, ихъ вовсе не выводятъ на работы. Здоровье преступниковъ — первая забота англійскихъ филантроповъ, которые поэтому любятъ ихъ откармливать, какъ свиней. Румяныя лица, чисто выбритые подбородки, безпечность и самодовольствіе англійскихъ преступниковъ пошевольтъ возбуждаютъ зависть въ свободныхъ рабочихъ. Творьма начинаетъ имъ завидовать чѣмъ-то въ родѣ земного рая, и они спѣшатъ поклопуть туда, чтобы избавиться отъ неблагоприятнаго труда и избѣгнуть опасности умереть съ голоду. Отвращеніе отъ труда и позывъ на преступленіе — вотъ что чувствуетъ теперь рабочее населеніе Англій, которое такъ долго и терпѣливо выносило все страданія, въ надеждѣ на справедливость своихъ законодателей. Отъ нихъ зависѣло положить конецъ экономической несправдѣ, обуздать промышленную и торговую эксплуатацію и тѣмъ самымъ искоренить нищету и тунеядство. Но они этого не захотѣли и рѣшились прибѣгнуть къ филантропіи, къ лицемѣрному, притворному заявленію своего участія въ бѣдственномъ положеніи рабочихъ и къ разнымъ безплоднымъ полумѣрамъ. Англійскіе филантропы успѣли на время усыпить рабочій классъ и заставили его даже вѣрить въ искренность своего участія. Но это усыпленіе продолжалось не долго: сама дѣйствительность разоблачила мистификацію филантропіи. Никогда Англія такъ не страдала отъ нищеты, какъ во время господства филантропическихъ идей. Эта пора общественнаго лицемѣрія уже миновала для Англій: она проповѣдуетъ теперь не филантропію, а эгоизмъ и правило — *laissez faire, laissez passer, laissez mourir!*

Но нищета развивается сильнѣе и сильнѣе, а вмѣстѣ съ ней возрастаетъ и число преступленій. Что дѣлать? «*Laissez passer!*» говорятъ филантропы, — нищета неизбежна и неизлѣчима: ее нельзя оставить, а можно только смягчить наказанія за преступленія, которыя она порождаетъ. Будемъ снисходительнѣе смотрѣть на преступниковъ, станемъ облегчать ихъ участь, построимъ для нихъ удобныя помѣщенія, дадимъ имъ хорошую одежду и пищу, избавимъ отъ тяжелаго труда и пусть они все роишутъ на общество, которое не въ силахъ было заботиться о нихъ раньше, до заключенія въ тюрьму. Если мы такъ чувствительны, что не можемъ смотрѣть хладнокров-

но на страданія ближняго, то намъ слѣдуетъ только не подвергать преступниковъ тѣлесному наказанію. Этого совершенно довольно, для удовлетворенія нашего эстетическаго вкуса и успокоенія нервовъ. Что же касается собственно до нищеты, то видъ ея насъ волновать не долженъ: она въ порядкѣ вещей. Пока бѣднякъ трудится бесплодно, — не обращайтесь на него вниманія: *laissez faire*; умираетъ онъ съ голоду—*laissez mourir*, а вздумалъ совершить преступленіе — немедленно отводите ему казенное помѣщеніе, кормите, одѣвайте его, приставляйте къ нему попечителей, смотрителей, докторовъ и приказывайте имъ беречь его, какъ зеницу ока. — Того требуетъ филантропія и общественная польза.

Уходъ за преступниками, улучшеніе ихъ содержанія и реформа тюремнаго устава—вотъ что занимаетъ современныхъ филантроповъ, посвятившихъ себя служенію человѣчества. Заботиться о смягченіи наказаній за преступленія, конечно, похвально: но иное дѣло уменьшать мѣру наказаній, а иное дѣло—уменьшать число преступленій. По нашему мнѣнію, было бы гораздо лучше, если бы намъ пришлось не смягчать наказанія, даже не имѣть случаевъ наказывать. Другими словами: чѣмъ меньше преступленій и чѣмъ они маловажныѣе, тѣмъ лучше. Что же касается до жестокости и позора наказаній, то французская пословица справедливо говоритъ: *«Le crime fait la honte, et non pas l' échafaud.* (Позоритъ преступленіе, а не казнь). Къ сожалѣнію, надо сознаться, что повсюду, съ ослабленіемъ наказаній, число преступленій не только не уменьшается, но постоянно увеличивается, далеко непропорціонально размноженію населенія. Это—фактъ неоспоримый, который подтверждается самыми достоверными статистическими цифрами. Причина такого грустнаго явленія та же нищета, этотъ всепожирающій соннякъ, котораго не хотятъ разгадать близорукіе филантропы.

Изъ отчета по министерству юстиціи оказывается, что въ 1861 году всѣхъ подсудимыхъ у насъ было 433,506 (болѣе 1860 г. на 40,306, или на 10%). Приговорено къ наказаніямъ—79,780 чел. (болѣе чѣмъ въ 1860 г. на 7,291, или на 10%). Затѣмъ, къ 1862 г. оставалось, по всѣмъ судебнымъ мѣстамъ подсудимыхъ 98,032 чел., болѣе 1860 г. на 10,403. Поэтому, если положить, что въ

теченіе 1862 г. подсудимыхъ прибыло въ прежней пропорціи, то ихъ число должно было дойти до 480,000!

Изъ числа взятыхъ подъ судъ въ 1861 г., болѣе всего обвинялось за порубку лѣсовъ, а затѣмъ за воровство-кражу. Относительно порубки лѣсовъ, число подсудимыхъ 1861 г. простиралось до 92,000 чел., болѣе 1860 г. на 22%. Что же касается до воровства, то за это преступленіе, въ 1861 году, судами вѣдомства мин. юстиціи судилось до 21,000 чел., болѣе 1860 г. на 7%.

По отчетамъ министерства внутреннихъ дѣлъ, всѣхъ случаевъ нарушенія общественной безопасности въ 1860 г. было свыше 27,000. Большую часть ихъ (20,270) составляли преступленія противъ собственности.

Если взять, наконецъ, въ расчетъ, что по военному вѣдомству ежегодно бываетъ подъ судомъ до 10,000 чел., то общее число всѣхъ подсудимыхъ доходить у насъ до *полумилльона* въ годъ, такъ что, изъ каждаго 116 чел. населенія европ. Россіи, въ теченіе года *одинъ* чел. попадаетъ подъ судъ, и чаще всего за воровство и вообще посягательство на чужую собственность! Мы уже замѣтили раньше, что въ Англіи приходится одинъ воръ на 115 жителей; поэтому англичане могутъ гордиться, что опередили насъ и въ этомъ отношеніи.

Съ экономической точки зрѣнія воровство въ разныхъ его видахъ (какъ-то: грабежъ, кража, мошенничество, лихоимство, барышничество, ажіотажъ и пр.) представляетъ болѣе или менѣе вредный способъ распредѣленія богатствъ и служить главною, постоянною причиною разстройства народнаго хозяйства. Порождая, туеядство и уменьшая производительность страны, воровство въ то же время укореняетъ нищету и поселяетъ въ рабочемъ классѣ отвращеніе отъ труда. Экономисты-англоманы, слѣдуя теоріи Милля, кромя множества неаѣностей, доказываютъ, между прочимъ, что воры не уменьшаютъ народнаго богатства, если не увозятъ украденныхъ денегъ за границу, а тратятъ ихъ дома. Если Иванъ украдетъ у Петра, положимъ, сто рублей, то хотя у одного въ карманѣ и станетъ больше, а у другого меньше, но общество отъ этого перемѣщенія денегъ нисколько не пострадаетъ, лишь бы воръ Иванъ не уѣзжалъ за границу. По теоріи Милля оказывается, что Иванъ при-

несетъ даже большую пользу обществу, если рѣшится обокрасть Петра въ ту самую минуту, когда тотъ сидитъ на пароходѣ или въ вагонѣ, съ намѣреніемъ увести въ чужія края родное золото! По этой теоріи, всякая частная покража тѣмъ прибыльнѣе для общества, чѣмъ воръ умнѣе того, кого онъ обокралъ, чѣмъ лучше его умѣетъ распораздаться деньгами и чѣмъ болѣе способенъ поощрять отечественную промышленность и торговлю! Самъ Милль положительно говоритъ, что «если расточительные люди и не такъ вредны для общества, то это благодаря только тому, что ихъ часто обманываютъ мошенники, которые болѣе ихъ бережливы.» Вотъ какъ пошло заговариваются иногда ученые, которыхъ называютъ авторитетами науки!

Кстати объ ученыхъ. Недавно г. Бабстъ, нашъ ученый политико-экономъ, торжественно отрелся отъ науки и написалъ свой разводъ съ нею въ N 123 «Русскаго Инвалида». Дѣло въ томъ, что г. Бабстъ, по какому-то роковому стеченію обстоятельствъ, ни съ того ни съ сего начинаетъ увѣрять, что экономисты, статистики, литераторы и вся болѣе или менѣе здравомыслящіе люди несправедливо утверждаютъ что военные издержки разстраиваютъ народное хозяйство. Кого желаетъ разубѣдить въ этомъ г. Бабстъ? Конечно одного самого себя. Но въ такомъ случаѣ спрашивается: зачѣмъ онъ прибѣгаетъ къ публичному самоистязанію и безцѣльному словоизверженію? Неужели за тѣмъ, чтобы заявить только свое отреченіе отъ науки и доказать, что опъ ее никогда не понималъ? Какая блажь!

Г. Бабстъ сердится на статистику за то, что она положительными цифрами убѣждаетъ каждаго, какъ дорого обходится Европѣ содержаніе постоянныхъ армій. «Европа ежегодно тратитъ на нихъ около 900 милліоновъ рублей! Выводы страшные, заставляющіе невольно задуматься и задать себѣ вопросъ—да къ чему же придется, наконецъ, Европа, когда Англія и Франція стараются, повидимому, перещеголять другъ друга въ издержкахъ на сооруженіе броненосныхъ судовъ, когда вся Европа вооружается? Какой тутъ можетъ быть успѣхъ въ народномъ хозяйствѣ, когда ежегодно тратятся безвозвратно такіа громадныя суммы?»

Эти вопросы, дѣйствительно, заставляютъ задуматься каждаго. Мы рѣшительно не понимаемъ, почему самъ г. Бабстъ, не обдумавши

ихъ, какъ слѣдуетъ, рѣшился написать статью «Войско и народное хозяйство», въ которой такъ легкомысленно отрицаетъ статистику и основные принципы общественной экономіи. Такой отчаянный мигализмъ недовольтелемъ профессору статистики и политической экономіи!

Статья г. Бабста, какъ недовольтельная шалость, съ научной точки зрѣнія не имѣетъ мималѣйшаго смысла. Авторъ на каждой строкѣ противорѣчитъ самому себѣ и, для поддержанія своего мнѣнія, прибѣгаетъ къ самой грубой софистикѣ. Другими словами, г. Бабсть разсуждаетъ въ своей статьѣ «Войско и народное хозяйство» не какъ экономистъ, а просто какъ лавочникъ-враснобай, которому вовсе неизвѣстны основные принципы общественной экономіи. Вотъ образчикъ его разсужденія. —

«Продаютъ-ли они (т. е. земледѣльцы, фабриканты и купцы) солдату или гражданину—это рѣшительно все равно, потому что *наживаются* и пользуются они и съ того и съ другого совершенно одинаково. Деньги, переходящія изъ рукъ податныхъ въ казну, переходятъ опять къ намъ же, но только другимъ путемъ. Это тѣ же самыя деньги и *почти* та же самая сумма, *ни одна копейка* тутъ не теряется»...

«Но такъ-ли это? спросать насъ, продолжаетъ г. Бабсть. Въ войско содержится все таки податями, собираемыми съ народа. Если я плачу за чтó нибудь въ своихъ ежедневныхъ сдѣлкахъ, то я въдъ также и получаю. Уплачивая же подать въ казну, я ничего не получаю, и моя подать составляетъ для меня чистый убытокъ, точно такъ же, какъ вся сумма податей, идущая на содержаніе войска, составляетъ чистую потерю для всего народнаго хозяйства. Если государство на деньги, полученные съ меня и со всѣхъ податныхъ, у насъ же и покупаетъ товаръ, то оно все-таки покупаетъ не такъ, какъ всѣ мы покупаемъ на деньги, нами же заработанныя, но покупаетъ на наши же, отъ насъ полученныя деньги. Значитъ эти деньги народъ терять».

Что отвѣчаетъ г. Бабсть на это возраженіе?

«Да, говорить онъ, народъ дѣйствительно на всю эту сумму несъ бы убытокъ, если бы всю эту сумму онъ добылъ самъ, безъ посредства государства и его заказовъ.»

Развѣ мы не имѣли основанія сказать, что г. Бабсть разсуждаетъ, какъ лавочникъ, который радуется, когда въ его городъ ставятъ на

постоя какой-нибудь полкъ, особенно гусарскій, и тѣмъ самымъ дають ему случай поживиться отъ новыхъ покупателей. Посмотрите на евреевъ въ городкахъ западныхъ губерній: съ какимъ восторгомъ они встрѣчаютъ войска и съ какимъ уныніемъ провожаютъ ихъ при выступленіи! Кто спорить! — продавцы всегда рады покупателямъ: поставьте въ какихъ-нибудь Сморгоняхъ цѣлую дивизию со штабомъ, и тамошніе лавочники будутъ благословлять васъ! Пожива и барыши—первая ихъ забота: поэтому имъ все ровно кому не продавать, лишь бы только продавать по дорогой цѣнѣ.

«Каждый продавецъ знаетъ, сколько ему приходится платить податей. Въ цѣнѣ его товара заключаются всѣ издержки производства, въ томъ числѣ и подати и, наконецъ, прибыль. Онъ, слѣдовательно, заставляетъ покупателя платить свою подать, и чѣмъ выше подать, тѣмъ дороже товаръ. Иначе никто не сталъ бы продавать, да и продавать иначе нельзя, потому что каждый производитель былъ бы въ убыткѣ, а извѣстно, что никто себя не врагъ. Получая же въ цѣнѣ товара постоянно обратно уплачиваемую подать, онъ ничего не теряетъ и подать составляетъ для него часть издержекъ производства, которыя ему постоянно уплачиваются. Не въ убыткѣ, слѣдовательно, и народное хозяйство, платящее подати, но возвращающее ихъ себя обратно въ цѣнѣ своихъ произведеній».

Опять таки г. Бабсть разсуждаетъ, какъ лавочникъ, а не какъ экономистъ, и притомъ противорѣчитъ самому себѣ. Лавочникъ, разумѣется, продаетъ свой товаръ тѣмъ дороже, чѣмъ больше платить податей и думаетъ, что ничего не теряетъ, если, взаменъ подати, получаетъ барышъ.

Но экономистъ думаетъ иначе. Онъ знаетъ, что если расчеты лавочника и вѣрны съ точки зрѣнія домашняго, частнаго хозяйства, то въ общественной экономіи они совершенно неумѣстны. Самъ г. Бабсть говоритъ, что «государство нельзя представить себѣ такимъ же отдѣльнымъ хозяйствомъ, какъ и хозяйство частнаго человѣка». Почему? потому что хотя каждый продавецъ и рассчитываетъ на чистую прибыль, но въ общемъ итогѣ оказывается, что для всѣхъ продавцевъ вмѣстѣ, т. е. для всего общества, чистой прибыли быть не можетъ. Другими словами: для общества возможенъ только *оловой* доходъ, по которому цѣна вещей и товаровъ, въ сложно-

сти, равняется издержкамъ на ихъ производство, ни болѣе, ни меньше. Мы всё продаемъ и покупаемъ другъ у друга и потому все, что беретъ каждый изъ насъ лишнее противъ настоящей стоимости вещей, въ концѣ-концевъ исчезаетъ совершенно. Иванъ беретъ барышъ съ Петра; Петръ, въ свою очередь, вводитъ этотъ барышъ въ цѣну своего товара или работы и беретъ дороже съ Федора; Федоръ поступаетъ также съ Николаемъ, который продаетъ тому же Ивану и беретъ съ него тѣмъ больше, чѣмъ дороже продавали Федоръ, Петръ и самъ Иванъ. И такъ разсчитывать на барыши, въ сущности, значить обманывать себя, потому что общество рѣшительно не можетъ наживаться отъ самого себя и на свой счетъ. Общество работаетъ на себя и для себя, и потому продажная цѣна вещей должна быть поневолѣ равна цѣнѣ настоящей, то есть суммѣ издержекъ на ихъ производство. Когда продажная цѣна превышаетъ настоящую, тогда сбытъ уменьшается и большее или меньшее число производителей должно отказываться отъ покупки тѣхъ вещей, которыя оно приготовило. «Для частнаго хозяйства, говорить г. Бабстъ, дешевизна можетъ произойти отъ уменьшенія задѣльной платы, но для народнаго хозяйства это представляеть болѣзненное явленіе». И почему? потому что, въ общемъ итогѣ, сумма задѣльной платы, которую получаютъ всё работники общества, должна опредѣлить продажную цѣну всёхъ товаровъ и вещей. Если эта цѣна выше суммы задѣльной платы, въ такомъ случаѣ рабочій классъ страдаетъ. Это—экономическая истина, которая доказывается логикой и правилами арифметики.

И такъ въ общественной экономіи, въ народномъ хозяйствѣ, валовой доходъ равенъ чистому. Народъ въ массѣ не имѣетъ никакихъ барышей, потому что брать ихъ съ самого себя положительно не можетъ. Кажется ясно. Почему же г. Бабсту вздумалось сказать, что *«народъ платитъ подати съ барышей, съ сбыта своихъ продуктовъ»*. Изъ какого экономическаго сочиненія вычиталъ онъ такую нелѣпость? Неужели изъ сочиненія Рошера? Правда, Рошеръ говоритъ много вздору, но на подобный вздоръ у него не хватитъ смѣлости: въ этомъ мы увѣрены. Мы ручаемся не за одного Рошера, не за всёхъ экономистовъ вообще. Почему же, срашивается, г. Бабсту вздумалось отрицать основные принципы той политической экономіи, которой онъ до сихъ поръ слѣдовалъ самъ и поучалъ дру-

гихъ?! Неужели, въ самомъ дѣлѣ, на него подѣйствовали многозначительныя слова Ропера, который сказалъ: «политическая экономія, чтобы добраться до истины, должна придти къ самоотрицанію»? Въ этой наукѣ многое подлежитъ отрицанію, — это правда; но зачѣмъ же отрицать все? Зачѣмъ г. Бабсту такъ увлекаться нигилизмомъ? Зачѣмъ отвергать такія истины, которыя обратились уже въ аксіомы? Напрасно, г. Бабеть, напрасно вы такъ увлекаетесь и нападаете на статистику. Безъ нея, на однихъ только фразахъ и общихъ мѣстахъ далеко уйти нельзя, особенно въ разрѣшенія вопросовъ народнаго хозяйства. Вы сами это говорите. — И такъ «не осуждайте, да не осуждены будете».

Отъ г. Бабста, не нарушая логической связи, мы можемъ перейти къ «Дешевому способу очищенія воздуха». Подъ этимъ заглавіемъ вышелъ листокъ, рекомендующій составъ изъ *древесно-унсусокислаго жельза*, уничтожающаго зловоніе воздуха. Не зная, на сколько дѣйствительно вліяніе этого состава на очищеніе атмосферы, мы не рѣшаемся безъ опыта утверждать его несомнѣнную пользу; но вполнѣ признаемъ необходимость средствъ защитить свои легкія отъ того удушающаго и вонючаго воздуха, которымъ дышетъ народонаселеніе нашихъ большихъ городовъ.

Съ наступленіемъ теплаго времени въ Петербургѣ, говоритъ авторъ вышеозначеннаго листка, ежегодно возникаютъ общія жалобы на нестерпимую вонь на черныхъ лѣстницахъ многоэтажныхъ густонаселенныхъ домовъ, на заднихъ дворахъ и на улицахъ; полицейское управленіе издаетъ свои болѣе или менѣе строгіе приказы и подтвержденія о принятіи дѣятельнѣйшихъ мѣръ для устраненія этого безпорядка; литературные органы, со свойственной каждому изъ нихъ энергіей, громятъ равнодушіе къ этому дѣлу домовладельцевъ; отъ времени до времени появляются объявленія объ изобрѣтеніи новыхъ, уничтожающихъ зловоніе составовъ. Но и жалобы дублики, и строжайшія приказанія начальства, и филишки журналовъ, и объявленія антрепренеровъ разносятся пустыми звуками въ томъ же вонючемъ воздухѣ: вонь по прежнему не переводится на дворахъ и беззащитно, среди бѣлаго дня, развозится мусорщиками по улицамъ. Упорное существованіе такого факта доказываетъ многое и въ административномъ и въ экономическомъ отношеніи: но распространяться объ этомъ считаемъ неумѣстнымъ, а лучше поощемъ причины явленія.

По нашему мнѣнію, тутъ должно быть двѣ причины.

Первая изъ нихъ — это привычное русскому человѣку равнодушіе къ качеству первѣйшихъ потребностей жизни: онъ ѣстъ что случится, пьетъ не поморщась воду изъ загнившихъ канавъ и спокойно спитъ въ

удушающей атмосферы. Конечно, средства и образованность дѣлаютъ некоторую разницу, но не болѣе какъ въ степени, и притомъ большая разборчивость соблюдается въ пищу, меньшая въ питье, а на третій элементъ для поддержанія здоровья и жизни, на чистоту воздуха, почти всѣ сословія и классы, и почти въ одинаковой степени, не обращаютъ никакого вниманія,—конечно, если не приходится задыхаться буквально. Намъ случалось встрѣчать во внутреннихъ комнатахъ самыхъ элегантныхъ домовъ, особенно въ комнатахъ дѣтскихъ, воздухъ въ такой мѣрѣ испорченный, что известный воздухопочитатель, докторъ Ш., за такой воздухъ, найденный имъ въ госпиталѣ, рассядилъ бы подъ арестъ всѣхъ своихъ ординаторовъ. А между тѣмъ слѣдуетъ замѣтить, что при сравнительно-пропорціональной испорченности, ни пища, ни питье не производятъ столь разрушительнаго вліянія на здоровье, какъ испорченный воздухъ. Безъ пищи человекъ можетъ прожить довольно долго, менѣе безъ питья, безъ воздуха умираетъ мгновенно,—въ такомъ же отношеніи стоятъ они по производимому ими вреду и при сравнительно-одинаковой своей испорченности: несвѣжая пища и испорченная вода производятъ только расстройство пищеваженія, переходящее въ удобовызлѣчимый скорбутъ; въ испорченномъ же воздухѣ развиваются губительныя тифы.

Счастье еще, что порча воздуха рѣдко и только въ исключительныхъ случаяхъ доходитъ до степени, причиняющей появленіе тяжкихъ болѣзней; обыкновенно же она производитъ измѣненія въ организмѣ, замѣтныя лишь для опытнаго глаза, развивающіяся медленно, хотя и вѣрно подготовляющія почву для будущаго созрѣнія опасныхъ и часто неизлѣчимыхъ болѣзней. Жильцы подвальныхъ этажей, особливо въ дѣтскомъ возрастѣ, и мальчики ремесленниковъ, своими блѣдными страдальческими физиономіями, представляютъ печальныя образцы медленнаго отравленія испорченнымъ воздухомъ. При такомъ важномъ значеніи чистаго воздуха для здоровья и жизни, съ перваго раза кажется непонятнымъ то равнодушіе, съ которымъ городское населеніе наше относится къ нему... Но многіе, и даже очень многіе, не понимаютъ вовсе значенія чистаго воздуха для поддержанія здоровья; другіе хотя и понимаютъ вполнѣ, но, махнувъ рукой, «да ну ихъ» говорятъ... Мнѣ встрѣтился такой образецъ: господинъ, хорошо поставленный и обставленный, отозвался, что онъ очень хорошо понимаетъ пользу воздухоочищающихъ средствъ, давно бы ввелъ ихъ у себя въ употребленіе, но что прислуга не будетъ употреблять ихъ по назначенію, а это доставитъ ему только лишнюю непріятность... На предложеніе мое одному изъ самыхъ крупныхъ домовладѣльцевъ Конюшенной улицы ввести у себя въ домъ воздухоочистеніе, онъ равнодушно отозвался, что жильцы его къ этому запаху привыкли и что вреда отъ него рѣшительно никакого нѣтъ...

Другая, и едва ли не важнѣйшая причина, препятствующая поддержанію чистоты воздуха, — это недостатокъ дѣйствительныхъ и по дѣйстви-

сти доступныхъ для общаго употребленія средствъ. При существующихъ у насъ порядкахъ домоустройства, только химическіе способы очищенія воздуха удобопримѣнимы; но изъ всѣхъ до сего времени заявленныхъ для этой цѣли средствъ, ни одно не удовлетворяетъ своему назначенію — или по своему слабому дѣйствію, или по дороговизнѣ.

Вотъ, по мнѣнію изобрѣтателя древесно-уксусокислаго желѣза, ближайшія причины того зараженнаго воздуха, которымъ мы дышемъ; но это только ближайшія, а главныя причины заключаются въ общей гигиенической обстановкѣ городской жизни. Такіе города, какъ европейскія столицы, стягивающія въ себѣ населеніе отъ 3,000,000—100,000 жителей, изъ которыхъ болѣе половины приходится на самый бѣдный, рабочій классъ, по самому устройству своему не могутъ благоприятствовать здоровью человѣка. Ну есть ли какая нибудь возможность пользоваться чистымъ воздухомъ, чистой водой и хорошей пищей громадной кучѣ людей, набивающей собой снизу и доверху сплошную массу домовъ, подваловъ и чердаковъ, на пространствѣ 6 или 7 квадратныхъ верствъ, особенно въ нашемъ климатѣ, гдѣ около семи мѣсяцевъ мы принуждены сидѣть въ закрытыхъ комнатахъ, нагрѣваемыхъ печами? Собственно говоря, мы дышемъ, въ точномъ значеніи этого слова, только нѣсколько лѣтнихъ мѣсяцевъ, когда солнечная теплота позволяетъ намъ снять съ себя тяжелыя шубы, мѣховыя шапки и разныя снаряды, придуманные для закупориванія носовъ, для обвертываніе шей и затыканія глазъ и ушей. Но откуда же намъ взять чистаго воздуха и въ это время? Архитектура нашихъ домовъ всегда славилась классической нечѣпостью, если принять во вниманіе то обстоятельство, что на одинъ сухой домъ приходится не менѣе десяти сырыхъ и затхлыхъ; внутри дворовъ, обыкновенно, соединяется все, что производитъ отраду воздуха — неопрятныя конюшни, помойныя ямы, иногда нарочно открытыя для распространенія своихъ благовонныхъ испареній и т. п. Кромѣ того мостовая наша, состоящая изъ острыхъ каменныхъ кочекъ и раскаленная отъ солнца, никогда не поливается водой; есть улицы, гдѣ кучи разнаго сору и пыли остаются въ томъ первобытномъ состояніи, въ какомъ ихъ видѣли наши отцы; на болѣе же людныхъ мѣстахъ дворники преспокойно сметаютъ пыль прямо въ глаза и на платье мимолетствующихъ; иногда пыль стоитъ столбомъ по всей улицѣ, въ 2 или 3 часа пополудни, и ее глотаютъ гуляющіе дѣти и голодные чи-

новники, бѣгущіе къ своимъ голоднымъ обѣдамъ. И при этомъ у насъ въ центрѣ города нѣтъ ни скверовъ, ни фонтановъ, и на весь Петербургъ только одинъ лѣтній садъ, но если у насъ нѣтъ фонтановъ и садовъ, за то есть Мойка и Фонтанка, отъ которыхъ несетъ запахомъ рѣшительной падали. И къ довершенію всѣхъ нашихъ благовожныхъ заведеній и привычекъ, среди столицы раскидывается Сѣнная площадь, отъ которой даже вухарки, прѣзжающія изъ Финляндіи, зажимаютъ свои носы. На эту площадь, какъ на центральный рынокъ, свозится провизія всевозможныхъ сортовъ, и надо видѣть, на какомъ грязномъ тряпѣ, среди какой вони и лужъ, раскладываются съѣстные припасы и располагается торгующій людъ. И что это за людъ?—Кривая старуха, не мытая нѣсколько недѣль, съ подбитымъ глазомъ и вырванной косой, предлагаетъ вамъ печенки и рубцовъ; другая баба, у которой трудно отличить чистоту ея рукъ отъ чистоты ея башмаковъ, кладетъ вамъ прямо своими пальцами кусокъ вареной говядины или порцію крутого киселя. А не угодно ли заглянуть въ наши мясныя лавки, гдѣ цѣлыя лужи крови и разной гадости лежатъ прямо подъ носомъ мясника. Поэтому неудивительно, если лѣтомъ, когда богатые люди разѣзжаются по дачамъ, въ городѣ встрѣчаются какія-то испитыя, больныя, зелено-блѣдныя фізіономіи, какъ будто выпущенныя на прогулку прямо изъ больницы. Почти навѣрное можно сказать, что урожденное петербургское населеніе, не пополняемое здоровыми провинціальными соками, въ двадцать пять лѣтъ совершенно оплѣшивѣло бы и осталось беззубымъ и безгрудымъ, съ опасностію превратиться въ болотныхъ моржей во второмъ поколѣніи своего потомства.

При такомъ ароматическомъ житьѣ-бытьѣ, едва ли древесно-укусокислѣе желѣзо очиститъ нашъ воздухъ. Онъ очищается вмѣстѣ съ улучшеніемъ экономическаго состоянія людей и съ образомъ жизни челоуѣка. Матеріальная обстановка общества есть результатъ его умственнаго развитія. Челоуѣкъ загнанный и глупый не любитъ кругомъ себя свѣта и чистоты, точно такъ же, какъ свинья не любитъ грѣться на зеленой травѣ, а лезетъ въ болото. Я еще недавно попалъ на такой курьезный, хотя у насъ очень обыкновенный случай: желая пообѣдать не дома, а въ трактирѣ, я пригласилъ даму и своего пріятеля раздѣлать со мной скромную трапезу въ одномъ изъ порядочныхъ трактировъ, на углу Невскаго и Литейной. Вошли мы въ особую комнату, отвратительно-грязную, но обставленную ме-

белю съ претензіей на роскошь, и выбрали себѣ обѣдъ. Намъ подали миску щей; дама наша, довольно брезгливая, посмотрѣвъ въ свою тарелку, замѣтила тамъ плавающее насѣкомое довольно гадкаго свойства и истерически поморщилась. Слугѣ было сказано, чтобъ онъ взялъ эту мерзость, и слуга преспокойно понесъ назадъ и миску и насѣкомое, не моргнувъ глазомъ. На лицѣ его можно было прочесть нравоученіе такого рода: «нашли чѣмъ брезгать; у насъ и не такія штуки сходятъ съ рукъ». Попробуйте положить недѣли на двѣ содержателя этого трактира и его повара въ древесно-уксусокислую жидкость, и будьте увѣрены, что они по-прежнему станутъ угощать васъ щами съ тараканьими ножками и крылышками... Во время своей трехлѣтней жизни за границей, я бывалъ во всевозможныхъ общественныхъ заведеніяхъ, самыхъ богатыхъ и самыхъ бѣдныхъ, и нигдѣ не привелось мнѣ встрѣтить подобной мерзости, или чего нибудь похожаго на это. Здѣсь вся разница не въ средствахъ жизни, а въ нравственномъ развитіи человѣка, въ его пониманіи. Намъ нужно не древесно-уксусокислое желѣзо, — хотя, разумѣется, и оно не мѣшаетъ, а просто человѣческое воспитаніе.

Въ этомъ отношеніи наша литература въ послѣдніе годы оказала значительныя услуги. Честные органы ея внесли нѣкоторую долю гуманныхъ идей въ общество и указали ему на многіе изъ его недостатковъ. Что не безслѣдно прошла эта литература въ нашемъ обществѣ, доказательствомъ тому можетъ служить и то, что прежніе безобразные поступки, совершавшіеся открыто, теперь стали прикрываться нѣкоторыми благовидными формами. Въ пользу исправленія говорить и тотъ фактъ, что многимъ не совсѣмъ дѣлается пріятно, когда они открываютъ свои типы и портреты въ маршетахъ «Искры», или въ «Дневникѣ темнаго человѣка». Въ добрый часъ! — и это прогрессъ! Въ самыхъ понятіяхъ замѣтна нѣкоторая перемѣна. Хлестаковы и Мордоплюхины стали разсуждать о такихъ вещахъ, которыя прежде были исключительнымъ достояніемъ Печоринныхъ и Рудинныхъ. Спасибо литературѣ и за это! Глубокое спасибо ея честнымъ дѣтелямъ, которыхъ, въ сожалѣнію, отнимаетъ у насъ или преждевременная смерть или преждевременное молчаніе.

Заключаемъ нашу настоящую хронику двумя, почти одновременными, распоряженіями правительства о прекращеніи журнала: «Время» и газеты: «Современное Слово».

ДНЕВНИКЪ ТЕМНАГО ЧЕЛОВѢКА.

Бѣлыя финскія ночи и ихъ пѣвцы.— Итальянскія ночи, созданныя для любовниковъ, а невскія—для городскихъ.— Афоризмъ М. Бурбонова.— Петербургъ лѣтомъ.— Лѣса выросшіе на улицахъ.— Разрушенныя улицы.— Участъ бѣдныхъ городскихъ дѣтей.— Городъ построенный для однихъ подагрическихъ старцевъ.— Городскіе сады.— Проектъ г. Альварда объ устройствѣ публичныхъ садовъ и Дума, отвергающая этотъ проектъ.— Русская жизнь и судьба русскихъ женщинъ.— Прогулка съ моими читательницами.— Общество въ вагонѣ царскосельской желѣзной дороги.— Отголоски общественнаго мнѣнія.— Нѣчто о *павловскомъ* журналѣ и *павловскомъ* вокзалѣ.— Публика слушающая и подслушивающая Югана Страуса.— *Преданіе* объ И. И. Излеръ. Лѣтняя пѣсня.— «Минеральныя Воды» и ихъ увеселительные вечера.— Превъзвѣдъ *Ассамблея* — теперешній *Хуторокъ*. Гулянья на островѣ *Тиволи*.— Безопасныя прогулки по Невѣ.— *Свадьба*, сцена въ стихахъ (съ натуры).— Петербургскія сомнамбулистки.— Мой первый визитъ къ ясновидящей.— Селанъ первый.— Провинціальныя извѣстія.— Цѣломудренный педагогъ въ юбкѣ.— Библия, какъ безнравственная книга для дѣтей.— Безгрѣшная классная дама — Городской голова въ училищѣ. — Исковское уѣздное училище и его обстановка.— Тамбовскій помѣщикъ и итальянка.— Сибирскій госюдь.— Для чего существуетъ въ Самарѣ общественный банкъ?— Самарскіе славяно-филы обоего пола.— Мундиръ, дающій самостоятельность. Госпиталь на Кавказѣ.— Поголовное свидѣтельство женщинъ.— Взятка новаго рода.

Май на исходѣ. Опять наступили эти ужасныя, петербургскія бѣлыя ночи.

Любезный провинціалъ! знаете-ли вы, что такое наши невскія ночи?—Я живу въ Петербургѣ, чуть-ли не съ тѣхъ поръ, какъ родился; я, какъ и другіе, былъ недоволенъ его жизнью, но наконецъ примирился въ немъ со многимъ: я помирился съ его климатомъ и журналистикой, съ однообразіемъ его улицъ и зданій, съ его вицъ-мундирами,

виц-швейцарами, виц-благотворителями и виц-литераторами. Я скоро привыкъ къ его лѣтнимъ, увеселительнымъ гуляньямъ. похожимъ на кладбища, и къ его кладбищамъ, напоминающимъ общественныя гулянья; мнѣ приглядѣлись его манежи, больницы, танцклассы, водопроводныя насыпи и ямы, марсы и камели, будочники и шарманщики. Но всему этому я привыкъ, — не могъ только привыкнуть къ его бѣлымъ ночамъ.

Господи! что это такое за ночи! Блѣдныя, болѣзненно-блѣдныя, онѣ производятъ на меня самое тяжелое впечатлѣніе. Невская ночь иначе не представляется моему воображенію, какъ въ образѣ плѣшивой, лимфатической чухонки, у которой отъ горячки выгѣзли всѣ волосы и брови, финской нимфы съ желто-сѣрыми зрачками глазъ и съ блѣдно-синими губами. Образъ, какъ видите, не красивый, но кажется, близкій къ правдѣ, и только развѣ однѣ чувствительные поэты, предающіеся лирическому запоеу, могутъ придать такому образу яркія, сиѣющія краски. Но таково уже свойство маленькихъ русскихъ лириковъ и ихъ «прекраснодушія». Мнѣ кажется, если бѣ любого изъ нихъ посадить на вертелъ и обжаривать, какъ дупела на огнѣ, то онъ непремѣнно въ это время находилъ бы особое сладострастіе въ медленномъ процессѣ обжиганія своего собственнаго тѣла.

Наши петербургскія ночи вѣдь не разъ были прославляемы поэтами, да и какъ еще прославляемы... Давно ли еще кн. Вяземскій привѣтствовалъ ихъ такъ:

Дышетъ счастьемъ,
Сладострастьемъ
Употѣльная ночь!..

Съ поэтомъ въ такихъ случаяхъ, разумѣется, спорить нельзя, — но посудите сами, какое же тутъ счастье, да еще сладострастіе!.. Если окна вашей квартиры не защищены деревянными ставнями, то наша бѣлобрысая ночь приведетъ васъ въ несомнѣнное уныніе. Поэтическое выраженіе «насъ скрываетъ *покрова ночи*» у насъ не имѣетъ смысла. Наша лѣтняя ночь, съ своими безцвѣтными, вѣчно открытыми глазами, постоянно стоитъ передъ вами на сторожѣ, какъ ревнивая баба, какъ австрійскій шпионъ...

Неподвижная, нѣмая
Ночь свѣтла, какъ день,

пѣлъ когда-то Афанасій Феть.

Кто-то изъ поэтовъ же сказалъ во время оно, что «ночи созданы для любовниковъ». У насъ въ Петербургѣ другіе порядки: наши лѣтнія ночи придуманы для городовыхъ—для того, чтобы они видѣли, что дѣлается по улицамъ города. Эта мысль принадлежит моему лучшему другу Михаилу Бурбонову, который, по собственному его признанію, питаетъ самое искреннее отвращеніе только къ тремъ вещамъ въ жизни: къ лайковымъ перчаткамъ, къ золотухѣ и къ лѣтнимъ финскимъ ночамъ. Не далѣе, какъ сію минуту, сидя у окна, онъ вскрикнулъ:

Въ лѣтнія ночи брожу я, какъ тѣнь,
Страха не въ силахъ въ себя перевозить:
Лучше ужъ мрачный аксаковский «День»,
Чѣмъ петербургская, бѣлая ночь.

Но не одними только бѣлыми ночами несносенъ Петербургъ лѣтомъ. Пользуясь лѣтнимъ временемъ, я считаю себя на этотъ разъ обязаннымъ прогуляться съ своимъ читателемъ по Петербургу и по его окрестностямъ. Я знаю, любезный читатель, что ты утомленъ зимними впечатлѣніями, спорами, проектами, протестами и проч. и проч.

Нѣтъ, отдохни отъ впечатлѣній
Отъ всѣхъ общественныхъ затѣй,
Отъ развлеченій, облегченій,
Отъ прозы и стихотвореній
И полемическихъ статей.
Забудь зиму съ ея сезономъ,
Съ ея шумливой суетой,
Газеты съ ихъ брызгливымъ тономъ —
И наслаждайся моціономъ
И петербургскою весной.

Лѣтомъ всѣ гуляютъ; отправившись на прогулку и мы съ тобой. Чтобы доказать тебѣ, что намъ непремѣнно нужно выѣхать куда нибудь за городъ — намъ стоитъ только заглянуть на петербургскія улицы.

Лѣтомъ Петербургъ рѣшительно превращается въ дикій городъ; на его улицахъ даже выросли лѣса—около вновь строящихся домовъ и магазиновъ. Невскій проспектъ измѣнилъ своей лѣтней галантерейности и заваленный кучами мусора, перерытой изъ конца въ конецъ, обратился въ пустыню. По улицамъ тянутся обозы переселяющихся на дачу жителей. Пыль и мертвая скука... Въ городѣ остаются только бѣдные чиновники и разные труженики, у которыхъ нѣтъ «лѣтняго сезона». На васъ нападаетъ тоскливое чувство. Это чувство дѣлается еще сильнѣе и болѣзненнѣе, когда въ разныхъ концахъ города, гдѣ не растетъ ни одного деревца, ни одной травки, среди пыльныхъ улицъ, покрытыхъ разбросанными камнями, щебнемъ и бревнами, вы увидите блѣдныхъ, худыхъ дѣтей, гуляющихъ и играющихъ посреди пустаго, зловоннаго проспекта.

Вы зачѣмъ тутъ, несчастныя дѣти?... |

Наша сѣверная столица построена такимъ образомъ, какъ будто бы предполагали, что въ Петербургѣ вовсе не будетъ дѣтей, а люди станутъ прямо родиться сороколѣтними старцами, для отдыха и развлеченій которыхъ достаточно однихъ кабинетовъ, клубовъ, кондитерскихъ и ресторановъ. Для бѣдныхъ дѣтей, не живущихъ вблизи Лѣтняго и Таврическаго садовъ, да нѣкоторыхъ жиденькихъ сѣверовъ, нѣтъ ни одного мѣста для прогулокъ. Обыватели, населяющіе огромное пространство города, отъ Невскаго проспекта до Коломны и отъ Невы до Загороднаго проспекта, привыкли въ лѣтнее время видѣть цвѣты только на женскихъ шляпкахъ, а зелень лишь въ однихъ кухмистерскихъ щахъ; и ихъ худосочныя, больныя дѣти, лишеныя здороваго воздуха, должны довольствоваться прогулкой по темнымъ, благоухающимъ миазмами, дворамъ или по взломаннымъ улицамъ города. Бѣдныя дѣти!..

А между тѣмъ, странно: въ самой людной части города, именно на Большой Садовой долгое время стоялъ запертымъ огромный и великолѣпный Юсуповъ садъ, который хоть и находился въ вѣдомствѣ путей сообщенія, но мѣстные жители съ нимъ никакихъ путей сообщеній не имѣли долго: въ садъ былъ запрещенъ входъ, и только одна пыль садилась на его скамейки. Наконецъ, садъ этотъ открыли недавно для публики, для дѣтей... Слава Богу! догадались хоть теперь....

Отсутствіе публичныхъ садовъ въ Петербургѣ навело г. Альварда на мысль заняться ихъ устройствомъ, и онъ высказалъ свой проектъ въ одномъ изъ засѣданій думы. Дума, не считающая за необходимость размышлять о гигиенической пользѣ такого предпріятія, проекта г. Альварда принять не заблагоразсудила. Мы, де-святъ, и безъ того среди нашихъ предпріятій блуждаемъ, какъ въ темномъ лѣсу, а тутъ еще сады!..., Вотъ что придумали!... Оно вѣдь, пожалуй, и справедливо... Дума въ это время не вспомнила, вѣроятно, о бѣдныхъ петербургскихъ дѣтяхъ.

О, дѣти, дѣти!
Идите въ думу,
Просите сумму,
Чтобъ можно эти
Творить затѣи,
Чтобъ въ новомъ скверѣ,
Покрайней мѣрѣ,
Въ тѣни аллеи
Отъ ѣдкой пыли,
Хоть на мгновенье,
Вы находили
Себѣ спасенье.

Просите же, дѣти; быть можетъ, ваша просьба подѣйствуетъ тамъ, гдѣ не имѣлъ силы проектъ г. Альварда.

И такъ—вонъ изъ душнаго, пыльнаго, полуразрушеннаго Петербурга! Отправимся куда-нибудь за городъ, на дачи, на гулянья... Какъ истинный рыцарь, я долженъ начать первую свою прогулку съ своими читательницами. Я вижу: онѣ скучаютъ, онѣ требуютъ развлеченій, требуютъ новостей.

— Что новаго? что новаго?-раздаются женскіе голоса.

На это отвѣтить и легко, и трудно, любезныя читательницы. Если бъ этотъ вопросъ касался только вашего туалета и послѣдней

парижской выкройки, то я, заглянувъ въ любой французскій, дамскій журналъ или, пожалуй, хоть въ «Модный Магазинъ», тотчасъ бы удовлетворилъ вашей любознательности. Но такъ какъ вамъ извѣстно, (а можетъ быть и не извѣстно?), что кромѣ новыхъ костюмовъ, кромѣ плащей *saute en barque*, шляпъ *margin* и корсажей *фшаро*, существуетъ политическая и общественная жизнь и разные современные, глубокіе вопросы,—то отвѣтить вдругъ въ этомъ случаѣ не такъ легко...

Милыя читательницы! вы живете въ странномъ вѣкѣ, который въ своихъ меркантильныхъ, экономическихъ работахъ совершенно забылъ разсѣвать вашу скуку какими-нибудь развлеченіями и только придумалъ для васъ двѣ вещи: кринолины и женскую эманципацію. Отъ первыхъ—вы теперь отrekliсь; послѣднею — нисколько не увлекались и смотрѣли даже на нее съ самымъ благороднымъ негодованіемъ. Вѣкъ не счумѣлъ угодить вамъ. Женщинѣ мало теперь утѣшенія въ этомъ свѣтѣ, наполненномъ разными нечесанными Базаровыми, которые только рѣжутъ лягушекъ, а на прекрасную половину рода человѣческаго смотрятъ сквозь какую-то гражданскую призму. (Разумѣется, есть и такія женщины, которымъ все это нравится; но это,—успокойтесь, *mesdames*,—это исключенія, ужасныя исключенія!..) Я совершенно вхожу въ ваше положеніе. Прежде наши женщины любили мечтать—нынче ихъ заставляютъ насильно думать; прежде онѣ просто *болтали*, теперь ихъ приглашаютъ только *говорить*. Прежде вы любили съ вашего балкона смотрѣть на луну и видѣть въ ея пятнахъ Каина, убивающаго Авеля—, теперь на луну смотрятъ дамы только въ телескопъ и въ этомъ задумчивомъ спутникѣ земли открываютъ какую-то опустошенную, безжизненную планету. Когда-то вы ночей не спали отъ «Фрегата Надежды» Алекс. Марлинскаго,—теперь надъ такими фрегатами смѣются и, указывая на разныхъ «Мониторовъ» и «Меримаковъ», не признаютъ даже «Фрегата—Паллады» И. А. Гончарова. Прежде «Героемъ нашего времени» былъ Печоринъ,—теперь герой «Нашего Времени» — Н. Ф. Павловъ. Было время, когда для васъ общество молодежи было необходимо, и вы безъ всякаго опасенія проводили въ этомъ обществѣ время; нынче не тѣ времена: нынче, желая предостеречь васъ отъ бѣды, извѣстный московскій левитъ г. Лонгиновъ съ ужасомъ говоритъ о молодомъ поколѣніи нигилистовъ, которымъ онъ грозитъ своимъ двухсотлѣтнимъ кулакомъ...

Наконецъ, милостивыя государыни, если вы обратили свой умоляющій взоръ въ ту поэтическую область, гдѣ нѣкогда Бенедиктовъ воспѣлъ ваши косы, ваши кудри—змѣйки, и тамъ никто не отзовется на призывъ вашъ. Даже поэтъ—младенецъ Одея Бергъ, который игралъ прежде въ куклы и говорилъ въ своихъ стихахъ о птичкахъ да о зайчикахъ, предался теперь новой игрѣ—игрѣ въ солдатики. Теперь онъ затянулъ такую пѣсенку: (см. Современникъ N 5).

Заграло солнышко на каскахъ, на штыкахъ,
Съ боку офицерки гарцуютъ на коняхъ...
Съ бубнами, съ трезвонами солдатики поютъ... и прч. и проч.

Все въ этомъ родѣ...

Гдѣ мы, гдѣ мы? восклицаю я вмѣстѣ съ вами, мои читательницы. Ваша женственность, ваша грація встрѣчаютъ на каждомъ шагу противорѣчiе. Вы чувствительны—надъ этимъ смѣются; вы нервы,—совѣтуютъ послать за докторомъ; вы хотите заняться магнетизмомъ и верченіемъ столовъ,—васъ посылаютъ слушать лекціи и читать Бюхнера. Вы наконецъ увѣрены, что женщины—существа слабыя, а вамъ со всѣхъ сторонъ кричатъ о вашей силѣ...

— Но что же это такое? вопіютъ читательницы. Вы хотѣли развлекать насъ, отправиться съ нами на прогулку, а вмѣсто того....

— Позвольте, mesdames! вѣрно, я такъ увлекъ васъ своей бесѣдой, что вы не замѣтили, что мы уже сидимъ съ вами въ II классѣ вагона царскосельской желѣзной дороги и пользуясь хорошимъ воскреснымъ вечеромъ, мчимся на музыку въ Павловскѣ.

Въ вагонѣ предъ нами самое разнообразное общество...

Будемъ смотрѣть мы. Вѣдь дѣло не лишнее

Лица людей изучать:

Вотъ vis-à-vis съ нами барыня пышная

Силится книжку читать;

Вотъ и дѣвица, съ чертами пріятными,

Смотритъ, краснѣя не разъ;

Вотъ старикашка—лепешками мятвыми

Подчууетъ вѣжливо насъ;

Вотъ про житье несчастливое дочкино

Шепчетъ сосѣдкѣ вдова;

Вотъ о погибшемъ изданіи Очкина

Слышны въ вагонѣ слова;
 Вотъ гувернантка съ тремя ребятишками
 Строго твердитъ: finissez!...
 Вотъ и кадетикъ съ портфелемъ и книжками,
 (Книжки казенныя всѣ);
 Вотъ и К—евкій, — его въ самомъ дѣлѣ я
 Видѣлъ, — дремалъ у окна;
 Вотъ раздушенная-сильно камелія
 Въ бархатъ и шолкъ убрана;
 Вотъ засѣдаетъ съ тупымъ равнодушіемъ
 Баринъ съ супругой самъ-другъ;
 Дальше... но стойте: мы лучше послушаемъ,
 Что говорится вокругъ.

Прислушаемся къ общему говору; вѣдь не даромъ же, въ самомъ дѣлѣ, говорятъ о нашемъ общественномъ мнѣніи.

Молчаніе. Слышно только мѣрное дрожаніе вагона. Наконецъ, кто-то заговорилъ о погодѣ.

— Le temps a l'air de vouloir se mettre au beau, произнесъ какой-то пестро одѣтый юноша съ лицомъ идютика

— J'ai peur qu'il ne pleuve! замѣчаетъ дама въ веснушкахъ, смотря въ окошко.

— Читалъ ты послѣдній приказъ? спрашиваетъ Марсъ-брюнетъ у Марса-блондина.

— Нѣтъ, а что?

— Да Вася Сбитневъ произведенъ за отличие...

— Неужто! Вотъ счастье человѣку!

— Не хотите ли мятной лепешечки, произноситъ кому-то старецъ въ теплой шапкѣ:—это, я вамъ скажу, предохраняетъ желудокъ...

— Гм! гм!.. мычитъ штатскій генералъ, слушая рассказъ наклонившагося къ нему маленькаго человѣчка въ сѣромъ плащѣ....

— Такъ, ваше превосходительство, съ этими мальчишками и надо поступать... по дѣломъ...

— Гм!..

— Много о себѣ очень думать стали...

— Гм!..

— А вотъ теперь имъ крылья подрѣзали...

— Гм!...

Блѣкнѣ-то смуглолицый господинъ съ огромными усами вынулъ папиросу.

— Здѣсь курить нельзя, замѣчаетъ кондукторъ. Для куренья есть особый вагонъ.

Папироса все-таки была закурена. Я оглянулся: молчаніе.

Да гдѣ же это общественное мнѣніе?

До самаго Павловска я слышалъ однѣ отрывочныя фразы о погодѣ, о производствахъ, о мелкихъ городскихъ сплетняхъ. Общественнаго мнѣнія ни слѣда. Впрочемъ, оно можетъ быть ѣздить въ вагонахъ *перваго класса*. И то правда. Я совершенно успокоился.

Наконецъ мы въ Павловскѣ, который я люблю не менѣе его постоянныхъ посѣтительницъ.

Когда я Павловскъ посѣщалъ,
Ему такіе слалъ привѣты:
Милѣ *павловской газеты*
Мнѣ милый *павловскій воксалъ*.

Вѣчно юный, величественный и изящный Страусъ былъ уже у шюитра съ своей волшебной палочкой. Едва появился онъ передъ многочисленной публикой, какъ раздался взрывъ рукоплесканій.

Я торжествовалъ. Я лицомъ къ лицу въ ту минуту встрѣтился съ общественнымъ мнѣніемъ.

Большая площадка передъ воксаломъ была вся покрыта движущейся массой публики. Но какъ ни блестяща эта публика павловскихъ гуляній, все же *высшій кругъ* не рѣшается появляться тамъ, а слушаетъ Страуса изъ *прекраснаго далека*. Близъ площадки воксала идетъ широкая дорога парка и вотъ здѣсь-то этотъ высшій, блестящій кругъ, подѣхавъ шаговъ на полтораста къ вокзалу, изъ своихъ великолѣпныхъ колясокъ и каретъ внимаютъ звукамъ страусовскаго оркестра. Полтораста шаговъ!

Дистанція огромнаго размѣра.

— Они здѣсь не слушаютъ музыку, а скорѣе *подслушиваютъ*... замѣтилъ мнѣ на гуляньи одинъ знакомый.

Теперь, оставивъ своихъ читательницъ въ павловскомъ саду, я перенесусь съ читателями на другія, загородныя гулянья.

Жуда же намъ отправиться теперь? Безъ сомнѣннн «на минеральныя воды». Что бы ни говорили злые языки, а И. И. Измеръ единственный нашъ лѣтннй благодѣтель, который чуть-ли не со времени Петра Великаго развлекаетъ петербургскую публику съезими чрезвычайными, музыкальными и увеселительными вечерами. Вотъ что говорить одна старая легенда...

ПРЕДАНИЕ О И. И. ИЗМЕРѢ.

Когда еще нашъ берегъ финскнй
 Не украшалъ петровскнй флотъ,
 Когда нашъ городъ исполнскнй
 Еще не выросъ изъ болотъ,
 Когда на нихъ не водрузился
 Тамъ ни одинъ еще чертогъ, —
 Разъ на рѣкѣ Невѣ явился
 Ивана Измера челнокъ.
 Закутанъ въ плащъ, весломъ онъ правилъ,
 И новыхъ мѣстъ пустынный видъ
 Его задуматься заставлялъ:
 Онъ въ даль пустынную глядитъ.

*
 * *

Поднявши вверхъ свою десницу,
 Онъ думалъ такъ:
 «Придетъ пора,
 Когда построятъ здѣсь столицу
 По мановенню Петра,
 На зло Москвѣ—столицѣ древней, —
 Тогда, (и ликъ его сиялъ),
 Тогда за «Новою деревней»
 Открою новый я воксалъ,
 Расчищу по саду дорожки,
 Развѣшу люстры, фонари,
 Разставлю статуи и плошки,
 Съ щиткомъ «Jean Jsler à Paris».
 Дамъ развлечения отъ печали
 Всѣмъ—дѣтямъ, мужу и женѣ;
 Я приглашу играть въ воксалѣ
 Оркестры Гунгля и Жене;

Развѣшу всюду вдоль простѣнка
 Разнообразный прейсъ-курантъ,
 И замѣчательный талантъ
 Найду въ семействѣ Деккеръ-Шенка;
 Для сцены я возьму цыганъ,
 Танцорокъ съ бубнами, съ трезвоншъ,
 На сцену выведу канканъ
 Съ веселой пѣсней — *фолминомъ*;
 Тамъ скорчить рядъ смѣшныхъ фигуръ
 М-г. Викторъ, комизму вѣренъ;
 И тамъ дѣвица де-Латуръ
 Споетъ намъ пѣсню: „Junge Heutzel“

*
 * *

Да будетъ такъ! тутъ Излеръ рекъ.
 Огонь сверкнулъ въ глубокомъ взорѣ;
 Онъ взялъ весло, и вновь челнокъ
 Его унесъ, качая, въ море.

Болѣе ста лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ,—но челнокъ И. И. Излера не даромъ являлся у невскаго берега. Кому не извѣстна теперь изобрѣтательность содержателя минеральныхъ водъ и разнообразіе его вечеровъ. Наши дѣды, наши отцы посѣщали его гулянья, а теперь и мы съ вами, любезный читатель, можемъ наслаждаться его празднествами. Въ чести Ивана Ивановича можно замѣтить, что репертуаръ его лѣтнихъ праздниковъ нынче очень разнообразенъ. Изъ Майнца выписанъ оркестръ музыки подъ управленіемъ Жене. Въ этомъ оркестрѣ есть даже маленькія знаменитости, какъ напр. олейтистъ Совле... Въ составѣ лѣтняго излеровскаго театра по прежнему вызываетъ рукоплесканіе талантливое семейство Деккеръ-Шенка, особенно своимъ попури изъ русскихъ пѣсень. Потомъ, французскій комикъ г. Викторъ, испанскіе, венгерскіе и французскіе танцоры, пѣвицы—все это очень разнообразно и для лѣтнихъ гуляній лучшаго состава труппы желать нельзя. За то нѣтъ ничего безобразнѣе излеровской залы. Въ огромномъ полу-темномъ корридорѣ съ толстыми, чудовищными колоннами устроены кѣлтки, называемыя ложами. Съ одного конца залы не видно и неслышно ничего, что дѣлается на сценѣ, а между тѣмъ эти ложи стоятъ отъ трехъ до девяти (!) рублей.

— Что это за баснословныя цѣны! жаловался я одному постоянному посѣтителю излеровскихъ гуляній.

— Въ этомъ больше всего виновата сама наша публика, отвѣчалъ онъ: назначьте маленькія цѣны — и никто не пойдетъ смотрѣть. Видите вы вонъ этихъ юношей въ кэпи: они здѣсь каждый вечеръ проводятъ въ этихъ девяти-рублевыхъ лежахъ, — и ничего, не жалуются... притомъ же, содержаніе этихъ гульбищъ обходится очень дорого; всѣмъ артистамъ платится огромное жалованье. О барышахъ тутъ думать нечего.

— Вообще же нужно замѣтить, сказалъ я, — И. И. Излеръ счастливый человѣкъ: ему будни не знакомы, у него лѣтомъ *ежедневные* праздники.

У всѣхъ геніевъ всегда найдется множество подражателей, а такъ какъ Излеръ несомнѣнно есть геній въ своемъ родѣ, то подражатели нашлись и у него. Но это все противники и конкуренты не страшные и далеко не опытные въ дѣлѣ «чрезвычайныхъ праздниковъ»; они всѣ погибаютъ жертвою своей подражательности. Давно ли погибла неудавшаяся «Ассанблея»? Той же участи по всей вѣроятности подвергнется вновь открытый на дачѣ Руадзе «Хуторокъ», гдѣ только и есть хорошаго, что оркестръ Эммануила Баха.

А вотъ и другое гулянье на островѣ «Тиволи» (въ Безбородкинскомъ саду) Странное дѣло! Гулянья, какъ и книги, имѣютъ свою судьбу. Вотъ напр. хоть въ «Тиволи», и новый воксалъ устроили, и большую съ стеклянною крышею галлереею для концертовъ поставили, и газовое освѣщеніе обѣщаютъ провести, и наконецъ оркестръ Лунда изъ всѣхъ силъ старается обратить на себя вниманіе публики, — а между тѣмъ немногіе рискуютъ искушать тамъ развлеченій.

Господа! хоть однажды, изъ благотворительности посѣтите островъ «Тиволи», гдѣ у входа заплатите 50 к., какъ у Излера, и за это будете слушать *только* одну музыку Лунда.

И такъ, для тихихъ лѣтнихъ увеселеній у насъ есть мѣста, гдѣ мы можемъ провести вечеръ. Если же читатель желаетъ сильныхъ ощущеній, то и въ этой бѣдѣ можно помочь ему. Съ этою цѣлью на Невѣ у лѣтняго сада устроены пристани двухъ пароходствъ *нескаго* и *слвернаго*. И то и другое пароходство можетъ въ этомъ случаѣ доставить довольно часто своимъ пассажирамъ ощущенія сильныя. Какъ извѣстно, между обоими этими пароходствами идетъ

непримиримая вражда, и вотъ одинъ случай, который доказываетъ, до какихъ размѣровъ иногда доходить ненависть промышленниковъ-конкурентовъ.

Во время бѣды, постигшей дряхлый, литейный мостъ, пароходъ «невской компаніи» стоялъ у гранитнаго спуска и чинился. Пары его были разведены для перевоза въ крѣпость. Увидя бѣдственное положеніе моста, онъ тотчасъ же подошелъ къ нему и пересадилъ всѣхъ людей, оставившихся на мосту, къ себѣ. Такъ какъ, по случаю сильнаго волненія, онъ не могъ пристать къ гранитному спуску, который до половины былъ залитъ водою, то онъ и подошелъ къ ближайшей пристани «сѣвернаго пароходства». Канатъ былъ брошенъ... Случай для выраженія вражды былъ отличный,—канатъ грубо бросили назадъ съ крикомъ: «не приставать къ чужой пристани». Перепуганные, несчастные пассажиры, жертвы семейной ненависти двухъ пароходствъ, испустили вопль... Буря межъ тѣмъ не утомляла и пароходъ былъ отброшенъ волнами отъ пристани. Сдѣлавъ кругъ, онъ опять подошелъ къ ней и, выбросивъ канаты, объявилъ, что онъ везетъ погибавшихъ людей съ флешкоутовъ.

По видимому, тутъ было не до семейныхъ неурядицъ; но не таковы новѣйшіе Гвельфы и Гиббеллины.

— Здѣсь нельзя приставать, былъ отвѣтъ: у васъ есть своя пристань. Брань, крики, слезы и просьбы женщинъ не принесли никакой пользы, и пароходъ сдѣлалъ новый кругъ посреди сильнаго волненія, и только черезъ полчаса, при помощи полиціи, пассажиры были выпущены на пристань.

Развѣ это не сильное ощущеніе?

На невскихъ яликахъ съ такимъ ощущеніемъ тоже можно познаться, и вотъ какимъ образомъ:

Недавно вечеромъ, легкій невскій пароходъ «Комета», спускаясь по Невѣ *безъ фонарей* и не подавая сигнальныхъ знаковъ, набѣжалъ на срединѣ рѣки на перевозный яликъ и разбилъ у него кормовую часть. Двое мужчинъ, одна женщина и перевозчикъ были спасены случайно проходившимъ мимо яликомъ. Пароходъ же «Комета»—говорятъ Полиц. Вѣд., *впрямую незамѣтивъ несчастія*, (вотъ что!) *никакой помощи утопающимъ не подаль.*

Совершенно неожиданно и негаданно для своихъ чтателей, я снова перенесусь теперь въ тотъ самый душный и пыльный Петербургъ, изъ котораго только что бѣжалъ безъ оглядки. Но я во-

ротился въ него, господа, не по собственному желанію, но по желанію своей причудливой музы, — (спѣшу заявить при этомъ, что по моему мнѣнію, у каждаго порядочнаго человѣка есть непремѣнно или чинъ изрядный, или муза). Эта-то самая госпожа возвратила меня въ городъ и продиктовала мнѣ свое слѣдующее, лѣтнее прозведеніе.

СВАТЬБА.

(ЛѢТНЯЯ СЦЕНА).

На Стѣной, у храма собрались зѣваки.
Что-то тутъ случилось... Вотъ женихъ во фракъ

* *
*

Вышелъ и пустился, точно вихорь, съ мѣста,
Вотъ, лице закрывши, вышла и невѣста,

* *
*

Въ платьѣ подвѣнечномъ, въ покрывалѣ бѣломъ;
Видно, впрочемъ, дама въ возрастѣ ужъ зрѣломъ.

* *
*

Плачетъ и трясется, надрывая сердце,
Такъ что не отыщеть, гдѣ въ каретѣ дверца.

* *
*

Вотъ въ карету съѣла, — слезы льются градомъ, —
Шаферъ, что-ль, родня-ли съ ней утѣлся рядомъ, —

* *
*

Смотрить изъ подлобья, пасмурно и косо:
— Ну, пошелъ скорѣе! — и стуча, колеса,

* *
*

Прыгая по камнямъ, вдругъ загрохотали,
А кругомъ зѣваки громко хохотали

* *
*

И вслѣдъ кричали: «погоняйте притчу!
Ну, ужъ свадьба, братцы! приключилась притча!»

* *
*

Я стоялъ и слушалъ. Мнѣ купецъ прохожій
Разсказалъ о свадьбѣ, на романъ похожей.

* *
*

— «Видь съ невестой этой поступили скверно.
Хоть шестой десятокъ ей пошелъ, но вѣрно

* *
*

Очень молодое въ ней сердечко билось:
Вдругъ канцеляристомъ барыня плѣнилась.

* *
*

Этотъ былъ не промахъ, — слылъ со свѣткой мамымъ,—
Видитъ — подвернулась краля съ капиталомъ.

* *
*

Влѣзъ къ ней просто въ душу, ластился, какъ кошка:
Нѣтъ-нѣтъ, да деньжонокъ выпросить не множка,

* *
*

Объщала жениться, тратилъ депозитки, —
Да и обобралъ же барыню до нитки,

* *
*

Обобралъ и понялъ... тутъ ужъ не до свадьбы,
Норовить — лишь только какъ вѣбуть удрать-бы...

* *
*

И размысливъ здраво, чтобъ бѣды не вышло,
Повернуть рѣшился онъ обратно дышло.

* *
*

Можетъ, и удралъ бы, — только на бѣду-то
Братецъ дамы этой повернулъ тутъ круто:

* *
*

Вы, де-сказать, обманщикъ, хитрый обольститель,
Такъ по той причинѣ въ церковь не хотите-ль?

* *
*

Тотъ — и такъ, и эдакъ, — видить — плохо дѣло:
— Ну, такъ повѣнчайте! отвѣчаетъ смѣло.

* *
*

Сватѣбы день назначилъ, — (выбралъ день таковскій:
Завтра вѣдь начнется лѣтній постъ, петровскій).

* *
*

Вотъ невѣста наша наняла карету,
Входить въ церковь, что же? суженаго вѣту!

* *
*

А межъ тѣмъ онъ долженъ — ужъ таковъ порядокъ —
Въ храмъ ждать невѣсту. Съ барыней — припадокъ

* *
*

Сдѣлался, — тотчасъ же къ жениху послали
Звать его на сватѣбу. Ждали, ждали, ждали...

* *
*

И пока тянулись съ нимъ переговоры,
Разныя условья, споры да покоры,

* *
*

Ночь ужъ приближалась. Наконецъ, когда же
Самъ женихъ подъѣхалъ къ храму въ экипажъ,

* *
*

Было уже поздно; объявляетъ дьяконъ:
— Бракъ вашъ отложили, и теперь никакъ онъ

* *
*

Быть свершепъ не можетъ: время протянули
До поста, а можно будетъ лишь въ іюль

* *
*

Сочетаться вмѣстѣ вамъ законнымъ бракомъ...
Вотъ вамъ и вся сватѣба!.. уличнымъ звакамъ

* *
*

Только-бъ погорлапять, — знай лишь скалять зубы,
Потому, выходить, — правы очень грубы.

* *
*

Надъ чужой бѣдою мы смѣяться можемъ,
А къ своей бѣдѣ—то рукъ мы не приложимъ...

* * *

— Что за сказка! скажете, пожалуй, мой проникательный читатель, прочитавъ эту сцену, — я очень ошибется. Я потому только и поддался наитію своей музы, что былъ увѣренъ въ ея реальности и въ плотской ея привязанности къ дѣйствительной жизни, изъ которой она постоянно черпаетъ свое вдохновеніе. Вы все таки не вѣрите? Такъ не угодно-ли будетъ прочесть слѣдующее объявленіе, напечатанное въ одной изъ газетъ нашихъ. Отъ себя я не прибавлю теперь ни слова.

«Послѣдній свадебный день передъ петровымъ постомъ озаимепо-ванъ былъ очень курьезною сватъбою на Сѣнной, въ церкви Успенія, (въ пятницу 24 мая). 52-хъ-лѣтняя женщина, имѣвшая изрядное состояніе, влюбилась въ молодого канцеляриста, который, общая на ней жениться, умѣлъ мало по малу обобрать ее совершенно, до послѣдней рубашки. У ней былъ братъ, человекъ порядочный, который, узнавъ о нищетѣ ея, взялъ ее къ себѣ въ домъ. Но мысль о земужствѣ не оставляла ее и тамъ. А какъ у брата нельзя было имѣть нѣжныхъ свиданій съ канцеляристомъ, то она однажды ночью и бѣжала отътуда. Любовью сытъ не будешь, говорить пословица,—и влюбленная дама вступила въ одинъ домъ трудолюбія, а братъ, узнавъ о несчастной ея интригѣ, убѣдилъ разными угрозами и обѣщаніями обольстителя жениться. Сватъба была назначена, какъ мы сказали, 24-го мая, и бумаги всѣ отданы были въ церковь. Извѣстно, что по обыкновенію невѣста пріѣзжаетъ тогда, когда получить извѣстіе, что женихъ уже въ церкви; но какъ у бѣдной невѣсты не было никого, кромѣ брата, то шаферовъ и не было, а женихъ просто сказалъ, чтобъ невѣста пріѣзжала въ девятомъ часу. Такъ было и сдѣлано. Но, увы! дьячокъ объявилъ, что женихъ еще по утру взялъ назадъ всѣ свои бумаги и сказалъ, что сватъба не состоялась. Братъ разсердился и уѣхалъ, а плачущая невѣста осталась въ церкви, и одна изъ подругъ взялась съѣздить къ безсовѣстному жениху, чтобъ убѣдить исполнить свое обѣщаніе. Переговоры шли долго и женихъ рѣшился поѣхать. Но уже было поздно. Свидѣтели невѣсты всѣ разѣхались, и дьячокъ объявилъ, что если посылать за ними, то наступитъ полночь и постъ, — слѣдовательно, надобно отложить сватъбу до іюля. Обманутая невѣста отправилась со сле-

зами домой; но на паперти она была утѣшена восторженнымъ приемомъ и криками, «ура!» всѣхъ окрестныхъ лавочниковъ, собравшихся на эту неудавшуюся свадьбу».

Обвините ли вы и теперь мою музу за сказочность ея лѣтней пѣсни?

«Куда жъ теперь направить путь?»

Для развлечения читателя, я хочу теперь отправиться на одинъ очень любопытный сеансъ—на бесѣду съ одной ясновидящей. Нашъ серьезный Петербургъ только съ виду кажется матеріалистомъ, а подъ рукой не прочь заняться иногда верченіемъ столовъ, потолковать съ духовидцами и медіумами, увлечься сомнамбулическими предсказаніями и проч. Не такъ давно намъ случилось прочесть такое печатное объявленіе:

«Извѣстная (?) сомнамбула дѣвица Берта, испытывавшаяся въ разныхъ городахъ и столицахъ Европы, прибывъ на дѣль въ С. Петербургъ изъ Москвы, гдѣ она ознаменовалась своими успѣхами, имѣетъ честь извѣстить здѣшнюю публику, что она даетъ сеансы у себя на квартирѣ и предлагаетъ гг. докторамъ проивзвести надъ нею нѣкоторые опыты во время ея магнетическаго сна. Успѣхи, приобретенные ясновидящею во всѣхъ краяхъ міра, позволяютъ ей надѣяться, что и здѣшняя публика не оставитъ ее также безъ должнаго вниманія.»

За тѣмъ слѣдовалъ адресъ.

Публика, дѣйствительно, почтила своимъ «должнымъ вниманіемъ» дѣвицу Бертю, которой сонъ оказался гораздо выгоднѣе всякаго трудового бдѣнія. Счастье и деньги ей улыбнулись, и она, вѣроятно, долго бы властвовала надъ многими сердцами и кошельками, если бы не вмѣшался ошкватъ, признавшій ее за шарлатанку.

Дѣвица Берта скрылась, но на ея мѣсто явилась новая ясновидящая.

Безъ сомнѣнія, ошкватъ имѣлъ полное основаніе сомнѣваться въ

медицинскихъ познаніяхъ знаменитой сомнамбулы, но съ другой стороны онѣ никакъ не можетъ отрицать остроумія дѣвицы Берты и ея послѣдовательницы.

Дѣвица Берта никогда за отвѣтами въ карманѣ не ходила. Приводятъ къ ней больного въ падучей болѣзни.

— Чѣмъ онѣ боленъ? спрашиваютъ прорицательницу.

— Животомъ: у него въ животѣ растетъ опухоль,—не затруднилась она отвѣтить.

Другая ясновидящая отвѣчала не хуже.

Является къ ней одна дама, страдавшая сильною зубною болью, и не объявляя ей своей болѣзни, попросила указать на какое нибудь средство, которое облегчило бы ея страданія.

Что жъ посоветовала ей находчивая сомнамбула?

— Пейте каждое утро стаканъ шампанскаго!

Отвѣтъ рѣшительно достойный лишь только одной тургеневской героини Авдотьи Кукшиной.

Я сдѣлалъ теперь открытіе, я нашелъ новую ясновидящую—совершенно въ новомъ ужъ родѣ. Открытіе мое особенно важно для нашей журналистики, единственно для пользы которой ясновидящая жѣнѣ подвергаетъ себя магнетическимъ сеансамъ. Ей до малѣйшей подробности извѣстно теперь будущее и прошедшее нашей литературы, и всѣмъ начинающимъ или сомнѣвающимся въ своемъ литературномъ поприщѣ, я предлагаю сходить къ ней за советомъ. Адресъ можно узнать отъ меня. Что же касается до меня, то я, въ видахъ пользы русской журналистики, буду иногда съ подробностями стенографа записывать весь ходъ ея магнетическихъ сеансовъ. На первый же разъ предлагаю:

СЕАНСЪ ПЕРВЫЙ.

Маленькая комната; шторы на окнахъ опущены. По стѣнамъ развѣшены портреты мюнхенской галлерей. Ясновидящая, вся въ бѣломъ, полулежитъ въ огромномъ креслѣ, съ закрытыми глазами. Сеансъ начинается.

Ясновидящая. Прежде чѣмъ ты будешь меня спрашивать, возьми съ этажерки номеръ С. Петербургскихъ Вѣдомостей и прикрой меня имъ...

Я. Можно взять всякій номеръ?

Ясновидящая. Нѣтъ, возьми непремѣнно или N 11 или N 15.

Я. Зачѣмъ же именно эти номера?

Ясновидящая. За тѣмъ, что въ нихъ есть статьи П. Анненкова: отъ этихъ статей сонъ мой дѣлается крѣпче... Положилъ? Теперь возьми меня за руку и начинай дѣлать вопросы...

Вопросъ. Ты вѣришь въ переселеніе душъ?

Отвѣтъ. Я вѣрю во все, что существуетъ.

Вопросъ. Въ кого теперь переселилась душа Булгарина?

Отвѣтъ. По завѣщанію, половина его души перешла въ Н. Греча, а другая половина души была раздѣлена по ровну для П. Мельникова, И. Арсеньева и Скарятина.

Вопросъ. А чья душа сидитъ въ М. Н. Катковѣ?

Отвѣтъ. Онъ купилъ ее въ Англии, а въ Москвѣ перешилъ по своей мѣркѣ.

Вопросъ. А чья душа въ И. А. Гончаровѣ?

Отвѣтъ. Онъ совсѣмъ безъ души и довольствуется однѣми корректурами Сѣверной Почты.

Вопросъ. А гдѣ душа В. Жуковскаго?

Отвѣтъ. Одинъ ея кусочекъ перешелъ въ г. Хотинскаго, который все писалъ о привидѣніяхъ.

Вопросъ. Кому являются у насъ привидѣнія?

Отвѣтъ. Скарятину и Громека: они каждую ночь видятъ Марата и Робеспьера.

Вопросъ. Кто въ русской журналистикѣ можетъ назваться самымъ главнымъ нигилистомъ?

Отвѣтъ. Аполлонъ Григорьевъ. Онъ дошелъ до высшаго отрицанія — до отрицанія самаго себя.

Вопросъ. Кто можетъ добраться до смысла его статей?

Отвѣтъ. Вѣроятно тѣ редакторы, которые печатаютъ его статьи.

Вопросъ. Существуютъ-ли бомбы отрицанія?

Отвѣтъ. Существуютъ. Одна изъ нихъ сорвала карнизъ съ дома Краевского, конгузила С. Громеку и разорвалась въ редакціи «Голоса».

Вопросъ. Чѣмъ же начинена эта бомба?

Отвѣтъ. Эпиграммами свистуновъ.

Вопросъ. Что же Андрей Александрычъ?

Отвѣтъ. Плачетъ.

Вопросъ. Почему онъ контору «Голоса» перевелъ изъ магазина Кожанчикова къ себѣ на домъ?

Отвѣтъ. Потому что у Кожанчикова онъ могъ встрѣчаться съ разными нигилистами, а это дѣйствуетъ разрушительно на его нервы.

Вопросъ. Скажи мнѣ, кого ты больше любишь изъ современныхъ поэтовъ?

Отвѣтъ. Всеволода Крестовскаго.

Вопросъ. За что же?

Отвѣтъ. За то, что онъ вовсе пересталъ писать: это очень деликатно съ его стороны.

Вопросъ. А что ты думаешь о поэтахъ: Ф. Бергъ и Н. Бергъ?

Отвѣтъ. Трудный вопросъ:

Я ихъ обояхъ едва различаю,—
Очень они межъ собою похожи:
Кто изъ нихъ лучше? — я право не знаю,
Кто изъ нихъ хуже? — не знаю я тоже.

Вопросъ. Вотъ какъ! ты пишешь стихи?

Отвѣтъ. Кто жь ихъ не умѣетъ писать? Розенгеймъ — и тотъ ихъ пишетъ.

Вопросъ. Но вѣдь у него есть юмористическій талантъ?

Отвѣтъ. Есть несомнѣнный: надъ его стихами всѣ смѣются.

Вопросъ. Можешь ли ты видѣть, что теперь дѣлается въ Москвѣ?

Отвѣтъ. Могу, только надо присмотрѣться.

Вопросъ. Ну, что жь ты видишь?

Отвѣтъ. Постой... Я вижу Каткова... онъ чему-то радуется... доволенъ. Къ нему входитъ Леонтьевъ. Катковъ подаетъ ему № Сѣверной Почты. — Что, какво?... говоритъ. — Наша взяла! — А когда мы выпустимъ апрѣльскую и майскую книжки «Русскаго Вѣстника» спрашиваетъ Леонтьевъ. — Да къ Рождеству нужно будетъ выпустить! —

Вопр. Что жь ты еще видишь?..

Отв. Я вижу полисадникъ съ березками... На скамьяхъ у стола стоятъ гг. Аксаковъ и Касьяновъ и пьютъ квасъ. Лонгиновъ, для упражненія мускуловъ, занимается на деревѣ гимнастикой. Павелъ Якушкинъ съ гитарой поетъ камаринскую... очень хорошее общество.

Вопр. А что дѣлаетъ Юркевичъ?

Отв. Беретъ уроки пѣмецкаго языка, чтобы читать Бюхнера... Но довольно, я ужъ устала... Пожалуйста отложимъ нашу бесѣду до другого раза.

Сеансъ первый былъ конченъ. Со временемъ сообщу о дальнѣйшихъ.

Мы переносимся теперь въ провинцію....

Когда то мнѣ уже приходилось говорить объ одной начальницѣ женскаго училища и вотъ для примѣра два новыхъ субъекта.

Въ одномъ казацкомъ женскомъ учебномъ заведеніи существуетъ одна высокомудная классная дама, которая, вѣроятно, тоже вышла изъ головы Юпитера.

Начала она слѣдить за преподаваніемъ въ заведеніи священной исторіи, (вѣроятно, по незамѣнимой А. Зонтагъ), и пришла въ ужасное негодованіе. Исторія ветхаго и новаго завѣта показалась ей неприличной и она взялась ее передѣлывать по своему. Напрасно педагогическую дѣвственницу увѣряли, что эта исторія одобрена для преподаванія въ учебныхъ заведеніяхъ, — она осталась неумолима и занялась сочиненіемъ своей *собственной*, священной исторіи.

Впрочемъ, это уже по части Виктора Ипатьича.

Другая классная дама оказалась безгрѣшнѣе первой. Въ одномъ женскомъ заведеніи введено было преподаваніе педагогики, и учитель между прочимъ читалъ и тотъ отдѣлъ, гдѣ говорится «о *тѣлесномъ уходѣ за дѣтьми съ момента ихъ рожденія*».

Классная дама, уже почтенныхъ лѣтъ, всплеснула руками при такихъ «ужастяхъ».

— Какъ? Что такое? Тутъ дѣвицы сидятъ, такъ сказать, агницы невинности, а вы при нихъ говорите такія слова: «грудной ребенокъ», «молоко матери» и пр. Господи! Что это за времена прищиди!...

И вотъ, по ея настоянію, педагогию урѣзали и ограничились однимъ только отдѣломъ «обученіе»...

Увы, свирѣлая начальница, какъ и многія изъ нихъ, не поняла, что она изъ простыхъ, научныхъ данныхъ дѣлаетъ какой-то запретный плодъ; а у юности, какъ извѣстно:

Запретный плодъ намъ подавай,
А безъ того намъ рай—не рай!

А вѣдь школьная жизнь ученицъ далеко не рай!...

Въ подобныхъ училищахъ не только учащимся, но и учащимъ жить бываетъ подъ часъ очень солоно. Извѣстно напр. что при женскихъ училищахъ существуютъ попечительные совѣты, гдѣ присутствуетъ и городской голова, какъ представитель города.

Межь этими головами попадаются иногда замѣчательные — затылки, (чуть-чуть не сказалъ: личности).

Въ К. женскомъ училищѣ Т. губерніи, городской голова принадлежитъ именно къ такимъ затылкамъ. Этотъ богатый и совершенно безграмотный затылокъ держитъ себя въ училищѣ самымъ возмутительнымъ образомъ. Учителямъ онъ говоритъ *ты* и ругаетъ ихъ со всѣмъ краснорѣчіемъ уѣзднаго будочника. Съ смотрителемъ училища обращается, какъ прямой его начальникъ, и не велѣлъ начальницѣ пускать его въ училище, (смотрителя-то)! Придетъ къ нему по дѣламъ службы учитель—онъ дальше лакейской его не допускаетъ. Опредѣленіемъ и увольненіемъ учителей онъ распоряжается по личному усмотрѣнію.

— Но вѣдь есть уставъ,—говорятъ ему,—окружное начальство, дирекція...

— Знать ничего не хочу! У меня своя воля... у меня знакомство въ Петербургѣ...

А въ Петербургѣ у него только и есть одна знакомая, да и то не очень сильная: русская-гласность.

Рядомъ съ этимъ самодуромъ мы можемъ поставить ректора семинаріи города В. Этотъ ректоръ, темными путями добившійся расположенія мѣстнаго начальства, неистово самодурствуетъ съ учениками семинаріи. Такъ однажды ему пришла бѣшенная мысль ис-

включить изъ семинаріи 20 воспитанниковъ, изъ которыхъ нѣкоторымъ до окончанія курса оставалось только полгода,—онъ тотчасъ же привелъ свою мысль въ исполненіе. Родственники исключенныхъ думали подать жалобу, но кому? Ректоръ былъ въ то же время и главнымъ членомъ консисторіи, гдѣ онъ себя оградилъ отъ всякихъ нападеній. Такъ все и осталось безъ послѣдствій.

Аркадія, счастливая Аркадія кругомъ!..

Загляните изъ любопытства въ псковское городское училище и посмотрите, какъ дума заботится о томъ, чтобъ «наука юношей питала». Факты и цифры весьма любопытныя. Слушайте:

Смотрителю въ годъ выдано на учебныя пособія—2 р. 40 к.

Деньги, назначенныя въ графѣ на мебель, только и остались въ графахъ смѣты.

Училище имѣетъ только одну классную доску.

Въ двухъ классахъ одинъ стулъ.

Въ младшемъ классѣ *возсе нтъ стола.* (!?)

Отсутствіе стола вызвало переписку. Смотритель писалъ о столѣ директору гимназіи, тотъ—въ губернское правленіе, губернское правленіе—въ Думу. Дума дала такой отвѣтъ: такъ какъ недавно, де-скать, сгорѣли мясныя лавки, то стола... негдѣ взять...

И не жди — не будетъ.

Стола нѣтъ и до сихъ поръ: учитель засѣдаетъ у окошечка.
О, Аркадія, счастливая Аркадія!..

Пусть твой смѣхъ не просыпается,
Въка злобный сатана:
Всюду, всюду разливается
Просвѣщенія ѡлна.

*
**

Исправляютъ дамы классныя
Катехизисъ—для дѣвиць;
Самодуры первоклассныя
Ждутъ опоры изъ столицъ.

*
**

Нигилисты непотребные
 Изгоняются кругомъ:
 Заведенія учебныя
 Обратились въ «Мертвый домъ».

* *
 *

Гласность — прежнее страшилище
 Всемъ прѣялась въ краткій срокъ;
 Въ классныхъ комнатахъ училища
 Нѣтъ ни стульевъ, ни досокъ.

* *
 *

Первобытное ученіе...
 Педагоги, розогъ свистъ...
 Всюду, всюду просвѣщеніе
 Встрѣтить русскій прогрессистъ!

Но мы не будемъ останавливаться и пойдемъ дальше. На этотъ разъ намъ попадается на встрѣчу тамбовскій помѣщикъ У... (ну, мы такъ и будемъ звать его—«У!...») Съѣздивъ для смягченія своего права за границу, онъ вывезъ изъ Италіи нѣсколько ругательныхъ, итальянскихъ словъ и молодую дѣвушку—итальянку, которую онъ взялъ для хожденія за своимъ ребенкомъ. Прошло нѣсколько времени: итальянская наставница не пришлась по нраву тамбовскаго дигаря. За какой-то недосмотръ за ребенкомъ У!! поступилъ съ ней такимъ образомъ: ее сослали въ людскую и оставили въ одномъ только платьѣ, отнявъ все остальное имущество. Несчастливая дѣвушка была въ самомъ ужасномъ положеніи: одинокая, разлученная съ далекой родиной, она должна была быть игрушкой татарскаго самодура. Положеніе ужасное!.. Къ счастью, въ ея судьбѣ принялъ участіе одинъ настройщикъ. Она просила его переслать письмо къ своимъ роднымъ и отдать сосѣдней помѣщицѣ г-жѣ П. итальянскій адресъ, для перевода на русскій языкъ.

Въ глазахъ *барина* это было уже бунтомъ. Узнавъ о письмѣ, онъ велѣлъ отвести итальянку къ помѣщицѣ П., нарядивъ ее въ какую-то шинель, и затѣмъ рѣшительно отказался отъ всякой заботы о дальнѣйшей участи бѣдной дѣвушки. Еслибъ не помощь сосѣдей, устро-

ившихъ въ ея пользу концертъ, она не имѣла бы никакой возможности возвратится въ свое отечество.

Вотъ какъ благотворно подѣйствовала на тамбовскаго помѣщика поѣздка за границу!..

Нѣтъ, вѣрно, воздухъ итальянскій
И благовонный теплый югъ,
Въ тебѣ, российский нашъ курдюкъ.
Не размягчаютъ нравъ славянскій.

Сибирь—край богатый,—говорять у насъ еще многіе и думаютъ, что тамъ мужики гребутъ золото лопатами, а между тѣмъ «Тобольскія губерніи. вѣдомости» говорятъ о совершенно противномъ: въ тобольской губерніи свирѣдствуетъ голодъ. Въ приходѣ одного священника умерло съ голоду шестнадцать чело^вкъ. Крестьяне кандинскаго участка, не получивъ хлѣба, просили о дозволеніи выдавать имъ, какъ и инородцамъ, хлѣбъ изъ казеннаго запаснаго ма^газина. На эту просьбу отвѣтили такимъ любопытнымъ рѣшеніемъ: «.....не признается необходимымъ принимать особыя мѣры къ усиленію казенныхъ запасовъ хлѣба, для продовольствія крестьянъ кандинскаго участка, такъ какъ они могутъ (?) и должны обезпечить себя; находя, что вообще всякое заготовленіе хлѣба, дѣлаясь извѣстнымъ жителямъ, поселяетъ въ нихъ надежду на пособіе и усиливаетъ еще болѣе безпечность ихъ къ предупрежденію нужды собственными средствами; при этомъ поручается мѣстному начальству имѣть наблюденіе, чтобъ изъ казенныхъ ма^газиновъ, служащихъ для обезпеченія продовольствія собственно инородцевъ, не было продаваемо хлѣба другимъ жителямъ (что же имъ ѣсть во время голода?) и внушить (это, какъ извѣстно, аллегорическое слово), чтобъ они, не полагаясь на запасы въ магазинахъ, озаботились заблаговременно объ обезпеченіи себя и семействъ своихъ пріобрѣтеніемъ его отъ вольныхъ продавцевъ».

Что жъ остается дѣлать крестьянамъ?

Между строкъ мы должны читать: *умирать съ голоду!*

— Для чего существуетъ въ городѣ Самарѣ общественный банкъ?

— Разумѣется, для вкладовъ.

Такъ думаютъ вообще всѣ; такъ думалъ объ этомъ въ Самарѣ одинъ отпускной рядовой. Явившись съ деньгами въ банкъ, онъ узнаетъ тамъ, что банкъ отъ солдатъ не принимаетъ вкладовъ. Иди, де-свать, ты недостоеиъ такой чести!»

А между тѣмъ, посмотрите на самарцевъ съ другой стороны.

— Мы любимъ нашъ народъ! кричатъ они съ голоса Ю. Самарина. Мы патриоты, мы славянофилы!

Въ доказательство этого они устраиваютъ у себя благотворительный спектакль. Публика, проклявшая фраки и парижскія моды, является въ театрѣ въ національныхъ костюмахъ: мужчины въ русскнхъ кафтанахъ, дамы въ сарафанахъ. Любовь къ *милому* русскому народу читается на всѣхъ лицахъ.

— Ну, а какъ же на счетъ вклада рядоваго? спрашиваемъ мы у самарцевъ.

— А рядоваго мы все таки не допустимъ быть вкладчикомъ нашего общественнаго банка! отвѣчаетъ хоръ поддевокъ и сарафановъ.— Атанде!..

Ну, и слава вамъ!..

Что городъ—то норовъ, что деревня—то обычай.

Въ то время, какъ самарскіе граждане и гражданки облакаются въ до-петровскіе костюмы, — харьковская коммиссія по преобразованію городского управленія придумываетъ другіе наряды для городского общества. Коммиссія эта отдѣльной брошюрой издала свои соображенія, въ которыхъ ищетъ средство для поддержанія самостоятельности и достоинства городскихъ властей.

— Вамъ недостаетъ чего-то существеннаго, говорить комиссія, а именно—вамъ недостаетъ.... (чего бы вы думали?) — мундира.

Вслѣдствіе такихъ тонкихъ соображеній, всѣ члены общей и распорядительной думы, всѣ представители городского управленія награждены высокимъ классомъ должностей и *мундиромъ*.

Теперь Рубиконъ перейденъ. Съ мундиромъ поздравляемъ васъ, господа!

На Кавказѣ, кромѣ Казбека, воспѣваемаго многими поэтами, и полудикахъ женщинъ, плѣняющихъ Я. П. Полонскаго, есть еще больницы и госпитали. Въ одинъ изъ такихъ госпиталей поступилъ на службу одинъ молодой медикъ, съ полнымъ желаніемъ быть честнымъ и полезнымъ чиновникомъ, но на первомъ же своемъ дежурствѣ — онъ испыталъ «прожиганье жизни».

Вотъ что онъ самъ говорилъ о своемъ дежурствѣ.

«Въ первый же день, какъ мнѣ приходилось дежурить, я рѣшился добросовѣстно исполнить эту важную, но сдѣлавшуюся вездѣ пустою формальностью, обязанность».

— «Пища кладется у насъ въ котлы въ 4 часа утра», — сказалъ мнѣ комиссаръ.

— «Очень хорошо, — велите меня позвать въ 4 часа утра».

«На другой день въ половинѣ пятаго я былъ въ темномъ, сырomorphicейхаузѣ. Помощникъ смотрителя, при тускло-горящей свѣчкѣ, уже сидѣлъ надъ грудами кроваваго мяса; вокругъ суетились въ поныхахъ и съ топорами въ рукахъ, съ грязными фартухами и окровавленными руками, различныя усатыя лица.

«Говядина оказалась очищеною отъ всѣхъ жирныхъ частицъ и, по вѣсу, полупудомъ меньше положеннаго количества. Я говорю объ этомъ комиссару.

— «Что дѣлать—скотъ вездѣ теперь худой, а что не достаетъ—то мы доложимъ», отвѣчалъ онъ, съ маленькимъ пренебреженіемъ посматривая на привязчиваго медика. «Да наконецъ, ваше дѣло свидѣтельствовать только качество, а не количество, — добавилъ онъ; — количество — это дѣло дежурнаго офицера.

— «А въ хлѣбѣ черномъ много песку—и онъ не допеченъ, замѣтилъ я.

— «Хлѣбъ доставляется съ *линии* не на одинъ госпиталь, и ужъ былъ свидѣтельствуемъ.

— «Капуста черная, и воняетъ.

— «Въ это время она всегда черная, и пр.

«Не поладивши съ упрямымъ комиссаромъ, я взялъ кусочекъ хлѣба, мяса, капусты и аккуратно, при самомъ печальномъ рапортѣ, доставилъ эти вещи въ контору госпиталя.

«Но прежде чѣмъ я получилъ отвѣтъ, главный докторъ встрѣтилъ меня разъ на улицѣ и, окинувши уничтожающимъ взглядомъ, сказалъ:

— «Ну что вы думаете съ вашими рапортами? Неужели вы не слышали, что васъ ожидаетъ за это геройство—ну, прогонимъ изъ госпиталя—и баста. Откомандируемъ туда, откуда не услышатъ вашихъ рапортовъ.

«Зачѣмъ главный докторъ отеческимъ тономъ совѣтовалъ мнѣ взять рапортъ назадъ. Я не взялъ!» — Сбывается грустная пословица: одинъ въ полѣ не воинъ.

Но вотъ фактъ, сообщаемый кишиневскимъ корреспондентомъ «Голоса». Какъ ни привыкли мы ко многимъ явленіямъ русской жизни, но передъ этимъ невольно приходимъ въ ужасъ.

Въ Хотинскомъ уѣздѣ, въ какомъ-то оврагѣ найденъ мертвый младенецъ, завязанный въ рогожку. Засѣдатель и врачъ рѣшили, что онъ *незаконнорожденный* (?), недавно рожденъ и *убитъ матерью* (?)

Что ребенокъ былъ недавно рожденъ—это рѣшить не трудно, но почему онъ незаконнорожденный? почему онъ убитъ матерью? какимъ откровеніемъ узнали это врачъ и засѣдатель?

Но въ своихъ догадкахъ они были твердо увѣрены и рѣшились непремѣнно отыскать преступницу. Какія же мѣры они приняли для этого? А вотъ какія, слушайте: они просто на просто *освидѣтельствовали* всѣхъ *вдовъ* и *двушекъ* въ окрестностяхъ. Варварскій

поступокъ этотъ привелъ ихъ только къ тому заключенію, что преступницы все таки не оказались.

Что вы на это скажете, мои добрыя читательницы?

Есть люди, которые изъ всего умѣютъ извлечь выгоду, какими бы дѣломъ они ни занялись. Къ числу такихъ талантовъ-самородковъ принадлежитъ и г. президентъ земскаго суда. Вотъ что говорить объ этомъ талантѣ «Воронежскій Листокъ»: «Вслѣдствіе правилъ закона о распоряженіи о призывѣ временно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ на службу, ихъ слѣдовало выслать въ губернской гонимый слѣд. требовалось объявить, чтобы всѣ такіе нижніе чины, (отличенные особымъ цвѣтомъ бумаги или выданныхъ билетовъ), явились въ станъ къ такому-то числу, откуда будутъ отправляться далѣе.—Но президентъ Л. распорядился иначе. Скачущіе разсыльные земскаго суда и г. президентъ объявили въ селеніяхъ, не исключая и резиденцій станowych приставовъ, чтобы всѣ безъ различія нижніе чины со всею ихъ амунициею явились бы немедленно въ присутствіе суда, откуда въ тоже время отправляться на службу. Нечего и говорить, что приказаніе было исполнено съ буквальною точностью. Не смотря на краткость даннаго срока, каждый изъ служивыхъ бросилъ свои недоконченныя занятія, домъ, семью, хозяина, у котораго нанимался, и шелъ по требованію; но что же изъ этого вышло? По мѣрѣ явки нижнихъ чиновъ въ земскій судъ, каждый предъявлялъ билетъ и, по отобраніи *посильной лепты*, въ среднемъ выводѣ 20—50 н. с. отпускался домой, безсрочный (съ краснымъ билетомъ) какъ непризываемый—окончательно, а временно-отпускной (съ желтымъ билетомъ)—на недѣльный срокъ; были отсрочки и продолжительнѣе, но тогда жертвоприношеніе восходило до *двухъ карбованцевъ*, какъ называютъ серебряные рубли президентъ Л., что естественно привилось и къ его подчиненнымъ; а какъ всѣхъ нижнихъ чиновъ оказалось до четырехсотъ, то итогъ постановленной пошлины составилъ довольно крупную цифру, краснорѣчиво убѣждающую, что Л. не лишень финансовой изобрѣтательности, и что при возможности умѣетъ извлечь для себя существенную пользу; а съ тѣмъ вмѣстѣ доказываетъ намъ, что и нынче совершаются подобныя *продажи*...

о б ъ п з д а н і и ж у р н а л а

„КНИЖНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

ВЪ 1863 ГОДУ.

Трехлѣтнее изданіе «Книжнаго Вѣстника» убѣдило насъ, что онъ сдѣлался необходимою для образованныхъ людей полною ознакомившихся съ цѣлю и направленіемъ журнала. Въ настоящее время, когда выходитъ такъ много книгъ и журналовъ, подобный органъ необходимъ. Онъ заявляетъ о всѣхъ вновь выходящихъ русскихъ книгахъ и брошюрахъ, и вообще о замѣчательныхъ явленіяхъ въ литературѣ и книжной торговлѣ; сообщаетъ краткій, точный и безпристрастный отзывъ не только о русскихъ, но и иностранныхъ книгахъ; передаетъ вѣрный смыслъ, духъ и направленіе журнальныхъ статей, обращающихъ на себя, въ какомъ нибудь отношеніи, особое вниманіе. Такимъ образомъ «Книжный Вѣстникъ» избавляетъ отъ труда слѣдить за всѣми журналами и объявленіями о книгахъ, и даетъ возможность читать статьи и приобрѣтать книги только дѣйствительно замѣчательныя.

Участвовать, преимущественно, въ составленіи *рецензій* о книгахъ и въ *выборъ замѣчательныхъ журнальныхъ статей, съ изложеніемъ сущности ихъ, выдѣленія, будутъ тѣ же лица*, которыя приняли это на себя и въ настоящемъ году; а именно: *Д. В. Авркіевъ, В. П. Безобразовъ, Ю. М. Богусевичъ, А. П. Вишняковъ, Г. Н. Геннадіи, Я. О. Ивановскій, Н. С. Лпсковъ, О. В. Мальчевскій, В. Н. Мажовъ, П. А. Мулловъ, А. П. Пялковскій, А. К. Руммель, Ю. П. Симашко, П. Г. Славинскій, С. П. Славутинскій, Ф. Г. Толль, О. Н. Шилль, Г. Т. и В. Шишкины, П. К. Щербальскій* и другіе. Наши постоянныя усилія будутъ клониться къ тому, чтобы довести журналъ до той степени значенія и полноты, которой желаютъ сочувствующіе нашему изданію.

Покорнѣйше просимъ гг. издателей, въ видахъ обоюдной пользы, присылать свои изданія *немедленно* по выходѣ въ редакцію, чтобы дѣлать о нихъ своевременныя заявленія. Мы съ своей стороны, *помѣ* заявленія, готовы *выполнять* всѣ справедливыя требованія. Вообще редакція предлагаетъ посредничество между покупателями, книгопродавцами и издателями.

Подписка принимается въ конторѣ журнала, въ *С.-Петербургѣ*, при книжной торговлѣ *Сеньковского* и К^о, а также въ Печатахъ и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ. Цѣна въ годъ за 24 номера: **2 руб. 50 к.**, съ пересылкою **3 р.**; въ полгода **1 р. 40 к.**, съ пер. **1 р. 75 к.** Выписывающіе отъ насъ книгъ одновременно на сумму **25 руб.** получаютъ «Книжный Вѣстникъ» **бесвозмездно**; подписавшіеся на «Книжный Вѣстникъ» до 1 марта 1863 г. получаютъ, въ видѣ приложенія, **каталогъ** русскимъ книгамъ.

Редакторъ **Н. Сеньковский.**

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

У ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИГОПРОДАВЦЕВЪ

ДУМЫ И ПѢСНИ

Д. Д. МИНАЕВА

И

ЮМОРИСТИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

ОБЛИЧИТЕЛЬНАГО ПОЭТА

(**ТЕМНАГО ЧЕЛОВѢКА**).

Цѣна 1 р. 25 к., съ пересылкою 1 р. 75 к.

Продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ:

ЮМОРИСТИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

ГЕЙНЕ ИЗЪ ТАМБОВА.

Цѣна 60 к., съ пересылкою 85 к.

ГОСПОДИНУ РЕДАКТОРУ ЖУРНАЛА «РУССКОЕ СЛОВО» (*).

Я прочиталъ въ № 2 «Русскаго Слова» нападчивую статью (attaque), которой я послужилъ предметомъ.

Отвѣтъ мой будетъ коротокъ и я вызываю васъ напечатать его въ ближайшемъ № журнала.

Въ июнѣ 1859 г. (а вовсе не «недавно», какъ вы утверждаете), какой-то господинъ (individu) обратился къ комиссіонеру моего дома въ Парижѣ, книгопродавцу Эмилю Мелье (Meillier), съ просьбою отправить въ Петербургъ, чрезъ посредство моего книжнаго магазина, и опять *me* *большой* *лицомъ*, какъ вы ошибочно говорите, а всего тѣжъ въ 15 фунтовъ вѣсомъ, за провозъ котораго причталось, полагая по 10 коп. съ фунта, 1 р. 50 коп. При этомъ неизвестный господинъ заявилъ, что тѣжъ адресуется на имя нѣкогого г. Нанискаго, который явится за полученіемъ и уплатитъ расходы за провозъ.

Русскіе, провадомъ бывающіе въ Парижѣ и имѣющіе сношенія съ моимъ домомъ, часто обращаются съ подобными просьбами къ г. Мелье, который потому-то и не встрѣтилъ никакого неудобства исполнить и эту просьбу — и тѣжъ, въ указанное выше время, былъ доставленъ вѣстѣ съ другими посылками.

Считаю умысленнымъ сказать, что г. Мелье получилъ отъ меня разъ навсегда формальное приказаніе не высылать на имя моего книжнаго магазина подобныхъ посылокъ, предварительно не повѣривъ и не исключивъ изъ нихъ сочиненій, въ Россіи непопозволенныхъ. И именно такъ поступили съ вашими путешествіемъ; если вы непремѣнно желаете, то я назову вамъ заглавія сочиненій, которыя онъ хотѣлъ отправить въ Петербургъ, на имя вымышленнаго получателя (я вызываю его свести меня съ г. Нанискимъ, который долженъ былъ принять посылку). Вотъ эти-то самыя сочиненія г. Мелье и держалъ у себя впродъ до распоряженія, и ихъ то дѣйствительно безуспѣшно требовалъ изъ моего книжнаго магазина вашъ путешественникъ или его посланный.

Ваши читатели, можетъ быть, выразятъ удивленіе и вопросъ: отчего это вы только по простствіи четырехъ лѣтъ вступаетесь за дѣло вашего путешественника? Въ случаѣ такого вопроса я сообщу объясненія.

Подписано: С. Дюфуръ, придворный книгопродавецъ.

(*) Печатается по распоряженію С. Петербургскаго Цензурнаго Комитета.

ОБЪЯСНЕНІЕ Г. КНИГОПРОДАВЦУ ДЮФУРУ.

Возраженіе г. книгопродавца Дюфура противъ замѣтки «Темнаго челоѵка» признаетъ неблаговидный характеръ по тѣмъ средствамъ оправданія, которыя г. Дюфуръ употребляетъ въ настоящемъ дѣлѣ. Доказательствомъ того, что въ числѣ книгъ, переданныхъ для пересылки Эмилю Мелье, не было запрещенныхъ, можетъ служить между прочимъ и то обстоятельство, что спустя годъ Мелье утверждалъ, что книги отправлены въ Петербургъ; это онъ говорилъ тому лицу, которое поручило ему книги, въ присутствіи двухъ другихъ лицъ, *которыя могутъ подтвердить дѣйствительность этого факта*. Если парижскій комиссіонеръ г. Дюфура, черезъ годъ послѣ принятія книгъ, ^{сдѣлалъ} *дѣлалъ*, что онъ посланъ по своему назначенію, то значить онъ считалъ ихъ ^{сдѣлалъ} *незапрещенными*. Если же онъ, по приказанію г. Дюфура, удержалъ ихъ у себя, то какое право онъ имѣлъ не возвратитъ ихъ тому лицу, которое черезъ годъ являлось къ нему справиться о книгахъ. Мы не думаемъ, чтобъ право конфисковать чужія книги могло принадлежать какому нибудь книгопродавцу, даже въ Парижѣ. Намъ кажется, что гораздо добросовѣстнѣе со стороны Мелье было бы вовсе отказаться отъ принятія книгъ, если онъ находилъ ихъ запрещенными, или по прошествіи года возвратитъ ихъ собственнику, чѣмъ принимать на себя вовсе несвойственную Мелье и г. Дюфуръ роль чѣсто-полицейской власти.

Не менѣе страннымъ кажется и то противорѣчіе, которое дозволялъ себѣ Эмиль Мелье въ своемъ показаніи объ отсылкѣ книгъ, которыя, какъ оказывается изъ словъ г. Дюфура, остались въ Парижѣ. Кому вѣрить — комиссіонеру или его патрону — мы не беремся рѣшить этого.

Что же касается до вопроса г. Дюфура: «отчего это вы только по прошествіи четырехъ лѣтъ вступитесь за дѣло вашего путешественника? — редакция, прежде чѣмъ услышитъ объясненія г. Дюфура, должна объяснить свое собственное побужденіе.

Въ прошломъ декабрѣ мы получили письмо отъ И. М. Я—ва *), изъ м. Николая, Екатеринославской губерніи слѣдующаго содержанія: въ ноябрѣ 1864 года г. Я—въ отправилъ по почтѣ деньги — 16 р. 50 к. для того, чтобы магазинъ г. Дюфура передалъ эти деньги въ контору «Русскаго Слова» на подписку журнала. Прошелъ годъ, и г. Я—въ не получилъ ни денегъ обратно, ни журнала, ни даже отвѣта отъ г. Дюфура на нѣсколько запросовъ о томъ, куда дѣвались деньги. Такимъ образомъ г. Я—въ оставался цѣлый годъ безъ денегъ и безъ журнала. Когда Редакция потребовала отчета отъ магазина г. Дюфура, тогда оказалось, что деньги забыли представить въ контору журнала даже тогда, когда объ этомъ нѣсколько разъ напоминалъ г. Я—въ. Вотъ точная копія съ письма его, котораго оригиналъ есть у г. Дюфура.

Г. Дюфуръ!

«Нѣсколько разъ требуя у Васъ отчета о полученныхъ Вами моихъ деньгахъ—16 р. 50 к., высланныхъ въ вашъ магазинъ въ ноябрѣ 1864 года на высылку мнѣ журнала «Русское Слово», я не могъ получить никакого отвѣта.

Редакция же журнала «Русское Слово» мнѣ пишетъ, что деньги Вами получены. Всѣ эти причины заставляютъ меня отказаться отъ вашего магазина, и прошу передать деньги немедленно въ Редакцію «Русскаго Слова».

Неужели и въ этомъ случаѣ г. Дюфуръ станетъ оправдываться какими-нибудь запрещеніемъ? Вотъ этотъ—то случай и напоминаю вамъ о книгахъ того путешественника, который имѣлъ неосторожность повѣрить ихъ г. Мелье, тѣмъ болѣе, что вообще отношенія большинства нашихъ столичныхъ книгопродавцевъ къ провинціаламъ не многими разнятся отъ того, какъ понимали торговлю въ средніе вѣка, при существованіи кулачнаго права. Еще недавно, напримеръ, мы получили письмо отъ одного изъ своихъ подписчиковъ (М. А. К—на, со станціи Камышкертъ), который жалуется отъ 19 апрѣля 1863 г., что имъ были посланы въ декабрѣ 1862 г., въ магазинъ г. Н. Овсянникова деньги на выписку «Русскаго слова», и онъ по 19 апрѣля не получалъ ни одной книжки журнала. Не получалъ же онъ ихъ по той простой причинѣ, что г. Овсянниковъ въ дѣлѣ этихъ денегъ по ихъ назначенію и только, послѣ нѣсколькихъ напоми- наній со стороны конторы «Русскаго Слова», удовлетворилъ требованіе г. К—на. Тотъ же г. Овсянниковъ точно также поступилъ съ другими мнѣ на сѣ * подписчиками. (изъ гор. Черновца съ г. М—нымъ). Случаи эти постоянно встрѣчаются, и надо удивляться терпѣнію и снисходительности провинціаловъ въ ихъ довѣріи къ такимъ книгопродавцамъ.

Отъ Редакціи.

* Не успѣвъ испросить позволенія поставить здѣсь полное имя И. М. Я—ва, мы надѣемся, что въ случаѣ надобности получимъ это позволеніе, а теперь довольно указать только на самый фактъ, тѣмъ болѣе, что онъ хорошо извѣстенъ г. Дюфурѣ.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

Украинскія оповиданья. Олекси Стороженка. На Малороссійскомъ языкѣ, два тома. СПБ. 1863 г. ц. 1 р. 50 к. съ пер. 2 руб.

Физиологическія письма Карла Фогта. Выпускъ 1-й въ 214 стр. съ 34 рисунками. СПБ. 1863 г. ц. 1 р. съ пер. 1 50 коп.

Физиологическія картины. Соч. Бюхнера; пер. С. Усова М. 1863 г. ц. 1 р. 50 коп. съ пер. 2 р.

Общая естественная исторія насекомыхъ. Соч. Кэбри и Спенсъ; перев. А. Мина М. 1863 г. ц. 2 р. 50 к. съ пер. 3 руб.

Естественное право или философія права Ф. А. Шиллинга, перев. М. Купустина (Гражданское право) М. 1863 г. ц. 1 р. съ пер. 1 р. 25 к. Тоже 1-й выпускъ ц. 75 коп. съ пер. 1 р.

Исторія Цивилизаціи въ Англіи. Соч. Вокля перев. К. Бестужева-Рюмина Томъ 1-й въ двухъ частяхъ. СПБ. 1863 г. ц. 2 р. 50 к. съ пер. 3 р. 50 (часть 1-я и 1-й выпускъ 2-й части выдаются) отдѣльно за каждую часть по 1 р. 50 к. съ пер. по 2 руб.

Крестовый походъ Императора Фридриха II. В. Бильбасова. СПБ. 1863 г. ц. 1 р. съ пер. 1 р. 50 к.

Исторія среднихъ вѣковъ въ ея происхожденіи и изслѣдованіяхъ новѣйшихъ ученыхъ М. Стэнли. Томъ 1-й (476—771 г.) СПБ. 1863 г. Большой томъ въ 800 стр. съ картою ц. 1 р. 50 к. съ пер. 2 р. 25 коп.

Календи переходіе. Сборникъ стиховъ и изслѣдованіе П. Безсонова съ нотами и рисунками. Выпускъ V-й М. 1863 г. ц. 1 р. съ пер. 1 р. 50 к. того же изданія выпуски I, II, III и IV по 1 р. за выпускъ, съ пер. по 1 р. 50 к.

большихъ тома М.

р. съ пер. 32 р.

Акты относящіеся къ исторіи Южной и западной Россіи томъ 1-й (1361—1598 г. дѣла по внутреннему устройству Государства и Церкви, Юридическаго быта, управленія, торговли и проч.) СПБ. 1863 г. ц. 2 р. съ пер. 3 руб. то же томъ III-й (2-й еще печатается) ц. 3 р. съ пер. 4 р. 50 к. томъ IV (Дѣла Малороссійскаго Казачества при Гетманствѣ Ивана Выговскаго). Всѣ три тома изданы подъ редакцію Н. Костомарова. СПБ. 1863 г. ц. 2 р. съ пер. 3 р.

Документы для исторіи. Дипломатическихъ сношеній Россіи съ Западными Европейскими державами отъ заключенія Всеобщаго Міра въ 1814 году до конгресса въ Веронѣ въ 1822 г. Изданіе Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, два большихъ тома. М. 1823 г. ц. 12 р. съ пер. 16 р.

Акты Археологической Экспедиціи 4 тома ц. 10 р. съ пер. 14 руб.

Акты историческіе пять томовъ, ц. 10 р. съ пер. 14 р.

Дополненія къ актамъ Историческимъ 8 томовъ ц. 16 руб. съ пер. 22 руб.

Акты относящіеся до Исторіи Западной Россіи пять томовъ ц. 10 р. съ пер. 14 руб.

О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, современное сочиненіе Котошихина 2 изданіе СПБ. 1862 г. ц. 1 р. 50 к. съ пер. 2 руб.

Сказаніе Иностранныхъ писателей о Россіи. Томъ 1-й, ц. 2 р. съ пер. 3 руб.

Акты Юридическіе ц. 2 р. 50 к. съ пер. 4 руб.

Акты относящіеся до Юридическаго быта древней Россіи томъ I-й ц. 2 р. съ пер. 2 р. 50 к.

Новгородскія писцовыя книги 2 тома ц. по 2 руб. за томъ съ пер. по 3 р.